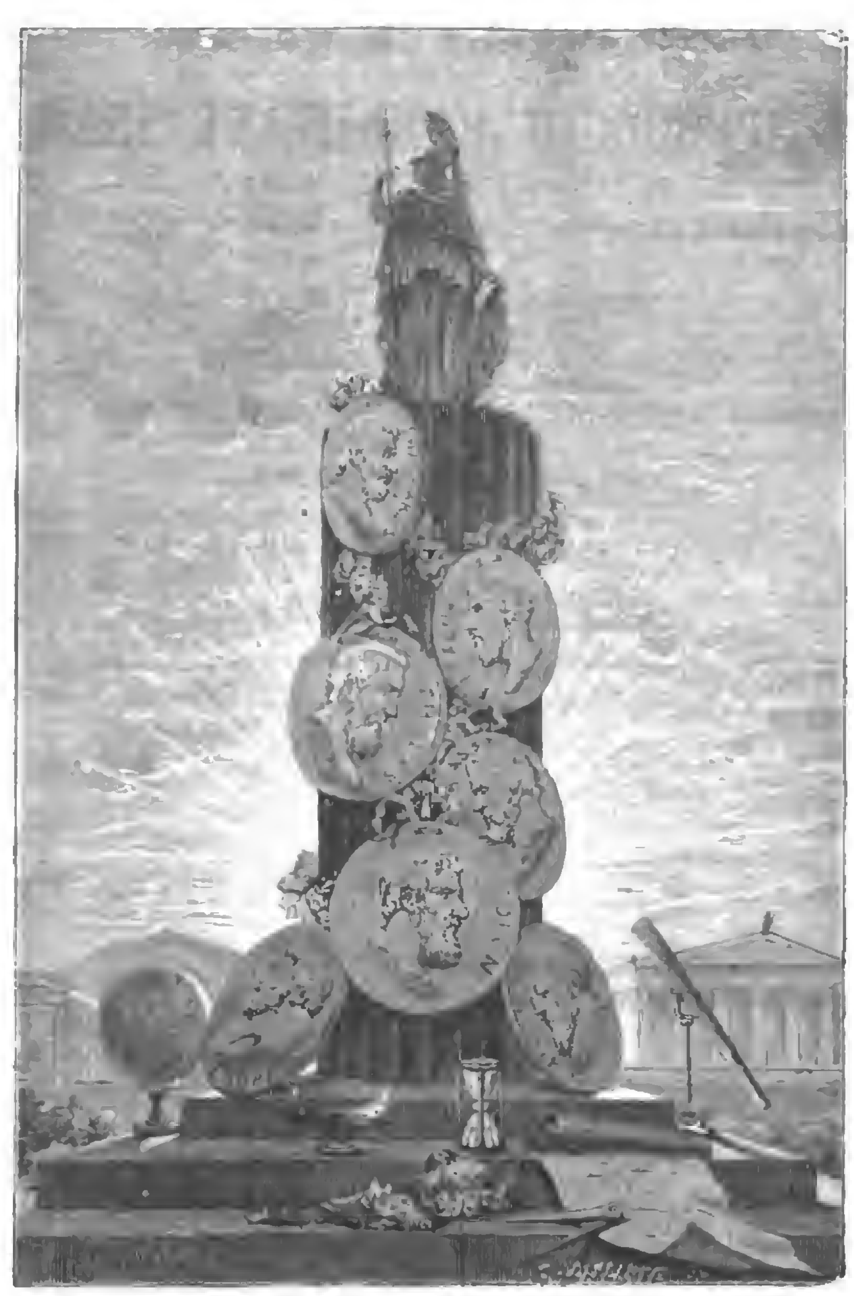
СВѢТИЛА НАУКИ

УЧЕНЫЕ ДРЕВНОСТИ.

СЕМЬ ГРЕЧЕСКИХЪ МУДРЕЦОВЪ ИЛИ ЗАРЯ НАУКЪ.

СВѢТИЛА НАУКИ

ОТЪ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Жизнеописаніе знаменитыхъ ученыхъ и краткая оцѣнка ихъ трудовъ.

сочиненіе **ЛУИ ФИГЬЕ.**

Съ тридцатью восмью портретами и гравюрами,

снятыми съ древнихъ памятниковъ гг. ВЕРАСЪ, ДЕ БАРЪ и др.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

подъ редакціею Н. СТРАХОВА.

ВЕЛИКІЕ УЧЕНЫЕ ДРЕВНОСТИ:

Ѳалесъ. — Пиѳагоръ. — Платонъ. — Аристотель. — Иппократъ. — Ѳеофрастъ. — Архимедъ. — Эвклидъ. — Апполоній. — Иппархъ. — Плиній. — Діоскоридъ. — Галенъ. — Птоломей и Александрійская школа.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.*

МОСКВА, *Кузнецкій Мостъ, домъ Рудакова.*

1869.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, Д. № 59.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Странно, что въ новѣйшей литературѣ никто не подумалъ соединить въ одномъ сочиненіи біографіи ученыхъ. Были обнародованы сборники, содержавшіе *жизнеописанія святыхъ, великихъ полководцевъ, живописцевъ, музыкантовъ* и т. д. Но никто еще, ни въ Россіи, ни заграницей, не вздумалъ разсказать публикѣ жизнь всѣхъ великихъ представителей науки.

Въ настоящее время, если требуется узнать обстоятельства жизни какого-нибудь естествоиспытателя, физика, астронома, инженера, то приходится разыскивать, не существуетъ ли гдѣ біографіи даннаго лица. Но эти документы рѣдки и сбивчивы относительно всѣхъ ученыхъ, жившихъ до среднихъ вѣковъ. Притомъ, не всегда легко достать ихъ, и тогда приходится довольствоваться какимъ-нибудь *біографическимъ* или *энциклопедическимъ* словаремъ. Эти сборники, безъ сомнѣнія, достойны всякаго уваженія; они полезны количествомъ собранныхъ въ нихъ именъ; но относительно біографій ученыхъ они совершенно недостаточны по краткости посвященныхъ имъ статей, по сухости изложенія, наконецъ, по отсутствію однороднаго критическаго взгляда, такъ какъ содержащіяся въ нихъ біографическія свѣдѣнія писаны различными лицами.

Принимаясь за дѣло, довольно трудное по своей обширности и необычайному разнообразію: описать жизнь и оцѣнить труды людей, знаменитѣйшихъ во всѣхъ отрасляхъ наукъ, мы увѣрены, что трудъ нашъ пополнитъ значительный пробѣлъ въ ученой литературѣ.

Жизнеописаніе свѣтилъ науки, какъ намъ кажется, занимательно для всякой публики.

Физикъ, химикъ, естествоиспытатель, инженеръ, необходимо должны знать жизнь основателей науки, которою они занимаются, а также основателей наукъ вспомогательныхъ той, которая составляетъ ихъ спеціальность.

Свѣтскіе люди, слышащіе безпрестанно въ разговорѣ имена Пиѳагора и Аристотеля, Иппарха и Галена, Гутенберга и Христофора Колумба, Альберта Великаго и Раймонда Люллія, Коперника и Кеплера, Галлилея и Ньютона и т. д., будутъ довольны возможностью прочесть, и въ случаѣ нужды справиться, съ біографіями всѣхъ этихъ славныхъ мужей, біографіями, написанными добросовѣстно и съ нѣкоторою заботою о литературной формѣ.

Съ другой стороны, какой лучшій предметъ для чтенія и изученія предложить юношеству, какіе лучшіе примѣры представить ему, какіе болѣе краснорѣчивые уроки дать для его ума и сердца, какъ не жизнь этихъ безсмертныхъ личностей, чести человѣчества, воплощенія трудолюбія и постоянства въ добродѣтели? Въ гимназіяхъ и дома, существуетъ вѣковой обычай давать воспитанникамъ читать Плутарховы *Жизнеописанія знаменитыхъ людей*, для образованія юныхъ поколѣній возвышенными уроками нравственности, справедливости и доблести. Учащееся юношество всѣхъ возрастовъ, читая *Жизнеописаніе свѣтилъ науки*, найдетъ столь же возвышенные примѣры. Оно научится познавать добродѣтель, геній и честь въ лицѣ безсмертныхъ проповѣдниковъ и творцовъ науки.

Такимъ образомъ, предпринятый нами трудъ отвѣчаетъ многимъ потребностямъ, онъ долженъ оказать услугу многимъ ученымъ и любителямъ наукъ.

Рядъ жизнеописаній ученыхъ отъ древнихъ временъ до девятнадцатаго вѣка, изложенный просто въ хронологическомъ порядкѣ, не выполнялъ бы вполнѣ предположенной нами цѣли. Этимъ отдѣльнымъ этюдамъ недоставало бы связи. Поэтому намъ казалось необходимымъ передъ каждой группой біографій помѣстить *Историческую картину состоянія наукъ* въ разсматриваемую эпоху. Благодаря этому *обзору*, или *исторической*

картинъ, читатели, такъ сказать, присутствуютъ при зарожденіи и развитіи наукъ, отъ ихъ начала до девятнадцатаго вѣка.

Если готовая, созданная наука драгоцѣнна по извлекаемымъ нами изъ нея выгодамъ, то необычайно интересно слѣдить въ исторіи за развитіемъ создающейся науки.

Данныя, на которыхъ древняя философія предприняла свои труды, и наслѣдство положительныхъ знаній, завѣщанное ею послѣдующимъ поколѣніямъ; — препятствія, которыя встрѣчалъ на своемъ пути средневѣковый ученый, драматическая борьба, которую онъ долженъ былъ выдерживать противъ нетерпимыхъ богослововъ того варварскаго времени; соціальныя условія, въ которыя были поставлены ученые эпохи Возрожденія, когда они выполняли свои безсмертные труды и приготовляли драгоцѣнные матеріалы для благороднаго зданія наукъ; — окончательное созданіе нашей научной системы, основавшейся наконецъ въ семнадцатомъ столѣтіи на двойномъ базисѣ опыта и возродившейся философіи: — вотъ зрѣлища, вполнѣ достойныя занять вниманіе и возбудить сочувствіе читателей! Не безъ интереса станутъ они слѣдить за развитіемъ нараждающейся науки; слѣдить за тѣмъ, какъ она идетъ ощупью, мужаетъ и измѣняется съ каждымъ вѣкомъ; какъ порою ученики уклоняются отъ пути учителя, но въ цѣломъ всѣ уклоненія вознаграждаются и всегда черезъ нѣкоторый промежутокъ времени получается равнодѣйствующая успѣха.

И такъ, сочиненіе, предлагаемое нами публикѣ, въ сущности есть исторія наукъ, отъ ихъ зарожденія до ихъ новѣйшихъ успѣховъ. По формѣ, это рядъ біографій, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, біографій, въ которыхъ являются передъ нами великіе ученые отъ Ѳалеса до Лавуазье, отъ Аристотеля до Бюффона; о каждомъ читатель узнаетъ главныя обстоятельства, сопровождавшія его рожденіе, воспитаніе, жизнь, и прочтетъ критическую оцѣнку различныхъ трудовъ, которыми этотъ ученый способствовалъ успѣху человѣческихъ знаній.

СОСТОЯНІЕ НАУКЪ

ВЪ ДОИСТОРИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Чтобы хорошо понимать труды и жизнь древнихъ ученыхъ, величавые ряды которыхъ мы собираемся обозрѣть съ нашими читателями, нужно прежде всего отказаться отъ предубѣжденій и привычекъ современной науки. Чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ знаменитыхъ мужей Греціи, Египта и Рима, нужно понимать, въ чемъ состояла наука во времена ея перваго пробужденія. Древность никогда не знала того рода ученыхъ, которыхъ мы называемъ *спеціалистами*. Избрать отдѣльную вѣтвь познаній, стараться воздѣлывать ее и довести до процвѣтанія, отдѣливъ ее отъ общаго ствола, дававшаго ей соки и жизнь; быть чистымъ математикомъ и оставаться совершенно чуждымъ астрономіи, физикѣ, литературѣ, искусствамъ, — вотъ чего никто бы не могъ понять въ тѣ времена. Философы того времени не старались сосредоточить свои усилія исключительно на какой-нибудь одной отрасли познаній; они старались завладѣть всѣмъ деревомъ науки.

Вотъ почему геніи древности всегда такъ многосложны. Безъ сомнѣнія, большая часть наукъ была тогда въ зачаточномъ состояніи; но каковы бы онѣ ни были, древніе философы были знакомы со всѣми ими. Они пользовались одними, чтобы вносить свѣтъ въ другія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигали результатовъ, которые возбуждаютъ удивленіе, если мы примемъ во вниманіе, какъ слабы и невѣрны были доступныя имъ научныя данныя, какъ мало средствъ было въ ихъ распоряженіи.

Правда была эпоха, подготовленная громадными предшествовавшими трудами, когда въ Греціи на мгновеніе показались спеціальности. Но—удивительное явленіе!—всѣ они соединялись въ одномъ человѣкѣ: то былъ Аристотель. Аристотель первый перечислилъ, раздѣлилъ и классифицировалъ науки, утвердилъ каждую въ ея особой области и въ ея надлежащихъ предѣлахъ. Но нужно ли замѣчать, что въ этомъ раздѣленіи, произведенномъ усиліями одного ума, въ сущности не было полнаго обособленія? Установляя каждую науку отдѣльно, Аристотель не могъ не сообщить ей жизни и свѣта, которыя она должна получать отъ другихъ наукъ, а въ его обширномъ умѣ они всѣ были сосредоточены!

Но гдѣ Аристотель заимствовалъ этотъ свѣтъ, сіяніе котораго руководило его въ созиданіи его гигантской энциклопедіи? Въ тѣхъ многочисленныхъ трудахъ, которыя уже были совершены греческимъ геніемъ, съ тѣхъ поръ какъ наука принесла свои первые цвѣты подъ небомъ Іоніи; въ той обширной, нѣсколько безпорядочной, но переполненной богатствами философской энциклопедіи, которую раскрываютъ передъ нами книги Платона. Прибавимъ, что въ силу своего генія, творческаго по самой сущности, Аристотель также много извлекъ изъ самого себя. Онъ почерпалъ свои идеи изъ результатовъ своихъ собственныхъ изслѣдованій, простиравшихся во всѣхъ направленіяхъ и оплодотворяемыхъ его могучими размышленіями, особенно съ тѣхъ поръ, какъ разставшись съ академіей Платона и вынесши изъ его преподаванія все, что̀ нашелъ нужнымъ, онъ сталъ повѣрять опытомъ, умножать наблюденіемъ и разсѣкать анализомъ всѣ разнообразные элементы, входившіе въ философію. Ибо способность вѣрно судить у Аристотеля была равна спобности вѣрно видѣть. Соединяя въ себѣ оба великіе дара, почти всегда раздѣленные, онъ обладалъ геніемъ въ одно и то же время въ высшей степени положительнымъ и въ высшей степени метафизическимъ.

Поэтому, когда явился наконецъ во всемъ величіи многосложный плодъ сорокалѣтнихъ трудовъ, неустанно совершаемыхъ при помощи столь энергическихъ дарованій, то эта была минута ни съ чѣмъ не сравнимая, не только въ ученой Греціи, но можно сказать, въ научной исторіи всѣхъ народовъ. Мы не станемъ здѣсь

перечислять многочисленныя сочиненія безсмертнаго философа; но мы можемъ сказать, не предвосхищая похвалъ, которыя будутъ ему воздаиы въ его біографіи, что изъ всѣхъ наукъ, установленныхъ имъ, одни вышли изъ его рукъ до такой степени совершенными, что къ нимъ потомъ ничего не было прибавлено, другія же, способныя, по самой своей природѣ, и къ развитію и къ прогресу, такъ вѣрно были имъ утверждены на истинныхъ основаніяхъ, что потомъ никто не пытался измѣнить эти основанія.

„Ничто существующее, говоритъ Цицеронъ, не происходитъ вдругъ; всякая вещь представляетъ постепенное происхожденіе и возрастаніе.“ Это замѣчаніе столь же вѣрно въ отношеніи къ созданіямъ духа, какъ и къ произведеніямъ вещества. Обширныя познанія Аристотеля доказываютъ, что познанія его предшественниковъ не были совершенно пусты и ничтожны; развитая наука предполагаетъ, что до нея была наука зачаточная.

Эти-то зачатки философіи, эти первыя понятія точныхъ наукъ — мы и постараемся отыскать и прослѣдить въ людяхъ, работавшихъ до Аристотеля и подготовившихъ его появленіе и торжество. Въ то же время мы попытаемся воскресить предъ собою самихъ этихъ философовъ, излагая то, что́ сохранили намъ древніе авторы и преданія относительно ихъ жизни и личности.

Жизнь этихъ великихъ людей, преданныхъ служенію наукѣ, не чужда приключеній и даже драмъ, нерѣдко потрясающихъ По этому случаю мы не повторимъ выраженія Кузена, что „философія зародилась въ крови и слезахъ.“ Мы не думаемъ, что для того, чтобы сдѣлать ее интересною, нужно преувеличивать число ея жертвъ. Одна жертва достаточна, чтобы предать поношенію потомства всякую власть, посягающую на свободу человѣческой мысли. Но нужно признаться, что, по свидѣтельству исторіи, если исключить Анаксагора, осужденнаго на смерть Ареопагомъ и спасеннаго Перикломъ отъ исполненія приговора, и Аристотеля, добровольно изгнавшаго себя изъ Аѳинъ, послѣ смерти Александра, чтобы избѣжать политическихъ враговъ, — смерть Сократа не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ греческой и римской древности. Но послѣ древнихъ временъ, Молохъ, жаждущій крови свободныхъ мыслителей, дѣйствительно пожралъ не мало жертвъ. Въ средніе вѣка и даже до семнадцатаго столѣтія, —

сколько людей погибло мечемъ или огнемъ, искупая идеи, которымъ даже не ставили въ вину то, что это были философскія идеи, и которыхъ все преступленіе состояло въ несогласіи съ идеями властвовавшихъ! Сколько костровъ было сожжено, сколько мукъ вынесено изъ-за простыхъ теологическихъ споровъ, или изъ-за нелѣпыхъ подозрѣній въ волшебствѣ и магіи!

Въ древности истинными врагами ученыхъ и философовъ были—общее невѣжество народа, нѣкоторые предразсудки, — напримѣръ тотъ, по которому нельзя было прикасаться къ трупамъ, — наконецъ, необходимость покидать отечество, чтобы искать познаній въ отдаленныхъ мѣстахъ, въ извѣстныхъ семействахъ, наслѣдственно сохранявшихъ ихъ преданіе, какъ монополію, или въ храмахъ, гдѣ жрецы ревниво скрывали ихъ.

Эти путешествія, предпринимаемыя въ чистомъ интересѣ науки, не были притомъ дозволены каждому, а чего они стоили иногда философамъ, которые могли позволить себѣ эту роскошь!

Чтобы получить нѣкоторыя свѣдѣнія отъ египетскихъ жрецовъ, Пиѳагоръ долженъ былъ стать самъ жрецомъ и подвергнуться сперва долгому и строгому искусу въ храмахъ. Спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, попавши въ руки персовъ, завоевавшихъ эту страну, онъ былъ уведенъ ими въ Вавилонъ, какъ часть добычи Камбиза!

Демокритъ, потративши большую часть своей долгой жизни въ ученыхъ путешествіяхъ по Египту, Азіи и островамъ Архипелага, воротился въ Абдеры богатый наукою и годами, но вовсе безъ денегъ. Любовь къ наукѣ стоила ему всего его имущества. Его сограждане примѣняютъ къ нему законъ, карающій дѣтей, расточившихъ свое наслѣдство, и долгое время онъ считается въ глазахъ абдеритянъ безумцемъ за тотъ образъ жизни, который онъ ведетъ.

Если бы нужно было присоединить другія имена, то мы указали бы на Ктезіаса изъ Книда, на Демокеда изъ Кротоны, — двухъ ученыхъ и знаменитыхъ врачей, которые были призваны ко двору восточныхъ деспотовъ и удержаны въ плѣну именно по причинѣ своей учености и тѣхъ услугъ, которыя можно было изъ нея извлечь!

Вотъ каково было въ началѣ греческаго общества положеніе философовъ, даже тѣхъ, которые были настолько богаты, что могли путешествовать и искать познаній во всѣхъ иноземныхъ святилищахъ. Дѣла шли такимъ порядкомъ въ шестомъ и пятомъ вѣкѣ до христіанской эры, то есть въ то самое время, когда іонійская школа блистала всѣмъ своимъ блескомъ, и въ Великой Греціи основывалась школа Пиѳагора. Слѣдовательно, можно себѣ вообразить, чтó дѣлалось до этой славной эпохи, въ тотъ долгій періодъ, который ознаменованъ появленіемъ такъ называемыхъ *семи мудрецовъ!* Чтó могъ тогда сдѣлать человѣкъ наилучше одаренный для науки, въ особенности если къ другимъ препятствіямъ, останавливавшимъ его на каждомъ шагу, присоединялась бѣдность! Единственное, чтó ему оставалось, — уйти въ самого себя, изучать человѣческую природу по своей собственной и повторять съ Віасомъ, однимъ изъ семи мудрецовъ Греціи: *я все ношу съ собою*.

Но то, чтó носилъ Віасъ, не могло доставить никакихъ элементовъ полезныхъ для науки, какъ мы ее понимаемъ теперь. Наука у древнихъ *мудрецовъ* была совершенно внутренняя философія, мало чѣмъ отличающаяся отъ чистой морали, — элементъ, который мы принуждены исключить изъ нашего біографическаго сборника, такъ какъ ему невозможно приписать никакого значенія въ исторіи научнаго прогреса.

Впрочемъ бѣдность, какъ намъ кажется, не составляла для философа древнихъ временъ болѣе значительнаго препятствія, чѣмъ общее невѣжество народа. Нетолько философъ не могъ ждать никакой помощи отъ своихъ современниковъ, но каждый еще старался обидѣть его и помѣшать ему. Обыкновено люди не уважаютъ трудовъ, результатъ которыхъ не извѣстенъ заранѣе. Они охотно смѣются надъ всѣмъ, чтó выше ихъ разумѣнія; иногда они этимъ тревожатся. Приключеніе Демокрита не единственное въ своемъ родѣ, и примѣры подобнаго рода можно найти не въ одной невѣжественной древности. Не мало ученыхъ, въ нашъ вѣкъ прогреса и просвѣщенія, нашли абдеритянъ въ своихъ друзьяхъ, а въ особенности въ своемъ семействѣ. Народное невѣжество—есть безъ сомнѣнія, великое зло, отъ котораго страдала древняя фило-

софія гораздо болѣе, чѣмъ отъ рѣдкихъ покушеній, которыя дѣлала противъ нея общественная власть.

Школа, основанная Θалесомъ въ Іоніи, предварила и подготовила философію Сократа и Аристотеля,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но, въ свою очередь, школа Θалеса сама должна была быть подготовлена идеями и наблюденіями, заимствованными отъ предъидущихъ вѣковъ.

Эта умственная генеалогія требуется логическою необходимостію; но, ища прямыхъ доказательствъ для нея мы приходимъ въ большое затрудненіе. Въ самомъ дѣлѣ, мы здѣсь вовсе лишены достовѣрныхъ документовъ. Исторія молчитъ, да и первый историкъ, сочиненія котораго дошли до насъ, Геродотъ, писалъ только въ пятомъ вѣкѣ до Р. X. Онъ могъ, правда, почерпать указанія изъ какихъ-нибудь предшествовавшихъ ему писателей; но эти предшественники, которыхъ мы едва знаемъ по имени, не могли доставить ему хорошихъ свѣдѣній относительно фактовъ научнаго порядка, т. е. тѣхъ именно, которыхъ происхожденіе намъ хотѣлось бы знать.

Итакъ, если мы будемъ держаться однихъ свѣтскихъ писателей, то нужно обратиться къ Геродоту за свѣденіями относительно неопредѣленно-долгаго періода, который мы называемъ *доисторическимъ*. Геродота намъ рекомендуютъ и его прекрасныя качества, за которыя собравшаяся Грецiя присудила ему названіе *отца исторіи*. Его упрекаютъ въ нѣсколько наивномъ легковѣріи, но никакъ не въ недостаткѣ правдивости и искренности.

Впрочемъ, можетъ быть его легковѣріе не подвергалось такимъ частымъ злоупотребленіямъ, какъ обыкновенно говорятъ. Геродотъ разсказываетъ много басенъ, которыя онъ вынесъ изъ своихъ разговоровъ съ египетскими жрецами, басенъ, главнымъ образомъ относящихся къ глубокой древности ихъ законовъ, религіозныхъ обычаевъ и династій. Но, если онъ передалъ намъ химерическія преданія, то съ другой стороны онъ собралъ множество фактовъ, несомнѣнно достовѣрныхъ, не смотря на характеръ чудеснаго, дѣлающій ихъ подозрительными для современной критики. Не нужно забывать, что Египетъ былъ страною чудесъ, и что правда, относящаяся къ этой странѣ, вездѣ въ другихъ странахъ показалась бы баснословіемъ. Возьмемъ примѣръ.

ГЕРОДОТЪ.
По древнему бюсту Неаполитанскаго музея. Рисунокъ находится въ *Греческой Иконографіи* Висконти.

Если бы пирамиды, которыя послѣ столькихъ вѣковъ все еще возвышаютъ свои гигантскія массы въ долинахъ Мемфиса и Ѳивъ, не существовали, кто изъ нынѣшнихъ читателей не сталъ бы недовѣрять разсказамъ Геродота? Конечно, нашлись бы критики, которые на основаніи всякаго рода доказательствъ стали бы оспаривать огромные размѣры этихъ сооруженій, для существованія которыхъ, повидимому, такъ мало было поводовъ, что ихъ дѣйствительное назначеніе до сихъ поръ составляетъ предметъ спора ученыхъ.

Существуетъ впрочемъ историческій памятникъ, который четырьмя или пятью вѣками старше творенія Геродота: мы говоримъ о Библіи, или точнѣе о пяти первыхъ книгахъ Ветхаго Завѣта, о такъ называемомъ *пятикнижіи*. Но безразсудно было бы примѣшивать къ обкновенной исторіи ссылки на факты исторіи народа, находившагося подъ непосредственнымъ управленіемъ Бога. Библія разсказываетъ, что порядокъ природы былъ часто нарушаемъ чудесами, дѣйствіемъ сверхъестественныхъ силъ, непостижимыми для нашего разума. Мы поступимъ правильно, если не будемъ въ настоящемъ случаѣ смѣшивать область науки съ областью религіи.

Кювье однако же, въ своей *Исторіи естественныхъ наукъ*, почелъ нужнымъ упомянуть Моисея. Онъ считалъ законодателя евреевъ ученымъ натуралистомъ. Хотя основанія этого сужденія слабы, но его нельзя вполнѣ отвергнуть.

Моисей, человѣкъ высокаго генія, получившій свое образованіе отъ египетскихъ жрецовъ, долженъ былъ обладать наукою, хранившеюся въ египетскихъ храмахъ. Народъ, котораго главою и руководителемъ онъ былъ, также долженъ былъ вынести нѣкоторыя познанія изъ страны, которую онъ покинулъ. Іудеи, ставъ идолопоклонниками на берегахъ Нила, сдѣлали въ пустынѣ золотаго тельца, и раздраженный Моисей расплавилъ нечестивое изображеніе. И та и другая операція предполагаютъ извѣстныя познанія или владѣніе нѣкоторыми химическими пріемами.

Моисей, въ своей пламенной и даже кровавой реакціи противъ идолопоклонническаго настроенія своего народа, отнялъ у него вкусъ къ изящнымъ искусствамъ. И науки мало процвѣтали у евреевъ. Поэтому трудно найти въ древности націю, болѣе невѣжественную, чѣмъ іудеи, даже во времена славныхъ царство-

ваній Давида и Соломона. Свои дворцы и знаменитый іерусалимскій храмъ Соломонъ строилъ при помощи архитекторовъ, взятыхъ у тирскаго царя. Тотъ же царь принужденъ былъ просить у Финикіи инженеровъ для построенія могучаго флота, которымъ онъ покрылъ море, и матросовъ для составленія экипажа этого флота; ибо народъ іудейскій принесъ изъ страны фараоновъ и навсегда сохранилъ то отвращеніе къ мореплаванію, которое у египтянъ долгое время составляло характеристическую черту.

Итакъ исторія науки ничего не потеряетъ, если не станетъ черпать изъ библейскихъ источниковъ.

Мы обязаны однако указать на противоположное мнѣніе ученаго, обыкновенно не соглашавшагося съ Кювье, но въ этомъ случаѣ превзошедшаго его уваженіемъ къ откровенной наукѣ. Въ своей *Исторіи наукъ объ организаціи* Бленвиль не только находитъ въ Библіи полную исторію происхожденія человѣка, но онъ видитъ въ ней, сверхъ того, доказательства существованія нѣкоторой науки, которая родилась вмѣстѣ съ человѣкомъ и если бы могла сохраниться, то избавила бы отъ многихъ трудовъ ученыхъ, явившихся послѣ перваго человѣка и перваго грѣха.

„Преданія всѣхъ народовъ, говоритъ Бленвиль, согласно съ откровеннымъ Писаніемъ и наукою утверждаютъ, что человѣкъ былъ первоначально созданъ въ состояніи совершенства, которое потомъ утратилъ. Будучи совершенъ съ самаго начала, онъ не проходилъ черезъ послѣдовательное развитіе различныхъ возрастовъ; онъ былъ созданъ общественнымъ, потому что такова его природа и его нормальное состояніе. Его познанія были велики, Богъ былъ его наставникомъ; вся природа была ему подчинена и знала его власть. Богъ привелъ всѣхъ животныхъ предъ человѣка, который и далъ имъ приличныя имена, слѣдовательно, составилъ всеобщую номенклатуру и разомъ достигъ до совершенства законченной науки“.

А немного далѣе:

„Первый человѣкъ, такъ сказать, видѣлъ, какъ міръ выходилъ изъ рукъ Творца; въ продолженіе девяти сотъ тридцати лѣтъ онъ наблюдалъ богатства и явленія, которыя небо и земля одно за другимъ представляли его чувствамъ. Возможно ль предполагать, что онъ не размышлялъ объ отношеніи причинъ и дѣйствій, — онъ, бывшій въ столь близкомъ сношеніи съ великою причиною, съ своимъ непосредственнымъ отцомъ; что онъ, а также и его дѣти, не имѣли понятія о рожденіи міра, при которомъ онъ присутствовалъ? Въ теченіе его жизни, были изобрѣтены уже многія искусства, пѣлись стихи, употреблялись музыкальные инструменты. Въ землѣ умѣли

находить жилы желѣза и мѣди и дѣлать изъ металловъ всякаго рода вещи. Умѣли строить зданія, города и наблюдать небесныя явленія; уму и трудамъ дѣтей Сиѳа мы обязаны астрономіей и геометріей, и они даже начертали свои звѣздныя наблюденія на каменныхъ столбахъ; по показанію Іосиѳа, въ его время еще было два столба въ Сиріи" [1]).

Великій богословъ Боссюэтъ не шелъ дальше этого натуралиста девятнадцатаго столѣтія. Онъ говоритъ только, что первые люди получили прямо отъ Бога первыя понятія искусствъ, необходимыхъ для ихъ общественнаго существованія.

Замѣтимъ, что сотрудникомъ Бленвиля въ его *Исторіи наукъ объ организаціи*, и, можетъ быть, даже главнымъ редакторомъ былъ аббатъ *Мопье*. Можно думать, что аббатъ Мопье здѣсь прибавилъ отъ себя нѣсколько идей къ мыслямъ, которыя излагалъ профессоръ на лекціяхъ. Дѣйствительно Бленвиль далеко не признавалъ всѣхъ толкованій, содержащихся въ этой книгѣ; онъ хотѣлъ даже сдѣлать второе изданіе ея, которое, говорятъ, было бы значительно исправлено.

Какъ бы то ни было, приведенныя нами мѣста изъ *Исторіи наукъ объ организаціи* гг. Бленвиля и Мопье, доказываютъ, что не слѣдуетъ смѣшивать между собою область религіи съ областью философіи.

Физика учитъ насъ, что два луча свѣта, встрѣчаясь при извѣстныхъ условіяхъ, въ извѣстной плоскости и подъ извѣстнымъ угломъ, повидимому уничтожаются, взаимно разрушаются, такъ что изъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ источниковъ свѣта раждается темнота. Наука и вѣра суть два великіе источника свѣта, которые въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, если мы вздумаемъ ихъ соединить, могутъ также произвести тьму. Наука есть наука, вѣра есть вѣра. Постараемся сохранить въ чистотѣ и неприкосновенности эти два могучіе свѣтила человѣческой души и не будемъ ослаблять ихъ, стараясь о согласованіи!

Итакъ возвратимся къ нашимъ свѣтскимъ писателямъ и поищемъ у нихъ указаній, слѣдовъ, если не ясныхъ фактовъ, движенія науки въ періодъ, предшествовавшій утвержденію школы Ѳалеса въ Іоніи.

Но прежде чѣмъ вопрошать историка Геродота, нужно обра-

---

[1]) *Histoire des sciences de l'organisation*, Paris, 1847, in-8°, t. I, p. 6.

титься къ двумъ источникамъ болѣе древнимъ: мы говоримъ о Гомерѣ и о его современникѣ Гезіодѣ, которые оба жили спустя около трехъ сотъ лѣтъ послѣ троянской войны, воспѣтой Гомеромъ.

Древніе поэты вносили въ свои творенія всѣ нравственныя, физическія и религіозныя познанія своего времени. Эпическая поэма, сдѣлавшаяся у новѣйшихъ такъ блѣдною и пустою, была тогда родомъ сочиненій, требовавшимъ самыхъ обширныхъ познаній.

Кромѣ своихъ литературныхъ красотъ, *Иліада* представляетъ намъ въ высшей степени энциклопедическій характеръ. Астрономія, географія, самая статистика, естественная исторія, промышленость, медицина, ботаника, архитектура, живопись, всѣ изящныя искусства, и даже искусства механическія, и просто полезныя, — вотъ элементы, входящіе въ это обширное созданіе вмѣстѣ со многими другими, исчислять которые было бы слишкомъ долго. Каждый ученый можетъ распознать въ немъ слѣды науки, которою занимается.

Двѣ поэмы Гомера, *Иліада* и *Одиссея*, сильно поразили въ научномъ отношеніи вниманіе Кювье:

„Мы видимъ, говоритъ этотъ ученый, изъ поэмы Гомера, что въ его время науки и искусства сдѣлали великіе успѣхи. Торговля съ Колхидою доставила грекамъ различныя богатства, металлы, красильныя вещества, всякаго рода производства; они умѣли ковать и закаливать металлы, нарѣзывать и золотить оружіе, выдѣлывать ткани и окрашивать ихъ въ блестящіе цвѣта. Скульптура, архитектура и живопись также были изобрѣтены. Естественная исторія не была совершенно неизвѣстна, и ея свѣдѣнія повидимому были общераспространены, такъ какъ въ поэмахъ Гомера мы встрѣчаемъ множество указаній на врачебныя свойства растеній, и очень вѣрныхъ наблюденій надъ нравами и привычками животныхъ. Напримѣръ, сравненіе Аякса, преслѣдуемаго простыми воинами, со львомъ, на котораго нападаютъ шакалы, совершенно согласно съ тѣмъ, что намъ извѣстно теперь о характерѣ этихъ животныхъ [1])“.

Довольно странный фактъ! Въ *Иліадѣ*, посвященной преимущественно воспѣванію воинственной доблести героевъ Греціи, наименѣе развитою наукою оказывается военная наука. Осада Трои вовсе не похожа на осаду города, какъ мы разумѣемъ ее теперь. Между осажденными, стоящими на оградахъ, и осаждающими, расположенными лагеремъ возлѣ своихъ судовъ, остается посто-

---

[1]) *Histoire des sciences naturelles*, 4e leçon, in 8°, Paris, 1841, t. I, p. 6.

янно свободный промежутокъ, наполняющійся только тогда, когда греки и троянцы, пѣшкомъ или на колесницахъ приходятъ сражаться, какъ атлеты въ циркѣ. Сильные удары копьемъ, стрѣлы, пускаемые съ бо́льшимъ или меньшимъ искусствомъ,—вотъ въ чемъ состояло сраженіе, повторявшееся цѣлыхъ десять лѣтъ! Вокругъ города нѣтъ ни ямъ, ни валовъ; не дѣлается никакихъ приступовъ, нѣтъ никакихъ военныхъ машинъ. Нужно считать не за машину, а за орудіе воинской хитрости, знаменитую *лошадь*, въ которой греческіе военачальники, послѣ десятилѣтней осады, съумѣли заставить самихъ троянъ перетащить себя черезъ стѣны Трои.

Что касается тысячи двухсотъ кораблей, изъ которыхъ состоялъ союзный флотъ, то разсказъ Гомера достаточно доказываетъ, что, не смотря на знаменитую экспедицію Аргонавтовъ, искусство мореплаванія было столь же мало развито у греческихъ народовъ, какъ и тактика. „Самые большіе корабли, говоритъ поэтъ, могли вмѣщать въ себѣ до ста двадцати человѣкъ.“ Приблизительно это величина нынѣшнихъ катеровъ.

Хотя Дедалъ уже изобрѣлъ топоръ, буравъ и пилу, но не видно чтобы прибѣгали къ этому послѣднему орудію при постройкѣ кораблей, перенесшихъ грековъ въ Троаду. Какъ оружіе воиновъ, такъ и другіе инструменты были изъ мѣди, которой придавали твердость закаломъ; ибо бронза (сплавъ мѣди и олова) была извѣстна лишь позднѣе, и древніе отлично умѣли дѣлать то, что́ мы дѣлаемъ довольно дурно — т. е. закалять мѣдь посредствомъ быстраго охлажденія металла, нагрѣтаго докрасна. Въ эпоху троянской войны, желѣзо было извѣстно, но еще не найдено было искусства очищать его и дѣлать ковкимъ, такъ что этотъ металлъ не входилъ тогда въ составъ инструментовъ и орудій. То есть механическія искусства были лишены своего перваго агента, ибо желѣзо есть душа промышлености.

Впрочемъ *Иліада* и *Одиссея* свидѣтельствуютъ также, что искусство плавить и соединять металлы, умѣнье рѣзать ихъ и гравировать на нихъ существовало у самыхъ древнихъ народовъ Греціи и Азіи. Работы Вулкана, описанныя Гомеромъ, даютъ понятіе о металлургіи уже весьма развитой. Даже допуская нѣкоторое поэтическое преувеличеніе въ томъ, что́ говоритъ Гомеръ

о троянской Минервѣ и о великолѣпіи золотыхъ статуй, украшавшихъ дворецъ Антиноя, невозможно не видѣть въ этомъ описаніи доказательства существованіи металлургіи, сдѣлавшей уже въ то время великіе успѣхи. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ, преувеличеніе всегда указываетъ на нѣкоторую дѣйствительность. Гдѣ бы взялъ Гомеръ то, что онъ намъ разсказываетъ объ оружіи и металлахъ, служащихъ для его выдѣлки, если бы въ его время не существовало ничего подобнаго? Утверждали, что Гомеръ перенесъ во времена троянской войны понятія, бывшія въ ходу въ то время, когда онъ писалъ свои безсмертныя поэмы. Дѣло возможное, но все-таки приходится признать, что въ его время, т. е. около тысячи лѣтъ до Рождества Христова, рѣзьба и гравированіе уже процвѣтали въ городахъ Малой Азіи.

Тотъ же поэтъ, столь великолѣпно описавшій щитъ Ахиллеса, приписываетъ также и обитателямъ Азіи очень богатое и отличной работы вооруженіе. Изъ него мы узнаемъ также, что въ Греціи было тогда много артистовъ, приготовлявшихъ очень изящную мебель и накладывавшихъ на нее слоновую кость тонкими пластинками, точно такъ какъ у насъ накладывается красное и палисандровое дерево. Въ Иліадѣ мы не встрѣчаемъ того различія, часто весьма произвольнаго, которое мы дѣлаемъ между ремесленникомъ и артистомъ. Гомеръ и для того и для другаго употребляетъ одно слово: *художникъ*. Поэтъ удивляется только одному — таланту выполненія. Отлично сдѣланная колесница вызываетъ съ его стороны столько же вниманія и, можно сказать, почти тѣ же похвалы, какъ и статуя и превосходное произведеніе скульптуры. Благодаря этому безпристрастію, Гомеръ въ безконечномъ разнообразіи описываемыхъ имъ предметовъ открываетъ намъ картину промышленности до того высокой, что во многихъ случаяхъ она сливается съ искусствомъ.

Многія мѣста Гомера доказываютъ, что медицина уже дѣйствовала весьма успѣшно, если не во времена троянской войны, то по крайней мѣрѣ въ эпоху, когда были созданы обѣ поэмы.

Искусство врачеванія было сперва принадлежностію боговъ, царей и героевъ. Это значитъ, что признательность народовъ возвела въ санъ боговъ людей, которые наиболѣе отличились въ медицинѣ и хирургіи. Если мы отнесемъ къ баснословію всѣ вра-

чеванія, упоминаемыя и объясняемыя въ *Иліадѣ* вмѣстѣ съ указаніемъ средствъ леченія, то слѣдовало бы отрицать также и существованіе всѣхъ этихъ храмовъ, въ которыхъ служили жрецы Эскулапа и которые почти всегда воздвигались въ сосѣдствѣ какого-нибудь минеральнаго источника. Въ силу этой недовѣрчивой логикѣ, слѣдовало бы отрицать существованіе даже самыхъ знаменитыхъ изъ этихъ храмовъ, тѣхъ, которые превратились въ настоящія клиники, каковы напр. храмы Коса и Книда, уже въ первые времена философской эпохи давшіе наукѣ Гиппократа и Ктезіаса.

Но существуютъ прямыя доказательства, что Гомеръ и Гезіодъ сами обладали нѣкоторыми точными свѣдѣніями въ медицинѣ и въ естественной исторіи. Мы уже указали на мнѣніе Кювье относительно Гомера. Тотъ же ученый признаетъ, что Гезіодъ вполнѣ вѣрно излагаетъ врачебныя свойства многихъ растеній, которыхъ имена приводятся имъ въ поэмѣ *Часы* и *Дни*.

Эта поэма, раздѣленная на двѣ пѣсни, говоритъ о земледѣльческихъ работахъ: она была какъ бы зародышемъ той, которую Виргилій сочинилъ для римлянъ съ гораздо большими подробностями, подъ названіемъ *Георгикъ*. Въ этомъ поэтическомъ твореніи Гезіодъ старается указать на времена наиболѣе благопріятныя для полевыхъ работъ. Онъ хочетъ, чтобы въ этомъ случаѣ руководились *солнечнымъ* восхожденіемъ звѣздъ. Изъ этого совѣта Гезіода нужно заключить, что у грековъ тогда было два рода годовъ: лунный годъ, годъ астрономовъ, и солнечный годъ, которому слѣдовать земледѣльцы находили удобнѣе, такъ какъ онъ лучше указывалъ времена года.

Поэмы Гомера и Гезіода были для всѣхъ Грековъ двумя великими источниками наставленія и воспитанія. Эти поэмы были изъясняемы и истолковываемы *рапсодами*, которые читали отрывки изъ нихъ, ходя изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе. Позднѣе, когда искусство писать дало возможность дѣлать списки, *Иліада* и *Одиссея* заняли первое мѣсто между предметами преподаванія въ школахъ. По нимъ дѣти учились писать, юноши обучались поэзіи и краснорѣчію. Эти книги всего усерднѣе читались также внѣ школъ лицами всякаго рода. Политическіе люди непрестанно вдумывались въ Гомера, какъ въ самаго лучшаго наставника въ искусствѣ руководить народами. Можно сказать не

преувеличивая, что поэма Гомера была *Библіею* древнихъ грековъ. Это была книга, которая по преимуществу могла замѣнить всѣ другія книги и представляла собою цѣлую библіотеку въ странѣ, гдѣ ни общество, ни частныя лица еще не пришли къ мысли составлять коллекціи рукописей, впослѣдствіи получившія отъ Аристотеля это имя.

Итакъ первые философы у грековъ были поэты. Въ древней Греціи никакой предразсудокъ не препятствовалъ Гомеру и Гезіоду считаться философами и учеными. Въ ту эпоху, когда они жили, и даже много вѣковъ спустя, философія и наука постоянно были излагаемы въ стихахъ.

Гомеръ и Гезіодъ сохранили свое положеніе въ греческихъ школахъ до появленія Платона. Этотъ философъ первый предложилъ исключить поэтовъ не только изъ школъ, но и изъ республики, или, говоря правильнѣе, изъ своей республики. Уже Пиѳагоръ, въ Великой Греціи, возставалъ противъ Гомера, но не съ такою силою. Что́ касается причины этихъ нападеній, то едва ли она не заключается просто въ соперничествѣ, въ которое философы по профессіи и начальники школъ должны были вступать съ этими философами-поэтами.

Съ Гомеромъ и Гезіодомъ мы могли прослѣдить науку доисторическаго періода только въ Греціи и въ нѣкоторыхъ странахъ Малой Азіи. Чтобы видѣть ее въ другихъ мѣстахъ, возвратимся къ Геродоту.

Мы сказали, что *отецъ исторіи* путешествовалъ по Греціи, по Египту и Ассиріи. По свидѣтельству Плинія, только въ этихъ трехъ странахъ астрономія была изучаема съ нѣкоторымъ успѣхомъ.

Быть можетъ, этими тремя странами слѣдуетъ вообще ограничить серьезную обработку всѣхъ другихъ наукъ. Персы, углубившись въ отвлеченныя и метафизическія умозрѣнія, сами отдалялись отъ научнаго движенія, пораждавшаго у ихъ сосѣдей нѣкоторыя полезныя изобрѣтенія. Существованіе китайцевъ было совершенно неизвѣстно, такъ какъ объ этомъ народѣ нигдѣ не говорится въ древнихъ исторіяхъ. Баснословный походъ Бахуса одинъ напоминаетъ недолговременныя сношенія, которыя Греція, будучи еще варварскою, можетъ быть, имѣла въ туманной древности съ Индусами.

Народы Индіи, конечно, обладали наукою, или, лучше сказать, научнымъ богословіемъ; но немногое, что знали объ этомъ греки, такъ походило на то, чему учили въ египетскихъ храмахъ, что единственный вопросъ, занимавшій грековъ, былъ: „Египетъ ли учился у Индіи, или Индія у Египта?"

Теперь, когда извѣстно объ Индіи гораздо больше, чѣмъ могли знать о ней древніе греки, тотъ же вопросъ еще раздѣляетъ ученыхъ. Кювье пробовалъ его разрѣшить, вводя въ дѣло средній терминъ, вавилонянъ. Предоставимъ говорить ученому автору *Исторіи естественныхъ наукъ*:

„Когда мы сравниваемъ, говоритъ Кювье, исторію индійцевъ, вавилонянъ и египтянъ, мы несомнѣнно видимъ, что между ними существовали постоянныя сношенія отъ самаго начала и что даже это начало должно быть общее. Въ самомъ дѣлѣ, у всѣхъ трехъ народовъ мы находимъ одинаковыя метафизическія и религіозныя вѣрованія, сходное политическое устройство, тотъ же архитектурный стиль, тѣже эмблемы для облеченія покровомъ ихъ вѣрованій, имѣющихъ очевидную аналогію. Эмблемы вавилонянъ менѣе извѣстны, чѣмъ эмблемы египтянъ и индійцевъ; но послѣднія, переданныя намъ или греками или твореніями самой Индіи, извѣстны намъ вполнѣ.

„Не стану однако же настаивать на этомъ сходствѣ. Такъ какъ предметъ метафизики одинъ и тотъ же для всѣхъ людей, то можетъ показаться естественнымъ, что многіе народы отдѣльно достигали той же самой системы религіозной философіи. Можно также легко предположить, что эти народы приняли одинаковыя эмблемы, такъ какъ вообще эти эмблемы берутся отъ существъ, всего обыкновеннѣе окружающихъ человѣка.

„Но тожество политическаго устройства всего удивительнѣе и могло произойти только вслѣдствіе частыхъ сообщеній. Въ Индіи народъ былъ раздѣленъ на четыре главныя касты. Первая — каста браминовъ, наиболѣе почитаемая и могущественная. Члены ея были обладателями науки и служителями религіи или закона, и имъ однимъ принадлежало право читать священныя книги. Вторая каста была каста воиновъ. Ея обязанность была защищать страну, и ей принадлежала привилегія слушать чтеніе священныхъ книгъ. Купцы составляли третью касту, и между ними было столько подраздѣленій, сколько есть видовъ торговли. Наконецъ, четвертая каста состояла изъ ремесленниковъ, земледѣльцевъ и другихъ людей низшаго разряда, и въ ней было столько наслѣдственныхъ подраздѣленій, сколько было ремеслъ или видовъ труда.

„Этому общественному устройству, которое не иначе могло быть утверждено, какъ могучимъ геніемъ и необыкновенными средствами, мы находимъ полное подобіе въ Египтѣ. Египетскіе жрецы, подобно браминамъ, обладатели наукъ и религіи, кромѣ того, подобно имъ употребляли особый языкъ, знаніе котораго доставляло имъ высокое уваженіе; ихъ репутація была даже столь велика, что у всѣхъ народовъ была славна мудрость этихъ жрецовъ. То, что намъ извѣстно относительно политическаго устройства вавилонянъ, также вполнѣ согласуется съ организаціею индійскаго общества.

„Пирамидальная форма древнихъ памятниковъ этихъ трехъ народовъ еще лучше можетъ быть, чѣмъ одинаковость ихъ политическаго и религіознаго устройства, доказываетъ ихъ взаимныя сношенія или ихъ общее происхожденіе, ибо нѣтъ ничего менѣе опредѣленнаго и болѣе произвольнаго, какъ форма зданія: невозможно предполагать, чтобы сходство этой формы было результатомъ естественнаго развитія человѣческихъ способностей.

„Наконецъ эти три народа сходны были и по географическому положенію. Они жили въ обширныхъ и плодородныхъ равнинахъ, близь большихъ рѣкъ, удобныхъ для торговыхъ сообщеній [1])".

Нѣсколько далѣе Кювье въ заключеніе прибавляетъ:

„Постоянно останавливаемыя вторженіемъ варваровъ, науки не могли развиться на Востокѣ. Благопріятныя условія для своего развитія они нашли, только проникнувъ на Западъ черезъ посредство грековъ, посѣщавшихъ Египетъ. Индійцы не содѣйствовали прямо общей цивилизаціи, ибо, хотя они были *вновь найдены*, когда мы обогнули мысъ Доброй Надежды, ихъ древнее состояніе и развитіе ихъ познаній стало намъ извѣстно лишь двадцать лѣтъ назадъ, т. е. съ тѣхъ поръ какъ мы научились понимать ихъ священныя книги, самое обнародованіе которыхъ очень трудно, такъ какъ оно воспрещено ихъ религіознымъ закономъ.

„Тѣмъ не менѣе, вѣроятно, науки первоначально зародились въ Индіи. Различныя соображенія подтверждаютъ это мнѣніе [2])".

Итакъ мы можемъ принять съ достовѣрностію, что молчаніе Геродота и другихъ писателей древности о состояніи наукъ въ Индіи во время до-историческаго періода, не скрываетъ отъ насъ ничего важнаго. Мы найдемъ на берегахъ Нила вѣрную картину цивилизаціи, процвѣтавшей тогда въ долинахъ Инда и Ганга, По справедливому замѣчанію Кювье, именно вслѣдствіе сношеній древнихъ грековъ съ Египтомъ мы можемъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія о вѣрованіяхъ, идеяхъ, занятіяхъ, наукахъ, искусствахъ, однимъ словомъ, о всемъ, что́ составляло умственную жизнь страны фараоновъ за семь вѣковъ до христіанской эры.

Геродотъ не первый изъ Грековъ посѣтилъ Египетъ, но онъ одинъ изслѣдовалъ его, какъ будущій историкъ.

О научномъ свойствѣ вопросовъ, которые онъ долженъ былъ предлагать египетскимъ жрецамъ, своимъ гостепріимнымъ хозяевамъ, можно судить по отвѣту, данному однимъ изъ нихъ: „Египетъ есть даръ Нила." Египетскіе жрецы, которые, подобно своимъ собратамъ Халдеи и Индіи, любили говорить эмблемами, не

[1]) T. I, 2-e leçon, p. 23—26.

[2]) 4-e leçon, p. 28—29.

были вовсе чужды положительной науки, такъ какъ они понимали способъ происхожденія и геологическое строеніе почвы своей страны.

Древніе египтяне особенно славились своими астрономическими познаніями. Но въ этомъ родѣ познаній имъ предшествовали халдеи, и наблюденія ихъ обнимали дѣйствительно огромный рядъ годовъ, такъ какъ, по показанію одного изъ комментаторовъ Аристотеля, Симилиціуса, во время экспедиціи Александра, Каллисѳенъ получилъ отъ халдейцевъ и переслалъ Аристотелю рядъ наблюденій, изъ которыхъ самое древнее восходило за тысячу девятьсотъ лѣтъ назадъ!

Въ сочиненіи, посвященномъ Вольтеру, подъ названіемъ *Письма о происхожденіи наукъ* [1]) Бальи старается доказать, что существовалъ въ глубокой древности народъ, обладавшій обширными научными познаніями, особенно астрономическими. Этотъ народъ названія и положенія котораго Бальи не опредѣляетъ, былъ, можетъ быть, халдеи.

Бальи писалъ Вольтеру:

„Я все желаю, чтобы вы вѣрили въ мой древній погибшій народъ. Мы согласны относительно астрономическихъ фактовъ; они вѣрны. Я старался соединить ихъ, представить ихъ съ точки зрѣнія наиболѣе удобной для показанія хода и прогресса человѣческаго ума. Мы расходимся только въ нѣкоторыхъ идеяхъ, изложенныхъ мною въ началѣ моего сочиненія объ исторіи древней астрономіи... Онѣ относятся къ тѣмъ древнимъ и, такъ сказать, первобытнымъ временамъ, которыя въ своей тьмѣ содержатъ изобрѣтеніе вещей...

„Я сказалъ, что, разсматривая со вниманіемъ состояніе астрономіи въ Китаѣ, въ Индіи, въ Халдеѣ, мы находимъ скорѣе остатки, чѣмъ элементы науки. Если вы видите домикъ крестьянина, построенный изъ голышей, смѣшанныхъ съ обломками прекрасной архитектуры, не заключите ли вы, что это остатки дворца, построеннаго архитекторомъ, болѣе искуснымъ и болѣе древнимъ, чѣмъ обитатели этого дома? Народы Азіи, наслѣдники нѣкотораго предшествовавшаго народа, имѣвшіе развитыя науки, или по крайней мѣрѣ развитую астрономію, были хранителями, а не изобрѣтателями [2]).“

Деламберъ, хорошій геометръ-астрономъ, но менѣе Бальи свѣ-

[1]) *Lettres sur l'origine des sciences et sur celle des peuples de l'Asie, adressées à M. de Voltaire par M. Bailly, et précédées de quelques lettres de M. de Voltaire à l'auteur*. 1 vol. in-8° Londres et Paris, 1777.

[2]) *Lettres sur l'origine des sciences* стр. 17—19.

дущій въ исторіи, съ жаромъ возсталъ противъ этого мнѣнія и опровергалъ его весьма плохими доказательствами.

Деламберъ не зналъ состоянія наукъ у древнихъ индійцевъ. Либри, въ своей *Исторіи математическихъ наукъ* рѣшительно доказалъ это. Если бы дѣло шло только о принятіи того или другого изъ двухъ противоположныхъ мнѣній, то мы стали бы на сторону Бальи, отвергая однако же его идею первобытнаго народа, исчезнувшаго во тьмѣ прошедшаго. Всеобщая исторія кажется намъ весьма скудною сравнительно съ пространствомъ земель, обитаемыхъ людьми съ незапамятныхъ временъ, и съ длиннымъ рядомъ протекшихъ вѣковъ; мы приведемъ однако же болѣе или менѣе неполныя свидѣтельства, доставляемыя намъ исторіею.

Около пятаго вѣка до начала нашего лѣтосчисленія, когда Геродотъ посѣтилъ Вавилонъ, онъ нашелъ огромный городъ, нѣчто въ родѣ Лондона, Парижа или Пекина. Эта азіатская столица была наполнена памятниками, уже очень древними. Знаменитая *башня Бела*, имѣвшая такую огромную высоту, могла ли быть чѣмъ-нибудь инымъ, а не великолѣпною астрономическою обсерваторіею? Какъ мы сказали выше, халдеи имѣли собранія наблюденій надъ звѣздами, восходившія за тысячу девятьсотъ лѣтъ назадъ. Во времена Александра, греки, бывшіе еще весьма несвѣдущими въ астрономіи и притомъ не могшіе выйти изъ тѣснаго круга своихъ космогоній, получили изъ рукъ Каллисѳена астрономическія наблюденія, сдѣланныя въ Халдеѣ, но не умѣли ими воспользоваться. Каллисѳенъ нашелъ ихъ въ Вавилонѣ; не заставляетъ ли это предполагать, что въ этомъ громадномъ и весьма древнемъ городѣ существовали первые астрономы, и что въ Халдеѣ астрономическія наблюденія производились съ самыхъ отдаленныхъ временъ?

Можно даже предложить себѣ вопросъ, не открыли ли халдеи дѣйствительной системы міра, т. е. неподвижности солнца и движенія земли и мелкихъ планетъ вокругъ центральнаго свѣтила? Слѣдующее обстоятельство, если не доказываетъ этого, то даетъ возможность предполагать.

Ни Гиппархъ ни Птоломей ничего не говорятъ о кометахъ: они даже не называютъ ихъ. Между тѣмъ Сенека, въ своихъ

Вопросахъ о природѣ вполнѣ объясняетъ, что это — блуждающія свѣтила, пробѣгающія пространства по общимъ и постояннымъ законамъ.

„Кометы, говоритъ римскій авторъ, суть вѣчныя произведенія природы. У нихъ есть извѣстный путь; онѣ удаляются, но не перестаютъ существовать. Если для нихъ нѣтъ Зодіака, то это потому, что небо свободно во всѣ стороны, и что повсюду, гдѣ есть пространство, можетъ быть движеніе. Не извѣстно, появляются ли онѣ вновь черезъ правильные промежутки; ихъ появленіе рѣдко; люди могли до сихъ поръ изслѣдовать теченіе пяти планетъ; настанетъ день, когда усилія многихъ вѣковъ откроютъ вещи, нынѣ сокрытыя. Тогда опредѣлятъ, въ какую область удаляются кометы, почему онѣ такъ далеко уходятъ отъ другихъ свѣтилъ, каково ихъ число, величина и пр.“.

Сенека не былъ ни геометромъ, ни астрономомъ. Такое мнѣніе не приходитъ вдругъ и случайно въ голову человѣка. Слѣдовательно Сенека только выражаетъ здѣсь мнѣніе, которое греческіе писатели его времени и прежнихъ временъ приписывали древнимъ халдеямъ. То же можно сказать, и еще съ большею увѣренностію, объ истинной планетной системѣ. Почему халдеи не могли дойти до открытія истинной системы міра въ слѣдствіе своихъ тысячелѣтнихъ наблюденій, если Коперникъ, конечно, не имѣвшій въ своемъ распоряженіи тѣхъ средствъ изслѣдованія, какія были у халдеевъ, достигъ, помощію однихъ общихъ идей, наслѣдованныхъ отъ Халдеи, и фактовъ, занесенныхъ въ *Алмагесту* Птоломея, до открытія, или вѣрнѣе, какъ онъ самъ говоритъ, до возстановленія найденной древними истинной системы міра?

Какъ бы то ни было, халдеи и египтяне, повидимому, съ незапамятныхъ временъ занимались астрономіею. Эта наука была имъ необходима не только для земледѣльческихъ работъ, но также для опредѣленія времени религіозныхъ празднествъ. Для этихъ двухъ цѣлей точное раздѣленіе времени было настоятельно нужно а этого раздѣленія можно было достигнуть только посредствомъ точнаго познанія періодическаго движенія небесныхъ тѣлъ.

Изъ того, что̀ говоритъ Геродотъ, повидимому слѣдуетъ, что египтяне первые раздѣлили годъ на двѣнадцать мѣсяцевъ. Они основывали это раздѣленіе на фазахъ луны, свѣтила, наиболѣе удобнаго для наблюденія. И такъ годъ былъ *лунный*; онъ обнималъ лишь періодъ въ триста пятьдесятъ четыре дня, вмѣсто

трехъ сотъ шестидесяти пяти, составляющихъ среднимъ числомъ нашъ теперешній годъ. Отсюда происходило, что послѣ шестидесяти или семидесяти лѣтъ порядокъ временъ года совершенно извращался. Зима была тогда, когда въ египетскихъ календаряхъ стояло лѣто, и наоборотъ.

Имѣя передъ глазами такое явное доказательство своей ошибки египтяне стали наблюдать, чтобы лучше опредѣлить теченіе временъ года и продолжительность года. Это былъ путь, который долженъ былъ привести къ вѣрному результату, хотя и не скоро. Первая попытка состояла въ томъ, что годъ положили въ триста шестьдесятъ дней, раздѣленныхъ на двѣнадцать мѣсяцевъ одинаковой длины. Разница съ истиннымъ годомъ была еще значительна; поэтому повторилось прежнее явленіе. Времена года снова стали заходить одно въ другое, но порядокъ ихъ извратился только по истеченіи тридцати четырехъ лѣтъ. Принялись за новое изученіе, исправили предъидущія наблюденія и наконецъ составили годъ изъ трехъ сотъ шестидесяти пяти дней; — разсчетъ вѣрный, за исключеніемъ маленькой разницы, замѣченной самими египетскими астрономами.

Конечно, это былъ прекрасный результатъ, въ дѣйствительности котораго невозможно сомнѣваться, такъ какъ о немъ свидѣтельствуетъ исторія. Юлій Цезарь, возвратившись въ Римъ, послѣ взятія Александріи, гдѣ онъ совѣщался съ жрецами этого города, приказалъ передѣлать римскій календарь, который и расположили по египетскому году.

Подобно вавилонянамъ и индійцамъ, египтяне не умѣли предсказывать солнечныхъ затмѣній; но они приблизительно предсказывали лунныя затмѣнія, именно полныя. Такъ какъ эти явленія повторяются періодически, чрезъ каждые восемнадцать лѣтъ, (точнѣе — чрезъ 18 лѣтъ 11 дней), то можно было предвидѣть ихъ возвращеніе, не обладая тѣми познаніями, посредствомъ которыхъ новѣйшіе ученые предсказываютъ затмѣнія съ удивительною точностью.

Египтяне занимались математикою; но не видно не изъ чего чтобы они сдѣлали большіе успѣхи въ этой наукѣ, кромѣ тѣхъ, которые относятся къ прикладной механикѣ. Невозможно подвергнуть сомнѣнію ихъ познанія въ практической механикѣ. Стоитъ

вспомнить ихъ колоссальную архитектуру, эти огромные куски гранита и сіенита, которые были отрываемы ими отъ горъ, сосѣднихъ съ Ниломъ, переносимы вдаль посредствомъ каналовъ этой рѣки и воздвигаемы посреди песчаныхъ долинъ; все это дѣлалось способами, намъ неизвѣстными, но конечно найденными не случайно.

Можно сказать, что повсюду, гдѣ искусства достигли до извѣстнаго совершенства, науки должны были сдѣлать соотвѣтственные успѣхи. Есть необходимая связь между этими двумя обнаруженіями человѣческаго генія. Можно ли допустить, чтобы безъ началъ механики и геометріи египтяне могли воздвигнуть столько исполинскихъ памятниковъ и съ точностію измѣрять землю,—дѣло для нихъ важное по причинѣ разливовъ рѣки, каждый годъ уничтожавшихъ межи полей? Можно ли предположить, чтобы безъ этихъ наукъ они могли вырыть озёра огромной величины, устроить каналы для распредѣленія водъ Нила, построить и употреблять въ дѣло всякаго рода искусныя и сильныя машины? Между машинами, устроенными древними египтянами для измѣренія времени и обращенія свѣтилъ, есть такія, которыя требовали не только познаній, но и генія.

Медицина египтянъ, столь восхваляемая Ксенофонтомъ и другими греками, была задерживаема въ своемъ успѣхѣ духомъ касты, въ особенности же закономъ, который, можетъ быть, спасая жизнь больныхъ, ограничивалъ врачебное искусство почти однимъ благоразуміемъ. Всякое лекарство, имѣвшее успѣхъ въ леченіи, было записываемо въ храмахъ. Изъ всѣхъ такихъ испытанныхъ средствъ составляли списокъ, почти такъ, какъ у насъ пишутъ Codex для употребленія фармацевтовъ. Если медикъ употреблялъ лекарства, вписанныя въ эту священную книгу, онъ не отвѣчалъ ни за что, даже если бы больной умиралъ. Онъ могъ впрочемъ пробовать и новыя средства; но только если больной въ этомъ случаѣ умиралъ, законъ требовалъ, чтобы медикъ слѣдовалъ за нимъ.

Понятно, что при такомъ законодательствѣ медикъ рѣдко желалъ испробовать новое леченіе или новое лекарство. Поэтому успѣхи медицины въ Египтѣ были ничтожны.

Вскрытіе труповъ было у древнихъ египтянъ запрещено и даже считалось святотатствомъ. И такъ анатоміи они не знали.

Между тѣмъ этотъ народъ издревле былъ знаменитъ искусствомъ бальзамированія. Такъ какъ законъ предписывалъ производить бальзамированіе, не вскрывая труповъ и даже не открывая черепа, то операція была трудна; она требовала химическихъ пріемовъ, которые намъ неизвѣстны.

Съ незапамятныхъ временъ египтяне умѣли обработывать желѣзо. Они приготовляли изъ него всякаго рода орудія и инструменты. По странному исключенію, самое полезное изъ своихъ орудій, плугъ, они дѣлали изъ дерева. Въ теченіе многихъ вѣковъ, египтяне не хотѣли измѣнить устройства этого существеннаго орудія земледѣлія, боясь оскорбить Изиду, которой они приписывали его изобрѣтеніе.

Заключимъ нѣсколькими словами о египетской философіи. Объ ней мало извѣстно. Какъ у всѣхъ народовъ Востока, она сливалась съ теологіей и исчезала подъ эмблемами, изъ которыхъ многія были собраны Гараполомъ, греческимъ грамматикомъ изъ Панокла. Это настоящіе ребусы, которые не столько были прочитаны, сколько угаданы латинскими и французскими переводчиками. Все, что можно отыскать яснаго въ египетской философіи заключается въ томъ, что она восходила къ первымъ причинамъ и признавала верховное существо, изображаемое въ видѣ человѣка, который держитъ скипетръ и изъ устъ котораго выходитъ яйцо.

Это яйцо, символъ міра или скорѣе всего, что въ мірѣ рождается, произрастаетъ, организуется, является впрочемъ во всѣхъ восточныхъ теологіяхъ: у вавилонянъ, персовъ, индійцевъ и даже у китайцевъ. Символическое яйцо этихъ народовъ стоитъ на ряду со змѣемъ, который встрѣчается во всѣхъ древнихъ теологіяхъ, и даже у народовъ новаго міра.

Намъ остается сказать еще объ одномъ народѣ, который также находится на пути Греціи и Египта и повидимому разнесъ по различнымъ націямъ драгоцѣнные элементы цивилизаціи. Дѣло идетъ о финикійскомъ народѣ.

Извѣстно, что финикіянамъ принадлежитъ слава замѣны идеографическаго письма фонетическимъ. Египетскіе жрецы отвергли это завоеваніе раждающейся цивилизаціи. Они предпочли сохранить символическое письмо, какъ нѣкоторый покровъ, полезный

для ихъ цѣлей. Но народы греческаго племени, неимѣющіе подобныхъ причинъ для отверженія столь драгоцѣннаго благодѣянія, поспѣшили принять алфавитъ, созданный финикіянами.

Одно это изобрѣтеніе уже было бы достачно для славы этого народа. Но нужно прибавить, что, будучи искусными мореплавателями, финикіяне употребляли якори для своихъ судовъ и умѣли опредѣлять свой путь по теченію звѣздъ и по различному виду неба.

Никакая другая нація не могла оспаривать у финикіянъ обладаніе морей. Къ нимъ нужно было обращаться за кораблями и матросами. Объѣздивши и изслѣдовавши берега Средиземнаго моря, основавши колоніи въ Сициліи, въ Сардиніи и въ Испаніи, финикійскіе мореплаватели рѣшились пройти за Геркулесовы столбы. Они первые пустились въ океанъ. Они проникнули въ гавани Галліи около тысячи двухъ сотъ лѣтъ до христіанской эры. Съ практикою мореплаванія связано не мало различныхъ познаній, и логика требуетъ, чтобы мы ихъ приписали финикіянамъ.

Огромныя богатства, пріобрѣтенныя торговлею, развили въ высшей степени роскошь и вкусъ у обитателей Финикіи. Всѣмъ извѣстно, что имъ принадлежитъ изобрѣтеніе пурпура, удивительнаго красильнаго вещества, столь любимаго богатыми римскими патриціями. Городъ Тиръ былъ описываемъ еврейскими пророками, какъ самый богатый и самый красивый городъ того времени.

Этими похвалами и свидѣтельствами удивленія чужихъ народовъ, да немногими указаніями древнихъ писателей, къ несчастію, ограничивается все, чтó извѣстно о финикіянахъ. Грозный Александръ, разорившій Тиръ, разомъ уничтожилъ памятники этой націи. Можно сказать, что онъ вычеркнулъ ее изъ исторіи. Блестящая и могущественная колонія финикіянъ на берегу Африки, Карѳагенъ, подвергся потомъ той же участи, какъ и Тиръ, его метрополія. Римляне одинаково уничтожили огнемъ его гражданъ, его стѣны и его архивы. Такимъ образомъ ничего не осталось отъ этого народа, который, по древности своей цивилизаціи, былъ учителемъ и руководителемъ всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ народовъ.

Теперь мы наконецъ достигли эпохи, когда въ Греціи была основана школа Өалеса, такъ называемая *Іонійская* школа, или, вѣрнѣе, эпохи семи *мудрецовъ*, между которыми уже блистали два великихъ человѣка, Өалесъ и Солонъ. Начинается новая эра для греческой цивилизаціи. Первый періодъ, тотъ, который мы называли *доисторическимъ*, окончился. Люди, жизнь и труды которыхъ мы станемъ разсказывать, начали собою *философскій періодъ*, т. е. періодъ, когда философія, вышедши наконецъ изъ храмовъ, гдѣ такъ долго она скрывалась въ темнотѣ, распространяется по всей Греціи, а отсюда переходитъ въ значительную часть Европы и Азіи.

ѲАЛЕСЪ.

Имя Ѳалеса не безъизвѣстно нашимъ ученымъ спеціалистамъ, т. е. физикамъ, химикамъ и натуралистамъ. Въ каждомъ трактатѣ физики говорится, что этому философу мы обязаны первымъ наблюденіемъ электрическихъ явленій. Ѳалесъ открылъ, говорится въ физикахъ, что, если потереть янтарь, онъ начинаетъ притягивать легкія тѣла. Тамъ же упоминается, что онъ считалъ воду единственнымъ началомъ, изъ котораго образованъ міръ.

Этимъ ограничиваются познанія нашихъ преподавателей физики, слѣдовательно, и ихъ слушателей объ основателѣ Іонійской школы. Мы надѣемся изложить здѣсь болѣе вѣрно и пространно познанія этого знаменитаго ученаго.

Ѳалесъ родился въ Милетѣ, городѣ Малой Азіи, самой знаменитой изъ іонійскихъ колоній, въ тридцать восьмую олимпіаду (около 630 до р. X.).

Плодоносныя берега Іоніи, эти счастливые берега, которые ростираются вдоль моря, омывающаго Европу и Азію, видѣли рожденіе этого человѣка, которому суждено было вывести изъ храмовъ философію и науку и разлить по всему міру ихъ безцѣнныя благодѣянія.

Греческіе біографы, имѣющіе обычай все относить къ своей землѣ и въ особенности къ Аѳинамъ, говорятъ, что Ѳалесъ, первый заслужившій имя *мудреца*, процвѣталъ при архонтѣ Дама-

зіасѣ, и что въ то же время другіе мудрецы получили это названіе.

Такъ какъ названіе *мудреца* будетъ часто встрѣчаться въ нашемъ разсказѣ, то небезполезно будетъ указать на историческое значеніе этого слова въ древности.

Названіе *мудрецовъ* дано было нѣсколькимъ лицамъ, которыя въ шестомъ вѣкѣ до р. Х. прославились въ Греціи и въ Малой Азіи своими талантами и своими добродѣтелями. Но этотъ титулъ не былъ данъ имъ при жизни: это почесть, которую воздало имъ признательное потомство. Не всѣ эти *мудрецы* впрочемъ были учеными, хотя этому слову долго придавалось такое значеніе Аристотель говоритъ относительно этого предмета слѣдующее въ въ шестой книгѣ *О морали къ Никомаху*:

„Изъ того, что́ мы сказали, слѣдуетъ, что мудрость есть знаніе и пониманіе вещей, наиболѣе почтенныхъ по своей природѣ. Вотъ почему говорятъ, что Ѳалесъ и Анаксагоръ и другіе были — *мудрецы*; это не то, что благоразумные, такъ какъ они пренебрегали своими собственными выгодами, зная въ то же время вещи излишнія, удивительныя, трудныя для познанія и божественныя, но, какъ говорится, безполезныя, и такъ какъ они не стремились къ человѣческимъ вещамъ, особенно къ тѣмъ, которымъ даетъ большой вѣсъ благоразуміе.“

Сами древніе далеко не были согласны, относительно имени и числа гражданъ, заслужившихъ названіе *мудрецовъ*. Обыкновенно ихъ считаютъ семь; число это иногда возвышаютъ до десяти и даже до пятнадцати. Самые знаменитые были: Солонъ, Ѳалесъ, Віасъ, Хилонъ, Питтакъ, Клеобулъ, Анахарсисъ и Періандръ.

Солонъ и Ѳалесъ одни только изъ этого числа были дѣйствительно ученые. Другіе были только люди превосходные по своимъ достоинствамъ, или только *благоразумные*, какъ говорилъ Аристотель. Они обязаны были своею славою своему здравому смыслу и, безъ сомнѣнія, глубокой опытности, которую употребляли въ свое собственное благо, а также во благо народовъ, такъ какъ многіе изъ нихъ были цари или изъ царскихъ семействъ.

„Разсказываютъ, говоритъ Плутархъ, что семь мудрецовъ сошлись вмѣстѣ въ Дельфахъ, а въ другой разъ въ Коринѳѣ, куда Періандръ созвалъ ихъ на пиршество [1].“

---

[1]) *Vies des Hommes illustres*, traduction d'Alexis Pierron. In 18 (édition Charpentier): *Solon*, т. I, стр. 184.

БЮСТЪ ѲАЛЕСА.
Съ античнаго бюста Ватиканскаго музея скульптуры въ Римѣ, срисованнаго въ *Греческой Иконографіи* Висконти.

Плутархъ не ограничился однимъ упоминаніемъ этого баснословнаго пира. Онъ сочинилъ цѣлый разговоръ, называемый *Пиръ семи мудрецовъ* и составляющій часть его *Моральныхъ сочиненій*.

Плутархъ предполагаетъ, что человѣкъ пятнадцать философовъ сошлись въ Коринѳѣ на пирѣ, данномъ Періандромъ. Эти люди никогда еще. не встрѣчались вмѣстѣ; изъ чего видно, что Плутархъ имѣлъ въ виду только пріятную философскую фантазію, только тему для прекрасныхъ и интересныхъ разговоровъ. На этомъ гипотитическомъ пирѣ они не всѣ сидятъ за однимъ столомъ; они входятъ и выходятъ, разсуждая о самыхъ возвышенныхъ началахъ философіи, или о событіяхъ, важныхъ въ исторіи ихъ времени.

На рисункѣ противъ этой страницы читатель видитъ пиръ, выдуманный Плутархомъ. Періандръ и его жена, какъ амфитріоны праздника, сидятъ на почетномъ мѣстѣ. Позади ихъ Анахарсисъ; Ѳалесъ стоитъ, заправляя разговоромъ. Позади его видѣнъ Питтакъ и Солонъ. У ногъ этого послѣдняго Езопъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ текстѣ Плутарха сказано: „Езопъ сидѣлъ на очень низкомъ сѣдалищѣ, ниже Солона [1]).“ На заднемъ планѣ Віасъ, Анахарсисъ и Клеобулъ.

Поспѣшимъ прибавить, что этого Періандра слѣдовало бы вычеркнуть изъ списка мудрецовъ, и очень странно, что Плутархъ помѣстилъ собраніе семи мудрецовъ во дворцѣ и подъ покровительствомъ подобнаго тирана. Періандръ былъ отчаянный злодѣй, тиранъ худшаго свойства. Въ Коринѳѣ, своемъ отечествѣ, онъ захватилъ абсолютную власть и поддерживалъ ее огнемъ и желѣзомъ. Онъ убилъ свою беременную жену, ударивъ ее ногою, отчего она упала съ высоты своей комнаты во дворъ дворца. Онъ сжегъ живыми своихъ наложницъ, подозрѣвая ихъ въ ложныхъ извѣтахъ на добродѣтель его жены. Онъ выгналъ и лишилъ наслѣдства своего сына за то, что юноша оплакивалъ смерть своей матери. Наконецъ, такъ какъ жизнь ему стала въ тягость, онъ рѣшился прекратить ее. Но боясь, что его память будетъ проклинаема и позорима, онъ выдумалъ слѣдующее сочетаніе

---

[1]) *Le Banquet des sept Sages*, traduit par Laporte du Theil, In-8°, стр. 216.

злодѣйствъ для того, чтобы его подданные не знали, что́ сдѣлалось съ его тѣломъ.

Онъ призвалъ двухъ преданныхъ слугъ и велѣлъ имъ во время ночи отправиться на нѣкоторую пустынную дорогу.

„Вы убьете, сказалъ онъ имъ, перваго человѣка, котораго встрѣтите, и зароете его тѣло."

Потомъ онъ приказываетъ четыремъ другимъ слугамъ идти на ту же дорогу, убить двухъ людей, которыхъ они тамъ найдутъ, и точно также погребсти ихъ.

Другіе слуги, посланные имъ, убили въ свою очередь и этихъ четырехъ убійцъ.

Вотъ какъ коринѳскій тиранъ былъ умерщвленъ и зарытъ, такъ что никто не могъ узнать, что сдѣлалось съ его тѣломъ. Это не помѣшало ему однако же остаться въ числѣ семи греческихъ мудрецовъ.

Не смотря на свои злодѣйства, Періандръ писалъ прекрасныя нравственныя правила и, что еще хуже, перелагалъ ихъ въ стихи. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ правилъ, не столько, чтобы доказать контрастъ, существующій между словами и дѣйствіями тирана, сколько для того, чтобы дать понятіе, въ чемъ состояла философія этихъ греческихъ мудрецовъ, къ которымъ принадлежали Ѳалесъ и Солонъ.

„Чтобы царствовать спокойно, нужно быть охраняемымъ болѣе любовью народовъ, чѣмъ оружіемъ.

„Отказываться отъ тираніи также опасно, какъ и быть вынужденнымъ ее покинуть.

„Нѣтъ ничего полезнѣе покоя; нѣтъ ничего опаснѣе безразсудства.

„Надежда на выгоду не должна руководить нашими дѣйствіями.

„Наслажденіе — благо преходящее, а честь и слава — блага безсмертныя.

„Человѣкъ, не гордись своимъ возвышеніемъ, и не теряй мужества, когда счастье тебя оставляетъ.

„Одинаково принимай несчастнаго друга и того, кому судьба благопріятствуетъ.

„Храни ненарушимо слово, тобою данное.

„Не говори много, чтобы не проговориться о какой-нибудь тайнѣ.

„Такъ какъ мы наказываемъ тѣхъ, кто дѣлаетъ зло, то слѣдуетъ также наказывать и тѣхъ, кто имѣетъ намѣреніе дѣлать зло.

„Народное правленіе лучше тираническаго."

Стихотворныя, но мало поэтическія изреченія Хилона, Питтака, Біаса, Клеобула, Анахарсиса, вообще говоря не могутъ

ПИРЪ СЕМИ МУДРЕЦОВЪ ГРЕЦІИ.
По античнымъ бюстамъ, срисованнымъ въ *Греческой Иконографіи* Висконти.

равняться съ изреченіями Періандра; и въ особенности не слѣдуетъ въ нихъ искать ничего, даже похожаго на то, что̀ мы теперь называемъ *наукою*, и что̀ греки позднѣе стали называть *философіею*. Въ этомъ отношеніи семь мудрецовъ гораздо ниже такихъ поэтовъ, которые явились за нѣсколько вѣковъ до нихъ, и даже *гномиковъ* [1]), какъ Теогнисъ и Фокилидъ, бывшіе почти ихъ современниками.

Эти гномики продолжали работать въ области науки и не менѣе рѣшительно, чѣмъ Гомеръ и Гезіодъ, брались за самые трудные вопросы о началахъ вещей, о природѣ боговъ и животныхъ, о размѣрахъ и движеніи небесныхъ тѣлъ. Впрочемъ Ѳалесъ и Солонъ, вслѣдствіе полезныхъ и важныхъ свѣдѣній, которыя они переложили въ стихи, были также причисляемы къ *гномикамъ*, — названіе болѣе почетное, чѣмъ названіе, общее имъ съ семью мудрецами, столь мало свѣдущими, о которыхъ мы должны были сказать здѣсь нѣсколько словъ, такъ какъ и въ наше время они еще внушаютъ нѣкоторое уваженіе большинству людей, мало склонному къ разбору и обсужденію славы, освященной преданіемъ и древностью. Major a longinquo reverentia [2]).

Между новыми писателями, Бленвиль, повидимому, всего менѣе обманывался въ дѣйствительномъ философскомъ значеніи мудрецовъ Греціи. Все, что̀ по справедливости должно за ними признать, заключается въ томъ, что это были люди, вѣроятно одаренные отличными качествами ума и сердца (за исключеніемъ, конечно Періандра).

„Соединяя съ познаніями, которыя тогда считались полезными, благоразуміе, развитое опытомъ жизни и годами, это были, говоритъ Бленвиль, люди, къ которымъ обращались за совѣтомъ въ важныхъ обстоятельствахъ и которыхъ употребляли въ самыхъ трудныхъ общественныхъ дѣлахъ... Они старались сдѣлать своихъ согражданъ лучшими, сочиняя изреченія, полныя смысла и легко напечатлѣвающіяся въ памяти народовъ.“

Поспѣшимъ прибавить, что многія изъ этихъ изреченій неправильно были приписываемы мудрецамъ. На это указываетъ

---

[1]) Названныхъ такъ отъ греческаго слова γνώμη, изрѣченіе, правило.

[2]) Въ публичномъ засѣданіи французской Академіи, въ августѣ 1885 года, Сенъ-Маркъ-Жирарденъ читалъ объ *апологѣ и параболѣ въ древности*. Въ этомъ трудѣ дѣйствія греческихъ мудрецовъ разобраны съ тѣмъ остроуміемъ, вмѣстѣ аттическимъ и галльскимъ, которымъ отличается этотъ превосходный писатель.

Діогенъ Лаэртій [1]). Если изрѣченія древни, то и тогда они довольно произвольно приписываются семи мудрецамъ, ибо сами греки не были согласны въ томъ, какія принадлежатъ каждому изъ нихъ. Можетъ быть, это было общее достояніе, какъ *Притчи*, собранныя Соломономъ.

Очень удивительно, что въ эпоху, когда такъ мало нужно было, чтобы заслужить названіе мудреца, никто не вздумалъ отдать эту честь человѣку, который, будучи современникомъ Ѳалеса, Солона и пяти другихъ членовъ въ знаменитой плеядѣ, одинъ съумѣлъ найти и пустить въ обращеніе больше правилъ и полезныхъ наставленій, чѣмъ всѣ семь мудрецовъ вмѣстѣ. Онъ притомъ не ограничился формулированіемъ правилъ; онъ съумѣлъ еще пояснить ихъ и сдѣлать общедоступными посредствомъ образовъ, обнаруживающихъ необыкновенно плодовитое воображеніе. Мы говоримъ объ Езопѣ [2]).

Баснописецъ Езопъ жилъ въ тоже время, какъ и *мудрецы*, и обиталъ въ той же странѣ, въ Малой Азіи. Поэтому историки, намъ кажется, не должны бы забывать его, говоря о семи мудрецахъ, какъ они забываютъ о Конфуціи, другомъ современникѣ, тоже мастерѣ въ правилахъ и наставленіяхъ, который однакоже былъ осужденъ писать для однихъ китайцевъ, для народа, совершенно неизвѣстнаго древнимъ, хотя гораздо раньше ихъ сдѣлавшаго успѣхи въ наукахъ и въ цивилизаціи.

Кромѣ достоинства моралиста, Езопъ, вѣроятно, обладалъ очень обширными познаніями въ естественной исторіи. Это доказывается необыкновеннымъ разнообразіемъ его басенъ. Сами греки такъ смотрѣли на него, потому что богатое содержаніе его апологовъ было ими обработываемо въ различныхъ формахъ, въ прозѣ и стихахъ. Сократъ въ своей темницѣ занимался переложеніемъ въ

[1]) „Что касается ихъ изрѣченій, то мнѣнія объ этомъ различны; однимъ приписываютъ то, что считается сказаннымъ другими.“ (*Les Vies des plus illustres philosophes de l'antiquité*, traduites du grec de Diogène Laërce. In-18. Amsterdam, 1761, t. I. Vie de Thales, стр. 25.

[2]) Висконти въ своей *греческой иконографіи* говоритъ, что греки причисляли Езопа къ числу мудрецовъ, такъ какъ они ставили его изображеніе рядомъ съ изображеніями этихъ знаменитыхъ мужей. Мы привели выше мѣсто изъ *Пира семи мудрецовъ* Плутарха, гдѣ сказано, что Езопъ былъ на этомъ пирѣ и сидѣлъ ниже Солона.

БЮСТЪ ЭЗОПА.

Съ античнаго бюста въ виллѣ Альбани, срисованнаго въ *Греческой Иконографіи* Висконти.

стихи апологовъ Езопа. Эти апологи такъ долго были популярны въ Греціи, что двѣсти тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти автора Дмитрій Фалерейскій издалъ ихъ первое собраніе, за которымъ въ теченіе вѣковъ слѣдовали многія другія. Подобной судьбы не имѣли изрѣченія семи мудрецовъ.

Можетъ быть, намъ возразятъ, что писатели, которые трудились надъ баснями Езопа, вѣроятно, украсили ихъ своими поправками и придали первоначальному автору свой собственный умъ. Тутъ кстати было бы замѣтить, что въ долгъ даютъ только богатымъ! Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно бы было возвеличить эту личность сравнительно съ другими, если бы она не была велика сама по себѣ? Достовѣрно впрочемъ, что во время своей жизни Езопъ пользовался большою славою мудрости и остроумія. Въ качествѣ такого человѣка онъ, подобно Солону, былъ приглашенъ ко двору Креза и внушилъ этому царю, другу ученыхъ, больше довѣрія, чѣмъ знаменитый законодатель Аѳинъ.

И такъ, чего же недоставало Езопу, чтобы примкнуть къ числу мудрецовъ? Мы можемъ сдѣлать только предположеніе, и для этого мы не станемъ прибѣгать къ его безобразію. Но, если не было необходимости быть красивымъ, чтобы заслужить имя мудреца, то, можетъ быть, въ глазахъ грековъ слѣдовало быть свободно рожденнымъ, или по крайней мѣрѣ никогда не бывать рабомъ. Езопъ былъ невольникъ. Одна эта причина была достаточна, чтобы исключить его изъ плеяды семи мудрецовъ и отказать ему въ названіи, общемъ съ лицами, изъ которыхъ нѣкоторыя были цари, а другія — вліятельные граждане своего отечества. Знатность, конечно, ничего не значитъ для истинной славы, но во всѣхъ странахъ она опредѣляетъ почести. И такъ весьма вѣроятно, что бѣдный фригійскій невольникъ, даже освободившись, постоянно былъ признаваемъ ничтожнымъ человѣкомъ среди аристократіи греческихъ умовъ.

Нѣкоторые новѣйшіе біографы рѣшились сказать, что если фригіецъ былъ допущенъ къ лидійскому двору, то только въ качествѣ шута! Шутъ — баснописецъ, у котораго подъ прозрачнымъ порывомъ аллегорій мы видимъ такое глубокое знаніе человѣческаго сердца! Шутъ — человѣкъ, соединявшій съ остроуміемъ удивительную разсудительность и здравый смыслъ; человѣкъ, кото-

рому Крезъ оказывалъ самую глубокую довѣренность, и который когда этотъ царь послалъ его въ Дельфы для совѣта съ оракуломъ, такъ смѣло высказалъ жителямъ свое мнѣніе объ ихъ богѣ и его храмѣ, что они убили его, сбросивъ съ гіампейской скалы!

Мы описали среду, въ которой находился Ѳалесъ, когда учреждалъ въ Іоніи первую философскую школу Греціи. Можно составить себѣ понятіе о средствахъ, какія онъ могъ найти у своихъ современниковъ. Нѣкотораго рода практическая мораль, нѣкоторые политическіе принципы для руководства правительства, извѣстное искусство дѣйствовать на умы народовъ въ маленькихъ городахъ, — цѣль всѣхъ умственныхъ усилій мудрецовъ; при этомъ ничтожныя познанія, но умы достаточно свободные отъ религіознаго вліянія и подготовленные свободою къ великимъ научнымъ изысканіямъ: вотъ что нашелъ основатель первой философской школы, той *Іонійской школы*, которая, по словамъ Кювье, „породила бо́льшую часть правильныхъ взглядовъ на естественныя науки, хотя самые знаменитые ея члены мало успѣли въ искусствѣ изучать природу“. Прибавимъ, что Ѳалесомъ были положены истинныя основанія астрономіи.

Но обратимся къ исторіи его жизни.

Этотъ необыкновенный человѣкъ, вокругъ котораго въ скоромъ времени должно было сгрупироваться столько учениковъ, повидимому не имѣлъ учителя. Это обстоятельство сократитъ намъ разсказъ о его первыхъ годахъ. Платонъ производитъ его отъ Кадма финикіянина, принесшаго въ Грецію алфавитъ своей страны. Такимъ образомъ онъ въ своемъ собственномъ семействѣ могъ найти грамотныхъ наставниковъ.

Эта генеалогія отвергается нѣкоторыми біографами, утверждающими, что родители Ѳалеса больше отличались благородствомъ чувствъ, чѣмъ блескомъ происхожденія.

Оба эти показанія, можетъ быть, возможно согласить. Когда Ѳалесъ родился, все равно въ Милетѣ или въ другомъ мѣстѣ, послѣ смерти Кадма прошло восемьсотъ или девятсотъ лѣтъ. Въ этомъ промежуткѣ, потомство финикійскихъ царей могло сильно упасть.

Какъ бы то ни было, Ѳалесъ былъ сынъ Экзаміуса и Клеобулины, которые, не будучи уже знатными, были все-таки очень

богаты. Они, вѣроятно, занимались торговлею, — занятіе, не приносившее безчестія у финикіянъ, Говорятъ, что на своей родинѣ, ставшей жертвою низкихъ тирановъ, они покинули большія богатства, чтобы не быть ни свидѣтелями, ни соучастниками жестокихъ дѣлъ.

Городъ Милетъ, избранный ими какъ убѣжище, сдѣлалъ имъ благосклонный пріемъ. Они получили въ немъ право гражданства и скоро стали въ первомъ ряду гражданъ. Неизвѣстно, были ли у нихъ еще дѣти, кромѣ Ѳалеса.

Воспитаніе, данное ими сыну, должно было приготовить его къ общественнымъ дѣламъ. Онъ изучилъ законы своей страны и въ скоромъ времени сталъ настолько въ нихъ свѣдущъ, что увидѣлъ необходимость ихъ исправленія. Занявшись этой реформой, Ѳалесъ убѣдился, что она всегда будетъ неполною, если онъ не поведетъ дѣла къ радикальному измѣненію, къ тому, что́ у насъ называется революціею.

Милетъ былъ соединенъ федеративно съ остальными іонійскими городами. Задача, которую нужно было рѣшить въ проектѣ правительства, задуманнаго Ѳалесомъ, состояла въ соглашеніи автономіи частныхъ городовъ съ свободою и могуществомъ всей націи Мы не знаемъ, что́ сталось съ этимъ планомъ; но нужно было упомянуть объ немъ, какъ о доказательствѣ той роли, которую Ѳалесъ въ юности думалъ играть въ правительствѣ своей страны

Весьма вѣроятно, что онъ исполнялъ въ Милетѣ какія-нибудь общественныя обязанности. По Діогену Лаэртію онъ даже оказалъ большую услугу милетцамъ: онъ отговорилъ ихъ отъ союза, въ который Крезъ приглашалъ ихъ противъ персидскаго царя, вслѣдствіе чего они были пощажены Киромъ, когда онъ побѣдилъ лидійцевъ.

Ѳалесъ удивительно успѣвалъ во всѣхъ предметахъ, которыми занимался. Онъ особенно имѣлъ способность къ отвлеченностямъ и понималъ ихъ съ удивительною легкостію. Этотъ особый даръ не далъ ему долго предаваться заботамъ объ общественныхъ дѣлахъ. Онъ удалился отъ нихъ, какъ только убѣдился, что въ Милетѣ было достаточно государственныхъ людей. Неизвѣстно, въ какомъ возрастѣ Ѳалесъ принялъ рѣшимость посвятить себя вполнѣ философіи.

Такъ какъ онъ былъ сперва въ числѣ семи мудрецовъ и даже былъ первый, которому дано было это имя, то насъ не удивитъ, что онъ былъ моралистомъ. Всѣ его біографы говорятъ, что онъ занимался моралью съ такимъ же успѣхомъ, какъ и всѣмъ другимъ. Его считаютъ первымъ авторомъ знаменитаго правила *Γνῶθι σεαυτόν* (*познай самаго себя*), впослѣдствіи приписаннаго Сократу.

Конечно, не намъ рѣшать этотъ вопросъ, восходящій къ столь древнему времени. Чтобъ дать понятіе о Ѳалесѣ какъ о моралистѣ, мы приведемъ здѣсь нѣсколько правилъ или изрѣченій, которыя ему приписываютъ:

„Обиліе словъ не есть признакъ ума. Если вы мудры, то изберите какой-нибудь одинъ предметъ, достойный вашего прилежанія; этимъ вы заставите замолчать многихъ, надѣленныхъ одною гибкостію языка.

„Старый тиранъ — одна изъ самыхъ большихъ рѣдкостей въ мірѣ.

„Мы будемъ переносить свои несчастія съ большимъ терпѣніемъ, если подумаемъ, что судьба нашихъ враговъ еще хуже.

„Чтобы хорошо вести себя, нужно только избѣгать того, что мы порицаемъ въ другихъ.

„Можно почитать счастливымъ того, кто наслаждается здоровьемъ тѣла, у кого есть достатокъ и чей умъ не разслабленъ лѣностью и не притупленъ невѣжествомъ.

„Нужно одинаково быть внимательнымъ къ друзьямъ, съ нами ли они или отсутствуютъ.

„Истинная красота состоитъ не въ украшеніи лица, а въ обогащеніи души наукою.

„Не собирайте имущества дурными путями.

„Старайтесь, чтобы чужія рѣчи не возбуждали васъ противъ тѣхъ, кто пользовался вашимъ довѣріемъ.

„Помните, что дѣти ваши будутъ обходиться съ вами также, какъ вы обходились съ своими родителями".

Такъ какъ Ѳалесъ не былъ простымъ или спеціальнымъ моралистомъ, подобно другимъ мудрецамъ Греціи, то мы имѣемъ отъ него нѣсколько изрѣченій, представляющихъ какъ бы сокращеніе его метафизики и психологіи.

„Богъ есть древнѣйшее существо, такъ какъ не былъ никогда рожденъ.

„Міръ есть великолѣпнѣйшая изъ всѣхъ вещей, такъ какъ онъ есть созданіе Бога; пространство — самая большая, такъ какъ заключаетъ въ себѣ все; умъ — самая быстрая, такъ какъ пробѣгаетъ все протяженіе міра. Необходимость — самая сильная, такъ какъ все побѣждаетъ; время — самая мудрая, такъ какъ открываетъ все, что скрыто."

Послѣ морали и, вѣроятно, вмѣстѣ съ нею размышленія Ѳалеса были заняты отысканіемъ первыхъ началъ и первой причины.

Такова естественная смѣлость молодыхъ ученыхъ, что они прежде всего берутся за самые трудные вопросы. Богъ и міръ— таковы два великіе предмета, надъ которыми Ѳалесъ прилежно упражняетъ свою мысль. Онъ говорилъ, что будучи гражданиномъ міра, онъ не могъ не желать знать свою страну и того, Кто ее создалъ.

Чтобы предаться безъ помѣхи столь глубокимъ изысканіямъ, онъ избралъ себѣ убѣжище, недоступное для городскаго шума, для нахаловъ и любопытныхъ, но постоянно открытое для тѣхъ, кого приводила къ нему любовь къ истинѣ или нужда въ его совѣтахъ. Онъ выходилъ изъ этого святилища только для того, чтобы пообѣдать съ однимъ изъ своихъ друзей Ѳразивуломъ, въ послѣдствіи царствовавшемъ въ Милетѣ. Въ этомъ уединеніи болѣе чѣмъ въ бесѣдахъ съ другими мудрецами, Ѳалесъ пріобрѣлъ свои великія познанія и возъимѣлъ мысль научныхъ изысканій, которымъ впослѣдствіи предался.

Богъ, *міръ* и *человѣкъ* не перестали до сихъ поръ быть главными предметами всякой философіи, да другихъ и быть не можетъ. Первая несозданная причина, абсолютно необходимая — *Богъ;* его произведеніе — созданный *міръ;* существо, также созданное, но одаренное умомъ и могущее относить дѣйствіе къ его причинѣ, *человѣкъ*, — вотъ три предмета великой философіи. Ѳалесъ понималъ это, если справедливо, что формула *Γνῶθι σεαυτόν* принадлежитъ ему. Конечно, Ѳалесъ имѣлъ предшественниковъ; и, можетъ быть, не выходя изъ Азіи, можно найти у поэтовъ, особенно у Гомера, отдѣльные элементы его философіи. Но у Ѳалеса она является въ новомъ видѣ и съ болѣе отчетливымъ характеромъ. Она не облечена въ религіозные миѳы и не покрыта повязками теократіи. Она смѣла и независима въ своемъ ходѣ. Она создана свободнымъ духомъ Милета. Такова отличительная черта и главная заслуга іонійской философіи.

„Итакъ„ говоритъ Баттё, начинается новый порядокъ мышленія. Въ прежнія времена вѣра человѣческаго рода, содержа въ себѣ исторію происхожденія міра и въ этой исторіи главныя основанія религіи и морали, служила базисомъ для фило-

софскихъ разсужденій. Были согласны не только въ фактахъ, но и въ причинахъ и послѣдствіяхъ. Если спорили, то только о лучшемъ способѣ ихъ истолкованія и объясненія другимъ. Но съ настоящей минуты (съ эпохи мудрецовъ или Ѳалеса) все уже будетъ зависѣть отъ метафизики и будетъ колебаться между различными мнѣніями, между глубокимъ чувствомъ, признающимъ исторію первыхъ временъ, и утонченными идеями мыслящихъ умовъ, больше склонныхъ искать разгадокъ природы въ своей головѣ, чѣмъ въ самой природѣ или въ преданіяхъ [1]."

Природа и преданіе не суть одно и тоже. Между ними та же разница, какъ между наблюденіемъ, ищущимъ истины, и предразсудкомъ, полагающимъ, что онъ обладаетъ ею вполнѣ. Очевидно, ученый аббатъ Баттё недоволенъ тѣмъ философскимъ движеніемъ, вся честь котораго принадлежитъ Греціи, хотя онъ очень хорошо его характеризуетъ, кромѣ послѣднихъ строкъ, которыя, понятно, весьма приложимы къ эпохѣ софистовъ, но не могутъ быть отнесены къ Ѳалесу, первому философу, обратившемуся къ изученію природы.

Мы уже видѣли, что думалъ о немъ Кювье; приведемъ теперь слова другаго натуралиста, Бленвиля:

„По свидѣтельству древнихъ, Ѳалесъ милетскій былъ первый и единственный изъ греческихъ мудрецовъ, дѣлавшій изслѣдованія и наблюденія относительно происхожденія вещей, величины и движенія небесныхъ тѣлъ, метеорологическихъ явленій, наконецъ себя самого и души человѣческой; можетъ быть, онъ же положилъ основанія геометріи: вотъ почему впослѣдствіи онъ былъ названъ отцомъ греческой философіи [2]."

Послушаемъ наконецъ Аристотеля, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи больше свѣдѣній о Ѳалесѣ, чѣмъ два указанные французскіе ученые, и съ своей стороны весьма свѣдущаго въ естественной исторіи:

„Ѳалесъ, глава той философіи, которая наблюдаетъ естественныя явленія, говоритъ, что вода есть начало всѣхъ вещей, что всѣ существа были произведены ею и въ нее разрѣшаются [3]".

Какъ говоритъ Аристотель, Ѳалесъ признавалъ одно вещественное начало, воду, изъ которой былъ образованъ міръ и изъ которой образовывались и которой питались всѣ существа, нахо-

---

[1]) *Histoire des premiers principes*. стр. 185 и 186.
[2]) *Histoire des sciences de l'organisation* т. I, стр. 57.
[3]) *Метафизика*, кн. I, гл. III.

дящіяся въ мірѣ. Онъ допускалъ второе начало, уже невещественное, дѣятельно дававшее форму веществу: Бога.

„Ѳалесъ милетскій, говоритъ Цицеронъ, утверждалъ, что вода есть начало всѣхъ вещей, и что Богъ есть тотъ разумъ, который образуетъ изъ воды всѣ вещи [1])“.

Въ настоящее время невозможно рѣшить, была ли мысль о томъ, что вода есть единственный элементъ вещественнаго міра личнымъ мнѣніемъ Ѳалеса, или же онъ заимствовалъ ее отъ египтянъ. Аристотель, остановившись на минуту на этомъ вопросѣ, не взялся отвѣчать на него.

„Чтобы это мнѣніе о природѣ было очень древнее, нельзя сказать навѣрное. Во всякомъ случаѣ Ѳалесу, приписываютъ такія мысли относительно первой причины [2])“.

Но если Ѳалесъ не заимствовалъ этого мнѣнія отъ египтянъ, какъ объяснитъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ представленіемъ, которое Моисей ввелъ въ свое міротвореніе: „Въ началѣ духъ Божій носился надъ водами?“ Если Ѳалесъ еще не былъ въ Египтѣ тогда, когда приписывалъ Богу созданіе міра изъ жидкаго элемента, то не могъ ли онъ получить эту идею отъ евреевъ, бывшихъ тогда въ вавилонскомъ плѣненіи? Ибо необходимо замѣтить что осада, взятіе и разрушеніе Іерусалима Навуходоносоромъ и переселеніе іудеевъ на берега Евфрата — суть событія, происходившія въ ту самую эпоху, когда мудрецы процвѣтали въ Малой Азіи. Всѣ греческіе писатели молчатъ объ этихъ событіяхъ; но изъ этого молчанія невозможно заключать, чтобы о нихъ ничего не знали въ Греціи, а особенно въ Іоніи, которую такъ часто занимали персы и въ которой Киръ одержалъ побѣду надъ лидійцами. Черезъ персовъ, бывшихъ во множествѣ въ береговыхъ городахъ Малой Азіи, греки неизбѣжно знали кое-что о томъ, что́ дѣлалось въ Вавилонѣ. Они сами впрочемъ охотно посѣщали какъ Халдею, такъ и Египетъ, съ цѣлью пріобрѣтенія познаній. Итакъ почему же думать, что они не могли имѣть никакихъ

---

[1]) „Thales Milesius aquam dixit esse initium rerum, Deum autem eam mentem quæ ex aqua cuncta fingeret.“ (*De Natura deorum*).

[2]) Loc. cit.

сношеній съ израильтянами, удерживаемыми въ плѣну въ Вавилонѣ?

Тѣ, кто полагаетъ, что Ѳалесъ былъ приведенъ къ своей системѣ своими собственными физическими наблюденіями, приводятъ на это хорошія основанія. Вода естественно должна была являться уму нашего философа какъ первое и единственное начало вещей, вслѣдствіе той огромной и разнообразной роли, какую она играетъ въ природѣ. Не видимъ ли мы каждую минуту, что вода измѣняетъ свое физическое состояніе? Смотря по тому, замерзаетъ ли она, растаиваетъ или испаряется, она принимаетъ въ нашихъ глазахъ видъ твердый, жидкій или воздухообразный. И такъ какъ это суть три физическія состоянія, въ которыхъ намъ является вещество, то Ѳалесъ заключалъ отсюда, что столь разнообразный элементъ можетъ дать намъ отчетъ во всемъ, что́ существуетъ въ природѣ. Поэтому онъ допустилъ, что вода (помощію дѣятельнаго начала или Бога) можетъ стать воздухомъ огнемъ, землею, деревомъ, металломъ, тѣломъ, кровью, виномъ, и проч. и что всѣ эти тѣла суть вода въ различныхъ степеняхъ сгущенія или разрѣженія [1]).

Сомнительно однако же, чтобы таково именно было толкованіе, которое самъ Ѳалесъ давалъ своей системѣ: мы не имѣемъ никакого свидѣтельства о его настоящихъ взглядахъ.

Система Ѳалеса о происхожденіи и составѣ вещественныхъ тѣлъ, вѣроятно, однако не удовлетворила всѣхъ; ибо Анаксимандръ самый знаменитый изъ учениковъ этого философа, видоизмѣнилъ мысль своего учителя. Онъ не могъ признать одинъ частный элементъ за общее начало столь различныхъ вещей. Поэтому на

---

[1]) Знакомые съ высшими вопросами химической философіи знаютъ, что нынѣшніе химики, соображая теоріи изоморфизма и полиморфизма, сближая цифры химическихъ паевъ металловъ (почти всегда кратныя одного и того же числа), пришли къ подобнымъ же идеямъ, т. е. допускаютъ единство вещества. По этой системѣ, предлагаемой нынѣ химиками, одно гипотетическое вещество, сгущаясь въ различныхъ степеняхъ можетъ произвести всѣ извѣстныя намъ простыя тѣла.

См. объ этомъ *Leçons de philosophie chimique* par M. Dumas (стр. 230), а особенно его *Essai de statique chimique des corps organisés, leçon professée à l'Ecole de Medecine le 20 août 1841*, 3-me ed. 1844. Въ этой лекціи Дюма развиваетъ относительно воздуха идеи, весьма похожія на тѣ, какія Ѳалесъ имѣлъ относительно воды.

мѣсто воды онъ поставилъ нѣкоторую первоначальную субстанцію, которая не была ни водою, ни воздухомъ, ни землею. Изъ этого вещества безъ названія Анаксимандръ производилъ небесныя тѣла, и множество міровъ и существъ, населяющихъ эти міры.

Мы не находимъ, чтобы система Ѳалеса, такимъ образомъ исправленная и затемненная, стала болѣе вѣроятною.

Положительные люди, — они всегда бываютъ вокругъ мыслителей, — вѣроятно, какіе-нибудь богатые жители Милета, завидовавшіе славѣ Ѳалеса, упрекали его въ томъ, что онъ тратитъ свои дарованія на безполезныя занятія, которыя не могли привести его къ богатству. Быть можетъ, они были въ правѣ прибавить, что они поведутъ его къ бѣдности. Дѣйствительно, дѣла нашего философа много пострадали съ тѣхъ поръ, какъ онъ все свое время посвятилъ своимъ умозрительнымъ трудамъ. Поэтому онъ рѣшился доказать насмѣшникамъ, что философія, если удостоитъ снизойти до денежныхъ предпріятій, можетъ повести къ богатству.

Его познанія въ метеорологіи дали ему возможность предвидѣть, что годъ будетъ обиленъ маслинами, и онъ арендовалъ множество маслобоенъ. Послѣ сбора, который дѣйствительно былъ очень обиленъ, онъ сдалъ маслобойни по тѣмъ цѣнамъ, какія хотѣлъ, и такимъ образомъ пріобрѣлъ большую сумму денегъ [1]).

Ѳалесъ не только былъ отцомъ умозрительной философіи: на него нужно еще смотрѣть, какъ на перваго философа, трудившагося надъ приложеніемъ науки, и лишь для лучшаго успѣха въ этомъ онъ началъ съизученія общихъ началъ.

Не смотря на то, толпа продолжала осмѣивать его постоянное наблюденіе явленій природы. Діогенъ Лаэртій разсказываетъ, что однажды, вышедши изъ дому вечеромъ со старухою наблюдать звѣзды, онъ упалъ въ яму.

„Какъ ты можешь, сказала добрая старушка, видѣть, что́ дѣлается на небѣ, если не видишь того, что́ у тебя подъ ногами!“

Эта выходка противъ философа и мудреца не прошла даромъ. Сколько разъ повторяли ее въ прозѣ и стихахъ, въ апологѣ и въ сатирѣ?

Древніе утверждаютъ, что Ѳалесъ сдѣлалъ хорошія открытія

---

[1]) Diogène Laërce: Thalès, т. I, стр. 16.

въ физикѣ; къ несчастію, они до насъ не дошли. Изъ его изслѣдованій природы мы знаемъ немногія, напр. объясненіе разливовъ Нила.

Ѳалесъ приписывалъ разлитіе этой рѣки противнымъ вѣтрамъ, возвращавшимся каждый годъ и задерживавшимъ теченіе рѣки. Впрочемъ, нѣкоторые біографы приписываютъ честь этого объясненія его ученику Анаксимандру.

Наиболѣе достовѣрное открытіе Ѳалеса въ физикѣ — касается электрическихъ явленій. Невозможно теперь сказать, въ какой формѣ явилось у него это открытіе и было ли оно изложено въ какомъ-нибудь сочиненіи этого философа. Мы только изъ позднѣйшихъ писателей знаемъ, что Ѳалесъ зналъ явленіе притяженія легкихъ тѣлъ, обнаруживаемое янтаремъ, когда его потрутъ. Спустя многіе вѣка потомъ это открытіе породило удивительную вѣтвь физики, — ученіе объ электричествѣ. Но былъ ли фактъ, служащій основаніемъ и точкою опоры этой науки, открытъ первоначально Ѳалесомъ, или же этотъ философъ заимствовалъ его отъ болѣе древнихъ наблюдателей? Въ исторической тьмѣ, въ которой теряются эти преданія, невозможно ничего разобрать относительно этого дѣла.

Авторъ довольно посредственной *философской исторіи успѣховъ физики*, А. Либесъ, слѣдующимъ образомъ излагаетъ труды Ѳалеса по физическимъ наукамъ:

„Ѳалесу принадлежитъ, говоритъ Либесъ, раздѣленіе неба на пять поясовъ, — довольно точное измѣреніе видимаго діаметра солнца, изложеніе ученія о равноденствіяхъ. Онъ показалъ, что можно пользоваться Малою Медвѣдицею во время мореплаванія; онъ открылъ дѣйствительную причину фазисовъ луны, умѣлъ первый изъ грековъ предсказывать солнечныя затмѣнія и опредѣлять съ большою точностію форму, движенія и величину свѣтилъ. Эти полезныя познанія, вмѣстѣ съ тѣми, которыя онъ заимствовалъ у египтянъ и которыя онъ ревностно сообщалъ всѣмъ, что желалъ его слушать, были причиной, что на него смотрѣли какъ на перваго изъ семи мудрецовъ. Ѳалесъ не былъ всегда такъ счастливъ въ своихъ изъясненіяхъ. Его воображеніе иногда разставляло ему сѣти, отъ которыхъ онъ не умѣлъ уберечься. Планеты, солнце, звѣзды, — все питается парами, говорилъ онъ громко въ своихъ урокахъ. Одно и тоже начало питаетъ всѣ тѣла, и это начало — вода. Притягательная сила магнита и электрическое свойство янтаря казались ему свойствами достаточными для того, чтобы приписать этимъ веществамъ душу. Онъ признаетъ единый міръ: всѣ свѣтила обращаются вокругъ его центра, занятаго землею, круглота которой ему кажется несомнительною; а земля покоится на поверхности воды [1])."

[1]) In 8° Paris, т. I, стр. 8—10.

Различные трактаты, написанные Ѳалесомъ объ астрономіи, потеряны; но черезъ его учениковъ извѣстна часть открытій, сдѣланныхъ имъ въ наукѣ.

Эти ученики находились не только въ Милетѣ, но и во всѣхъ городахъ Малой Азіи. Онъ не собиралъ ихъ въ извѣстные дни для слушанія; у него не было школы, какъ была она впослѣдствіи у Пиѳагора въ Великой Греціи, у Платона и Аристотеля въ Аѳинахъ. То ученики его посѣщали, то онъ самъ ихъ посѣщалъ. Сообщали другъ другу работы, указывали другъ другу новые предметы изслѣдованій; въ такихъ бесѣдахъ учитель толковалъ и развивалъ найденныя имъ формулы.

Вотъ нѣкоторыя изъ числа изрѣченій, всего яснѣе излагающихъ физику и метафизику Ѳалеса:

„Вода есть начало всего; все изъ нея происходитъ и въ нее разрѣшается.

„Есть только одинъ міръ; онъ есть твореніе Бога; слѣдовательно, онъ совершенъ.

„Богъ есть душа міра.

„Міръ есть самая обширная изъ вещей, существующихъ въ пространствѣ.

„Нѣтъ пустоты.

„Все измѣняется и каждое состояніе вещей только мгновенно.

„Вещество постоянно раздѣляется, но это раздѣленіе имѣетъ свой предѣлъ.

„Ночь существовала раньше всего.

„Смѣшеніе происходитъ отъ сочетанія элементовъ.

„Звѣзды имѣютъ земную природу, но воспламененную.

„Луна освѣщается солнцемъ.

„Есть лишь одна земля; она находится въ центрѣ міра. Этезійскіе вѣтры, дующіе противъ теченія Нила, задерживаютъ его и производятъ разливы.

„Есть первобытный Богъ, самый древній; онъ не имѣлъ начала и не будетъ имѣть конца.

„Этотъ Богъ непостижимъ; отъ него ничто не сокрыто; онъ видитъ въ глубинѣ нашихъ сердецъ.

„Есть демоны или геніи и герои.

„Демоны суть души, отдѣленныя отъ тѣла; они добрые, если души были добрыя; злые—если души были злыя.

„Душа человѣческая всегда движется сама собою. Неодушевленныя вещи не имѣютъ чувства и души.

„Душа безсмертна.

„Всѣмъ управляетъ необходимость.

„Необходимость есть неизмѣнная сила и постоянная воля Провидѣнія."

Уроки Ѳалеса были даровые. Это безкорыстіе должно было увеличивать число его учениковъ; ибо во времена Ѳалеса, какъ и нынѣ, люди, предававшіеся философскимъ умозрѣніямъ, вообще не были избалованы счастіемъ.

Греческій геній, любящій все идеализировать, изобрѣлъ прекрасную басню, чтобы приписать Ѳалесу первое мѣсто между философами.

Нѣсколько молодыхъ іонянъ купили у рыбаковъ тоню, которую тѣ закидывали. Вытащенъ былъ золотой треножникъ, который сочли за произведеніе Вулкана. Завязался споръ между молодыми людьми и рыбаками. Чтобы покончить его, жители Милета послали спросить оракула. Богъ далъ такой отвѣтъ:

„Я присуждаю треножникъ тому, кто всѣхъ мудрѣе!"

Тотчасъ по общему согласію его отдали Ѳалесу. Но Ѳалесъ послалъ его другому мудрецу, тотъ третьему и т. д., пока наконецъ треножникъ не дошелъ до Солона.

Солонъ отослалъ треножникъ назадъ въ Дельфы, сказавши, что нѣтъ никого, кто бы былъ мудрѣе Бога [1]).

Посмотримъ теперь, какъ геній Ѳалеса, развитый умозрительною философіею, повидимому занимавшею первую половину его жизни, обнаружился наконецъ въ нѣкоторыхъ фактахъ, поразившихъ толпу удивленіемъ. Ѳалесъ не изобрѣлъ астрономіи, науки, возникшей по частямъ повсюду и для настоящаго развитія требовавшей помощи другихъ наукъ, слишкомъ мало успѣвшихъ въ это время; но достовѣрно и свидѣтельствуется всѣми древними, что онъ первый посвятилъ грековъ въ тогдашнія астрономическія познанія.

Если Ѳалесъ ничего не заимствовалъ у халдейскихъ астрономовъ, то какой народъ доставилъ ему элементы астрономическихъ познаній?

Это были, можетъ быть, финикіяне, ихъ преданія, сохранявшіяся въ семействѣ *Талидовъ*, къ которому онъ принадлежалъ. Финикіяне, первые извѣстные мореплаватели, не могли быть съ незапамятныхъ временъ искусны въ этомъ дѣлѣ, не пріобрѣтя въ астрономіи, механикѣ, геометріи познаній, неизвѣстныхъ другимъ народамъ. Если вѣрить отрывкамъ, дошедшимъ до насъ подъ именемъ Санхоніатона, одного изъ финикійскихъ писателей, бывшаго почти современникомъ Моисея, то финикіяне даже обладали

---

[1]) Diogène Laërce, in 18. Amsterdam, 1761, *Thalès*, т. I, стр. 17.

научною теоріею происхожденія міра, другими словами, *космогоніею*, имѣвшею нѣкоторое родство съ космогоніею Ѳалеса.

Какъ бы то ни было, нашъ философъ еще до своего путешествія въ Египетъ, совершеннаго имъ уже шестидесяти лѣтъ отъ роду, далъ своимъ соотечественникамъ блистательное доказательство точности своихъ астрономическихъ познаній. Онъ предсказалъ іонянамъ полное солнечное затмѣніе.

Утверждаютъ, что затмѣніе случилось въ предсказанный день, и случилось при достопамятныхъ обстоятельствахъ. Въ то время лидійцы воевали съ македонянами. Они бились съ ожесточеніемъ; какъ вдругъ свѣтъ солнца исчезъ. Это такъ испугало обѣ арміи, что они побросали свое оружіе и отказались сражаться. Тогда вспомнили о предсказаніи Ѳалеса. Онъ могъ бы, если бы хотѣлъ, прослыть богомъ; но подобное честолюбіе не могло придти въ голову философу.

Разсказъ этотъ заимствованъ изъ Геродота. Но мы должны прибавить, что „отецъ исторіи" не смотря на то, что его упрекаютъ въ склонности къ чудесному, не высказывается рѣшительно относительно времени предсказанія затмѣнія. Вотъ текстъ, приводимый Деламбромъ:

„Случилось, что день вдругъ обратился въ ночь; перемѣна, которую Ѳалесъ милетскій предсказалъ іонійскимъ народамъ, *назначивъ предѣломъ своего предсказанія годъ, въ которомъ это дѣйствительно совершилось.*"

Это значитъ, Ѳалесъ объявилъ милетцамъ, что годъ не пройдетъ безъ того, чтобы не было полнаго солнечнаго затмѣнія. итакъ его астрономическая наука нуждалась въ извѣстной отсрочкѣ. Однако и то уже было не мало, такъ какъ до него никто, по крайней мѣрѣ у грековъ, не заходилъ такъ далеко. Впрочемъ новѣйшіе астрономы рѣшительно доказали, что Ѳалесъ, по несовершенству средствъ, которыми онъ обладалъ, не могъ навѣрное предвѣщать, что солнечное затмѣніе, случившееся въ его время, будетъ видимо въ Іоніи [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, хотя Ѳалесъ съ большимъ успѣхомъ занимался математикою, онъ не могъ, при томъ состояніи этой науки,

[1]) Полагаютъ, что это было затмѣніе 603 или 601 года.

какое онъ нашелъ въ Греціи или до какого онъ самъ ее довелъ, найти въ ней средства вычислить возвращеніе солнечныхъ и лунныхъ затмѣній. До этого результата наука дошла только спустя многіе вѣка послѣ Ѳалеса.

Средства астрономическихъ наблюденій Ѳалеса были очень просты. Съ давняго времени халдеи, пользуясь своимъ безоблачнымъ небомъ, предавались внимательному изслѣдованію неба.

„Халдеи, говоритъ Деламбръ, были прилежными наблюдателями наиболѣе важныхъ явленій, представляемыхъ имъ небесными движеніями; они замѣчали всѣ затмѣнія и, безъ сомнѣнія, также фазисы луны; они записывали ихъ въ теченіе многихъ вѣковъ: одни говорятъ — въ теченіе тысячи семисотъ лѣтъ; другіе — въ теченіе еще большаго пространства времени. Эти списки скоро должны были обнаружить періодъ двухъ сотъ двадцати трехъ лунныхъ мѣсяцевъ или восьмнадцати лѣтъ, послѣ котораго всѣ затмѣнія повторяются, въ особенности лунныя. Наблюденіе фазисовъ новолуній и полнолуній должно было показать болѣе важный и болѣе употребительный періодъ двухъ сотъ тридцати пяти лунныхъ мѣсяцевъ или девятнадцати лѣтъ послѣ котораго и противостоянія возвращаются на тѣже точки неба и тѣже дни года“.

Итакъ весьма вѣроятно, что Ѳалесу были сообщены нѣкоторыя изъ этихъ таблицъ вавилонянами, мидянами или финикіянами, и что онъ съ этими познаніями могъ приблизительно предсказать эпоху затмѣнія.

Деламбръ, хотя менѣе благосклонный къ Ѳалесу, чѣмъ Бальи, далеко не отвергаетъ важности его астрономическихъ познаній. Онъ излагаетъ эти познанія слѣдующимъ образомъ:

„Ѳалесъ, говоритъ Деламбръ, считается основателемъ греческой астрономіи. Онъ говорилъ, что звѣзды состоятъ изъ огня; что луна получаетъ свѣтъ отъ солнца; что въ конъюнкціяхъ она невидима, потому что поглощается солнечными лучами. Онъ могъ бы прибавить, что тогда она обращаетъ къ намъ ту сторону, которая не получаетъ отъ солнца никакого свѣта. По его ученію, земля шаровидна и находится въ серединѣ міра. Небо раздѣляется пятью кругами, экваторомъ, двумя тропиками, арктическимъ и антарктическимъ кругомъ. Эти послѣдніе два круга заключаютъ въ себѣ, — одинъ звѣзды, которыя никогда не заходятъ, другой—звѣзды, которыя всегда находятся подъ горизонтомъ. Эклиптика пересѣкаетъ экваторъ косвенно, меридіанъ пересѣкаетъ всѣ круги перпендикулярно. Онъ могъ бы исключить изъ нихъ эклиптику, почти всегда пересѣкаемую подъ угломъ, безпрерывно измѣняющимся. Онъ раздѣлялъ годъ на триста шестьдесятъ пять дней. Онъ нашелъ *движеніе солнца по склоненію*,—искское выраженіе, которое будетъ не вѣрно, если подъ нимъ разумѣть, что Ѳалесъ открылъ движеніе издавна доказываемое тѣнями гномона. Выраженіе не достаточно полно, если имъ хотѣли сказать, что Ѳалесъ далъ правила для вычисленія этого движенія; да и въ этомъ смыслѣ утвержденіе было бы также ложно,

какъ и въ первомъ; ибо сферическая тригонометрія еще не существовала въ Греціи, такъ какъ ее изобрѣлъ Гиппархъ... Каллимахъ говоритъ, что онъ опредѣлилъ положеніе звѣздъ, которыя составляютъ Малую Медвѣдицу и по которымъ финикіяне направляли свое плаваніе. Но нельзя понять, какъ онъ могъ безъ инструментовъ опредѣлить что-нибудь, кромѣ расположенія и числа звѣздъ, между которыми онъ, можетъ быть, указалъ на ближайшую къ полюсу. Ему приписывали, по показанію Діогена Лаертія, книгу о морской астрономіи и книгу о солнцестояніи и равноденствіи. Эти сочиненія были бы любопытны, но они потеряны и нигдѣ нѣтъ на нихъ ссылокъ. [1]"

Послѣ исполнившагося предсказанія о затмѣніи слава Ѳалеса прочно утвердилась въ Греціи. Въ своемъ отечествѣ Милетѣ онъ былъ предметомъ почтенія и удивленія согражданъ. Старухи уже не дерзали обращать къ нему снова насмѣшку, которая спустя болѣе двадцати вѣковъ дала поводъ Лафонтену къ одной изъ самыхъ посредственныхъ басенъ.

Но чтó сдѣлалось послѣ его смерти! Общественное удивленіе милетцевъ приняло тонъ диѳирамба. Философъ, столь мало оцѣненный согражданами при жизни, сталъ почти божественнымъ человѣкомъ, когда перешелъ въ царство тѣней. Какъ видно, природа человѣческая всегда одна и таже, какъ въ древности, такъ и въ наше время. Великій человѣкъ становится великимъ только послѣ своей смерти!

Однако мы забѣжали впередъ нашего разсказа.

Ѳалесъ уже близился къ старости, когда рѣшился покинуть родину и искать науки и философіи въ африканскихъ ея святилищахъ. Въ этомъ путешествіи по Египту его сопровождалъ другъ его Солонъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ слѣдующаго письма Ѳалеса къ другому другу, Ферекиду изъ Сироса:

„Я узналъ, что вы первый изъ іонянъ готовитесь дать грекамъ *Трактатъ о божественныхъ вещахъ*, и можетъ быть, вы лучше сдѣлаете, обнародовавши это сочиненіе, чѣмъ повѣряя ваши мысли людямъ, которые не съумѣютъ сдѣлать изъ нихъ употребленіе. Прошу васъ сообщить мнѣ то, чтó вы пишете и, если вы того желаете, и тотчасъ же навѣщу васъ. Не думайте, чтобы я и Солонъ были такъ мало разсудительны, что, посѣтивши Критъ изъ любопытства и проникнувъ въ Египетъ съ цѣлью воспользоваться бесѣдою тамошнихъ жрецовъ и астрономовъ, мы не имѣли бы такого же желанія сдѣлать путешествіе къ вамъ; ибо Солонъ, если вы согласны, будетъ сопровождать меня. Вы любите мѣсто, гдѣ живете, рѣдко покидали

---

[1] *Histoire de l'astronomie ancienne*, In 4°. Paris 1817, т. I. стр. 13—14.

его, чтобы побывать въ Іоніи, и вовсе не имѣете желанія видѣть иностранцевъ. Я полагаю, вы заняты только своими трудами; но такъ какъ мы не пишемъ, то мы посѣщаемъ Грецію и Азію."

Когда Ѳалесъ прибылъ въ Египетъ, тамъ царствовалъ царь Амазисъ.

Амазисъ былъ другъ ученыхъ, и особенно былъ благосклоненъ къ грекамъ, ибо первый изъ всѣхъ царей Египта онъ даровалъ этому народу свободный входъ въ свое государство. Итакъ онъ отлично принялъ Ѳалеса, столь знаменитаго между греками. Вѣроятно, Амазисъ облегчилъ ему доступъ въ таинственные храмы, гдѣ жрецы хранили науку; въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ біографовъ не упоминаетъ ни о какихъ затрудненіяхъ, которыя могъ въ этомъ случаѣ встрѣтить Ѳалесъ.

Но за то всѣ разсказываютъ фактъ, который намъ кажется весьма простымъ, а тогда произвелъ впечатлѣніе чуда.

Достигши Мемфиса, гдѣ жили самые ученые геометры, Ѳалесъ просилъ чтобы его повели къ подножію какой-нибудь пирамиды, и тутъ въ присутствіи царя, всего двора и всей жреческой коллегіи, научилъ жрецовъ, какъ измѣрить высоту этой пирамиды посредствомъ ея тѣни.

Это измѣреніе, возбудившее удивленіе всѣхъ зрителей, составляетъ предметъ большаго спора у новѣйшихъ ученыхъ. Одни указываютъ на него какъ на доказательство, что Ѳалесъ никогда не бывалъ въ Египтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нужно было ему учиться тамъ геометріи, если онъ зналъ ее лучше жрецовъ? Другіе допускаютъ путешествіе въ Египетъ, но отвергаютъ измѣреніе, такъ какъ оно требуетъ познанія свойствъ равносторонняго треугольника, которыхъ Ѳалесъ еще не могъ знать.

Послѣднимъ можно возразить: почемъ вы знаете? Математика не была во времена Ѳалеса готовою наукой; но тогда она развивалась съ каждымъ днемъ. Между учеными, занимавшимися ею, одинъ находилъ одну теорему, другой другую, третій уяснялъ ихъ новымъ доказательствомъ. Въ этихъ послѣдовательныхъ пріобрѣтеніяхъ науки иногда очень трудно, за неимѣніемъ точныхъ указаній, опредѣлить участіе каждаго изобрѣтателя. Такъ, говоря объ одномъ Ѳалесѣ, которому больше другихъ приписывается от-

крытій въ геометріи, мы находимъ, что ему приписываютъ способъ вписать прямоугольный треугольникъ въ полукругъ; но Діогенъ Лаэртій, считая его изобрѣтателемъ этого способа, приписываетъ это же изобрѣтеніе и Пиѳагору.

Чтó до перваго возраженія, то мы не находимъ въ немъ основательности. Не каждый ли день мы находимъ, что люди, преданные наукѣ, стараются сблизиться съ себѣ подобными, чтобы помѣняться съ ними своими познаніями? Весьма легко предположить у Ѳалеса познанія элементарной геометріи, какихъ требовало его измѣреніе, ибо онъ зналъ свойства равносторонняго треугольника. Онъ зналъ, что если двѣ прямыя линіи пересѣкаются, то углы противолежащіе вершинами равны; что треугольники, имѣющіе равные углы, имѣютъ стороны пропорціональныя. При томъ измѣреніе не требовало даже и этихъ познаній. Развѣ онъ не могъ воткнуть возлѣ пирамиды палку извѣстной высоты и измѣрить тѣнь и этой палки и пирамиды? Тогда ему оставалось бы только найти четвертый членъ пропорціи, три члена которой извѣстны. Развѣ онъ не могъ сдѣлать еще проще, — подождать, пока тѣнь его палки станетъ равною ея высотѣ и измѣрить въ это мгновеніе тѣнь пирамиды? Въ такомъ случаѣ пирамида, подобно палкѣ, была бы измѣрена собственною тѣнью.

Изъ удивленія жрецовъ не слѣдуетъ заключить, что у нихъ не было никакихъ серьезныхъ познаній въ геометріи. Исторія наукъ доказываетъ, что множество открытій столь же простыхъ производили чрезвычайное удивленіе. Теорія извѣстна многіе вѣка, случаи къ ея приложенію представляются каждый день, но никто объ этомъ не думаетъ. Остроумный человѣкъ, которому первому приходитъ мысль такого приложенія, покрываетъ себя безсмертною славою.

Ѳалесъ не долго пробылъ въ Египтѣ. Амазисъ, принявшій его такъ хорошо, желалъ вознагражденія за свой царскій пріемъ. Амазисъ считалъ себя ученымъ и хотѣлъ, чтобы его знаменитый посѣтитель публично призналъ его таланты и передъ всѣми выразилъ къ нему свое уваженіе. Царь думалъ, что онъ столько сдѣлалъ для философа, что тотъ не откажетъ ему въ этой лестной чести. Но, какъ прекрасно сказалъ аббатъ Канэ: „великіе таланты не въ ладу съ гибкостію.“

Ѳалесъ не хотѣлъ унизить передъ величіемъ трона права философіи и науки. Поэтому онъ тотчасъ покинулъ землю фараоновъ.

Онъ возвратился въ свое отечество, посѣтивши островъ Критъ и, вѣроятно, островъ Сиросъ, гдѣ мирно философствовалъ его другъ Ферекидъ, тогда какъ онъ самъ странствовалъ по свѣту и посѣщалъ дворы царей.

Возвратившись въ Милетъ, Ѳалесъ нашелъ тамъ своихъ прежнихъ учениковъ. Онъ принялся за свои уроки, конечно обогащенные многими новыми мыслями, собранными имъ во время путешествій.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно думать, чтобы Ѳалесъ ничего не вывезъ изъ Египта. Всѣ великіе люди Греціи посѣщали эту страну, гдѣ науки божественныя и человѣческія имѣли свои святилища въ то время, какъ весь остальной міръ, за исключеніемъ, можетъ быть, Халдеи или нѣкоторыхъ мѣстъ Индіи, пребывалъ въ невѣжествѣ. Туда ѣздили Ѳалесъ и Солонъ; послѣ нихъ Пиѳагоръ, потомъ Платонъ и многіе другіе знаменитые люди. Никто изъ нихъ не жаловался, что напрасно потерялъ труды. Напротивъ всѣ отдавали честь египетской наукѣ, хотя смутной и часто умышленно затемненной мистическими покровами, но плодотворной и богатой всякаго рода элементами. Наука, скрывавшаяся въ глубинѣ египетскихъ святилищъ, была родъ умственнаго хаоса. Грекамъ суждено было привести ее въ порядокъ, и вотъ зачѣмъ они хотѣли видѣть ее вблизи, внутри самыхъ храмовъ.

Ѳалесъ имѣлъ такую же цѣль, и, вѣроятно, онъ первый извлекъ дѣйствительную пользу изъ египетской науки. Онъ далъ болѣе научный видъ познаніямъ, которыя вынесъ изъ египетскихъ храмовъ. Ему принадлежитъ слава, что онъ вывелъ на свѣтъ философію и науку, до тѣхъ поръ скрытыя въ тишинѣ алтарей. Онъ навсегда сдѣлалъ ихъ свѣтскими въ древней Греціи, передавшей ихъ потомъ цѣлому міру. Таковъ былъ славный подвигъ послѣдней половины его жизни.

Діогенъ Лаэртій говоритъ, что Ѳалесъ былъ женатъ на женщинѣ, имя которой неизвѣстно и отъ которой у него былъ сынъ, по имени Кибиссъ. Но всѣ другіе писатели утверждаютъ, что у него никогда не было жены. Когда мать его убѣждала жениться, онъ сперва отвѣчалъ, что было слишкомъ рано. Спустя многіе

годы, когда она стала повторять свои настоянія, онъ отвѣчалъ, что уже слишкомъ поздно.

Не одна его мать тревожила его на счетъ женитьбы. Другъ его Солонъ, человѣкъ женатый, иногда принимался за тѣ же увѣщанія. Ѳалесъ, чтобы прекратить его совѣты, употребилъ аргументъ ad hominen, составляющій подражаніе Соломону и довольно жестокій.

Однажды, когда они были вмѣстѣ при дворѣ царя Креза и Солонъ опять принялся за совѣты, въ особенности выхваляя Ѳалесу радости отеческихъ чувствъ, Ѳалесъ подъучилъ одного человѣка явиться и сказать, что онъ только что прибылъ изъ Аѳинъ. Его стали спрашивать, что́ тамъ слышно новаго.

„Ничего, отвѣчалъ онъ, только всѣ сильно огорчены смертью одного молодаго человѣка, отецъ котораго, находящійся въ отсутствіи, принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ лицамъ республики.

— Не помните ли вы имени этого несчастнаго отца? спрашиваетъ Солонъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Его часто называли при мнѣ, но такъ какъ я не тамошній и не знаю этого гражданина, то я забылъ, какъ его зовутъ."

Солонъ называетъ ему нѣсколько именъ. Иностранецъ на каждое отвѣчаетъ „нѣтъ".

„Можетъ быть, спрашиваетъ все больше и больше смущенный философъ, вамъ называли Солона?"

— Да, такъ именно звали отца.

И вотъ Солонъ погруженъ въ глубочайшую горесть. Онъ проливаетъ слезы, бьетъ себя по лицу и предается отчаянію.

Тогда Ѳалесъ обращается къ нему:

„Ну вотъ, скажете ли вы по прежнему, что сладко быть отцомъ? Впрочемъ, не тревожтесь и возвратитесь къ вашему философскому спокойствію. Все, что́ вы слышали — чистая выдумка!"

Урокъ, конечно, былъ жестокій. Онъ отнялъ у Солона всю охоту уговаривать друга къ женитьбѣ.

Говорятъ, что Ѳалесъ, достигшій глубокой старости, былъ посѣщенъ Пиѳагоромъ, и что именно вслѣдствіе его совѣтовъ Пиѳагоръ навѣстилъ Египетъ и его жрецовъ.

Ѳалесъ пересталъ философствовать только со смертью. Онъ умеръ отъ случая или скорѣе отъ слабости. Когда онъ, не смотря

на старость, присутствовалъ при играхъ, жажда и знойный день вмѣстѣ съ дряхлостью причинили ему почти внезапную смерть. Говорятъ, онъ дожилъ до девяноста лѣтъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ былъ задушенъ толпою, возвращавшеюся съ игръ.

Тѣло его было погребено въ полѣ. На гробницѣ его сдѣлана была такая гиперболическая надпись:

Насколько мала эта гробница Ѳалеса, настолько велика слава этого царя астрономовъ въ области звѣздъ.

Мы уже сказали, что знаменитѣйшимъ изъ его учениковъ былъ Анаксимандръ, нѣсколько измѣнившій систему физики своего учителя.

У Анаксимандра былъ ученикъ Анаксименъ, преемникъ его въ милетской школѣ.

Въ свою очередь, видоизмѣняя космогонію Ѳалеса, Анаксименъ считалъ воздухъ началомъ всѣхъ вещей. Онъ утверждалъ, что всѣ существа образуются изъ сгущеннаго и разрѣженнаго воздуха. И такъ на мѣсто воды былъ поставленъ воздухъ. Но тѣмъ не менѣе признавалось единое вещественное начало. Сгущеніе и разрѣженіе одного первобытнаго элемента играло ту же роль, какъ въ первоначальной системѣ. Ученіе Ѳалеса было сохраняемо его послѣдователями.

ПИѲАГОРЪ.

Мало людей въ древности пользовались такою славою, какъ Пиѳагоръ. Въ первыя времена христіанской эры этому философу почти поклонялись, какъ Богу. Его ученіе, толкуемое различнымъ образомъ, стало точкою исхода для безчисленнаго множества философскихъ сектъ. И однако же отъ этого великаго генія, вслѣдствіе дѣятельности котораго столько людей мыслило и писало, людей знаменитыхъ между современниками и потомками, не осталось никакого лично ему принадлежащаго произведенія, никакого сочиненія, которое можно бы было ему приписать, да кажется, и никогда не существовало его подлинныхъ произведеній,

Мы имѣемъ только смутныя, неопредѣленныя преданія о мѣстѣ и времени рожденія Пиѳагора, а также о первой половинѣ его жизни, бывшей весьма долгою, подобно жизни весьма многихъ ученыхъ древности. Впрочемъ, вторая ея половина, уже озаренная свѣтомъ исторіи, представляетъ намъ этого мужа въ настоящихъ его размѣрахъ, и эти размѣры столько же величавы, какъ и прекрасны.

Легко изъ этого видѣть, что Пиѳагоръ представлялъ всѣ условія, при которыхъ человѣкъ становится легендарнымъ. Если прибавимъ къ этому способъ его преподаванія, исключительно устный, самые уроки, почти всегда имѣвшіе видъ афористическихъ догматовъ, и суровый образъ жизни, который онъ велъ и заставлялъ вести своихъ учениковъ, то мы не будемъ удив-

ляться, что потомки украсили его исторію нѣкоторыми изъ тѣхъ сверхъестественныхъ и чудесныхъ фактовъ, какими сопровождается жизнь всякаго основателя новой религіи. И такъ Пиѳагора окружаетъ легенда; она начинается еще раньше его рожденія.

Мнезархъ, его отецъ, былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и рѣзчикомъ печатей на Самосѣ, островѣ Эгейскаго моря, лежащемъ близъ береговъ Малой Азіи, недалеко отъ Іоніи. Одинъ изъ его предковъ, Анкей, царствовалъ на этомъ островѣ.

Женившись на одной изъ своихъ родственницъ, Парѳенисѣ, Мнезархъ черезъ нѣсколько времени послѣ сватьбы поѣхалъ съ женою въ Дельфы. Онъ хотѣлъ воспользоваться праздникомъ, происходившимъ въ этомъ городѣ, и продать перстни и другія подѣлки своего ремесла.

Но можно ли быть въ Дельфахъ и не спросить ихъ оракула? Нашъ золотыхъ дѣлъ мастеръ обратился къ Аполлону съ вопросомъ о будущности заключеннаго имъ союза.

Богъ посовѣтовалъ ему плыть въ Сирію. Онъ утверждалъ, что путешествіе это будетъ обильно благополучіемъ, и что въ этой странѣ жена его дастъ ему сына, который будетъ блистать своею красотою, мудростью, дѣлами, будетъ полезенъ всѣмъ людямъ и всѣмъ вѣкамъ.

Нужно было повиноваться столь благосконному предсказанію. Супруги отправились въ Сирію съ деньгами, вырученными на ярмаркѣ въ Дельфахъ.

Они высадились въ Сидонѣ, недалеко отъ Тира.

Въ Сидонѣ Парѳениса дѣйствительно родила мальчика. У древнихъ народовъ Востока было въ обычаѣ, принимать другое имя вслѣдствіе какого-нибудь событія, составлявшаго эпоху въ жизни лица. Парѳениса послѣ рожденія сына приняла имя *Пиѳіады*, въ память Аполлона *Пиѳійскаго*, предсказаніе котораго такъ счастливо исполнилось. Желая также связать имя этого бога съ именемъ сына, она назвала его *Пиѳагоромъ*, т. е. *предсказаннымъ Пиѳіею*.

Если вѣрить этой легендѣ, то она подтверждаетъ показаніе нѣкоторыхъ, что Пиѳагоръ родился въ Финикіи.

По другимъ авторамъ, указываемымъ Діогеномъ Лаэртіемъ, Пиѳагоръ тирренецъ. Онъ будто бы родился на островахъ этого имени, обитатели которыхъ, будучи побѣждены и изгнаны аѳи-

БЮСТЪ ПИѲАГОРА.
Съ античнаго бюста Неаполитанскаго музея

нянами, поселились колоніями въ Этруріи. Но мнѣніе самое распространенное, что Пиѳагоръ родился въ Самосѣ, городѣ и островѣ Эгейскаго моря, у берега Малой Азіи.

Чтó касается времени рожденія Пиѳагора, то разногласій здѣсь столько же, какъ и относительно его родины: показанія расходятся на значительной промежутокъ, — напр. отъ сорокъ третьей до пятьдесятъ третьей олимпіады, т. е. на сорокъ лѣтъ. Не теряя нашего времени на сближеніе цифръ, указываемыхъ древними авторами, придававшими хронологіи мало важности, мы примемъ результатъ ученыхъ изысканій Фрере де-Ланоза [1]), который, не опредѣляя съ точностью года рожденія Пиѳагора, ставитъ его между сорокъ девятой и пятидесятой олимпіадой, то есть около 580 г. до рожд. Христ.

Возвратимся къ Мнезарху. Мы оставили его въ Сидонѣ, куда, чтó бы ни говорила легенда, его могли привести просто требованія его торговли. Художникъ, ремесленникъ, космополитъ, Мнезархъ велъ большія дѣла, не ограничивавшіяся спеціально золотыхъ дѣлъ мастерствомъ. Притомъ онъ былъ родомъ изъ Тира, чѣмъ достаточно объясняется его путешествіе въ городъ, гдѣ онъ могъ навѣщать своихъ родныхъ или друзей.

Какъ бы то ни было, Мнезархъ, побывавши въ Сидонѣ, возвратился въ Самосъ съ своимъ сыномъ, въ которомъ уже готовъ былъ видѣть всѣ признаки высокой судьбы, предсказанной ему Аполлономъ.

Нѣкогда, во время голода, Мнезархъ снабдилъ хлѣбомъ островъ Самосъ, и жители его изъ благодарности даровали ему право своего гражданства. Съ этой-то эпохи онъ сталъ считать островъ новымъ своимъ отечествомъ. Когда онъ вернулся въ него, первымъ его дѣломъ было воздвигнуть алтарь Аполлону; затѣмъ онъ постарался окружить сына всякими заботами, какія могли способствовать исполненію божественнаго пророчества.

Мнезархъ имѣлъ впрочемъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства дать юному Пиѳагору прекрасное воспитаніе. Дитя, обладавшее прекраснѣйшими дарованіями, отвѣчало блестящими успѣхами на заботы родителей.

---

[1]) T. XIII et XIV des *Memoires de l'Academie des inscriptions.*

Таковы, вѣроятно, были дѣйствительные факты, которые легенда о дельфійскомъ оракулѣ не измѣнила, а только украсила.

Сынъ Мнезарха и Парѳенисы съ каждымъ днемъ возрасталъ въ красотѣ, мудрости и кротости. Такъ какъ онъ носилъ длинные волосы, то его называли *Косматымъ юношею*. Вездѣ, куда онъ ни показывался, его осыпали похвалами. Нѣтъ однако же никакихъ указаній на то, чтобы въ первые годы обученіе его шло очень правильно. Напротивъ, отецъ его, безъ сомнѣнія, въ видѣ отдыха, заставлялъ его заниматься своимъ ремесломъ. Это доказывается тѣмъ, что Пиѳагоръ, еще очень юный, когда ѣздилъ въ Лесбосъ, гдѣ у него былъ дядя съ матерней стороны, по имени Зоилъ, сдѣлалъ тамъ три серебрянныя чаши, которыя подарилъ тремъ египетскимъ жрецамъ [1]).

Мнезархъ, часто путешествовавшій по своимъ дѣламъ, иногда бралъ своего сына съ собою. Почти прямое доказательство этого заключается въ разсказѣ, переведенномъ Цицерономъ изъ Сосикрата, автора одной потерянной книги подъ заглавіемъ: *Послѣдовательные ряды философовъ*.

„Пиѳагоръ, говоритъ этотъ авторъ, прибывши во Фліонтъ, держалъ ученый разговоръ въ присутствіи Леона, главы фліонтійцевъ, и тотъ, очарованный его рѣчью, спросилъ, къ какой профессіи онъ принадлежитъ. Пиѳагоръ отвѣчалъ, что ни къ какой, что онъ философъ. Леонъ, пораженный новизною этого слова, спросилъ:

„Что же такое философы и чѣмъ они отличаются отъ другихъ людей?

„Я думаю, сказалъ Пиѳагоръ, что этотъ міръ похожъ на тѣ большія собранія, куда сходится вся Греція, привлекаемая торжествомъ игръ. Многіе идутъ туда изъ честолюбія, надѣясь заявить свою силу и ловкость и выиграть награду; другіе приходятъ торговать; иные, и при томъ наиболѣе почтенные люди не ищутъ ни рукоплесканій, ни барышей, а присутствуютъ при зрѣлищѣ изъ чистаго любопытства, только чтобы видѣть, что̀ дѣлается. Всѣ, чтобы прибыть туда, отправились изъ какого-нибудь города. Такъ и всѣ мы вышли изъ нѣкоторой другой жизни, изъ другаго существованія и прибыли къ этотъ міръ, гдѣ одни стараются пріобрѣсти славу, другіе богатство, а нѣкоторые, въ очень маломъ числѣ, стараются познать природу, почитая все остальное за ничто. Это именно и суть *философы*, т. е. любители мудрости; и такъ какъ лучшая роль въ публичныхъ играхъ есть роль зрителя, такъ и самое лучшее и благородное занятіе въ этомъ мірѣ есть созерцаніе природы.“ [2])

Читая эти строки, невозможно не вспомнить того празднества, или той ярмарки, которая привлекла Мнезарха въ городъ Дельфы.

---

[1]) Diogéne Laërce. In 18. Amsterdam, 1761, т. II, стр. 206; *Pythagore*.

[2]) Цицеронъ, *Tusculani*, кн. V, гл. III.

Можно ли сомнѣваться, что на подобныхъ собраніяхъ, бывшихъ для его отца простыми ярмарками или торжищами, молодой Пиѳагоръ игралъ роль созерцателя возлѣ Мнезарха, исполнявшаго свое ремесло торговца? Впрочемъ въ этихъ категоріяхъ, на которыя онъ раздѣляетъ публику посѣщающую празднества, онъ нисколько не думаетъ унижать занятія своего отца. Онъ просто высказываетъ несомнѣнную истину, что наблюденіе и созерцаніе, на которыхъ должно основываться всякое знаніе и всякая философія, проистекаютъ изъ того безкорыстнаго любопытства, которое онъ по справедливости считаетъ признакомъ избранныхъ умовъ.

И такъ еще въ молодости Пиѳагоръ предпринималъ путешествія, и, какъ мы видимъ, они не были для него безплодны.

Первый его учитель въ Самосѣ былъ нѣкто *Гермодамасъ*, уже старый человѣкъ, скоро истощившій запасъ своихъ свѣдѣній. Тогд Пиѳагоръ, для продолженія своего обученія, обратился къ жрецамъ острова. Онъ прилежно навѣщалъ ихъ, также какъ и всѣхъ соотечественниковъ, отъ которыхъ надѣялся извлечь какое-нибудь поученіе [1]).

Первому своему учителю онъ обязанъ только особеннымъ развитіемъ вкуса къ музыкѣ, искусству, которому онъ былъ ревностно преданъ всю жизнь и которое онъ ввелъ даже въ свою философію.

Говорятъ еще, что этотъ почтенный Гермодамасъ, чувствуя, какъ мало онъ можетъ руководить такого ученика и слѣдить за нимъ, уговаривалъ его неограничиваться Самосомъ, а пополнить свое образованіе въ другихъ мѣстахъ.

Совѣтовать путешествовать для образованія, это значило въ тѣ времена посылать въ Египетъ, Египетъ, уже давно знаменитый мудростью своихъ гражданскихъ установленій и познаніями своихъжрецовъ, Египетъ, долгое время закрытый для чужеземцевъ, но теперь, по волѣ Амазиса, доступный для грековъ, Египетъ, посѣщенный Ѳалесомъ, который воротился оттуда самымъ свѣдущимъ изъ семи мудрецовъ!

---

[1]) Savérien, *Histoire des philosophies anciens*. In 12. Paris, 1778, т. IV, стр, 280; *Pythagore*.

Но отправиться изъ Самоса въ Египетъ вовсе не было легко въ то время. Знаменитый Поликратъ, тиранъ Самоса, подъ строгимъ наказаніемъ запретилъ богатымъ и любознательнымъ юношамъ покидать островъ.

Тираны не бываютъ послѣдовательны, какъ мудрецы. Этотъ самый Поликратъ, запретившій своимъ подданнымъ искать образованія за границею, покровительствовалъ на своемъ островѣ наукѣ и искусствамъ, и держалъ при своемъ дворѣ поэтовъ Анакреона и Ивика, а также множество другихъ блестящихъ людей того времени. Къ довершенію противорѣчія, Поликратъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ египетскимъ царемъ, похитителемъ престола Амазисомъ, который держалъ на жалованьѣ войска, набранныя въ Каріи и Іоніи, такъ что между обоими государями была постоянная переписка и постоянныя сношенія.

Не смотря на запрещеніе, Пиѳагоръ нашелъ средство вырваться изъ Самоса. Къ чести *Гермодамаса*, утвердилось потомъ мнѣніе, что онъ способствовалъ бѣгству своего ученика.

Пиѳагоръ не отправился прямо въ Египетъ. Онъ остановился въ Лесбосѣ, у Зоила, о которомъ мы упоминали.

Въ Лесбосѣ онъ встрѣтился съ ученымъ другомъ Ѳалеса, Ферекидомъ Сирскимъ. Нѣкоторые говорятъ, что онъ посѣтилъ этого философа въ самомъ Сиросѣ; другіе утверждаютъ даже, что Ферекидъ открылъ школу въ Самосѣ, и что тутъ Пиѳагоръ пользовался его уроками. Всего важнѣе, и въ чемъ всѣ согласны, что онъ былъ его ученикомъ.

Ферекидъ прилежно занимался изученіемъ природы. Преданіе, приводимое Свидасомъ, говоритъ, что часть познаній, переданныхъ имъ грекамъ, онъ почерпнулъ въ священныхъ книгахъ Финикіянъ. Въ одномъ сочиненіи „*О природѣ боговъ*“ онъ производилъ міръ изъ трехъ началъ: Юпитера или Бога, вещества и любви, какъ причины броженія, порождающаго существа. Дѣйствительно, таковы были начала, признаваемыя въ космогоніи финикійскихъ жрецовъ. Цицеронъ увѣряетъ, что изъ всѣхъ философовъ, оставившихъ послѣ себя сочиненія, Ферекидъ первый раціонально училъ безсмертію души [1]).

---

[1]) *Tusculani*, стр. 16.

Кромѣ того, этотъ философъ былъ знакомъ съ математикою, физикою и астрономіею, такъ какъ онъ предсказывалъ затмѣнія. Діогенъ Лаэртій пишетъ, что еще въ его время на Сиросѣ сохранялся инструментъ (солнечные часы), который Ферекидъ употреблялъ для своихъ астрономическихъ наблюденій [1]).

Мы упоминаемъ объ этомъ, чтобы дать понятіе о томъ, чему Пиѳагоръ могъ научиться у Ферекида.

Онъ оставался при немъ десять лѣтъ. Отсюда онъ отправился въ Милетъ, гдѣ онъ могъ слышать не только Анаксимандра, одного изъ главныхъ учениковъ Ѳалеса, но и самого Ѳалеса, тогда девяностолѣтняго старца.

Мы видѣли, что Ѳалесъ признавалъ элементомъ всѣхъ вещей воду. Анаксимадръ на мѣсто воды поставилъ нѣкоторое первобытное вещество, которое не было ни водою, ни воздухомъ, ни землею. Но ни тотъ, ни другой не указывали, какимъ образомъ одно и то же начало могло породить безконечное разнообразіе существъ міра. И такъ въ этомъ отношеніи Пиѳагоръ не могъ почерпнуть большихъ познаній у іонійскихъ философовъ. Но онъ, вѣроятно, узналъ отъ нихъ многое изъ геометріи, — науки, которою такъ успѣшно занимался Ѳалесъ.

Вѣроятнѣе всего, что геометрія была основаніемъ преподаванія Ѳалеса. Впослѣдствіи Пиѳагоръ самъ подвинулъ впередъ эту науку и открылъ въ ней одну изъ основныхъ и самыхъ плодовитыхъ по выводамъ теоремъ.

Оставивши Милетъ, Пиѳагоръ направилъ свой путь въ Египетъ. Говорятъ, онъ нанялъ корабль; но можетъ быть, просто онъ воспользовался однимъ изъ кораблей, возившихъ по Средиземному морю товары его отца.

Когда этотъ корабль остановился у Финикіи, Пиѳагоръ воспользовался случаемъ войти въ сношенія съ сидонскими жрецами. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что онъ уже не сѣлъ на тотъ же корабль, но посѣтилъ внутренность страны и отплылъ изъ другого порта, откуда наконецъ прибылъ въ *Канопское устье*, единственное мѣсто, которое Амазисъ сдѣлалъ доступнымъ для ино-

---

[1]) Diogène Laërce. In-18. Amsterdam, 1778, т. I, стр. 86. *Phérécyde.*

странцевъ, прибывающихъ въ Египетъ, съ тѣмъ, чтобы легче было наблюдать за ними.

Въ теченіе этого долгаго промежутка, друзья Пиѳагора дѣйствовали въ его пользу въ Самосѣ и успѣли помирить его съ Поликратомъ, который, не имѣя надежды наказать бѣжавшаго подданнаго, рѣшился простить его. Говорятъ даже, что, принимая на себя видъ великодушія, Поликратъ послалъ Пиѳагору рекомендательное письмо къ Амазису.

Прибывши въ Нижній Египетъ, Пиѳагоръ естественно обратился къ жрецамъ Геліополя, жившимъ въ великолѣпномъ храмѣ, посвященномъ *Фре* (солнцу) и поклонявшихся тамъ этому богу подъ видомъ быка Мневиса.

Жрецы Геліополя отослали его къ мемфисскимъ жрецамъ, а тѣ къ ѳивскимъ. Такимъ образомъ Пиѳагоръ проѣхалъ почти весь Египетъ, преслѣдуя цѣль, которая постоянно убѣгала отъ него.

Часто подвергали сомнѣнію глубину познаній египетскихъ жрецовъ; но нельзя сомнѣваться въ достовѣрности того, что они всячески старались скрыть эти познанія отъ непосвященныхъ, въ особенности отъ иностранцевъ. Наука составляла одно изъ ихъ таинствъ. Она олицетворялась въ той Минервѣ, которой они поклонялись подъ именемъ *Нэйтъ - Изиды*, въ храмѣ, который находился возлѣ озера *Бутуса*, и въ которомъ была такая надпись: *я то, что было, что есть и что будетъ, и ни одинъ смертный не поднялъ моего покрывала.*

Покровительство Амазиса, дворъ котораго находился въ Мемфисѣ, вѣроятно, заставило поднять хоть часть этого покрывала. Изъ боязни или по приказу, жрецы Ѳивъ открыли свой храмъ философу. Они объявили ему однако, что онъ долженъ выдержать строгій искусъ.

Пиѳагоръ согласился на все. Онъ терпѣливо выполнилъ всѣ правила, предписанныя ему жрецами. Онъ подвергся даже обрѣзанію, которое не всѣ выполняли въ народѣ, но которое было обязательно между жрецами.

Но предстояло еще большое затрудненіе. Какъ бесѣдовать съ жрецами, не зная священнаго языка, на которомъ одномъ они могли излагать таинственные догматы своей религіи?

Можно было бы прибѣгнуть къ тѣмъ толмачамъ, которые

ПИѲАГОРЪ У ЕГИПЕТСКИХЪ ЖРЕЦОВЪ.

вѣкъ тому назадъ были заведены Псамметихомъ для правительственныхъ надобностей. Но эти толмачи были въ глазахъ жрецовъ профанами, и чрезъ нихъ нельзя было передавать тайнъ священной науки.

Какъ-же Пиѳагоръ побѣдилъ это затрудненіе? Въ точности это неизвѣстно. По словамъ Діогена Лаэртія, нѣкто Антифонъ, авторъ книги *„о людяхъ, отличившихся добродѣтелью“*, пишетъ въ этомъ сочиненіи, что Пиѳагоръ выучился *египетскому языку*. Но слѣдуетъ ли разумѣть подъ этимъ обыкновенный языкъ египтянъ или же,такъ называемый,священный языкъ, который собственно нуженъ былъ Пиѳагору? Для человѣка, подобнаго Пиѳагору, конечно легко было научиться въ Египтѣ общему языку;вѣроятно, этимъ языкомъ бѣгло говорили греческіе солдаты, бывшіе на службѣ у царя Амазиса. Но если Антифонъ говоритъ о священномъ языкѣ, то ему могли научить только жрецы. Вѣроятно, такъ и было. Жрецы побѣждены были терпѣніемъ и настойчивостію Пиѳагора и наконецъ приняли его въ свою касту.

Въ самомъ дѣлѣ, философъ явился къ жрецамъ Ѳивъ не какъ любопытный чужеземецъ, желающій какъ-нибудь развѣдать ихъ тайны; онъ предсталъ предъ ними какъ серьезный ученикъ, усердный послушникъ, какъ человѣкъ, желающій достичь жреческаго достоинства.

Такъ расказываютъ это дѣло два писателя, впрочемъ жившіе долго спустя послѣ Пиѳагора, именно Климентъ Александрійскій [1]) и Порфирій [2]). Одинъ изъ нихъ даже называетъ многихъ учителей Пиѳагора и въ числѣ ихъ великаго жреца Сушиса, научившаго его не только обыкновенному языку, но и іероглифическимъ знакамъ.

Пиѳагоръ пробылъ въ Египтѣ значительное время: одни говорятъ—двадцать два года, другіе—двадцать пять. Это понятно, если онъ не былъ тамъ просто ученымъ иностранцемъ, котораго допустили посѣщать храмы, а былъ дѣйствительнымъ жрецомъ, исполнявшимъ, подобно другимъ, священное служеніе.

Можетъ быть, Пиѳагоръ, забывъ небо и прекрасные берега

---

[1]) *Stromates*, т. I, гл. XIII.
[2]) *Жизнь Пиѳагора.*

своей родины, провелъ бы всю остальную жизнь въ мирныхъ занятіяхъ египетскаго жречества, если бы не случилось событіе, разсѣявшее египетскихъ жрецовъ во всѣ стороны.

Похититель трона, Амазисъ умеръ. Его преемникъ отказался платить дань персамъ, и Камбизъ пришелъ собирать ее во главѣ страшной арміи. Вошедши побѣдителемъ въ землю Фараоновъ, Камбизъ убилъ быка Аписа, послалъ пятьдесятъ тысячъ воиновъ разрушить храмъ Аммона и навелъ такой страхъ на всѣ другіе храмы, что жрецы убѣжали изъ нихъ.

Во время этой военной грозы Египетъ жилъ безъ боговъ и богослуженія. Многіе жрецы были убиты; другіе бѣжали или были выселены. Нѣкоторые были уведены въ плѣнъ въ Вавилонъ.

Думаютъ, что въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ и Пиѳагоръ. Такимъ образомъ катастрофа заставила нашего философа сдѣлать новое невольное странствіе.

Прежде чѣмъ мы послѣдуемъ за Пиѳагоромъ въ Халдею, укажемъ на то, что̀ вынесъ онъ изъ Египта, подобно тому, какъ прежде мы старались опредѣлить его пріобрѣтенія въ Сиросѣ и Милетѣ. Въ настоящемъ случаѣ дѣло затрудняется тою тайною, которая всегда покрывала предметъ ученія въ египетскихъ храмахъ. По счастію, въ нашемъ распоряженіи есть мѣсто изъ Діодора Сицилійскаго. Это мѣсто коротко, но многосодержательно и положительно.

„Въ Египтѣ, говоритъ этотъ историкъ, Пиѳагоръ почерпнулъ свое ученіе о божествѣ, геометріи, числахъ и переселеніи души въ тѣла всякаго рода животныхъ".

Кромѣ музыки и астрономіи, о которыхъ ничего не упоминается въ этомъ перечисленіи, мы находимъ здѣсь дѣйствительно всѣ главныя данныя философіи Пиѳагора.

Нужно прибавить, что Пиѳагоръ вынесъ еще изъ Египта и изъ должности, которую онъ исполнялъ, тотъ духовный характеръ, который онъ придалъ своей школѣ и который находился въ такой гармоніи съ его идеями. Въ своихъ путешествіяхъ онъ не пропускаетъ случая посѣтить храмы и побесѣдовать съ жрецами.

Въ Вавилонѣ онъ тотчасъ вошелъ въ сношеніе съ халдейскими

жрецами. Онъ зналъ ихъ уже въ Египтѣ. Объ этомъ говоритъ Антифонъ, на котораго мы уже ссылались.

Пиѳагоръ сблизился также съ персидскими магами. Нѣкоторые писатели разсказываютъ даже, не дѣлая впрочемъ основательныхъ указаній, будто бы Пиѳагоръ видѣлъ лично Зороастра. Конечно, онъ былъ его современникомъ; но нѣтъ никакихъ доказательствъ ихъ знакомства, и его нельзя выводить изъ нѣкоторыхъ аналогій между ученіемъ Пиѳагора и ученіемъ *Зенд—Австы*, приписываемой Зороастру. Эти аналогіи касаются нравственныхъ правилъ и космогоническихъ представленій, повторяющихся съ различными перемѣнами во всѣхъ восточныхъ странахъ. Съ одинаковымъ правомъ можно было бы предполагать, что Пиѳагоръ видѣлъ Будду въ Индіи и Конфуція въ Китаѣ. Дѣйствительно, эти великіе люди были его современниками. Весьма пріятно, конечно, вообразить себѣ совѣщаніе, въ которомъ Пиѳагоръ, Зороастръ, Конфуцій и Будда сошлись бы на братскую бесѣду и помѣнялись бы своими мыслями; такъ Плутархъ изобразилъ намъ на пирѣ главныхъ мудрецовъ Греціи, изъ которыхъ многіе никогда не встрѣчались между собою; такъ Вольтеръ свелъ въ Венеціи за обѣдомъ всѣхъ развѣнчанныхъ царей своего времени. Но серьезная исторія отвергаетъ подобныя вымышленныя сближенія.

Всѣмъ извѣстно, что халдеи были самые древніе астрономы цивилизованнаго міра. Въ сношеніяхъ съ ними и съ магами Пиѳагоръ долженъ былъ почерпнуть новыя астрономическія познанія. Безъ сомнѣнія, ему сообщили древнія наблюденія надъ движеніемъ небесныхъ тѣлъ; но тутъ же онъ долженъ былъ почерпнуть вѣру въ астрологію, которая на востокѣ всегда примѣшивалась къ астрономіи.

Наконецъ, халдеи познакомили его съ своей медициной, которая была несравненно ниже той, какую онъ нашелъ въ Египтѣ. У маговъ искусство леченія опиралось на грубомъ эмпиризмѣ, въ которомъ большое мѣсто занимали мнимыя сверхъестественныя и магическія средства.

Дальше Персіи Пиѳагоръ не былъ. Тѣ, которые приписываютъ ему путешествіе въ Индію, основываясь на нѣкоторыхъ его заимствованіяхъ у браминовъ и гимнософистовъ, забываютъ, что онъ легко могъ видѣть индійцевъ въ Вавилонѣ, бывшемъ

тогда мѣстомъ встрѣчи всѣхъ восточныхъ народовъ. Не слѣдуетъ впрочемъ упускать изъ виду, что Пиѳагоръ былъ въ Вавилонѣ плѣнникомъ, которому нельзя было поэтому ни путешествовать въ Индію, ни вернуться домой.

Пиѳагоръ былъ удерживаемъ въ Вавилонѣ двѣнадцать лѣтъ. Столь долгій плѣнъ можетъ быть объясненъ только глубокою ненавистью, которую персы питали къ египтянамъ, даже побѣдивши ихъ. Религія персовъ и египтянъ ставила между ними неодолимую преграду. Съ Пиѳагоромъ обошлись такъ строго потому, что на него смотрѣли какъ на египетскаго жреца.

Между тѣмъ Камбизъ умеръ, и послѣ нѣкотораго междуцарствія Лже-Смердиса, Дарій, сынъ Гистаспа, взошелъ на тронъ. По совѣту своего медика Демокеда, новый царь освободилъ Пиѳагора и позволилъ ему воротиться на родину.

Но нашъ философъ, которому было тогда около шестидесяти лѣтъ, не могъ насладиться возвращеніемъ въ свой любезный Самосъ. Этотъ островъ, правда, освободился отъ Поликрата, распятаго на крестѣ однимъ изъ сатраповъ Дарія; но онъ подпалъ подъ тяжкое владычество персовъ. Дарій, завоевавши Самосъ вмѣстѣ съ другими странами Малой Азіи, правилъ ими жестоко. Его притѣсненія и тираннія обратили ихъ въ новый Египетъ. Свобода, матеріальное благосостояніе, искусства, философія исчезли въ Іоніи! Въ центральной же Греціи еще далеко было до блестящаго процвѣтанія Аѳинъ. Благосостояніе, науки и искусства перешли въ Италію, которую тогда называли *Великою Греціею*. Въ этой странѣ люди находили спокойное убѣжище, а науки плодоносную почву. Съ давнихъ поръ греческія колоніи воздвигли тамъ цвѣтущіе города, напр.: Кротонъ, Локры, Сибарисъ, Метапонтъ. Не далеко оттуда, въ Сициліи, переселенцы того же происхожденія основали Сиракузы, Леонтіумъ, Катану, Агригентъ, ставшіе также богатыми и многолюдными.

Сюда-то отправился Пиѳагоръ проводить свои послѣдніе дни.

Онъ только на минуту заѣхалъ въ Самосъ и взялъ съ собою мать. Потомъ онъ остановился на островѣ Делосѣ. Здѣсь онъ принялъ послѣдній вздохъ своего учителя Ферекида и принесъ жертву, пшеницу, ячмень и хлѣбы, на неокровавленный алтарь *Аполлона рождающаго*.

Изъ Делоса Пиѳагоръ отправился въ Критъ. Здѣсь Эпименидъ посвятилъ его въ таинства *Юпитера Идейскаго*, подобныя таинствамъ Бахуса и самоѳракійскихъ боговъ-Кабировъ. Затѣмъ, переплывъ въ Грецію, онъ посѣтилъ Спарту и Фліонтъ. Можно предполагать, что въ первомъ изъ этихъ городовъ онъ познакомился съ законодательствомъ Ликурга, подобно тому, какъ въ Критѣ, вѣроятно, изучилъ законы Миноса. Мы уже видѣли, какъ онъ опредѣлялъ государю Фліонта слово философъ.

Затѣмъ онъ посѣтилъ Элиду и присутствовалъ на Олимпійскихъ играхъ. Онъ былъ также въ священномъ городѣ тогдашней Греціи, въ Дельфахъ.

Тутъ онъ спросилъ оракула, какъ нѣкогда спрашивалъ его отецъ Мнезархъ до его рожденія. Отвѣтъ Пиѳіи имѣлъ бы необыкновенную важность, если бы было вполнѣ достовѣрно, что эта жрица, по имени *Ѳеоклея* или *Ѳемистоклея*, изложила будто бы Пиѳагору главныя начала, на которыхъ основывается его философія, или по крайней мѣрѣ его нравственное ученіе. Но, если принять во вниманіе, что дельфійскій оракулъ былъ основанъ Куретами, вышедшими изъ Крита, только что навѣщеннаго философомъ, то невозможно думать, чтобы религіозная нравственность, преподанная пиѳіею Ѳеоклеей, могла быть чѣмъ-то новымъ для Пиѳагора.

Предполагаютъ, что во время этого же путешествія чрезъ Пелопонесъ онъ былъ посвященъ въ таинства Орфея, вѣроятно, тѣсно связанныя съ поклоненіемъ Бахусу и съ религіею Кабировъ. Эти послѣдніе жрецы, хотя ихъ было тогда мало, были извѣстны повсюду, даже въ Египтѣ; они носили имя своихъ боговъ и жили главнымъ образомъ на островѣ Самоѳракіи. Полагаютъ, что древніе пелазги ввели религію Кабировъ, къ которой впослѣдствіи присоединились обряды финикійскаго происхожденія.

Какъ жадно искалъ нашъ философъ посвященія! Ни въ древности, ни въ новыя времена нельзя указать ни одного человѣка, жреца, франкъ-масона, розенъ-крейцера или философа, который бы чаще былъ посвящаемъ, чѣмъ Пиѳагоръ. Если въ древнихъ храмахъ преподавали только религіозные догматы, то очевидно эти догматы не были исключительны, такъ какъ одинъ и тотъ же любитель могъ изучать ихъ всѣ, одни послѣ другихъ, и

потомъ взять изъ каждаго то, чтó было сродно его уму. Пиѳагоръ умѣлъ сдѣлать изъ нихъ мудрый выборъ, особенно, чтó касается до искусовъ, изъ которыхъ многіе были странны и страшны. Пиѳагоръ же предписывалъ своимъ ученикамъ только простыя, добрыя и честныя правила.

Прибывши въ Великую Грецію, онъ явился сперва въ Сибарисѣ. Вскорѣ онъ перешелъ въ Тарентъ, бывшій тогда центромъ знаменитой въ Италіи медицинской школы.

Плутархъ, Апулей и Порфирій разсказываютъ, что во время переѣзда изъ Сибариса въ Тарентъ, Пиѳагоръ купилъ у рыбаковъ всю пойманную ими рыбу и бросилъ ее въ море.

Почетно принятый врачемъ Бронтиномъ, Пиѳагоръ однако же не поселился въ Тарентѣ. Онъ выбралъ мѣстомъ своего пребыванія Кротонъ и тутъ задумалъ основать свое учрежденіе.

Но чтобы пріобрѣсти учениковъ, нужно дѣйствовать на общество. Пиѳагоръ постарался расположить его въ свою пользу.

„Онъ пріобрѣлъ себѣ, говоритъ Ф. Гееръ, многочисленныхъ друзей своею репутаціею и своими личными качествами. Преданіе, повторенное Порфиріемъ, сохранило намъ мѣста изъ различныхъ рѣчей, съ которыми Пиѳагоръ обращался къ кротонскимъ гражданамъ и гражданкамъ. Странность такого пріема произвела сильное впечатлѣніе на слушателей; кротонцы дали ему право гражданства и предложили ему единодушно должность цензора нравовъ. Въ школу, которую онъ открылъ, стеклись старые и молодые. Никогда еще такое множество слушателей не окружало болѣе страннаго оратора. Энтузіазмъ былъ такъ великъ, что женщины и молодыя дѣвушки, нарушая законъ, запрещавшій имъ присутствіе на собраніяхъ, толпою приходили его слушать. Между ними была и дочь его хозяина, прекрасная и молодая Теано, на которой впослѣдствіи женился Пиѳагоръ, хотя ему было шестьдесятъ лѣтъ, и которая наслѣдовала ему въ управленіи школою. Вѣроятно это-то различіе его слушателей въ возрастѣ, полѣ, общественномъ положеніи было причиною раздѣленія его ученія на двѣ категоріи: къ первой принадлежали простые слушатели, *ἀκους ματικοί*, или какъ мы сказали бы теперь, любители, свѣтскіе люди; вторая же категорія, менѣе многочисленная, состояла изъ близкихъ *συνόντες*, называемыхъ также *μαθηματικοί*, или учащимися по преимуществу, иначе Пиѳагориковъ *Πυθαγορικοί*, чтобы отличить ихъ отъ Пиѳагорейцевъ *Πυθαγόρειοι*, или отъ Пиѳагористовъ *Πυθαγορισταί*, названія, даваемыя лицамъ первой категоріи и ихъ ученикамъ. Эти различныя названія не были смѣшиваемы у древнихъ“ [1]).

Когда Пиѳагоръ явился въ колоніяхъ Великой Греціи, онѣ очень нуждались въ такомъ проповѣдникѣ и цензорѣ. Не одинъ

---

[1]) *Biographie générale* publiée chez Hermin Didot, article de Pythagore.

Сибарисъ, имя котораго до сихъ поръ употребляется для обозначенія роскошнаго и утонченнаго распутства, а и многіе другіе города Великой Греціи требовали нравственной революціи.

Въ этихъ богатыхъ городахъ за изобиліемъ послѣдовала роскошь и мало-по-малу породила во всѣхъ классахъ глубокое развращеніе. Вездѣ господствовали пороки. Брачный союзъ, если кто и заключалъ его, не представлялъ прочной связи. Раздоръ господствовалъ въ семействахъ; города были жертвою внутреннихъ несогласій, и республики, хотя народъ ихъ принадлежалъ къ одному и тому же племени, вели безпрестанныя войны.

Если къ этимъ причинамъ мы присоединимъ неизбѣжную борьбу этихъ греческихъ колоній съ туземцами, не могшими равнодушно видѣть на своей почвѣ укрѣпленія чужихъ силъ, а также съ карѳагенянами, которые по смѣлости и искусству въ мореплаваніи становились страшны въ областяхъ южной Италіи, то намъ будетъ понятно то опасное положеніе, въ которомъ Пиѳагоръ нашелъ жителей Великой Греціи.

Можетъ быть, Пиѳагоръ сталъ проповѣдывать имъ нравственность только для того, чтобы научить ихъ; но, проповѣдуя, онъ ихъ спасъ или, по крайней мѣрѣ, отдалилъ слѣдствія зла, отъ котораго позднѣе они погибли.

Мысль этого великаго человѣка состояла въ томъ, что онъ прежде научнаго преподаванія хотѣлъ достигнуть реформы нравовъ; хотѣлъ изгнать порокъ изъ сердца, чтобы сдѣлать умъ доступнымъ для истины. Можетъ быть, это было отраженіе той методы, которую онъ нашелъ въ египетскихъ храмахъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ есть сходство съ тѣми очищеніями, которыхъ требовали древнія религіи и которыя въ видѣ приготовленія налагались на посвящаемыхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Пиѳагоръ потребовалъ отъ своихъ учениковъ такого приготовленія. Но онъ заставилъ цѣлыя населенія прибѣгнуть къ такому приготовленію, какъ къ нравственному лекарству, особенно пригодному для людей, подобныхъ Сибаритамъ.

Чтобы очистить и обновить сердца, хорошо имѣть краткія и точныя правила, родъ афоризмовъ искусства. Пиѳагоръ выразилъ въ краткихъ и рифмованныхъ изрѣченіяхъ тѣ правила нрав-

ственнаго поведенія, которыя желалъ внушать. Ихъ называли *золотыми стихами*, чтобы выразить все ихъ превосходство.

Видѣть Бога въ зеркалѣ чистаго сердца, заслужить соединеніе съ его небесною сущностію посредствомъ ума, просвѣтленнаго размышленіемъ до степени чудесной ясности, — вотъ чего желаютъ и надѣются многіе мистики христіанскихъ сектъ. Если Пиѳагоръ, указывавшій своимъ ученикамъ эту возвышенную цѣль философіи, самъ не достигъ ея, то онъ, по крайней мѣрѣ, оставилъ по себѣ славу такого рода и, вѣроятно, въ этомъ смыслѣ нужно разумѣть стихи Овидія:

„Mente deos adiit, et quae natura negabat
Visibus humanis, oculis ea pectoris hausit." [1])

Какъ бы то ни было, достовѣрно, что правила и примѣръ Пиѳагора производили прекрасное дѣйствіе на тѣхъ, кто былъ увлеченъ его рѣчами и пытался идти по его пути.

Строго требовался особенный образъ жизни, чтобы тѣло не препятствовало работѣ души, стремящейся очиститься. Пиѳагоръ предписывалъ поэтому нѣкоторый образъ жизни, не столь впрочемъ строгій, чтобы ему не могли подчиниться кротонцы. Онъ требовалъ умѣренности въ пищѣ и особенно въ винѣ. Чтó касается мяса, то Аристотель, Плутархъ и Авлъ Гелій положительно говорятъ, что Пиѳагоръ не запрещалъ его и только исключалъ нѣкоторыя части животнаго, напр. сердце и матку. Морскіе ежи, ракушки и рыбы безъ чешуи считались нечистыми и были имъ запрещены; но другія произведенія моря были дозволены.

Такъ было для большинства слушателей. Но строже былъ уставъ для ближайшихъ учениковъ.

Утверждали, что Пиѳагоръ запретилъ употребленіе въ пищу животныхъ вслѣдствіе своего ученія о переселеніи душъ. Но едва ли это такъ. Въ самомъ дѣлѣ, на одномъ весеннемъ праздникѣ Пиѳагоръ далъ разрѣшеніе принести въ жертву ягненка. Онъ запрещалъ приносить въ жертву только бѣлыхъ пѣтуховъ, быковъ и барановъ, помня о тѣхъ почестяхъ, которыя воздавались имъ въ Египтѣ.

---

[1]) Онъ вызвысился духомъ до Божества, и видѣлъ очами сердца то, чтó природа скрываетъ отъ тѣлесныхъ глазъ. *Metamorph*, кн. XV, глава II.

Что этотъ философъ не запрещалъ всѣмъ употребленіе въ пищу животныхъ, видно изъ того, что онъ предписалъ особенное питаніе для атлетовъ, людей, которые, конечно, не могли ограничиваться одними овощами и молокомъ. Прибавимъ еще, что Пиѳагоръ былъ другомъ и даже учителемъ Милета Кротонскаго, атлета, убивавшаго быка однимъ ударомъ кулака и съѣдавшаго его за одинъ присѣстъ.

Политическая, религіозная и общественная нравственность Пиѳагора вся заключалась въ *золотыхъ стихахъ*; поэтому мы приведемъ нѣкоторые изъ нихъ, выбирая тѣ, которые всего меньше нуждаются въ толкованіяхъ.

„Прежде всего почитай боговъ, какъ они установлены закономъ, опредѣляющимъ ихъ достоинство. Уважай клятву благоговѣйно. Затѣмъ почитай героевъ, полныхъ доброты и ума.

„Почитай также земныхъ демоновъ, воздавая имъ поклоненіе, законно имъ принадлежащее (Пиѳагоръ разумѣетъ души мудрыхъ и добродѣтельныхъ).

„Почитай также твоего отца и твою мать и ближнихъ родныхъ.

„Изъ людей сдѣлай того своимъ другомъ, кто отличается добродѣтелью.

„Уступай всегда указаніямъ этого друга и его честнымъ и полезнымъ поступкамъ.

„И не питай къ нему вражды за всякую ошибку.

„Сила всегда обитаетъ рядомъ съ необходимостію, (т. е. необходимость заставляетъ насъ находить въ себѣ больше силъ, чѣмъ мы думаемъ).

„Прежде всего удаляй лѣность, похоть и гнѣвъ.

„Никогда не совершай постыднаго дѣла ни при другихъ, ни наединѣ, и въ особенности уважай самого себя.

„Затѣмъ наблюдай справедливость въ твоихъ дѣйствіяхъ и словахъ.

„Имѣй всегда въ мысли, что судьба каждаго человѣка умереть, что блага счастья невѣрны и что какъ можно ихъ пріобрѣсти, такъ можно ихъ и утратить.

„Переноси кротко твой жребій, каковъ онъ есть, и не ропщи на него.

„Но старайся исправить его, сколько возможно, и думай, что наибольшія несчастія судьба посылаетъ не тѣмъ, кто добръ.

„Люди произносятъ всякаго рода дурныя и хорошія сужденія. Не принимай ихъ легко, но и не отвергай ихъ.

„Но если утверждаютъ ложное, уступи съ кротостію и вооружись терпѣніемъ.

„Пусть никто не соблазнитъ тебя ни своими словами, ни своими дѣйствіями.

„Не дѣлай того, что́ тебѣ безполезно.

„Совѣтуйся и размышляй, прежде чѣмъ дѣйствовать, чтобы не совершить безумныхъ поступковъ.

„Только презрѣнный говоритъ и дѣйствуетъ безъ размышленія и разсудка.

„Дѣлай лишь то, что́ впослѣдствіи не огорчитъ тебя и не принудитъ раскаяваться.

„Не дѣлай никогда того, чего ты не знаешь. Но научись всему, что́ слѣдуетъ знать, и тогда ты будешь вести спокойную жизнь.

„Не должно пренебрегать здоровьемъ тѣла. Должно доставлять ему въ мѣру пищу

и питье, и упражненія, въ которыхъ оно нуждается. Мѣрою же я называю то, что не влечетъ за собою нездоровья.

„Пріучайся жить просто и безъ роскоши.

„Избѣгай всего, что возбуждаетъ зависть, и не трать безразсудно, подобно тому, кто не знаетъ, что прекрасно и честно.

„Не закрывай глазъ, когда хочется спать, не разобравши всѣхъ своихъ поступковъ въ прошедшій день.

„Если при этомъ изслѣдованіи ты найдешь, что поступилъ дурно, то строго укоряй себя. А если ты сдѣлалъ хорошо, радуйся.

„Все это дѣлай старательно и думай объ этомъ; нужно, чтобы мы любили это всею душою.

„Эти правила поведутъ тебя на путь божественной добродѣтели.

„Клянусь тѣмъ, кто вложилъ въ нашу душу четверичную святыню, источникомъ природы, теченіе котораго вѣчно."

Эти изрѣченія, за немногими исключеніями, совершенно ясны. Они очень похожи на изрѣченія первыхъ мудрецовъ Греціи, которые иначе не учили и которыхъ по этому называли *Гномиками* (отъ γνώμη, изрѣченіе).

Говорятъ, что *золотые стихи* были составлены или даже сочинены Лизисомъ, однимъ изъ непосредственныхъ учениковъ Пиѳагора.

Ученики первой категоріи могли понимать смыслъ этихъ правилъ и пользоваться ими, не нуждаясь въ толкователяхъ. Но Пиѳагору приписываютъ другія пословицы, которыя дошли до насъ подъ именемъ *Символовъ* и краткость которыхъ необходимо требовала толкованія. Это было ученіе, предлагаемое ученикамъ высшей категоріи, самымъ близкимъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ символовъ:

„*Не проходите мимо вѣсовъ* (т. е. не нарушайте справедливости).

„*Не садитесь на подушку* (не успокоивайтесь въ счастіи).

„*Не разрывайте вѣнца* (не нарушайте веселья обѣда заботами и горестями).

„*Не грызите своего сердца* (не предавайтесь меланхоліи).

„*Не поправляйте огня мечомъ* (не раздражайте тѣхъ, кто и безъ того во гнѣвѣ).

„*Не ходите по столбовой дорогѣ* (по дорогѣ глупцовъ, по мосту ословъ).

„*Не принимайте подъ свою кровлю ласточекъ* (большихъ говоруновъ или легкомысленныхъ людей).

„*Не носите изображенія Бога на кольцѣ* (не профанируйте его).

„*Не тотчасъ пожимайте руку* (не связывайтесь съ первымъ пройдохою).

„*Помогайте людямъ брать на себя тяжести, а не складывать ихъ* (не ободряйте лѣности).

„*Выгребайте пепелъ до послѣднихъ слѣдовъ горшка*, (миритесь вполнѣ, безъ задней мысли).

„*Не носите узкаго кольца* (не гоняйтесь за почестями, которыя ведутъ къ неволѣ).

„*Не питайтесь животными съ кривыми когтями* (избѣгайте всего, что можетъ нарушить вашъ покой).

„*Не ѣшьте рыбы съ черным хвостомъ* (не ходите къ людямъ дурной славы и жизни).

„*Не ѣшьте животныхъ* (не водите сношеній съ неразумными существами).

„*Всегда ставьте соль на вашъ столъ* (всегда наблюдайте справедливость).

„*Не ломайте хлѣба* (давайте щедрою рукою).

„*Не бросайте пищи въ нечистый сосудъ* (не расточайте добрыхъ наставленій злой душѣ).

„*Кормите пѣтуха и не приносите его въ жертву* (питайте полезныхъ людей которые предостерегаютъ насъ, и не предавайте ихъ злобѣ).

„*Не ломайте зубовъ* (не сѣйте раздора злорѣчіемъ).

„*Не говорите при свѣтѣ солнца* (не открывайте вашего сердца каждому).

„*Не колите дерева на дорогѣ* (не берите въ свою пользу того, что назначено для общаго употребленія).

„*Не поднимайте того, что упало со стола* (оставляйте крохи для бѣдныхъ).

„*Когда гремитъ, прикоснитесь къ землѣ* (когда Богъ изъявляетъ свой гнѣвъ, смиритесь).

„*Не стригите ногтей во время богослуженія* (когда молитесь, думайте лишь о Богѣ).

„*Дѣлайте возліянія богамъ ушами* (пусть музыка сопровождаетъ ваше богослуженіе).

„*Воздерживайтесь отъ бобовъ* (избѣгайте политическихъ волненій) [1]".

Если мы еще можемъ въ настоящее время составить себѣ понятіе о нравственномъ ученіи Пиѳагора, то гораздо труднѣе опредѣлить его философское и научное ученіе, въ которое входили всѣ науки въ томъ видѣ, какъ они тогда существовали. Достовѣрно впрочемъ, что Пиѳагоръ далъ болѣе методическую форму научнымъ познаніямъ своихъ предшественниковъ и сдѣлалъ нѣсколько важныхъ научныхъ открытій. Всякій знаетъ найденную имъ теорему, что квадратъ гипотенузы равняется суммѣ квадратовъ катетовъ.

Говорятъ, что Пиѳагоръ, въ радости, которую почувствовалъ отъ этого открытія, принесъ богамъ *Гетакомбу*, т. е. сто быковъ. Но подобное жертвоприношеніе едвали было по его средствамъ. Притомъ, какъ согласить это съ отвращеніемъ, которое Пиѳагоръ питалъ къ пролитію крови животныхъ? Вѣроятно, онъ иначе отблагодарилъ Музъ, которымъ, по его увѣщанію былъ воздвигнутъ храмъ жителями Великой Греціи.

---

[1]) Бобы употреблялись у грековъ для подачи голосовъ при избраніи въ общественныя должности.

Пиѳагору же принадлежитъ *Абакусъ* (таблица умноженія) весьма мало разнящаяся съ тою, какую мы теперь употребляемъ подъ именемъ *Пиѳагоровой таблицы*.

Итакъ Пиѳагоръ училъ своихъ слушателей первымъ элементамъ математики. Послѣ него эти элементы были преподаваемы во всѣхъ греческихъ школахъ. Въ школу Платона допускались только тѣ, кто уже зналъ геометрію.

Пиѳагоръ сдѣлалъ также важныя открытія въ астрономіи.

„Соединяя вмѣстѣ, говоритъ Монтюкла въ своей *исторіи математики*, различныя извѣстія авторовъ, сохранившихъ намъ его мнѣнія, мы видимъ, что съ самаго начала онъ имѣлъ весьма правильныя понятія о главныхъ вопросахъ астрономіи. Распредѣленіе небесной сферы, наклоненіе эклиптики, круглота земли, существованіе антиподовъ, круглота солнца и также другихъ свѣтилъ, причина свѣта луны и ея затмѣній, также какъ и солнечныхъ затмѣній, — всему этому училъ Пиѳагоръ. Ему даже приписываютъ самое открытіе этихъ истинъ, хотя большею частію онѣ принадлежатъ Ѳалесу и философамъ іонійской школы. Но не слѣдуетъ этому удивляться. Древніе историки философіи очень часто приписываютъ одни и тѣже открытія многимъ людямъ, на томъ основаніи конечно, что эти открытія были преподаваемы въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Можетъ быть, Пиѳагоръ, подобно Ѳалесу, былъ обязанъ частью этихъ истинъ египтянамъ; я говорю частью, потому что я не имѣю такого низкаго понятія объ этомъ философѣ, что онъ только повторялъ то, что узналъ отъ нихъ, не прибавляя ничего своего. Утверждаютъ, что онъ заимствовалъ у египтянъ объясненіе явленія утренней и вечерней звѣзды; онъ первый училъ въ Греціи, что эта звѣзда есть Венера, то предшествующая солнцу и восходящая раньше его, то слѣдующая за нимъ и заходящая послѣ него. Въ самомъ дѣлѣ египтянамъ приписываютъ знаніе обращенія Венеры и Меркурія вокругъ солнца.

„Пиѳагоровская школа въ особенности достойна славы, какъ колыбель многихъ счастливыхъ идей, вѣрность которыхъ была доказана временемъ и опытомъ. Такова напр. идея *движенія земли*, прямо приписываемая ей Аристотелемъ, хотя онъ примѣшиваетъ къ ней заблужденія, которыя странно ее обезображиваютъ. Но таковъ извѣстный обычай этого философа, что онъ передаетъ мнѣнія своихъ предшественниковъ не иначе, какъ въ сопровожденіи множества обстоятельствъ, представляющихъ осязательную нелѣпость. Что касается пиѳагарейскаго мнѣнія о движеніи земли и неподвижности солнца, то его легко узнать подъ эмблемою огня, находящагося въ центрѣ міра, — огня, которымъ можетъ быть только солнце, хотя нѣкоторые думали, что дѣло идетъ о внутреннемъ огнѣ земли. Мы полагаемъ, наконецъ, что это мнѣніе древнѣе Филолая, хотя находимъ его слѣды только съ его времени. Извѣстно, что Пиѳагоръ имѣлъ обычай облекать свои догматы темными эмблемами, истинный смыслъ которыхъ большинству не былъ извѣстенъ. Такъ онъ дѣлалъ въ особенности относительно тѣхъ мнѣній, которыя, будучи слишкомъ противны предразсудкамъ, навлекли бы на его философію насмѣшки. Вѣроятно, мнѣніе о движеніи земли принадлежало къ этому числу; оно оставалось скрытымъ подъ загадочною формою до Филолая [1]).

---

[1]) Это тотъ самый Филолай, который продалъ Платону въ Сидоніи за сорокъ

Этотъ философъ первый осмѣлился вполнѣ объявить его и тѣмъ заслужилъ честь связать съ нимъ свое имя.“

Итакъ можно принять, что Пиѳагоръ допускалъ ученіе о движеніи земли и о неподвижности солнца. Эта система была проповѣдываема въ Кротонской школѣ. Пиѳагоръ, вѣроятно, заимствовалъ ее отъ халдеевъ.

Пиѳагоръ считалъ музыку за одну изъ непремѣнныхъ частей ариѳметики. Его открытіе ариѳметическихъ отношеній звуковъ считается однимъ изъ лучшихъ его открытій. Вотъ какъ разсказываетъ о немъ Никомахъ.

Однажды Пиѳагоръ прогуливался, размышляя о музыкѣ. Случайно онъ проходилъ мимо кузницы, гдѣ три кузнеца били молотами на наковальнѣ желѣзную полосу. Прислушиваясь, Пиѳагоръ убѣдился, что звуки, издаваемые молотами, соотвѣтствовали квартѣ, квинтѣ и октавѣ. Удивленный такимъ отношеніемъ, онъ сталъ искать причины, отъ которой оно зависитъ. Онъ вошелъ въ кузницу и просилъ взвѣсить молоты; оказалось, что молотъ, который звучалъ квинтою, имѣлъ двѣ трети вѣса самаго тяжелаго молота, а тотъ, который издавалъ кварту, имѣлъ три четверти этого вѣса.

Воротившись домой, Пиѳагоръ сдѣлалъ такой опытъ: онъ привязалъ струну и въ одной точкѣ перевѣсивши ее черезъ кобылку, сталъ вѣшать на ней различныя тяжести и пробовать, какой звукъ она будетъ издавать. Когда онъ повѣсилъ тяжести, имѣвшія между собою такое отношеніе, какъ тяжести молотовъ, онъ получилъ звуки, представляющіе тѣ же интервалы.

Такъ разсказываетъ эту исторію Никомахъ [1]) и Ямвлихій [2]). Но Монтюкла и другіе математики считаютъ ее обезображенною и пріукрашенною. Въ самомъ дѣлѣ, опытъ показываетъ, что для произведенія на наковальнѣ такихъ звуковъ требуются другія пропорціи вѣса, а не тѣ, какія указалъ Никомахъ.

Но если такъ, то спрашивается, какже сдѣлалъ Пиѳагоръ свое великое открытіе ариѳметическихъ отношеній между звуками?

александрійскихъ книгъ сочиненіе Пиѳагора или скорѣе сочиненіе, написанное имъ самимъ объ ученіи Пиѳагора. Изъ этого сочиненія, имѣвшаго большую славу въ пиѳагорійской сектѣ, Платонъ взялъ матеріалы для своего *Тимея*.

[1]) *Ysagoge, arithmet.*

[2]) Жизнь Пиѳагора.

„Всякій знаетъ, говоритъ Монтюкла, что натянутая струна издаетъ звуки тѣмъ выше, чѣмъ она короче, если при этомъ напряженіе ея остается тоже. Это можно видѣть на каждомъ струнномъ инструментѣ. Довольно этого факта, чтобы побудить математика искать, каковы будутъ отношенія длины, требуемой для различныхъ звуковъ; вѣроятно, этотъ фактъ привелъ и Пиѳагора къ его изысканіямъ.

„.... Чтобы произвести указанные звуки, нужны струны, натянутыя одною и тою же тяжестію, длина которыхъ имѣла бы указанныя отношенія; что же касается тяжестей, привѣшиваемыхъ къ одной и той же струнѣ, то онѣ должны относиться какъ квадраты указанныхъ выше чиселъ. Нуженъ четверной вѣсъ, чтобы получить высшую октаву; для квинты вѣсъ долженъ быть $^9/_4$ и для кварты $^{16}/_9$. Впрочемъ способъ Пиѳагора вовсе не былъ подсказанъ ему умозаключеніемъ. Ибо, если это были неравные молоты, издававшіе при ударѣ по наковальнѣ неодинаковые звуки, то имъ соотвѣтствовали струны различной длины, приведѣнныя въ дрожаніе. Итакъ, если есть нѣчто справедливое въ разказѣ о Пиѳагорѣ, то способъ, которымъ онъ разсуждалъ, былъ таковъ, какъ мы показали; и такимъ образомъ онъ нашелъ, что октава должна быть выражена черезъ $^1/_2$, квинта черезъ $^2/_3$ и кварта черезъ $^3/_4$. Въ самомъ дѣлѣ, таковы длины струнъ, дающихъ эти интервалы: можно предполагать также, что онъ нашелъ и отношенія напряженія или тяжестей, необходимыхъ чтобы извлечь изъ одной и той же струны эти звуки. Это вовсе не трудно, такъ какъ нужно было только увеличивать тяжесть до тѣхъ поръ, пока струна не издаетъ показанныхъ звуковъ [1])".

Пиѳагоръ вообще былъ такъ пристрастенъ къ свойствамъ чиселъ, что находилъ ихъ вездѣ, въ мірѣ видимомъ и невидимомъ. Для него справедливость есть число, раздѣленное на 2. Абсолютная единица, число 1, — несоздана и представляетъ Бога и вѣчный міръ, всегда существовавшій. Число 2, созданное числомъ 1, представляетъ тѣ страдательныя существа или тѣ эфемерныя явленія, которыя производятся движеніемъ единицы. Послѣ *діады* идетъ *тріада*, или троица: это время, такъ какъ оно имѣетъ настоящее, прошедшее и будущее. Наконецъ мы доходимъ до четверицы, числа священнаго и имѣющую странную силу.

Четверица, занесенная въ Грецію Пиѳагоромъ изъ Египта и которую мы находимъ также у китайцевъ, приписывавшихъ ея первое постиженіе своему императору *Фо-ги*, изображала въ лицѣ Пиѳагора все, чтó есть самаго великаго, обширнаго, или лучше сказать, — величіе и обширность, не имѣющія предѣла сравненія.

По этому ученію, міръ состоялъ изъ четырехъ первыхъ чиселъ нечетныхъ и изъ четырехъ первыхъ чиселъ четныхъ. Четыре нечетныя представляли элементы чистые и небесные; а четные,

---

[1]) *Histoire des mathematiques*, т. 1, въ 4, 2 изданіе. Paris, an VII.

будучи ниже достоинствомъ, представляли тѣже элементы, но въ сочетаніи съ земными нечистотами. Такова знаменитая четверица, клятва которою была самою страшною и самою уважительною въ глазахъ пиѳагорейцевъ.

Музыка сопровождала всю эту систему и украшала ее своими гармоническими аккордами.

Чтобы лучше понять эти особенныя идеи, нужно прочесть у Цицерона прекрасныя страницы, имѣющія заглавіе — *Сонъ Сципіона*.

„Но, сказалъ я Африкану, что это за сильный и пріятный звукъ, наполняющій мои уши? — Это, отвѣчалъ онъ, гармонія, которая происходитъ отъ движенія сферъ, и которая, состоя изъ промежутковъ неравныхъ, но однако разнящихся одинъ отъ другаго по точнымъ пропорціямъ, образуетъ черезъ смѣшеніе звуковъ высокихъ съ низкими различные концерты. Невозможно въ самомъ дѣлѣ, чтобы столь огромныя движенія происходили безъ всякаго шума, и, согласно съ естественными законами, изъ двухъ предѣловъ, которыми оканчивается совокупность всѣхъ этихъ интервалловъ, одинъ даетъ низкій звукъ, а другой высокій. Поэтому сфера неподвижныхъ звѣздъ, какъ самая высокая, должна издавать очень тонкіе звуки; тогда какъ сфера луны, самая низкая изъ всѣхъ движущихся сферъ, должна звучать низкимъ звукомъ. Что же касается земли, шаръ которой составляетъ девятую сферу, она остается неподвижною и неизмѣнною въ самомъ низу, въ центрѣ мірозданія. Итакъ обращеніе этихъ восьми сферъ, изъ которыхъ двѣ одинаковой силы, производитъ семь различныхъ звуковъ; почти всюду число семь составляетъ узелъ.... Этой гармоніи неслышно на землѣ, потому что такой сильный шумъ сдѣлалъ людей глухими. Вотъ отчего чувство слуха есть самое слабое и тупое изъ всѣхъ чувствъ. Съ людьми, живущими возлѣ водопадовъ Нила, дѣлается тоже самое; они оглушены страшнымъ шумомъ, производимымъ рѣкою, низвергающеюся съ горъ. А что́ касается то́го чудеснаго звука, который издается всѣми сферами вмѣстѣ, движущимися съ такою быстротою, то наши уши также не могутъ его выдержать, какъ глаза не выдерживаютъ блеска солнца, если прямо смотрѣть на него.“

Здѣсь прекрасно и точно выражены взгляды Пиѳагора. Едва ли вѣрно только то, что́ говорится о землѣ, которую пиѳагорейцы, какъ мы видѣли, вѣроятно, не считали неподвижною въ центрѣ мірозданія, а полагали обращающеюся вокругъ солнца.

Намъ остается указать въ нѣсколькихъ словахъ порядокъ, въ которомъ элементы организовались въ этой системѣ, и кромѣ того— главнаго двигателя этого гармоническаго цѣлаго. Пиѳагоръ, давшій стремленію къ познаніямъ имя *философіи*, былъ также первый, назвавшій вселенную *міромъ*, κόσμος (порядокъ, красота, гармонія). Въ этомъ названіи отражается все его космогоническое ученіе.

Видя, что въ мірѣ всѣ части находятся въ такомъ порядкѣ и различныя ихъ движенія въ такомъ согласіи, конечно, не одинъ древній мудрецъ приходилъ къ мысли, что для произведенія и поддержанія этого порядка необходима разумная сила. Но какая была эта сила? И какъ она дѣйствовала? При этомъ древніе не имѣли надобности рѣшать задачу новѣйшей метафизики, именно объяснить, какъ вещество создано разумнымъ существомъ; ибо для нихъ то и другое существовало всегда отъ вѣчности. Итакъ было два основныхъ данныхъ для ихъ философіи, два существа, существующія a priori: одно, одаренное разумомъ, — Богъ; другое, одушевленное только силою, — вещество.

Міръ былъ образованъ совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ двухъ силъ, или двухъ субстанцій. Но ихъ взаимодѣйствіе, ихъ связь, по ученію Пиѳагора, могли произойти неиначе, какъ посредствомъ законовъ гармоніи. Онъ прилагалъ эти законы къ Богу и веществу и распредѣлялъ ихъ дѣйствія по степенямъ музыкальной лѣстницы.

Мы не будемъ слѣдовать за древними и новыми комментаторами Пиѳагора, напримѣръ, за аббатомъ Баттё, авторомъ *Исторіи первыхъ причинъ*, въ довольно темныхъ толкованіяхъ, которыя они предлагаютъ относительно приложенія численныхъ идей Пиѳагора къ устройству міра. Замѣтимъ, что по мнѣнію Пиѳагора пространство за луною неизмѣнно и неразрушимо. Міръ же подлунный, напротивъ, есть поприще непрестанной борьбы между жизнью и смертью и представляетъ постоянную смѣну рожденія и разрушенія. Это область четырехъ элементовъ, *земли*, *воды*, *воздуха* и *огня*, которые своими непрестанными соединеніями, раздорами и превращеніями, производятъ всѣ случайныя явленія, какія мы видимъ.

Это ученіе о четырехъ элементахъ, болѣе древнее, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и до половины прошлаго вѣка господствовавшее въ школахъ, было безъ сомнѣнія заимствовано Пиѳагоромъ у жрецовъ Бахуса. Таково, по крайней мѣрѣ, преданіе древнихъ поэтовъ, сохраненное самимъ Виргиліемъ, у котораго старый Силенъ воспѣваетъ четыре элемента, какъ источникъ всѣхъ вещей, и притомъ съ такими космогоническими подробностями,

которыя составляютъ какъ бы предчувствіе открытій современной геологіи:

„Оно воспѣваетъ, говоритъ Виргилій, какъ начала всѣхъ вещей, земля, воздухъ, вода и огненная жидкость въ началѣ были смѣшаны въ огромной безднѣ; какъ изъ этихъ первыхъ элементовъ образовались всѣ существа и самая сфера этого міра; какъ земля, *сперва менѣе твердая, понемногу окрѣпла*, заставила Нерея войти въ свои предѣлы и сама приняла тысячу различныхъ формъ; а потомъ удивленный міръ увидѣлъ, какъ въ первый разъ заблистало солнце, а облака стали подниматься и ниспадать дождемъ, какъ лѣса начали расти, и животныя, сперва въ маломъ числѣ, стали блуждать по огромнымъ горамъ [1]."

Но намъ нужно еще возвратиться къ ариѳметикѣ Пиѳагора. Справедливо ли, что онъ видѣлъ въ числахъ не простыя отношенія количества, а дѣйствительныя количества? Училъ ли онъ, что числа суть вещественныя начала вещей?

Извѣстно, что многіе изъ его послѣдователей, пиѳагорики, пиѳагорейцы, пиѳагористы держались этого мнѣнія и утверждали, что таково было его дѣйствительное ученіе. Но на ихъ свидѣтельство нельзя полагаться. Одни, можетъ быть, не поняли, другіе извратили идеи учителя. Не было ли въ ихъ интересѣ прикрываться его именемъ? Между тѣмъ послѣ него не осталось никакого сочиненія, которое могло-бы намъ объяснить его дѣйствительное ученіе. Впрочемъ, Кювье не считаетъ и достигшаго до насъ, затемненнаго ученія недостойнымъ генія Пиѳагора.

„Можно лишь предположить, говоритъ онъ, что его таинственная теорія состояла въ томъ, что онъ выражалъ въ числахъ всѣ силы, всѣ величины, чтобы сдѣлать ихъ сравнимыми и удобными для вычисленія. Въ такомъ случаѣ у него была идея, которая въ наше время составляетъ основаніе математической физики [2]".

Можетъ быть, здѣсь возможно еще другое объясненіе. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ трудомъ молодые люди сначала усвоиваютъ себѣ чистыя отвлеченія математики. До тѣхъ поръ они знакомы были съ величинами и количествами въ конкретной ихъ формѣ, какъ ихъ представляетъ природа, и потому для нихъ очень трудно бываетъ раздѣлять въ умѣ дѣйствительныя вещи отъ отношеній между вещами. Отвлеченное число, линія безъ ши-

---

[1] Eclog. VI.

[2] *Histoire des sciences naturelles*, т. 1, 5-e leçon, стр. 94.

рины, точка безъ протяженія,—все это идеальныя представленія, противорѣчащія воспріятіямъ чувствъ.

Невозможно ли предположить, что и великіе умы, какъ Ѳалесъ и Пиѳагоръ, которые должны были не только изучать, а даже создавать первыя начала науки, испытывали подобное же затрудненіе. Съ самаго начала они были вполнѣ погружены въ конкреты; они изучали свойства треугольника на дѣйствительномъ треугольникѣ, и свойства круга на какой-нибудь части поля, обведенной круговою линіею. Постоянно разсматривая явленія вещественнаго міра, они не могли отдѣлить отъ нихъ свою раждающуюся науку посредствомъ отвлеченія, которое придало бы ей совершенную чистоту. Пиѳагоръ, пораженный тѣмъ свойствомъ чиселъ, что они способны къ безконечнымъ сочетаніямъ и разложеніямъ, и находя повтореніе этого свойства въ физическомъ мірѣ, гдѣ все состоитъ изъ составленій и распаденій, изъ рожденія и разрушенія, пришелъ къ мысли, что идея необходимо связана съ веществомъ, и сталъ смотрѣть на числа, какъ на нѣчто нераздѣльное съ предметами.

Доказательство, что эти численныя количества не были лишены всякой реальности, мы находимъ въ признаніи одного знаменитаго пиѳагорейца Кефанта, который прямо говоритъ, что единицы суть атомы. А какимъ образомъ пиѳагорейцы вообще производили всѣ вещи помощію своей геометріи? Вотъ что говоритъ Діогенъ Лаэртій.

„Изъ точекъ происходятъ линіи, изъ линій плоскія фигуры; изъ плоскихъ фигуръ толстыя; изъ толстыхъ тѣла, имѣющія четыре элемента: землю, воду, воздухъ и огонь. Изъ этихъ четырехъ элементовъ, изъ ихъ движенія и перемѣщенія по всѣхъ частяхъ вселенной, образуется міръ, который одушевленъ, разуменъ и шаровиденъ."

Чтобы это было возможно, необходимо, чтобы линіи пиѳагорейцевъ имѣли ширину и чтобы ихъ точки занимали мѣста. Итакъ это нѣчто въ родѣ атомовъ. Атомы дѣйствительно составляли первыя начала міра у Демократа, величайшаго изъ пиѳагорейскихъ философовъ, всегда говорившаго съ благоговѣніемъ объ основателѣ итальянской школы.

Къ этимъ соображеніямъ прибавимъ еще заключеніе, которое можно вывести изъ порядка изученія, установленнаго Пиѳаго-

ромъ. Его ученики прежде философіи должны были изучать математику, которая по его мнѣнію занимала средину между вещественными и невещественными предметами. Итакъ, въ его линіяхъ и числахъ все еще оставалось нѣчто конкретное.

Попробуемъ теперь дать понятіе о томъ образѣ жизни, который велъ Пиѳагоръ и его ученики.

Пиѳагоръ учредилъ въ Кротонѣ двоякое преподаваніе, внѣшнее и внутреннее (экзотерическое и эзотерическое), какъ это онъ видѣлъ, должно быть, въ Египтѣ, и какъ позднѣе дѣлалось во всѣхъ философскихъ школахъ Греціи. Въ первыя времена своего пребыванія въ Италіи, онъ давалъ публичные уроки въ гимназіяхъ и въ храмахъ. Позднѣе онъ училъ только въ своемъ домѣ.

Когда являлся новый ученикъ, Пиѳагоръ осматривалъ его и зачислялъ въ отдѣлъ *экзотериковъ* или *внѣшнихъ учениковъ*. Затѣмъ онъ испытывалъ его скромность, послушаніе, терпѣніе. На неофита налагалось молчаніе въ теченіе двухъ, трехъ, даже пяти лѣтъ. Во все это время онъ долженъ былъ только слушать, не дѣлая никогда вопросовъ и неспрашивая ни малѣйшаго объясненія. Для него преподаваніе было совершенно догматическое: *Учитель такъ сказалъ* αυτὸς ἔφα должно было составлять для него непрерѣкаемое основаніе. Его поведеніе, въ теченіе этого долгаго срока, рѣшало, будетъ ли онъ исключенъ или допущенъ наконецъ въ число *эзотериковъ* или *внутреннихъ*.

Поступленіе въ эзотерики совершалось торжественно. Ковромъ или перегородкою школа была раздѣлена на двѣ части, и учитель былъ скрытъ отъ глазъ нѣмой половины аудиторіи. Эта половина только слышала голосъ Пиѳагора, но не видѣла его. Для нея ученіе было облечено въ эмблематическія и загадочныя формы; другая половина, имѣвшая право спрашивать, была посвящаема въ объясненіе и подробное изложеніе ученія. Къ внутренней аудиторіи принадлежало также нѣсколько женщинъ.

Учитель и ученики жили вмѣстѣ, общиною, и подчинялись однимъ правиламъ. Ученики высшаго разряда жертвовали заведенію все свое имущество и обязывались не имѣть никакой частной собственности. Кто выходилъ изъ общины или былъ изъ нея выключенъ, тотъ имѣлъ право получить назадъ свое имѣніе. Но эти

исключенія были рѣдки; насчитываютъ только три примѣра: Килона, Гиппаза, и Періала изъ Туріума.

Вообще можно сказать, что пиѳагорейцы составляли родъ языческаго монастыря, съ довольно строгимъ уставомъ, смягчаемымъ нѣкоторыми полезными и пріятными развлеченіями.

Пиѳагорейцы вставали вмѣстѣ съ солнцемъ. Они располагали свой духъ къ спокойствію музыкою и танцами. Они пѣли нѣсколько стиховъ изъ Гезіода, аккомпанируя себѣ на лирѣ или на какомъ-нибудь инструментѣ. Затѣмъ, они приступали къ ученію. Если погода позволяла, то ученіе было соединяемо съ прогулкою. Размышляя и разсуждая между собою о предметахъ, попадающихся на глаза, эти мыслители прохаживались по храмамъ, лѣсамъ и пустыннымъ мѣстамъ. Уединеніе и молчаніе возвышали ихъ духъ и способствовали самоуглубленію. Они не пренебрегали физическими упражненіями, вообще бывшими въ чести у древнихъ. Они упражнялись въ бѣганьи, натирались масломъ, чтобы сдѣлать свое тѣло болѣе гибкимъ или купались въ текущей водѣ. Послѣ этихъ упражненій они собирались вокругъ столовъ, уставленныхъ хлѣбомъ, медомъ и плодами. Вино никогда не подавалось. Вечеромъ совершались возліянія, и день кончался чтеніемъ. Наконецъ каждый уходилъ въ молчаніи. Не похоже ли все это на жизнь монашескихъ общинъ?

Пиѳагоръ, изучившій въ Египтѣ медицину, обучалъ своихъ учениковъ этому искусству. Врачи, выходившіе изъ его школы, были знамениты во всей Греціи.

Онъ занимался также законодательствомъ и политикою, съ такимъ успѣхомъ, который былъ даже одной изъ причинъ его погибели и разрушенія его заведенія.

Нѣкоторые его ученики стали государственными людьми, имѣвшими большой вѣсъ въ Великой Греціи. Они занимали высокія мѣста въ маленькихъ республикахъ этихъ странъ. Пиѳагоръ со своею школою былъ центромъ аристократической партіи Кротона, и Милонъ, одинъ изъ главныхъ гражданъ города, принималъ у себя самыхъ дѣятельныхъ изъ пиѳагорейцевъ.

Между тѣмъ въ Сибарисѣ произошла демократическая революція, вслѣдствіе которой аристократы города были изгнаны. Преслѣдуемые граждане искали убѣжища въ Кротонѣ.

ШКОЛА ПИѲАГОРА ВЪ КРОТОНѢ.

Ученики Пиѳагора не только радушно ихъ приняли, но и нарядили пословъ, чтобы завести переговоры объ ихъ возвращеніи.

Когда эти посланные, въ числѣ которыхъ были друзья Пиѳагора, прибыли въ Сибарисъ, народъ такъ былъ раздраженъ ихъ появленіемъ, что бросился на нихъ и умертвилъ ихъ.

Это злодѣйство навлекло на Сибаритовъ скорую месть. По убѣжденію Пиѳагора, Кротонцы собрали войско. Сто тысячъ человѣкъ вышло въ поле подъ начальствомъ Милона. Война была окончена быстро. Черезъ семьдесятъ дней Сибариты были побѣждены, хотя силы ихъ были значительнѣе, чѣмъ у нападающихъ; городъ ихъ былъ взятъ, разграбленъ и добыча раздѣлена между побѣдителями.

При раздѣлѣ области Сибариса, Пиѳагоръ получилъ долю, которая сдѣлала его богатымъ и внушила ему рѣшеніе навсегда остаться въ этой странѣ. Это было сельское имѣніе; онъ надѣялся мирно провести въ немъ остатокъ своихъ дней. Наслѣдство, завѣщанное ему однимъ богатымъ Кротонцемъ, еще увеличило его богатство.

Будучи уже старъ, почти семидесяти лѣтъ, Пиѳагоръ женился на *Теано*, и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей и четырехъ дочерей.

Этой самой Теано, бывшей долго его ученицей, было вручено управленіе школой по смерти Пиѳагора. Одинъ изъ ея сыновей извѣстенъ тѣмъ, что передалъ ученіе Эмпеоклу. *Дано*, одна изъ дочерей, которой Пиѳагоръ, какъ разсказываютъ, завѣщалъ свои комментаріи, запретивъ передавать ихъ кому-бы то ни было, дѣйствительно ни за что не хотѣла продать ихъ, хотя могла бы получить за нихъ большія деньги.

Пиѳагоръ, по разсказу Діогена Лаэртія, умеръ трагически.

Въ Кротонѣ образовалась партія противъ Пиѳагорейцевъ, уже съ давняго времени управлявшихъ городомъ или прямо или черезъ вліяніе учителя. Во главѣ партіи сталъ Килонъ, одинъ изъ исключенныхъ учениковъ Пиѳагора. Однажды, когда у Пиѳагора былъ Милонъ и другіе друзья, Килонъ явился со множествомъ своихъ приверженцовъ и зажегъ домъ. Всѣ, кто въ немъ былъ, погибли въ огнѣ.

Предполагаютъ, что Пиѳагору было тогда восемдесятъ лѣтъ. Многіе однако пишутъ, что онъ жилъ до девяноста лѣтъ.

Пиѳагоръ былъ однимъ изъ красивѣйшихъ людей своего времени. Его ученики часто принимали его за Аполлона. Рисунокъ при началѣ этой главы дастъ понятіе объ изяществѣ и правильности чертъ его лица. Онъ всегда былъ одѣтъ въ бѣлую, безукоризненно чистую одежду.

Пиѳагоръ не оставилъ по себѣ никакого сочиненія, и прошло цѣлые сто лѣтъ прежде чѣмъ явилось первое письменное изложеніе его ученія. Оно жило только въ памяти вѣрныхъ учениковъ, тайно передававшихъ его новымъ приверженцамъ.

Въ это-то время было сочинено много книгъ, ложно приписываемыхъ Пиѳагору, и составилось объ немъ множество анекдотовъ и смѣшныхъ басень. Таковы напримѣръ—басня о золотой лядвеѣ, которую будто бы однажды онъ показалъ своимъ ученикамъ, объ орлѣ, полетъ котораго онъ остановилъ одною своею волею,—о рѣкѣ, которая громко его привѣтствовала, когда онъ ей читалъ свои *золотые стихи*, — о полѣ бобовъ, передъ которымъ онъ остановился въ своемъ бѣгствѣ, готовый скорѣе умереть, чѣмъ потоптать его. Ко всѣмъ такимъ разсказамъ едвали подалъ поводъ тотъ, кого Платонъ называлъ величайшимъ изъ философовъ и мудрѣйшимъ изъ людей.

ПЛАТОНЪ.

Одинъ изъ величайшихъ философовъ и самый краснорѣчивый изъ прозаиковъ древней Греціи, Платонъ родился въ Аѳинахъ, или, по нѣкоторымъ біографамъ, на островѣ Эгинѣ, въ седьмой день мѣсяца ѳаргеліона (май), третьяго года, восемьдесятъ седьмой олимпіады (429 г. до Р. X.). Отецъ его былъ *Аристонъ*, а мать *Периктіона*. По отцу его производили изъ рода Кодра, послѣдняго царя Аѳинъ. По матери онъ несомнѣнно происходилъ отъ Дропида, брата Солона, знаменитаго законодателя и одного изъ семи мудрецовъ, представлявшихъ собою первый періодъ греческой философіи.

Въ древности обыкновенно рожденіе великаго человѣка украшалось въ разсказахъ чудесными обстоятельствами.

Аполлодоръ въ своихъ *хроникахъ* утверждаетъ, что Периктіона родила своего сына въ тотъ самый день, когда по священнымъ преданіямъ жителей Делоса, Аполлонъ родился на ихъ островѣ. Кромѣ того дитя было посѣщено въ колыбели пчелами Гимета, которыя оставили свой медъ въ его устахъ. Эта аллегорія намекаетъ на мелодическую сладость платонова слога.

Новорожденный былъ сперва названъ *Аристоклесомъ*. Имя *Платона*, данное ему впослѣдствіи, объясняютъ различнымъ образомъ. Такъ какъ онъ былъ крѣпкаго сложенія и имѣлъ широкія плечи, то нѣкоторые производятъ его отъ греческаго слова πλατύς (*широкій*). Другіе говорятъ, что этимъ указывалось на

широкій лобъ, и что имя Платона онъ получилъ отъ самаго Сократа, какъ намекъ на его обширный умъ.

Им Платонъ впрочемъ было извѣстно у грековъ задолго до рожденія нашего философа.

Аристонъ и Периктіона имѣли другихъ дѣтей, между которыми называютъ двухъ сыновей, *Адиманта* и *Главкона* и дочь, *Протону*, мать Спевзиппа, который былъ его преемникомъ въ Академіи.

Изъ всѣхъ этихъ дѣтей самымъ даровитымъ былъ *Аристоклесъ* или *Платонъ*.

„Онъ обладалъ, говоритъ де-Жерандо, въ высшей степени тѣми блестящими дарованіями, которыя требуются искусствами воображенія, но составляютъ также необходимую черту изобрѣтательнаго духа всякаго рода; то вдохновеніе, которое почерпаетъ въ области идеала типъ своихъ произведеній, то чувство гармоніи, тотъ талантъ соразмѣрности, которыя распредѣляютъ въ совершеннѣйшемъ согласіи всѣ части какого-нибудь плана; ту живость и энергію пониманія, которая даетъ новую жизнь предметамъ, когда ихъ выражаетъ, и, оживляя ихъ, даетъ имъ новую красоту. Притомъ, по счастливому и рѣдкому сочетанію, онъ былъ одинаково одаренъ и тѣми высокими качествами, какія образуютъ мыслителей. Способный къ глубокимъ соображеніямъ, онъ могъ съ невѣроятною силою слѣдить за самыми обширными выводами; онъ умѣлъ проницательнымъ взглядомъ схватывать самыя тонкія и нѣжныя различія; подыматься до самыхъ высокихъ отвлеченій, не смотря на препятствія, которыя встрѣчалъ въ несовершенствѣ языка, столь мало обработаннаго для философскихъ формъ; и это обстоятельство, можетъ быть, объясняетъ, какъ въ немъ естественно соединялись столь различные таланты; въ особенности же онъ имѣлъ даръ удивительной чувствительности, теплоты и возвышенности души, обдуманнаго энтузіазма, постоянно направленнаго къ прекрасному и доброму и питавшагося чистѣйшими внушеніями нравственности [1]."

Такое обиліе способностей должно было породить въ юномъ Платонѣ множество различныхъ стремленій. По счастію тогда не было извѣстно раздѣленіе труда въ умственной сферѣ, такъ точно какъ оно было неизвѣстно въ сферѣ матеріальной. Въ нашихъ новѣйшихъ школахъ рано стараются опредѣлить господствующую способность ребенка, и развиваютъ ее исключительно, образуя изъ него *спеціалиста*, рискуя при этомъ заглушить въ немъ болѣе дѣйствительную и могущественную способность: подобное воспитаніе было неизвѣстно въ Греціи временъ Сократа и Перикла.

---

[1]) *Biographie universelle* de Michaud, article *Platon*, стр. 496.

ПЛАТОНЪ.
По древнему бюсту галлереи Уфицы во Флоренціи. Рисунокъ помѣщенъ *Греческой иконографіи* Васконти.

Впрочемъ семейство Платона, кажется, имѣло большое богатство, такъ что не было нужды выбирать для сына особенное занятіе.

Итакъ Платонъ развивался свободно при помощи лучшихъ учителей во всѣхъ родахъ. Но кромѣ того онъ, вѣроятно, находилъ въ своихъ современникахъ и ихъ произведеніяхъ образцы, вліяніе которыхъ, можетъ быть, дѣйствовало на него еще сильнѣе. Въ эту эпоху Греція представляетъ намъ блистательныя фигуры Сократа и Анаксагора; тогда же жили Софоклъ и Эврипидъ, Аристофанъ и Менандръ, Ѳукидидъ и Ксенофонтъ и многіе другіе безсмертные писатели и художники. Будучи артистомъ, литераторомъ, поэтомъ, прежде чѣмъ стать философомъ, и оставаясь постоянно поэтомъ по возвышенности и гармоніи своего языка, даже тогда, когда онъ говоритъ о самыхъ метафизическихъ предметахъ, какія счастливыя вдохновенія Платонъ долженъ былъ почерпать изъ сношеній съ великими людьми, которые его окружали!

Первымъ учителемъ Платона былъ нѣкто *Діонисій*, о которомъ, по словамъ Діогена Лаэртія, онъ упоминаетъ въ сочиненіи *Соперники.* У него онъ учился грамматикѣ, подъ которою тогда разумѣлась вся совокупность словесныхъ наукъ. Въ то же время онъ посѣщалъ гимназію учителя борьбы *Аристона*, и благодаря прекрасному сложенію достигъ большаго совершенства въ этомъ упражненіи, такъ какъ по показанію нѣкоторыхъ біографовъ, онъ даже выходилъ на состязаніе на Истмійскихъ играхъ.

Кромѣ того Платонъ занимался живописью, музыкою и поэзіею.

Первые опыты его музы были пѣсни въ честь Бахуса. Діогенъ Лаэртій говоритъ, что онъ сочинялъ также трагедіи, но нѣт извѣстій, чтобы они были поставлены на сцену.

Всего болѣе Платонъ чувствовалъ себя расположеннымъ къ лирической поэзіи и готовъ былъ съ жаромъ предаться ей, какъ вдругъ философія охладила этотъ порывъ.

Очень многіе писатели проявили первый пылъ своей молодости въ поэтическихъ произведеніяхъ. Но у Платона было, такъ сказать, семейное расположеніе къ лиризму. Солонъ, къ потомкамъ котораго онъ принадлежалъ, былъ тоже поэтъ.

Какъ бы то ни было, но какъ только Платонъ услышалъ Сократа, онъ отказался отъ поэзіи ради философіи. Онъ сжегъ свои трагедіи и послѣдовалъ своему новому призванію.

„Ко мнѣ, Вулканъ, воскликнулъ онъ, *Платонъ нуждается въ твоей помощи!“*

Такъ пародировалъ онъ стихъ Гомера, который поэтъ влагаетъ въ уста Ѳемидѣ, идущей къ Вулкану просить оружія для Ахиллеса.

Между произведеніями его молодости была также эпическая поэма, въ которой онъ хотѣлъ ни больше ни меньше какъ состязаться съ Гомеромъ. Онъ пожертвовалъ ею философіи, и нельзя не пожалѣть объ этомъ, если мы вспомнимъ тѣ удивительныя поэтическія формы, которыя Платонъ первый ввелъ въ греческую прозу.

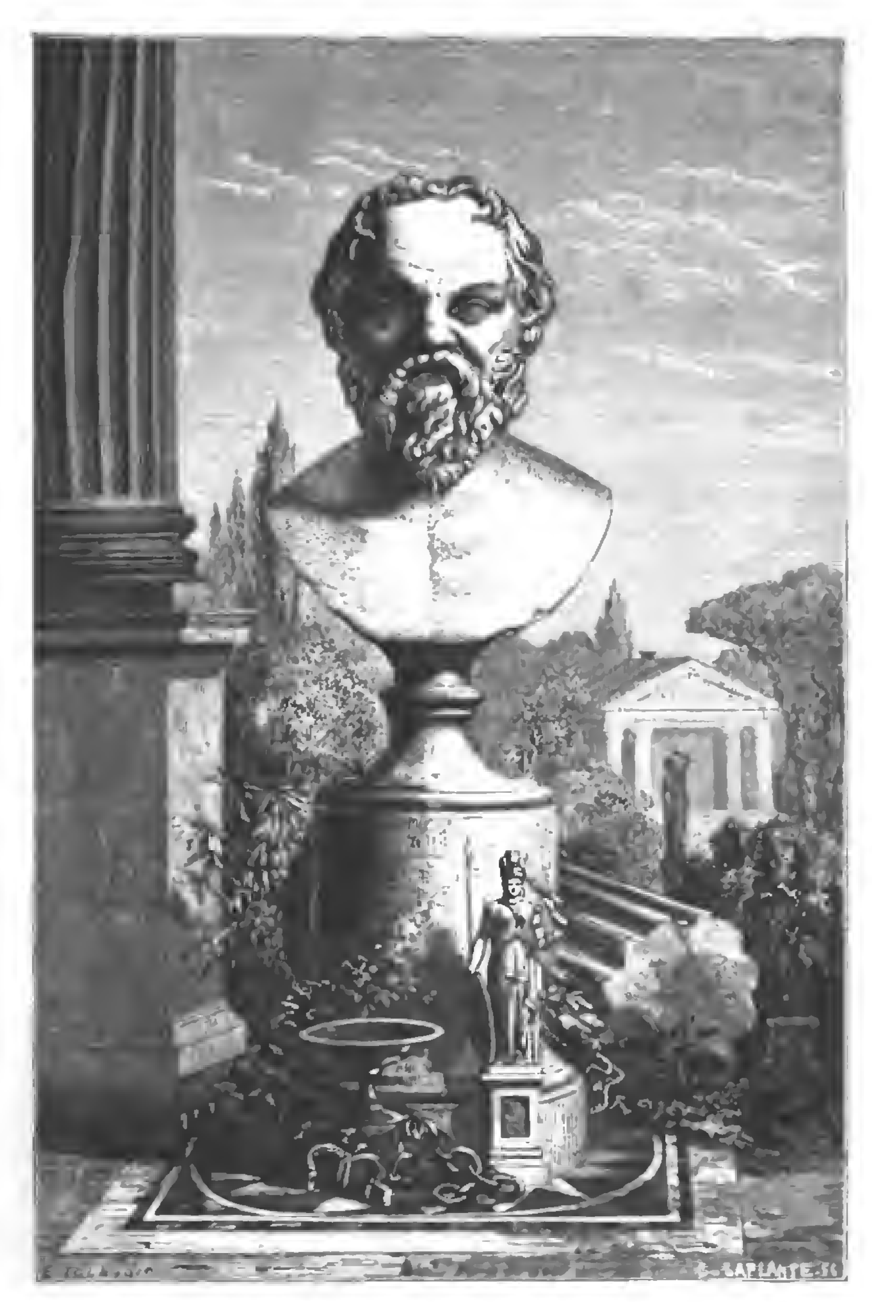
Но, не смотря на свое служеніе музѣ, Платонъ въ этотъ лирическій періодъ своей жизни началъ изученіе наукъ. Въ особенности онъ занимался геометріею, которую Ѳалесъ и Пиѳагоръ полагали въ основаніе философіи. Кажется, онъ сдѣлалъ даже въ этой наукѣ важныя открытія.

Платону было двадцать лѣтъ, когда онъ сталъ слушателемъ Сократа. Тимоѳей Аѳинскій разсказываетъ, что этому знаменитому учителю было чудеснымъ образомъ возвѣщено появленіе новаго ученика.

Сократъ видѣлъ во снѣ, что держитъ на колѣняхъ молодаго лебедя, у котораго вдругъ выросли крылья и который улетѣлъ, издавши сладкое пѣніе. Когда на другой день Аристонъ привелъ своего сына къ Сократу, тотъ сказалъ отцу, что это вѣрно лебедь, видѣнный имъ прошлую ночь.

Философія Сократа была чисто нравственная. Она имѣла цѣлью благоденствіе общества, а средствомъ — усовершенствованіе человѣка. Но изученіе природы не входило въ его преподаваніе. Сократъ исповѣдывалъ нѣкоторое презрѣніе къ тому, что мы теперь называемъ точными науками. Онъ говорилъ, что изъ геометріи нужно знать лишь столько, сколько требуется для измѣренія поля, а изъ ариѳметики, сколько требуется для хозяйственныхъ разсчетовъ. Это предубѣжденіе тѣмъ удивительнѣе, что учителемъ Сократа былъ ученикъ Ѳалеса Архелай, который первый принесъ въ Грецію физику, созданную въ іонійской школѣ.

Но Платонъ въ отношеніи къ изученію природы пользовался

БЮСТЪ СОКРАТА.
Съ бюста Луврскаго музея, въ Парижѣ.

если не уроками, то сочиненіями другаго іонійца, Анаксагора, бывшаго учителемъ самого Архелая и Перикла.

Это тотъ самый Анаксагоръ, котораго Ареопагъ присудилъ къ смерти. Этотъ философъ, предтеча нашихъ современныхъ понятій, провозгласилъ предъ лицомъ всемогущаго язычества единство Бога. Признавая существованіе единаго и верховнаго Бога, Анаксагоръ признавалъ также безсмертіе души.

Это новое ученіе сначала было причиной, что его проповѣдника назвали *умомъ* (νοῦς), прозваніе, данное потомъ Платономъ лучшему изъ его учениковъ, Аристотелю; а далѣе Анаксагора обвинили въ нечестіи и присудили къ смерти.

Периклъ, въ то время всемогущій, успѣлъ спасти своего учителя. Но первый приговоръ противъ философіи былъ уже произнесенъ, и тотъ, на кого онъ палъ, сталъ такимъ образомъ предтечею Сократа, какъ онъ былъ его предтечею и по возвышенности своего ученія.

Сократъ далъ ученію Анаксагора удивительное развитіе. Но, основывая преимущественно на немъ свою философію, онъ исключилъ изъ нея изученіе природы. Причина этого отчасти заключается въ томъ, что Аѳины были въ это время поприщемъ софистовъ, которые давали о природѣ самое ложное понятіе, ведя безконечные споры и разсужденія о сущности вещей, о первоначальныхъ причинахъ и образованіи существъ.

Въ ожесточенной войнѣ противъ этихъ своихъ современниковъ, Сократъ, можетъ быть, не всегда различалъ философію отъ философовъ.

Платонъ также усвоилъ себѣ великія начала нравственной философіи, завѣщанныя Анаксагоромъ Сократу. Но, слушая уроки Сократа, онъ въ тоже время изучалъ сочиненія элеатовъ, Ксенофонта, Парменида. Онъ познакомился съ физическими и математическими познаніями, и такимъ образомъ обнималъ всю область вѣдѣнія.

Десять лѣтъ Платонъ былъ ученикомъ Сократа. Но онъ не только слушалъ его уроки, а сдѣлался, такъ сказать, издателемъ этихъ уроковъ, составляя разговоры, въ которыхъ довольно свободно излагалъ мысли учителя. Сократъ лишь улыбаясь протестовалъ противъ умныхъ вещей, которыя ему приписывались. Говорятъ, что, прочитавъ разговоръ *Лизисъ*, онъ воскликнулъ: „Кля-

нусь Минервою!„Какія прекрасныя рѣчи заставилъ меня говорить этотъ молодой человѣкъ!“

По другому варіанту онъ сказалъ: „Какія прекрасныя небылицы взводитъ на меня этотъ юноша!“

Сократъ никогда не держалъ рѣчей, и мы составили бы себѣ неправильное понятіе о его обученіи, еслибы вообразили себѣ тѣ подготовленные и театральные пріемы, съ которыми преподается въ наше время философія и наука. Его школа, если можно такъ выразиться, была гуляющею школою. Каждый день онъ являлся на улицахъ, на площадяхъ, въ садахъ, гимназіяхъ. Подходилъ къ нему кто хотѣлъ. Онъ отвѣчалъ каждому на какой угодно вопросъ. Первый попавшійся предметъ былъ темою его урока. Хотя онъ говорилъ для всѣхъ, кто его слушалъ, но преимущественно обращался къ молодымъ людямъ, въ которыхъ было менѣе предразсудковъ, слѣдовательно, болѣе покорный умъ. Онъ старался внушить имъ любовь къ истинѣ, но въ особенности любовь къ добродѣтели. Природа дала ему всѣ средства для достиженія такой цѣли: рѣчь чистую, простую, легкую, веселую; тонкость мысли, тѣмъ скорѣе вкореняющейся, чѣмъ больше она на первый взглядъ кажется легкою; глубокія идеи въ основаніи, вмѣстѣ со всею граціею, свойственною генію аттическаго народа. Сократъ часто прибѣгалъ къ ироніи, которую умѣлъ употреблять такъ, что никого не оскорблялъ и не печалилъ. Его метода, сколько можно найти методы въ такого рода преподаваніи, была индуктивная. Переходя отъ одного положенія къ другому, отъ вопроса къ вопросу, онъ доводилъ своихъ слушателей до признанія истины, которая, будучи сказана прямо, ыла бы отвергнута, какъ парадоксъ. Увѣренный, что всякій истинный принципъ существуетъ въ скрытомъ видѣ въ глубинѣ человѣческаго разума, и что нужно лишь найти искусство извлечь его оттуда, онъ хвалился обладаніемъ этого искусства и не приписывалъ себѣ другой заслуги. Поэтому онъ называлъ самого себя *акушеромъ идей*, намекая на занятія своей матери, повивальной бабки.

„Я подражаю своей матери, говорилъ онъ; она не была пло дородна, но обладала искусствомъ помогать беременнымъ женщинамъ и выводить на свѣтъ плодъ, носимый ими въ своихъ нѣдрахъ“.

СМЕРТЬ СОКРАТА.
Съ картины Давида.

Индукція была также тотъ путь, которому слѣдовалъ Платонъ въ своемъ преподаваніи, метода, имѣющая неудобство длинноты; но въ это время еще не былъ введенъ въ логику силлогизмъ, этотъ столь краткій, а иногда и столь обманчивый пріемъ доказательства.

Давая предчувствовать существованіе единаго верховнаго Бога, Сократъ подалъ своимъ врагамъ средство погубить его. Цикута была наградою заслугъ, которыя онъ оказалъ Греціи, возвышая умы и укрѣпляя сердца.

Трагическая смерть, въ которой почти тотчасъ же стали упрекать судей Ареопага, какъ въ преступленіи, постигла Сократа посреди нѣжнаго энтузіазма его учениковъ. По крайней мѣрѣ имъ дозволено было утѣшеніе присутствовать при его кончинѣ.

Во время процесса, Платонъ бросился на трибуну защитниковъ.

„Аѳиняне, воскликнулъ онъ, хотя я моложе всѣхъ, которые явились, чтобы говорить въ этомъ случаѣ.....“

Судьи оттолкнули его и заставили замолчать.

Впрочемъ эта защита была бы совершенно безполезна; при томъ рѣшеніи, которое было заранѣе принято обвинителями и судьями, Платонъ долженъ былъ иначе заплатить свой долгъ учителю.

Въ теченіе тридцати дней между приговоромъ Ареопага и смертью Сократа, множество его учениковъ сходилось къ нему въ темницу. Платонъ былъ постоянно. Сократъ, по обыкновенію, продолжалъ философствовать. Въ этой-то темницѣ, посреди этого трогательнаго прощанья, Платонъ принялъ послѣднія наставленія отъ своего учителя. Нѣсколько времени спустя онъ составилъ изъ нихъ разговоръ, называемый *Федонъ*, въ которомъ самыя возвышенныя черты философіи Сократа были облечены въ безсмертную форму.

Послѣ смерти Сократа ученики его не видѣли для себя ни чести, ни безопасности оставаться въ Аѳинахъ. Большею частію они разсѣялись. Платонъ ушелъ въ Мегару, къ Эвклиду, основателю мегарской школы, которую также называли школою Діалектиковъ.

Мы имѣемъ лишь неясныя преданія о томъ, что̀ было въ это время, критическое для философіи и для Платона. Каково было

положеніе Платона между учениками Сократа? Признавали ли они его первымъ между собою, и считалъ ли онъ самъ себя способнымъ продолжать философію Сократа? Онъ могъ конечно возлагать на себя это дѣло, но повидимому его притязаніе было сперва грубо отвергнуто. Нѣкто *Гегезандръ* изъ Дельфъ, писатель неблагосклонный Платону и обвинявшій его въ зависти и недоброжелательствѣ ко всѣмъ, оставилъ записки, изъ которыхъ Атеней приводитъ слѣдующее мѣсто:

„Когда Сократъ умеръ, ученики его на одномъ обѣдѣ выражали большую горесть. Платонъ, бывши тутъ, взялъ чашу и убѣждалъ ихъ не падать духомъ, утверждая, что онъ способенъ продолжать школу Сократа, и провозгласилъ здоровье Аполлодора".

„Я охотнѣе взялъ бы, отвѣчалъ тотъ, ядъ изъ руки Сократа, чѣмъ изъ твоей эту чашу вина!"

Итакъ соученики Платона не питали къ нему хорошаго расположенія. Поэтому онъ скоро покинулъ Мегару и даже предѣлы Греціи.

Сперва онъ направился къ южной Италіи, гдѣ еще процвѣтала школа Пиѳагора, представляя между прочимъ отличныхъ философовъ, Эвдокса изъ Книда, и Архитаса изъ Тарента. Въ этой школѣ, бывшей широкимъ развитіемъ іонійской школы, было развиваемо то изученіе природы, которымъ пренебрегалъ Сократъ. Тутъ Платонъ нашелъ ту великую философію, энциклопедическую науку, которую впослѣдствіи онъ набросалъ въ общихъ чертахъ въ своихъ сочиненіяхъ, какъ первый очеркъ зданія, которое долженъ былъ выполнить методическій геній его ученика, Аристотеля.

Платонъ повидимому былъ долго въ Великой Греціи. Изъ Италіи онъ переѣхалъ въ Африку. Тамъ онъ познакомился съ Ѳеодоромъ Киренскимъ, подъ руководствомъ котораго усовершенствовалъ себя въ математикѣ, не усвояя себѣ нечестиваго ученія и эгоистической морали этого философа.

Киренаика была въ сосѣдствѣ съ Египтомъ. И потому, вѣроятно, нашъ философъ былъ и въ этой знаменитой странѣ, посѣщенной нѣкогда Ѳалесомъ и Пиѳагоромъ. Нѣкоторые отцы церкви говорятъ даже, что онъ изъ Египта отправился въ Персію. Но это мнѣніе едва ли можно допустить, такъ какъ Платонъ ни

въ одномъ своемъ сочиненіи не упоминаетъ о персидскихъ магахъ.

Но его путешествіе въ Египетъ совершенно достовѣрно. Объ немъ говоритъ Діогенъ Лаэртій, какъ о преданіи единогласно признаваемомъ въ его время. Многіе другіе писатели также упоминаютъ о немъ, какъ о несомнѣнномъ фактѣ.

Апулей и Велерій Максимъ говорятъ, что въ Египтѣ Платонъ изучалъ астрономію. По словамъ Климента Александрійскаго, нѣкоторый жрецъ по имени *Сехнаписъ* наставилъ его въ египетской философіи и теологіи.

Наконецъ нѣкоторые отцы церкви говорятъ, что Платонъ встрѣтилъ въ Египтѣ евреевъ, сообщившихъ ему книги Ветхаго Завѣта. Это предположеніе, которому очень многіе вѣрили, едва-ли основательно. Платонъ въ своихъ сочиненіяхъ такъ же точно не говоритъ объ евреяхъ, какъ и о персидскихъ магахъ.

Двадцать лѣтъ Платонъ не видалъ своей родины; онъ воротился въ Грецію въ 390 г. до Р. Х. Но онъ не считалъ еще возможнымъ открыть свою школу. Послѣ короткаго пребыванія въ Аѳинахъ, онъ отправился въ Сицилію, страну, въ которой не былъ во время своего посѣщенія Великой Греціи.

Онъ хотѣлъ посмотрѣть кратеръ Этны и послушать многихъ извѣстныхъ пиѳагорейцевъ, жившихъ на этомъ островѣ.

Тутъ онъ въ особенности сблизился съ Діономъ, ставшимъ его другомъ и ученикомъ.

Этотъ юноша, которому Платонъ внушилъ самый благородный и чистый образъ мыслей, былъ зять Діонисія Старшаго, спокойно наслаждавшагося тогда захваченною властью. Діонъ представилъ своего учителя тирану, и тотъ радушно принялъ его.

Діонисій покровительствовалъ наукамъ, во первыхъ для того, чтобы привлекать ученыхъ людей къ своему двору, а во вторыхъ для того, чтобы слышать похвалы стихамъ, которые онъ писалъ. Онъ не отвергалъ систематически и философовъ, но смотрѣлъ на нихъ подозрительно, такъ какъ философы часто вмѣшиваются въ дѣла, управленіе которыми государь хотѣлъ бы предоставить исключительно себѣ. Кромѣ того они имѣютъ дурную привычку требовать слишкомъ много нравственности отъ правительственныхъ дѣйствій.

Это и случилось съ Платономъ. Онъ осмѣлился осуждать дѣйствія Діонисія и защищать предъ нимъ права справедливости. Онъ не щадилъ царя, и хотя не нападалъ на него прямо, но Діонисій хорошо понималъ его нападенія. Не находя основательныхъ доводовъ, чтобы отвѣчать ему, Діонисій сказалъ ему однажды:

„Ваши рѣчи отзываются старостію.

— А ваши — тираніею, отвѣчалъ философъ.

Не привыкшій выслушивать наставленія, Діонисій сказалъ съ гнѣвомъ.

„Чего вы тутъ искали въ Сиракузахъ?

— Добраго человѣка, отвѣчалъ философъ.

Молчаніе послѣдовавшее за этими словами, конечно ясно сказало тирану, что философъ не нашелъ того, чего онъ искалъ.

Въ продолженіе всего пребыванія въ Сиракузахъ Платонъ сохранялъ этотъ видъ моралиста. Тиранъ былъ такъ этимъ раздраженъ, что безъ вмѣшательства Діона неблагоразумный философъ заплатилъ бы жизнью за свои укоризны.

Онъ поплатился однако своею свободою. Рѣшившись оставить дворъ Діонисія, Платонъ довѣрился спартанскому посланнику *Полуиду*, возвращавшемуся въ Грецію, и отплылъ на его галерѣ. Этотъ коварный человѣкъ, желая угодить Діонисію, остановился у острова Эгины и высадилъ на него Платона. Между тѣмъ вслѣдствіе вражды двухъ государствъ, всякій аѳинянинъ, попадавшій на Эгину, былъ предаваемъ смерти. Вотъ какую участь приготовилъ философу Полуидъ, нежелавшій самъ омочить руки въ невинной крови.

Къ счастію, разсчетъ его не оправдался. Когда Платона привели передъ судей Эгины, то нѣкоторый киренаикъ, по имени *Анникерисъ*, знавшій его по славѣ и видѣвшій его въ Аѳинахъ во время девяноста восьмой олимпіады, рѣшился купить его въ рабство и заплатилъ за него тридцать минъ.

Итакъ нашъ философъ подвергся участи Езопа. Но его рабство было коротко. Анникерисъ почти тотчасъ возвратилъ ему свободу и отпустилъ въ Аѳины, не взявъ никакого выкупа.

„Не одни аѳиняне, сказалъ онъ:—знаютъ Платона и не они одни достойны оказывать ему услуги!“

ПЛАТОНЪ СЪ УЧЕНИКАМИ ВЪ САДАХЪ АКАДЕМІИ.

Прекрасныя слова, свидѣтельствующія о той прочной славѣ, которою пользовался въ Греціи Платонъ!

По другимъ извѣстіямъ, философъ былъ выкупленъ изъ рабства Діономъ.

Получивъ свободу, онъ воротился наконецъ въ Аѳины и основалъ тутъ въ 388 г. до Р. Х. свою знаменитую школу философіи. Онъ помѣстилъ ее въ предмѣстьѣ города, въ мѣстѣ, окруженномъ деревьями и называвшемся *академіею*, по имени нѣкотораго Академа, которому оно нѣкогда принадлежало. Академія находилась возлѣ *Керамика*, площади, названіе которой напоминало, что тутъ когда-то жили горшечники, и которая была теперь одною изъ лучшихъ частей Аѳинъ. Тутъ стояли статуи Діаны, многіе храмы, портики, театры, гробницы Ѳразивула, Перикла, Хабріаса и воиновъ, убитыхъ при Мараѳонѣ, а также памятники нѣкоторымъ другимъ гражданамъ, оказавшимъ услуги республикѣ. Была здѣсь также статуя Амура, и алтари, посвященные Минервѣ, Меркурію, Юпитеру, Аполлону, Геркулесу, Музамъ и тремъ Граціямъ. Древнія платаны покрывали своею тѣнью эту великолѣпную площадь.

Академія тоже представляла обширный садъ, съ рощами и статуями. Но лучшимъ ея украшеніемъ былъ глава школы, окружаемый такими учениками, какъ Спевзиппъ, Ксенократъ, Аристотель, Исократъ, Гиперидъ и Демосѳенъ. Женщины тоже приходили на уроки Платона, какъ нѣкогда на уроки Пиѳагора. Между ними называютъ гетеру Ластенію изъ Мантинеи и Аксіотею изъ Фліазиса, приходившихъ въ академію въ мужской одеждѣ. Тутъ было стеченіе людей всякого рода и всѣхъ странъ. Платонъ былъ красивъ и говорилъ съ величайшимъ изяществомъ на самомъ прекрасномъ изъ греческихъ діалектовъ; понятно восхищеніе, которое онъ внушалъ.

Платонъ заимствовалъ у Сократа только основныя нравственныя идеи и превосходный методъ. Но его способъ преподаванія былъ совершенно другой. Сократъ разговаривалъ, Платонъ держалъ длинныя рѣчи. Онъ могъ говорить долго, подобно Цицерону. Онъ умѣлъ прекрасно завершать періодъ, обильный вставочными предложеніями, составлявшими только поясненіе и развитіе главной мысли. Его мысли, обширныя и тѣсно связанныя,

могли изливаться съ полной ясностію только въ потокѣ гармонической ип очти ритмической рѣчи. Невозможно забыть, что онъ инѣогда былъ поэтомъ. Аристотель, по словамъ Діогена Лаэртія, говорилъ, что слогъ Платона есть средина между прозой и стихами.

Но съ этихъ поръ онъ уже совершенно посвятилъ себя философіи.

Спустя нѣкоторое время послѣ открытія школы, ему стали говорить, что Діонисій боится, какъ бы Платонъ не отомстилъ ему, разсказавъ объ его коварствѣ.

„Я слишкомъ занятъ философіею, отвѣчалъ онъ, чтобы вспоминать о Діонисіѣ.“

Не смотря на прежнія бѣды, Платонъ еще разъ согласился побывать въ Сициліи. Смерть Діонисія Старшаго не возвратила сицилійцамъ свободы, но много хорошаго ожидали отъ наслѣдовавшаго ему сына, Діонисія Младшаго. Діонъ писалъ къ Платону и просилъ его пріѣхать въ Сицилію. Самъ Діонисій прислалъ въ Аѳины посланниковъ съ убѣдительными письмами. Наконецъ многіе пиѳагорейскіе философы присоединились къ просьбамъ Діонисія и убѣждали Платона, что онъ не долженъ пропускать этого случая — сдѣлать философомъ одного изъ царей.

Платонъ затруднялся, но, принимая въ соображеніе, что, направивъ къ добру одного человѣка, онъ можетъ сдѣлать счастливымъ цѣлый народъ [1]), онъ побѣдилъ свои колебанія и поѣхалъ въ Сиракузы. Послѣ двадцатилѣтняго преподаванія онъ покинулъ свою школу и предоставилъ ее управленію Гераклида Понтскаго, одного изъ лучшихъ своихъ учениковъ.

Платону было болѣе шестидесяти лѣтъ, когда онъ рѣшился возвратиться въ Сиракузы. Его сопровождалъ племянникъ и ученикъ, Спевзиппъ.

Діонъ внушилъ Платону надежду, что новый тиранъ расположенъ пользоваться его уроками и управлять по его наставленіямъ. Платонъ могъ думать, что на этотъ разъ съ Діонисіемъ Младшимъ взошла на тронъ философія. Дѣйствительно, этотъ государь принялъ его съ великими почестями. Онъ выслалъ для

---

[1]) Dacier, *Vie de Platon*, въ началѣ перевода сочиненій Платона, стр. 21.

его пріема галеру, украшенную повязками, какъ это дѣлалось для принятія статуи какого-нибудь бога. Когда философъ сошелъ на берегъ, онъ вышелъ къ нему на встрѣчу и посадилъ его въ великолѣпную колесницу. Прибывши во дворецъ, онъ велѣлъ совершить торжественное жертвоприношеніе, чтобы возблагодарить боговъ за ниспосланный ими даръ [1]).

Дѣйствительно, въ первое время молодой царь руководствовался правилами философа и совѣтами Діона. Онъ являлся публично безъ стражи, принималъ жалобы и просьбы своихъ подданныхъ и самъ разбиралъ ихъ тяжбы съ полнымъ правосудіемъ.

Но это продолжалось не долго.

Діонисій Младшій сперва изгналъ Діона, противъ котораго прежде всего вооружилась клевета, чтобы лишить Платона его поддержки при дворѣ.

Но послѣ этого изгнанія Платонъ и не хотѣлъ никакой поддержки. Онъ желалъ покинуть Сиракузы и уже не оставлять своей школы. Діонисій однако думалъ иначе. Чтобы утѣшить его въ потерѣ Діона, онъ удвоилъ свои заботы и знаки уваженія къ философу.

„Такъ какъ онъ боялся, говоритъ Саверьенъ, что Платонъ оставитъ Сицилію безъ его позволенія, то онъ помѣстилъ его въ своемъ дворцѣ, не ради бóльшей почести, какъ онъ самъ говорилъ, а чтобы не выпускать его изъ виду. Тутъ онъ предложилъ ему свои сокровища и свою власть, прося его полюбить его больше, чѣмъ Діона. Но сердце философа можно пріобрѣсти не почестями и богатствами, а только мудростію и добродѣтелью. Поэтому Платонъ отвѣчалъ Діонисію: — я полюблю васъ, какъ Діона, когда вы будете также добродѣтельны, какъ Діонъ.

„Царь всячески хотѣлъ его успокоить. Онъ употреблялъ поперемѣнно угрозы и *ласки*; но ничто не могло смягчить его. Платонъ жаловался на то, что его держали насильно. Это былъ дѣйствительный плѣнъ, въ которомъ онъ долго жилъ бы, если бы наступившая война не заставила Діонисія отпустить его.

„При этомъ царь хотѣлъ осыпать его подарками; но Платонъ твердо отказался отъ нихъ. Онъ потребовалъ отъ царя только одного обѣщанія: возвратить Діона, когда война кончится. Когда онъ былъ готовъ уже ѣхать, Діонисій сказалъ ему: — Платонъ, когда ты будешь въ академіи съ твоими философами, ты будешь говорить обо мнѣ много дурнаго. — *Не дай Богъ*, отвѣчалъ ему Платонъ, *чтобы мы въ академіи теряли время на разговоры о Діонисіѣ!*

„Возвращаясь въ Аѳины, онъ остановился въ Олимпіи, чтобы присутствовать на играхъ. Ему случилось тутъ помѣститься вмѣстѣ съ нѣкоторыми иностранцами

---

[1]) Savérien, Histoire des philosophes anciens, in-18, Paris. 1773, т. II (Platon), стр. 249.

хорошаго рода. Онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, пріятельски проводилъ съ ними время, не говоря имъ никогда ни о Сократѣ, не объ академіи, а называя себя просто своимъ именемъ. Иностранцы были очень довольны, что встрѣтили такого кроткаго, привѣтливаго и сообщительнаго человѣка. Они считали его за простака, такъ какъ Платонъ говорилъ съ ними только объ очень обыкновенныхъ вещахъ.

„По окончаніи игръ они отправились вмѣстѣ съ нимъ въ Аѳины и остановились въ его домѣ, какъ на этомъ настаивалъ философъ. Въ тотъ же день они просили его повести ихъ къ тому знаменитому философу, который носилъ одинаковое съ нимъ имя и былъ ученикомъ Сократа. — Онъ передъ вами, сказалъ имъ Платонъ.

„Иностранцы, изумленные тѣмъ, что вошли въ знакомство съ такимъ знаменитымъ лицомъ, не зная его, не могли надивиться его скромности и дѣлали себѣ втайнѣ упреки за то, что не умѣли разсмотрѣть его достоинствъ подъ покровомъ его простоты [1].“

Въ Аѳинахъ Платонъ нашелъ своихъ учениковъ и друзей и возобновилъ свое преподаваніе.

Но, какъ видно, Сиракузы имѣли для него какое-то обаяніе, потому что онъ побывалъ тамъ еще разъ. Правда, что Діонисій на этотъ разъ подѣйствовалъ на самую чувствительную струну философа, на его сердце. Онъ обѣщалъ въ награду за возвращеніе философа возвратить Діона, все еще бывшаго въ изгнаніи. Платону было почти восемьдесятъ лѣтъ, когда онъ въ третій разъ поѣхалъ въ Сиракузы.

Но тиранъ не только не возвратилъ своего двоюроднаго брата, но даже, когда въ силу полученнаго обѣщанія, Платонъ съ жаромъ сталъ просить за изгнанника, Діонисій такъ раздражился, что знаменитый старецъ сталъ бояться за свою свободу и даже жизнь. Если онъ могъ еще возвратиться въ свою родину, то былъ обязанъ этимъ вмѣшательству пиѳагорейца Архитаса, изъ Тарента, изобрѣтателя того знаменитаго летающаго голубя, которому такъ удивлялись въ древности. Архитасъ былъ однимъ изъ посредниковъ, употребленныхъ Діонисіемъ, чтобы добиться третьяго пріѣзда Платона въ Сиракузы, и его посредничество послужило также къ свободному выѣзду Платона.

Читая объ этихъ поѣздкахъ Платона къ сицилійскому тирану и видя, къ чему они приводили, невольно задаешь себѣ вопросъ, что же такъ влекло философа къ этому тирану, или тирана къ этому философу?

---

[1] Savérien, *Histoire des philosophes anciens*, т. II (Platon), стр. 252-254.

Враги Платона старались приписать его путешествія въ Сиракузы непохвальнымъ мотивамъ. Но всѣ эти нареканія не могли измѣнить понятія, которое потомство составило о характерѣ этого философа. Имъ не руководило честолюбіе, такъ какъ онъ отвергъ милости Діонисія младшаго. Впрочемъ, заступаться за угнетенныхъ и укорять государей за дурное правленіе — весьма дурной способъ для пріобрѣтенія ихъ благосклонности. Никто не можетъ сказать, чтобы Платонъ вывезъ деньги изъ Сиракузъ; напротивъ всѣмъ извѣстно, что онъ истратилъ значительную сумму, чтобы купить сочиненіе Филолая, въ которомъ было вѣрно воспроизведено ученіе Пиѳагора.

Аѳинское злорѣчіе давало еще другое объясненіе поступкамъ Платона. Говорили, что Платонъ ѣздилъ въ Сиракузы ради блестящихъ праздниковъ и роскошнаго стола.

Діогенъ публично сдѣлалъ ему этотъ упрекъ. Бывши вмѣстѣ съ Платономъ на большомъ обѣдѣ и замѣтивъ, что тотъ не бралъ никакихъ кушаньевъ, а удовольствовался нѣсколькими маслинами, циникъ сказалъ ему:

„Вы ѣздили за хорошими обѣдами въ Сицилію; отчего же здѣсь вы ими такъ пренебрегаете?

— Увѣряю васъ, отвѣчалъ Платонъ, что въ Сициліи я чаще всего ѣлъ одни маслины.

„Если такъ, возразилъ Діогенъ, то зачѣмъ же вы жили въ Сиракузахъ? Развѣ въ это время Аттика не производила маслинъ?"

Въ другой разъ Діогенъ вошелъ въ великолѣпную залу, гдѣ Платонъ давалъ большой обѣдъ и, чтобы уколоть его, сталъ пачкать своими голыми и грязными ногами пурпурный коверъ, покрывавшій полъ, приговаривая:

„Я попираю ногами гордость Платона".

— Ты попираешь мою гордость своею гордостію, отвѣчалъ философъ.

Если Діогенъ старался укорять Платона, то и Платонъ не оставался въ долгу. Циникъ однажды ради хвастовства и для удивленія прохожихъ вышелъ на улицу, когда падалъ густой снѣгъ съ градомъ. Платонъ, видя, какъ удивлялись этому странному поступку, сказалъ окружающимъ:

«Не жалѣйте нисколько Діогена, и если хотите, чтобъ онъ укрылся, перестаньте на него смотрѣть!»

По возвращеніи изъ третьяго путешествія въ Сицилію, Платонъ окончилъ свою книгу *О законахъ*.

Онъ оставилъ также послѣ себя сочиненіе *О государствѣ*. Нѣкоторыя утопіи, которыя въ немъ содержатся, доставили ему извѣстность между такого рода читателями, которые обыкновенно подобныхъ книгъ не читаютъ.

Не смотря на то, что Платонъ, какъ изъ этого видно, изучилъ общественные дѣла и вопросы, онъ никогда не хотѣлъ занять никакой должности.

„Предполагаютъ, говоритъ де-Жерандо, что это уклоненіе отъ должностей происходило отъ его теоретическихъ взглядовъ и отъ того, что онъ не одобрялъ законодательства Солона. Болѣе вѣроятно, что причина, его удерживавшая, состояла въ положеніи Аѳинъ, угнетенныхъ тридцатью тиранами въ то время, когда ему, еще молодому человѣку, предлагали присоединиться къ правительству, а потомъ подчиненныхъ гонителямъ Сократа и бывшихъ постоянно жертвою партій; онъ не надѣялся, что можетъ съ пользою служить отечеству, въ которомъ древнія учрежденія почти совершенно рушились. Итакъ онъ вполнѣ предался изученію философіи; онъ полагалъ, что, учредивъ академію, онъ основалъ и имѣетъ въ своемъ управленіи прекрасное царство [1].“

Однако же онъ не отказывался и нѣсколько разъ дѣлалъ попытки ввести свое ученіе въ современную политику или посредствомъ законовъ, составленныхъ имъ для различныхъ народовъ, или посредствомъ законодателей, избранныхъ имъ изъ своихъ учениковъ.

Тиранія Діонисія Младшаго въ Сициліи имѣла свой конецъ и конецъ роковой. Діонъ свергъ Діонисія съ трона и возвратилъ сиракузянамъ свободу. Послѣ смерти Діона, его родные и друзья спрашивали у Платона совѣтовъ для политическаго управленія Сициліей; онъ составилъ имъ планъ, по которому власть трехъ начальниковъ, въ одно и тоже время царей и первосвященниковъ, должна быть еще умѣряема многими совѣтами, законодательными, политическими и судебными.

По словамъ Плутарха, Платонъ далъ обитателямъ острова Крита собраніе законовъ въ двѣнадцати книгахъ. Онъ послалъ

[1]) *Biographie universelle* de Michaud, article *Platon*, стр. 497.

жителямъ Эліи, Форміона, и жителямъ Пирры и Менедема двухъ своихъ учениковъ, чтобы устроить у этихъ народовъ республиканское правительство. Его же совѣтамъ слѣдовали Пиѳонъ и Гераклидъ, возвратившіе свободу Ѳракіи. Но онъ отказалъ киренейцамъ, аркадцамъ и ѳивянямъ, тоже просившимъ у него законовъ, первымъ потому, что они были слишкомъ привязаны къ богатствамъ, а вторымъ, потому, что они не могли терпѣть равенства.

Эти общія указанія достаточны, чтобы дать понятіе о политическихъ началахъ, господствующихъ въ двухъ сочиненіяхъ Платона, указанныхъ нами: большія богатства не должны существовать, повсюду равенство, и даже общность нѣкоторыхъ вещей, которыя никогда не были общими не только въ нашихъ современныхъ обществахъ, но и въ древнихъ.

Платонъ, какъ всѣ законодатели древности, заботится только о свободныхъ лицахъ; рабы остаются внѣ закона, на произволъ своихъ господъ. У древнихъ народовъ знали только права гражданина, и не было ни единой мысли о правахъ человѣка.

Если бы нужно было дать образчикъ утопій Платона, то мы взяли бы его въ седьмой книгѣ его *законовъ*. Это былъ бы также примѣръ злоупотребленія, дѣлаемаго этимъ философомъ изъ науки чиселъ въ такихъ предметахъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ этою наукою. Какъ видно, нельзя было безнаказанно черпать въ Филолаѣ численныя и кабалистическія мнѣнія Пиѳагора. Дѣло идетъ объ основаніи образцоваго города. Философъ законодатель хочетъ, чтобы граждане новаго города, назначаемые для его защиты и одни имѣющіе долю въ землѣ, не превосходили числомъ 5,040.

„Я имѣю основанія, говоритъ онъ, выбрать это число, а не какое-нибудь другое. Необходимо, чтобы законодатель вполнѣ зналъ свойства чиселъ, ибо онъ можетъ извлечь изъ этого познанія многія важныя выгоды. Число 5,040 съ точностію дѣлится на десять первыхъ чиселъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.“

Далѣе онъ еще разъ возвращается къ этому числу 5,040, дѣлители котораго суть: четырежды 2, дважды 3, разъ 5 и разъ 7, т. е. $2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 3 \times 3 \times 5 \times 7 = 5{,}040$.

Кто можетъ отгадать, какимъ образомъ въ умѣ пиѳагорейца всѣ эти простые множители, умноженные по два, по три, связаны съ безопасностью и благополучіемъ новаго города?

Нѣкоторые біографы, не заслуживающіе большаго довѣрія, пишутъ, что покой послѣднихъ годовъ жизни Платона былъ нарушенъ Аристотелемъ и его приверженцами. Они будто бы воспользовались болѣзнью стараго учителя, немогшаго выходить изъ дому, и завладѣли Академіею, поставивши на его мѣсто Аристотеля; ученики же Платона, узнавъ объ этомъ, пришли толпою, чтобы изгнать узурпатора. Но никто, конечно, не осмѣлился бы сдѣлать подобное покушеніе на геніальнаго старца, который въ теченіе сорока лѣтъ имѣлъ и образовалъ въ своей школѣ столько отличныхъ людей, и между ними многихъ, бывшихъ въ то время всемогущими въ Аѳинахъ. Во всей этой исторіи справедливо только несогласіе, съ давняго времени возникшее между Платономъ и первымъ его ученикомъ относительно одного важнаго вопроса, и можетъ быть послѣдовавшее отсюда охлажденіе между ними. Платонъ, побуждаемый неоднократно своими друзьями избрать себѣ преемника, назначилъ своего племянника Спевзиппа, человѣка скромнаго и обѣщавшаго вѣрно излагать и сохранять въ академіи ученіе учителя. Конечно, въ этомъ выборѣ не было ничего унизительнаго для Аристотеля, который уже съ давняго времени свергъ иго Платона, и готовился учредить въ Аѳинахъ новую школу, соперницу Академіи.

Платонъ въ послѣдніе годы своей жизни купилъ садъ Академіи, въ которомъ давалъ свои уроки. Здѣсь за совѣщаніями слѣдовали пиршества, конечно, въ кругу ближайшихъ учениковъ.

У Платона, какъ у Пиѳагора, было двоякое обученіе, *эсотерическое* и *экзотерическое*, и слѣдовательно, были двѣ категоріи учениковъ. Будучи очень воздерженъ, онъ весьма скромно угощалъ и своихъ собесѣдниковъ въ Академіи. Отсюда поговорка приписываемая Тимоѳею, сыну Конона:

«Кто ужиналъ у Платона, тотъ на другой день бываетъ совершенно здоровъ.»

Платонъ не долго прожилъ послѣ своего третьяго возвращенія на родину. Онъ умеръ на рукахъ своихъ друзей, на восемьдесятъ первомъ году, за 345 лѣтъ до Р. Х. Онъ былъ погребенъ съ великимъ торжествомъ въ той Академіи, которую такъ прославилъ.

На его гробѣ было написано нѣсколько эпитафій. Сохранились двѣ слѣдующія:

„Эта земля покрываетъ тѣло Платона. Небо хранитъ его блаженную душу. Всякій честный человѣкъ долженъ уважать его добродѣтель."

Чтобы понять другую эпитафію, нужно знать, что на гробѣ была поставлена фигура орла:

„Орелъ, скажи мнѣ, зачѣмъ ты прилетѣлъ на этотъ гробъ, и въ какія страны эмпирея ты летишь? — Я — душа Платона, подымающаяся на небо, тогда какъ тѣло его остается въ Аѳинахъ."

Митридатъ воздвигнулъ Платону статую, а Аристотель алтарь; день его рожденія торжественно праздновался.

Изобразивши въ главныхъ чертахъ жизнь и дѣла знаменитаго философа, мы перейдемъ теперь къ краткому изложенію его трудовъ и мнѣній, въ особенности всего, что касается точныхъ наукъ, составляющихъ главный предметъ настоящей книги.

Хотя Платонъ изучалъ всѣ науки, извѣстныя въ его время, но не всѣмъ имъ приписывалъ одинаковую важность. Онъ различалъ ихъ по ихъ предметамъ. Всѣ тѣ, которыя относились къ вещамъ подвижнымъ и измѣняющимся, не были, по его мнѣнію, достойны названія науки: онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на простыя мнѣнія. Истинная наука — та, предметъ которой всегда присущъ уму, всегда одинъ и тотъ же, въ какую бы минуту мы ни стали его разсматривать. Платонъ находитъ эти признаки только въ умственныхъ предметахъ, въ идеяхъ. Онъ относитъ въ категорію мнѣній все то, что́ доставляется намъ внѣшними чувствами и вещественными предметами.

Всѣмъ извѣстно, до какого преувеличенія довелъ Платонъ спиритуалистическія идеи, до какой странной степени онъ довелъ презрѣніе или забвеніе вещественныхъ предметовъ. Кузенъ въ *Аргументъ Теэтета* представилъ обширное изложеніе спиритуалистическаго ученія нашего философа, котораго онъ былъ не только переводчикомъ, но и страстнымъ почитателемъ. Мы отсылаемъ къ этой книгѣ тѣхъ, кто пожелаетъ знать это толкованіе Платонова ученія, написанное самымъ знаменитымъ изъ нашихъ новыхъ философовъ. Что́ касается до насъ, физиковъ и натуралистовъ, то мы не презираемъ міра насъ окружающаго, но напротивъ изслѣдуемъ его со всѣхъ сторонъ и стараемся найти и понять его

тайныя пружины. И такъ мы ограничимся приведеніемъ послѣднихъ строкъ комментарія Кузена:

„Въ итогѣ, говоритъ Кузенъ, наука имѣетъ предметомъ истину; всякая истина заключается въ сущности; слѣдовательно, если сущность и ощущеніе отрицаютъ другъ друга, то наука не заключается въ ощущеніи.

„Я спрашиваю, восклицаетъ Кузенъ, можетъ-ли современная философія прибавить что нибудь къ этимъ доказательствамъ, облеченнымъ въ одно и тоже время и магіею древности и вѣчною очевидностью“ [1]).

Аристотель слишкомъ ясно видѣлъ вещи, чтобы доводить спиритуализмъ до исключительности Платона, чтобы пожертвовать тѣмъ, что́ онъ видѣлъ, осязалъ и изучалъ, нѣкоторой сущности, понятной только для разума. Онъ давалъ большое значеніе міру и не отнималъ прекраснаго имени науки у изслѣдованій, предметъ которыхъ былъ взятъ изъ реальнаго міра.

Платонъ, подобно всѣмъ древнимъ философамъ, не допуская творенія, былъ принужденъ признавать по крайней мѣрѣ два вѣчныя начала: Бога и вещество. Но онъ нашелъ еще третье, *идеи*, *формы* или *архетипы*, составляющіе несозданные образцы, по которымъ Богъ осуществляетъ всѣ видимыя нами существа. Наша душа обладаетъ даромъ постигать эти *идеи*, и черезъ нихъ она входитъ въ сообщеніе съ Богомъ, первою изъ всѣхъ реальностей. Однимъ словомъ, платоновское ученіе признаетъ реальнымъ и истиннымъ, слѣдовательно и единственною основою науки — только міръ постигаемый, то, что́ должно быть, а не то, что́ есть.

Мы уже видѣли, что Платонъ внесъ въ свою философію многое изъ пиѳагоровскаго ученія. Но онъ видоизмѣнилъ его. Такъ, напримѣръ, догматъ метемпсихозы у него не допускаетъ столькихъ пониженій, какъ у Пиѳагора. Онъ училъ, что добродѣтельная душа, отдѣлившись отъ тѣла, соединяется на нѣкоторомъ небесномъ свѣтилѣ съ великою душою, изъ которой была взята. Но если эта душа запятнала себя пороками, то она переходитъ въ тѣло женщины, или даже въ тѣло животнаго, и тутъ подвергается новому оскверненію. Если она можетъ выйти изъ своего униже-

---

[1]) Oeuvres de Platon, traduction de Cousin, т. II, *le Théétète*, стр. 20.

нія, то она по немногу возвышается и, наконецъ, восходитъ къ великой душѣ, изъ которой вышла.

Платонъ даетъ человѣку три души. Первая, разумная и безсмертная, имѣетъ свое сѣдалище въ головѣ; сущность ея не отличается отъ сущности великой души міра, и она составляетъ какъ бы лучь этой души. Двѣ другія души, смертныя, какъ тѣло, находятся одна въ груди, источникѣ энергическихъ и благородныхъ страстей, другая въ брюхѣ, сѣдалищѣ чувственныхъ желаній: послѣдняя душа женскаго рода, какъ бы уже запятнанная оскверненіемъ. Ни у одной изъ этихъ трехъ душъ воля несвободна, потому что ихъ желанія суть необходимыя слѣдствія состоянія, въ которомъ они находятся.

Легко видѣть изъ этого очерка, что психологія Платона не отличается силою. Его физика, если возможно, еще хуже. Впрочемъ этого и нужно было ожидать при его различеніи между тѣмъ, чтó предметъ науки и тѣмъ, чтó предметъ мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ одни вѣчныя вещи онъ считалъ принадлежащими къ области ума и науки, такъ какъ вещи происшедшія, собственно говоря, не суть существа, и ихъ изученіе можетъ привести, по его выраженію, только къ *мудрому и умѣренному порядку*, то тотъ, кто ихъ изучаетъ, можетъ ограничиться вѣроятностію, и никакъ не обязанъ искать достовѣрности, которой и нельзя здѣсь найти.

Менѣе высокомѣрно судитъ Платонъ объ ариѳметикѣ и геометріи. Эти науки повидимому расположили его къ себѣ своимъ нѣкотораго рода метафизическимъ характеромъ. Онъ даетъ имъ среднее мѣсто между науками и простыми мнѣніями: онъ называетъ ихъ *познаніями*.

Мы знаемъ теперь, что это дѣйствительныя науки, по праву занимающія мѣсто, въ которомъ имъ отказывала слишкомъ исключительная философія.

Какъ бы то ни было, ариѳметика и геометрія были изучаемы въ школѣ Платона; и едва ли онѣ были употребляемы только на вычисленія, подобныя *тетрадѣ* Пиѳагора или знаменитому числу 5,040 Платона. Геометрія, которою занимался уже Ѳалесъ, и которая играла такую важную роль въ школѣ Пиѳагора, должна была сдѣлать новые успѣхи въ академіи, гдѣ глава школы даже

требовалъ отъ учениковъ ея предварительнаго изученія. Замѣтимъ вообще, что Платонъ имѣлъ въ виду слить въ своей школѣ всѣ предшествовавшія, то есть и физику пиѳагорейцовъ и астрономію іонійской школы, и мораль Сократа, и способъ разсужденія элеатовъ. И такъ ему нужна была наука, которая дала бы физикѣ и астрономіи достовѣрныя и очевидныя начала. Этихъ началъ онъ и ученики его искали въ математикѣ.

Бальи говоритъ, что, не будучи астрономомъ, Платонъ принесъ весьма большую пользу астрономіи трудами своей школы. На счетъ состоянія этой науки въ Греціи отъ Изіода до Платона, и о способѣ послѣдняго подвинуть ее впередъ, важно слѣдующее мѣсто въ *Эпиномидѣ*.

„Надобно знать, говоритъ Платонъ, что астрономія есть наука, относящаяся къ высшей мудрости. Истинный астрономъ не тотъ, кто, по Изіоду, наблюдаетъ восходъ и закатъ звѣздъ и другія тому подобныя явленія, но тотъ, кто знаетъ движеніе восьми сферъ, кто знаетъ, какъ семь послѣднихъ вращаются подъ первой, и въ какомъ порядкѣ каждая изъ нихъ совершаетъ свое вращеніе. Для такихъ открытій требуется человѣкъ геніальный. Во первыхъ слѣдуетъ замѣтить, что луна пробѣгаетъ свою орбиту съ наибольшей скоростью и что она такимъ обрвзомъ производитъ то, что̀ называется полнолуніемъ и мѣсяцемъ. Слѣдуетъ также разсмотрѣть солнце, которое въ своемъ вращеніи производитъ солнцестоянія и измѣненія временъ года, и не упускать изъ виду движенія сопровождающихъ его планетъ. Наконецъ, слѣдуетъ опредѣлить всѣ другія вращенія, которыя трудно изучить.

„Но необходимо, чтобы умы были предварительно приготовлены изученіемъ наукъ, имѣющихъ къ этому отношеніе, затѣмъ привычкой и долгимъ упражненіемъ не только отъ юности, но съ дѣтства. Необходима для этого математика и особенно наука о числахъ, отъ которой затѣмъ слѣдуетъ перейти къ наукѣ, имѣющей странное названіе *геометріи*.“

Слово *геометрія*, или *землемѣріе*, казалось Платону слишкомъ притязательнымъ по малымъ размѣрамъ извѣстной тогда части земли и по невѣдѣнію на счетъ ея истинныхъ размѣровъ. Онъ, впрочемъ, весьма хорошо изъясняетъ, чѣмъ должна быть астрономія и необходимыя для нея пособія. До Платона, эта наука у грековъ состояла изъ случайно сдѣланныхъ замѣчаній, записанныхъ безъ всякой связи. Съ его времени, она начинаетъ утверждаться на истинно-научныхъ основаніяхъ.

Симплицій, въ своемъ коментаріи на *Небо Аристотеля* (de Coelo), говоритъ, что Платонъ предложилъ астрономамъ задачу, — объ-

яснить явленія движенія небесныхъ тѣлъ посредствомъ правильнаго круговаго движенія.

„Эта идея объ изысканіи причинъ, говоритъ Балльи, была достойна генія Платонова! Эта задача, которую пытался рѣшить Эвдоксъ, была источникомъ всѣхъ *эпициклосъ* и всѣхъ круговъ, придуманныхъ его послѣдователями.“

„До тѣхъ поръ греческая астрономія была только перечнемъ случайно сдѣланныхъ замѣтокъ, собранныхъ безъ всякой связи, въ которымъ было присоединено нѣсколько философскихъ мнѣній. Разговоръ Платона свидѣтельствуетъ, что ее начали разрѣшать, какъ науку [1].“

Этотъ Эвдоксъ, который пытался вычислить законы системы міра при помощи гипотезы круговой орбиты большихъ небесныхъ тѣлъ, былъ другомъ и современникомъ Платона, можетъ быть даже его товарищемъ по путешествію въ Египетъ. Это величайшій изъ греческихъ астрономовъ до Иппарха и александрійской школы.

Поэтъ и моралистъ, Платонъ называлъ звѣзды *орудіями времени*. Онъ говорилъ, что зрѣніе дано человѣку, чтобы онъ могъ дивиться правильности и постоянству движенія небесныхъ тѣлъ и научаться отъ нихъ любить порядокъ и управлять своимъ поведеніемъ.

Не слѣдуетъ полагать, что поэзія мѣшаетъ правильному взгляду на вещи. Новѣйшіе астрономы согласны, что Платонъ имѣлъ правильное сужденіе о причинѣ затмѣній. Полагаютъ, что онъ изобрѣлъ гидравлическій приборъ для измѣренія времени ночью [2]). Кажется, также ему были извѣстны оба движенія нашей планеты: коловращеніе вокругъ своей оси, и поступательное вращеніе въ пространствѣ вокругъ солнца [3]).

Глава аѳинской академіи полагалъ, что небесныя тѣла были первоначально брошены въ пространство по прямой линіи, но что, вслѣдствіе ихъ вѣса, движеніе это измѣнилось и превратилось въ круговое. Это почти первоначальная теорія нашихъ астрономовъ на счетъ движенія небесныхъ тѣлъ; имъ для объясне-

---

[1]) *Histoire de l'astronomie ancienne*, 2-e édition. Paris, 1781, in-4°, стр. 236.

[2]) „Платонъ, говоритъ Плутархъ, въ старости своей полагалъ, что земля не занимаетъ срединнаго мѣста во вселенной, и что средоточіе міра, какъ почетнѣйшее сѣдалище, принадлежитъ какому-нибудь болѣе достойному существу.“ *(Жизнь Нумы)*.

[3]) Bailly, *Histoire de l'astronomie ancienne*, стр. 234.

нія движенія свѣтилъ необходимо предположить только начально-данный толчекъ: остальное совершаетъ притяженіе.

Платонъ первый изъ древнихъ философовъ, коихъ произведенія почти вполнѣ дошли до насъ. Ихъ раздѣляютъ на два разряда; къ первому относятся такъ называемыя *гимнастическія*; въ нихъ Сократъ изображонъ оспаривающимъ софистовъ; второй — *догматическія* или *агностическія*, то есть такія, въ которыхъ учитель излагаетъ свое собственное ученіе, или самъ, или при посредствѣ одного изъ собесѣдниковъ.

Вотъ списокъ дошедшихъ до насъ сочиненій Платона:

Федръ считается первымъ въ порядкѣ хронологическомъ. Въ этомъ разговорѣ бесѣда идетъ о *красотѣ* и *любви*. Здѣсь уже опровергается теорія ощущеній, которыя внушаютъ намъ, какъ говоритъ Монтань, „только колеблющіяся и разнорѣчивыя мнѣнія“.

Федонъ заключаетъ послѣднюю бесѣду Сократа съ друзьями, въ темницѣ, гдѣ онъ принялъ цикуту. Предметъ этого лучшаго изъ всѣхъ, по мнѣнію самихъ древнихъ, разговора, составляетъ безсмертіе души. Катонъ, побѣжденный и удалившійся въ Утику, передъ смертью читалъ *Федона*.

Въ *Протагорѣ* Сократъ изображенъ въ борьбѣ съ тщеславной мудростью софистовъ, которыя полагали, что всѣ знаютъ и обучаютъ всему, даже добродѣтели. Платонъ приходитъ почти къ тому же заключенію, къ какому пришелъ Ж. Ж. Руссо; послѣдній въ своемъ *Отвѣтномъ письмѣ молодому человѣку, просившему позволенія поселиться съ нимъ, чтобы лучше научиться добродѣтели*, говоритъ, что для того, чтобы быть добродѣтельнымъ, достаточно желать сдѣлаться таковымъ.

Въ *Горгіасѣ*, Платонъ или Сократъ (какъ угодно) борется противъ риторики и риторовъ. Въ этомъ разговорѣ онъ, превосходя искусствомъ своихъ противниковъ, заставляетъ ихъ согласиться, что лучше претерпѣть несправедливость, чѣмъ совершить ее.

Предметъ *Парменида* есть разсмотрѣніе вопроса, поднятаго главой школы Элеатовъ: не составляютъ-ли всѣ существа только *одного* по отношенію къ сущности, и не суть-ли они разнообразны и многосложны только вслѣдствіе случайностей и случайныхъ видоизмѣненій?

Эвтифронъ есть прекрасная бесѣда о *святости;* въ ней доказывается, что такъ какъ всѣ люди происходятъ отъ боговъ, то эти послѣдніе ничего не пріобрѣтаютъ отъ того, что люди въ видѣ жертвъ и приношеній возвращаютъ имъ отъ нихъ-же полученное.

Апологія Сократа, сочиненіе, считающееся апокрифическимъ, содержитъ защиту обвиненнаго передъ судьями Ареопага.

Въ *Критонѣ* изображены попытки друзей Сократа убѣдить его, въ темницѣ, согласиться воспользоваться приготовлеными ими средствами къ бѣгству.

Первый Алкивіадъ есть драматизированный трактатъ, въ которомъ Сократъ учитъ, по Пиѳагору, что человѣкъ долженъ очистить себя отъ страстей и заблужденій, если хочетъ достигнуть знанія вещей и самого себя.

Во *Второмъ Алкивіадѣ* проповѣдуется та истина, что боги обращаютъ большее вниманіе на чистоту нашей души, чѣмъ на роскошь нашихъ жертвъ.

Въ *Менонѣ* обсуждается вопросъ, предложенный уже въ другомъ разговорѣ: — „Можно-ли научить добродѣтели?"

Въ *Филебѣ* противополагается разумъ и наслажденіе, и разыскивается, въ чемъ состоитъ верховное благо. Сократъ полагаетъ, что оно состоитъ въ соединеніи наслажденія и разума.

Пиръ есть разсужденіе о любви. Въ заключеніе приходится согласиться съ Платономъ, что истый любовникъ долженъ больше привязываться къ душѣ, чѣмъ къ тѣлу любимаго предмета.

Политика имѣетъ предметомъ опредѣлить предѣлы, въ которыхъ должна заключаться монархическая власть.

Въ *Лахисѣ* разсуждается о *храбрости* и отыскивается ея опредѣленіе.

Въ *Хармидѣ* опредѣляется *мудрость.* Эти два небольшіе разговора не приводятъ ни къ какому заключенію.

Въ *Первомъ Иппіасѣ* отыскивается общее опредѣленіе *прекраснаго.*

Во *Второмъ Иппіасѣ* бесѣдуется объ *обманѣ* софистовъ.

Менексенъ, или *надгробное слово* содержитъ прекрасную похвалу воинамъ, павшимъ при Херонеѣ.

Теогисъ, Иппархъ и *соперники* считаются апокрифами.

Въ *Іонѣ* заключается урокъ объ искусствѣ читать поэтовъ.

Тимей есть общая картина платоновыхъ мыслей о физической вселенной.

Мы уже приводили выписки и говорили о содержаніи *Государства* и *законовъ*.

Въ *Кратилѣ* разсуждается о именахъ, или знакахъ нашихъ мыслей.

Эвфидемъ есть разсужденіе противъ софистовъ.

Предметъ *Софиста* есть *бытіе*; здѣсь осуждаются спорщики и ложные ученые.

Теэтетъ направленъ противъ теоріи ощущеній.

Предметъ *Критіаса* есть дополненіе того, что это лицо говоритъ въ *Тимеѣ* объ *Атлантидѣ*. Въ немъ находится похвала жителямъ этого острова, „которые не уклонялись отъ умѣренности и знали, что согласіе съ добродѣтелью увеличиваетъ всѣ другія блага.“ По Платону, *Атлантида* исчезла вслѣдствіе рѣшенія бога боговъ, „который правитъ всѣмъ по справедливости и отъ котораго ничто не скрыто.“

При жизнеописаніи Христофора Колумба, мы возвратимся къ этому темному и спорному вопросу объ истинномъ мѣстонахожденіи Платоновой *Атлантиды*, древняго острова, исчезнувшаго подъ водами.

Почти всѣ сочиненія Платона, перечень которыхъ сдѣланъ нами, переведены г. Кузеномъ [1]).

---

[1]) Oeuvres complètes de Platon, traduites du grec en français, accompagnées d'arguments philosophiques, de notes historiques et philologiques, par Victor Cousin. Paris, 1825 à 1840, 13 vol. in 8°.

На русскомъ языкѣ: *Сочиненія Платона, переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромъ Карповымъ.* Изд. 2-ое, 4-ре части, въ 8-° С.-Пб. 1863.

АРИСТОТЕЛЬ

При Сократѣ науки въ нашемъ смыслѣ не существовало. При Платонѣ, глашатаѣ идей Сократовыхъ, она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, но ей еще мѣшали путы исключительнаго спиритуализма. Наконецъ явился Аристотель, и физическія и естественныя науки получили прочное основаніе; онѣ сразу были воздвигнуты на тѣхъ самыхъ началахъ, на которыхъ покоятся теперь.

Мы разскажемъ теперь исторію этого необыкновеннаго человѣка.

Не далеко отъ горы Аѳонской, къ востоку отъ большаго острова, называвшагося у грековъ *Халкидскимъ*, на берегу лимана, образуемаго Стримономъ, при впаденіи въ Эгейское море, въ древности стоялъ городокъ Стагиръ. Городокъ этотъ былъ основанъ греками, выходцами изъ Халкиса на Эвбеѣ, но вслѣдствіе завоеваній царей эдесскихъ, предковъ Александра Великаго, онъ принадлежалъ Македоніи. Въ этомъ-то городѣ, въ первый годъ 99-ой олимпіады (384 до Р. X.) родился Аристотель, величайшій изъ греческихъ философовъ и, быть-можетъ, самый совершенный геній, какой когда-либо былъ на землѣ.

Аристотель былъ сыномъ ученаго врача, по имени Никомаха, потомка Махаона, сына Эскулапова. По матери, которую звали *Фестидой* или *Фестіадой* и которая была изъ знатнаго халкидскаго семейства, онъ, говорятъ, могъ вести свой родъ отъ Геркулеса.

Это происхожденіе во времена Аристотеля было установлено болѣе или менѣе серьезными доказательствами. Но было-бы ребячествомъ серьезно заниматься въ наше время рѣшеніемъ этого вопроса относительно человѣка, столь прославившаго себя; конечно, такой славы онъ не могъ-бы получить отъ своихъ предковъ, хотя бы они были полубоги. Гораздо важнѣе, что онъ потомокъ Асклепіадовъ, которые издавна уже славились, какъ ученые врачи. У его отца Никомаха былъ еще сынъ *Аримнистъ* и дочь *Аримниста*; біографы только упоминаютъ о нихъ.

Подробности о первыхъ годахъ Аристотеля не дошли до насъ. Можно предположить изъ предъидущаго, что его воспитаніемъ не пренебрегали. Никомахъ былъ не только искусный врачъ, но и человѣкъ ученый, вѣроятно, философъ: въ то время философія входила во всѣ науки. Слава, пріобрѣтенная имъ нѣсколькими медицинскими сочиненіями, была столь велика, что его призвали ко двору Аминтаса, царя македонскаго, отца Филиппа и дѣда Александра Великаго. Получивъ при дворѣ почетное званіе главнаго врача, Никомахъ призвалъ къ себѣ свое семейство, и самъ занялся обученіемъ своего сына Аристотеля.

Вѣроятно, что Никомахъ съ ранняго возраста направлялъ своего сына къ изученію медицины, которая доставила ему и славу и богатство. Нѣкоторыя мѣста въ сочиненіяхъ Аристотеля подтверждаютъ эту догадку. Въ особенности въ *Задачахъ* есть прямое свидѣтельство, что Аристотель занимался изученіемъ медицины подъ руководствомъ отца.

Македонскій дворъ, гдѣ воспитывался сынъ Никомаха, былъ необыкновенно благопріятной средой для развитія юнаго ума. При этомъ дворѣ покровительствовали литературѣ и искусствамъ; тамъ уважали науку и привлекали ко двору всевозможными почестями и хорошимъ жалованьемъ знаменитыхъ ученыхъ. Въ этомъ вкусъ царей македонскихъ согласовался съ ихъ политикой, для которой важно было пріобрѣтать такимъ образомъ друзей и кліентовъ въ ученой и образованной Греціи, которой они уже угрожали и которую скоро должны были подчинить своей власти. Какъ извѣстно, это было исполнено Филиппомъ.

Этотъ молодой царевичъ былъ почти ровесникомъ Аристотеля и

СТАТУЯ АРИСТОТЕЛЯ.
Съ античной статуи въ естественную величину, во дворцѣ Спада въ Римѣ, срисованной въ *Греческой Иконографіи* Висконти.

обращался съ нимъ запросто. Онъ считалъ его своимъ другомъ и участвовалъ въ его трудахъ.

Другое лицо, потомокъ знаменитаго рода, нѣсколькими годами старше ихъ обоихъ, Антипатръ, появился въ это время при дворѣ македонскомъ, гдѣ потомъ получилъ весьма важное значеніе. Для двухъ юныхъ друзей онъ сдѣлался соревнующимъ товарищемъ. Позже, Антипатръ любилъ называть себя ученикомъ Аристотеля, говоря этимъ, что онъ ему по крайней мѣрѣ обязанъ любовью къ наукѣ; и онъ остался вѣренъ своему другу при обстоятельствахъ, когда быть дружнымъ съ воспитателемъ Александра было не безопасно.

Такимъ образомъ росъ Аристотель, когда на восемнадцатомъ году отъ роду лишился отца. Другъ ихъ семейства, Проксенъ, сдѣлался его опекуномъ. Онъ взялъ его съ собою въ Мизію, въ небольшой городокъ Атарме, гдѣ онъ жилъ, и тамъ занялся самъ или при помощи другихъ учителей довершеніемъ воспитанія своего питомца. Аристотель остался благодарнымъ за эти заботы и послѣ усыновилъ сына-сироту Проксена и женилъ его на своей дочери Пиѳіадѣ.

Аристотель недолго оставался подъ опекой этого превосходнаго человѣка. Понятно, что при его великихъ природныхъ способностяхъ и послѣ уроковъ такого ученаго отца, какъ Никомахъ, Аристотель въ семнадцать лѣтъ немногому могъ научиться отъ учителей небольшаго мизійскаго городка. Аѳины, центръ тогдашняго просвѣщенія, влекли его. Только тамъ онъ могъ встрѣтить наставниковъ, способныхъ восполнить его образованіе и развить его умъ.

Преданіе, почтительно сохраненное почитателями нашего философа, говоритъ, что оракулъ Аполлона велѣлъ ему идти въ Аѳины. Спрошенный при посредствѣ одного изъ друзей, оракулъ отвѣчалъ юному Аристотелю:

„Ступай въ Аѳины! Занимайся настойчиво! Тебя нужно скорѣй удерживать, чѣмъ понуждать."

Этого оракула, который между прочимъ характеризуетъ и особенности Аристотелева генія и его страсть къ научнымъ занятіямъ, было совсѣмъ ненужно, чтобы указать на Аѳины, какъ

на вполнѣ соотвѣтствующее мѣстопребываніе для этого юнаго и честолюбиваго ума.

Въ то время ученые и простые любители наукъ отправлялись въ Аѳины для того, чтобъ слушать Платона, котораго философская школа славилась больше другихъ. Ученикъ, продолжатель и издатель ученій Сократа, который ничего не писалъ, Платонъ находился тогда въ апогеѣ таланта и славы. Ему было около шестидесяти лѣтъ. Его ораторское искусство, широта его выводовъ и поэтическія красоты его слога заслужили ему прозваніе *Гомера философіи*.

Аристотелю почти не удалось слышать этого знаменитаго философа въ первый годъ пребыванія въ Аѳинахъ. Въ самомъ дѣлѣ, именно въ этомъ году (367 до Р. X.) Платонъ, какъ мы говорили уже, во второй разъ посѣтилъ Сицилію, гдѣ тогда царствовалъ Діонисій младшій. Мы упоминали, что Платонъ три года прожилъ при дворѣ тирана.

Что-же дѣлалъ Аристотель въ Аѳинахъ во время этого продолжительнаго отсутствія главы академической школы? Эти три года самые темные въ его жизни. Говоря точно, совершенно не извѣстно, какъ провелъ онъ это время.

Злословіе греческихъ хроникеровъ позаботилось наполнить этотъ пробѣлъ. Атеней и Эліенъ обнародовали, на основаніи письма Эпикура, подлинность котораго весьма подозрительна, что нашъ философъ велъ въ Аѳинахъ развратную жизнь. Они даже обвиняютъ при этомъ Прокеена, который, если вѣрить имъ, далъ Аристотелю очень плохое воспитаніе. Словомъ, молодой человѣкъ, оставленный на свой произволъ, скоро промоталъ все отцовское наслѣдство. Бѣдность заставила его наняться въ солдаты. Не успѣвъ на этомъ поприщѣ, онъ, чтобъ добывать хлѣбъ, принужденъ былъ продавать на улицахъ лекарства и благовонные порошки.

Свидѣтельство этихъ писателей обыкновенно отвергается. Если въ этой діатрибѣ искать крупицы правды, то самое большое можно бы принять, что сынъ врача Никомаха нѣкоторое время работалъ въ какой-нибудь аѳинской аптекѣ, или же, узнавъ отъ отца искусство приготовлять нѣкоторыя лекарства, порой снабжалъ ими больныхъ, какъ было въ обычаѣ у врачей въ древности. Впрочемъ,

будь письмо Эпикура, на которомъ основывается вся эта исторія даже подлиннымъ, то, по словамъ Кювье, „не извѣстно, чѣмъ бы оно могло уменьшить славу Аристотеля.“ [1])

Платонъ, на воротахъ сада, гдѣ онъ излагалъ свое ученіе, надписалъ: *„Безъ знанія геометріи никто не входи.“* Кромѣ того, отъ желавшихъ посѣщать академію требовалось знаніе и другихъ наукъ. По всѣму вѣроятію, Аристотель въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ, ожидая возвращенія Платона, занимался именно геометріей и другими науками, первыя основанія которыхъ онъ узналъ отъ отца и опекуна. Это объясняетъ, почему онъ сразу занялъ почетное мѣсто между избранными учениками Платона, какъ иностранцами, такъ и аѳинянами.

Аристотель явился въ академіи скорѣй какъ геній, чѣмъ какъ ученикъ. Платонъ скоро отличилъ его въ толпѣ своихъ учениковъ и назвалъ *Духомъ,* или *Разумомъ Школы*, *Νοῦς διατριβῆς*. Онъ называлъ его также *Читателемъ*, *Ἀναγνώστης*, обозначая этимъ ненасытимую жажду все узнать, которая соединялась въ Аристотелѣ съ природными способностями, жажду, которая заставляла его просто пожирать все написанное древними.

Слѣды его огромной начитанности видны въ его сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ спасъ столько именъ отъ забвенія, ибо большинство этихъ писателей дошло до насъ только въ отрывкахъ, приводимыхъ Аристотелемъ.

Хотя не всѣ въ равной степени достойны такой чести, но жаль, что изъ нѣкоторыхъ онъ не сдѣлалъ болѣе обширныхъ выписокъ. Это особенно жалко по отношенію къ Демокриту, истинному его предшественнику въ естествознаніи, первому изъ философовъ наблюдавшему, отличавшему и опредѣлявшему вещи, изыскивавшему ихъ причины и понимавшему, что всѣ знанія человѣческія, сколько бы наружно различными онѣ ни казались, находятся въ тѣсной связи и составляютъ одно великое цѣлое, могущее быть заключеннымъ въ одну раму. Демокритъ трудами своей долгой жизни и своими многочисленными сочиненіями начертилъ планъ и, на сколько было возможно въ то время, наполнилъ раму этой энциклопедической философіи. Аристотель

---

[1]) *Histoire des sciences naturelles*, T. I, стр. 139.

не менѣе семидесяти восьми разъ ссылается на Демокрита; иногда онъ просто излагаетъ его ученіе, иногда принимаетъ или опровергаетъ его. Только у Аристотеля сохранились подлинныя свидѣтельства, по которымъ можно составить понятіе объ этомъ геніальномъ человѣкѣ, имя котораго у другихъ либо окружено туманными похвалами, либо связано съ сказочными анекдотами.

Юный *Читатель*, который при помощи своего проницательнаго ума справлялся со всѣмъ, вѣроятно, скоро ввелъ въ академію какой-нибудь принципъ, противоположный методу обученія въ этой школѣ. По нашему мнѣнію, на это есть намекъ въ словахъ Платона, который, сравнивая живой умъ Аристотеля съ тугимъ пониманіемъ Ксенократа, своего любимаго ученика, говорилъ: *„Аристотелю нужна узда, а Ксенократу шпоры.“* Если въ этой похвалѣ не заключается легкаго предупрежденія на счетъ новаторскихъ стремленій, то она во всякомъ случаѣ содержитъ въ себѣ достаточное оправданіе оракула Аполлонова.

Продолжая сравненіе тѣхъ-же двухъ учениковъ, Платонъ говорилъ еще: *„Аристотель слишкомъ много времени посвящаетъ граціямъ, а Ксенофонтъ не довольно.“* На этотъ разъ, упрекъ прямой и ясный. Онъ впрочемъ оправдывается портретомъ Аристотеля, который Діогенъ Лаэрцій воспроизвелъ на основаніи нѣкотораго біографа Тимоѳея Аѳинскаго. Судя по этому портрету, начертанному съ явной склонностью къ охужденію, Аристотель всегда былъ одѣтъ изысканно. На пальцахъ онъ носилъ кольца и брился; голосъ у него былъ женскій, станъ тонкій, глаза маленькіе и онъ выговаривалъ *р*, какъ *л*, недостатокъ, въ которомъ упрекали также Алкивіада, Демосѳена и другихъ знаменитыхъ грековъ. Точно также, во Франціи, во времена Директоріи, такъ называемые *mervellieux* отличались тѣмъ же недостаткомъ въ произношеніи. Замѣтимъ, что этотъ упрекъ Аристотелю за роскошь въ одеждѣ, неправившуюся также Платону, доказываетъ, что сынъ Никомаха не растратилъ всего наслѣдства въ Аѳинахъ.

Но еще большій, чѣмъ щегольство и бритье бороды, скандалъ между тогдашними философами производило то обстоятельство, что Аристотель любилъ женщинъ. Извѣстно, что у него была наложница, Гирпилисъ, съ которой онъ прижилъ сына, названнаго въ честь дѣда Никомахомъ.

АРИСТОТЕЛЬ ЮНОША.
Съ картины Безара въ библіотекѣ медицинскаго факультета въ Монпелье.

Аристотелю, какъ сказано, было семнадцать лѣтъ, когда онъ прибылъ въ Аѳины, и двадцать, когда Платонъ, возвратясь изъ Сиракузъ, снова началъ преподавать въ академіи. Именно въ этомъ возрастѣ онъ изображенъ талантливымъ художникомъ, г. Безаромъ, на картинѣ, украшающей большую залу въ библіотекѣ медицинскаго факультета въ Монпелье. Гравированный снимокъ съ этой картины читатели найдутъ въ нашей книгѣ.

Воспроизводя эту картину, мы приведемъ также ученое и занимательное описаніе ея, сдѣланное въ 1832 году г. Кюнгольцомъ, ученымъ библіотекаремъ. Въ этомъ описаніи объяснены мысли, которымъ слѣдовалъ художникъ, группируя детали и аксесуары своей картины.

„Въ комнатѣ, гдѣ все дышетъ древне-греческимъ изяществомъ и вкусомъ, говоритъ г. Кюнгольцъ, изображенъ красивый, 18 или 19 лѣтній юноша, желающій знать все, что было извѣстно въ его время и потому пожирающій всѣ книги, какія только можетъ достать. Онъ сидитъ у стола, одинъ локоть покоится на книгѣ, которую онъ прилежно читаетъ; въ лѣвой рукѣ у него мѣдный шаръ; рука повисла надъ мѣднымъ-же тазомъ. Этотъ шаръ, какъ только сну удастся побѣдить жажду знаній, упадетъ въ мѣдный тазъ, но въ тоже время зазвенитъ, какъ колоколъ, и сонъ убѣжитъ передъ жаждой знанія, которая только на мгновеніе оставила юношу. На картинѣ онъ изображенъ въ ту минуту, когда закрываются утомленныя вѣки; кажется, вотъ-вотъ упадетъ шаръ. Этотъ юноша — Аристотель, въ томъ видѣ какъ онъ изображенъ Діогеномъ Лаертіемъ, въ то время когда началъ заниматься науками."

„Будущій основатель школы перипатетиковъ драпированъ до пояса, и изображенъ въ граціозной и естественной позѣ. Его фигура, дышущая красотой, благородствомъ и искренностію, хорошо передаетъ то высокое уваженіе, которое питалъ къ нему художникъ."

„Позади его на столбахъ стоятъ бюсты великихъ людей."

„Предметы, лежащіе на столѣ, напоминаютъ о семействѣ Аристотеля, о его особенно любимыхъ авторахъ и наконецъ о томъ духѣ, который онъ вносилъ въ свои занятія."

„Бронзовая статуя Эскулапа напоминаетъ, что его отецъ Никомахъ былъ потомкомъ Махаона, сына бога врачебнаго искусства, и что эта наука, наслѣдственная въ кастѣ Асклепіадовъ, была также первымъ предметомъ его занятій."

„Надпись съ именами Иппократа и Платона указываетъ на совѣтъ, данный Никомахомъ Аристотелю — сближаться особенно съ коскимъ врачемъ и главою Академіи. Самъ Никомахъ, посвятившій себя врачебному искусству, уже чувствовалъ, что философія должна быть неразлучнымъ товарищемъ медицины."

„Небесный глобусъ и рукописи различнаго вида и различныхъ временъ, между которыми одна изъ древнѣйшихъ изображаетъ геометрическіе чертежи, указываютъ на склонность Аристотеля къ физико-математическимъ наукамъ, а также на его любимое petitio principii, то есть на убѣжденіе въ существованіи *вещественныхъ*

причины, къ которымъ онъ относилъ всѣ явленія какъ великаго, такъ и малаго міра (макрокосма и микрокосма)."

„Рукопись, испещренная чертежами, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя по виду получили названіе volumina, потому что они состояли изъ одной или нѣсколькихъ кожъ, склеенныхъ вмѣстѣ, привязанныхъ по длинѣ къ палкѣ вокругъ которой ихъ навертывали. Эту палку, которая порой бывала металлическая или изъ слоновой кости, древніе называли *пупомъ*, безъ сомнѣнія потому, что когда волюмъ былъ свернутъ, то эта точка становилась центромъ нѣкотораго рода завитка, который могъ быть продолженъ до безконечности, и слои котораго были тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ длиннѣе были самыя кожи и чѣмъ больше число ихъ."

„Рукопись, которую читаетъ Аристотель, по виду, болѣе поздняго происхожденія, а потому можно подумать, что художникъ имѣлъ намѣреніе изобразить юнаго философа размышляющимъ надъ какимъ-нибудь коментаріемъ, сдѣланнымъ современнымъ ему авторомъ на сочиненія древняго автора; въ такомъ случаѣ, сочиненіе этого послѣдняго и есть *volumen* съ геометрическими чертежами."

„Изящество стола и кресла, старательность, съ которой расчесаны волоса Аристотеля, вполнѣ согласуются съ извѣстной склонностью философа къ изысканности въ мебели и туалетѣ, и особенно съ мыслью о богатствѣ и уваженіи, которымъ пользовался родъ Асклепіадовъ."

„На столѣ стоитъ чернилица съ тростинкой вмѣсто пера".

„Лира, лежащая у его ногъ, и *лавровый вѣнокъ*, привязанный къ ней, свидѣтельствуютъ, что Аристотель получилъ прекрасное начальное воспитаніе; что въ составъ его входили искусства, которыми онъ занимался съ успѣхомъ; что въ то время, когда онъ погрузился въ серьезныя занятія, онъ несовершенно забылъ ихъ и иногда упражнялся въ нихъ, чтобы успокоить и освѣжить умъ и сдѣлать его болѣе способнымъ для новыхъ размышленій [1])."

Аристотель пробылъ не менѣе семнадцати лѣтъ въ школѣ Платона. За это долгое время онъ не единственно изучалъ философію Платона и Сократа: онъ открылъ курсъ краснорѣчія и скоро сталъ соперникомъ Исократа, въ то время восьмидесятилѣтняго старца.

Около полувѣка Исократъ занимался въ Аѳинахъ тѣмъ, что доставлялъ письменныя рѣчи гражданамъ неспособнымъ, какъ того требовалъ законъ, лично защищать свое дѣло въ судѣ. Подъ его наставленіемъ образовалось большинство греческихъ ораторовъ; но самъ онъ не являлся публично въ качествѣ *оратора* по врожденной робости и слабости голоса. Остроумный и утонченный, находчивый въ словахъ, скорѣй рѣчистый, чѣмъ

---

[1]) *Aristote et Pline, tableaux peints par M. Bésard. Fragments pour servir à l'histoire de la Faculté de médecine de Montpellier*, par H. Kühnholtz, bibliothécaire et agrégé de la Faculté de Montpellier. Montpellier, 1832.

краснорѣчивый, потому что ему недоставало энергіи и паѳоса, Исократъ первый узналъ и научилъ аѳинянъ искусству округлять періоды. Но увлекаясь внѣшнимъ изяществомъ и звучностью, щедрый на сближенія и противоположенія, онъ имѣлъ ложное понятіе о характерѣ истиннаго краснорѣчія, которое должно убѣждать, а не удивлять. Онъ ослаблялъ силу слова излишними украшеніями и утонченными выраженіями, что́ не могло нравиться Аристотелю. Граціи, которымъ этотъ послѣдній слишкомъ много посвящалъ времени, не имѣли ничего общаго съ манерными граціями Исократа.

Аристотель открылъ курсъ краснорѣчія не изъ простого соперничества въ занятіяхъ; курсъ этотъ имѣлъ цѣлью совершить преобразованіе въ ораторскомъ искусствѣ.

Вѣроятно въ это время была написана Аристотелемъ его *Риторика*, или по крайней мѣрѣ многое въ этомъ отличномъ сочиненіи родилось подъ вліяніемъ полемики, отъ которой до насъ дошли только слѣды, но которая, вѣроятно, была ведена съ большою живостью.

Старикъ Исократъ не могъ бороться противъ нападокъ такого юнаго и сильнаго соперника. Онъ поручилъ отвѣчать нѣкоторымъ изъ своихъ учениковъ. Между послѣдними называютъ нѣкоего Кефиродора, сочиненія котораго существовали еще во второмъ христіанскомъ вѣкѣ.

Осмѣлиться напасть на такого остроумца, какъ Исократъ, послѣдователя Горгіасовъ и Продиковъ, на учителя, покровительствуемаго могущественными друзьями и самимъ царемъ македонскимъ, окруженнаго многочисленными учениками и защищеннаго полувѣковой славой, — это было дѣломъ смѣлымъ, указывающимъ на гордый и пылкій характеръ Аристотеля, дѣломъ, предвѣщавшимъ, что этотъ юный философъ, въ своей любви къ истинѣ, никогда не будетъ лицепріятенъ.

Но впрочемъ было-бы ошибкой, основываясь на этомъ, вѣрить всему, что его враги написали на счетъ его мнимой неблагодарности къ Платону.

Достовѣрно, что въ послѣднія времена учитель и ученикъ поссорились. За нѣсколько лѣтъ до смерти, Платонъ, избирая себѣ пріемника для преподаванія въ Академіи, остановился на

Спевзиппѣ, своемъ племянникѣ и ученикѣ, который по его мнѣнію больше другихъ былъ способенъ сохранить преданія его ученія. Этотъ выборъ задѣлъ за живое Аристотеля, который по генію могъ считаться самымъ способнымъ и справедливо почиталъ себя таковымъ. Съ этого времени, по Эпикуру, Эліену и Аѳинею, онъ былъ въ открытой враждѣ съ Платономъ, устроилъ соперничествующую школу и даже былъ настолько жестокъ, что изгналъ старика изъ портика, гдѣ тотъ давалъ свои уроки и самъ занялъ его мѣсто.

Вотъ какъ произошло это по разсказу Эліена.

Ксенократъ, одинъ изъ самыхъ преданныхъ учениковъ Платона, тотъ самый, который скоро замѣнилъ Спевзиппа, былъ въ это время на своей родинѣ, и Аристотель, воспользовавшись его отсутствіемъ, явился къ Платону, окруженный множествомъ учениковъ. Самъ Спевзиппъ былъ боленъ и не могъ явиться на помощь маститому ученому, память котораго ослабѣла съ годами. При такихъ-то обстоятельствахъ Аристотель вызвалъ на споръ старика-Платона, предложилъ ему много самыхъ тонкихъ софистическихъ вопросовъ, и привелъ его въ такое замѣшательство, что учитель принужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ.

Черезъ три мѣсяца, Ксенократъ, воротясь изъ своей поѣздки, съ грустью и удивленіемъ увидѣлъ, что Аристотель водворился въ Академіи на мѣсто своего учителя. Онъ разспросилъ о случившемся и, тотчасъ отправившись къ Платону, нашелъ его въ многочисленномъ кругу почтенныхъ лицъ, съ которыми онъ мирно бесѣдовалъ о различныхъ философскихъ предметахъ. Ксенократъ, по обычаю, почтительно поклонился ему, ничѣмъ не выражая своего удивленія. Но, собравъ значительное число соучениковъ своихъ, онъ сталъ упрекать Спевзиппа за то, что онъ позволилъ Аристотелю остаться побѣдителемъ. Затѣмъ, онъ самъ отправился состязаться съ Аристотелемъ и принудилъ его удалиться изъ Академіи.

Весь этотъ разсказъ и другіе, стольже ложные, услужливо записанные тремя вышеназванными авторами, впервые выдуманы однимъ изъ аристотелевыхъ учениковъ, сдѣлавшимся его заклятымъ врагомъ, когда учитель отличилъ Теофраста, какъ втораго послѣ себя главу школы перипатетиковъ. Вѣроятно-ли,

чтобы Аристотель осмѣлился изгнать Платона изъ портика, гдѣ тотъ излагалъ свое ученіе, и даже основать противодѣйствующую школу при жизни своего знаменитаго учителя? Родственники Платона были люди сильные, какъ Хабріасъ и Тимоѳей, люди, начальствовавшіе сухопутными и морскими силами. Они не потерпѣли-бы такого насилія противъ старика, славнаго во всей Греціи своимъ краснорѣчіемъ и геніемъ.

Истинная причина разрыва между Аристотелемъ и Платономъ заключалась въ томъ, что, слѣдуя часто одному философскому основанію, они коренным образомъ расходились по многимъ главнымъ вопросамъ. Нѣтъ ничего предосудительнаго въ разрывѣ, мотивированномъ такъ: „*Amicus Plato, magis amica veritas*, то есть Платонъ мнѣ другъ, но истина еще большій другъ.“ Аристотель никогда не произносилъ этихъ словъ въ столь рѣзкой формѣ; но для его школы онѣ стали поговоркой, которая впрочемъ хорошо и коротко выражаетъ то, что Стагиритъ писалъ на счетъ своего славнаго учителя въ выраженіяхъ сдержанныхъ и даже черезчуръ почтительныхъ.

„Быть можетъ, — читаемъ въ первой книгѣ „*О нравственности къ Никомаху*“ — лучше разсматривать тщательно и на основаніи теоріи, хотя это разсмотрѣніе можетъ сдѣлаться щекотливымъ, когда теорія идей высказана *философами, которые намъ дороги*. Но можетъ быть, должно счесться за лучшее, особенно когда дѣло идетъ о философахъ, устранить свои личныя чувства и заботиться только о защитѣ истины; и хотя и то, и другое дорого намъ, отдавать преимущество истинѣ есть наша священная обязанность.“

Эти прекрасныя строки, въ которыхъ дышетъ благородная независимость философа, объясняютъ намъ, почему Платонъ не могъ назначить Аристотеля своимъ преемникомъ. Далѣе, Аристотелю, когда умеръ Платонъ, было около сорока лѣтъ, и онъ уже утвердился въ началахъ философіи, которую онъ противоположилъ философіи академической.

Но еще не настало для него время учредить въ Аѳинахъ, подъ именемъ *Лицея*, школу соперничествующую со школой Платоновыхъ послѣдователей. Для него начался довольно безпокойный періодъ жизни.

Въ послѣдніе годы этого перваго двадцатилѣтняго пребыванія Аристотеля въ Аѳинахъ многіе изъ его соучениковъ и другія по-

чтенныя лица, смотрѣли на него уже какъ на своего учителя, сопровождали его во время прогулокъ, или собирались у него, чтобы слушать его. Между этими слушателями, Аристотель отличалъ одного и сблизился съ нимъ больше, чѣмъ съ другими. Это былъ евнухъ, по имени *Герміасъ*, сдѣлавшійся царемъ, или какъ выражались древніе, *тираномъ* города Атарме, въ Мизіи, по смерти своего учителя Евбула, которому онъ помогалъ изгнать персовъ изъ нѣкоторыхъ городовъ Малой Азіи. Герміасъ, тотчасъ по возвращеніи своемъ въ область атармейскую, написалъ другу своему Аристотелю, приглашая его къ своему двору. Аристотель и прежде помышлялъ предпринять путешествіе для восполненія своихъ знаній и собиранія матеріаловъ для задуманныхъ сочиненій. А потому онъ принялъ предложеніе своего друга. Онъ отправился въ Мизію и поселился во дворцѣ Герміаса. Но трагическая смерть этого послѣдняго помѣшала Аристотелю насладиться философскимъ спокойствіемъ.

Герміасъ былъ замѣчателенъ не только своей страстной любовью къ философіи и наукамъ. Врагъ персидскаго варварства, онъ задумалъ обширное предпріятіе, цѣль котораго была освободить изъ-подъ власти великаго царя всѣ греческія, по происхожденію и языку, населенія Азіи. Ударъ, нанесенный имъ вмѣстѣ съ Евбуломъ нѣсколькимъ гарнизонамъ Виѳиніи былъ только началомъ этого освобожденія. Персы не простили ему этого удара. Съ тѣхъ поръ они слѣдили за Герміасомъ и онъ былъ окруженъ ихъ агентами; онъ былъ настолько неостороженъ, что довѣрился нѣкоторому *Ментору*, греческому перебѣжчику, служившему персидскому царю Артаксерсу Оху. Этотъ негодяй завелъ его въ засаду и предалъ царю, который тотчасъ приказалъ задушить его.

Послѣ Герміаса осталась сестра или пріемная дочь, по имени *Пиѳіада*. Аристотель женился на ней. Онъ воздвигнулъ въ память своего друга статую въ Дельфахъ и надписалъ на ней слѣдующее четверостишіе:

„Царь персидскій, нарушая самые святые законы и справедливость боговъ, погубилъ этого человѣка. Онъ убилъ его не въ честномъ бою, не съ оружіемъ въ рукахъ, а въ западнѣ, прикрытой покровомъ ложной дружбы."

Діогенъ Лаэртій, сохранившій для насъ эту надпись, приводитъ другую, также сочиненную Аристотелемъ въ память своего друга.

Эта вторая надпись отличается бо́льшею возвышенностію мысли и выраженія. Она представляетъ небольшую лирическую пьесу въ томъ родѣ, который греки называли *пеанами*. По мнѣнію древнихъ, ее было достаточно, чтобы Аристотеля, одареннаго столь могучими философскими способностями, поставить на ряду съ великими поэтами:

„Добродѣтель, — ты, требующая отъ человѣка стольких усилій, — ты, величайшее изъ благъ, которыя онъ долженъ преслѣдовать въ жизни! Ради твоей красы, благородная дѣва, грекъ готовъ страдать безмѣрно и не зная отдыха; готовъ умереть ради тебя. Непорочный плодъ, который ты даешь вкусить душамъ, для нихъ кажется лучше золота, знатности рода и изнѣженной праздности! Ради тебя сыновья Зевса, Геркулесъ и два сына Леды, снося столь великіе труды, показали дѣлами своими свои достоинства. Ради тебя двое другихъ героевъ, Ахиллесъ и Аяксъ, плѣненные твоей возвышенной красотой, проникли до ада, и одинъ изъ Атарнейцевъ былъ лишенъ дневнаго свѣта. Но на какую высоту ихъ ни вознесли великія дѣянія, музы еще болѣе возвеличатъ ее, музы, которые возвышаютъ даже славу Зевса.“

Діогенъ Лаэртій говоритъ, что Аристотель три года жилъ въ Атарме. Это долгое пребываніе въ маленькомъ мизійскомъ городкѣ кажется не похоже на ученое путешествіе, о которомъ мечталъ нашъ философъ, побуждаемый желаніемъ собрать огромные матеріалы, необходимые ему для написанія энциклопедіи. Если онъ не объѣздилъ всей Малой Азіи, то этому, вѣроятно, помѣшало критическое положеніе, въ которомъ находились эти страны, гдѣ персы были постоянно на сторожѣ, такъ какъ тутъ дѣятельно работали приверженцы Греціи. Быть можетъ даже, изъ патріотическаго чувства, или вслѣдствіе наказа македонскаго правительства, Аристотель принялъ участіе въ попыткахъ Евбула и Герміаса освободить изъ-подъ власти царя персидскаго эллиновъ азійскаго поморья. Извѣстно, что Филиппъ, царь македонскій, составилъ планъ этого освобожденія, планъ, который былъ по его смерти приведенъ въ исполненіе первыми побѣдами Александра.

Такимъ образомъ, ученое путешествіе Аристотеля на нѣкоторое время превратилось въ политическую миссію. Это предположеніе, правда, не можетъ быть подтверждено ни однимъ положительнымъ текстомъ, но нѣкоторое основаніе его заключается въ томъ фактѣ, что Аристотелю, послѣ трагическаго конца Герміаса, также грозило преслѣдованіе и смерть. Ему удалось бѣжать отъ кинжаловъ агентовъ царя персидскаго.

Счастливо избавившись отъ опасности, Аристотель, вмѣстѣ съ женой своей Пиѳіадой, ввѣрился первому встрѣчному кораблю и переѣхалъ на островъ Лесбосъ. Онъ остался въ Митиленѣ, главномъ городѣ этого острова, и прожилъ въ немъ около двухъ лѣтъ.

Митилена, въ то время очень богатый и населенный городъ, казалась новыми Аѳинами для философа. Родина мудраго Питтака, Алкея и Сафо была умственнымъ средоточіемъ, издавна славнымъ между греческими островами Эгейскаго моря. Тамъ процвѣтали философія, зодчество и поэзія. Аристотель долженъ былъ найти тамъ драгоцѣнные источники образованности; самъ Аристотель увеличилъ славу этого ученаго города, преподавая въ немъ первые уроки того ученія, которое позже воздвигъ въ Аѳинахъ на развалинахъ платонизма.

Онъ былъ счастливъ въ супружествѣ съ Пиѳіадой. Это обстоятельство, въ соединеніи со всѣми нравственными наслажденіми, какими онъ могъ пользоваться въ Митиленѣ, заставляетъ думать, что два года жизни въ этомъ городѣ были самые спокойные и пріятные въ его жизни.

Аристотелю было не болѣе сорока лѣтъ, когда онъ оставилъ Митилену. Онъ, вѣроятно, оставилъ этотъ городъ ради македонскаго двора, куда отправился, чтобъ заняться воспитаніемъ Александра.

Онъ получилъ на это особое приглашеніе, а никакъ не отправился на основаніи мнимаго письма, написаннаго будто-бы Филиппомъ тринадцатъ лѣтъ тому назадъ, когда родился его сынъ. Пригласить воспитателя сыну за тринадцать лѣтъ было-бы нѣсколько рано, ибо за это время могъ умереть самъ царь, учитель или воспитанникъ. Если письмо это по времени должно считаться апокрифическимъ, то по содержанію достойно быть подлиннымъ.

„*Филиппъ* Аристотелю, привѣтъ:

„Извѣщаю тебя, что у меня родился сынъ. Благодарю боговъ не столько за то, что они мнѣ даровали его, сколько за то, что родился онъ въ это время, ибо я надѣюсь, что воспитанный и обученный Аристотелемъ, онъ будетъ достойнымъ моимъ наслѣдникомъ.

Филиппъ, воспитанный въ Ѳивахъ, въ домѣ и уроками великаго Эпаминонда, человѣкъ столь же свѣдущій въ литературѣ и философіи,

АРИСТОТЕЛЬ УЧИТЪ АЛЕКСАНДРА.

какъ и въ военномъ искусствѣ, зналъ всю цѣну образованности. Онъ отыскивалъ и поощрялъ достойныхъ людей. Его дворъ былъ истиннымъ сборнымъ мѣстомъ ученыхъ и умныхъ людей. Безъ сомнѣнія, политическіе виды поддерживали въ царѣ македонскомъ это покровительство умственнымъ силамъ; государь, увеличившій при помощи своего генія свои владѣнія, повелитель государства, которому суждено было еще расшириться, онъ заслуживаетъ не меньшей похвалы за то, что желалъ оставить послѣ себя сына болѣе великаго чѣмъ самъ онъ.

Александру было тринадцать лѣтъ, когда отецъ поручилъ его Аристотелю; у него были уже два воспитателя, Леонидасъ и Лизимахъ. Послѣдній былъ слишкомъ снисходителенъ и не могъ управлять своимъ воспитанникомъ. Другой, напротивъ, былъ черезчуръ строгъ. Впрочемъ, Александръ позже не находилъ худа въ этой строгости. Царица карійская, которой онъ возвратилъ престолъ, похищенный сатрапомъ, желая выразить ему свою благодарность, угостила его азіатскимъ пиромъ и сама выбирала для него лучшіе куски. Она въ тоже время послала къ нему самыхъ искусныхъ поваровъ. Но Александръ, въ то время юный и не любитель роскошныхъ обѣдовъ, отвѣчалъ царицѣ на такую заботливость слѣдующими словами:

„Мой воспитатель, Леонидасъ, когда-то подарилъ мнѣ лучшихъ, чѣмъ ваши, поваровъ. Онъ говорилъ мнѣ, что для того чтобы вкусно пообѣдать, надо встать пораньше и гулять, а чтобъ отлично поужинать, надо обѣдать умѣренно.“

Историки разсказываютъ, что этотъ самый Леонидасъ имѣлъ привычку очень скоро ходить, и что ученикъ перенялъ отъ него быструю походку и сохранилъ на всю жизнь. Нельзя серьезно допустить, что Александръ перенялъ изъ подражанія походку одного изъ своихъ учителей; природная пылкость характера этого государя объясняетъ и безъ того, почему онъ быстро ходилъ.

Мы упомянули объ этой подробности, чтобы показать, въ какомъ состояніи находился сынъ Филиппа, поступая подъ надзоръ Аристотеля.

Александръ былъ крѣпкаго и мужественнаго сложенія и неутомимъ; природныя силы его были развиты упражненіями, которыми занималъ его Леонидасъ. Вслѣдствіе этого однако, ум-

ственныя и нравственныя его способности были въ нѣкоторомъ пренебреженіи; но Александръ, къ славѣ своего новаго учителя, скоро показалъ, что эти способности вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣлеснымъ силамъ. Отъ юности своей, онъ обнаруживалъ страсть къ великому, прекрасному и героическому. Онъ не дѣлалъ и не говорилъ ничего низкаго. Жадный къ похваламъ, онъ однако пренебрегалъ восхваленіями обыкновенныхъ достоинствъ. Поэтому-то, не смотря на свою несравненную быстроту, онъ отказался участвовать въ бѣгѣ на Олимпійскихъ играхъ. На возраженія своихъ друзей, онъ отвѣчалъ:

„Я пошелъ-бы на ристалище, еслибъ моими соперниками явились цари.“

На душу съ такимъ закаломъ, уроки такого учителя, какъ Аристотель, должны были имѣть и дѣйствительно имѣли великое вліяніе. Съ первыхъ дней, ихъ связало взаимное уваженіе, которое стало ручательствомъ за рвеніе учителя и послушаніе ученика

Чтобы возбудить и поддержать соревнованіе въ своемъ ученикѣ, Аристотель образовалъ въ царскомъ дворцѣ цѣлую школу. Со учениками Александра были Кассандръ, сынъ Антипатра, Марсіасъ, сынъ Антигона, Каллисѳенъ, племянникъ Аристотеля, Птоломей, Гарпалъ, Неархъ и Ѳеофрастъ, люди, въ послѣдствіи сдѣлавшіеся славными; нѣкоторые изъ нихъ были сподвижниками Александра въ его побѣдномъ походѣ отъ Босфора къ Инду.

Аристотель преподавалъ Александру всѣ извѣстныя въ Греціи науки, исправленныя или передѣланныя имъ самимъ, и, кромѣ того, нѣкоторыя еще новыя науки.

Преподаваніе Аристотеля не было исключительно научнымъ, выражаясь современнымъ языкомъ. Словесность, поэзія, логика и политика занимали въ немъ значительное мѣсто. Аристотель любилъ объяснять Александру Гомера; ученикъ воспламенялся при разсказахъ о подвигахъ Ахила. Онъ пересмотрѣлъ для своего ученика текстъ великаго поэта, обезображенный вставками рапсодовъ, и сдѣлалъ изданіе его, ставшее славнымъ подъ именемъ *изданія ларчика*, потому что Александръ постоянно возилъ съ собою экземпляръ въ кедровомъ ларчикѣ.

..... Speramus carmina fingi
Poss e, linenda cedro et levi servanda cupresso?

говоритъ Горацій, намекая на безсмертную поэму, которую такъ чтилъ ученикъ Аристотеля. Изъ этой поэмы, какъ изъ неизсякаемаго источника, почерпалось все, что́ можетъ обнять самое обширное образованіе: религія, исторія, медицина, физика, мораль, астрономія, географія, политика, даже статистика, хотя названіе этой послѣдней науки не было тогда извѣстно. Гомерова поэма была неразлучнымъ спутникомъ Александра. Экземпляръ ея покоился всегда подъ изголовьемъ воина, который постоянно мучился честолюбивой мечтой сравняться съ Ахилломъ.

Во время этого пребыванія при дворѣ Филиппа, Аристотель принялся за свое главное сочиненіе, *естественную исторію животныхъ*, которую надобно считать важнѣйшимъ памятникомъ его генія.

Мы думаемъ, что у Аристотеля былъ уже готовъ планъ и даже написаны нѣкоторыя части этого сочиненія, основываясь на томъ, что Александръ получилъ отъ него страсть къ естественнымъ наукамъ до такой степени, что во время завоеванія Азіи, послѣ военныхъ заботъ, его главнѣйшей заботой было отыскивать тамошнихъ рѣдкихъ животныхъ для обогащенія собранія своего учителя.

Аристотель, конечно, не упустилъ изъ виду политики, когда образовывалъ царевича, которому было суждено править государствомъ, принимавшимъ тогда чрезвычайные размѣры. Для этого учителю не зачѣмъ было составлять томъ для своихъ уроковъ: они уже находились обработанными въ его дошедшемъ до насъ *трактатѣ о политикѣ* въ шести книгахъ, если справедливо извѣстіе нѣкоторыхъ біографовъ, что это важное сочиненіе, изъ котораго такъ много черпали Макіавель и Монтескье, было однимъ изъ плодовъ пребыванія Аристотеля въ Митиленѣ.

Воспитаніе Александра Аристотелемъ продолжалось не болѣе пяти лѣтъ, срокъ очень короткій для выполненія столь обширной программы, если даже предположить, что излагались только главнѣйшія основанія. Но Александръ получилъ отъ природы силы, равныя его честолюбію. Онъ столь же легко переносилъ умственныя усилія, какъ и тѣлесные труды. Обыкновенно онъ спалъ очень мало, и если занимался предметомъ, требовавшимъ непрерывнаго вниманія, то не спалъ вовсе. Онъ свѣшивалъ съ постели руку,

въ которой былъ серебряный шаръ, со звономъ падавшій въ тазъ, какъ только сонъ начиналъ одолѣвать его. Итакъ, Александръ употреблялъ противъ сна тоже средство, что и его учитель. Онъ въ этомъ случаѣ только подражалъ его примѣру, — что легче принять, чѣмъ видѣть въ его походкѣ подражаніе Леонидасу.

Александръ долго, если не всю жизнь, сохранялъ глубокое уваженіе къ своему славному учителю. Онъ говаривалъ, что обязанъ Аристотелю не меньше, чѣмъ Филиппу, ибо если Филиппъ даровалъ ему тѣлесную жизнь, то Аристотель — жизнь умственную.

Филиппъ достойнымъ образомъ вознаградилъ Аристотеля за его заботы объ Александрѣ. Философъ богачомъ оставилъ македонскій дворъ. Но самой дорогой наградой было, конечно, позволеніе возобновить его родной городъ Стагиръ. Филиппъ принялъ на себя издержки этой постройки.

Аристотель не ограничился матеріальнымъ возстановленіемъ своего роднаго города. Онъ написалъ для него законы, каторые долго наблюдались. Онъ построилъ храмъ, названный *Nymphaeum* и самъ порой училъ въ немъ. Плутархъ въ своей *жизни Александра* говоритъ, что въ его время еще показывали портикъ, снабженный каменными скамейками, гдѣ училъ философъ.

Аристотель былъ еще въ Стагирѣ, какъ между греками и македонянами произошла херонейская битва, столь роковая для Ѳивъ и Аѳинъ, которая заставила грековъ принять миръ и порабощеніе. Въ этотъ день, юный Александръ украсился подлѣ отца славой, вѣроятно, печальной для патріотическаго сердца Аристотеля. Впрочемъ, онъ оставался въ Македоніи еще чрезъ три года, послѣ убійства Филиппа и вступленія на престолъ Александра.

Аристотель возвратился въ Аѳины послѣ вѣнчанія на царство его воспитанника. Онъ не былъ въ Аѳинахъ двѣнадцать лѣтъ. Ксенократъ замѣнилъ Спевзиппа, какъ глава школы платониковъ. Этотъ философъ былъ другомъ Аристотеля. Полагаютъ даже, что онъ сопровождалъ его въ Малую Азію, во время того путешествія, которое было пріостановлено смертью Герміаса. Но не смотря на это, Аристотель, кажется, не чувствовалъ къ нему большаго ува-

женія и, сравнивая себя съ нимъ, говорилъ: „Мнѣ стыдно молчать, когда Ксенократъ учитъ.“

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Аѳины онъ основалъ школу, *Лицей*. Это названіе произошло отъ сосѣдняго храма *Аполлона Ликейскаго*. Это была аллея, украшенная большими деревьями, подъ тѣнью которыхъ училъ философъ, окруженный учениками. Отъ греческаго слова περίπατος означающаго прогулку, послѣдователи Аристотеля стали называться *перипатетиками*.

Желая отдѣлиться отъ платониковъ, Аристотель однако устроилъ своей *Лицей* по правиламъ, установленнымъ Ксенократомъ въ Академіи. Изъ учениковъ выбирали на каждые десять дней старшаго *(decemdialem ducem)*, и онъ обязанъ былъ поддерживать порядокъ въ школѣ. Нѣсколько разъ въ году, этотъ небольшой философскій кружокъ собирался на пиръ.

Въ *Лицеѣ* было двѣ прогулки въ день, то есть два урока. Утренній, для учениковъ болѣе успѣвшихъ, касавшійся самыхъ абстрактныхъ частей науки; это называлось ἀκροαματικοὶ λόγοι *обученіе акроаматическое*. Вечерній урокъ назначался для всѣхъ учениковъ безъ исключенія и состоялъ изъ самыхъ начальныхъ свѣдѣній; онъ назывался λόγοι ἐν κοινῷ или *общее обученіе*. Первый изъ этихъ уроковъ назывался также *эзотерическимъ* (внутреннимъ), а второй *экзотерическимъ* (внѣшнимъ). Это повело нѣкоторыхъ ученыхъ къ предположенію, что въ школѣ Аристотеля существовало два рода преподаванія: одно секретное, для посвященныхъ въ таинства, другое — публичное, для непосвященной толпы.

Ученый переводчикъ сочиненій Аристотеля на французскій языкъ, г. Бартелеми Сентъ-Илеръ, слѣдующимъ образомъ оспариваетъ это мнѣніе.

„Философія въ Греціи, особенно въ эту эпоху, была слишкомъ независима, слишкомъ свободна, чтобы нуждаться въ скрытности. Наставнику Александра, другу всѣхъ знатныхъ македонянъ, автору *Метафизики* и *Морали*, нечего было скрываться: онъ могъ говорить все, и говорилъ все, какъ его учитель Платонъ, одинъ изъ преданныхъ учениковъ котораго тѣмъ не менѣе могъ собрать нѣкоторыя теоріи, не перешедшія изъ уроковъ въ сочиненія. Но предполагать въ греческихъ философахъ времени Александра эту робость, это антифилософское лицемѣріе, значитъ дурно понимать нѣкоторыя сомнительныя строки въ сочиненіяхъ древнихъ; еще болѣе,—это значило-бы переносить въ совершенно иныя времена обычаи, которыхъ даже въ средніе вѣка не

могли кривить философамъ тогдашняя подозрительность и религіозныя преслѣдованія [1]).

Г. Фердинандъ Геферъ слѣдующимъ образомъ опровергаетъ мнѣніе г. Бартелеми Сентъ-Илера:

„Эти слова, безъ сомнѣнія, благородны и прекрасны, но они не точны и вносятъ, кажется, въ изслѣдованія о древности предубѣжденія новѣйшаго либерализма. Во первыхъ, чтó касается свободы, какою пользовались греческіе философы, можно отвѣчать смертью Сократа, приговореннаго по обвиненію въ нечестіи, а также бѣгствомъ Аристотеля и Анаксагора, обвиненныхъ въ томъ же преступленіи. Далѣе, что касается существованія тайнаго эзотерическаго обученія, то намеки на это нерѣдко встрѣчаются въ ихъ сочиненіяхъ. Посвященные, не сохранившіе элевзинскихъ таинствъ, развѣ не наказывались смертью? Наконецъ, развѣ не въ самой природѣ человѣка вѣровать въ истинныя или мнимыя таинства, для выраженія самыхъ простыхъ вещей употреблять символы и аллегорическія формулы? Кто мѣшаетъ, напримѣръ, въ наше время франк-масонамъ открыть ихъ тайны? [2])."

Мы не станемъ пытаться согласить эти два совершенно противоположныя мнѣнія, съ авторитетностью поддерживаемыя обѣими сторонами. Но мы осмѣлимся, съ возможной осторожностью и скромностью, предложить третье мнѣніе, которое по нашему болѣе согласуется съ тѣмъ, чтó говорится древними объ истинномъ предметѣ ученія эзотерическаго, ибо объ этомъ то предметѣ и идетъ споръ.

Вопервыхъ, оставимъ въ сторонѣ таинства *Цереры Елевзинской*, которыя ни мало не относятся къ нашему вопросу. На публичныхъ философскихъ прогулкахъ въ Аѳинахъ не было рѣчи о посвященіи въ тайны и не было посвященныхъ. Далѣе, припомнимъ, что два рода обученія, *эзотерическое* и *экзотерическое*, были въ употребленіи въ греческихъ школахъ, и даже въ Великой Греціи; мы уже видѣли, что они существовали въ Пиѳагоровомъ институтѣ. Этотъ философъ училъ публично, въ аллеяхъ Кротона и въ храмахъ, и давалъ частные уроки на дому для болѣе успѣвшихъ учениковъ. Ничто не указываетъ, чтобы отдѣльно преподаваемыя доктрины были высшаго порядка, или болѣе тайныя чѣмъ доктрины общаго курса. Они отличались не по предмету препо-

[1]) *Dictionnaire des sciences philosophiques, art. Aristote.*

[2]) *Biographie générale, chez Firmin Didot, art. Aristote.*

даванія; положительно извѣстно, что они были болѣе вразумительны, стало быть, на нихъ предлагалось болѣе толкованій и объясненій.

Такъ шло дѣло не въ однихъ философскихъ школахъ. Тому-же слѣдовали преподаватели медицины, желая, чтобы извѣстные ученики успѣли болѣе другихъ. Въ клятвѣ обязательной для Иппократа, желающихъ изучать медицину, поступающій въ ученики клянется, что, сдѣлавшись учителемъ, онъ даромъ обучитъ сына своего учителя, и передастъ ему не только общее или экзотерическое ученіе, но также и ученіе *акроаматическое*. Если подобный обычай существовалъ при обученіи врачебному искусству, то тѣмъ болѣе онъ могъ быть въ обычаѣ при обученіи философскомъ.

Кромѣ того, Аристотель самъ объясняетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ *акроаматическимъ*, или *эсотерическимъ ученіемъ*. Александръ, узнавъ, что его бывшій наставникъ обнародовалъ въ Аѳинахъ книги, пишетъ ему изъ глубины Азіи.

„Александръ Аристотелю, привѣтъ."

„Вы сдѣлали большую ошибку, обнародовавъ ваши *акроаматическіе* уроки. Какое преимущество буду имѣть я передъ другими, если то, что я выучилъ, станетъ достояніемъ толпы? Знайте, что я желаю быть первымъ во всемъ, какъ въ наукѣ, такъ и въ власти. Прощайте."

Философъ отвѣчалъ ему:

„Аристотель царю Александру, привѣтъ."

„Вы въ письмѣ упрекаете меня за обнародованіе моихъ *акроаматическихъ* уроковъ. Они дѣйствительно предложены публикѣ, но не въ полномъ смыслѣ обнародованы, потому что будутъ непонятны для тѣхъ, кто не слышалъ моихъ объясненій. Прощайте."

Вопросъ о двойственномъ обученіи по нашему разрѣшается этими двумя письмами, въ подлинности которыхъ никогда серьезно не сомнѣвались. Но если они даже написаны древнимъ біографомъ, то все-таки имѣютъ великую важность, такъ какъ были добыты Авломъ Гелліемъ въ Аѳинахъ, въ то время, когда ученые этого города хорошо знали, въ чемъ заключалось *акроаматическое* обученіе.

Лицей былъ основанъ и устроенъ, и Аристотель началъ излагать въ немъ свою энциклопедію и продолжалъ это дѣло тринадцать лѣтъ. Ему было тогда сорокъ восемь лѣтъ, и онъ, вѣроятно, уже собралъ большую часть разнообразныхъ матеріаловъ для своихъ ученыхъ бесѣдъ. Но чтобы оцѣнить вліяніе такого учителя на умы, слѣдуетъ дать нѣкоторое понятіе о состояніи, къ которому они были приведены вслѣдствіе долгаго господства платонизма.

До Аристотеля, ни одна наука не была утверждена на свойственныхъ ей особыхъ началахъ. Туманная философія, въ которой смѣшивались всѣ свѣдѣнія объ отдѣльныхъ предметахъ, занималась всеобщимъ объясненіемъ природы. Но эта философія основываясь только на принятыхъ *à priori* идеяхъ, обо всемъ размышляла только *à priori*. Она предсоздавала всѣ науки, и самую физику, между тѣмъ какъ простой здравый смыслъ говорилъ, что въ наукахъ фактическихъ точкой исхода должно служить наблюденіе. Въ метафизикѣ платонизмъ имѣлъ право поступать такимъ образомъ. Въ этомъ разрядѣ явленій онъ могъ иногда по вдохновенію добиться истины, но не могъ пріобрѣсти увѣренности. Для платонизма, познанія, къ которымъ способенъ умъ человѣческій, суть только воспоминанія, и самый вѣрный способъ пріобрѣсти ихъ состоитъ въ томъ, чтобы закрыть глаза на явленія внѣшняго міра и безъ помѣхи предаться созерцанію.

Физика, метафизика и даже логика были смѣшаны въ платонической философіи и въ этомъ взаимномъ смѣшеніи могли только искажаться. Для примѣра мы приведемъ, какъ платоники разсуждали о зоологіи.

Первоначально, говорили они, не было иного творенія, кромѣ мужчинъ. На основаніи ученія о переселеніи душъ (заимствованнаго у Пиѳагора), слабые и несправедливые мужчины были превращены въ женщинъ; легкомысленные и спѣсивые въ птицъ; обжорливые и грубые въ четвероногихъ, а самые глупые, самые скверные, въ рыбъ. Этимъ объяснялось сходство, иногда существующее между весьма различными животными, ибо души не могли совершить переселенія, не сохранивъ нѣкоторыхъ слѣдовъ воспоминанія о своихъ прежнихъ оболочкахъ.

Подобно тому, какъ каждое тѣло движется особой душой, цѣлый міръ имѣетъ двигателемъ вселенскую душу, общепринимаемую древними философами и которую нѣкоторые смѣшивали съ Богомъ. Платонъ, если судить объ его мнѣніи на этотъ счетъ по космогоническимъ идеямъ, развитымъ въ его разговорѣ, озаглавленномъ „Тимей", отличалъ Бога отъ міровой души; но онъ примѣшивалъ къ этой послѣдней часть божественной субстанціи и такимъ образомъ представлялъ ее особеннымъ существомъ.

Эта сила, которую онъ отличалъ подъ именемъ *природы*, по повелѣнію Божію, оживотворяла различныя части міра, отъ звѣздъ до минераловъ. Она, въ отрядѣ одушевленныхъ предметовъ, творила, поддерживала, возстановляла особей каждаго рода. Она устрояла (организировала) также новые роды, но роды смертные; ибо эта природа, обладающая только частью божественной сущности, долженствовала быть *измѣняющейся*, какъ называетъ ее Тимей, и не могла сообщать производимымъ ею существамъ безсмертія и неизмѣняемости, которыя они необходимо получили бы отъ Бога, еслибъ ему угодно было создать ихъ непосредственно. Такимъ образомъ природа являлась нѣкотораго рода служителемъ Божіимъ.

Но гдѣ въ этой системѣ былъ самъ Богъ, и каково было его дѣйствіе? Богъ, установивъ общій порядокъ въ хаосѣ, вѣчномъ, какъ онъ самъ, облекъ міръ своей чистой, неизмѣнной, разумной субстанціей. Онъ также бдитъ надъ тѣмъ, чтобы всеобщая душа, разлитая въ природѣ, продолжала творить и организовать, по его повелѣніямъ, или лучше сказать, по типамъ, которые онъ безпрерывно предлагаетъ ей и которые онъ измѣняетъ столь часто, какъ признаетъ за благо. Поэтому-то Платонъ и говоритъ, что Богъ постоянно занятъ комбинаціей геометрическихъ фигуръ.

Эти типы, изображающіе то, что́ мы называемъ *общими идеями*, по ученію академіи, имѣютъ реальное существованіе внѣ нашего духа, постигающаго ихъ только при посредствѣ всеобщей души, въ которой они сіяютъ по волѣ Бога, и отъ которой они отражаются къ человѣку, какъ зеркаломъ.

Извѣстенъ долгій и важный споръ, который поднялся между *реалистами*, принимавшими эти врожденныя идеи за реальности, и *номиналистами*, утверждавшими, что онѣ суть чистыя соз-

данія духа. Славный Абеляръ былъ *номиналистомъ* и поэтому былъ осужденъ Суасонскимъ и Санскимъ соборами. Но первымъ по времени и генію *номиналистомъ* былъ Аристотель, когда онъ смѣло вступилъ въ борьбу съ реалистами аѳинской академіи. Коренное различіе, непримиримый споръ двухъ великихъ школъ, раздѣлявшихъ Грецію, цѣликомъ находится въ Аристотелевой критикѣ платонической философіи.

Аристотель развѣялъ эти призраки несозданныхъ типовъ и врожденныхъ идей. Онъ признавалъ реальность только въ особныхъ, индивидуальныхъ предметахъ, подлежащихъ философскому наблюденію, отъ котораго должна исходить всякая истинная идея и возвышаться всякая серьезная система.

Аристотель строго прилагалъ свой наблюдательный методъ ко всякому изъ предметовъ, туманныя и спутанныя понятія о которыхъ составляли научный хаосъ древнихъ временъ. Онъ внесъ свѣтъ въ мракъ и создалъ раздѣльныя, спеціальныя науки. Онъ отдалъ каждой наукѣ то, что́ естественно принадлежитъ ей, — для того, чтобы позже, изъ совокупности всѣхъ этихъ отдѣльно произведенныхъ трудовъ, воздвигнуть обширное зданіе ученія, какого еще не было произведено единственнымъ геніемъ одного человѣка.

Наблюденіе было принято точкой исхода всякаго изученія; таково было средство великаго преобразованія, совершеннаго Аристотелемъ въ древней философіи. Въ своей *логикѣ*, онъ полагаетъ за начало, что нѣтъ (чему училъ Платонъ) врожденныхъ идей, что факты могутъ дойти до нашего сознанія только при помощи чувствъ и что наблюденіе вещественныхъ предметовъ должно быть истиннымъ источникомъ нашихъ знаній.

Этого общаго изложенія Аристотелевой философіи достаточно, чтобы понять обширность програмы его курса. Эта программа, какъ академическая, обнимала всѣ человѣческія знанія; но они были раздѣлены, подраздѣлены даже, когда этого требовала ихъ природа, и классифицированы на спеціальности на основаніи разумной аналитической работы.

Предметы Аристотелева ученія извѣстны намъ по оставленнымъ имъ сочиненіямъ. Но относительно порядка, въ которомъ эти предметы разсматривались при его изложеніи можно говорить

только предположительно. Ни онъ, ни его біографы ничего не говорятъ объ этомъ, и новѣйшіе ученые не осмѣлились восполнить этотъ пробѣлъ при помощи индукцій.

Позволительно однако предположить, что Аристотель начиналъ излагать съ наукъ, основы которыхъ сами собою представляются уму, или весьма быстро пріобрѣтаются изъ чтенія и размышленія, каковы *логика*, *риторика*, *теорія поэзіи;* и что онъ откладывалъ на извѣстное время науки, основывающіяся на опытахъ, которыхъ нельзя всегда дѣлать по произволу, или такія, для изученія которыхъ необходимы многочисленные и разнообразные матеріалы, требующіе много времени для своего изученія, сравненія и приложенія къ дѣлу. Таково мнѣніе Кювье, и трудно не согласиться съ нимъ, по крайней мѣрѣ относительно логики. Голова, столь мощно организованная, какъ у Стагирита, необходимо раньше всего должна была овладѣть орудіемъ, которое придаетъ увѣренность ходу мысли; и для преуспѣянія своихъ учениковъ, онъ не могъ предпринять ничего болѣе дѣйствительнаго и болѣе разумнаго, какъ начать свое изложеніе наукъ съ изученія человѣческаго разумѣнія. Начиная съ искусства правильно разсуждать, котораго математика составляетъ только упражненіе и примѣненіе, онъ согласовался съ девизомъ, надписаннымъ надъ входомъ въ академію:

„Безъ знанія геометріи, никто не входи.“

Аристотель, никогда не бывшій бѣднякомъ и возвратившійся богачомъ въ Аѳины, сдѣлалъ изъ своихъ богатствъ вполнѣ научное употребленіе. Онъ съ большими издержками устроилъ собраніе всевозможныхъ предметовъ естественной исторіи, любопытныхъ и поучительныхъ. Онъ разыскивалъ повсюду, покупалъ и поручалъ покупать на свой счетъ книги древнихъ и современныхъ авторовъ, и составилъ себѣ *библіотеку*.

Это была первая изъ когда-либо существовавшихъ библіотекъ, потому что тогда не было ни частныхъ, ни общественныхъ книгохранилищъ и знаменитыя — пергамское и александрійское были основаны по смерти Александра. Много жило до Аристотеля богатыхъ ученыхъ, государей-любителей наукъ, но никто не сдѣлалъ того, что онъ, то есть никто не составлялъ библіотекъ, соединяя въ одно собраніе всѣ извѣстныя тогда сочиненія; никому

не приходило этого на мысль. Это удивитъ людей, которые не знакомы съ исторіей изобрѣтеній, и не могутъ уяснить себѣ, какъ самыя простыя вещи не приходятъ прямо на мысль.

Аристотель, умъ по преимуществу классификаторскій, внесъ порядокъ, который онъ умѣлъ устанавливать повсюду, и въ свое книгохранилище. Страбонъ говоритъ, что она послужила образцомъ, въ отношеніи методическаго устройства, для большой библіотеки, которую основалъ нѣсколько лѣтъ спустя Птоломей Сотеръ въ Александріи, столицѣ Египта.

Скажемъ еще объ одномъ изобрѣтеніи Аристотеля. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, не думали еще о составленіи *словаря*. Аристотель, желая не потеряться посреди своихъ замѣтокъ и въ своихъ огромныхъ и разнообразныхъ коллекціяхъ, желая имѣть подъ руками все, что̀ понадобится въ этой грудѣ документовъ, сталъ располагать ихъ въ азбучномъ порядкѣ. Такимъ образомъ былъ найденъ методъ составлять словари.

Нѣкоторые читатели удивятся, узнавъ, что до Аристотеля не было ни библіотекъ, ни словарей. Какими-же пособіями пользовались тогдашніе ученые?

Замѣтимъ, что такой пробѣлъ въ ученыхъ и справочныхъ пособіяхъ объясняетъ малое число подробностей при древнихъ описаніяхъ самыхъ важныхъ событій, и многочисленныя ошибки въ хронологіи и географіи, которыми кишатъ сочиненія, составленныя самымъ старательнымъ образомъ.

Не желая упоминать о всѣхъ изобрѣтеніяхъ Аристотеля, замѣтимъ еще объ одномъ. Онъ придумалъ прибѣгать къ помощи рисунковъ для объясненія текста, и изображать наглядно подробности животной организаціи, чего не можетъ замѣнить никакое описаніе. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли ни *рисунки* Аристотеля въ его сочиненіяхъ объ анатоміи и естественной исторіи, ни чертежи, сопровождавшіе текстъ, вообще не совсѣмъ ясный и часто непонятный, его шести книгъ о *физикѣ*.

Безъ сомнѣнія, при преподаваніи въ Лицеѣ, Аристотелю приходилось одновременно излагать различные научные предметы, либо для различныхъ слушателей, либо для однихъ и тѣхъ-же учениковъ, если были ученики такихъ способностей, что могли охватить все ученіе учителя и даже, можетъ быть, помогать ему

въ трудахъ. Иначе нельзя объяснить сочиненія столькихъ трактатовъ, большая часть которыхъ суть образцовыя сочиненія, написанныя Аристотелемъ въ продолженіе жизни, не всегда изъятой отъ безпокойствъ и продолжавшейся только шестьдесятъ три года. Аристотель писалъ, преподавая уроки. Онъ ежедневно находилъ предметъ для урока, или въ своихъ уже написанныхъ книгахъ, или въ своихъ замѣткахъ, документахъ и естественно-историческихъ собраніяхъ.

Собранія Аристотеля были обогащены рѣдкими предметами, которые Александръ посылалъ ему изъ различныхъ странъ Азіи. Однако не слѣдуетъ при этомъ вѣрить, что Александръ далъ въ распоряженіе своего учителя три или четыре милліона, ни разсказамъ о тысячахъ охотниковъ и рыбаковъ, которые по повелѣнію Александра занимались ловомъ самыхъ рѣдкихъ животныхъ, отсылавшихся потомъ къ Аристотелю. Ни одинъ изъ греческихъ философовъ не говоритъ объ этомъ. Въ первый разъ такое извѣстіе встрѣчаемъ у Плинія въ восьмой книгѣ его *Естественной исторіи*.

„Александръ Великій, воспламененный желаніемъ знать естественную исторію животныхъ, поручилъ этому философу, который соединялъ въ себѣ всѣ роды учености, произвести необходимыя изслѣдованія; и для того, чтобы никакой родъ животныхъ не ускользнулъ отъ его изученія, онъ отдалъ въ его распоряженіе нѣсколько тысячъ человѣкъ на всемъ пространствѣ Азіи и Греціи. Это были люди жившіе охотой и рыбной ловлей, и которые по роду занятій своихъ пасли овецъ, или рогатый скотъ, ходили за пчелами, птицами и рыбами въ садкахъ. Пятьдесятъ удивительныхъ книгъ о животныхъ, оставленныхъ намъ Аристотелемъ, суть результаты наблюденій, сообщенныхъ ему всѣми этими людьми.“

Безсмертный памятникъ, кажется, воздвигнутъ съ меньшими издержками, и Плиній доказываетъ свое легкомысліе и слабыя свѣдѣнія въ зоологіи, не замѣчая того, что̀ поражаетъ новѣйшихъ натуралистовъ при чтеніи произведеній Аристотеля. Именно, что почти всѣ животныя, имъ описанныя, водятся въ Греціи и что именно описанія небольшаго числа другихъ порою не точны.

И такъ, слѣдуетъ значительно уменьшить пособія, которыя, въ видѣ документовъ и матеріаловъ, достались Аристотелю вслѣдствіе покоренія Азіи. Его сочиненія болѣе личнаго свойства, чѣмъ думали до сихъ поръ. Можно даже предположить, что его частнаго

богатства было бы достаточно для покрытія издержекъ на составленіе его коллекціи естественно-историческихъ предметовъ.

Одинъ изъ біографовъ Аристотеля, Аммоній, говоритъ, что онъ слѣдовалъ за Александромъ по меньшей мѣрѣ до Египта. По этому писателю, стало быть, животныя не присылались Аристотелю, а онъ самъ ѣздилъ, чтобъ изучать и разсѣкать ихъ на мѣстѣ. Но слѣдуетъ замѣтить, что именно въ описаніи нѣкоторыхъ египетскихъ животныхъ, между прочимъ гиппопотама страдаетъ обычная точность ученаго естествоиспытателя. Аммоній впрочемъ только одинъ говоритъ объ этомъ путешествіи, и продолжительность его доходитъ до того времени, когда Аристотель уже несомнѣнно училъ въ *Лицеѣ*.

Впрочемъ, не слѣдуетъ изъ этого заключать, чтобъ Александръ нисколько не помогалъ Аристотелю въ его великомъ трудѣ; онъ, конечно, посылалъ ему нѣкоторыя любопытныя произведенія побѣжденныхъ имъ странъ. Не слѣдуетъ только преувеличивать до чрезвычайности пособій этого рода.

Долгая дружба, связывающая Аристотеля и покорителя Азіи, была порвана вслѣдствіе жестокаго поступка Александра.

Между учениками Аристотеля былъ его племянникъ Каллисѳенъ, молодой ученый, извѣстный уже двумя сочиненіями: о растеніяхъ, и объ анатоміи. Аристотель представилъ его Александру, который, отправляясь покорять Азію, приблизилъ его къ своей особѣ. Каллисѳенъ былъ представителемъ ученаго элемента экспедиціи; вѣроятно, ему было поручено вести переписку съ Аристотелемъ. Все шло хорошо, пока побѣдитель, опьяненный славою и отуманенный гордостью, не пожелалъ для себя божескихъ почестей. Каллисѳенъ отказался простереться ницъ передъ этимъ божествомъ. Онъ былъ даже настолько неблагоразуменъ, что раздражалъ Александра философическими насмѣшками. Схваченный чрезъ нѣсколько дней подъ предлогомъ заговора, онъ по повелѣнію Александра былъ посаженъ въ желѣзную клѣтку и скоро преданъ смерти.

Такимъ безславнымъ поступкомъ Александръ порвалъ дружескія связи свои съ Аристотелемъ. Но публикѣ показалось мало, чтобы разрывъ тѣмъ и кончился. Появились двѣ исторіи, которыя, не смотря на свою неправдоподобность, пользовались довѣріемъ не

только въ то время, но даже нѣсколько вѣковъ спустя. Одна говоритъ, что послѣ умерщвленія Каллисѳена, Александръ, безпокоясь на счетъ злобы, которую Аристотель могъ почувствовать къ нему, послалъ Антипатру, въ то время правителю Македоніи, повелѣніе погубить философа; но что Антипатръ, будучи другомъ Аристотеля, принялъ на свою отвѣтственность неисполненіе приказа. Другіе пишутъ, что сильное чувство мести противъ Александра заставило Аристотеля вступить въ заговоръ, который враги этого царя составили противъ него, и что именно онъ доставилъ Антипатру ядъ, который въ Вавилонѣ былъ поданъ Александру. Но какъ ни внезапна и непредвиденна была смерть Александра, общее мнѣніе однако то, что она была причинена излишествами жизни, а не ядомъ.

Но эта клевета тѣмъ не менѣе, какъ мы уже замѣтили, пользовалась довѣріемъ и долгое время тяготѣла надъ памятью Аристотеля. Чрезъ пять вѣковъ по смерти Александра, императоръ Каракалла, который, въ числѣ прочихъ своихъ безумствъ, обезьянилъ македонскаго героя, думалъ отомстить за его смерть, изгнавъ изъ Рима всѣхъ перипатетиковъ и отдавъ приказаніе сжечь ихъ книги въ Александріи.

Но неопровержимо, что между учителемъ и ученикомъ, послѣ смерти Каллисѳена, царствовало полное охлажденіе. Александръ жилъ еще шесть лѣтъ. За это время, онъ, вѣроятно, не много ученыхъ пособій переслалъ своему учителю. Напротивъ, онъ нерѣдко посылалъ ему колкія письма, въ которыхъ притворялся ревностнымъ поклонникомъ Ксенократа. Но отъ этого, до приказа умертвить учителя — цѣлая пропасть.

Со стороны Аристотеля, все обвиненіе должно пасть передъ нравственной неправдоподобностью, и если угодно, передъ политическимъ разсчетомъ, который тѣсно связывалъ его безопасность съ продолжительностію жизни и владычества царей македонскихъ. Пока Филиппъ и Александръ жили и поддерживали насильственное спокойствіе въ побѣжденныхъ при Херонеѣ, Аристотель могъ наслаждаться счастливой и спокойной жизнью въ Аѳинахъ. И такъ, главѣ *Лицея* ничего лучшаго нельзя было желать, какъ продолженія состоянія, въ которомъ онъ находился, и ему незачѣмъ было даже мечтать о перемѣнѣ.

Это ясно изъ того, какъ аѳиняне стали обращаться съ Аристотелемъ, узнавъ о смерти Александра.

Смерть Александра казалась народу Аттики часомъ освобожденія. При этомъ патріотическомъ движеніи, трудно было не видѣть общественнаго врага въ Аристотелѣ, македонянинѣ по рожденію и наставникѣ Александра. Къ демагогамъ присоединились тѣ, у которыхъ ненависть противъ философа была старая и неумолимая. Именно софисты, которыхъ науку Аристотель разбилъ въ прахъ, и безъ сомнѣнія также нѣкоторые изъ платониковъ, которые могли злобиться на него не только за то, что онъ ихъ оставилъ, но и за основаніе соперничествующей школы, которая благодаря его генію стала господствующей.

Результатомъ задуманнаго противъ главы *Лицея* заговора было публичное обвиненіе въ нечестіи, которое принялъ на себя Евридимедонъ, великій жрецъ Цереры (гïерофантъ). Это обвиненіе основывалось на томъ, что Аристотель воздвигъ алтарь своей женѣ Пиѳіадѣ, умершей не задолго передъ тѣмъ.

Воздвигать алтарь въ память людей любимыхъ и уважаемыхъ было обычнымъ дѣломъ въ Греціи. Аристотель воздвигнулъ алтарь Герміасу, царю Атармейскому, и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, самому Платону. Но Евримедонъ утверждалъ, что философъ считаетъ свою жену богиней и воздаетъ ей такія-же почести, какъ аѳиняне Церерѣ.

Обвиненіе, такимъ образомъ формулированное великимъ жрецомъ, было поддержано передъ ареопагомъ ораторомъ Димофиломъ. Атеней, въ своихъ *Деипнософистахъ*, приводитъ отрывокъ изъ защитительной рѣчи Аристотеля, сказанной по этому случаю [1]). Но уже этотъ грамматикъ, писавшій во второмъ вѣкѣ, считалъ это сочиненіе апокриѳомъ, какъ вѣроятно апокриѳъ же и *Апологія Сократа*, которую тѣмъ не менѣе считаютъ въ числѣ сочиненій Платона.

Аристотель не хотѣлъ низойдти до защиты. Онъ отказался явиться передъ ареопагомъ и добровольно удалился изъ Аѳинъ. Онъ пошелъ съ посохомъ въ рукахъ, сопровождаемый большимъ числомъ учениковъ, съ грустью и упрекомъ смотря на неблаго-

---

[1]) *Morceaux choisis d'Athenée*, traduits du grec en français. In-18.

дарный городъ. Намекая на смерть Сократа, онъ сказалъ: „Я не хочу, чтобы аѳиняне совершили второе преступленіе противъ философіи.“

Онъ также былъ приговоренъ къ смерти.

Въ то же время, и можетъ быть въ тотъ же день, когда Аристотель выходилъ изъ Аѳинъ, Демосѳенъ входилъ въ городъ, чтобы поддержать своимъ краснорѣчіемъ воскресшую свободу — увы! воскресшую не надолго. Странна судьба этихъ двухъ великихъ людей, которымъ политическія превратности Греціи почти постоянно препятствовали жить одновременно въ городѣ, который они прославили своимъ геніемъ. Обоимъ имъ суждено было умереть вдали отъ Аѳинъ, въ промежуткѣ нѣсколькихъ недѣль одному послѣ другаго.

Первой заботой Демосѳена по возвращеніи въ Аѳины было убѣдить согражданъ объявить войну Антипатру. Но правитель Македоніи, принужденный сначала затвориться въ Ламіи, скоро началъ дѣйствовать наступательно, поддерживаемый двумя другими македонскими воеводами, Кратеромъ и Леонатомъ. Черезъ годъ, эта война, извѣстная подъ именемъ *Ламійской*, окончилась уничтоженіемъ соединенныхъ греческихъ силъ. Антипатръ послѣ побѣды потребовалъ выдачи всѣхъ ораторовъ и особенно Демосѳена; послѣдній удалился на островъ Калавзію; но видя, что можетъ попасть въ руки своего врага, знаменитый ораторъ отравился.

Немного раньше, въ концѣ іюля 332 до р. Х., Аристотель, удалившійся въ Халкиду, на островъ Евбею, умеръ тамъ. Ему было тогда около шестидесяти трехъ лѣтъ, хотя нѣкоторые біографы увѣряютъ, что онъ прожилъ до семидесяти.

Нѣкоторые авторы говорятъ, что Аристотель, подобно Демосѳену, отравился. Многіе отцы церкви, принимая его самоубійство, разсказываютъ объ этомъ иначе; ихъ разсказъ составляетъ *pendant* къ разсказу объ Эмпедоклѣ. Они говорятъ, что Аристотель, не будучи въ состояніи объяснить приливовъ и отливовъ Еврипскаго залива, бросился въ море, вскричавъ: *Euripus me capiat, quandoquidem ego Euripum capere non possum.* (Пусть обниметъ меня Еврипъ, такъ какъ я не могу понять Еврипа.) Но это не согласуется съ ученіемъ Аристотеля о самоубійствѣ, и опровергается Аполлодоромъ, у Діогена Лаэртія, а также Діонисіемъ Галикарнаскимъ,

который утверждаетъ, что Аристотель умеръ отъ болѣзни желудка, наслѣдственной въ ихъ родѣ.

Весьма любопытное завѣщаніе Аристотеля отчасти сохранено для насъ Діогеномъ Лаэртіемъ. Въ немъ заключались слѣдующія распоряженія:

„Аристотель дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе на счетъ принадлежащаго ему:

„Въ случаѣ моей смерти, Антипатръ будетъ общимъ исполнителемъ моей послѣдней воли; и пока Никаноръ не будетъ въ состояніи управлять моимъ имѣніемъ, Аристоменъ, Тимархъ, Иппархъ, равно и Ѳеофрастъ, если онъ хочетъ, озаботятся и о моихъ дѣтяхъ, и о Ирпилидѣ, и объ оставшемся послѣ меня имѣніи. Когда моя дочь достигнетъ совершеннолѣтія для вступленія въ бракъ, отдать ее за Никанора; если она умретъ раньше замужества, или не оставитъ послѣ себя дѣтей, то Никаноръ будетъ наслѣдникомъ всего моего имущества и распорядится моими рабами и всѣмъ остальнымъ. Никаноръ озаботится о моей дочери и о сынѣ моемъ Никомахѣ, постарается, чтобъ имъ не было ни въ чемъ нужды, и будетъ поступать относительно ихъ, какъ отецъ или братъ. Если Никаноръ умретъ до женитьбы на моей дочери или не оставивъ дѣтей, да будетъ исполнено, какъ онъ распорядится. Если тогда Ѳеофрастъ захочетъ взять за себя мою дочь, то войдетъ во всѣ права, какія и далъ Никанору; если-же нѣтъ, то попечители, посовѣтовавшись съ Антипатромъ, распорядятся моею дочерью и имуществомъ, какъ имъ покажется за лучшее. Я прошу опекуновъ и Никанора вспоминать обо мнѣ и о томъ, какъ меня всегда любила Ирпилида; если послѣ моей смерти она захочетъ выйти замужъ, они озаботятся, чтобы она не вышла за лицо ниже меня по положенію, и въ таковомъ случаѣ, кромѣ подарковъ, которые она отъ меня получила, ей будетъ выдано: талантъ серебра, три служанки, если она пожелаетъ, и сверхъ того все, что она имѣетъ... Если она пожелаетъ жить въ Халкидѣ, то будетъ жить въ домѣ прилежащемъ къ саду; если она предпочтетъ Стагиръ, то будетъ жить въ домѣ моихъ родителей. Но каковъ-бы ни-былъ ея выборъ, слѣдуетъ озаботиться, чтобы домъ ея былъ снабженъ всякою утварью, какая покажется приличной попечителямъ и удобной Ирпилидѣ.... Я отпускаю на волю Амбракиду, и назначаю ей въ приданое пятьсотъ драхмъ и служанку при выходѣ въ замужество. Что касается Ѳалеты, то завѣщаю ей, кромѣ принадлежащей ей купленой рабыни, еще молодую рабыню и тысячу драхмъ. Отпускаю на волю Ѳихона, Филона, Олимпія и его сына. Дѣти моихъ слугъ не будутъ проданы, но я желаю, чтобы они перешли на службу къ моимъ наслѣдникамъ, и чтобы, когда онѣ возмужаютъ, были-бы отпущены на волю, если заслужили этого. Позаботятся о томъ, чтобы статуи, заказанныя мною Грилліону, были окончены и затѣмъ поставлены въ назначенныхъ мѣстахъ. У меня было также намѣреніе заказать статуи Никанора, Проксена и матери Никанора. Статуя Аримнестра, уже оконченная, да будетъ поставлена на назначенномъ мѣстѣ ради увѣковѣченія его памяти, такъ какъ онъ умеръ бездѣтнымъ. Пусть помѣстятъ въ мой гробъ кости Пиѳіады, согласно ея приказанію. Исполнить также мой жертвенный обѣтъ за сохраненіе жизни Никанора, перенеся въ Стагиръ большихъ каменныхъ животныхъ, которыхъ я посвятилъ Юпитеру и Минервѣ хранителямъ.

АРИСТОТЕЛЬ, ОБВИНЕННЫЙ ВЪ БЕЗБОЖНИЧЕСТВѢ, ПОКИДАЕТЪ СЪ УЧЕНИКАМИ АѲИНЫ.

Въ этомъ завѣщаніи видно любящее и щедролюбивое сердце Аристотеля. Можетъ показаться, что въ немъ находится важный и весьма достойный сожалѣнія пробѣлъ. Философъ, съ такою подробностью дѣлающій распоряженія о стольких вещахъ, большихъ и малыхъ, ни слова не говоритъ ни о своихъ рукописяхъ, ни о своихъ собраніяхъ, ни о своемъ драгоцѣнномъ книгохранилищѣ. Чтó касается рукописей, то достовѣрно извѣстно, что онѣ достались Ѳеофрасту, и такъ какъ этотъ философъ жилъ почти сто лѣтъ, то можно быть увѣреннымъ, что въ продолженіе первыхъ пятидесяти лѣтъ, истекшихъ по смерти Стагирита, рукописи береглись съ благоговѣйною заботливостью.

По смерти Ѳеофраста рукописи по наслѣдству перешли къ нѣкоторому Нелею, сыну одного изъ учениковъ сократовыхъ, который самъ слушалъ уроки Аристотеля и Ѳеофраста. Рукописи были въ хорошихъ рукахъ, и нельзя было предвидѣть того, чтó съ ними случится. Эта печальная исторія разсказана Страбономъ и Плутархомъ. Мы приведемъ текстъ перваго изъ этихъ писателей:

„Нелей изъ Скепсиса, говоритъ Страбонъ, получилъ въ наслѣдство библіотеку Ѳеофраста, въ которой заключалась и аристотелева. Аристотель завѣщалъ ее Ѳеофрасту, такъ какъ къ нему перешло главенство въ Лицеѣ. Аристотель, на сколько мы знаемъ, первый сталъ собирать книги и онъ-же научилъ царей египетскихъ составить библіотеку. И такъ, Ѳеофрастъ оставилъ книги Нелею, который перевезъ ихъ къ Скепсисъ; по его смерти книги перешли къ его наслѣдникамъ, людямъ необразованнымъ, у которыхъ онѣ хранились подъ замкомъ, сваленныя въ кучу безъ всякаго порядка. Позже услыхавъ, что цари, потомки Аттала, власть которыхъ простиралась и надъ Скепсисомъ, отыскиваютъ съ рѣдкимъ стараніемъ книги для образованія пергамскаго книгохранилища, эти невѣжды свалили свои книги въ подземелье. Тамъ они попортились отъ сырости и червей; черезъ долгое время уже книги Аристотеля и Ѳеофраста были проданы за очень дорогую цѣну другими наслѣдниками Апелликону Теоскому. Этотъ Апелликонъ, не слишкомъ-то просвѣщенный библіофилъ, приказалъ сдѣлать новые списки, чтобы исправить поврежденія, которымъ подверглись книги. Но это возстановленіе не было удачно и его новыя изданія имѣли ошибками. Отъ этого произошло, что древніе перипатетики, послѣдователи Ѳеофраста, владѣя только небольшимъ числомъ сочиненій, и преимущественно *экзотерическими*, не могли съ пользою заниматься философіей и спорили только о туманныхъ теоріяхъ. Если перипатетики, обнародовавшіе новые списки, и имѣли болѣе средствъ понять науку и ученіе Аристотеля, то многочисленныя ошибки, которыми были наполнены эти книги, принуждали ихъ часто прибѣгать къ догадкамъ. Римъ не мало также способствовалъ къ увеличенію этихъ ошибокъ. Тотчасъ послѣ смерти Апелликона, Сулла, покоритель Аѳинъ, наложилъ свою руку на книги этого люби-

тели и приказалъ перевезти ихъ въ Римъ, гдѣ грамматикъ Тиранніонъ, поклонникъ Аристотеля, получилъ отъ библіотекаря право списать ихъ, а равно и нѣкоторые книгопродавцы, которые пользовались дурными переписчиками и не сравнивали текстовъ: участь, общая многимъ другимъ книгамъ, которыя съ промышленной цѣлью переписываются въ Римѣ и Александріи [1])."

И такъ, книги Аристотеля во первыхъ были погребены въ продолженіе болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ.

Тиранніонъ, о которомъ упоминаетъ Страбонъ, былъ весьма образованный грекъ, взятый въ плѣнъ Лукулломъ во время Понтійской войны и проданный этимъ воеводой Муренѣ. Отпущенный на волю своимъ новымъ господиномъ и сдѣлавшись другомъ Цицерона, онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ Римѣ и составилъ порядочное состояніе, давая уроки въ семействахъ патриціевъ. Ревностный перипатетикъ, онъ занялся пересмотромъ сочиненій Аристотеля. Быть можетъ, онъ получилъ на это офиціальное порученіе. Во всякомъ случаѣ онъ сдѣлалъ свое дѣло умно и старательно. Когда консулъ Азиній Полліонъ, въ 39 году до р. X., открылъ въ Римѣ первую публичную библіотеку, подъ большимъ портикомъ, находившимся подлѣ храма Свободы, въ ней были помѣщены сочиненія Аристотеля именно въ изданіи Тиранніона.

Очень жаль, что ни Страбонъ, ни Плутархъ, поселившіеся въ Римѣ нѣкоторое время послѣ него, не оставили списка и заглавій Аристотелевыхъ сочиненій, считавшихся подлинными въ это время. Только Діогенъ Лаэртій сохранилъ для насъ каталогъ, составленный Птоломеемъ Филадельфомъ и позже Андроникомъ Родосскимъ. Этотъ каталогъ — весьма спутанный списокъ, въ которомъ указаны какъ попало заглавія до трехъ сотъ сочиненій Аристотеля.

До насъ дошло далеко меньше. Но что еще болѣе затрудняетъ здѣсь обстоятельство, что Андроникъ называетъ многія сочиненія Аристотеля, до насъ не дошедшія, и въ тоже время не упоминаетъ о нѣкоторыхъ, дошедшихъ до насъ подъ именемъ

[1]) Читатель замѣтилъ, въ какомъ смыслѣ Страбонъ въ этомъ отрывкѣ употребляетъ эпитетъ *экзотерическій*; при помощи такихъ книгъ можно было только нечтать о философіи. И такъ очевидно, что согласно съ нашимъ мнѣніемъ, другія книги, *эсотерическія или акроматическія*, содержали болѣе полное развитіе ученія и, такъ сказать, высшаго достоинства.

этого философа. Наконецъ, есть такія, называя которыя Андроникъ почти заставляетъ заподозривать ихъ подлинность. Напримѣръ, у него показано, что *Риторика* Аристотеля состоитъ всего изъ двухъ книгъ, между тѣмъ какъ въ дошедшей до насъ три книги.

Сочиненія Стагирита, за исключеніемъ всего, что́ потеряно и всего, что́ Діогенъ Лаэртій могъ, вслѣдствіе ошибочныхъ указаній, приписать ему, все-таки столь многочисленны, что можно подивиться, какъ одинъ человѣкъ могъ все это написать.

„До Аристотеля, говоритъ Кювье, наука не существовала. Кажется, точно она вышла изъ мозга Аристотеля, какъ Минерва во всеоружіи изъ головы Юпитера. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ, безъ предшественниковъ, ничего не заимствовавъ отъ предъидущихъ вѣковъ, потому что они ничего основательнаго не произвели, ученикъ Платона открылъ и указалъ болѣе истинъ, исполнилъ болѣе научныхъ работъ, въ продолженіе шестидесяти двухъ лѣтней жизни, чѣмъ послѣ него сдѣлано въ двадцать столѣтій, которымъ помощниками были его собственныя идеи, и которымъ способствовали: распространеніе рода человѣческаго на способной къ обитанію поверхности земного шара, книгопечатаніе, гравюра, компасъ, порохъ и соревнованіе столькихъ геніальныхъ людей, подбиравшихъ только колосья послѣ его жатвы на обширномъ полѣ науки [1]).

Но дошедшія до насъ сочиненія Аристотеля суть ли подлинныя? Устранивъ два или три малозначительныя сочиненія, мы можемъ утвердительно отвѣчать на этотъ вопросъ. Изданіе, просмотрѣнное ученымъ перипатетикомъ Тиранніономъ для Рима, и которое, вѣроятно, послужило матеріаломъ для каталога, составленнаго Андроникомъ Родосскимъ (какъ положительно говоритъ Плутархъ въ *жизни Силлы*), такое изданіе не могло заключать сочиненій, подлинность которыхъ казалась-бы сомнительной греческимъ грамматикамъ и философамъ, уже довольно многочисленнымъ въ Римѣ въ эту эпоху. Въ этомъ-то изданіи сочиненія Аристотеля были извѣстны Цицерону. Знаменитый ораторъ первый изъ римлянъ ссылается на сочиненія Аристотеля. Онъ весьма много заимствовалъ изъ нихъ, особенно относительно психологіи, ѳики и риторики. Квинтиліанъ, посвятившій *риторикѣ* особую книгу, только развивалъ идеи Стагирита. Изъ *физики* Аристотеля-же Сенека заимствовалъ матеріалъ, который онъ довольно плохо излагаетъ

[1]) *Histoire des sciences naturelles*, 1841, т. 1-er; septième leçon, стр. 130.

въ своихъ *Естественныхъ вопросахъ*. Далѣе, обширная компиляція Плинія о естественной исторіи — часто въ сущности ни что иное, какъ Аристотель, разбитый на куски и порой буквально и цѣликомъ переведенный, какъ напримѣръ вся глава, гдѣ говорится о дѣтородныхъ отправленіяхъ у животныхъ.

Мы не станемъ далѣе исчислять всѣхъ древнихъ писателей, жившихъ послѣ Аристотеля и собиравшихъ огромную дань съ его сочиненій. Мы замѣтимъ только, что всѣ эти писатели пользовались извѣстными намъ книгами этого ученаго, не думая даже сомнѣваться въ ихъ подлинности, а потому для насъ, отдѣленныхъ пространствомъ нѣсколькихъ вѣковъ, было-бы слишкомъ смѣло заподозривать подлинность этихъ сочиненій.

Мы уже сказали, что по отсутствію вполнѣ положительныхъ данныхъ невозможно опредѣлить порядка, въ какомъ слѣдовали по времени произведенія Аристотеля. По неимѣнію этого хронологическаго порядка, старались установить другой, раціональный, распредѣляя сочиненія по сходству въ предметахъ. По такой системѣ, сочиненія Аристотеля образуютъ нѣсколько группъ:

Первая группа: Риторика, Поэзія [1]).

Вторая группа: Логика, содержащая Категоріи, Истолкованіе, первую Аналитику, вторую Аналитику, Топику, Доказательства Софистовъ.

Третья группа: Метафизика, — Физика.

Четвертая группа: о Нравственности къ Никомаху, — о Нравственности къ Евдему, — Великая иѳика, — Трактатъ о Добродѣтеляхъ и Порокахъ.

Пятая группа: Политика, — Экономика.

Шестая группа: Трактатъ о душѣ, — о Снѣ и Бдѣніи; — о Снахъ, — о Толкованіи сновъ, — о Памяти и Воспоминаніи, — о Долготѣ и Краткости жизни, — о Юности и Старости, — о Голосѣ, — о Дыханіи, — о Жизни и Смерти.

Седьмая группа: Метеорологическія, — о Мірѣ, — о Небѣ, — о Чудесныхъ разсказахъ, — о Рожденіи и Разрушеніи.

---

[1]) Слѣдовало-бы къ 1-ой группѣ отнести *Грамматику* и *Математику*, сочиненія не дошедшія до насъ.

Восьмая группа: о недѣлимыхъ Линіяхъ,—Механическія Задачи.

Девятая группа: Исторія животныхъ, — о Частяхъ животныхъ, — о Дѣторожденіи животныхъ, — о Хожденіи животныхъ, — объ Общемъ движеніи животныхъ. — объ Ощущеніи и ощущаемыхъ вещахъ, — о Голосѣ.

Десятая группа: о Растеніяхъ.

Теперь попробуемъ дать краткое понятіе о каждомъ изъ этихъ сочиненій и потомъ перейдемъ къ *Исторіи животныхъ*, которая хотя и не единственное образцовое сочиненіе, но самое научное и наименѣе оспариваемое изъ твореній безсмертнаго философа.

Аристотель опредѣлялъ *Риторику*, какъ искусство убѣждать. Но такъ какъ не всѣ умы, къ которымъ обращается ораторъ, одинаковы, то онъ долженъ отыскать для каждаго средства наиболѣе подходящія, чтобъ побѣдить его. Онъ можетъ достигнуть этого не иначе, какъ основательно изучивъ человѣческое сердце и различныя страсти, къ которымъ ораторъ обязанъ обращаться. Аристотель требуетъ, чтобы въ искусствѣ говорить обращалось также вниманіе на форму рѣчи, какъ и на сущность. Въ самомъ дѣлѣ, во всякомъ собраніи есть много дилетантовъ, которые скорѣе будутъ тронуты способомъ изложенія какого-нибудь доказательства, чѣмъ его достоинствомъ.

Риторика Аристотеля послужила образцомъ для всѣхъ другихъ, но выше всѣхъ. Это первое сочиненіе, въ которомъ были изложены правила ораторскаго искусства.

Его *Піитика* возвѣщала о болѣе обширномъ предметѣ,чѣмъ какой въ дѣйствительности разсмотрѣнъ авторомъ. По его мнѣнію, всѣ искусства имѣютъ цѣлью подражаніе природѣ, а потому Аристотель полагалъ, что всѣ ихъ надо сблизить въ обширномъ дидактическомъ сочиненіи, гдѣ была-бы показана связь, которою всѣ они соединены между собою. Какъ ни велики трудности такого предпріятія, но оно задумано было Аристотелемъ, и жаль, что осталось невыполненнымъ. Его піитика представляетъ только ученую теорію драматическаго искусства и есть сочиненіе образцовое. Горацій и Буало только переложили ея основанія въ стихи.

Подъ именемъ *Логики* комментаторы Аристотеля соединили

шесть его сочиненій. заглавія которыхъ приведены во второй группѣ. Эти шесть соединенныхъ трактатовъ называются также *Органонъ*, потому что образуютъ орудіе, посредствомъ котораго умъ уясняетъ самому себѣ родъ своихъ дѣйствій.

Всякому извѣстно, что правила силлогизма были впервые формулированы въ *Логикѣ* Аристотеля. Правда, что Платонъ уже употреблялъ этотъ способъ доказательства въ своихъ *разговорахъ*; но онъ прибѣгалъ къ нему съ нѣкотораго рода равнодушіемъ, и точно для того, чтобы замѣнять имъ время отъ времени наведеніе, свой обычный методъ.

Метафизика, или Онтологія, у Аристотеля, какъ у другихъ философовъ, есть наука, разсматривающая бытіе въ самомъ себѣ, или основанія, причины, качества и дѣйствія, то есть все самое абстрактное, самое независимое отъ физическаго наблюденія. Оспаривали подлинность этой книги, остающейся темной даже послѣ весьма замѣчательной работы г. Феликса Равессона.

Физика, которую мы намѣренно сблизили съ *метафизикой*, у Аристотеля вовсе не похожа на науку, которую мы теперь разумѣемъ подъ этимъ именемъ. Это какъ будто другая онтологія, въ помощь первой, но мало ее объясняющая. Авторъ въ ней говоритъ только о великихъ началахъ, о движеніи времени и пространства. Г. Бартелеми Сентъ-Илеръ перевелъ это сочиненіе на французскій языкъ [1]).

Подробно коментированная греческимъ философомъ шестаго вѣка Симилиціемъ, снова объясненная г. Бартелеми Сентъ-Илеромъ въ *Введеніи* къ его переводу, *физика* Аристотеля для насъ все-таки исполнена загадокъ. Г. Бартелеми Сентъ-Илеръ говоритъ, что это общее изслѣдованіе о *движеніи*. Это изслѣдованіе, во всякомъ случаѣ, сдѣлано никакъ не съ точки зрѣнія современной механики.

Метафизика и Физика Аристотеля написаны весьма кратко; мысль въ нихъ всегда мало выяснена, иногда даже просто подразумѣвается, и, вѣроятно, эти два сочиненія суть уроки *эсоте-*

---

[1]) *Physique d' Aristote, ou Leçons sur les principes géneraux de la nature*, traduites en français pour la première fois par **Barthélemy Saint-Hilaire**. 2 изд. въ-8° **Paris, 1862.**

рическіе, обнародованные *à posteriori* учениками, которые никогда не присутствовали при объясненіяхъ учителя. Постоянная темнота текста подтверждаетъ такое предположеніе.

Въ *Физикѣ* встрѣчается множество прекрасныхъ и высокихъ мыслей. Но они только появятся и тотчасъ исчезаютъ, какъ молнія, на мгновеніе прорѣзающая облачное небо. Такова, напримѣръ, слѣдующая мысль: *Богъ извлекъ движеніе изъ глубины своего существа* [1]).

Аристотель опредѣляетъ *движеніе*, какъ *измѣненіе*. Это *измѣненіе* становится причиной происхожденія вещей и ихъ разрушенія. По причинѣ этого физическаго взгляда, сочиненіе нѣсколько оправдываетъ свое названіе.

Въ книгѣ *о Нравственности къ Никомаху* заключается такое опредѣленіе добродѣтели: „постоянное расположеніе дѣйствовать по законамъ разума и справедливости.“ Только добродѣтель, по Аристотелю, можетъ доставить полное счастіе отдѣльнымъ лицамъ и обществамъ. *Великая Этика* говоритъ о томъ же предметѣ и стремится къ той же цѣли, но изложеніе ея не столь совершенно.

Тотъ же предметъ и въ книгѣ *о Нравственности къ Евдему*. Она преслѣдуетъ постоянно мысль, общую этимъ тремъ трактатамъ, но съ убывающимъ успѣхомъ,—доказательство, что предметъ вполнѣ истощенъ.

Въ трактатѣ *о Добродѣтеляхъ и Порокахъ* только измѣнено заглавіе; это только новое приложеніе единственной мысли, внушившей сочиненіе *о Нравственности къ Никомаху*. Кажется столь неестественнымъ, чтобы писатель, и въ особенности Аристотель, повторялся такимъ образомъ и перефразировалъ самого себя, что предлагался вопросъ, не написаны-ли нѣкоторыя изъ этихъ трехъ послѣднихъ сочиненій кѣмъ другимъ, работавшимъ при помощи замѣтокъ, приготовленныхъ для перваго?

---

[1]) Физики, которые добыли и развиваютъ съ такимъ жаромъ новѣйшую теорію преобразованія теплоты или электричества въ движеніе и вообще преобразованія силы въ движеніе, и обратно, не подозрѣваютъ, что это понятіе, плодъ столькихъ опытовъ и точныхъ измѣреній, было уже выражено въ *физикѣ Аристотеля*, въ видѣ сжатой и всеобъемлющей формулы. Видно недаромъ говорится, что Аристотель—геній.

Политика славится между главными сочиненіями Стагирита. Въ этомъ сочиненіи основная мысль та, что цѣль каждаго общества есть счастіе его членовъ.

„Всякое государство, говоритъ онъ, есть ассоціація и всякая ассоціація образуется ради какой-нибудь выгоды; ибо человѣкъ необходимо стремится къ тому, что онъ считаетъ добромъ; и это добро должно въ особенности находиться въ обществѣ по преимуществу, которое заключаетъ всѣ другія, и которое называется государствомъ, или политической ассоціаціей".

Авторъ изслѣдуетъ затѣмъ происхожденіе обществъ, и находитъ его въ семействѣ, которое естественно есть первое организированное общество. Къ сожалѣнію, раздѣляя предразсудки своего времени, Аристотель, какъ Платонъ, принимаетъ необходимость и законность рабства. Онъ даже говоритъ, что есть породы людей, созданныя для рабства.

Общество, монархическое или республиканское, разъ образовавшись, живетъ при помощи законовъ или конституціи. По этому случаю, Аристотель дѣлаетъ обзоръ конституцій знаменитѣйшихъ греческихъ и иностранныхъ государствъ. Прежде чѣмъ писать трактатъ о *политикѣ*, онъ съ большими издержками собралъ конституціи ста пятидесяти восьми независимыхъ государствъ. Но это собраніе, которое само по себѣ представляло-бы огромный историческій интересъ, утеряно.

Въ противоположность Платону, который изобрѣталъ политику, чтобъ приложить ее къ управленію народами, Аристотель изучалъ правленія народовъ и наблюдалъ ихъ дѣйствія, чтобы на основаніи наблюденій составить трактатъ о политикѣ.

Экономика есть небольшое сочиненіе въ двухъ книгахъ, изъ коихъ вторая дошла до насъ не вполнѣ. Въ *политикѣ* сравниваются законодательства; въ *экономикѣ*—факты. Стало быть, постоянно таже метода, состоящая въ томъ, чтобы наблюденіе полагать основаніемъ науки. Но въ сочиненіи, о которомъ теперь идетъ рѣчь, наука Аристотеля кажется намъ гораздо менѣе нравственной, чѣмъ въ другихъ, — что безъ сомнѣнія слѣдуетъ приписать природѣ предмета. Добродѣтель всегда въ опасности быть компрометированной при соприкосновеніи съ финансами! Въ самомъ дѣлѣ вторая часть *экономики* научаетъ средству прі-

обрѣтать богатство при помощи хитростей и способовъ, болѣе или менѣе безчестныхъ съ нашей точки зрѣнія.

Геферъ [1]) полагаетъ, что эта вторая книга, въ подлинности которой сомнѣвались, несомнѣнно написана Аристотелемъ, но что она составляла часть другаго его сочиненія, о *Богатствѣ*, которое до насъ не дошло.

Сочиненіе, озаглавленное *о Душѣ*, требуетъ нѣкотораго разъясненія предмета. *Anima* по латынѣ, ψυχή по гречески, каждое имѣетъ нѣсколько значеній; ихъ нужно переводить словами *одушевленіе, дыханіе, жизнь*. Книга о *Душѣ* есть трактатъ физіологіи, въ которомъ дѣло идетъ только о растительной или животной жизни и о всѣхъ зависящихъ отъ нея явленіяхъ. Авторъ впрочемъ ясно говоритъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

„Одушевленное существо отличается отъ неодушевленнаго жизнію; то, что́ называется жизнью, составляется изъ различныхъ дѣйствій, и если имѣется только одно дѣйствіе, то мы говоримъ, что существо, способное къ нему, живетъ. Эти дѣйствія суть: умъ, чувство, передвиженіе и стояніе; кромѣ того, движеніе свойственное питанію, возрастанію или упадку. Вотъ почему всѣ растенія живутъ, потому что они дѣйствительно имѣютъ въ себѣ эту силу, это начало, по которому претерпѣваютъ въ различныхъ степеняхъ возрастаніе и упадокъ .. и онѣ живутъ, пока могутъ получать пищу. Эта жизненная сила можетъ быть отличена и отдѣлена отъ другихъ, между тѣмъ какъ другія жизненныя силы въ смертныхъ существахъ не могутъ быть отдѣлены отъ этой послѣдней; это видно въ растеніяхъ, ибо въ нихъ, очевидно, нѣтъ никакой другой силы, никакого иного жизненнаго отправленія, кромѣ этого. Итакъ жизнь, въ силу этого начала, принадлежитъ всѣмъ живымъ тѣламъ.

Шесть другихъ небольшихъ трактатовъ той-же группы всѣ относятся, какъ указываютъ ихъ заглавія, къ физіологіи, и пополняютъ взгляды Аристотеля на жизненныя явленія у животныхъ. Эти книги были соединены коментаторами Аристотеля подъ общимъ заглавіемъ *Parva animalia*, то есть *Небольшія сочиненія объ одушевленныхъ существахъ*.

Трактатъ о *Голосѣ* содержитъ весьма точное описаніе музыкальнаго прибора кузнечиковъ. Аристотель въ этомъ сочиненіи вполнѣ отличаетъ отъ собственнаго голоса, происходящаго отъ выпусканія содержащагося въ легкихъ воздуха, шумъ, произво-

---

[1]) *Biographie générale*, publiée chez Didot, статья *Aristote*.

димый нѣкоторыми животными вслѣдствіе простаго удара или тренія.

Метеорологія есть сочиненіе, по заглавію котораго можно ошибиться на счетъ содержанія; у насъ подъ именемъ *метеора* исключительно разумѣются явленія, обнаруживающіяся въ воздухѣ. Аристотель же въ своемъ сочиненіи говоритъ и о минералогіи и геологіи. Онъ принимаетъ древнее ученіе о четырехъ стихіяхъ, къ которымъ прибавляетъ пятую, *эѳиръ*, болѣе другихъ подвижную. Именно, отъ эѳира, по его мнѣнію, животныя заимствуютъ свою жизненную теплоту.

Эта книга исполнена любопытныхъ и полезныхъ наблюденій, которыя предупредили новѣйшую науку. Бартелеми Сентъ-Иллеръ издалъ переводъ этого послѣдняго сочиненія, снабдивъ его любопытнымъ предисловіемъ. [1])

Ученый геологъ, Бертранъ де С.-Жерменъ, издатель многихъ неизданныхъ сочиненій Лейбница, написалъ по поводу перевода Аристотелевой *Метеорологіи* Бартелеми С.-Илеромъ библіографическую статью, содержащую превосходное изложеніе предметовъ, разсматриваемыхъ въ этомъ сочиненіи. Мы дадимъ весьма полное понятіе объ Аристотелевой метеорологіи, приведя сказанный разборъ.

„Прежде чѣмъ изучать видоизмѣненія атмосферы, говоритъ Бертранъ де С.-Жерменъ, Аристотель изыскиваетъ причины этихъ видоизмѣненій и восходитъ такимъ образомъ до общаго устроенія міра.

По его мнѣнію, все видимое состоитъ изъ четырехъ стихій: воздуха, огня, земли и воды. Эти четыре стихіи лежатъ другъ на другѣ по ихъ порядку относительной тяжести.

Въ серединѣ и неподвижно лежитъ земля, точка въ огромномъ пространствѣ, если мы вспомнимъ о нашемъ разстояніи отъ солнца и въ особенности отъ неподвижныхъ звѣздъ; надъ землей лежитъ вода; надъ водой масса воздуха; и надъ воздухомъ огонь, или, по крайней мѣрѣ, родъ огня, производимаго круговымъ движеніемъ верхней области въ соприкосновеніи съ находящимся подъ нею воздухомъ.

„Изъ соединенія этихъ четырехъ стихій происходятъ всѣ тѣла и всѣ ощущаемыя явленія (кн. I, главы II, III.)

„И теперь нельзя предложить болѣе удовлетворительнаго объясненія образо-

---

[1]) *Météorologie d'Aristote*, traduite en français pour la première fois, avec le petit traité apocryphe du *Monde*. 1 vol. in-8°. Paris, 1863.

Онъ кромѣ того перевелъ *Логику*, *Политику*, *Этику* и *Поэзію*.

навія облаковъ, росы, дождя, снѣга и происхожденія источниковъ и рѣкъ, тѣмъ то, которое находится въ *метеорологіи*.

„Солнце, говоритъ Аристотель, нагрѣвая землю превращаетъ въ влажные пары часть находящейся на ея поверхности воды. Эти пары смѣшиваются съ воздухомъ, и мало-по-малу достигаютъ верхнихъ областей атмосферы, а такъ какъ эти области холоднѣе нижнихъ, гдѣ отраженіе земли возвышаетъ температуру, то водяные пары тамъ сгущаются и образуютъ облака; и когда облака скучатся и солнце уже не въ силахъ разсѣять ихъ, они разрѣшаются дождемъ и ниспадаютъ на землю; *такимъ образомъ существуетъ двойное теченіе и безпрерывное кругообращеніе жидкой стихіи между землею и небомъ*.

„Снѣгъ есть водяной паръ, который на половину замерзаетъ и сѣется черезъ воздухъ, черезъ рѣшето. Лѣтними ночами земля охлаждается при отсутствіи солнца, и воздухъ какъ насыщенъ водяными парами; потому пары эти сгущаются на земной поверхности и образуютъ росу.

„Пришедши вслѣдствіе этого къ вопросу, что происходитъ съ водою, падающей на землю, Аристотель оставляетъ область метеорологіи и занимается общей физикой земнаго шара; онъ изыскиваетъ происхожденіе источниковъ, рѣкъ и морей, причину соляности морскихъ водъ и измѣненій, наблюдаемыхъ при соприкосновеніи мора съ материками. Это отступленіе одно изъ самыхъ плодоносныхъ; ни въ одной части *Метеорологіи* не сіяетъ столь ярко наблюдательный и глубокій геній Аристотеля.

„Каково-же происхожденіе источниковъ и рѣкъ? Источники и рѣки происходятъ-ли, какъ полагали нѣкоторые, изъ различныхъ хранилищъ, находящихся внутри земли? Есть правда въ этомъ мнѣніи, но оно не вполнѣ справедливо. Вполнѣ справедливо то, что дождевыя воды *просачиваются* въ землю *через поры*, скопляются въ ея полостяхъ и оттуда вытекаютъ, и смотря по ихъ обилію и притокамъ, порождаютъ ручьи, рѣчки и рѣки.

„Горы съ пещеристыми боками, съ крутыми вершинами, суть обширныя поверхности, на которыхъ сгущаются влажные пары, и суть какъ-бы повѣшенныя въ воздухѣ губки, изъ которыхъ истекаютъ рѣки.

„Образъ весьма живописный и справедливый. Въ самомъ дѣлѣ, большинство рѣкъ течетъ съ горъ, и болѣе значительныя текутъ съ болѣе высокихъ горъ. Аристотель не затрудняется привести этому примѣры.

„Отъ рѣкъ онъ переходитъ къ морямъ, въ которыя онѣ впадаютъ. Что такое море? Отъ чего зависитъ, что оно не умаляется и не увеличивается? Отчего морскія воды солоноваты?—На эти вопросы Аристотель отвѣчаетъ съ глубокимъ знаніемъ природы и удивительной проницательностію.

„Вода, получаемая землею, необходимо должна скопляться въ самыхъ углубленныхъ точкахъ ея поверхности. Эти громадныя углубленія образуютъ водоёмы морей.

„Пространство морей способствуетъ дѣятельному испаренію, которое окончилось-бы истощеніемъ этого сборища водъ, еслибъ дождь, — одно изъ слѣдствій этого испаренія, и непрерывный притокъ рѣкъ, — слѣдствіе наклонности почвы, не возстановляли равновѣсія и не поддерживали постоянно уровня морей.

„Жидкая масса морей, равно какъ масса земли, говоритъ Аристотель, не увеличивается и не уменьшается, но земля и моря, относительно своихъ частей, находятся въ безпрерывномъ обмѣнѣ,—взглядъ глубокій, къ которому мы скоро возвратимся.

„Отъ чего происходитъ, что морская вода, постоянно питаемая притокомъ рѣкъ и дождями, солоновата, между тѣмъ какъ вода дождевая и рѣчная прѣсны? Это зависитъ, отвѣчаетъ Аристотель, отъ прибавленія посторонняго тѣла, которое не составляетъ неотдѣлимой часть воды, но которое увеличиваетъ ея вѣсъ; доказательство, что оно не есть составная часть, слѣдующее: если въ волны бросить полый восковой шарикъ, и оставить его тамъ на нѣкоторое время, то вода, проходящая сквозь поры и проникающая во внутренность шарика,—будетъ вода годная для питья. Воскъ въ этомъ случаѣ какъ нѣкоторое сито отдѣляетъ воду отъ солоноватаго и землистаго вещества.

„Отъ этого-то вещества морская вода становится гуще и тяжеле обыкновенной; нельзя сомнѣваться, что она гуще и тяжеле, ибо суда, которыя съ трудомъ держатся въ рѣкахъ, по причинѣ груза, выйдя въ море, оказываются нагруженными какъ слѣдуетъ для хорошаго плаванія.

„Не отъ соприкосновенія-ли съ землею морская вода получаетъ такое свойство? Ничего не бывало, ибо въ такомъ случаѣ и рѣки, протекающія по землѣ, должны-бы быть солеными; онѣ дѣйствительно таковы въ извѣстной степени, но безконечно меньше противъ моря. „Необходимо, говоритъ Аристотель, чтобы воды, составляющія море, первоначально были въ соприкосновеніи съ поверхностями пережженными, превращенными въ пепелъ. Только зола могла придать морю такую степень солености."

„Если это и гипотеза, то она не лишена правдоподобности; она вполнѣ согласуется съ настоящими данными геологіи на счетъ первично-раскаленнаго состоянія земнаго шара.

„Аристотель зналъ, что вода, выдѣляемая моремъ при испареніи, не увлекаетъ соли, которою была насыщена; и кажется, что въ его время искали способа, и быть можетъ, онъ самъ занимался этимъ, какъ превратить морскую воду въ прѣсную; ибо онъ говоритъ положительно: „Мы говоримъ по опыту, что эта вода, испаряясь, дѣлается годной для питья, и остается таковою, снова сгущаясь."

„Испареніе, стало-быть, имѣло-бы слѣдствіемъ все больше и больше увеличеніе солености моря, еслибъ втекающія въ него дождевыя и рѣчныя воды не представляли противувѣса такому дѣйствію. Такимъ образомъ, количество и качество морскихъ водъ остается въ одномъ и томъ же состояніи,—что впрочемъ не препятствуетъ тому, чтобы отношенія морей къ материкамъ не измѣнялись порой внезапнымъ и сильнымъ образомъ, примѣръ чего имѣемъ въ потопахъ, о которыхъ память сохранилась въ исторіи и преданіи; но чаще измѣненія эти происходятъ медленно и нечувствительно вслѣдствіе грудъ земли и песку, которыя наносятся водою.

„Именно подобное, говоритъ Аристотель, произошло въ Египтѣ. *Вся почва этой страны, кажется, есть ничто иное, какъ наносъ Нила.*

„Аристотель переходитъ затѣмъ къ собственно метеорамъ. Онъ говоритъ о вѣтрахъ, и устанавливаетъ нѣкоторую аналогію между ними и теченіями воды. Вѣтры, говоритъ онъ, не исходятъ изъ пещеры, какъ воображали поэты, равно какъ теченія воды не порождаются однимъ опредѣленнымъ хранилищемъ, но тѣ и другія образуются мало-по-малу.

„Вотъ какова, по его мнѣнію, теорія ихъ образованія: изъ земли *подъ вліяніемъ солнца*, исходятъ два рода паровъ: сухіе и влажные; влажные производятъ воду, которая нисходя на землю, образуетъ рѣки; сухіе суть начало и причина вѣтровъ.

„Итакъ, вѣтры, по мнѣнію Аристотеля, суть слѣдствіе нѣкотораго испаренія земли; *это-то испареніе*, по его словамъ, *и образуетъ тѣло вѣтра*. Это ошибочно;

но вѣрно то, что солнце производитъ дѣйствіе, обусловливающее образованіе этого явленія, и Аристотель отлично понималъ это.

„Въ трактатѣ о метеорологіи не полагается разсужденій о *землетрясеніяхъ*. Аристотель однако говоритъ о нихъ съ подробностью, вслѣдъ за вѣтрами, и именно потому, что приписываетъ явленіе землетрясенія дѣйствію подземнаго вѣтра; и въ этомъ, слѣдуетъ замѣтить, онъ не далекъ отъ истины.

„Земля, говоритъ онъ, сама по себѣ суха; но такъ какъ она вслѣдствіе дождей принимаетъ много влажности, и нагрѣвается солнцемъ и *огнемъ, заключающимся внутри ея*, то въ ней какъ со внѣ, такъ и внутри, образуется много дыханія или вѣтра.

„Часто эти пары свободно исходятъ, но случается иногда, что они возвращаются въ земныя полости и скопляются въ нихъ, и тогда-то, желая освободиться, они сильно потрясаютъ почву. Иногда сжатый воздухъ, побѣждая препятствія, прорываетъ земную кору, подымаетъ ее и отдѣляется сквозь трещины въ сопровожденіи множества воды, дыма и пламени, какъ доказываютъ примѣры, приведенные въ *Метеорологіи*.

„Такова на этотъ счетъ теорія Аристотеля.

„Если мы поставимъ новѣйшее выраженіе *газъ* вмѣсто древняго *дыханіе*, то современной наукѣ придется немногое измѣнять въ этой теоріи, тѣмъ болѣе, что Аристотель, какъ и новѣйшіе ученые, принимаетъ содѣйствіе центральнаго огня въ образованіи паровъ, причиняющихъ эти ужасныя сотрясенія.

„Въ эпоху, когда не имѣлось никакого понятія объ электричествѣ, нельзя было дать болѣе удовлетворительнаго объясненія грома и молніи. Объясненіе замѣчательно для того времени. *Громъ есть выдѣленіе воздуха, который съ трескомъ разбивается о плотность облаковъ, и молнія есть горѣніе такимъ образомъ возмущеннаго воздуха.* Трудно было сказать что-либо лучшее.

Что касается радуги, пасолнцевъ (ложныхъ и боковыхъ солнцевъ) и круговъ вокругъ солнца, то Аристотель прямо относитъ эти явленія къ ихъ истинной причинѣ, преломленію свѣта. *Они суть*, говоритъ онъ, *ничто иное, какъ преломленіе. Разница единственно зависитъ отъ того, какимъ образомъ произошло отраженіе*, и отъ тѣлъ, дающихъ свѣтъ, то есть солнце-ли это или другое свѣтящее тѣло.

„Онъ весьма справедливо замѣчаетъ, что влажность воздуха есть причина болѣе сильныхъ преломленій. Такъ, когда облако сгустилось въ дождевыя капельки, и солнце, не будучи слишкомъ высоко надъ горизонтомъ, свѣтитъ напротивъ облака, то каждая водяная капелька преломляетъ и раздѣляетъ свѣтъ, и тогда появляется блестящая и окрашенная дуга, которую мы называемъ радугой.

„Тоже явленіе происходитъ, какъ замѣтилъ Аристотель, когда солнце свѣтитъ косвенно на пѣну, подымаемую веслами гребцовъ, или на воду каскада и фонтана, и нашъ философъ приводитъ геометрическую причину сѣченія круга въ этомъ случаѣ и подкрѣпляетъ свое разсужденіе чертежомъ.

„Онъ упоминаетъ также о *лунныхъ радугахъ*, болѣе блѣдныхъ и болѣе рѣдкихъ, чѣмъ солнечныя, и которыхъ только двѣ онъ видѣлъ въ продолженіе болѣе пятидесяти лѣтъ, а также о *побочныхъ радугахъ* съ обратнымъ чередованіемъ цвѣтовъ.

„Что касается цвѣтовъ, составляющихъ ленту радуги, то Аристотель принимаетъ только три, хотя признаетъ, что можно различить и другіе оттѣнки. „Все, говоритъ онъ, совершается здѣсь тремя, какъ въ большинствѣ другихъ вещей. Эти три основные цвѣта суть: красный, зеленый и фіолетовый... Если желтый, прибавляетъ онъ, также показывается, то это вслѣдствіе близости другихъ цвѣтовъ."

„Мы отличаемъ теперь въ солнечномъ спектрѣ семь цвѣтовъ: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый; но для насъ существуетъ также только три основныхъ и элементарныхъ цвѣта, именно: красный, желтый и голубой, потому что, соединяя ихъ попарно, получимъ всѣ другія оттѣнки.

„Такъ какъ пасолнца и круги вокругъ солнца суть явленія того же порядка, что радуга, равнымъ образомъ зависящія отъ преломленія свѣта водяными парами, находящимися въ воздухѣ, то Аристотель, подробно говоря о радугѣ, менѣе распространяется о первыхъ, но все сказанное имъ вообще основано на хорошихъ наблюденіяхъ."

Трактатъ *о Мірѣ*, который Бартелеми Сентъ-Илеръ, признаетъ апокрифическимъ, самымъ естественнымъ образомъ связанъ съ *метеорологіей*. Онъ состоитъ изъ четырехъ книгъ, и представляетъ истую космогонію, которая невѣрна, но въ которой нѣтъ ничего воображаемаго, какъ въ Платоновомъ Тимеѣ. Аристотель могъ ошибиться при наблюденіяхъ, но онѣ всегда служили ему точкой исхода. Нельзя серьезно упрекать его за то, что онъ, на основаніи видимости, считалъ землю за неподвижный центръ, вокругъ котораго небесныя сферы совершаютъ свое движеніе, потому что двѣ тысячи лѣтъ позже Кеплеру и Галилею было такъ трудно установить противоположное мнѣніе.

Трактатъ *о Небѣ* составляетъ почти часть предъидущаго. Аристотель, считая земной шаръ висящимъ въ пространствѣ, принималъ его состоящимъ, какъ говоритъ Баттё, изъ трехъ родовъ эссенцій: эссенціи *небренной и неподвижной*, которая, наполняя первую сферу, облекаетъ вселенную; эссенціи *небренной и подвижной*, которая простирается отъ первой сферы до орбиты луны, и эссенціи *подвижной и бренной*, которая нисходитъ отъ этой орбиты до центра земли. Вначалѣ, говоритъ Аристотель, находилось вокругъ центра четыре рода стихійныхъ тѣлъ, заключавшихся подъ орбитой луны: земля, вода, воздухъ и огонь. Они испытываютъ различныя измѣненія, какъ вслѣдствіе взаимной противоположности ихъ качествъ, такъ и вслѣдствіе *дѣйствія звѣздъ*, которыхъ періодическіе восходы и заходы производятъ періодическія же разности въ этихъ элементахъ. Надъ сферой надлунной, въ небесномъ пространствѣ царствуютъ боги. Въ этомъ пространствѣ находится пятое естество, или *квинтэссенція*, которая движется по кругу, не будучи ни тяжелой, ни легкой, и не подвержена никакимъ измѣненіямъ тамъ, гдѣ не встрѣчаетъ

ничего себѣ противоположнаго. Эта *квинтэссенція*, называемая также *эѳиромъ*, есть пища свѣтилъ и нектаръ, который пьютъ боги, ибо она проста и чиста, какъ они. Наконецъ, выше этой эѳирной субстанціи находится эссенція первичнаго двигателя, который движетъ, не двигаясь и не будучи движимъ.

Чудесные разсказы суть, кажется, книга замѣтокъ, которую одинъ изъ учениковъ Аристотеля внесъ въ число его книгъ.

Недѣлимыя линіи есть математическое сочиненіе, всегда помѣщаемое въ собраніи сочиненій Аристотеля, тогда какъ многіе приписываютъ его Ѳеофрасту.

Механическія задачи, сочиненіе для насъ конечно отсталое, служило великимъ пособіемъ для римскаго зодчаго Витрувія, жившаго въ первомъ вѣкѣ до р. Х.

Мы теперь дошли до того сочиненія Стагирита, которое не боится двадцати двухъ вѣковъ успѣховъ науки, и которое, кажется, не скоро будетъ превзойдено. Мы говоримъ объ *Исторіи Животныхъ* [1]).

Насчетъ этого сочиненія мы считаемъ за лучшее привести мнѣнія его соперниковъ; похвалы, воздаваемыя ими его генію, имѣютъ тѣмъ бо́льшее значеніе:

„Аристотель, говоритъ Бюфонъ, начинаетъ свою *Исторію животныхъ* съ установленія общихъ сходствъ и различій между различными родами животныхъ, вмѣсто того, чтобы раздѣлять ихъ по малымъ частнымъ отличительнымъ свойствамъ, какъ поступаютъ новѣйшіе. Онъ разсказываетъ исторически всѣ факты и всѣ наблюденія насчетъ общихъ отношеній и явныхъ отличительныхъ свойствъ. Онъ извлекаетъ эти отличительныя свойства изъ формы, цвѣта, величины и всѣхъ внѣшнихъ качествъ цѣлаго животнаго, а также изъ числа и положенія его частей, изъ величины, движенія, формы его членовъ, изъ подобныхъ или различныхъ отношеній, находящихся въ этихъ самыхъ сравниваемыхъ частяхъ; для лучшаго уясненія онъ постоянно приводитъ примѣры. Онъ разсматриваетъ также различныхъ животныхъ по ихъ образу жизни, ихъ дѣйствіямъ, нравамъ, жилищамъ и т. п. Онъ го-

---

[1]) *Исторія животныхъ* нуждается въ новомъ французскомъ переводѣ. Единственный существующій переводъ, который пользовался долгое время великимъ довѣріемъ, сдѣланъ Камюсомъ, *парламентскимъ адвокатомъ*, и напечатанъ въ Парижѣ въ 1783 (2 тома, in 4° съ греческимъ текстомъ). Переводчикъ, незнакомый съ зоологическими свѣдѣніями, и жившій въ то время, когда зоологія, собственно говоря, еще не существовала, сдѣлалъ много достойныхъ сожалѣнія ошибокъ. Желательно, чтобы Бартелеми С.-Илеръ предпринялъ, при содѣйствіи какого-нибудь естествоиспытателя, новый переводъ *Исторіи животныхъ* съ греческаго текста.

ворить о частяхъ, которыя общи и существенны для животныхъ, и о такихъ, которыхъ можетъ недоставать и дѣйствительно не достаетъ многимъ родамъ животныхъ. Чувство осязанія, говоритъ онъ, есть единственная вещь, которую слѣдуетъ разсматривать какъ необходимую (непремѣнную) и которой не можетъ не доставать ни у одного животнаго: и такъ какъ это чувство обще всѣмъ животнымъ, не возможно дать названія части тѣла, въ которой присутствуетъ способность чувствовать. Важнѣйшія части суть тѣ, которыми животное принимаетъ пищу, и тѣ, которыми извергаетъ излишекъ. Онъ затѣмъ разсматриваетъ разности въ происхожденіи животныхъ, тѣ изъ ихъ членовъ и различныхъ частей, которыя служатъ для ихъ естественныхъ отправленій. Эти общія и предварительныя замѣчанія составляютъ картину, всѣ части которой равно занимательны; и великій философъ говоритъ, что онъ представилъ ихъ въ этомъ видѣ для того, чтобъ дать предвкусить, что за тѣмъ слѣдуетъ, и породить вниманіе, котораго требуетъ частная исторія всякаго животнаго, или вѣрнѣе всякой вещи. Онъ начинаетъ съ человѣка, и описываетъ его прежде болѣе потому, что онъ есть животное наилучше извѣстное, чѣмъ потому, что онъ самое совершенное животное; чтобы сдѣлать свое описаніе не столь сухимъ и болѣе заманчивымъ, онъ старается вывести нравственныя свѣдѣнія, разсматривая физическія отношенія человѣческаго тѣла, и объясняетъ характеры людей изъ чертъ ихъ лицъ. Быть знатокомъ въ физіогноміи было-бы весьма полезно для достигшаго такого знанія; но можно-ли извлечь его изъ естественной исторіи? Онъ описываетъ человѣка во всѣхъ частяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ; и это описаніе есть единственное цѣльное: вмѣсто того, чтобы описывать каждое животное въ частности, онъ изучаетъ его по отношенію, въ какомъ находятся части его тѣла къ частямъ тѣла человѣческаго. Напримѣръ, описывая голову человѣка, онъ сравниваетъ съ нею головы всѣхъ родовъ животныхъ; тоже, и при всѣхъ другихъ частяхъ. При описаніи человѣческихъ легкихъ, онъ исторически разсказываетъ все извѣстное о легкихъ животныхъ и излагаетъ исторію тѣхъ, у которыхъ нѣтъ легкихъ. По случаю дѣтородныхъ органовъ, онъ говоритъ о различныхъ способахъ, какъ животныя совокупляются, зарождаютъ, носятъ во чревѣ и рождаютъ. Говоря о крови, онъ говоритъ о животныхъ, которыя лишены ея; слѣдуя такимъ образомъ этому сравнительному плану, въ которомъ, какъ мы видѣли, человѣкъ составляетъ образецъ, и говоря только о различіяхъ между животными и человѣкомъ, онъ перебираетъ одно за другимъ всѣ частныя описанія: онъ скопляетъ факты и не употребляетъ ни одного лишняго слова; такимъ образомъ, онъ совмѣстилъ въ небольшомъ томѣ безчисленное множество различныхъ фактовъ; и я не думаю, чтобы можно было короче изложить все, что приходилось сказать ему объ этомъ предметѣ, столь мало повидимому подлежащемъ точному изложенію, что требовался геній, подобный его генію, чтобы при этомъ сохранить порядокъ и ясность. Это сочиненіе Аристотеля представляется мнѣ нѣкотораго рода перечнемъ содержанія, извлеченнымъ съ великимъ тщаніемъ изъ многихъ тысячъ волюмовъ, наполненныхъ всевозможными описаніями и наблюденіями; это самое ученое „краткое изложеніе", какое когда-либо существовало, если наука дѣйствительно есть исторія фактовъ; если даже предположить, что Аристотель извлекалъ содержаніе своей книги изъ всѣхъ существовавшихъ въ его время книгъ, то и тогда планъ сочиненія, его распредѣленіе, выборъ примѣровъ, точность сравненій, извѣстнаго рода строй мыслей, который я охотно назвалъ-бы *философскимъ*, ни одного мгновенія не дозволили-бы сомнѣваться, что онъ былъ гораздо богаче тѣхъ, у кого заимствовалъ."

Бюффонъ въ этомъ изложеніи столь-же сжато и хорошо излагаетъ сочиненіе Аристотеля, какъ самъ Аристотель исторію животныхъ.

Теперь приведемъ слова Кювье, который хотя ниже Бюффона по отношенію къ стилю, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ быть выслушаннымъ, какъ свѣдущій въ дѣлѣ судья:

„Аристотель, говоритъ Кювье, сдѣлалъ въ различныхъ отрасляхъ собственно-естественной исторіи значительно точнѣйшіе синтезы, чѣмъ въ физикѣ. Такимъ образомъ, въ его сочиненіяхъ объ этой наукѣ заключается всего болѣе истинъ, которымъ мы не можемъ не дивиться. Главнѣйшее изъ этихъ сочиненій есть *Естественная исторія животныхъ*, которую я не могу читать безъ восхищенія. Дѣйствительно, не возможно представить себѣ, какъ одинъ человѣкъ могъ собрать и сравнить множество частныхъ фактовъ, которое необходимо для общихъ правилъ, для огромнаго числа афоризмовъ, заключающихся въ этомъ сочиненіи, и о которыхъ его предшественники не имѣли понятія.

Исторія животныхъ не есть зоологія въ собственномъ смыслѣ, то есть рядъ описаній различныхъ животныхъ; это скорѣе родъ общей анатоміи, гдѣ авторъ говоритъ объ общностяхъ въ организаціи, представляемыхъ различными животными, гдѣ онъ показываетъ ихъ различія и сходства, опираясь на сравнительное изученіе ихъ органовъ, и гдѣ онъ полагаетъ самыя вѣрныя основанія крупныхъ классификацій.

„Первая книга описываетъ части, составляющія тѣло животныхъ, не по родамъ, а по естественнымъ группамъ. Очевидно, что подобнаго рода работа могла быть только слѣдствіемъ глубокаго изученія подробностей животной организаціи. Такъ какъ Аристотель однако не счелъ нужнымъ составить зоологическую таблицу, то нѣкоторые полагали, что въ его сочиненіи нѣтъ методы. По истинѣ, эти лица обладали весьма поверхностнымъ умомъ.“

„. . . . . . Его первое описаніе есть описаніе мозга; онъ утверждаетъ, что этотъ органъ существуетъ у всѣхъ краснокровныхъ животныхъ, но что между бѣлокровными онъ встрѣчается только у моллюсковъ. Это послѣднее предположеніе весьма замѣчательно, ибо подтверждено только въ наше время. Человѣкъ, по Аристотелю, есть животное, мозгъ котораго относительно самый объемистый. Знаменитый естествоиспытатель довольно хорошо описываетъ перепонки, облегающія этотъ органъ.....

„Авторъ переходитъ къ собственно животнымъ. Онъ описываетъ сперва ихъ члены, и замѣчаетъ говоря о членахъ слона, что существованіе органа схватыванія, называемаго хоботомъ, необходимо вслѣдствіе длинноты переднихъ ногъ этого животнаго и расположенія ихъ сочлененій, которыя сдѣлали-бы для него необычайно труднымъ дѣйствіемъ питье и доставаніе пищи съ земли. Онъ полагаетъ, какъ мы, что хоботъ есть настоящій носъ. Далѣе, онъ приводитъ весьма занимательныя подробности о способѣ воспроизведенія слона, о его нравахъ, привычкахъ и т. д. Ктезіасъ уже описывалъ ихъ, но не зналъ въ такой точности, какъ Аристотель, который въ этомъ отношеніи не превзойденъ новѣйшими учеными, *ибо Бюффонъ почти всегда ошибается*,

когда противорѣчитъ ему, какъ это видно изъ наблюденій, недавно сдѣланныхъ въ Индіи [1]).

Великое сочиненіе Аристотеля мастерски оцѣнено двумя знаменитѣйшими естествоиспытателями новѣйшаго времени. Поэтому, мы ничего не прибавимъ къ ихъ похваламъ. Но извлечемъ изъ *Естественной исторіи* Аристотеля нѣкоторые изъ тѣхъ афоризмовъ, которые возбуждали такое сильное удивленіе въ Кювье, и которые, мы надѣемся, возбудятъ такое-же удивленіе въ читателѣ, если онъ припомнитъ, что эти естественно-историческіе афоризмы были выражены назадъ тому двадцать два столѣтія.

„Ни одно изъ животныхъ суши не прикрѣплено къ почвѣ. Ни одно безногое животное не имѣетъ крыльевъ."

„Всѣ безъ исключенія животныя снабжены ртомъ и чувствомъ осязанія. Эти два признака существенно опредѣляютъ животную природу."

„Всѣ крылатыя насѣкомыя, имѣющія жало въ передней части тѣла, двукрылыя: напр. слѣпень и комаръ; всѣ съ жаломъ, помѣщеннымъ на задней части тѣла, четверокрылыя, напр. муравей."

„Всѣ двурогія животныя имѣютъ раздѣленное копыто; но обратное не вѣрно, напр. у верблюда роговъ нѣтъ, а копыто раздвоено."

„Всѣ двурогія животныя съ раздвоеннымъ копытомъ и не имѣющія зубовъ въ верхней челюсти принадлежатъ къ отряду жвачущихъ, и обратно эти три признака соединены во всѣхъ жвачущихъ."

„Рога бываютъ полые или плотные. Первыя не отпадаютъ; вторые падаютъ и возобновляются ежегодно."

„Птицы, снабженныя шпорами, никогда не имѣютъ искривленныхъ когтей и обратно."

„Бивни у слоновой самки малы и направлены къ землѣ, бивни-же у самцовъ больше и подымаются на концѣ [2])."

Мы окончимъ, приведя нѣсколько свидѣтельствъ Аристотеля, которыя долго почитались баснословными и вполнѣ подтверждены новѣйшими учеными.

Два индійскія животныя, описанныя имъ, *Гиппелафъ*, или олень-конь, и *Гиппардіумъ*, или тигръ—охотникъ, цѣлые вѣка

---

[1]) *Histoire des sciences naturelles*, T. I, septième leçon, стр. 146—153.

[2]) Это замѣчаніе признано вѣрнымъ новѣйшими натуралистами относительно слона азіатскаго, но не африканскаго. У послѣдняго бивни самки ни отличаются по очертанію отъ бивней самцовъ. На этой ошибкѣ Аристотеля основываютъ, что онъ не сопровождалъ Александра въ Египетъ.

считались химерическими. И чтожъ? — *Гиппелафъ* найденъ лѣтъ пятьдесятъ назадъ Діардомъ и Дювanселемъ, а *Гиппардіумъ* немного позже.

Аристотель говоритъ, что маленькая рыбка, называвшаяся по-гречески *фикисъ (Gobius niger* Линнея) вьетъ гнѣздо, какъ птицы. Это долго считалось басней. Но еще при жизни Кювье итальянскій естествоиспытатель Оливи подтвердилъ этотъ фактъ, и всѣ посѣщавшіе парижскій Садъ Акклиматизаціи въ 1862, могли видѣть, какъ *фикисъ*, или его родичь, строилъ гнѣздо въ акваріи.

Не имѣя важности *исторіи животныхъ*, другіе относящіеся къ нимъ труды Аристотеля, каковы трактаты *о частяхъ животныхъ*, *о рожденіи животныхъ*, *о чувствованіи и ощущаемыхъ вещахъ*, *о хожденіи животныхъ*, *объ общемъ движеніи животныхъ*, суть тѣмъ не менѣе сочиненія весьма замѣчательныя, исполненныя любопытныхъ взглядовъ и наблюденій, и удачно дополняютъ его главное сочиненіе.

ГИППОКРАТЪ.

Въ Платоновомъ разговорѣ *Протагоръ*, Сократъ, между прочимъ, обращается къ одному изъ собесѣдниковъ Гиппократу съ слѣдующимъ вопросомъ:

„Вотъ, если-бъ вздумалъ ты, напримѣръ, идти къ твоему тескѣ Гиппократу коосскому, принадлежащему къ кастѣ Асклепіадовъ, съ намѣреніемъ платить ему за себя, и кто-нибудь спросилъ-бы тебя: какому человѣку, въ лицѣ Гиппократа, хочешь ты платить деньги? Что отвѣчалъ-бы ты?

— Врачу, сказалъ-бы я.

— А чѣмъ думаешь сдѣлаться самъ?

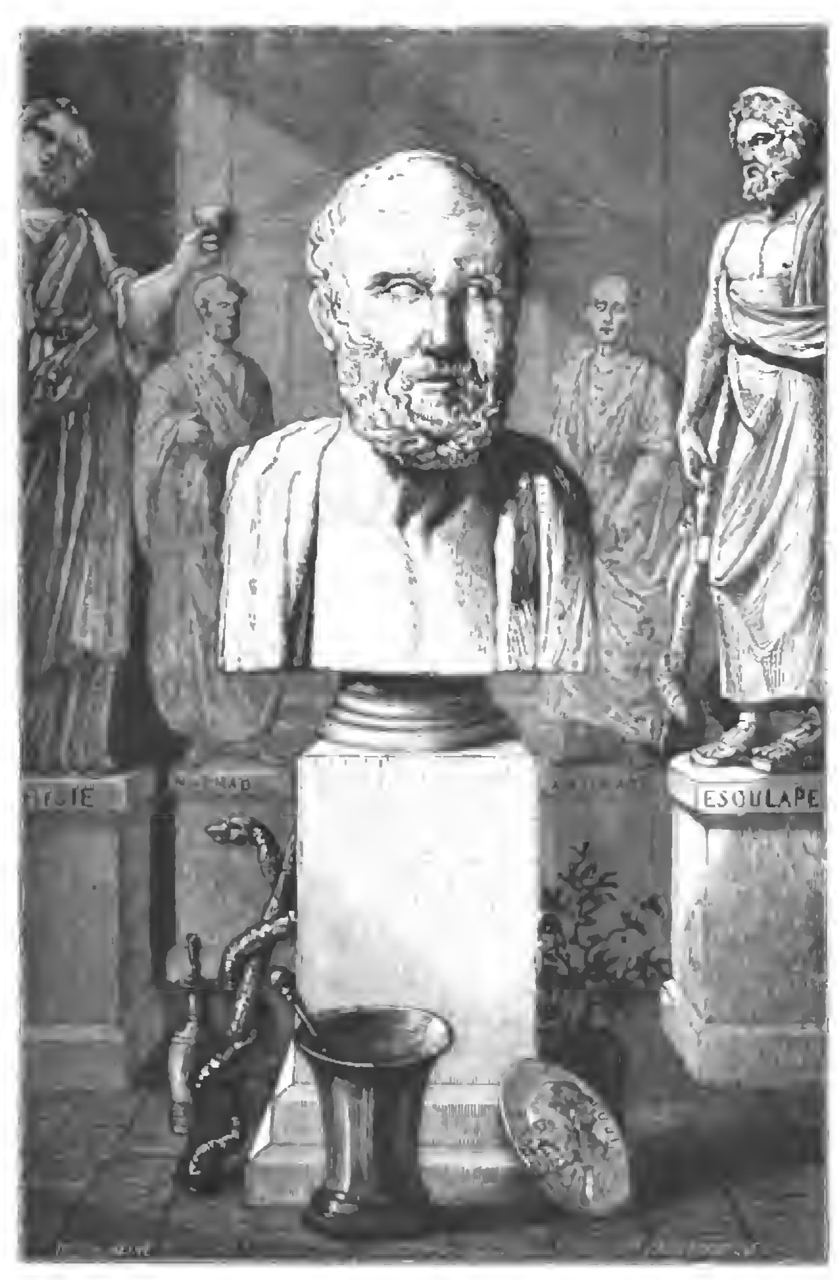
— Врачемъ [1].“

Этотъ отрывокъ изъ разговора для біографовъ Гиппократа есть свидѣтельство неоцѣнимое. Въ содержащемся въ немъ фактѣ и въ указываемыхъ имъ обстоятельствахъ содержится нѣкотораго рода краткое изложеніе нашихъ самыхъ положительныхъ свѣдѣній объ этомъ ученомъ, котораго удивленіе потомства скоро превратило въ легендарное лицо, и древность причислила-бы къ богамъ, наравнѣ съ Эскулапомъ, еслибъ въ философскій вѣкъ, когда жилъ Гиппократъ, не прошелъ обычай обоготворять.

Важно замѣтить, что Платонъ, современникъ Гиппократа и могшій знать его лично, потому что островъ Коосъ недалеко отъ Аѳинъ, не могъ ошибиться въ томъ, что̀ говоритъ о немъ.

---

[1]) См. Переводъ г. Карпова. Томъ I, стр. 54.

БЮСТЪ ИППОКРАТА.
Съ бюста Луврскаго музея антиковъ, въ Парижѣ.

Изъ его свидѣтельства мы узнаемъ во первыхъ, что Гиппократъ не есть миѳъ, или лицо воображаемое. Это имѣетъ свою долю важности, потому что въ наше время даже самое существованіе *отца медицины* подвергалось сомнѣнію, какъ и существованіе *отца поэзіи*. На историческую критику находятъ порой годины бѣдствій. Тогда она отвергаетъ не только басни и легенды, которыми народный энтузіазмъ окружилъ великихъ людей, но и самое ихъ существованіе.

Въ 1804 г. передъ парижскимъ медицинскимъ факультетомъ защищалась диссертація подъ заглавіемъ: *Сомнѣнія относительно жизни Гиппократа* [1]). Эта диссертація надѣлала великаго скандала и тотчасъ по настоянію Шоссье, Легалуа напечаталъ опроверженіе ея.

Отрывокъ изъ *Протагора*, который мы привели въ началѣ статьи, дѣлаетъ излишнимъ всякое другое опроверженіе.

Гиппократъ родился на островѣ Коосѣ, въ первый годъ восьмидесятой олимпіады. Этотъ годъ, указанный Истомахомъ и сохраненный Сораномъ, въ дошедшемъ до насъ біографическомъ отрывкѣ о славномъ врачѣ, соотвѣтствуетъ 460 году до р. X.

Но есть два Сорана. Одинъ съ острова Кооса; и если онъ истинный авторъ отрывка, то свидѣтельство его заслуживало-бы наибольшаго довѣрія, потому что онъ могъ собрать преданія на мѣстѣ и справиться въ кооскихъ книгохранилищахъ. Другой Соранъ Эфесскій. Біографія Гиппократа обыкновенно приписывается ему, потому что онъ несомнѣнный авторъ сочиненія *о жизни, сектахъ и сочиненіяхъ врачей* [2]).

Гиппократъ, по родословію, за вѣрность исходной точки котораго поручиться нельзя, былъ сыномъ Гераклида. Онъ былъ вторымъ носившимъ имя Гиппократа, и принадлежалъ къ кастѣ Асклепіадовъ.

Вотъ списокъ предковъ Гиппократовыхъ въ томъ видѣ, въ какомъ находимъ его у Клертія, біографа, который на сей разъ, въ противность своему обычаю, не прямо переписываетъ Сорана.

---

[1]) *Dubitationes de Hippocratis vitâ, patriâ, genealogiâ, forsan mythologicis, et de quibusdem ejus libris multo antiquioribus, quam vulgo creditur*, par Boulet. Paris, an XII.

[2]) Такое мнѣніе выражаетъ положительно г. Ш. Дарембергъ, въ превосходномъ *введеніи* къ его изданію *Избранныхъ сочиненій Гиппократа*.

Эскулапъ — отецъ Подалира, — отца Ипполоха, — отца Сострата, — отца Дардана,—отца Кризамиса, — отца Клеомиттадеса, — отца Өеодора, — отца Сострата II, — отца Өеодора III, — отца Сострата III, — отца Небра, — отца Гносидика, — отца Гиппократа, — отца Гераклида, — отца Гиппократа II.

Дарембергъ въ *введеніи*, на которое мы ссылались, совершенно отвергаетъ всю эту родословную.

По этой родословной, славный коосскій врачъ — семнадцатый потомокъ Эскулапа. Соранъ считаетъ его девятнадцатымъ, прибавляя, что самъ Гиппократъ велъ свой родъ до Геркулеса, котораго онъ былъ двадцатымъ потомкомъ по женской линіи. Не восходя по этой родословной до героическихъ временъ, удовольствуемся тѣмъ, что она достовѣрна касательно ближайшихъ предковъ Гиппократа.

Врачъ, слава котораго такъ велика, былъ несомнѣнно изъ рода Асклепіадовъ. Посвящая себя съ незапамятныхъ временъ занятіямъ врачебнымъ искусствомъ, каста Асклепіадовъ занималась имъ на островѣ Коосѣ, въ Книдѣ, и позже въ Аѳинахъ и почти во всѣхъ важныхъ городахъ Греціи и Малой Азіи, въ храмахъ, называвшихся *Асклепіонами*.

Въ этихъ храмахъ, посвященныхъ Эскулапу, служили жрецы, занимавшіеся леченіемъ больныхъ, но при леченіи прибѣгавшіе только къ мнимо-магическимъ средствамъ, и рѣдко къ средствамъ врачебнымъ. То были нѣкотораго рода чудотворцы безъ всякаго научнаго характера. Литтре, приписывавшій нѣкоторую важность Эскулаповымъ храмамъ, какъ предуготовителямъ врачебной науки, теперь большею частью отказался отъ этого мнѣнія. Дарембергъ, въ *Курсѣ исторіи медицины*, читанномъ въ 1865 г. въ Collége de France, занимался этимъ вопросомъ и оспаривалъ предразсудокъ, приписывающій серьезное значеніе этимъ пріютамъ суевѣрія и легковѣрія. По Дарембергу, въ *Асклепіонахъ* подавали врачебные совѣты такого-же достоинства и силы, какія теперь даются магнетизёрами и спиритами. Языческое суевѣріе и легковѣріе платило деньги за эти совѣты.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть часто приводимое мѣсто изъ Аристофанова *Плутуса* [1]).

---

[1]) См. о храмахъ Эскулапа въ сочиненіи: Recherches historiques sur l'exercice

Эти храмы напоминаютъ египетскіе, посвященные съ той-же цѣлью богу Серапису. Несомнѣнно, что греки, имѣвшіе первыми учителями въ наукахъ египтянъ, заимствовали отъ нихъ это мистическое учрежденіе. По преданію, опирающемуся на нѣкоторыя древнія свидѣтельства, самъ Эскулапъ былъ выходецъ изъ Египта и его идеализированный образъ представляетъ удивительное сходство съ богомъ Сераписомъ.

Старинное суевѣріе, хранимое въ храмахъ Эскулапа, стало быть, происхожденія египетскаго. Но, повторяемъ, это учрежденіе, по Даренбергу, ни въ Греціи, ни въ Египтѣ не было истиннымъ врачебнымъ храмомъ; и не оттуда почерпнулъ Гиппократъ начала своихъ знаній.

Гиппократъ первыя свѣдѣнія пріобрѣлъ отъ своего дѣда Гиппократа I и своего отца Ираклида. Этотъ послѣдній столь славился своимъ искусствомъ, что нѣкоторые критики приписываютъ ему два сочиненія: *de Fracturis* и *de Articulis*, составляющія часть гиппократовскаго собранія.

Гиппократъ рано переѣхалъ съ Кооса въ Аѳины, чтобы учиться у Иродика Селимбрійскаго, тогдашней медицинской знаменитости. Онъ былъ также ученикомъ софиста Горгіаса. Говорятъ, что его учителемъ былъ также Демокритъ Абдерскій, философъ, изучившій восточную мудрость маговъ и бывшій ученѣйшимъ человѣкомъ до Аристотеля.

Полагаютъ, что по примѣру всѣхъ древнихъ мудрецовъ, Гиппократъ путешествовалъ ради пріобрѣтенія новыхъ знаній и усовершенствованія въ врачебномъ искусствѣ, которому посвятилъ себя.

Скоро его извѣстность до того увеличилась, что къ нему обращались не только самые извѣстные философы, но также самыя могущественныя лица, народы и цари. Мы видимъ его въ сношеніяхъ съ Демокритомъ и министрами царя персидскаго Артаксеркса, съ Филопеменомъ и Діонисіемъ Сиракузскимъ.

Даренбергъ полагаетъ, что такая извѣстность Гиппократа преувеличена. Трудно рѣшить, какое мнѣніе справедливо.

de la médecine dans les temples, chez les peuples de l'antiquité, par Auguste Gauthier, D. M. P. 1 vol. in-18 Paris, 1844. Тамъ находится и мѣсто изъ *Плутуса*, которое мы опускаемъ, чтобъ не удлинять этой части нашего сочиненія.

Этотъ періодъ жизни Гиппократа, дѣйствительно, наиболѣе украшенъ различными баснями, придуманными его почитателями. Многія изъ этихъ басенъ повторялись нѣсколько вѣковъ сряду и, наконецъ, пріобрѣли характеръ и авторитетность фактовъ историческихъ, и до такой степени, что съ трудомъ исчезаютъ передъ свѣточемъ новѣйшей критики.

Врачу, подобному Гиппократу, невѣжественное легковѣріе должно было приписать самыя чудесныя исцѣленія. Мы разскажемъ, во первыхъ, о томъ излеченіи, которое во всѣ времена считалось торжествомъ его искусства.

Пердикка, царь македонскій, былъ долго боленъ лихорадкой, причина которой была неизвѣстна. Призвали Гиппократа. Наблюдая всѣ движенія царственнаго больнаго, случайныя измѣненія его физіогноміи, и особенно окружающую его среду, онъ открылъ, что причина болѣзни Пердикки заключалась въ сильной и тайной страсти къ Филѣ, женѣ или наложницѣ его отца. Остальное извѣстно. Отецъ принесъ жертву ради сына и прекрасная Фила совершенно вылечила его.

Несчастіе этого любопытнаго разсказа заключается въ томъ, что мѣсто дѣйствія очень часто переносилось въ разныя страны, такъ что не возможно рѣшить, кто именно былъ виновникомъ этого торжества медицины. По другимъ историкамъ, мѣстомъ дѣйствія этого приключенія былъ дворъ царя сирійскаго. Въ послѣднихъ главахъ *исторіи Сиріи* Аппіена читаемъ драматическій разсказъ о той-же болѣзни и о томъ-же излеченіи, на сей разъ совершонномъ Эразистратомъ при дворѣ Селевка Никанора. Этотъ государь также жертвуетъ собою ради спасенія сына своего Антіоха и уступаетъ ему *Стратонику*. Прибавимъ, что арабы разсказываютъ о своемъ Авиценнѣ подобную-же исторію, о которой упомянемъ въ своемъ мѣстѣ.

Итакъ, исторія исцѣленія Пердикки по меньшей мѣрѣ сомнительна. Вотъ другая не менѣе важная, но также выдуманная.

Немного спустя послѣ начала Пелопонезской войны, Аѳины сдѣлались добычей одного изъ ужаснѣйшихъ повѣтрій. Они были опустошены язвой, прекрасныя описанія которой сдѣланы Ѳукидидомъ и послѣ Лукреціемъ; язва эта уничтожила пятую часть населенія Аттики. Гиппократа приглашали цари Иллиріи и другихъ

сосѣднихъ странъ, гдѣ свирѣпствовала таже язва, оказать помощь жителямъ. Но, узнавъ отъ пришедшихъ за нимъ пословъ о направленіи вѣтровъ, господствовавшихъ въ этихъ странахъ, Гиппократъ догадался, что чума дойдетъ до Аѳинъ и отказался ѣхать, желая оказать помощь своимъ согражданамъ.

Предсказаніе оправдалось. Страшный моръ начался въ Аттикѣ и преимущественно въ Аѳинахъ. Чтобы противудѣйствовать ему, Гиппократъ приказалъ развѣсить повсюду пахучіе цвѣты и на всѣхъ улицахъ города разложить большіе костры. Онъ замѣтилъ, что кузнецы и рабочіе, прибѣгавшіе къ помощи огня, были пощажены язвой; это навело его на мысль предписать сказанное средство. Воздухъ очищался при помощи костровъ, моръ прекратился и благодарные аѳиняне воздвигли коосскому врачу желѣзную статую съ надписью: *Гиппократу, нашему спасителю и благодѣтелю.*

Только послѣ нѣкотораго колебанія рѣшаешься отбросить этотъ разсказъ, который съ нѣкоторыми измѣненіями встрѣчается у Варрона, Плинія и Галена. Но свидѣтельство этихъ серьезныхъ писателей въ настоящемъ случаѣ не можетъ имѣть вѣса, потому что все, что они, подобно многимъ другимъ, говорятъ о присутствіи великаго врача въ Аѳинахъ во время мора, извлечено изъ двухъ совершенно вымышленныхъ актовъ, именно изъ *Декрета Аѳинянъ* и *рѣчи Ѳессала*, одного изъ сыновей Гиппократа. Эти два акта уже давно признаны апокрифическими, хотя ихъ продолжаютъ перепечатывать въ концѣ Гиппократовскаго собранія.

Декретъ Аѳинянъ и *рѣчь Ѳессала* содержатъ подробности, которыя, — еслибъ требовалось найти противорѣчіе, — доставили-бы наилучшія доказательства для опроверженія этой исторіи. Въ нихъ, между прочимъ, говорится, что Гиппократъ, въ сопровожденіи сыновей и зятя, явился въ Аѳины, объѣхавъ Ѳессалію, Фокиду и Віотію. Но Гиппократу во время мора было небольше тридцати лѣтъ. У него не могло быть сына, который помогалъ бы ему и могъ держать рѣчи къ народу аѳинскому.

Но всякія противорѣчія и опроверженія совершенно излишни, ибо сохранился разсказъ современника гиппократова, человѣка, жившаго въ Аттикѣ, когда тамъ свирѣпствовала чума. Мы говоримъ о Ѳукидидѣ, самомъ точномъ и правдивомъ изъ великихъ историковъ. Въ разсказѣ Ѳукидида о морѣ въ Аѳинахъ не упоминается

вовсе о Гиппократѣ. Θукидидъ говоритъ, что никакія силы человѣческія (стало быть, никакія врачебныя средства) не могли остановить опустошительнаго повѣтрія.

Молчаніе Θукидида въ этомъ случаѣ показываетъ, что Гиппократа не было въ Аѳинахъ.

Разсказъ Θукидида также совершенно противорѣчитъ большей части писателей, которые долго спустя послѣ него указывали на происхожденіе и ходъ мора.

„Когда великая немочь постигла въ первый разъ аѳинянъ, говоритъ Θукидидъ, — то былъ слухъ, что она свирѣпствовала во многихъ мѣстахъ, и между прочимъ въ Лемносѣ и другихъ...... Увѣряютъ, что она сперва зародилась въ Эѳіопіи, лежащей выше Египта, въ Ливіи и большей части владѣній великаго царя. Она вторгнулась въ городъ Аѳины, и первыя ея жертвы пали въ Пиреѣ, столь внезапно, что пелопонесцевъ обвиняли, будто они отравили колодцы.“

Итакъ, по Θукидиду, свидѣтельству котораго слѣдуетъ дать больше вѣры, чѣмъ другимъ, чума началась не въ Илиріи и не въ другой какой западной странѣ, но въ Эѳіопіи, откуда она распространилась на Востокѣ, и именно во владѣніяхъ Артаксеркса, прежде чѣмъ достигла Аттики.

Достодолжной постановкой этого факта разрушаются основанія другой басни, обыкновенно связываемой съ первой и всегда ее сопровождающей.

Кто не читалъ сборниковъ, называемыхъ *Красоты исторіи* (Beautés de l'histoire), и кто не восхищался величественной чертой безкорыстія, олицетворенной въ Гиппократѣ, отвергающемъ золото и подарки Артаксеркса?

„Ступайте къ вашему повелителю, говоритъ Гиппократъ сатрапу Гистаму, который отъ имени царя пришелъ просить его помощи, что мнѣ есть чѣмъ жить, одѣваться и платить за квартиру. Честь запрещаетъ мнѣ принимать подарки отъ Персовъ и помогать варварамъ, врагамъ Греціи.“

Легенда прибавляетъ, что великій царь жестоко разсердился, и послалъ жителямъ Кооса требованіе выдать ослушника, угрожая, въ случаѣ отказа, предать городъ огню и мечу. Угрозы деспота были презрѣны. Островитяне послали ему отвѣтъ, что увѣренные въ справедливости боговъ, они скорѣй подвергнутся жесточайшей смерти, чѣмъ предадутъ своего великаго врача мщенію человѣка,

ГИПОКРАТЪ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТЪ ДАРОВЪ АРТАКСЕРКСА.
Съ картины Жироде

который, не смотря на титулъ царя царей, такъ же смертенъ, какъ и всѣ.

Изъ предъидущаго ясно, что разсказъ о *Гиппократѣ, отвергающемъ подарки Артаксеркса*, совершенно вымышленный. Если мы прилагаемъ къ нашему сочиненію знаменитую картину нарисованную въ 1816 г. Жиродетомъ въ подарокъ Парижскому медицинскому факультету (гдѣ она находится до сихъ поръ въ экзаменаціонной залѣ), то съ ограниченіями, слѣдующими изъ всего вышесказаннаго. Почесть, воздаваемая великимъ живописцемъ врачебному искусству, всегда желательна, будетъ-ли происшествіе, начертанное его кистью, историческимъ или легендарнымъ.

Добросовѣстные, но боязливые критики ощущаютъ нѣкотораго рода скорбь, видя, какъ уничтожается фактъ, который такъ долго считался достовѣрнымъ, и который занималъ доселѣ такое важное мѣсто въ біографіи Гиппократа. Моръ нѣсколько разъ былъ въ Аѳинахъ, а потому предлагаютъ ради соглашенія вопросъ: нельзя-ли принять, что во время одного изъ этихъ повѣтрій было испробовано средство кооскаго врача? Но Ѳукидидъ, говорящій нѣсколько разъ о чумѣ въ Аѳинахъ, и именно упоминающій о возвращеніи мора, ни разу ни слова не говоритъ объ Гиппократѣ. Прибавимъ, что между сочиненіями, несомнѣнно принадлежащими Гиппократу, есть одно, третья книга *о повѣтріяхъ*, гдѣ кооскій врачъ несомнѣнно говоритъ о своихъ личныхъ наблюденіяхъ. И чтожъ? ни одно изъ описываемыхъ имъ патологическихъ явленій не представляетъ ни малѣйшаго сходства съ тѣми, о которыхъ пишетъ Ѳукидидъ [1]).

Итакъ, Гиппократъ, избавляющій Аѳинянъ отъ чумы, есть сказка, изъ которой ничего невозможно сохранить.

Мы заключимъ эти разсказы о чудесныхъ исцѣленіяхъ Гиппократа разсказомъ о томъ, какъ по просьбѣ жителей Абдеры онъ вылечилъ славнаго философа Демокрита, который, какъ уже упомянуто, былъ однимъ изъ его учителей.

Абдериты гордились своимъ философомъ. Недовольные избавленіемъ его отъ наказанія, которое по ихъ законамъ слѣдовало всякому гражданину, расточившему свое наслѣдственное имѣніе и состояло въ томъ, что онъ лишался погребальныхъ почестей

---

[1]) Это доказано Литтре́ въ его *введеніи* къ переводу Гиппократа.

въ своемъ отечествѣ, они подарили ему пятьдесятъ талантовъ. Эта щедрость была слѣдствіемъ сильнаго впечатлѣнія, которое произвелъ на ихъ умы Демокритъ, читая свое сочиненіе о *мірѣ;* сочиненіе, бывшее плодомъ изслѣдованій и ученыхъ путешествій, на которыя онъ истратилъ свое богатство и юность. Но черезъ нѣкоторое время у Демокрита оказались привычки и поступки, обезпокоившіе добрыхъ абдеритовъ. Каждую ночь онъ выходилъ изъ города и бродилъ по кладбищамъ, быть можетъ, какъ предполагаетъ Кювье, для того, чтобы отыскивать человѣческія кости, ибо Демокритъ занимался анатоміей. Но его сограждане, и не подозрѣвавшіе возможности подобныхъ занятій, были поражены таинственностью его поведенія. Они не могли безъ удивленія и смущенія видѣть, что взрослый и ученый человѣкъ бродитъ по кладбищу, когда всѣ честные люди спятъ. И притомъ, Демокритъ постоянно смѣялся. Зачѣмъ онъ смѣялся, какъ не затѣмъ, чтобы постоянно противорѣчить другому философу Ираклиту, который постоянно плакалъ? Въ дѣйствительности, онъ смѣялся надъ неистощимой человѣческой глупостью.

Этотъ-то смѣхъ заставилъ абдеритовъ подумать, что Демокритъ сошелъ съ ума, и въ этомъ же смѣхѣ для многихъ и по сію пору состоитъ вся философія Демокрита.

Гиппократъ, призванный лечить, засталъ философа разсѣкающимъ животныхъ. Ему безъ труда удалось вылечить его и благодарность абдеритовъ не имѣла границъ. Только врачу не удалось увѣрить ихъ, что Демокритъ и не былъ боленъ. Они предлагали коосскому врачу десять талантовъ, но онъ ихъ не принялъ, сказавъ, что вознагражденъ тѣмъ, что вмѣсто съумасшедшаго видѣлъ мудрѣйшаго изъ людей.

Мы дали довольно большое мѣсто этимъ различнымъ анекдотамъ, вопервыхъ потому, что они приводятся во всѣхъ біографіяхъ Гиппократа, вовторыхъ, потому, что въ нѣкоторой мѣрѣ восполняютъ полное отсутствіе положительныхъ извѣстій о жизни великаго врача. Не слѣдуетъ полагать, что всякая легенда такъ же ложна по духу, какъ по буквѣ, и что потому только, что она легенда, критикъ уполномоченъ вполнѣ не довѣрять ни нравамъ, ни характерамъ, поэтизируемымъ ею. Народное восхищеніе было-бы неисповѣдимо глупо, еслибъ вмѣсто того, чтобы въ большей или

меньшей степени преувеличивать таланты своихъ героевъ, оно приписывало имъ качества, которыми они вовсе не обладали. Долгое время думали, что Гиппократъ нарисовалъ свой портретъ въ книгѣ *о Благопристойности*, гдѣ онъ исчисляетъ слѣдующія требуемыя имъ отъ истаго врача качества: „Онъ узнается по „простому, пристойному и скромному обращенію. Онъ долженъ „держаться важно, быть скроменъ съ женщинами, привѣтливъ и „ласковъ со всѣми. Терпѣніе, трезвость, честность, благоразуміе, „знаніе своего искусства суть его необходимыя достоинства". Теперь доказано, что не Гиппократъ авторъ этого сочиненія; но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что онъ не былъ такимъ врачемъ, что у него не было ни простоты, ни пристойности, ни скромности относительно женщинъ, и т. д.

Если приняться разсуждать подобнымъ образомъ, то легко дойти до низведенія въ число дюжинныхъ людей того, кого Аристотель называлъ *великимъ Гиппократомъ*.

А именно до такого заключенія дошелъ авторъ одной книги, которую можно-бы иначе похвалить безъ всякой оговорки, ибо это одна изъ первыхъ на французскомъ языкѣ книгъ, гдѣ сдѣлана попытка представить въ истинномъ свѣтѣ жизнь и сочиненія Гиппократа [1]). Но авторъ этой книги, заклятый органикъ (organicien) и ревностный ученикъ Бруссэ, превратилъ въ полемическій вопросъ изслѣдованіе, которому долженствовало остаться чисто историческимъ. Школа монпельеских виталистовъ становится подъ знамя Гиппократа, а потому нѣкоторые парижскіе органики полагаютъ, что, нападая на кооскаго врача, они нападаютъ на сказанную школу. На бюстѣ Гиппократа, въ медицинскомъ факультетѣ, въ Монпелье, стоитъ такая надпись: *Olim Coiis, nunc Monspeliensis Hippocrates*. (Нѣкогда кооскій, нынѣ монпельескій, Гиппократъ). Эта надпись подняла цѣлую бурю! Безъ сомнѣнія, Ударъ, пиша свою книгу, думалъ объ этомъ девизѣ. Такое предубѣжденіе, болѣе—такая медицинская страсть, не можетъ назваться расположеніемъ духа, способствущимъ здравой оцѣнкѣ такого великаго человѣка, каковъ Гиппократъ.

---

[1]) Etudes historiques et critiques sur la vie et la doctrine d'Hippocrate, par Houdart, 2-me édition, in-8°. Paris, 1840.

Но замѣтимъ, что при историческихъ изслѣдованіяхъ и въ особенности о древней исторіи, отвергать сущность чего либо, на основаніи преувеличенной формы, въ которую она облечена,- значитъ поступать опрометчиво. Пословица: *On ne prête qu'aux riches* (Только богатымъ даю́тъ въ займы) въ настоящемъ случаѣ должна быть приложена въ пользу Гиппократа. Древность, все идеализировавшая, поступила относительно кооскаго врача такъ же, какъ относительно всѣхъ своихъ великихъ людей, дѣйствительныя и главнѣйшія качества которыхъ она любила рельефно выставлять въ небольшихъ остроумно придуманныхъ сценахъ. Даже самые историки не пренебрегали собираніемъ этихъ анекдотическихъ украшеній, которыя запечатлѣваютъ въ памяти великіе характеры и великія доблести.

Къ числу этихъ басенъ, которыхъ

.... le recit est menteur,
Mais le sens véritable, [1])

какъ говоритъ Лафонтенъ, должно причислить и множество прекрасныхъ рѣчей, которыя такъ оживленно драматизируютъ древнія исторіи! Извѣстно, что эти рѣчи по большей части сочинены самимъ историкомъ, приводящимъ ихъ. Но, если внимательно всмотрѣться въ характеры лицъ, которымъ эти рѣчи придаются, предметъ, о которомъ говорится, и положеніе, въ которомъ историкъ заставляетъ произносить ихъ, то придешь къ заключенію, что все точно, все вполнѣ вѣрно... кромѣ факта, что рѣчь была произнесена.

Въ сочиненіяхъ Лафонтена есть удивительная съ литературной точки зрѣнія пьеса; мы говоримъ о *Paysan du Danube* (Придунайскій крестьянинъ), этомъ краснорѣчивомъ и исполненномъ негодованія обвиненіи, произносимомъ въ полномъ присутствіи римскаго сената вымышленнымъ лицомъ,—обвиненіи противъ жестокостей и неистовствъ императорскихъ войскъ. Эта рѣчь, придуманная Лафонтеномъ, могла бы быть точно также сочинена какимъ–нибудь историкомъ временъ Траяна. Изъ того, что она не подлин-

[1]) т. е. разсказъ обманчивъ, да смыслъ справедливый.

ная, можно ли бы было заключать, что не было ни римлянъ-притѣснителей, ни притѣсненныхъ Даковъ на берегахъ Дуная?

Мы не станемъ продолжать этихъ разсужденій, ибо это значило бы войти въ область исторической критики, а предметъ нашего сочиненія заключается не въ томъ. Замѣтимъ только, что въ легендахъ и анекдотахъ, которые преданіе связываетъ съ именами великихъ людей, въ основаніи всегда есть правда, по меньшей мѣрѣ моральная.

Въ заключеніе анекдотовъ, касающихся Гиппократа, приведемъ еще легенду, наносящую великій ударъ чести этого великаго человѣка [1])

Разсказываютъ, что, уѣзжая съ острова Кооса, Гиппократъ поджогъ храмъ Эскулапа и такимъ образомъ уничтожилъ складъ научныхъ знаній, собранный его собственными предками, кромѣ, разумѣется, части рукописей, которыя присвоилъ себѣ, чтобы такимъ образомъ захватить монополію врачебнаго искусства.

Нѣкто Андреасъ, писавшій въ Египтѣ триста лѣтъ послѣ смерти Гиппократа, первый выдумалъ эту басню, которую послѣ нѣсколько передѣлали, безъ сомнѣнія, для того, чтобъ выставить преступленіе болѣе отвратительнымъ. По этому Андреасу, Гиппократъ сжегъ храмъ не коосскій, а книдскій. Быть можетъ, этотъ разсказъ изображаетъ въ преувеличенномъ видѣ борьбу между этими двумя знаменитыми школами.

По счастію, ни великій Асклепіадъ, ни его близкіе не простирали до такой степени духа соперничества. Гиппократъ не поджигалъ книдскаго Асклепіона, а что касается до кооскаго, то всякое обвиненіе и даже всякое подозрѣніе уничтожается здравымъ смысломъ самыхъ систематическихъ его хулителей. Если этотъ фактъ и имѣлъ какое-либо историческое основаніе, то его надо видѣть въ разсказѣ Плинія, упоминающаго, что были уничтожены кооскія обѣтныя таблицы; но онъ и не думаетъ обвинять въ этомъ Гиппократа.

---

[1]) См. на этотъ счетъ два *введенія* Литтре и Даремберга въ ихъ изданіяхъ Гиппократа.

Нельзя никакимъ образомъ принять, чтобы Гиппократъ бѣжалъ изъ родины, какъ преступникъ. Если бы это дѣйствительно случилось, то какъ бы онъ подъ старость могъ возвратиться въ родной городъ и жить тамъ свободно и спокойно? Вышеприведенныя слова Платона суть прямое, положительное и неопровержимое свидѣтельство, показывающее, что по возвращеніи на Коосъ, божественный старецъ, многоопытный и славный, пользовался всеобщимъ уваженіемъ Греціи и былъ посѣщаемъ многочисленными учениками, которымъ преподавалъ свое искусство въ томъ же храмѣ, гдѣ получилъ его отъ отцовъ.

Въ этихъ словахъ Платона, какъ мы уже говорили, заключается много свѣдѣній. Изъ нихъ узнаемъ, что у кооскихъ асклепіадовъ было въ обычаѣ получать плату за уроки. Этотъ обычай былъ запрещенъ въ кротонской пиѳагорейской школѣ, гдѣ врачебное искусство преподавалось вмѣстѣ съ другими науками, какъ изобильно доказываютъ случаи излеченія и драгоцѣнныя анатомическія открытія, приписываемыя какъ самому Пиѳагору, такъ и многимъ изъ его знаменитыхъ учениковъ, Демокеду, Алкмеону, Павзанію и особенно Эмпедоклу.

Далѣе, когда Платонъ говоритъ, что Гиппократъ могъ бы учиться врачебному искусству у своего тески Гиппократа кооскаго, то онъ не видитъ въ этомъ ничего страннаго или противнаго обычаямъ.

Странно было бы предполагать, что Гиппократъ одинъ создалъ медицину и что до него это искусство не существовало. Даренбергъ, въ 1865 г., въ курсѣ, читанномъ въ *Collège de France*, особенно старался доказать, что занятіе врачебнымъ искусствомъ и сочиненія по этой части существовали въ Греціи задолго до Гиппократа.

Мы уже не разъ упоминали о Демокритѣ Абдерскомъ, котораго Цицеронъ считалъ первѣйшимъ ученымъ древности, какъ по обширности его свѣдѣній, такъ и по возвышенности духа и силѣ мысли. Кювье, оцѣняя труды Демокрита на основаніи небольшихъ отрывковъ, сохраненныхъ древней литературой, говоритъ:

„Онъ тщательно изучилъ организацію множества животныхъ и объяснилъ различіями въ организаціи различія въ нравахъ и привычкахъ животныхъ. Онъ зналъ

желчные пути и участіе желчи въ пищевареніи. Онъ отыскивалъ причины помѣшательства и полагалъ, что она заключается въ поврежденіи внутренностей, желудка,— мнѣніе, державшееся до нашихъ дней [1]."

Демокритъ былъ врачъ. Онъ болѣе двухъ третей своей долгой жизни путешествовалъ съ ученой цѣлью, изучая и примѣняя врачебное искусство.

Сократъ и Платонъ знали врачебное искусство. Тоже надо сказать объ Аристотелѣ и его отцѣ Никомахѣ. Послѣдній, ремесломъ врачъ, по Суидасу, написалъ книгу объ естественной исторіи, безъ сомнѣнія, бывшую для его сына первымъ руководствомъ въ наукахъ, которыя онъ такъ возвысилъ. Никомахъ былъ врачемъ царя македонскаго Аминтаса, и можно думать, что сынъ и наслѣдникъ этого царя, Филиппъ, черезъ него именно узналъ о наставникѣ, годномъ для Александра.

Если мы на время перенесемся изъ собственной Греціи въ Великую Грецію, или южную Италію, мы найдемъ, что тамъ еще процвѣтала знаменитая кротонская школа, которую основалъ Пиѳагоръ, послѣ изгнанія со своей родины Самоса, за сто лѣтъ до рожденія Гиппократа. Пиѳагорейцы въ своихъ изученіяхъ давали большое мѣсто медицинѣ и естественнымъ наукамъ. Разсказываютъ, что когда ихъ товарищество было разогнано, вслѣдствіе народнаго возмущенія, то занимавшіеся врачебнымъ искусствомъ были снова призваны въ Кротонъ; но многіе предпочли остаться въ новомъ избранномъ ими отечествѣ, или даже не избирая постояннаго мѣстожительства, переѣзжать изъ страны въ страну, повсюду, гдѣ слава ихъ знаній обезпечивала имъ хорошій пріемъ. Отсюда, вѣроятно, и названіе этихъ вольныхъ врачей-космополитовъ—*періодевтами* или *странствующими*.

Замѣтимъ, что книдская школа подражала въ этомъ своей соперницѣ, если даже не превзошла ее. Ктезіасъ, бывшій не только искуснымъ врачемъ, но также славнымъ историкомъ, и на котораго также часто, какъ и на Еврифона ссылались книдскіе асклепіады, провелъ семьнадцать лѣтъ у персовъ, будучи врачемъ великаго царя, котораго онъ былъ сперва плѣнникомъ.

---

[1]) Histoire des sciences naturelles, т. I.

Мы вкратцѣ, на основаніи несомнѣнныхъ фактовъ, изложили, что такое было званіе врача у грековъ, въ то время, какъ явился Гиппократъ. Теперь намъ остается изслѣдовать, въ какомъ состояніи находилось въ это время врачебное искусство, ибо только сравнивъ положеніе, въ которомъ онъ засталъ его, съ тѣмъ, до котораго довелъ, мы будемъ въ состояніи дать отчетъ объ истинныхъ заслугахъ Гиппократа въ области науки и рѣшить, какая именно слава подобаетъ ему.

Кто внимательно прослѣдилъ все вышесказанное, тотъ пойметъ, что древніе, называя Гиппократа *отцомъ медицины*, выражались метафорически. Преувеличеніе свойственно восхищенію, но не слѣдуетъ понимать его буквально. Въ наше время, особенно во Франціи, употребленіе этого фигурнаго выраженія до того стало общимъ, что истинное значеніе его извѣстно всякому. *Отцомъ трагедіи* называли поэта, который на столько-же изобрѣлъ трагедію, насколько Гиппократъ врачебное искусство. Это искусство существовало съ незапамятныхъ временъ въ Египтѣ и Греціи; самъ Гиппократъ родился въ семействѣ, гдѣ оно было наслѣдственнымъ занятіемъ, и первыя основанія его пріобрѣлъ отъ дѣда и отца; стало быть, онъ не изобрѣлъ его. Далѣе, мы видѣли, что во времена Гиппократа и даже немного раньше, врачебное искусство уже не было принадлежностью однихъ жрецовъ, что оно перешло къ философамъ и періодевтамъ, которые свободно занимались имъ въ Азіи, Греціи и Италіи. Это столѣтнее существованіе искусства служитъ наилучшимъ доказательствомъ его древности и поступательнаго развитія. Кромѣ того, Гиппократъ жилъ въ одинъ изъ славнѣйшихъ вѣковъ Греціи, и можетъ быть, цѣлаго міра, въ вѣкъ Анаксагора, Демокрита, Сократа, Платона, Зенона Элейскаго, Перикла, Ѳукидида, Еврипида, Аристофана, Фидіаса, Зевксиса и Парразія. Можно ли предполагать, что въ ту эпоху, когда философія, исторія, поэзія, краснорѣчіе, ваяніе и живопись, всѣ духовныя и изящныя искусства достигли такого совершенства, для врачебнаго искусства ничего не было сдѣлано, для искусства, которое раньше другихъ должно было быть порождено нуждою и которое должно предшествовать всякой образованности?

Полагали, что хотя до Иппократа и существовало врачебное искусство, но что оно состояло въ грубомъ эмпиризмѣ, окруженномъ мистическимъ фиглярствомъ и различными предразсудками; и что Гиппократъ заслуживаетъ названіе *отца медицины* за то, что вывелъ ее изъ этого состоянія и своимъ геніемъ возвелъ на степень истой науки. Но такое объясненіе не согласуется съ хорошо-извѣстными фактами. Пиѳагорейцы, философы-врачи, каковъ Демокритъ, конечно, не были пустыми шарлатанами, ограничивавшимися желаніемъ дивить народъ и не объяснявшими самимъ себѣ способовъ леченія, производимаго на основаніи имъ извѣстныхъ старинныхъ рецептовъ. Скорѣе слѣдуетъ принять обратное. Если медицина, составлявшая тогда часть энциклопедической науки, то есть круга наукъ, которыя въ то время обнимала философія, и подвергалась какой-либо опасности, то развѣ тому, что могла быть поглощена метафизическими умствованіями и такимъ образомъ утратить свои отличительныя свойства и начать пренебрегать ежедневнымъ опытомъ, столь способнымъ исправлять ложныя теоріи. Надобно полагать, что во времена Гиппократа, медицина уже подверглась нѣкоторымъ систематическимъ заблужденіямъ въ такомъ родѣ; ибо Гиппократъ положительно говоритъ въ одномъ изъ наиболѣе достовѣрно принадлежащихъ ему сочиненій, въ книгѣ о *Древнемъ врачебномъ искусствѣ*, слѣдующее:

„Никто не можетъ основывать медицины на гипотезѣ, какова бы она ни была; ибо въ медицинѣ есть факты положительные, отъ которыхъ слѣдуетъ исходить предпочтительно передъ всѣми предположеніями".

Слѣдуетъ замѣтить, что послѣдователи *старинной медицины*, о которыхъ говоритъ Гиппократъ, предполагали четыре первичныя качества, которыя, по ихъ мнѣнію, существовали въ тѣлѣ человѣческомъ и, встрѣчаясь въ немъ въ негармоническихъ отношеніяхъ, производили всѣ болѣзни. Эти четыре качества были: *теплое*, *холодное*, *сухое* и *влажное*. Съ этой-то теоріей онъ борется въ вышеприведенномъ мѣстѣ и прибавляетъ:

„Если человѣкъ истощенъ вслѣдствіе дурной діэты, то станете-ли вы лечить его тепломъ и холодомъ, сухостью или влажностью? Нѣтъ, вы станете лечить хорошей діэтой, вовсе не зная, какія качества господствуютъ въ востановляющихъ веще

ствахъ, которыя вы ему предпишете. Далѣе, когда вы прописываете больному какое-нибудь лекарство, то можете-ли вы сказать, что оно только тепло или холодно, или сухо, или влажно, и что оно не обладаетъ другими дѣйствующими свойствами? Итакъ, ясно, что ваша гипотеза въ противорѣчіи съ фактами."

Это сочиненіе Гиппократа о старинной медицинѣ служитъ прямымъ доказательствомъ, что онъ никогда не выдавалъ себя за изобрѣтателя науки, въ которой прославился [1]). Болѣе, Гиппократъ дѣлаетъ очеркъ происхожденія и первыхъ опытовъ врачебнаго искусства, которое онъ постоянно связываетъ съ опытомъ и производитъ первоначально отъ самыхъ простыхъ наблюденій. Славный географъ Страбонъ, говоря объ индійцахъ, замѣчаетъ, что ихъ врачи чаще прибѣгаютъ не къ лекарствамъ, а къ питанію, и Изократъ даетъ понять, что почти тоже было у египтянъ Въ этомъ именно, то есть въ точномъ изученіи питанія первоначальныхъ народовъ Гиппократъ видитъ происхожденіе медицины.

„Онъ показываетъ, говоритъ Литтре, что она имѣетъ аналогіи съ улучшеніемъ, какое произошло въ первоначальномъ питаніи людей въ теченіе столѣтій; затѣмъ онъ излагаетъ, какъ обнаруживаются дурныя дѣйствія пищи въ болѣзняхъ; и, наконецъ, показываетъ, какъ собственно врачебное искусство породилось изъ совокупности дѣйствительныхъ и положительныхъ наблюденій,—искусство, столь прекрасное и полезное, что считали долгомъ освятить его, приписывая открытіе его богу. [2])"

Сдѣлавшій это открытіе (если только одинъ человѣкъ сдѣлалъ это), конечно, былъ такой-же богъ, какъ Гиппократъ *отецъ медицины*; но было бы несправедливо, еслибъ критика стала унижать геніальнаго человѣка за то, что потомство дало ему прозванія болѣе или менѣе преувеличенныя. Его слава можетъ быть очень велика, хотя и нельзя требовать, чтобы она соотвѣтствовала прозваніямъ: *божественнаго, царя врачей. чуда природы, свѣтила, испускающаго всяческій свѣтъ; полярной звѣзды, которую если потеряешь изъ виду, то собьешься съ пути и т. д.;* все это титулы, которые дѣйствительно придавались Гиппократу и о которыхъ Гударъ вспоминаетъ съ нѣкотораго рода него-

[1]) Литтре и Даремберъ справедливо придаютъ большее значеніе этому доказательству существованія медицины до Гиппократа.

[2]) Введеніе къ полнымъ сочиненіямъ Гиппократа.

дованіемъ, по истинѣ достойнымъ сожалѣнія. Это уже излишняя ревность къ ученію Бруссе!

Двѣ книги, изданныя до рожденія Гиппократа, могутъ также служить для изученія состоянія, въ какомъ находилась медицина въ Малой Азіи и собственной Греціи. Изъ этихъ двухъ книгъ первая по времени носитъ заглавіе *Книдскихъ Изрѣченій*; другая *Кооскіе Начатки*, или просто Коаки. *Книдскія Изрѣченія* потеряны, но содержавшееся въ нихъ медицинское леченіе достаточно извѣстно изъ полемики, многочисленные слѣды которой остались въ гиппократовскомъ собраніи. Что касается до Кооскихъ Начатковъ, они пощажены временемъ Полагаютъ, что они написаны, по крайности отчасти, Гиппократомъ I-мъ, дѣдомъ великаго врача. Но этотъ вопросъ не имѣетъ для насъ никакой важности, ибо каждая изъ двухъ соперничавшихъ школъ, выдавая книгу подъ своимъ знаменемъ, очевидно хотѣла придать ему видъ коллективнаго труда. Замѣтимъ мимоходомъ, что это составляетъ новое доказательство, что при жизни Иппократа ни тотъ, ни другой храмъ не былъ сожженъ, ибо поджигатель не могъ быть подвигнутъ на это желаніемъ присвоить себѣ одному науку, которая уже не составляла тайны.

Другое сочиненіе гиппократовскаго собранія, первая книга *Прорретики*, кажется, содержитъ дополненіе медицинскихъ свѣдѣній, указанныхъ въ *Коакахъ*, и состоящихъ въ особенности изъ наблюденій и открытій, сдѣланныхъ въ продолженіи вѣковой практики.

Таковъ былъ первый и богатый источникъ познаній Гиппократа, который, по преданію, сохраненному Страбономъ, упражнялся въ леченіи болѣзней, преимущественно изучая исторіи леченій, которыя хранились въ кооскомъ храмѣ.

Сравнивая самыя вѣроятныя свѣдѣнія, какія только можно имѣть о врачебномъ искусствѣ, какъ оно въ то время изучалось и практиковалось въ двухъ соперничествующихъ Асклепіонахъ, находимъ, что въ кооскомъ храмѣ преимущественно занимались частью прогностической и въ ней, безъ сомнѣнія, болѣе успѣли. Современная медицина не могла бы, можетъ быть, лучше описать признаковъ для распознанія различныхъ фазъ болѣзни, чѣмъ какъ они обозначены въ *Коакахъ*, или находятся въ *Афоризмахъ*, въ которыя заносилъ ихъ Гиппократъ, опредѣляя ихъ порой съ бо́льшею

степенью точности и истины. До этого нельзя-бы было достигнуть, безъ долгаго и дробнаго опытнаго изслѣдованія. Именно на опытѣ и основывали въ Коосѣ врачебное искусство.

Въ Книдѣ руководителемъ также почитали опытъ. Тамъ тщательно наблюдали всѣ явленія, происходящія въ продолженіе болѣзни, и записывали ихъ. Но о результатахъ опыта тамъ разсуждали совершенно иначе. Книдскіе асклепіады въ особенности старались опредѣлять симптомы, схватывать малѣйшіе, отличающіе ихъ другъ отъ друга, оттѣнки; и они считаются особенно искусными въ описаніи болѣзненныхъ явленій. Но такъ какъ, по ихъ мнѣнію, всякій симптомъ долженъ отвѣчать особенной болѣзни, то они принуждены были отличать столько болѣзней, сколько симптомовъ, и вслѣдствіе этого разнообразить способъ леченія и лекарства. Ихъ упрекаютъ въ томъ, что они подверглись многочисленнымъ ошибкамъ и создали въ патологіи множество химерическихъ видовъ. Правда, они могли отвѣчать, и отвѣчали кооскимъ Асклепіадамъ, что наблюденія послѣднихъ, приводящія къ совершенно противоположному результату, должны быть не менѣе обильны ошибками. Дѣйствительно, прогностика, занимавшая такое важное мѣсто въ медицинскомъ преподаваніи въ Коосѣ, прогностика, сдѣлавшаяся столь вѣрной у Гиппократа, основывалась на точной оцѣнкѣ состоянія тѣлесныхъ силъ въ различныхъ фазахъ болѣзни; а такъ какъ почти всѣ болѣзни могутъ, въ своемъ развитіи, одинаково и въ равной степени ослаблять тѣло, то онѣ становятся неразличимыми, слѣдственно равными для глазъ врача, который наконецъ придетъ къ принятію только одной болѣзни. Таково было стремленіе Гиппократа и его школы.

Въ Коосѣ, обобщали, можно даже сказать, отожествляли болѣзни на основаніи тожественности ихъ вліяній на тѣлесныя силы; въ Книдѣ, напротивъ, ихъ приводили къ различнымъ видамъ по различію, наблюдаемому въ ихъ симптомахъ.

Сказать коротко, кооское ученіе было почти тоже, что̀ теперь называется монпельеской школой, а̀ книдское — школой парижской.

Система, которая приходила къ заключенію о единичной болѣзни, не могла вести къ прописыванію множества средствъ. Поэтому Гиппократъ указывалъ немного средствъ, и чаще никакого. Въ этомъ была не только великая обида для кармана аптекарей (ибо

доказано, что они и тогда существовали), но это также приводило въ немалое смущенiе многихъ современныхъ ему врачей.

Кооскiе Асклепiады, обобщая болѣзни и поступая съ осторожностью, въ которой былъ уже зачатокъ выжидающей медицины, приводили старинную науку въ смущенiе небольшимъ числомъ прописываемыхъ ими средствъ; книдскiе же Асклепiады, по причинамъ совершенно противоположнымъ, были великiе *полифармахи*.

Въ обѣихъ школахъ занимались только острыми болѣзнями и ранами. Изъ сближенiя многихъ фактовъ, находящихся въ гиппократовскомъ собранiи, можно заключить, что въ хирургiи книдскiе врачи превосходили своихъ соперниковъ. Ктезiасъ, знаменитый врачъ, о которомъ мы уже упоминали, и который по возвращенiи изъ Персiи, кажется, наслѣдовалъ Еврифону, какъ глава книдской школы, поддерживалъ съ Гиппократомъ споръ, слѣды котораго сохранены Галеномъ въ его *Комментарiи на Трактатъ о сочлененiяхъ*.

„Ктезiасъ, говоритъ онъ, и послѣ Ктезiаса многiе другiе осуждали Гиппократа за вправливанiе кости бедра, и полагали, что немедленно послѣ этого долженъ былъ произойти вывихъ.“

Полемика между обѣими школами должна была начаться при жизни Еврифона, который, будучи немного старше Гиппократа, тѣмъ не менѣе зналъ его, ибо ихъ имена часто противополагались одно другому. Целiй Аврелiанъ, въ своей второй книгѣ о *Хроническихъ болѣзняхъ*, выражается слѣдующимъ образомъ:

„Гиппократъ и Еврифонъ разсматривали кровотеченiе, какъ изверженiе крови, которое, по мнѣнiю одного, производится только венами, а по мнѣнiю другаго, и венами, и артерiями.

На основанiи этихъ словъ полагали, что Гиппократъ не зналъ разницы между артерiями и венами. Такой выводъ не покажется натянутымъ, если припомнимъ, что знаменитый кооскiй врачъ нигдѣ не обнаруживаетъ точнаго знанiя сосудистой системы, что, говоря о мышцахъ, онъ всегда употребляетъ слово *мясо*, что онъ безпрерывно смѣшиваетъ нервы съ тяжами, связками, порой даже съ венами. Далѣе, Гиппократъ не лучше изучилъ внутренности человѣческаго тѣла, ибо полагалъ, что мальчики зарождаются въ

правой сторонѣ матки, а дѣвочки въ лѣвой, и принималъ существованіе сѣмяныхъ долей въ этомъ органѣ.

Въ коосскомъ асклепіонѣ не разсѣкали животныхъ, но трудно предположить, чтобы человѣкъ, учившійся у Демокрита, никогда не занимался разсѣченіемъ. Гиппократъ необходимо долженъ былъ узнать кое-что объ этомъ въ гимназіи Иродика, ибо его остеологія вообще точна. Но этимъ и ограничивались анатомическія свѣдѣнія Гиппократа.

Упомянувши объ Иродикѣ, скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ славномъ гимназіархѣ. Во всѣ времена, различные народы Греціи приписывали великую важность подвижности и силѣ тѣла. Упражненія, способствующія развитію этихъ качествъ, составляли часть общественнаго воспитанія. Ими занимались въ такъ называемыхъ *гимназіяхъ*, — названіе позднѣе придаваемое и грамматическимъ и философскимъ школамъ. Въ началѣ, цѣлью такого установленія было образовать сильныхъ солдатъ, искусныхъ въ сраженіяхъ и выносливыхъ въ трудахъ, и, въ видѣ исключенія, атлетовъ для олимпійскихъ игръ. Но такъ какъ при гимнастическихъ упражненіяхъ раны, вывихи и переломы — случаи довольно нерѣдкіе, то слѣдовало умѣть вылечивать ихъ на мѣстѣ, или по меньшей мѣрѣ, подавать первую помощь. Поэтому *гимназіархамъ*, или начальникамъ гимназій, было нужно знать хирургію. Нѣкоторые изъ нихъ становились хорошими врачами, потому что имѣли случай наблюдать благодѣтельныя вліянія, оказываемыя правильно употребляемыми упражненіями или діэтой, не только на тѣлесную силу, но и на здоровье. Такъ два гимназіарха, Иккосъ тарентскій въ Великой Греціи и Иродикъ въ Аѳинахъ, прославились въ врачебномъ искусствѣ. Объ обоихъ упоминается у Платона, который слѣдующее говоритъ объ учителѣ Гиппократа.

„Иродикъ былъ учредителемъ гимназіи, и, по случаю своей болѣзни, смѣшавъ гимнастику съ врачебнымъ искусствомъ, сперва жестоко мучилъ самого себя, а потомъ и многихъ другихъ... Слѣдя за болѣзнію, которая была смертельна, онъ, хотя и не могъ вылечить себя, однакожъ, ничѣмъ не занимаясь и лечась всю жизнь, жилъ въ мученіяхъ, какъ бы не отступить отъ принятой діэты, и подъ руководствомъ мудрости, борясь со смертью, дожилъ до позднихъ лѣтъ [1]).“

---

[1]) Политика, или государство. Стр. 180 русскаго перевода III части сочиненій Платона.

Итакъ, источниками, изъ коихъ Гиппократъ могъ черпать свои знанія во врачебномъ искусствѣ были: преданія Асклепіадовъ, философскія ученія и практика гимназіарховъ. Его слава состоитъ въ томъ, что онъ при помощи разумнаго эклектизма взялъ отовсюду именно тѣ данныя, кои подтверждались опытомъ, нашелъ между ними связь и воспользовался ими для построенія обширной медицинской системы, въ которой практическая наука всегда тѣсно связана съ философіей.

Мнѣніе, что Гиппократъ внесъ въ медицину философскій духъ, покажется противорѣчивымъ, если принимать за несомнѣнное слова Кельсія, который говоритъ: „Гиппократъ первый отдѣлилъ медицину отъ философіи.“ Но эти два положенія легко согласить. Славный Асклепіадъ постоянно принималъ наблюденія за исходную точку своихъ изслѣдованій, отвергая à priori всякую гипотезу или догматъ. Но порядокъ, которому онъ слѣдовалъ въ своихъ наблюденіяхъ, умѣнье находить между ними соотношеніе и особенно выводить изъ нихъ общіе результаты, — заслуживаютъ ему названіе философа; ибо онъ такимъ образомъ устанавливалъ врачебное искусство на разумныхъ основаніяхъ, выводя его изъ опыта и требуя, чтобы точкою его опоры были постоянно факты. Но онъ не принималъ и не терпѣлъ, чтобы современная ему философія предписывала врачебному искусству доктрины и способы, выведенные изъ началъ, часто мнимыхъ. Во времена Гиппократа сотнями считались сочиненія, написанныя философами различныхъ школъ о физикѣ, физіологіи и космологіи. Понятно, что сколько школъ, столько же было и различныхъ медицинскихъ системъ. Одна изъ заслугъ Гиппократа заключается въ томъ, что онъ отвергнулъ эти безплодныя гипотезы и привелъ врачебное искусство къ опытному изслѣдованію.

Вотъ какимъ образомъ, хотя можетъ быть не первый, но яснѣе и рѣзче другихъ врачей, Гиппократъ, будучи самъ философомъ, отдѣлилъ, по выраженію Галена, медицину отъ философіи.

Ксенофанъ, основатель элейской школы, которая славилась въ Великой Греціи, не смотря на существованіе школы кротонской, принималъ за исходную точку, что многообразіе нигдѣ не существуетъ, и что все въ природѣ сводится къ абсолютному единству. Гиппократъ съ медицинской точки зрѣнія опровергалъ по-

добную систему, которой Ксенократъ подчинялъ и физіологію. Онъ прекрасно замѣчаетъ, что въ частности если-бъ человѣкъ былъ образованъ одной только стихіей, то не испытывалъ бы боли и даже не подвергался бы никакимъ болѣзненнымъ припадкамъ.

Кооскій врачъ принималъ въ природѣ четыре элемента, и въ тѣлѣ животныхъ четыре влаги: кровь, слизь (флегму), желчь и черную желчь (меланхолію). Всѣ болѣзни онъ производилъ отъ нарушенія равновѣсія, или недостатка въ относительныхъ количествахъ этихъ влагъ. Далѣе, кажется, онъ установилъ разницу между четырьмя стихіями и четырьмя стихійными свойствами: теплотой, холодомъ, сухостью и влажностью, которымъ, какъ мы видѣли, онъ давалъ мало вѣса въ сочиненіи о *Древней Медицинѣ*. Эта гипотеза о четырехъ стихійныхъ качествахъ господствовала уже давно; она находится уже въ физикѣ Эмпедокла. Быть можетъ, этотъ послѣдній философъ только измѣнилъ нѣсколько теорію о четырехъ стихіяхъ, принимаемую кротонскими пиѳагорейцами, у которыхъ онъ учился. Словомъ, эти стихіи: воздухъ, огонь, земля и вода, суть тѣже, о которыхъ говорилось въ физикѣ до половины восемнадцатаго столѣтія.

Дарембергъ видитъ начало ученія о четырехъ влагахъ въ іонійской физіологіи. Стало быть она существовала раньше самаго Эмпедокла. Слѣдовательно, Гиппократъ не вывелъ ея изъ непосредственнаго наблюденія, равно какъ и ученіе о четырехъ стихіяхъ.

У Гиппократа ученіе о влагахъ содержитъ патогенію, которую вкратцѣ можно изложить слѣдующимъ образомъ. Надлежащая смѣсь влагъ производитъ *тѣлосложеніе*, отъ чего зависитъ здоровье. Но если смѣсь эта существуетъ не въ надлежащихъ отношеніяхъ, то въ организмѣ являются разстройства, вслѣдствіе усилій природы изгнать причиняющее болѣзнь вещество. Такимъ образомъ объясняемая болѣзнь имѣетъ три слѣдующіе періода: *несваримость*, *свареніе* и *переломъ* (кризисъ). Первый періодъ, или несваримость, длится дотолѣ, пока ничто замѣтнымъ образомъ не улучшается въ состояніи влагъ; свареніе характеризуется выработываніемъ, которое мало по малу уничтожаетъ ихъ вредныя качества; переломъ есть разрѣшеніе, признакомъ и причиною котораго бываютъ испражненія, совершающіеся черезъ естественныя пути, и иногда путями необычными.

Каково бы ни было достоинство этой патогеніи, она требовала отъ врача способности, которой обладалъ Гиппократъ, и которую мы охотно назовемъ отгадываніемъ. Дарембергъ, на основаніи самого Гиппократа называетъ эту способность *прогнозой* (предвѣщаніемъ). Мы уже говорили, до какой степени Асклепіады, предки и учители Гиппократа, славились прогнозой, но гиппократовская прогноза была нѣчто болѣе и обнаруживала огромное философское развитіе кооской системы. Происходя отъ опыта и наблюденій, произведенныхъ съ великимъ тщаніемъ, за ходомъ болѣзней, прогноза сразу указывала на прошедшее, настоящее и будущее, и не останавливалась только на признакахъ, по которымъ можно судить о счастливомъ или плачевномъ исходѣ болѣзни. Съ прогнозой въ необходимой связи была терапевтика, которая предписывала не столько прямо дѣйствовать на болѣзнь, сколько наблюдать за работой природы, чтобы направлять ее и помогать ей въ ея цѣлительныхъ дѣйствіяхъ. Такъ поступалъ и Гиппократъ; хотя онъ давалъ мало лекарствъ, но онъ вовсе не былъ коснымъ наблюдателемъ (какъ утверждали), изъ любознательности слѣдящимъ за различными фазами болѣзни. На основаніи предвидѣнія (которымъ онъ обладалъ, или которое предполагалъ въ себѣ) Гиппократъ узнавалъ, что́ именно произойдетъ въ данномъ случаѣ, и давалъ то или другое средство. Но слѣдуя медицинской системѣ, вполнѣ связанной во всѣхъ ея частяхъ, онъ не могъ, подобно эмпирикамъ, испытывать опасныхъ средствъ, ни прибѣгать къ опытамъ, произвольно придуманнымъ.

Чтобы получить совершенное понятіе объ этой особенности гиппократова генія, слѣдуетъ прочесть первую и третью книги о *Повѣтріяхъ*, которыя несомнѣнно принадлежатъ ему.

„Частныя исторіи болѣзней, находящіяся въ нихъ, говоритъ Дарембергъ, разсказаны по *прогностической* системѣ. Многіе выхваляли ихъ достоинства; Литтрѐ первый придалъ имъ должное значеніе, показавъ ихъ настоящій характеръ. Онѣ не заключаютъ, онѣ и не должны были заключать ничего, кромѣ указанія общихъ причинъ, критическихъ или некритическихъ изверженій, признаковъ свареніа или несваримости; такимъ образомъ, частная болѣзнь исчезаетъ и является общая картина страданій и плодоносныхъ или безполезныхъ усилій природы."

Дѣлать отвлеченіе отъ частной болѣзни для того, чтобы представить общую картину страданія, еще не значитъ проповѣды-

вать единичность болѣзни, въ чемъ нѣкоторые упрекали Гиппократа; для этого стоитъ припомнить приведенный нами отрывокъ объ элейской школѣ, заключающій въ себѣ критику всѣхъ сектъ, старавшихся подвести всѣ болѣзни подъ одну или двѣ причины. Гиппократъ вовсе не отрицаетъ множественности болѣзненныхъ родовъ, но принимаетъ этихъ родовъ гораздо меньше противъ книдскихъ Асклепіадовъ. И онъ признаетъ частныя болѣзни, но утверждаетъ, что особенности, отличающія ихъ въ началѣ, въ извѣстный моментъ ихъ развитія переходятъ въ общее для всѣхъ патологическое состояніе. Таково именно ученіе Гиппократа.

Все въ связи въ его ученіи, а потому неудивительно, если *діэтетика*, которою до него пренебрегали, сдѣлалась у него новой наукой, связанной съ двойной теоріей о четырехъ стихіяхъ и четырехъ влагахъ. „Гиппократъ, говоритъ Литтре́, былъ не чуждъ ученія, сравнивавшаго человѣка съ міромъ, микрокосмъ съ макрокосмомъ.“ Онъ не только не разсматривалъ человѣка какъ существо уединенное отъ внѣшнихъ вліяній, но приписывалъ этимъ вліяніямъ весьма многое, какъ въ здоровьѣ, такъ и въ болѣзни, и изучилъ, лучше чѣмъ кто либо раньше его, дѣйствія, производимыя на тѣло питаніемъ, образомъ жизни, жилищемъ, словомъ, тѣмъ, что нынѣ называютъ средой. Подъ именемъ питанія, онъ разумѣетъ не только собственно пищу, но все, что́ способствуетъ питанію, стало быть, и воду и воздухъ. Такимъ образомъ онъ разъясняетъ и пополняетъ мысль, выраженную еще въ *Древней Медицинѣ*, что врачебное искусство представляетъ большія аналогіи съ улучшеніями, внесенными вѣковымъ опытомъ въ первичное питаніе людей.

Слѣдуетъ прочесть самое законченное и самое лучшее изъ сочиненій Гиппократа, его трактатъ о *Воздухахъ*, *Водахъ* и *Мѣстахъ*, чтобы узнать, сколько правдиваго и глубокаго говоритъ онъ о вліяніи внѣшняго міра на органическія существа; вліяніи тѣмъ сильнѣйшемъ, что оно обнаруживается постоянно. Гиппократъ приписываетъ ему дѣйствіе не только на здоровье или болѣзнь, но также на физическое устройство людей и на расположеніе ихъ духа. Онъ говоритъ также о временахъ года и климатахъ, которые суть какъ бы непрестанныя времена года, и сказанное имъ составляетъ первую мысль о томъ, что́ теперь называется медицинскимъ

характеромъ страны. Возрасты суть времена года человѣческой жизни и составляютъ для него источникъ особенныхъ болѣзней, подобныхъ тѣмъ, которыя происходятъ отъ климатовъ и настоящихъ временъ года.

„Это уподобленіе, говоритъ Литтрè, опирается на одну изъ главныхъ теорій Гиппократа. По его мнѣнію, человѣческое тѣло проникнуто теплотой, называемою имъ *врожденной*, которой наибольшее количество бываетъ въ дѣтствѣ и которая въ продолженіе жизни безпрерывно умаляется, до старости, когда достигаетъ минимума."

Эта *врожденная* теплота, или этотъ жизненный духъ, безъ сомнѣнія, есть источникъ той цѣлебной природы, на которую такъ полагался Гиппократъ. Итакъ, *археи*, которые позже играли такую великую роль въ медицинѣ, весьма древняго происхожденія.

Итакъ, четыре стихіи, въ коихъ заключаются также всѣ вещества пищи и питанія, дѣйствіе, болѣе или менѣе благодѣтельное, болѣе или менѣе вредное этихъ четырехъ стихій на качество четырехъ влагъ—такова, по Гиппократу, единственная и совершенно внѣшняя причина здоровья и болѣзни. Это-то дѣйствіе и должны постоянно умѣрять діэтетическія правила, предписывая въ особенности родъ пищи, ибо единственно этимъ врачъ можетъ управлять по произволу.

Многія медицинскія школы признаютъ удивительною, и многія досихъ поръ, почти безъ ограниченія, принимаютъ эту систему, въ которой діэтетика выводится изъ той-же патогеніи, какъ и терапевтика.

Мы видѣли, что у Гиппократа причины болѣзней были совершенно внѣшнія; поэтому его *этіологія*, то есть наука о причинахъ болѣзней, весьма недостаточна съ современной точки зрѣнія. Но простаго разсужденія достаточно, чтобы убѣдиться, что этіологія Гиппократа для своего времени была наилучшей, принимая во вниманіе малое развитіе физіологическихъ наукъ въ то время. Заслуга Гиппократа заключается въ томъ, что онъ первый ясно и глубоко взглянулъ на причины болѣзней. Но онъ не могъ знать всѣхъ причинъ, напр., при зачаточномъ состояніи анатоміи, не могъ знать тѣхъ, которыя зависятъ отъ расположенія нашихъ внутреннихъ органовъ. Онъ могъ имѣть только весьма темныя понятія объ отправленіяхъ нервной системы, какъ потому, что постоянно смѣшивалъ нервы съ тяжами и венами, такъ и потому,

что тогда ничего не было извѣстно объ электричествѣ, да не только тогда, но еще нѣсколько вѣковъ послѣ.

Другая причина этіологическихъ ошибокъ Гиппократа въ томъ, что онъ не зналъ кровообращенія, которое было открыто Гарвеемъ только въ семьнадцатомъ столѣтіи. Гиппократъ зналъ о *движеніи* крови, но полагалъ, что это простой приливъ и отливъ жидкости въ самихъ сосудахъ. Но это еще не *кровообращеніе* въ нашемъ смыслѣ. Аристотель, который, говоря о медицинѣ, всегда руководствуется Гиппократомъ, также упоминаетъ объ этомъ движеніи крови; повидимому онъ болѣе своихъ современниковъ приближался къ истинному пониманію этого явленія.

Не смотря на это, Гиппократъ сдѣлалъ весьма точное описаніе сердца. Замѣтимъ по этому случаю, что если за исключеніемъ остеологіи, Гиппократъ имѣлъ отрывочныя и неполныя понятія объ анатоміи, то тѣмъ не менѣе онъ зналъ отлично все, чтó лично наблюдалъ, и умѣлъ передать съ великою вѣрностью свои наблюденія.

Въ Гиппократѣ замѣчательно еще желаніе показать и внушить, какъ необходимы высокія нравственныя достоинства для людей, занимающихся врачебнымъ искусствомъ. Часто приводится клятва, которую онъ заставлялъ принимать своихъ учениковъ передъ поступленіемъ; почти такую же клятву даютъ молодые врачи доселѣ во Франціи и Россіи.

„Клянусь Аполлономъ-цѣлителемъ, Эскулапомъ, Гигеей и Панацеей; беру въ свидѣтели всѣхъ боговъ и богинь, что вѣрно исполню, на сколько будетъ зависѣть отъ моихъ силъ и разумѣнія, слѣдующее писанное клятвенное обязательство:

„Почитать научившаго меня врачебному искусству наравнѣ съ родителями, пещись объ его пропитаніи, раздѣлить съ нимъ, въ случаѣ нужды, мое имущество, считать его дѣтей за родныхъ братьевъ, и научить ихъ, если они пожелаютъ, врачебному искусству безвозмездно и безобязательно; не передавать общихъ свѣдѣній, изустныхъ уроковъ и всѣхъ остальныхъ свѣдѣній никому иному, кромѣ моихъ дѣтей, дѣтей моего учителя и учениковъ, которые вступятъ въ общество и покинутся на основаніи врачебнаго устава. По мѣрѣ моихъ силъ и разумѣнія, я буду помогать больнымъ, избѣгая всего, чтó можетъ причинить имъ вредъ или убытокъ. Никогда никому я не дамъ смертельнаго лекарства, какое-бы вознагражденіе мнѣ за это не предлагали; никогда я не подамъ подобнаго совѣта... Я буду хранить свою жизнь и искусство чистыми и непорочными. Никогда не стану вырѣзать мочевыхъ камней, и больныхъ ими буду отсылать къ тѣмъ, кто спеціально занимается этимъ дѣломъ. Куда-бы меня ни позвали, буду имѣть цѣлью только пользовать больныхъ, удаляясь отъ всякой вольной и соблазнительной неправды... О всемъ, что будетъ мною видено и слышано, какъ при исполненіи леченія, такъ и внѣ моихъ обязанно-

стей въ сношеніяхъ съ людьми, и о чемъ не слѣдуетъ разглашать, я буду молчать, считая за ненарушимую тайну."

Дарембергъ говоритъ слѣдующее въ *Введеніи къ Избраннымъ сочиненіямъ Гиппократа:*

„Гиппократъ особенно замѣчателенъ высокимъ мнѣніемъ о медицинѣ, ея значеніи, трудностяхъ, цѣли, а также непрестанной заботой о достоинствѣ врача, живымъ чувствомъ обязанностей, глубокимъ отвращеніемъ ко всѣмъ, кладущимъ пятно на врачебное искусство своимъ шарлатанствомъ, или неумѣньемъ; — наконецъ непрестанной заботливостью о выздоровленіи, или, по меньшей мѣрѣ, облегченіи больныхъ

„Въ своемъ сочиненіи *о Діэтѣ въ острыхъ болѣзняхъ* Гиппократъ говоритъ, что слѣдуетъ прилагать умъ ко всѣмъ частямъ искусства и что медицина постоянно должна стремиться къ лучшему. Въ этомъ-же сочиненіи онъ сильно вооружается противъ врачей, которые противорѣчатъ самимъ себѣ въ предписаніяхъ и такимъ образомъ до того унижаютъ свое искусство въ глазахъ необразованныхъ людей, что тѣ начинаютъ думать, что медицины вовсе нѣтъ, или сравнивать ее съ искусствомъ отгадыванія.

„Въ сочиненіи *о Сочлененіяхъ* находится слѣдующее замѣчательное мѣсто, равно приложимое какъ къ его, такъ и къ нашему времени: „Когда есть нѣсколько способовъ, то слѣдуетъ выбрать самый простой; кто не желаетъ пустить пыли въ глаза невѣждѣ излишними фокусами, тотъ чувствуетъ, что такъ именно долженъ поступать человѣкъ честный и настоящій врачъ". Онъ осмѣиваетъ шарлатановъ, которые необычными пріемами стараются скрыть свое невѣжество и заботятся не о томъ, чтобы вылечить больнаго, а о томъ, чтобы увлечь толпу.

„Въ первой книгѣ *о Повѣтріяхъ*, онъ говоритъ, что въ болѣзняхъ можно сдѣлать двѣ вещи: „облегчить, или же не повредить; что во врачебномъ искусствѣ участвуютъ три члена: болѣзнь, больной и врачъ; что врачъ есть служитель искусства и что больной долженъ помогать врачу побѣдить болѣзнь."

„Въ сочиненіи *о Прогностикѣ*, Гиппократъ совѣтуетъ врачамъ пріобрѣтать довѣріе и уваженіе внимательнымъ осмотромъ и опросомъ больнаго, а также вѣрностью своей прогностики. Въ шестой книгѣ *о Повѣтріяхъ* (Часть V, отд. 4, § 7, стр. 308) говорится, что врачъ долженъ быть учтивъ и ласковъ съ больными, а также заботиться о своей наружности, чтобы нравиться кліентамъ. Въ сочиненіи о *Воздухахъ*, *Водахъ и Мѣстахъ* (§ 1), Гиппократъ говоритъ, что врачъ, прибывъ въ городъ, долженъ собрать всѣ данныя, могущія уяснить природу и способъ леченія болѣзней, которыя представятся его наблюденію. Въ *Клятвенномъ Обѣщаніи* онъ прекрасно говоритъ объ обязанностяхъ врача относительно своихъ наставниковъ въ искусствѣ, о непорочности въ жизни, о необходимыхъ для него скромности и сдержанности по отношенію къ больнымъ, о заботливости удалять все, что имъ можетъ повредить. Наконецъ великолѣпное разсужденіе, которымъ начинается книга *Афоризмовъ*, въ геніально-краткомъ изложеніи выражаетъ глубокія мысли, которыя питалъ косскій старецъ на счетъ объема искусства, его трудностей, средствъ и выполненія.

„Въ Гиппократѣ соединилась огромная медицинская опытность съ великимъ знаніемъ людей; онъ былъ знатокомъ не только медицины, но и философіи, и соединялъ благородство характера съ глубиной ума; если онъ не боится обличать своихъ со-

братій, то въ тоже время не боится сознаваться въ своихъ ошибкахъ и указывать на ихъ источникъ, дабы другіе врачи не подвергались тому же."

Неизвѣстно, ни когда, ни какъ умеръ Гиппократъ. По Сорану, онъ умеръ и погребенъ въ городѣ Ларисcѣ, въ Өессаліи.

Точно также неизвѣстно, долго-ли онъ жилъ. Одни говорятъ — восемьдесятъ пять лѣтъ, другіе девяносто, нѣкоторые сто девять.

Хотя Гиппократъ, вѣроятно, умеръ въ глубокой старости, но все таки эти цифры преувеличены. Доказательство этому, что Плиній и Лукіанъ, составляя списокъ людей замѣчательныхъ своей долговѣчностью, не внесли въ него Гиппократа; между тѣмъ въ немъ находится Платонъ, жившій не болѣе восьмидесяти лѣтъ, и даже философъ Демокритъ и софистъ Горгіасъ, учителя Гиппократа. Правда, такой пропускъ можно объяснить предположеніемъ, что Плиній и Лукіанъ, жившіе спустя нѣсколько вѣковъ по смерти Гиппократа, также какъ и мы, не знали навѣрное, долго-ли онъ прожилъ.

Впрочемъ такая неизвѣстность не помѣшала народному воображенію составить нѣкоторую легенду. Разсказывали, что долго по смерти Гиппократа рой пчелъ слагалъ медъ на его гробѣ, и что матери находили, что этотъ медъ весьма помогаетъ противъ молочницы грудныхъ дѣтей.

Древніе изображали Гиппократа обыкновенно съ шапкой на головѣ, или съ головою, покрытою складками плаща. Но ни одно изъ этихъ изображеній не было сдѣлано съ оригинала; всѣ позднѣйшаго происхожденія. Но они вѣрно представляютъ традиціонный типъ; въ началѣ настоящей главы читатели найдутъ снимокъ съ бюста, находящагося въ *луврскомъ музеѣ древностей*.

Долгое время не было ничего положительно извѣстно насчетъ подлинности многочисленныхъ книгъ, составляющихъ *гиппократовское собраніе*. Можетъ показаться страннымъ, что о человѣкѣ, своею славой, черезъ сто лѣтъ по смерти, затмившемъ славу всѣхъ медицинскихъ знаменитостей, не осталось въ сочиненіяхъ его современниковъ положительныхъ свидѣтельствъ, на основаніи коихъ утвердительно можно бы сказать, какія именно сочиненія принадлежатъ ему. Но перенесемся во время, когда жилъ Гиппократъ. Въ то время книги были рѣдки, дороги и находились только у

нѣкоторыхъ богачей. Можно также предположить, что многія сочиненія великаго врача были написаны только для него самаго и учениковъ, потому что представляютъ просто замѣтки, набросанныя безъ всякаго порядка, и не имѣютъ тѣхъ отличительныхъ свойствъ, по которымъ узнаются книги, назначенныя для публики.

Какъ-бы то ни было, прошло сто лѣтъ и ни одинъ писатель за это время не упоминаетъ о сочиненіяхъ Гиппократа, — косвенное, но убѣдительное доказательство, что въ то время и не думали собирать ихъ Что произошло въ этотъ долгій промежутокъ? Александръ покорилъ Персію. Литературныя богатства, привезенныя изъ Азіи, породили вкусъ къ книгамъ и обусловили образованіе первыхъ общественныхъ книгохранилищъ, по образцу аристотелева. Съ этого времени цари-преемники Александра наперерывъ скупаютъ рукописи. Книги, ставши предметомъ торговли и спекуляціи, со всѣхъ сторонъ стекаются въ Пергамъ и Александрію. Въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ появилось наконецъ *Собраніе иппократовыхъ сочиненій.*

Безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ подлиными сочиненіями Гиппократа находились и такія, которыя были измѣнены, искажены другими, или снабжены вставками. Сочиненія учителя смѣшивались съ трудами учениковъ и даже съ произведеніями писателей соперничествующей школы. Это было замѣчено александрійскими учеными и они стали приводить собраніе въ порядокъ. Благодаря ихъ совершенному знанію греческихъ нарѣчій, они положительно могли опредѣлить подлинныя сочиненія кооскаго врача. Эти сочиненія были помѣщены отдѣльно, на особой полкѣ, и поэтому стали называться *Сочиненіями малой полки.*

Послѣ александрійскихъ ученыхъ, писатель Эроціанъ съ успѣхомъ занимался повѣркой сочиненій Гиппократа. Но позже, другіе также исправляли, сокращали и распространяли эти сочиненія, руководясь своими соображеніями.

Галенъ, разсказывающій про это и имѣвшій предъ глазами всѣ древнія и новыя изданія, съ великимъ тщаніемъ повсюду, гдѣ могъ, возстановлялъ текстъ Гиппократа. Къ сожалѣнію, наука философской критики была почти неизвѣстна древнимъ. А потому всѣ усилія пергамскаго врача только пролили нѣкоторый свѣтъ

на хаосъ гиппократовскаго собранія. Принятый имъ текстъ мало отличается отъ текста нашихъ рукописей, которыя въ свою очередь воспроизводятся обыкновенными изданіями. Галенъ оставилъ, къ сожалѣнію, безъ рѣшенія важный вопросъ о подлинности гиппократовыхъ сочиненій.

Въ наше время, этотъ вопросъ если не окончательно рѣшенъ, то сильно разъясненъ Литтре́, ученымъ переводчикомъ сочиненій Гиппократа.

Литтре́ успѣлъ въ этомъ трудномъ предпріятіи вслѣдствіе глубокаго изученія текстовъ. Сравнивая добытыя изъ этого изученія свѣдѣнія съ древними свидѣтельствами о Гиппократѣ, онъ пришелъ къ установленію классификаціи, въ которой гиппократовское собраніе раздѣлено на нѣсколько совершенно различныхъ группъ. Правила, которымъ слѣдовалъ Литтре́ въ этой классификаціи, показались намъ до того справедливыми и остроумными, что могутъ быть приложены ко всякимъ спорнымъ ученымъ вопросамъ. Вотъ они:

„Первое правило: основываться на прямыхъ свидѣтельствахъ, то есть на предшествовавшихъ основанію общественныхъ книгохранилищъ въ Александріи. Второе извлекается изъ согласія древнихъ критиковъ. Это согласіе, по причинѣ документовъ, которыми владѣли древніе критики, весьма важно и заслуживаетъ великаго вниманія со стороны новѣйшихъ критиковъ. Третье заключается въ примѣненіи извѣстныхъ ступеней въ исторіи медицины, ступеней, которыя опредѣляютъ время, и слѣдовательно даютъ положительное опредѣленіе. Четвертое проистекаетъ изъ согласія, представляемаго ученіями, изъ сходства сочиненій и изъ особенностей слога.“

На такихъ основаніяхъ, Литтре́ раздѣлилъ гиппократовское собраніе на слѣдующіе одиннадцать классовъ:

Первый классъ. Сочиненія Гиппократа: *О древней Медицинѣ; — Прогностика; — Афоризмы; — Повѣтрія, I-ая и III-я кн.; Діэта въ острыхъ болѣзняхъ; — о Воздухахъ, Водахъ и Мѣстахъ; — о Ранахъ головы; — Сочлененія; — Вывихи, — Орудія для вправленія костей; — о Венахъ; — Клятвенное Обѣщаніе; — Законъ.*

Второй классъ. Сочиненія Полибія, зятя и ученика Гиппократова: *о Природѣ человѣка; — Діэта здоровыхъ.*

Третій классъ: Сочиненія, предшествовавшія Гиппократу: *Косскія Начатки; 1-ая книга Прорретики.*

Четвертый классъ: Сочиненія кооской школы, современниковъ или учениковъ Гиппократа: *Нарывы, Фистулы и Геморроиды; — о Священной болѣзни; — о Воздухахъ; — объ Областяхъ человѣческаго тѣла; — объ Искусствѣ; — о Снахъ; — о Болѣзненныхъ припадкахъ; — о Внутреннихъ болѣзненныхъ припадкахъ;— о Болѣзняхъ, I-ая, II-ая и III-я книги; — о Рожденіи на восьмомъ мѣсяцѣ; — о Рожденіи на девятомъ мѣсяцѣ.*

Пятый классъ. Извлеченія или замѣтки: *Повѣтрія, II, IV, V, VI и VII книги; — объ Аптекарской лабораторіи; — о Мокротахъ; — объ Употребленіи жидкостей.*

Шестой классъ. Сочиненія, принадлежащія одному и тому же автору и образующія особый рядъ въ собраніи: *о Рожденіи;—о Природѣ дитяти; — о Болѣзняхъ, IV-ая книга; — о Женскихъ болѣзняхъ; — о Дѣвичьихъ болѣзняхъ; — о Безплодныхъ женщинахъ.*

Седьмой классъ. Сочиненіе, принадлежащее, можетъ быть, Леофану: *о Вторичномъ обеременѣніи.*

Восьмой классъ. Сочиненія, которыя слѣдуетъ признать позднѣйшими, или потому что въ нихъ заключаются свѣдѣнія о пульсѣ, или потому, что принимается система Аристотеля о происхожденіи кровеносныхъ сосудовъ въ сердцѣ, или потому, что признаются позднѣйшими древними критиками: *О Снахъ; о Питаніи; о Мясѣ; Прорретика, II-я книга; о Желѣзахъ;* отрывокъ, заключающій въ компиляціи, озаглавленной: *о Природѣ костей.*

Девятый классъ. Сочиненія, отрывки или компиляціи, о коихъ не упоминаютъ древніе критики: — *о Медицинѣ; — О честномъ поведеніи; — о Наставленіяхъ; — объ Анатоміи; — о Прорѣзываніи зубовъ; — о Природѣ женщины; — о Вырѣзаніи зародыша; — о Зрѣніи;—8-й отдѣлъ Афоризмовъ; — о Природѣ костей; — о Переломахъ болѣзни; — о Дняхъ кризиса; — о Слабительныхъ.*

Десятый классъ. Списокъ потерянныхъ сочиненій: *объ Опасныхъ ранахъ;—объ Ушибахъ и Ранахъ; — 1-ая книга о Болѣзняхъ* (тоже, что сочиненіе о *Недѣляхъ.*)

Одиннадцатый классъ. Апокрифы: *Письма и Рѣчи.*

Дарембергъ принужденъ былъ послѣ особенныхъ розысканій и изученій нѣсколько измѣнить раздѣленіе Литтре. Мы очитаемъ необходимымъ указать разность этихъ классификацій по отношенію къ сочиненіямъ Гиппократа. Вотъ какъ раздѣляетъ ихъ Дарембергъ

Первый классъ. Сочиненія, которыя *навѣрно* принадлежатъ Гиппократу, ибо приписываются ему современниками: — *Сочлененія*; — *Вывихи.*

Второй классъ. Сочиненія *почти навѣрно* Гиппократовы: *Афоризмы*; — *Прогностика;* — *Діэта въ острыхъ болѣзняхъ*; — *о Воздухахъ, Водахъ и Мѣстахъ;* — *Головныя язвы;* — *Мохлика* (такъ вообще называются орудія для вправленія костей); — *Аптекарская Лабораторія;* — *Древняя Медицина.*

Между этими измѣненіями, которыя въ сущности немногое исключаютъ изъ сочиненій Гиппократа, самое важное сдѣлано въ четвертомъ классѣ; Дарембергъ приписываетъ слѣдующія четыре сочиненія книдской школѣ, о которой Литтрѐ даже не упоминаетъ въ своей классификаціи: *О внутреннихъ болѣзненныхъ припадкахъ*; — *II ую и III-ю книги о Болѣзняхъ; Діэту здоровыхъ*; — *о Желѣзахъ.*

Лучшія изданія полныхъ сочиненій Гиппократа суть: Меркуріали (греческо-латинское, 1587, Венеція); Ануція Фоэса (греческо-латинское, 1596, Франкфуртъ); Литтрѐ (греческо-французское, Парижъ) [1].

Дарембергъ издалъ для студентовъ медицины *Избранныя сочиненія Иппократа*, въ одномъ томѣ, въ 8° [2]).

Въ заключеніе скажемъ о происшествіи, которое въ послѣднее время произвело нѣкоторое волненіе между почитателями памяти коосскаго врача. Мы говоримъ о мнимомъ открытіи Гиппократовой гробницы.

На основаніи свидѣтельства Сорана, какъ мы уже упоминали принимаютъ, что Гиппократъ умеръ и былъ погребенъ въ Ларисеѣ, въ Ѳессаліи. Различные историки медицины принимали это. До сихъ поръ еще преданіе, сохранившееся въ Ѳессаліи, утверждаетъ, что гробница Гиппократа въ Ларисеѣ.

---

[1]) 8 Т. въ-8°, 1839—1849.

[2]) Paris, 2-е изд. 1855.

Поэтому въ маѣ 1857 г. безъ особаго удивленія принято было извѣстіе въ греческихъ журналахъ, что могила Гиппократа случайно найдена въ городѣ Лариссѣ. Подробности объ этомъ происшествіи были обнародованы въ аѳинскомъ медицинскомъ журналѣ, *Врачебная Пчела*. Въ номерѣ отъ 25 сентября 1857 г. въ парижской *Gazette hebdomadaire de médécine* появился переводъ сказанной статьи, состоявшей изъ письма доктора Самартсидеса къ редактору *Врачебной Пчелы*. Вотъ это письмо:

„Г. Гудасу, редактору *Врачебной Пчелы*.

„Почти всѣ историки медицины говорятъ, что божественный Гиппократъ, отецъ нашего искусства, косскій уроженецъ, много путешествовалъ ради изученія врачебнаго искусства и медицинскихъ и гигіеническихъ средствъ, годныхъ для различныхъ странъ; что онъ умеръ въ Лариссѣ, въ Ѳессаліи. Шпренгель говоритъ: „По Сорану, Гиппократъ умеръ въ Лариссѣ, гдѣ до послѣдняго времени показывали его гробницу, между этимъ городомъ и Гиртономъ." Суидасъ говоритъ: „Онъ былъ погребенъ въ Лариссѣ." Фоэсъ, основываясь на словахъ Сорана, говоритъ: „Онъ былъ погребенъ между Гиртономъ и Лариссой, гдѣ донынѣ указываютъ его могилу." Лексикографъ археологіи, Паули пишетъ: „Гиппократъ умеръ и былъ погребенъ въ Лариссѣ и ларисцы, два столѣтія по р. Х., показывали гробницу Гиппократа".

„Между новѣйшими, знаменитые Ригасъ Ѳерскій и Газесъ утверждаютъ, что гробница Гиппократа существуетъ между гробницами Оттомановъ, находящимися внѣ Лариссы, въ мѣстѣ называемомъ *Арнаутскимъ кварталомъ*. Корэ говоритъ почти тоже. Изъ всего этого слѣдуетъ, что отецъ медицины умеръ въ Лариссѣ, и былъ погребенъ у дороги между этимъ городомъ и древнимъ Гиртономъ, и что, кромѣ того, жители до послѣдняго времени указывали гробницу Гиппократа. На основаніи географическихъ картъ древней Греціи, явствуетъ, что древній Гиртонъ лежалъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Тирнабъ, или немного въ сторону, къ сѣверу. Поселившись здѣсь, я узналъ отъ одного мѣстнаго ученаго, Ѳомы Андреадеса, слѣдующее на счетъ гробницы Гиппократа.

„Въ 1826 г., послѣ наводненія, крестьяне нашли въ десяти минутахъ пути отъ нынѣшней Лариссы, на востокъ отъ дороги изъ Лариссы въ Тирнабъ, и близь деревень Гіанноули и Кіоски, гробницу или надгробный памятникъ. Узнавъ это, Ѳома Андреадесъ и другой ларисскій ученый, Иванъ Экономидесъ тотчасъ приступили къ изысканіямъ. Порывъ немного, они открыли на гробницѣ каменную доску, на которой ясно можно было прочесть ΙΠΠΟΚΡΑΤ и нѣкоторыя другія слова.

„По причинѣ тогдашняго смутнаго времени и жестокаго преслѣдованія христіанъ, они не осмѣлились предпринять другихъ изысканій и поспѣшили извѣстить о происшествіи одного изъ могущественныхъ здѣшнихъ оттомановъ, покровительствовавшаго христіанамъ, Неджидъ-Бея. Послѣдній, убѣжденный, что стоитъ потрудиться (на сколько можетъ быть убѣжденнымъ невѣжественный оттоманъ въ значеніи камня или гробницы человѣка умершаго за нѣсколько столѣтій), послалъ на мѣсто служителей, приказавъ имъ перенести въ домъ каменную доску съ надписью и все, что найдется въ гробницѣ. Ѳома Андреадесъ, присутствовавшій при этомъ, говоритъ, что, поднявъ доску, въ гробницѣ нашли нѣсколько старинныхъ монетъ и золотую цѣпочку въ видѣ змѣйки. Но эти вещи были тотчасъ же украдены. Что касается ка-

менной доски, то она перевесена въ домъ бея; но бей скоро умеръ и судьба доски, а равно содержаніе надписи остались вполнѣ неизвѣстны.

„Узнавъ объ этомъ, я, съ позволенія супруги бея, перерылъ все въ ея великолѣпномъ домѣ съ цѣлью отыскать драгоцѣнную доску. Послѣ долгихъ безплодныхъ поисковъ, я нашелъ ее, наконецъ, въ цѣлости и сохранности, въ домашней банѣ. Я точно прочелъ слѣдующую надпись и переписываю ее обычными буквами, не умѣя им подражать высѣченнымъ буквамъ, ни сдѣлать съ нихъ снимокъ. По ихъ очертанію я заключаю, что онѣ очень древни. Всего, какъ вы видите, пять строкъ. Тѣ буквы, которыя легко прочесть, я прилагаю. Въ мѣстахъ означенныхъ точками несомнѣнно также были буквы; но онѣ изгладились отъ тренія и времени, или по крайности мнѣ, врачу, никогда не занимавшемуся подобными вещами, трудно прочесть ихъ.

Надпись слѣдующая:

.... *ΙΠΠΟΚΡΑΤ* ....*ΚΩ* .... *ΑΓΑΛΟΦ* ....
.... *ΣΩΜΑ* ....
ΠΟΛΕΙ ....*ΜΕ* .... *ΤΕΛΕΣΦ* ....
ΑΓΑΘΠ .... *ΑΡΕ* .... *ΕΝΕΚΑ* ....
.... *ΧΡΠΣΤΕ* .... *ΧΑΙΡΕ.*

„Списавъ эти строки, я сталъ отыскивать гробницу на указанномъ мѣстѣ. По счастію я нашелъ ее цѣлой и невредимой, не глубоко подъ землей. Я счелъ своей обязанностью обнародовать вышеизложенное. Отъ всей души желаю, чтобы ученые возможно скорѣе произвели самыя точныя научныя изслѣдованія для раскрытія истины; но главнѣйшимъ образомъ я желаю повѣрки и несомнѣннаго освидѣтельствованія этихъ фактовъ. Я не сомнѣваюсь, что мы, греческіе врачи, первые должны дать оболъ, чтобы вырвать у всеразрушающаго времени это драгоцѣнное и безцѣнное сокровище и почетно сохранить его; но я не сомнѣваюсь, что сочувственное содѣйствіе врачей всего свѣта поможетъ намъ достигнуть этой священной цѣли.

Имѣю честь и т. д.

„Самартонидисъ."

Ренѐ Бріо, библіотекарь парижской медицинской академіи, почтенный эллинистъ, переведшій для сказанной газеты это письмо, прибавилъ нѣсколько примѣчаній на счетъ подлинности или значенія фактовъ, находящихся въ предъидущемъ разсказѣ. Бріо предложилъ вопросъ: достаточны-ли свидѣтельство Сорана, который говоритъ, что Иппократъ погребенъ въ Ларіссѣ, и мѣстныя преданія для того, чтобы принять гробницу, открытую Андреадесомъ за гробницу славнаго кооскаго врача? Имя Гиппократъ было одно изъ самыхъ обычныхъ въ Греціи; — это обстоятельство, а равно отсутствіе доказательствъ глубокой древности гробницы, открытой въ Ларіссѣ, даютъ право предполагать, что тутъ похороненъ какой-нибудь тёска Гиппократа. Онъ выра-

зилъ сожалѣніе, что Самартсидесъ не обнародовалъ точнаго снимка съ надписи, о которой идетъ рѣчь. Этотъ недостатокъ впрочемъ можетъ быть исправленъ, ибо, какъ утверждаютъ, гробница сохранилась цѣлой и невредимой и закрыта небольшимъ слоемъ земли. Рене Бріо приглашалъ доктора Самартсидеса немедленно пополнить свѣдѣнія, войти во всѣ археологическія и эпиграѳическія подробности, необходимыя для опредѣленія времени и принадлежности этого памятника.

Докторъ Бріо желалъ разъяснить свои сомнѣнія насчетъ этого дѣла и выбралъ для этого наилучшій путь. Министръ иностранныхъ дѣлъ короля Оттона, Рангабе, былъ ученый знатокъ эллинскихъ древностей. Бріо обратился именно къ нему.

Министръ поручилъ греческому консулу въ Ларисеѣ, Доскосу, собрать офиціально всѣ необходимыя свѣдѣнія. Изъ изслѣдованій Доскоса оказывается, что разсказъ о памятникѣ и надписи сильно преувеличенъ. Послѣ этого безпристрастнаго изслѣдованія, невозможно принимать, что гробница Гиппократа существуетъ въ Ларисеѣ.

Изъ всѣхъ вещей, о коихъ идетъ рѣчь въ письмѣ Самартсидеса. Доскосу могли показать только мраморную доску, находившуюся въ помостѣ двора передъ домомъ и лежавшую тутъ съ незапамятныхъ временъ. На этомъ камнѣ не было имени Гиппократа и нельзя даже сказать, что это надгробный камень.

Мы считаемъ необходимымъ, приведя разсказъ Самартсидеса, приложить также отчетъ Доскоса.

„Я взялъ, пишетъ Доскосъ, въ качествѣ свидѣтелей и чтобы избѣжать всевозможныхъ ложныхъ толкованій со стороны оттомановъ, англійскаго вице-консула Сэтра и двухъ врачей, моихъ друзей.“ Одного изъ нихъ зовутъ Паудіаносъ, онъ итальянецъ и давнишній мой другъ; онъ уже давно живетъ тутъ и въ точности знаетъ всѣ комнаты въ домѣ покойнаго Неджибъ-Бек, будучи издавна докторомъ и домашнимъ человѣкомъ въ этомъ семействѣ; онъ служилъ мнѣ проводникомъ въ тѣ части дома, которыя надлежало осмотрѣть. Другой Полиперисъ, грекъ и мой домашній врачъ. Получивъ позволеніе, мы всѣ отправались въ сказанный домъ Неджибъ-Бея, о которомъ упоминается въ письмѣ Самартсидеса; мы произвели повсюду самыя тщательныя изысканія и особенно внимательно осмотрѣли, какъ и слѣдовало, баню, о которой идетъ рѣчь. Мы не нашли ничего, о чемъ пишетъ Самартсидесъ, за исключеніемъ небольшой мраморной доски, находящейся на переднемъ дворѣ дома и очень далеко отъ бань; ибо надо замѣтить, что въ этомъ домѣ, какъ я узналъ и

какъ случилось мнѣ видѣть въ другихъ мѣстахъ, существуетъ двѣ бани, а не одна, какъ говорится въ письмѣ Самартсидеса. Многочисленные разсказы служителей, чиновниковъ и другихъ лицъ, живущихъ въ домѣ, а также самой хозяйки, не дали намъ повода предполагать что либо вѣрное во всемъ этомъ; такъ что изъ всего вышесказаннаго и изъ всего нижеслѣдующаго, къ сожалѣнію, оказывается весьма вѣроятнымъ или скорѣе вѣрнымъ, что все названное открытіями въ письмѣ Самартсидеса, относительно доски и надписи, есть выдумка и весьма далекое отъ истины преувеличеніе. И это слѣдуетъ:

1) изъ того, что въ женской банѣ, о которой говорится въ письмѣ, въ которую мы входили и тщательнѣйшимъ образомъ и долго осматривали, ни въ одномъ изъ угловъ и закоулковъ нѣтъ ни слѣда доски съ буквами или слѣдами буквъ; точно также ничего подобнаго не заключается въ мужской банѣ;

2) изъ того, что по самымъ положительнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ послѣ долгихъ и точныхъ разспросовъ какъ всѣхъ лицъ въ домѣ, такъ и самой хозяйки, къ которой я обращался, никакой доски отъ гробницы, съ какой-либо надписью, ни теперь, ни прежде, не переносилось ни въ баню, какъ утверждаетъ Самартсидесъ, ни въ другое мѣсто дома, за исключеніемъ небольшой доски, вставленной въ помостъ на дворѣ съ незапамятныхъ временъ, и которая, по всѣмъ видимостямъ, не имѣетъ никакого отношенія къ той, о коей идетъ рѣчь;

3) изъ того, что по единодушному свидѣтельству всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ, Самартсидесъ никогда не былъ въ сказанной банѣ, входъ въ которую, какъ, безъ сомнѣнія, извѣстно вашему превосходительству, строго воспрещается всѣмъ мужчинамъ и особенно христіанамъ, ибо эта часть гарема считается священной у оттомановъ. Чтобы получить подобное позволеніе здѣсь, гдѣ религіозная *ревность* турокъ еще *весьма сильна*, нижеподписавшемуся надо было быть особенно счастливымъ только при помощи многихъ и великихъ усилій, найдено средство къ этому, и особенно я воспользовался дружескими отношеніями своей жены къ хозяйкѣ дома. Самартсидесъ, правда, былъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ домѣ, но не въ банѣ, будучи позванъ разъ или два къ молодой дѣвицѣ, страдавшей зубами, такъ какъ Ал. Паудіамесъ, который издавна и до сихъ поръ постоянный врачъ въ домѣ, былъ занятъ. Но и этотъ послѣдній никогда не входилъ въ баню и былъ въ ней въ первый разъ только со мною; тоже надо сказать о братьяхъ и другихъ родственникахъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ, и я не могу понять, какъ мнѣ удалось получить подобное позволеніе. И такъ, въ банѣ, о которой говоритъ Самартсидесъ, ничего нѣтъ.

„Что касается до доски, находящейся во дворѣ передъ домомъ, и имѣющей болѣе фута ширины на два длинну, то она, по всему вѣроятію, имѣла другое назначеніе и, кажется, есть плита, на которой былъ начертанъ указъ. Можетъ быть, это и надгробный камень, но только не Гиппократа; ибо сохранившіяся и, по большей части, искаженныя буквы дозволяютъ разобрать имя нѣкоего Менандра. Эта плита, какъ я уже говорилъ, находится въ помостѣ, и на ней не пять строкъ, какъ говорится въ письмѣ, но, можетъ быть, болѣе тридцати, или, вѣрнѣе сказать, на ней только начало стиховъ, правая сторона которыхъ почти вся стерта ходьбою; только на верху, въ лѣвомъ углу, осталось нѣсколько съ трудомъ разбираемыхъ буквъ, но имени Гиппократа изъ нихъ не выходитъ. Наконецъ, въ присутствіи двухъ зятьевъ вдовы и двухъ самыхъ старыхъ стражей гарема была отворена другая баня (мужская), которая брошена и заперта уже шестнадцать, или семьнадцать лѣтъ, послѣ смерти Неджибъ-Бея; осмотрѣвъ ее тщательно и повсюду, я не нашелъ никакой плиты съ надписью.

"Послѣ многихъ безполезныхъ изысканій и разспросовъ, я позвалъ изъ Тирнаба Ѳому Андреадеса, о которомъ говоритъ Самартсидесъ въ письмѣ. Въ сопровожденіи его и моего доктора, я поѣхалъ въ коляскѣ къ мѣсту, гдѣ по разсказамъ находится гробница Гиппократа. Мѣсто это было мнѣ указано Ѳ. Андреадесомъ; оно находится въ четверти часа пути, близъ дороги, идущей въ Тирнабъ, на поляхъ виллы, принадлежащей Халилъ-Бею и почти на границѣ этихъ полей и дороги. Недалеко оттуда находится ровъ, и передъ рвомъ, въ восьми или десяти футахъ разстоянія, засыпанный колодецъ, въ которомъ выросло дерево. На отлогости рва около десяти лѣтъ назадъ посажены въ рядъ тополи. Подъ вторымъ или третьимъ тополемъ, считая съ угла къ полю, по словамъ Андреадеса, именно и находится мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ камень, котораго онъ уже не видѣлъ лѣтъ десять или двѣнадцать, хотя часто проходитъ въ этомъ мѣстѣ, но который, какъ онъ полагаетъ, закрытъ осыпавшеюся землею рва, если только не унесенъ. Въ этомъ мнѣніи не было ничего невѣроятнаго, ибо время, когда онъ видѣлъ доску, согласуется со временемъ прорытія канала вокругъ поля. На этомъ камнѣ Ѳ. Андреадесъ въ 1834 или 35 г., но не 1826 г., какъ говоритъ Самартсидесъ, прочелъ, или воображаетъ, что прочелъ буквы IППОКР; больше онъ ничего не прочелъ; но это слово было изображено, по его словамъ, большими буквами. Надобно замѣтить, что этотъ господинъ — человѣкъ весьма добрый, но простоватый. Вѣроятно, онъ увѣренъ, что видѣлъ и прочелъ эти буквы, никогда ихъ не видѣвъ, и до сихъ поръ настаиваетъ на этомъ, можетъ быть польщенный тѣмъ, что напечатано о немъ въ письмѣ Самартсидеса. Такъ, во время нашей общей поѣздки, увидавъ доску, на которой есть слѣды работы молотомъ, онъ увѣрялъ, что прежде на ней были буквы. Впрочемъ, кучеръ нашъ увѣрялъ, что семьнадцать лѣтъ назадъ, онъ самъ лично отрывалъ яму и что при этомъ оказалась могила съ тѣломъ, но что ни буквъ, ни другихъ знаковъ не было.

„Шагахъ въ шестидесяти отъ этого мѣста, есть другая могила, недавно открытая, также безъ надписи и другихъ знаковъ, но въ ней, по единогласному свидѣтельству всѣхъ ее осматривавшихъ, между которыми были Ѳома Андреадесъ и Константинъ Астеріадесъ, о которомъ я говорю ниже, было найдено нѣсколько золотыхъ цѣпочекъ, булавка изъ пальмоваго дерева, серьги; всѣ эти вещи были взяты губернаторомъ.

„На основаніи этихъ свѣдѣній, я тотчасъ же отправился на сосѣднюю виллу Халилъ-Бея въ надеждѣ, что тамъ удастся найти надгробный памятникъ, который, по словамъ кучера былъ перевезенъ туда. Мы все тщательно осмотрѣли, и нашли только надгробную доску, лежавшую подъ навѣсомъ, почти такой же величины какъ та, что находится во дворѣ Неджибъ-Бек. На этой доскѣ мы ясно прочли слѣдующую надпись: *Πρωτογένης Ἀλεξάνδρου. Χρηστὲ, χαῖρε!* (Протогенъ, сынъ Александра. Прощай, добрый человѣкъ). Подобныхъ надписей, между которыми есть и занимательныя встрѣчается множество въ окрестностяхъ города.

„Наконецъ Константинъ Астеріадесъ, членъ совѣта управленія и ларисскій старожилъ, человѣкъ, заслуживающій полнаго уваженія, рекомендованный мнѣ Ѳ. Андреадесомъ, ради дальнѣйшихъ изслѣдованій, послѣ долгихъ разспросовъ сказалъ мнѣ, что дѣйствительно не далеко отъ сказанной дороги, въ 1834 или 1835 году, была доска, которую въ то время выдавали за надгробную доску Гиппократа, но что отправившись съ двумя своими друзьями, одинъ изъ которыхъ былъ уважаемый всѣми учитель, онъ счистилъ землю съ доски и обтеръ ее мокрыми платками въ надеждѣ открыть буквы, но не нашелъ и слѣда ихъ. Что сталось съ этой доской, неизвѣстно.

„Изъ всего сказаннаго, по моему мнѣнію, ваше превосходительство, слѣдуетъ, что все недавно напечатанное о гробницѣ Гиппократа есть плодъ смѣлыхъ соображеній и заблужденій автора, которыя какъ ему, такъ и народу, коего онъ сынъ, могутъ доставить скорѣй худую, чѣмъ добрую славу. Всякій, кто любитъ истину, долженъ отвергнуть ихъ, и особенно мы, эллины; по крайней мѣрѣ не вѣрить имъ, пока, въ противность всѣмъ тщательнымъ и подробнымъ изслѣдованіямъ, новыя и болѣе счастливыя свѣдѣнія (что́, впрочемъ, довольно не вѣроятно) не покажутъ, что въ напечатанномъ извѣстіи есть кое-что справедливое. По моему мнѣнію, трудно ожидать этого. Чтобы не упустить ничего, прибавлю, что обыкновенно почитаютъ гробницей Гиппократа гробницу, находящуюся внутри города, въ кварталѣ, называемомъ мусульманами *Arnaute Makhalan*. По словамъ этихъ послѣднихъ, въ немъ лежитъ тѣло одного изъ древнѣйшихъ святыхъ, который впрочемъ былъ не ихъ вѣры. Но эта гробница недоступна ни для кого, въ томъ числѣ и для меня.

А. Доскосъ.

Ларисса, 20-го декабря, 1859.

Итакъ, гробница отца врачебнаго искусства остается доселѣ не открытой.

ѲЕОФРАСТЪ.

Авлъ Геллій разсказываетъ, что ученики Аристотеля, когда онъ состарѣлся и ослабѣлъ, просили его назначить себѣ преемника въ управленіи лицеемъ и что учитель прибѣгъ къ слѣдующей хитрости, которая согласуется съ обычаями древнихъ философовъ. Выборъ могъ пасть, или на Менедема Родосскаго или на Ѳеофраста Лесбоскаго. Чтобы не задѣть прямо самолюбія того, кого придется устранить отъ избранія Аристотель поступилъ слѣдующимъ образомъ. Онъ попросилъ, чтобы ему дали хорошихъ винъ для укрѣпленія ослабѣвшаго желудка; между прочимъ онъ упомянулъ о родосскомъ и лесбоскомъ. Сперва ему принесли родосскаго. Онъ попробовалъ его. Затѣмъ, отвѣдавъ лесбоскаго, промолвилъ:

„Оба превосходны, но по моему лесбоское лучше."

Всѣ ученики поняли, что учитель, не желая обижать ничьего самолюбія, прибѣгнулъ къ этой хитрости, чтобы назначить своимъ преемникомъ Ѳеофраста Лесбоскаго, которому тогда было сорокъ восемь лѣтъ.

Ѳеофрастъ, или *Тиртамъ*, какъ его назвали при рожденіи, родился въ Ерезѣ, одномъ изъ главныхъ городовъ на Лесбосѣ; годъ его рожденія съ точностью не извѣстенъ. Одни говорятъ, что онъ родился во второмъ году 102-й олимпіады (371 до р. X.); другіе въ 92-й олимпіадѣ (332 до р. X.)

Его отецъ, Мелантъ, былъ простой сукновалъ [1]). Ѳеофрастъ первоначально учился въ Эрезѣ, подъ руководствомъ Левкиппа, не того, который былъ знаменитымъ ученикомъ философа Зенона, но просто мѣстнаго учителя. Затѣмъ, Ѳеофрастъ отправился въ Аѳины и тотчасъ же поступилъ въ школу Платона.

Это показываетъ, что юный Тиртамъ уже зналъ все, что́ требовалось для посѣщенія академіи, или по крайней мѣрѣ, согласно правилу школы, зналъ геометрію.

Изъ школы Платона онъ перешелъ къ Аристотелю. Онъ былъ восхищенъ объемомъ и глубиною науки, съ необычайной ясностью излагаемой основателемъ лицея.

Съ своей стороны, Аристотель скоро сталъ отличать Ѳеофраста и считать его въ числѣ учениковъ, способныхъ поддержать славу его школы.

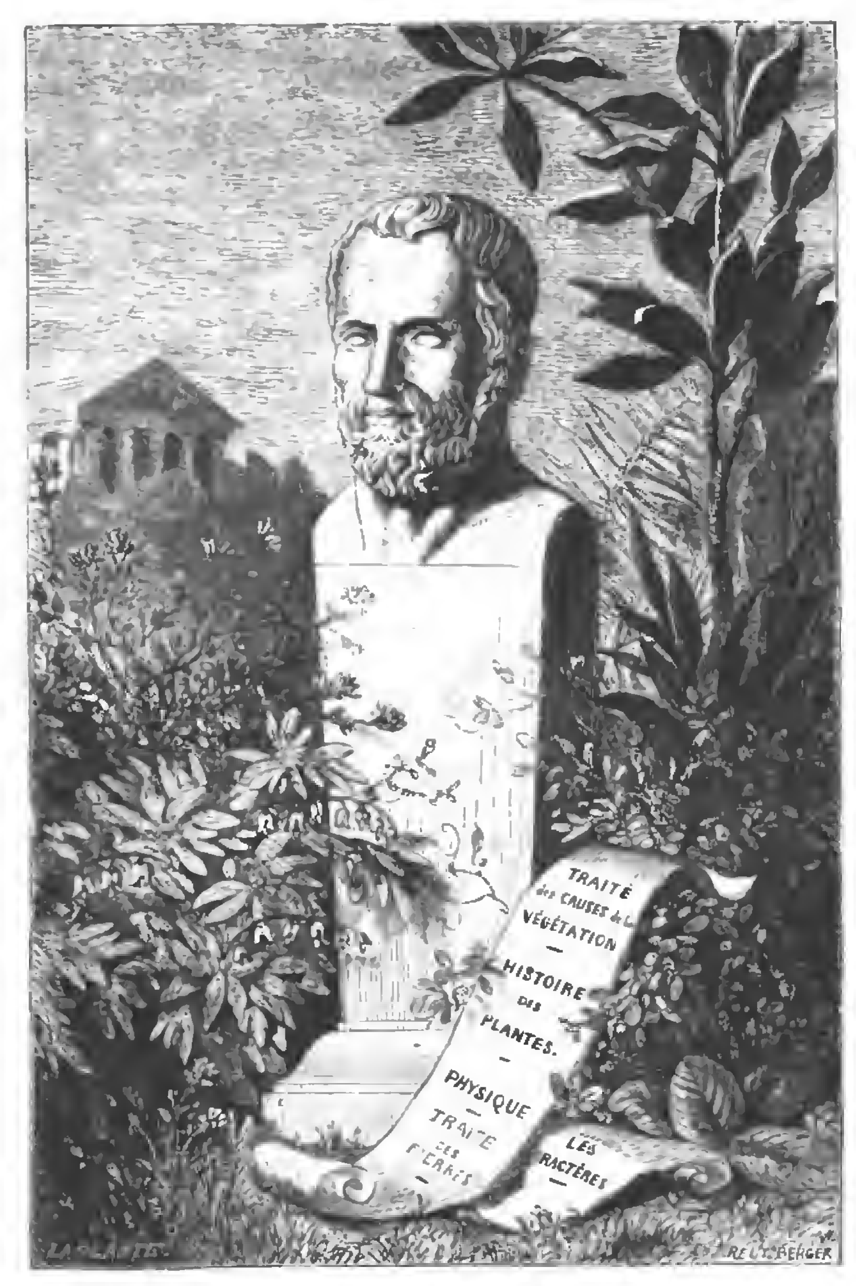
Ѳеофрастъ восхищалъ своего учителя не только рѣдкимъ пониманіемъ, но также прекраснымъ выраженіемъ мыслей, въ которомъ отличный выборъ реченій и пріятное произношеніе согласовались съ изящной точностью. Поэтому Аристотель назвалъ его сперва Евфрастомъ, или *краснорѣчивымъ*. Позже, полагая, что это названіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому высокому уваженію, которое онъ питалъ къ разнообразнымъ талантамъ своего любимаго ученика, Аристотель названіе Евфраста перемѣнилъ въ Ѳеофраста, то есть *богорѣчиваго*.

Такое слишкомъ явное предпочтеніе могло-бы возбудить въ другихъ ученикахъ чувство зависти, даже злобы, еслибъ добрый и услужливый по природѣ Ѳеофрастъ не старался заслужить или сохранить ихъ уваженіе и дружбу. О хулившихъ его онъ отзывался всегда необыкновенно благосклонно. Онъ заступался за тѣхъ, кого осуждали при немъ; онъ доказывалъ ихъ достоинства и такимъ образомъ заставлялъ примиряться съ своими талантами и доблестями.

Аристотель былъ уже преклонныхъ лѣтъ, когда жрецъ Цереры обвинилъ его въ нечестіи. Мы видѣли, что Аристотель по этому случаю добровольно удалился изъ Аѳинъ. Удаляясь, онъ

---

[1]) Діогенъ Лаэртій. *Les vies des plus illustres philosophes de l'antiquité*, in-18, Amsterdam, 1761., т. I, стр. 302 (Théophraste).

БЮСТЪ ѲЕОФРАСТА.
Съ античнаго бюста виллы Альбани, срисованнаго въ *Греческой Иконографіи* Висконти.

назначилъ Ѳеофраста главою лицея, поручилъ ему всѣ свои сочиненія, съ совѣтомъ держать ихъ въ тайнѣ, и затѣмъ удалился въ Халкиду, гдѣ и умеръ.

Преемникъ Аристотеля оказался человѣкомъ достойнымъ. Слава учителя сдѣлалась повсемѣстной. Изъ всей Греціи стекалась молодежь въ его школу, которая процвѣла и одно время насчитывала до двухъ тысячъ учениковъ.

Ѳеофрастъ умѣлъ соединить строгіе нравы съ самыми привлекательными формами. Съ обширной эрудиціею онъ соединялъ тонкость такта и наблюдательности, необходимую при научныхъ изслѣдованіяхъ, особенно въ той области философскихъ и моральныхъ наукъ, цѣль которыхъ живописать чувства и страсти человѣческаго сердца. Но его краснорѣчіе было-бы нестоль увлекательно, его преподаваніе менѣе ясно и понятно, если-бъ его голова была простымъ складочнымъ мѣстомъ мыслей, случайно и безпорядочно нахватанныхъ. Ѳеофрастъ отличался своей методой, то есть порядкомъ и умѣньемъ все распредѣлить; а ясный порядокъ и распредѣленіе существеннымъ образомъ зависятъ отъ подчиненія фактовъ и связности идей. Въ этомъ отношеніи онъ былъ достойнымъ ученикомъ Аристотеля.

Но нравственное паденіе уже давало предчувствовать упадокъ греческой образованности. Собранія, театры, игры были пусты. Литература и философія были въ подозрѣніи и ихъ начали открыто преслѣдовать. Въ залахъ лицея, вокругъ Ѳеофраста собиралась попрежнему толпа слушателей и учитель сталъ открыто говорить противъ тирановъ, преслѣдователей и доносчиковъ. На него самого былъ поданъ доносъ царю-архонту, и онъ былъ приведенъ передъ Ареопагъ, какъ виновный въ нечестіи.

Ѳеофрастъ защищался лично. Онъ изложилъ свое ученіе, свои нравственныя начала и возвышенную цѣль своего преподаванія. Ареопагъ произнесъ оправдательный приговоръ. Позже, противникъ, убѣдившись въ его невинности, обвинилъ самого себя и былъ-бы приговоренъ къ наказанію, еслибъ Ѳеофрастъ, любившій жить согласно своему ученію, не былъ столь великодушенъ, чтобъ принять на себя его защиту.

Это первое предупрежденіе не остановило Ѳоофраста. Онъ про-

должалъ обличать сильныхъ міра сего. Тогда было рѣшено погубить его во что-бы то ни стало.

Но общее уваженіе и почтеніе, которымъ пользовался Ѳеофрастъ въ Аѳинахъ, не позволило дѣйствовать лично противъ него. Придумали другой способъ. Обвинили всѣхъ философовъ. Архонтъ, облеченный на годъ высочайшей властью, издалъ указъ, въ силу котораго всѣ общественныя школы были закрыты и запрещено было преподавать нѣсколькимъ ученикамъ вмѣстѣ. Всѣ философы тогда удалились изъ Аѳинъ, и остались только риторы и софисты, большая часть которыхъ были подкуплены тираномъ. Въ продолженіе года, общественныя школы были закрыты.

Но таковое распоряженіе возбудило всеобщее негодованіе. Черезъ годъ указъ былъ отмѣненъ. Архонтъ былъ обвиненъ въ превышеніи власти и былъ приговоренъ къ огромной пѣни.

Ѳеофрастъ снова воротился въ Аѳины, и въ лицеѣ болѣе чѣмъ когда нибудь собиралось народу.

По примѣру Аристотеля и главъ пиѳагорейской школы, Ѳеофрастъ излагалъ свое ученіе въ двухъ различныхъ курсахъ. Предметомъ одного было тайное или *эсотерическое* ученіе; предметомъ другаго—приготовительная или начальная часть обученія; это было ученіе *экзотерическое*, назначенное для начинающихъ или для всѣхъ. При помощи перваго предполагалось образовать избранные характеры и умы, которые стояли бы выше всѣхъ предразсудковъ и были бы способны наставлять и управлять. Цѣлью втораго было направлять инстинктивныя склонности; давать правильный ходъ способностямъ и нравственнымъ качествамъ; дѣлать любовь въ истинѣ и справедливости господствующею въ человѣкѣ; возвышать человѣка надъ всѣми унижающими человѣчество страстями; возбуждать въ немъ стремленіе къ великимъ и великодушнымъ поступкамъ.

Въ древности, цѣлью воспитанія было гармоническое развитіе всѣхъ человѣческихъ способностей, образованіе человѣка въ полномъ смыслѣ слова, въ нравственномъ, умственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Тогда не ограничивались обученіемъ какой-либо спеціальности, не пренебрегали физическимъ развитіемъ. Тогда не старались развить одинъ умъ; дѣятельность человѣка не считали ограниченной однимъ мышленіемъ. И такое мнѣніе справедливо. Слав-

ный анатомъ Биша показалъ, что безмѣрное развитіе одного органа производится всегда на счетъ другаго, и часто разрушаетъ въ жизненной экономіи условія и отношенія физіологическаго равновѣсія.

Отсюда видно все преимущество греческаго воспитанія; у грековъ въ продолженіе довольно долгаго періода вслѣдствіе этого являлись люди сильные тѣломъ и въ то же время геніальные и возвышенные по характеру. Въ древней исторіи часто встрѣчаются люди, съ равной умѣлостью исправляющіе различныя должности и обязанности. Одинъ и тотъ же человѣкъ является искуснымъ полководцемъ и затѣмъ великимъ ораторомъ, потомъ государственнымъ человѣкомъ, и занимается по очереди финансовыми, коммерческими, соціальными и политическими вопросами; наконецъ въ старости, удалившись отъ дѣятельной жизни, онъ пишетъ отличныя сочиненія по различнымъ наукамъ, исторіи или философіи.

Возвратимся теперь къ Ѳеофрасту. Число большихъ и малыхъ приписываемыхъ ему сочиненій огромно. Насчитываютъ всего до двухъ сотъ двадцати семи. Одни заглавія его сочиненій, по каталогу Діогена Лаэртія, занимаютъ нѣсколько страницъ. Самые разнообразные предметы его сочиненій, безъ сомнѣнія, входили въ курсъ, который онъ преподавалъ въ лицеѣ. Въ этотъ курсъ, судя по трактатамъ Ѳеофраста, входили: грамматика, поэзія, музыка, логика, риторика, физика, политическая экономія, законовѣдѣніе, философія, естественныя науки, математика, и существовавшіе тогда зачатки химіи (*Трактаты о различныхъ соляхъ нитра и квасцовъ, о гніеніи и свойствахъ камней*), физика (*Трактаты о теплѣ и холодѣ, о метеорологіи, о вѣтрахъ, о движеніи*), наконецъ медицина (*Трактаты о влагахъ, о цвѣтѣ кожи и мясъ, о падучей, о головокруженіяхъ, объ обморокахъ, о пищѣ, о тѣлесной слабости, о заразительныхъ болѣзняхъ, о параличѣ, объ удушьи, о безумствѣ и т. д.*). Ѳеофрасту, безъ сомнѣнія, были извѣстны сочиненія Гиппократа, а потому онъ могъ имѣть о медицинѣ здравыя понятія.

Многихъ читателей, безъ сомнѣнія, удивитъ значительное число и необычайное разнообразіе предметовъ 227 сочиненій Ѳеофраста. Дѣйствительно, таковъ одинъ изъ самыхъ укоренившихся предразсудковъ нашего времени. Всѣ, привыкшіе придерживаться общаго мнѣнія, вооружены противъ энциклопедизма. Имъ кажется

знаній. При основаніи новѣйшей классификаціи, многое заимствовано у него безъ указанія источниковъ. Подобно Аристотелю, Ѳеофрастъ въ общихъ и существенныхъ свойствахъ растеній находитъ соотношенія съ системой, управляющей жизнью животныхъ. Онъ говоритъ, что относительно организаціи, развитія, питанія и воспроизведенія животныхъ и растеній природа слѣдовала общему плану и подчинила оба живыя царства однимъ и тѣмъ же законамъ. По Ѳеофрасту, въ растеніяхъ всѣ явленія существованія опредѣляются жизненной силой. Онъ входитъ въ подробности относительно воспроизведенія растеній. Онъ излагаетъ древнюю систему половъ у растеній, на сколько она была возможна во времена, когда микроскопъ былъ не извѣстенъ.

Ѳеофрастъ говоритъ только о пяти стахъ видахъ растеній. Въ сравненіи съ извѣстными нынѣ, это, конечно, число ничтожное. Онъ путешествовалъ только по Греціи и Малой Азіи. Онъ тщательно описываетъ растенія странъ, гдѣ бывалъ, стало быть, лично имъ видѣнныя растенія. Но съ меньшей точностью говоритъ о небольшомъ числѣ египетскихъ, эѳіопскихъ и индійскихъ, которыхъ онъ не могъ видѣть живыми, или описанія которыхъ переданы ему путешественниками и купцами, сопровождавшими Александра. Онъ не описываетъ всѣхъ называемыхъ имъ растеній, говоритъ Капъ. Растенія, о которыхъ онъ говоритъ подробно, описаны въ отношеніи ихъ происхожденія, величины, твердости, свойствъ, и описанія эти полны.

Ѳеофрастъ распредѣляетъ всѣ растенія на два класса:

1) Растенія, образованныя изъ *деревянистыхъ* волоконъ, твердаго сложенія, могущія жить больше вѣка;

2) Растенія *травянистыя*, ткань которыхъ неплотна, средней твердости, которыя живутъ два или только одинъ годъ, или жизнь которыхъ еще короче и продолжается только нѣсколько дней.

Растенія травянистыя онъ подраздѣляетъ еще на съѣдобныя, на злаки, сочные, или маслянистые.

Конечно, такую классификацію нельзя назвать удачной, но все-таки это хоть какая нибудь классификація. Въ то время важно было простое сближеніе фактовъ, ради ихъ изученія, умѣнье опредѣлить ихъ отношенія, и такимъ образомъ образовать непрерывный рядъ, изъ котораго могли родиться вѣрныя идеи, срав-

ненія, а отсюда обширныя, точныя свѣдѣнія и въ заключеніе создаться истинная наука о растеніяхъ.

Ѳеофраста упрекаютъ за обнаруживаемую имъ довѣрчивость относительно врачебныхъ свойствъ растеній. Но, какъ замѣтилъ Капъ, Ѳеофрастъ болѣе ботаникъ, чѣмъ врачъ, и, вѣроятно, приписывалъ второстепенное значеніе врачебнымъ свойствамъ, о коихъ упоминаетъ мимоходомъ. Въ девятой книгѣ *Исторіи растеній*, Ѳеофрастъ впрочемъ говоритъ о сокахъ, смолахъ, капляхъ, бальзамахъ, благовоніяхъ, о нѣкоторыхъ сильно-дѣйствующихъ лекарствахъ, о нѣкоторыхъ растительныхъ ядахъ.

„*Исторія растеній*, говоритъ Капъ, особенно замѣчательна множествомъ разнообразныхъ свѣдѣній; это первый и самый обширный памятникъ изученія растительнаго царства, оставшійся намъ отъ древности. [1])

Но очень вѣроятно, что китайцы, обширная имперія которыхъ простирается въ различныхъ климатахъ, въ знаніи растеній превзошли грековъ. У китайцевъ есть огромныя энциклопедіи по естественной исторіи, о коихъ упоминается въ *Запискахъ* и письмахъ ученыхъ миссіонеровъ. Весьма бы желательно, чтобы оріенталисты обратили на это достодолжное вниманіе.

Оставленныя Ѳеофрастомъ описанія пяти сотъ растеній или растительныхъ видовъ не всегда достаточно ясны, чтобы ихъ можно было узнать. Куртъ Шпренгель въ первомъ томѣ своей *Historiæ rei herbariæ* приводитъ списокъ описанныхъ Ѳеофрастомъ растеній и соотвѣтствующія имъ теперешнія названія видовъ.

Такая же работа, но съ меньшимъ успѣхомъ была предпринята раньше Шпренгеля. Скалигеръ и Боде изъ Стапеля напечатали въ 1644 году латинскій переводъ *Исторіи растеній* Ѳеофраста съ приложеніемъ греческаго текста [2]). Въ длинномъ ком-

---

[1]) Histoire de la pharmacie, стр. 78.

[2]) Theophrasti Eresii de Historiâ plantarum libri decem, græce et latine, in quibus textum græcum variis lectionibus, emendationibus, hiulcorum supplementis, latinam Gazæ versionem nova interpretatione, ad margines totum opus absolutissime cum notis tum commentariis, item rariorum plantarum iconibus illustravit, Joannes Bodæus a Stapel, medicus Amstelodamensis. Accesserunt Julii Cæsaris Scaligeri, in eosdem libros animadversiones et Roberti Constantini annotationes, cum indice locupletissimo, въ 4°. Amstelodami, 1644.

ментаріи, снабженномъ рѣзанными на деревѣ рисунками растеній, Боде изъ Стапеля доказываетъ предлагаемыя имъ опредѣленія. Но его мнѣнія не всегда подтверждаются Шпренгелемъ.

Трактатъ о *Причинахъ растительности* (de Causis plantarum), отъ коего дошло до насъ только шесть первыхъ книгъ, былъ настоящимъ трактатомъ о физіологіи растеній. Конечно, это не единственный существовавшій въ древности трактатъ, но только онъ бóльшей своей части дошелъ до насъ. Въ этомъ именно сочиненіи, Ѳеофрастъ показалъ свое несомнѣнное искусство изслѣдовать природу при помощи опыта и наблюденія. Все, чтó можно было открыть безъ помощи теперешнихъ снарядовъ, все замѣчено имъ въ растительномъ организмѣ. Точность, съ коей онъ излагаетъ свои открытія, такова, что по отзыву свѣдущихъ людей, новѣйшая ботаника, болѣе чѣмъ черезъ двадцать вѣковъ, въ нѣкоторыхъ вопросахъ только подтвердила новыми опытами и наблюденіями начала физіологіи растеній, излагавшіяся въ аѳинскомъ лицеѣ.

Ѳеофрастъ отличаетъ свои наблюденія отъ наблюденій другихъ ботаниковъ. Обыкновенно онъ говоритъ, откуда заимствуетъ свѣдѣнія, и называетъ своихъ предшественниковъ въ изученіи растеній. Вотъ краткое изложеніе его наблюденій.

Онъ подробно говоритъ о половой организаціи растеній и объ оплодотвореніи. Растительныя сѣмена распространяются и оплодотвореніе совершается, говоритъ онъ, при посредствѣ вѣтровъ, насѣкомыхъ и воды для растеній водныхъ. Цвѣты у каждаго рода растеній являются всегда въ опредѣленное время года. За цвѣтами слѣдуютъ плоды. Извѣстны способы увеличить объемъ плодовъ и ускорить ихъ зрѣлость. Зерно есть растительное яйцо. Въ зернѣ заключаются элементы растительности; въ зернѣ питается зародышъ и образуются стебель и корень будущаго растенія.

Корни растенія служатъ во-первыхъ для извлеченія первичныхъ соковъ изъ лона земли; во-вторыхъ для ихъ переработки и обращенія въ пищу растенія. Форма корней разнообразна до безконечности. Есть растенія, проростающія двумя сѣменными долями; другія — только одной. Стебли бываютъ прямые и ползучіе. У листьевъ двѣ стороны: верхняя всегда болѣе темнаго зеленаго цвѣта. Каждая сторона состоитъ изъ волоконъ и сосудовъ, расположенныхъ въ особой сѣткѣ и несообщающихся съ сосудами другой

стороны. Растенія при помощи листьевъ берутъ изъ воздуха вещества, нужныя для ихъ питанія. Они извергаютъ, при помощи нѣкотораго рода выдыханія, ненужныя имъ вещества.

Корни и кора для растенія тоже, что желудокъ и кожа для животнаго. Кора бываетъ двухъ родовъ: одна, *кожица* (epidermis), которая въ травянистыхъ растеніяхъ покрываетъ болѣе или менѣе плотную, сочную, мягкую ткань; другая собственно *кора*, одѣвающая древесныя растенія. Она служитъ для выработки питательныхъ соковъ, и сильно способствуетъ наростанію деревьевъ; впрочемъ, съ нѣкоторыхъ деревьевъ, напр. съ пробковаго, можно, не повредивъ ему, снять кору. Кора виноградной лозы состоитъ изъ волоконъ безъ *паренхимы* (мясистаго вещества или клѣтчатой ткани). Кора вишни возраждается довольно быстро. Съ яблони и платана кора спадаетъ ежегодно пластинками.

Въ общей организаціи растеній, Ѳеофрастъ отличаетъ волосныя, волокнистыя трубки, назначенныя для поглощенія питательныхъ соковъ. Распредѣленіе этихъ трубокъ таково, что онѣ могутъ совершать свои отправленія, не сливаясь одна съ другою. Растительныя волокна въ ели и соснѣ имѣютъ долевое и параллельное направленіе; въ пробковомъ деревѣ растутъ во всѣхъ направленіяхъ. Эти волокна встрѣчаются въ самыхъ плодахъ и цвѣтахъ.

Въ растеніяхъ есть сосуды бóльшаго объема, именно тѣ, въ которыхъ круговращаются восходящій сокъ (березовица, кленовика) и соки, назначенные для питанія. Эти объемистые сосуды соотвѣтствуютъ въ растительномъ царствѣ кровеносным сосудамъ въ царствѣ животномъ. Паренхима находится между волокнами и сосудами, несущими восходящій сокъ. Ткань эта обильна въ мясистыхъ органахъ и плодахъ и распространена во всѣхъ частяхъ растенія.

Деревья, растущія на высокихъ горахъ, говоритъ Ѳеофрастъ, плотнѣе, тверже и лучшаго качества противъ растущихъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ. Часть дерева, прилежащая къ сердцевинѣ, самая твердая. Сердцевина, состоящая изъ паренхимы и воды, есть существенный органъ растительной жизни. Сердцевина злаковъ и тростниковъ отличается отъ сердцевины деревьевъ.

Ѳеофрастъ занимался также болѣзнями растеній. О говоритъ, что главныя причины свойственныхъ растеніямъ болѣзней

суть: перемѣнчивость погоды, насѣкомыя, дѣйствія внѣшнихъ дѣятелей, наконецъ время, которое изнашиваетъ и разрушаетъ жизненные органы.

„Ѳеофрастъ, говоритъ Капъ (у котораго мы заимствовали главнѣйшія черты этого краткаго изложенія), внесъ свѣтъ въ организацію растеній, въ ихъ существенныя отправленія и положилъ основы науки, которую новѣйшимъ физіологамъ пришлось только расширять и пополнять.“

Если бы время не уничтожило Ѳеофрастовой *Естественной исторіи животныхъ*, то относительно физіологіи животныхъ, вѣроятно можно, было бы повторить сказанное Капомъ относительно физіологіи растеній. „Истинный свѣтъ, говоритъ Бальи, началъ сіять въ искусствахъ и наукахъ раньше, чѣмъ полагаютъ.“

Авторъ *Исторіи формаціи* полагаетъ, что Ѳеофрастъ имѣлъ намѣреніе выполнить великую мысль Аристотеля, основавъ научное изложеніе исторіи тѣлъ всѣхъ трехъ царствъ природы. Трактатъ о *камняхъ* въ сущности только набросокъ, тѣмъ неменѣе это одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ относительно минеральныхъ видовъ.

Великіе таланты и обширная ученость Ѳеофраста были предметомъ удивленія не только Греціи, но также и другихъ земель. Въ числѣ его друзей были Кассандръ, царь македонскій, и Птоломей, царь египетскій. Онъ переписывался съ обоими. Нѣсколько разъ, но тщетно, Птоломей приглашалъ его отдохнуть у себя при дворѣ. Глава лицея былъ слишкомъ привязанъ къ своимъ ученикамъ, чтобы оставить ихъ, и слишкомъ занятъ, чтобы терять время на далекія прогулки.

Ѳеофрастъ страстно любилъ науку. Онъ работалъ безъ отдыха. Аѳины были центромъ, гдѣ все дѣлалось въ большихъ размѣрахъ. Въ нихъ были книгопродавцы, и книги составляли важную отрасль торговли. Хотя книгопечатаніе не существовало, но книги не были рѣдкостью у грековъ; занятіе переписчика стало прибыльнымъ, а потому искусство быстро и правильно переписывать значительно усовершенствовалось.

Ѳеофрастъ былъ крѣпкаго сложенія. У него былъ широкій лобъ, правильныя и пріятныя, хотя нѣсколько суровыя, черты лица. Все показывало въ немъ независимый духъ, твердую волю и благородную откровенность характера. Онъ одинъ осмѣлился

произнести похвальную рѣчь Калисѳену въ то время, когда никто, даже самъ Аристотель, не смѣлъ поднять голоса въ его пользу, боясь Александра. Мы уже упоминали, что въ Аѳинахъ ни доносчики, ни преслѣдователи, ни тираны не могли запугать его. Сторонникъ всяческой свободы, совмѣстимой съ человѣческимъ достоинствомъ и общественнымъ строемъ, онъ способствовалъ своимъ краснорѣчіемъ и богатствомъ къ низверженію честолюбцевъ, которые, захвативъ власть, угнетали его родину, Лесбосъ.

Онъ занимался своею наружностью, но не впадалъ въ этомъ отношеніи въ крайность, за которую Платонъ упрекалъ Аристотеля. Его любовь къ порядку обнаруживалась въ его сочиненіяхъ и во всѣхъ домашнихъ привычкахъ. По Плутарху, употребленіе, которое онъ дѣлалъ изъ своихъ талантовъ, состоянія и кредита, было лучшимъ отвѣтомъ противъ тѣхъ, кои обвиняли его въ неперепосливости къ страданіямъ, въ томъ, что онъ приписывалъ превратностямъ жизни сильное вліяніе на частное счастіе и высказалъ мнѣнія о сладострастіи, недостойныя его строгихъ нравовъ.

Грусть о томъ, что онъ не могъ жениться на дочери Аристотеля заставила его прожить холостякомъ.

Гермиппъ смирнскій говоритъ, что Ѳеофрастъ обладалъ большимъ запасомъ веселости; что онъ съ удивительной тонкостью ума схватывалъ смѣшныя стороны, но нападалъ на нихъ безъ горечи. По Діогену Лаэртію, онъ былъ привѣтливъ и услужливъ. Большую часть его блестящаго и непринужденнаго краснорѣчія слѣдуетъ приписать необычайному разнообразію его знаній и его глубокому и почти всеобъемлющему генію; современники удивлялись ему и позже Цицеронъ называлъ его *изящнѣйшимъ и ученѣйшимъ философомъ (elegantissimus omnium philosophorum et eruditussimus)* [1].

„Ѳеофрастъ, говоритъ Саверьенъ, былъ любимъ всѣми аѳинянами, которые всегда съ удовольствіемъ видѣли его. Онъ даже обязанъ былъ доставлять имъ такое удовольствіе; и когда, въ глубокой старости, не могъ гулять по городу, его носили въ носилкахъ."

Ѳеофрастъ въ глубокой старости почувствовалъ, что силы его истощены и что настало уже время отказаться отъ занятій и

[1]) Tusculani, кн. V, гл. IX.

приготовиться къ смерти. Его ученики ни на минуту не оставляли его. Они спрашивали, не прикажетъ ли онъ имъ чего.

„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но вотъ что помните! Жизнь прельщаетъ насъ; она сулитъ великія удовольствія въ обладаніи славой; но едва начинаешь жить, какъ уже время умирать. Чаще любовь къ извѣстности бываетъ самой безплодной вещью. Старайтесь однако прожить счастливо. Или совсѣмъ не привязывайтесь къ наукѣ, ибо она требуетъ много труда; или же, если у васъ твердая рѣшимость заниматься ею, трудитесь изо всѣхъ силъ, ибо тогда полученная черезъ нее слава будетъ огромна. Жизнь представляетъ пустоту, которая одерживаетъ верхъ надъ доставляемыми ею выгодами. Множество вещей безполезны, и немногія только приводятъ къ цѣли, которою можно быть довольнымъ. Мнѣ нѣтъ больше времени совѣтовать, что́ нужно дѣлать, но вамъ надо разсудить объ этомъ.“

Онъ, говорятъ, грустилъ, что приходится умирать въ то время, когда онъ только начиналъ дѣлаться мудрымъ.

Говорятъ, умирая онъ жаловался, что природа даруетъ оленямъ и вѐронамъ долгую и безполезную жизнь, между тѣмъ какъ люди, для которыхъ было-бы такъ важно жить многіе годы, живутъ такъ мало.

Ѳеофрастъ умеръ, по Діогену Лаэртію, восьмидесяти пяти, по св. Іерониму, ста семи лѣтъ. Смерть его оплакивалась во всей Греціи. Всѣ Аѳины были на его похоронахъ.

Завѣщаніе Ѳеофраста сохранено Діогеномъ Лаэртіемъ. Вотъ главнѣйшія статьи:

„Я пользуюсь хорошимъ здоровьемъ. Тѣмъ не менѣе, на всякій случай, я слѣдующимъ образомъ распоряжаюсь принадлежащимъ мнѣ:

„Мелантъ и Панкреонъ, сыновья Леонта, наслѣдуютъ все находящееся въ моемъ домѣ. Что касается до вещей, которыя я поручилъ Иппарху, вотъ что я приказываю.

„Окончить мѣсто, посвященное мною музамъ, и статуя богинь, и сдѣлать все возможное для ихъ украшенія. Затѣмъ, въ часовнѣ помѣстить снова изображеніе Аристотеля и всѣ приношенія, находившіяся въ ней прежде. Подлѣ этого мѣста, посвященнаго музамъ, воздвигнуть портикъ стольно же красивый, какъ бывшій тамъ доселѣ. Въ нижнемъ портикѣ помѣстить карту земли и воздвигнуть приличествующій и красивый алтарь. Я желаю, чтобъ была окончена статуя Никомаха; Пракситель, начертившій ее, произведетъ всѣ необходимыя издержки. Исполнители моего завѣщанія назначутъ мѣсто, куда поставить эту статую, и т. д.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА ѲЕОФРАСТА.

„Оставляю Каллину мой Стагирскій хуторъ; Нелею всѣ мои книги; тѣмъ изъ друзей, кого я назову, садъ съ мѣстомъ для прогулки и всѣми прилежащими къ саду жильями, которые должны быть въ общемъ владѣніи и не могутъ быть ни проданы, ни отчуждены и пр. и пр. Меня погребутъ въ удобномъ мѣстѣ сада, безъ всякихъ излишнихъ издержекъ на похороны и гробъ. Исполнителями моего завѣщанія назначаю: Иппарха, Нелея, Стратона, Каллина, Демотима, Каллисѳена, Ктезарха.“

Главою лицея по смерти Ѳеофраста сталъ Стратонъ лампсакскій.

Въ жизни Аристотеля мы уже разсказывали о судьбѣ сочиненій Аристотеля и Ѳеофраста по смерти Нелея, а потому сказаннаго повторять снова не станемъ.

Мы замѣтимъ только, что есть довольно любопытное сходство между судьбою твореній Аристотеля и Ѳеофраста и твореній одного знаменитаго и несчастнаго средневѣковаго ученаго. Мы говоримъ о Рожерѣ Бэконѣ. Между неумолимой злобой жрецовъ Цереры, которая по смерти Стагирита преслѣдовала его сочиненія и творенія Ѳеофраста и войной, которую объявили въ XIII вѣкѣ францисканскіе монахи, по смерти автора, твореніямъ Рожера Бэкона, *Opus majus* и *Opus minor*, — есть удивительная аналогія. Люди преходятъ, поколѣнія смѣняются, нравы преобразуются, но сущность человѣчества, не смотря на время и мѣсто, сохраняется съ тѣми же пороками, слабостями и несовершенствами.

14*

АРХИМЕДЪ.

Архимедъ обыкновенно считается знаменитѣйшимъ математикомъ древности, потому что приложилъ геометрическія и математическія знанія къ постройкѣ большаго числа машинъ и снарядовъ, употребленныхъ въ войнѣ, о которой упоминается во всеобщей исторіи. Но дѣлать изъ него искуснаго механика значитъ не понимать этого ученаго. Архимедъ былъ однимъ изъ творцовъ математическихъ наукъ въ древности. Въ геометріи онъ сдѣлалъ великія открытія; физику обогатилъ новыми фактами и важными законами. Напримѣръ, гидростатика основана его опытными изысканіями.

„Кто въ силахъ понять Архимеда, говорилъ Лейбницъ, тотъ будетъ меньше удивляться величайшимъ открытіямъ новѣйшихъ людей.“

Архимедъ былъ царскаго рода и родился въ Сиракузахъ, въ 287 г. до р. Х. Онъ былъ родственникомъ сицилійскаго царя Гіерона. Онъ, впрочемъ, не занималъ никакой общественной должности; по крайней мѣрѣ объ этомъ не говоритъ ни одинъ писатель.

Ничего неизвѣстно ни о юности, ни о воспитаніи Архимеда, кромѣ того, что онъ молодымъ уѣхалъ въ Египетъ и долго тамъ оставался.

Отправляясь туда, Архимедъ уже имѣлъ глубокія познанія въ математикѣ. Въ этомъ нельзя сомнѣваться, судя по предпринятымъ имъ въ Египтѣ работамъ и помощи, оказанной имъ туземной

АРХИМЕДЪ.

промышлености. Кажется, онъ управлялъ постройкой новыхъ плотинъ и гатей противъ разливовъ Нила. Нилъ издавна угрожалъ насыпямъ, на которыхъ были построены города и мѣстечки. Архимедъ укрѣпилъ почву при помощи новыхъ плотинъ, которыя своей твердостью и очертаніемъ противополагали достаточное сопротивленіе давленію воды. Различные построенные имъ мосты послужили позже для установленія сообщеній между населенными центрами во время разливовъ Нила.

Большая часть авторовъ, писавшихъ объ этомъ философѣ, приписываютъ ему изобрѣтеніе механическаго снаряда, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ *архимедова винта*, и полагаютъ, что онъ былъ придуманъ имъ ради производства осушенія земель, затопленныхъ Ниломъ. Приложеніе винта къ поднятію воды было извѣстно гораздо раньше Архимеда. Этотъ снарядъ, получившій столь разнообразныя примѣненія въ наше время, напр. къ движенію пароходовъ, служилъ египтянамъ для осушки болотъ, образовавшихся вслѣдствіе разливовъ Нила. Очень вѣроятно, что Архимедъ засталъ огромное количество этихъ снарядовъ въ дѣйствіи вдоль рѣчныхъ береговъ, и только усовершенствовавъ механизмъ, облегчилъ приведеніе его въ дѣйствіе и увеличилъ его приложенія. Итакъ, онъ не изобрѣлъ, но только усовершенствовалъ приложеніе этого удивительнаго снаряда къ поднятію жидкостей.

Архимедъ жилъ въ Александріи и былъ друженъ съ геометромъ-астрономомъ Кономомъ и ученымъ Досиѳеемъ.

Послѣ долгаго житья въ Египтѣ, Архимедъ воротился въ Сиракузы и поселился при дворѣ Гіерона, своего родственника и друга, глубоко уважавшаго его таланты и предлагавшаго ему всѣ выгоды, какихъ только можетъ желать честолюбіе. Но наука была единственнымъ удовольствіемъ, единственной страстью нашего философа. Чтобы понять, до какой степени Архимедъ былъ поглощенъ мыслью о работѣ, приведемъ слова Плутарха.

„Архимедъ жилъ, говоритъ Плутархъ, очарованный какой-то домашней сиреной, его неразлучной подругой, забывая ѣсть и пить и не заботясь о своемъ тѣлѣ. Часто, когда его насильно уводили въ баню, онъ чертилъ на золѣ очага геометрическія фигуры; когда ему натирали тѣло масломъ, онъ чертилъ на тѣлѣ линіи пальцемъ, постоянно преданный одной сильной страсти и будучи вполнѣ во власти музъ.“

Наградой за необычайное постоянство, съ какимъ онъ предавался изученію природы, были первостепенныя открытія.

Механическія приложенія особенно занимали Архимеда. Онъ построилъ множество приборовъ, при помощи коихъ, благодаря употребленію рычаговъ и составныхъ блоковъ, онъ до чрезвычайности увеличивалъ силу двигателя, и при помощи малой силы побѣждалъ великія препятствія.

Вполнѣ увѣренный въ справедливости своихъ мыслей и для показанія нагляднымъ образомъ всѣхъ средствъ механики, Архимедъ сказалъ однажды царю Гіерону, что почти незначительной силой онъ можетъ поднять такую тяжесть какую только можно вообразить.

„Еслибъ была другая земля, сказалъ онъ царю, и я могъ-бы перенестись туда, то при помощи простаго рычага я поднялъ-бы нашу землю.“

Чрезвычайно удивленный этими словами, царь просилъ доказать справедливость ихъ на дѣлѣ. Онъ просилъ показать ему, какъ огромный грузъ можно привести въ движеніе малой силой.

Архимедъ принялъ вызовъ. У царя въ сиракузскомъ портѣ были галеры, подымавшіе огромный грузъ. Торговыя сношенія съ Карѳагеномъ сильно развили сицилійскій торговый флотъ. Архимедъ выбралъ самую огромную изъ галеръ. Онъ приказалъ втащить ее на берегъ, что и было исполнено ручной работой; затѣмъ, онъ приказалъ обычно нагрузить ее и помѣстить въ ней столько народу, сколько умѣстится. Затѣмъ, сидя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой страшной груды, онъ безъ усилія дѣйствуя рукою *„на машину со множествомъ блоковъ,“* установленную на берегу, притянулъ къ себѣ галеру, которая скользила безпрепятственно и легко, словомъ шла по морю.

Наглядное доказательство было представлено. Сиракузцы съ этихъ поръ не сомнѣвались уже въ учености царскаго друга.

Архимедъ сдѣлалъ въ гидростатикѣ важныя открытія. Онъ открылъ законы равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость. Всѣмъ извѣстно, что имъ открытъ тотъ фактъ, что тѣло, погруженное въ жидкость, настолько теряетъ въ вѣсѣ, сколько вѣситъ вытѣсненная имъ жидкость.

АРХИМЕДЪ ПОСРЕДСТВОМЪ МАШИНЫ ВЫТАСКИВАЕТЪ НА БЕРЕГЪ ГАЛЕРУ.

На этотъ счетъ есть преданіе. Мы не можемъ не привести его, хотя считаемъ его смѣшной сказкой, выдуманной легкомысленными людьми, которые имѣютъ ложное понятіе на счетъ обыкновенныхъ способовъ ученыхъ изслѣдованій. Какъ бы тамъ ни было, вотъ какъ разсказываютъ объ открытіи Архимедомъ закона равновѣсія погруженныхъ въ жидкость тѣлъ.

Сицилійскій царь далъ золотыхъ дѣлъ мастеру извѣстное количество золота, чтобъ онъ сдѣлалъ изъ него корону. Мастеръ часть золота замѣнилъ того же вѣса количествомъ серебра, и такимъ образомъ сдѣлалъ корону не изъ чистаго золота, а изъ сплава золота и серебра. Гіеронъ сталъ подозрѣвать обманъ. Но, не желая портить искусно сдѣланной короны, онъ предложилъ физикамъ и геометрамъ слѣдующую задачу: „Не плавя и не измѣняя инымъ образомъ короны, узнать, сдѣлана-ли она изъ чистаго золота, или изъ сплава золота и серебра. И если это сплавъ, то опредѣлить въ какихъ отношеніяхъ находится въ немъ золото и серебро.“

Для такого физика, какъ Архимедъ, эта задача не представляла никакой трудности. Приложеніе вышесказаннаго закона давало требуемое рѣшеніе. Взвѣсивъ послѣдовательно корону въ воздухѣ и водѣ, онъ узналъ, что погруженная въ воду, она теряла въ вѣсѣ количество, не соотвѣтствующее чистому золоту, но извѣстному сплаву золота и серебра.

Разсказываютъ, что рѣшеніе этой задачи привело Архимеда въ такой восторгъ, что, находясь въ минуту рѣшенія въ банѣ, онъ вскочилъ и, поглощенный мыслію, побѣжалъ нагой по городу, крича: „Эврика! Эврика! Нашелъ! Нашелъ!“ Мы не задумываясь отвергнемъ подлинность этого факта. Архимеду было за обычай рѣшать трудныя и любопытныя задачи. Еслибъ онъ питалъ къ своимъ открытіямъ то чрезмѣрное чувство удивленія, какое выставляетъ этотъ разсказъ, то конечно не приминулъ бы обнародовать (а онъ этого не сдѣлалъ) описаніе тѣхъ чудодѣйственныхъ машинъ, о которыхъ съ такимъ восторгомъ говорятъ Плутархъ и многіе другіе писатели. Эта чрезвычайная скромность не ладитъ съ смѣшнымъ поступкомъ, приписываемымъ ему.

Вотъ что могло, по нашему, быть основаніемъ этой сказки. Великій сиракузскій геометръ, постоянно погруженный въ свои работы, какъ явствуетъ изъ приведенной выше выписки изъ Плу-

тарха, часто подвергался разсѣянности. Безъ сомнѣнія, не разъ случалось ему выходить изъ бани полуодѣтымъ. Въ день, когда рѣшеніе предложенной Гіерономъ задачи ясно представилось его уму, онъ, вѣроятно, поспѣшилъ домой изъ бани и вышелъ не вполнѣ одѣтый. Можетъ быть, онъ даже громко, но про себя приговаривалъ: *Нашелъ!* Но отсюда до приписываемаго ему безумнаго поступка еще далеко, и этотъ разсказъ долженъ быть изгнанъ изъ будущихъ жизнеописаній Архимеда.

Черезъ такой промежутокъ времени, трудно добиться правды на счетъ его первыхъ работъ. Въ особенности, не возможно опредѣлить порядка, въ которомъ онъ производилъ свои открытія, или писалъ свои сочиненія.

Но такой неточности не существуетъ по отношенію къ различнымъ и многочисленнымъ машинамъ, построеннымъ Архимедомъ ради защиты роднаго города противъ осаждавшихъ римлянъ. Древніе историки тщательно описали военныя дѣйствія и внѣшнія происшествія, но въ то время никто не думалъ писать исторію наукъ.

Таковы люди. Они любятъ только блескъ и шумъ, и мало любопытствуютъ знать, что̀ происходитъ въ уединенномъ кабинетѣ ученаго. Ни одинъ римскій писатель ни строчки не написалъ о чисто-научныхъ открытіяхъ Архимеда, между тѣмъ какъ Плутархъ, Полибій и Титъ Ливій оставили довольно подробное описаніе осады Сиракузъ римскимъ консуломъ Марцелломъ и упоминаютъ о военныхъ машинахъ, построенныхъ Архимедомъ. Но, не зная физическихъ наукъ, они говорятъ объ машинахъ очень темно и неудовлетворительно, такъ что нельзя хорошенько понять ихъ устройства и расположенія частей.

Но все-таки хорошо и то, что можно привести слова этихъ историковъ относительно машинъ, изобрѣтенныхъ Архимедомъ во время осады и блокады Сиракузъ. Мы приведемъ выписку изъ Плутарха.

Но сперва скажемъ о происшествіяхъ, предшествовавшихъ нападенію римлянъ.

По смерти царя Гіерона, Сиракузами мирно правилъ его внукъ. Когда и внукъ умеръ, воевода сицилійскаго войска, по имени *Гиппократъ*, вздумалъ захватить верховную власть. Онъ надѣялся

взойти на престолъ, получивъ помощь Карѳагена. Чтобы услужить и удружить карѳагенянамъ, онъ рѣшился на страшное дѣло: приказалъ умертвить всѣхъ римлянъ, находившихся въ окрестностяхъ города Леонтіума.

Неизвѣстно, какъ посмотрѣли въ Карѳагенѣ на это страшное дѣло, но въ Римѣ всѣ закричали о мщеніи. Римъ поклялся разрушить Сиракузы. Аппій и консулъ Марцеллъ были посланы съ войскомъ въ Сицилію. Леонтіумъ былъ скоро взятъ и разрушенъ.

Гиппократъ бѣжалъ въ Сиракузы, и этотъ городъ былъ осажденъ съ берега и съ моря. Аппій осадилъ Сиракузы съ берега и устроилъ свой станъ недалеко отъ городскихъ укрѣпленій, между тѣмъ какъ Марцеллъ сталъ съ шестидесятью пятью галерами вокругъ порта. Галеры были самыя сильныя во всемъ римскомъ флотѣ; весла шли въ пять рядовъ. Далѣе, онъ построилъ огромную осадную машину, чтобы со стороны порта разбивать городскія стѣны. То былъ огромный таранъ, установленный на восьми крѣпко связанныхъ судахъ.

Распоряженія римскаго консула были столь хороши, и средства нападенія столь огромны, что никто не сомнѣвался въ скоромъ разрушеніи осажденнаго города. Но при этомъ не принимали въ разсчетъ Архимеда.

Механическіе снаряды, придуманные Архимедомъ въ юности, были для него просто развлеченіемъ, или какъ говоритъ Плутархъ „просто геометрическими игрушками,“ которыми онъ занимался въ минуты отдыха и по настоянію царя Гіерона. Теперь дѣло было нешуточное: приходилось защищать отечество.

Архимедъ принялся изобрѣтать, и Плутархъ разсказываетъ, какимъ образомъ сиракузяне могли въ продолженіе трехъ лѣтъ противостать нападеніямъ римлянъ, благодаря машинамъ, придуманнымъ и управляемымъ Архимедомъ.

„Марцеллъ, говоритъ Плутархъ, произвелъ нападеніе съ моря и съ берега. Сухопутной силой начальствовалъ Аппій, а онъ самъ подвигался во главѣ шестидесяти галеръ, съ пятью рядами веселъ, снабженныхъ стрѣлами и всякаго рода оружіемъ; наконецъ, восемь связанныхъ судовъ образовали обширный и крѣпкій помостъ, на которомъ возвышалась стѣнобитная машина. Такъ онъ направлялся къ городу, надѣясь на свои огромныя и сильныя средства, а также на свою славу. Но Архимедъ ни мало не устрашился на это и все это было ничѣмъ въ сравненіи съ архимедовыми машинами. . . . .
. . . .

При видѣ двойнаго нападенія римлянъ, Сиракузы онѣмѣли отъ ужаса; имъ нечего было противопоставить такимъ силамъ, такому могущественному войску. Но Архимедъ пустилъ въ ходъ свои машины. Тотчасъ сухопутное войско было осыпано градомъ всевозможныхъ стрѣлъ, огромныхъ камней, брошенныхъ съ невѣроятной стремительностью и быстротой; никто не могъ противустоять ихъ удару; они повергали ницъ всѣхъ, до кого долетали, и произвели безпорядокъ въ рядахъ. Что касается судовъ, то съ вершины стѣнъ бросались бревна, которыя обрушались на галеры и своей тяжестью и приданной имъ скоростью топили суда; иногда-же суда подымались желѣзными руками или журавлями на воздухъ, носомъ къ верху и кормою внизъ, и такимъ образомъ топились въ волнахъ; или же вслѣдствіе возвратнаго движенія, суда перевертывались и затѣмъ разбивались о подводные камни и острія скалъ, окружавшіе основаніе стѣнъ; большая часть находившихся на судахъ погибали при этомъ. Ежеминутно, какое - нибудь судно подымалось надъ моремъ — страшно было глядѣть! Судно висѣло въ воздухѣ, качаясь изъ стороны въ сторону; люди падали съ палубъ и летѣли точно брошенные пращей; пустыя суда или разбивались о стѣны или же, когда спускались съ крюка, шли ко дну. Машина, которую Марцеллъ устроилъ на судахъ, называлась самбукъ, потому что походила на этотъ музыкальный инструментъ [1]). Когда она подходила къ стѣнѣ, и была еще далеко, Архимедъ пустилъ въ нее камень въ десять талантовъ вѣсомъ [2]), потомъ другой такой же, и слѣдомъ третій; камни, съ страшнымъ шумомъ и бурной стремительностью падая на машину, разбили ея основаніе, и, потрясая помостъ, расщепили его. Марцеллъ, не зная, что дѣлать, быстро удалился и приказалъ бить отбой сухопутному войску. Стали держать совѣтъ; было рѣшено испробовать, нельзя-ли ночью подойти къ стѣнамъ. Думали, что тетивы, употребленныя Архимедомъ, били съ такой силой, что стрѣлы будутъ перелетать черезъ головы и что вблизи стѣнъ отъ нихъ безопасно. Но кажется, Архимедъ предпринялъ давно мѣры противъ этого; онъ устроилъ машины такъ, что снаряды пускались ими на различныя разстоянія, и стрѣлы летали почти безпрерывно. Въ стѣнахъ было продѣлано множество близкихъ другъ къ другу отверстій, снабженныхъ средней силы скорпіонами, которые били вблизи и были невидимы непріятелю.

„Подойдя къ стѣнѣ, римляне почитали себя внѣ опасности; но тутъ-то они очутились мишенью для тысячи стрѣлъ, для тысячи ударовъ; камни сверху падали имъ на голову, и изо всѣхъ точекъ стѣны летѣли на нихъ стрѣлы. Они отступили; но, будучи на нѣкоторомъ разстояніи, очутились подъ стрѣлами съ болѣе далекимъ полетомъ и отступали подъ ихъ ударами; они потеряли множество народа; ихъ суда съ страшной силой сталкивались другъ съ другомъ и они не могли причинить врагу ни малѣйшаго вреда съ этой стороны. Архимедъ расположилъ большинство машинъ позади за стѣнами, и казалось невидимая рука истребляла римлянъ; точно приходилось биться съ богами.

„Марцеллъ однако спасся; и смѣясь надъ своими работниками и инженерами онъ сказалъ: „Не перестать-ли воевать съ этимъ геометромъ, который принимаетъ наши суда за сосуды для черпанья морской воды, который страшно разстроилъ и сбилъ самбукъ, и превосходитъ сторукихъ миѳологическихъ исполиновъ, пуская въ насъ столько стрѣлъ сразу?“ Въ самомъ дѣлѣ, всѣ сиракузяне были тѣ-

---

[1]) Самбукъ формой былъ почти такой же, какъ нынѣшняя арфа.

[2]) Около 300 киллограмовъ.

СМЕРТЬ АРХИМЕДА.

ломъ, а Архимедъ только — душею; онъ пускалъ въ ходъ и двигалъ всѣми машинами; только одни его орудія употреблялись, какъ для нападенія, такъ и для защиты. Наконецъ, римляне до того оробѣли, что только увидятъ бывало надъ стѣной кусокъ веревки или бревна, тотчасъ оборачивали тылъ и пускались бѣжать съ криками: „Опять Архимедъ противъ насъ выдумалъ какую-нибудь машину!“ Видя это, Марцеллъ отказался отъ битвъ и приступовъ, и рѣшился измѣнить осаду въ блокаду.“

Блокада длилась довольно времени, когда по поводу одного плѣнника, открылись переговоры между Марцелломъ и сиракузскими вождями. Во время этихъ переговоровъ, Марцеллъ замѣтилъ, что одну башню охраняютъ небрежно, и что въ этомъ мѣстѣ легко взлѣсть на стѣну. Онъ приказалъ потихоньку подставить лѣстницы. Солдаты, незамѣченные, взобрались на башню. Они разбили ворота и заняли ближнія мѣста.

Въ это время, сиракузяне, считая себя въ полной безопасности, праздновали въ честь Діаны. Ночь проходила въ пирахъ и удовольствіяхъ. Никто не зналъ объ опасности, грозившей городу. Поэтому всѣ были поражены ужасомъ, когда Марцеллъ, проникнувъ въ городъ, началъ нападеніе.

Римляне силой овладѣли нѣсколькими участками; остальные были взяты измѣной. Скоро они овладѣли всѣмъ городомъ и начался грабежъ.

При этомъ погибъ Архимедъ. Вотъ какъ разсказываетъ Плутархъ о его смерти:

„Архимедъ сидѣлъ одинъ, размышляя надъ геометрической фигурой, не слыша шума ворвавшихся въ городъ римлянъ, не зная, что Сиракузы взяты. Вдругъ, является солдатъ и приказываетъ ему идти къ Марцеллу. Архимедъ хотѣлъ сперва рѣшить задачу, но разсерженный солдатъ обнажилъ мечъ и убилъ его. Другіе говорятъ, что римлянинъ прямо вбѣжалъ къ нему съ обнаженнымъ мечомъ, что Архимедъ просилъ и умолялъ его дать докончить задачу и записать доказательства, но что солдатъ, которому горя мало было до задачи, зарѣзалъ его. Есть и третій разсказъ. Архимедъ несъ Марцеллу математическіе снаряды, какъ-то солнечные часы, сферы, углы для измѣренія величины солнца; солдаты встрѣтили его и, подумавши, что въ ящикѣ золото, убили.

Архимеду въ это время было семьдесятъ пять лѣтъ. Марцеллъ весьма сожалѣлъ о смерти Архимеда, говорятъ даже, что онъ казнилъ убійцу. Онъ приказалъ отыскать всѣхъ бывшихъ въ Сиракузахъ родственниковъ Архимеда. Онъ почтительно обошелся

съ ними, и избавилъ ихъ отъ уплаты контрибуціи и другихъ платежей, наложенныхъ на взятый городъ.

Погребеніе защитника Сиракузъ было совершено съ великимъ торжествомъ. Согласно приказанію, выраженному Архимедомъ въ завѣщаніи, на его гробницѣ начертили шаръ, вписанный въ цилиндрѣ, чтобы означить открытіе цѣнимое имъ болѣе другихъ. Древніе любили украшать гробницы тѣмъ, что занимало ихъ въ жизни. Они желали и за гробомъ жить въ своей любимой мысли.

Многіе народы ужасно забывчивы въ отношеніи тѣхъ, кто прославилъ ихъ. Черезъ сто лѣтъ по смерти Архимеда, позабыли объ этомъ великомъ человѣкѣ. Едва помнили о томъ, кто защищалъ и прославилъ Сицилію. Подъ римскимъ гнетомъ, сиракузяне, нѣкогда столь любившіе науки и искусства, стали совершенными невѣждами. Цицеронъ, будучи квесторомъ въ Сициліи, захотѣлъ поклониться гробу Архимеда. Но никто не могъ указать ему могилы. Послѣ долгихъ поисковъ, ему удалось отыскать ее между кустами терновника. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Цицеронъ:

„Будучи квесторомъ въ Сициліи, я всѣми силами старался открыть могилу Архимеда. Сиракузяне увѣряли, что ея вовсе нѣтъ. Я нашелъ ее въ терновыхъ кустахъ. Я открылъ ее при помощи надписи, которая по разсказамъ была начертана на ней, и шара и цилиндра на памятникѣ. Разсматривая многочисленные памятники у агригентскихъ воротъ, я замѣтилъ колонку, выдавшуюся изъ-за куста, и на ней нашелъ изображеніе шара и цилиндра. Я тотчасъ закричалъ знатнымъ сиракузянамъ, бывшимъ со мною: „Вотъ, кажется, то, чего я искалъ!“ Приказали обрубить кусты и очистить памятникъ. Мы увидѣли надпись, на половину изглаженную временемъ.

„Итакъ, благороднѣйшіе и образованнѣйшіе изъ сиракузскихъ гражданъ не знали-бы гдѣ находится могила ихъ знаменитѣйшаго согражданина, еслибъ Арпинецъ (т. е. самъ Цицеронъ) не указалъ имъ. [1])

Теперь изложимъ труды Архимеда.

Архимедъ сдѣлалъ довольно много изобрѣтеній по механикѣ и написалъ нѣсколько ученыхъ сочиненій. Въ его книгахъ нѣтъ описанія всѣхъ его механическихъ изобрѣтеній, потому-ли что онъ не считалъ ихъ достойными памяти потомства, или потому, что сочиненія, гдѣ находились эти описанія, не дошли до насъ. Мы сперва разсмотримъ важнѣйшія изъ приписываемыхъ ему изобрѣтеній.

---

[1]) Tusculanes.

Мы привели изъ Плутарха описаніе боевыхъ машинъ, построенныхъ Архимедомъ для защиты Сиракузъ. Описанія Плутарха, а также Полибія и Тита Ливія, совершенно не достаточны; самъ-же Архимедъ ничего не писалъ объ этихъ машинахъ.

Въ новыя времена, ученые много спорили объ одномъ изъ этихъ снарядовъ, именно о зажигательныхъ зеркалахъ.

Декартъ и другіе физики предлагали себѣ вопросъ: могъ-ли Архимедъ дѣйствительно зажечь римскій флотъ при помощи зажигательныхъ зеркалъ?

Полибій, Титъ Ливій и Плутархъ ничего не говорятъ объ этомъ. Но ученые Геронъ александрійскій, Діодоръ сицилійскій и Паппъ утвердительно объ этомъ.

Свидѣтельства почти одинаковой древности: Геронъ александрійскій жилъ раньше Полибія; Діодоръ и Титъ-Ливій были современниками и Паппъ жилъ позже Плутарха.

Сочиненіе Герона, въ которомъ говорилось объ осадѣ Сиракузъ, исчезло, но оно существовало еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, и писатели того вѣка Зонара и Цецесъ ссылаются на мѣсто относящееся къ архимедову зеркалу.

Зонара разсказываетъ, на основаніи древнихъ, о томъ, что Архимедъ сжегъ римскій флотъ *при помощи солнечныхъ лучей собранныхъ и отраженныхъ зеркаломъ*. Онъ добавляетъ, что Проклъ, по примѣру великаго сиракузскаго геометра, при помощи мѣдныхъ зеркалъ сжегъ передъ Константинополемъ флотъ Виталіана, при императорѣ Анастасѣ, въ 514 году христіанской эры.

Цецесъ, основываясь на тѣхъ же авторитетахъ, слѣдующимъ образомъ объясняетъ механизмъ зажигательныхъ зеркалъ:

„Суда Марцелла были на разстояніи полета стрѣлы, говоритъ онъ, когда Архимедъ сталъ дѣйствовать шестиугольнымъ зеркаломъ, составленнымъ изъ маленькихъ двадцатичетырехугольныхъ зеркалъ, которыя можно было двигать при помощи шарнировъ и особыхъ металлическихъ пластинокъ. Онъ установилъ это зеркало такъ, что зимній и лѣтній меридіанъ пересѣкали его въ серединѣ, такимъ образомъ, что солнечные лучи, принятые на поверхность этого зеркала, отражались и производили жаръ, который превращалъ въ пепелъ суда римлянъ, хотя они стояли на полетъ стрѣлы.“

Шарль Боссю, ученый геометръ, приводитъ эти факты въ *Опытъ исторіи математики* (Essai sur l'histoire des mathématiques).

Онъ принимаетъ ихъ за истинные, не говоря о томъ, какъ они изложены Цецесомъ. Подвижность судовъ не представляется ему непреоборимымъ препятствіемъ дѣйствію зеркалъ.

Отецъ Кирхеръ въ сочиненіи *Ars magna lucis et umbrae* говоритъ что онъ самъ построилъ зеркало согласно описанію Цецеса. Онъ прибавляетъ, что при помощи этого зеркала онъ произвелъ значительную теплоту.

Въ 1747 г., Бюффонъ заказалъ зеркало изъ 168 плоскихъ стеколъ, снабженныхъ шарнирами, чтобы возобновить опытъ отца Кирхера. Въ апрѣлѣ, при слабомъ солнечномъ свѣтѣ, ему удалось воспламенить дерево на разстояніи 150 футовъ и расплавить свинецъ въ 140 футахъ.

Въ 1777 г., Дюпюи, членъ академіи изящной словесности, обнародовалъ переводъ отрывка изъ Антемія, который разсѣеваетъ всякія сомнѣнія на счетъ этого факта.

Антемій былъ хорошій и ученый математикъ и механикъ. Онъ жилъ при Юстиніанѣ. Онъ построилъ частію съ Исидоромъ, частію самъ, знаменитую софійскую базилику въ Царьградѣ.

Антемій начинаетъ съ замѣчанія, что Архимедъ не могъ употребить вогнутаго зеркала: 1) потому что такое зеркало было бы чрезмѣрно велико; 2) потому, что для дѣйствія такого рода зеркала, требуется, чтобы зажигаемый предметъ находился между зеркаломъ и солнцемъ, и что положеніе римскихъ судовъ относительно города совершенно исключало такое расположеніе. Затѣмъ онъ объясняетъ механизмъ зеркалъ, употребленныхъ Архимедомъ, почти такъ, какъ описываетъ Цецесъ и выполнилъ Бюффонъ.

Изъ сравненія всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, по нашему, слѣдуетъ, что Архимеду справедливо приписываютъ употребленіе плоскихъ или вогнутыхъ зеркалъ, съ цѣлью если не сожечь, то безпокоить флотъ Марцелла.

Перейдемъ къ другому изобрѣтенію Архимеда.

Многіе писатели, между прочимъ Цицеронъ и Клавдіанъ, съ восторгомъ говорятъ о небесной сферѣ, построенной сицилійскимъ геометромъ. Эта сфера, движимая при помощи остроумнаго механизма, изображала движенія звѣздъ съ относительными ихъ скоростями.

Деламбръ приводитъ мѣсто изъ Клавдіана и выводитъ такое заключеніе:

„Вѣроятно, что этотъ планетарій изображалъ не только движенія солнца и луны, но также и звѣздной сферы. Но не вполнѣ ясно, прибавляетъ онъ, были-ли изображены планеты; ничто не мѣшаетъ, однако, предположить, что Архимедъ могъ заставить ихъ двигаться по почти извѣстнымъ тогда среднимъ скоростямъ; на это можетъ быть указываетъ стихъ:

„Inclusus variis famulatur spiritus astris“ [1]).

Архимеду же приписываютъ первую мысль *гидравлическаго органа*. Но изобрѣтеніе этой машины или инструмента приписывается также и Ктезибію.

Архимедъ построилъ для Гіерона огромное судно, описаніе котораго есть у Атенея. Не невозможно, что это судно двигалось архимедовымъ винтомъ.

Цецесъ и Онбазъ [2]) говорятъ о изобрѣтеніи имъ машины для подъема огромныхъ тяжестей. Вѣроятно, Архимедъ построилъ множество такого рода машинъ и часто перемѣнялъ расположеніе ихъ частей.

Древніе, кромѣ того, приписывали Архимеду сорокъ механическихъ изобрѣтеній, въ числѣ которыхъ находятся *винтъ*, *зажигательное зеркало* и *сложный блокъ*, единственныя намъ извѣстныя и о коихъ мы говорили выше.

Вѣроятно, что другія изобрѣтенія, сдѣланныя Архимедомъ, были обнародованы послѣ него съ нѣкоторыми измѣненіями въ формѣ и безъ имени настоящаго изобрѣтателя. Еслибъ исчислить всѣ предметы практическаго и промышленнаго искусства доставшіеся намъ отъ древности, и еслибъ нашъ вѣкъ остался исключительно съ тѣмъ, что́ принадлежитъ собственно ему, то онъ, вѣроятно, меньше бы гордился тѣмъ великимъ превосходствомъ, какое онъ приписываетъ себѣ относительно предъидущихъ вѣковъ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію оставшихся послѣ Архимеда сочиненій, или, по крайности, тѣхъ, которыя дошли до насъ.

---

[1]) Histoire de l'astronomie ancienne, въ 8°, Paris 1809. T. I, стр. 101.

[2]) De Machin., XXVI.

Отъ Архимеда остались для насъ слѣдующія сочиненія:

О шарѣ и цилиндрѣ; объ измѣреніи круга; о коноидахъ и сфероидахъ; о винтахъ; о равновѣсіи плоскостей, или объ ихъ центрахъ тяжести; о квадратурѣ параболы; объ исчисленіи песку; о тѣлахъ, плавающихъ на жидкости; о леммахъ.

Первая книга о *шарѣ и цилиндрѣ* начинается письмомъ Архимеда къ Досиѳею. Архимедъ извѣщаетъ, что онъ окончилъ доказательство многихъ теоремъ, между коими находятся слѣдующія:

„Поверхность шара равна поверхности четырехъ его большихъ круговъ.

„Цилиндръ, коего основаніе равно большому кругу шара и высота поперечнику шара, равенъ тремъ половинамъ этого самаго шара и т. п.“

„Хотя эти свойства, прибавляетъ Архимедъ, существеннымъ образомъ принадлежали фигурамъ, о коихъ мы говорили, но не были замѣчены тѣми, кто разработывалъ геометрію раньше насъ. Однако, истину нашихъ теоремъ легко увидѣть при внимательномъ чтеніи доказательствъ, представленныхъ нами. Тоже было относительно многихъ вещей, кои Евдоксъ разсматривалъ въ тѣлахъ, и которыя были приняты въ видѣ слѣдующихъ теоремъ:

„Пирамида есть треть призмы того-же основанія и той-же высоты. Конусъ есть треть цилиндра того-же основанія и той-же высоты. Эти свойства необходимо существовали въ фигурахъ; и хотя раньше Евдокса было много геометровъ, заслуживающихъ уваженіе, эти свойства тѣмъ не менѣе оставались неизвѣстными, такъ какъ никому не удавалось открыть ихъ.

„Наконецъ, всѣ, кто можетъ, пусть разсмотритъ сказанное мною. Хорошо было-бы, если бы мои открытія были обнародованы при жизни Конона (самосскаго астронома и геометра, жившаго въ Александріи); ибо я думаю, онъ былъ весьма способенъ изучить ихъ и сообщить о нихъ тѣмъ, кто занимается математикой; я посылаю тебѣ ихъ съ прибавленіемъ доказательствъ. Занимающіеся этой наукой могутъ на досугѣ разсматривать ихъ. — Будь здоровъ.

Это письмо показываетъ не то, что раньше Евдокса не умѣли измѣрять тѣла, но только то, что нѣкоторыя отношенія между тѣлами не были замѣчены.

Передъ изложеніемъ Архимедъ приводитъ *аксіомы опредѣленія* и *начала*, на которыхъ основываются его доказательства.

Въ первой книгѣ о *шарѣ и цилиндрѣ* находится пятьдесятъ теоремъ. Способъ ихъ изложенія и особенно порядокъ, въ какомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ, придаютъ совершенно особый характеръ методѣ сиракузскаго геометра. Нашъ геометрическій

языкъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ языку древнихъ, или потому, что мы на тѣ же предметы смотримъ съ другой точки зрѣнія, или потому, что при сравненіи мы обращаемъ вниманіе не на тѣ члены, или же еще потому, что имѣемъ въ виду другую цѣль.

Въ этой первой книгѣ есть множество любопытныхъ теоремъ, которыхъ мы не можемъ привести, ибо безъ помощи чертежей они были бы непонятны читателямъ, незнакомымъ съ геометріей древнихъ. Новые методы, ведя нашъ умъ иными путями, сдѣлали большинство этихъ теоремъ излишними для насъ. Однако, мы раздѣляемъ мнѣніе Ньютона, Монтукла и Деламбра, что геометрамъ, пишущимъ начальные учебники, не дурно, прежде чѣмъ браться за перо, внимательно прочесть Эвклида и Архимеда. Они найдутъ у нихъ методъ послѣдовательныхъ выводовъ, ясность изложенія и разсужденія, и въ особенности геометрическую строгость, отъ которой мы все болѣе и болѣе удаляемся, къ великому ущербу для науки и преподаванія.

Сочиненіе объ *Измѣреніи круга* очень коротко. Въ немъ заключается нѣсколько теоремъ, сопровождаемыхъ доказательствами. Архимедъ послѣдовательно вписываетъ и описываетъ правильные многоугольники въ 4, 8, 16, 32 и т. д. сторонъ, какъ поступаютъ и теперь, и прибѣгаетъ къ доказательству *ad absurdum*. Онъ строже, чѣмъ нынѣ при помощи *теоріи предѣловъ*, доказываетъ, что кругъ равняется прямоугольному треугольнику, коего одна сторона изъ образующихъ прямой уголъ равна радіусу, а другая равна окружности, развернутой въ прямую линію. Онъ показываетъ, что окружность равна тройному поперечнику + нѣкоторой части поперечника, содержащейся между $^{10}/_{71}$ и $^{10}/_{70}$ его долями, то есть что отношеніе $3^1/_7$ больше, а отношеніе $3^{10}/_{71}$ меньше настоящаго.

Трактатъ о *Коноидахъ и Сфероидахъ* довольно великъ. Онъ начинаетъ его слѣдующимъ письмомъ:

„Архимедъ Досиѳею, привѣтъ. Въ этой книгѣ я посылаю тебѣ не только доказательства, которыя не были мнѣ присланы, но также доказательства другихъ открытыхъ мною теоремъ, которыя долго не давали мнѣ покоя, потому что, изслѣдуя ихъ нѣсколько разъ, я нашелъ въ нихъ много трудностей. Вотъ почему эти теоремы не были выданы вмѣстѣ съ другими. Теперь, тщательно и вновь разсмотрѣвъ ихъ, я нашелъ ускользавшія отъ меня рѣшенія и т. д.

Въ этомъ довольно длинномъ письмѣ находятся драгоцѣнныя общія данныя о состояніи важной части чистой математики во времена Архимеда.

Трактатъ о *Коноидахъ и Сфероидахъ* содержитъ только 34 доказанныя теоремы. Это, конечно, не все извѣстное древнимъ геометрамъ на этотъ счетъ. Сочиненія Архимеда предполагаютъ существованіе другихъ, болѣе элементарныхъ, на коихъ онъ основывался.

Доказательство этому встрѣчается во многихъ мѣстахъ его сочиненій. Напримѣръ, въ четвертой части трактата, о коемъ идетъ рѣчь, послѣ изложенія одного начала, онъ прибавляетъ: „*Это было доказано въ Начаткахъ коническихъ сѣченій*". Но до насъ не дошли эти *Начатки*.

Въ сочиненіяхъ, дошедшихъ до насъ, заключаются только его собственныя открытія. Если онъ говоритъ объ открытіяхъ другихъ, то ради того, чтобы подтвердить ихъ новыми, своими доказательствами. Въ древности, искусство доказывать достигло великой степени совершенства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ прочесть Эвклида, Архимеда и Аполлонія Пергейскаго.

Трактату о *Спираляхъ* предшествуетъ письмо къ Досиѳею Въ немъ заключается 28 теоремъ. Спиральныя линіи суть кривыя особаго порядка. При описаніи этой части геометрическихъ трудовъ Архимеда потребовалось бы войти въ подробности, которыя не могутъ имѣть мѣста въ настоящемъ сочиненіи. Мы приведемъ только письмо къ Досиѳею:

„Ты настоятельно просилъ меня написать доказательства теоремъ, посланныхъ къ Конону. Многія изъ этихъ доказательствъ, находятся въ книгахъ, привезенныхъ тебѣ Ираклiемъ; посылаю тебѣ другія, не находящіяся тамъ. Не удивляйся, что я столь долго не рѣшался выпустить въ свѣтъ доказательства этихъ теоремъ. Причиной было то, что я желалъ дать время найти ихъ людямъ, занимающимся математикой и желавшимъ заняться этимъ изслѣдованіемъ. Ибо сколько въ геометріи теоремъ, которыхъ, кажется, нѣтъ средства узнать и которыя потомъ становятся очевидными! Кононъ умеръ, не успѣвъ найти эти доказательства, и оставилъ теоремы недоказанными. Будь онъ живъ, онъ, безъ сомнѣнія, нашелъ-бы ихъ; и своими открытіями раздвинулъ-бы границы геометріи. Ибо мы знаемъ, что этотъ человѣкъ обладалъ большой смѣтливостью и способностью къ этой наукѣ. Много лѣтъ прошло послѣ его смерти и я не знаю, рѣшалъ-ли кто эти задачи. Я изложу ихъ всѣ одну за другою.— Архимедъ".

Трактатъ *о равновѣсіи плоскостей, или о ихъ центрахъ тяжести*, содержитъ двѣ книги. Доказательства опираются на слѣдующія, уже дознанныя начала:

„Равные грузы, повѣшенные на равныхъ длинахъ, находятся въ равновѣсіи.

„Равные грузы, повѣшенные на неравныхъ длинахъ, не находятся въ равновѣсіи, и повѣшенный на большей перетянетъ другую.

„Если грузы, повѣшенные на извѣстныхъ длинахъ, находятся въ равновѣсіи...“ и т. д.

Въ первой книгѣ, шестое и седьмое положенія изложены такъ: „Соизмѣримыя или несоизмѣримыя величины находятся въ равновѣсіи, когда они повѣшены на длинахъ, которыя имъ обратно пропорціональны.... и т. д.

Во второй книгѣ находится десять теоремъ, имѣющихъ предметомъ *центръ тяжести въ параболическихъ отрѣзкахъ*.

Ограничился ли этимъ Архимедъ въ своихъ изслѣдованіяхъ на счетъ центра тяжести? Не потерянъ ли конецъ его работы? Или не желалъ ли онъ пополнить доказательства уже готовыхъ теорій, которымъ не доставало строгости? На эти вопросы — отвѣтовъ нѣтъ.

Въ трактатѣ о *Квадратурѣ параболы* двадцать четыре теоремы. Въ началѣ находится довольно длинное письмо Архимеда къ Досиѳею:

Я открылъ эту теорему, говоритъ онъ, сперва посредствомъ механическихъ соображеній, а потомъ уже посредствомъ геометрическихъ разсужденій и т. д.

Намъ очень жаль, что мы можемъ выписывать только немногое изъ того, что считаемъ любопытнымъ у Архимеда. Мы можемъ дать только слабое понятіе объ его работахъ. Предметъ этого сочиненія не имѣетъ другой цѣли.

Въ трактатѣ, озаглавленномъ „Исчисленіе песку“, авторъ, въ противность общему мнѣнію, доказываетъ, что число морскихъ песчинокъ не безконечно:

„Я покажу тебѣ, пишетъ Архимедъ царю Гелону, при помощи геометрическихъ доказательствъ, съ которыми ты долженъ будешь согласиться, что между

числами, выставленными нами въ книгахъ надписанныхъ Зевксиппу, есть такія, которыя превосходятъ число песчинокъ въ объемѣ, не только равномъ величинѣ земли, но даже цѣлой вселенной, и т. д.

Затѣмъ, онъ приступаетъ къ предмету и изъ своихъ предположеній выводитъ весьма важныя заключенія относительно діаметра земли, солнца и т. д. Этотъ трактатъ очень любопытенъ. Деламбръ разобралъ его, ради части, относящейся къ астрономіи *).

Трактатъ о *Тѣлахъ, погруженныхъ въ жидкость*, состоитъ изъ двухъ книгъ. Архимедъ исходитъ изъ слѣдующей гипотезы: „Полагаютъ, что вслѣдствіе того, что природа жидкости такова, что части ея одинаково расположены и непрерывны между собою, та часть, на которую давленіе меньше, изгоняется тою, на которую оно больше. Всякая часть жидкости претерпѣваетъ давленіе отъ жидкости, находящейся выше, по вертикальному направленію, все равно, будетъ ли жидкость опускаться, или какая-нибудь причина будетъ заставлять ее переходить съ мѣста на мѣсто".

Вотъ главныя положенія:

„Поверхность всякой находящейся въ покоѣ жидкости шаровидна. Центръ этой сферической поверхности есть центръ земли.

„Если тѣло, имѣющее при равномъ объемѣ одинъ и тотъ же вѣсъ съ какой-нибудь жидкостью, бросить на эту жидкость, то оно совершенно погрузится въ нее, но не спустится на дно.

„Если твердое тѣло, легчайшее жидкости, бросить на эту жидкость, то часть этого тѣла останется надъ поверхностью жидкости.

„Если тѣло, легчайшее жидкости, бросить на эту жидкость, оно погрузится въ нее до тѣхъ поръ, пока объемъ жидкости, равной объему омываемой жидкостью части тѣла, не будетъ имѣть того же вѣса, что цѣлое тѣло.

„Если тѣло, легчайшее жидкости, погружено въ эту жидкость, то оно вынырнетъ и съ тѣмъ большею силою, чѣмъ тяжелѣе будетъ объемъ жидкости противъ равнаго объема этого тѣла.

„Тѣло, которое при равномъ объемѣ тяжелѣе жидкости, будетъ погружаться въ нее, пока не дойдетъ до дна".

---

*) Histoire de l'astronomie ancienne, т. 1, стр. 102 — 105.

Архимедъ полагаетъ, что перпендикуляръ проходитъ черезъ центръ тяжести тѣлъ, которыя въ жидкости подымаются снизу вверхъ.

„Если какая-нибудь твердая величина, легчайшая жидкости, будетъ плавать на этой жидкости, то ея вѣсъ относится къ вѣсу равнаго объема этой жидкости, какъ погруженная часть къ цѣлой величинѣ.

„Если ось сегмента параболическаго коноида не превышаетъ трехъ четвертей параметра, то этотъ сегментъ, каковъ бы ни былъ его вѣсъ, приметъ вертикальное положеніе, будучи положенъ на эту жидкость“ и т. д.

Слѣдуютъ за тѣмъ нѣсколько предложеній такого же рода, имѣющихъ предметомъ найти двѣ прямыя, квадраты которыхъ были бы въ томъ же отношеніи, какъ удѣльныя тяжести жидкости и сегмента.

Трактатъ *о Леммахъ* содержитъ пятнадцать предложеній. Это приложеніе анализа къ геометрическимъ построеніямъ.

ЭВКЛИДЪ.

Греческая древность произвела много великихъ геометровъ, славнѣйшіе между которыми: Архимедъ, Эвклидъ и Аполлоній Пергейскій. Они являются намъ знаменитѣйшими потому, что мы только о нихъ можемъ судить на основаніи дошедшей до насъ части ихъ сочиненій. Творенія другихъ математиковъ потеряны и не возможно сказать теперь, что ими было сдѣлано для науки, и отличить ихъ собственные труды отъ заимствованнаго отъ предшественниковъ. Можно только утверждать, что они были люди геніальные, и что нѣкоторые изъ ихъ трудовъ были плодомъ мощнаго ума, или высшаго метода, который не формулированъ въ дошедшихъ до насъ ихъ сочиненіяхъ. Напримѣръ, Архимедъ въ своемъ сочиненіи о *Спираляхъ* (которыя суть кривыя высшаго порядка) проводитъ касательныя, измѣряетъ поверхности; и Аполлоній въ своемъ сочиненіи о *Коническихъ Сѣченіяхъ* предлагаетъ и рѣшаетъ вопросы о *наибольшемъ* и *наименьшемъ*, *о разверткахъ* и т. д., какъ будто ихъ теоремы были открыты прежде, при помощи высшаго метода, иного противъ того, какой они употребляютъ для доказательствъ.

Такимъ образомъ, математическія науки у древнихъ достигли высшаго, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, развитія. Это особенно ясно станетъ при чтеніи жизнеописаній Эвклида, Аполлонія Пергейскаго и Гиппарха.

ЭВКЛИДЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ ПТОЛОМЕЮ СОТЕРУ СВОИ НАЧАЛА ГЕОМЕТРІИ.

Много, болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ изъ древнихъ грековъ звались Эвклидами. Именно: Эвклидъ, архонтъ аѳинскій (V вѣка до Р. Х.); Эвклидъ, врачъ (V вѣка до Р. Х.); Эвклидъ аѳинскій ваятель (IV вѣка до Р. Х.); Эвклидъ, философъ, ученикъ Сократа и основатель Мегарской школы (IV вѣка до Р. Х.); Эвклидъ, спартанскій военачальникъ, братъ Клеомена III, царя спартанскаго (III вѣка до Р. Х.); наконецъ Эвклидъ, писатель *Началъ ариѳметики и геометріи.*

Послѣдній самый знаменитый. Его иногда смѣшивали съ основателемъ Мегарской школы, хотя они не были современниками, и различались и складомъ ума, и способностями, и родомъ занятій.

Положительно извѣстно, что геометръ Эвклидъ жилъ въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х., ибо древніе писатели, говорящіе съ нѣкоторою подробностію объ основаніи Александрійской школы, называютъ его между первыми учеными, которыхъ щедрость основателя Птоломея I привлекла въ музей этого знаменитаго города.

Но на счетъ времени и мѣста его рожденія ничего вѣрнаго неизвѣстно. Проклъ [1]) на этотъ счетъ ограничивается указаніемъ что Эвклидъ былъ современникомъ перваго Птоломея, то есть Птоломея *Сотера*, или *Спасителя.* А этотъ государь умеръ въ 283 году до Р. Х.

Арабскіе историки повѣствуютъ, что Эвклидъ родился въ Сиріи въ городѣ Тирѣ, и что его отецъ Навкратъ былъ грекъ и переѣхалъ въ Тиръ изъ Дамаска.

Въ *Исторіи математики,* Монтукла придаетъ значеніе этому свидѣтельству. Арабскіе историки, какъ и всякіе, правда, часто впадали въ ошибки; но слѣдуетъ ли изъ этого, что они всегда ошибались? Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ ихъ извѣстіяхъ о семействѣ Эвклида. Не желая вдаваться въ изслѣдованія объ эллинской расѣ, замѣтимъ только, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь множество греческихъ семействъ жили уже цѣлыя столѣтія въ Малой Азіи.

---

[1]) Eucl. кн. II, гл. IV.

Потомокъ одной изъ этихъ греческихъ фамилій, Эвклидъ, безъ сомнѣнія, былъ въ юности посланъ въ Аѳины для изученія математики. Мы считаемъ такое предположеніе основательнымъ потому, что извѣстно, что Эвклидъ жилъ въ Греціи и считался тамъ за искуснаго математика; и потому, что будучи греческаго происхожденія, онъ, кажется, считался тамъ за иностранца. Почему не держаться разсказа арабскихъ историковъ, если противъ нихъ нѣтъ ни одного факта? Школа Платона образовывала въ Аѳинахъ первокласные таланты. Тамъ ревностно занимались математикой. Слава Академіи и Лицея была распространена за предѣлами Греціи, повсюду, куда только ѣзжали греки. Поэтому многіе иностранцы конечно посылали своихъ дѣтей въ Аѳины для изученія основаній искусствъ и наукъ. Отецъ Эвклида, поселенецъ Малой Азіи, тѣмъ болѣе долженъ былъ слѣдовать этому примѣру, что самъ, безъ сомнѣнія, былъ греческаго происхожденія.

Мы предлагаемъ только догадку, но она основывается на серьезномъ соображеніи, то есть на мнѣніи арабскихъ историковъ, которые, живя ближе ко времени Эвклида, могли лучше насъ знать объ этомъ вопросѣ, не только изъ существовавшихъ еще тогда преданій, но также изъ древнихъ писателей, которыхъ сочиненія до насъ не дошли.

Въ то время въ Египтѣ былъ царь-основатель славной династіи — Птоломей Сотеръ. Мы не станемъ разсказывать исторіи царствованія этого государя, друга наукъ, словесности и искусствъ. Достаточно замѣтить, что этотъ просвѣщенный монархъ задумалъ и привелъ въ исполненіе мысль — вывести науки на свѣтъ изъ тайныхъ святилищъ египетскихъ храмовъ. Птоломей Сотеръ желалъ учредить у себя ученую и философскую школу, которая стала бы достойной соперницей европейскихъ школъ Платона и Пиѳагора. По его повелѣнію, на противоположномъ Греціи берегу была воздвигнута академія, ставшая безсмертной подъ именемъ *Александрійской школы*.

Птоломей Сотеръ пригласилъ Эвклида въ Александрію, для занятія важнаго поста; дѣло шло объ образованіи высшей академіи и общемъ устройствѣ преподаванія въ новой школѣ.

Вѣроятно, Эвклидъ былъ уже извѣстенъ нѣкоторыми важными трудами по геометріи, когда былъ приглашенъ въ образовывав-

шуюся александрійскую академію. Если бы сохранились архивы александрійскаго Музея, то въ нихъ нашлась бы большая часть необходимыхъ для жизнеописанія Эвклида свѣдѣній. Мы знали бы, откуда былъ призванъ онъ египетскимъ государемъ, какъ установилась его извѣстность и сколькихъ лѣтъ онъ оставилъ Грецію, чтобъ отправиться въ Александрію.

Мы принимаемъ вмѣстѣ съ Монтукла [1]), единственно на основаніи догадокъ, что Эвклидъ учился въ Аѳинахъ, у учениковъ Платона.

Основываясь на обычаяхъ, установившихся при общественномъ обученіи въ Аѳинахъ, мы предполагаемъ также, что, окончивъ свое ученіе, онъ давалъ публично уроки и поощренный своими первыми успѣхами и постоянно возраставшимъ числомъ учениковъ, рѣшился вполнѣ предаться преподаванію математики.

Его *Начала геометріи* доказываютъ, что Эвклидъ глубоко обдумалъ методы изложенія.

„Въ принятый имъ для геометріи методъ, говоритъ Монтукла, онъ внесъ ту связность въ изложеніи, которой такъ удивляются любители геометрической строгости и которая такова, что нѣтъ ни одной теоремы, которая не находилась бы въ необходимой связи съ предъидущей и послѣдующей."

Въ продолженіи своей наставнической дѣятельности, Эвклидъ, конечно испыталъ достоинства этого метода долгимъ опытомъ; преподавая, онъ улучшалъ его. Чтобы написать хорошую книгу для начальнаго обученія, не достаточно знанія фактовъ и научныхъ теорій; необходимо, чтобы придуманные методы и способы были признаны дѣйствительными многолѣтней учительской практикой; чтобы они были приложены ко многимъ ученикамъ, различнымъ по способностямъ и понятливости. Строгій методъ, которому удивляются въ книгѣ Эвклида, доказываетъ по нашему мнѣнію, что авторъ долго преподавалъ науки, о которыхъ написалъ образцовое сочиненіе, возбуждавшее удивленіе древнихъ и новыхъ.

Чѣмъ больше мы вдумываемся въ методъ, которому Эвклидъ слѣдовалъ въ своихъ *Началахъ ариѳметики и геометріи*, тѣмъ вѣроятнѣе кажется намъ предположеніе, что авторъ преподавалъ

---

[1]) Histoire des mathématiques, 2-е изд. in 4°. Paris, an VII. T. I, книга IV.

математику или въ Аѳинахъ, или въ какомъ другомъ греческомъ городѣ, когда ему были сдѣланы соблазнительныя предложенія отъ имени царя Птоломея. Вѣроятно, онъ тогда сталъ склоняться къ старости. Его извѣстность, вѣроятно, росла медленно; онъ сталъ извѣстенъ не столько своими сочиненіями, сколько своимъ преподаваніемъ. Это преподаваніе было слишкомъ спеціально, чтобъ прославить его. Но въ древней Греціи, на математику смотрѣли какъ на одинъ изъ основныхъ элементовъ образованія. Она считалась основой философіи. Отвѣтъ, данный философомъ Ксенократомъ молодому человѣку, который осмѣлился придти слушать его, не зная совершенно геометріи, сталъ пословицей въ школахъ:

„Удались, сказалъ онъ ему, ибо тебѣ не достаётъ точки опоры и средствъ, необходимымъ, чтобы возвыситься до философіи“.

Паппъ изображаетъ Эвклида человѣкомъ мягкимъ, скромнымъ, привѣтливымъ, не упускающемъ случая поощрить хвалой молодыхъ людей, любящихъ ученіе, чувствовавшимъ особую любовь къ тѣмъ, кого считалъ способными споспѣшествовать успѣхамъ математики [1]).

Эвклидъ былъ самымъ лестнымъ образомъ принятъ при дворѣ Птоломея и въ Музеѣ. Уже былъ обдуманъ и изготовленъ планъ обширной системы преподаванія. Оставалось распредѣлить между учеными и наставниками академіи различныя части элементарнаго обученія, которое должно было служить основой. Требовалось также заняться составленіемъ начальныхъ руководствъ по грамматикѣ, музыкѣ, астрономіи, ариѳметикѣ, геометріи и т. д.

При этомъ на долю Эвклида пришлось писать ариѳметику и геометрію. Птоломей просилъ его въ особенности изложить предметъ возможно ясно, просто и точно.

Окончивъ работу, Эвклидъ представилъ ее царю. Птоломей, привыкшій на сколько возможно лично ознакомляться со всѣмъ, предполагалъ прочесть сочиненіе Эвклида, какъ произведеніе чисто литературное. Не зная математики, Птоломей не подозрѣвалъ, что для того, чтобъ понять самый простой геометрическій учебникъ, необходимы предварительное приготовленіе не долгое и не трудное

) ollectiones mathematicae, книг. VII, Prooemium.

но требующее большаго вниманія. Во-первыхъ, слѣдуетъ вполнѣ усвоить первичныя опредѣленія, запомнить точный смыслъ каждаго техническаго выраженія и замѣчать, какъ теоремы родятся одна изъ другой, какъ онѣ между собою связываются такимъ образомъ, что каждая существуетъ и доказывается, или на основаніи предъидущей, или на основаніи первичныхъ опредѣленій. Все геометрическое искусство, такъ сказать, заключается въ нѣсколькихъ страницахъ. Вотъ почему слѣдуетъ обращать вниманіе на начало; остальное есть только развитіе, за которымъ скоро привыкнешь слѣдить безъ усилій и утомленія.

Все это простыя и общеизвѣстныя истины. Но египетскій государь даже не подозрѣвалъ этого. Поэтому онъ сильно удивился, что не могъ понять сразу и при быстромъ чтеніи сочиненія Эвклида.

„Нѣтъ ли какого менѣе тернистаго пути, чтобъ изучить геометрію?“ спросилъ онъ Эвклида.

„Нѣтъ, государь, — отвѣчалъ Эвклидъ, — въ математикѣ нѣтъ особыхъ путей для царей“.

Эвклидовы *Начала* были приняты въ александрійскомъ Музеѣ; по нимъ преподавалась математика. Но вѣроятно, что Эвклидъ не ограничивался при устномъ преподаваніи предметами, заключающимися въ этомъ сочиненіи. Въ самомъ дѣлѣ, оно назначено для того только, чтобы ознакомить учениковъ съ началами, на коихъ тогда основывалось философія и теорія искусствъ. Она написана для начинающихъ. Различныя содержащіяся въ немъ теоремы были извѣстны съ незапамятныхъ временъ. Быть можетъ, автору принадлежитъ только методъ связнаго изложенія. Математическія свѣдѣнія были тогда обширнѣе изложенныхъ въ *Началахъ* Эвклида.

Эвклидъ написалъ другое математическое сочиненіе, подъ заглавіемъ *Данныя*. Вѣроятно, преподавая въ музеѣ, онъ излагалъ содержаніе своихъ *Данныхъ*, которыя по Монтукла, составляютъ продолженіе *Началъ* и первый шагъ къ высшей геометріи.

Эвклидъ, вѣроятно, читалъ также о *Коническихъ сѣченіяхъ*. Извѣстно, что существовало его сочиненіе объ этомъ предметѣ, въ четырехъ книгахъ, составленное по Аристею, геометру жившему

за вѣкъ до него. Эти четыре книги, можетъ быть, были изложеніемъ уроковъ, которые преподавалъ Эвклидъ въ Александріи.

Три книги *de Porismatibus*, которыя Монтукла считаетъ за глубочайшее изъ сочиненій Эвклида, также составляли часть курса математики въ Музеѣ. Ниже мы увидимъ, что современный ученый геометръ, Шаль, членъ института, возстановилъ это сочиненіе, основываясь на *Леммахъ* Паппа.

Вѣроятно, при устномъ изложеніи, Эвклидъ на примѣрахъ показывалъ различныя приложенія чистой математики, и что затѣмъ эти примѣры, распредѣленные по отдѣльнымъ спеціальностямъ, послужили предметомъ различныхъ сочиненій. Такъ книга *de Divisionibus*, на которую ссылается Проклъ, заключала геодезію; книга *de Phœnomenis* заключала геометрическія доказательства относительно восхода и заката звѣздъ; книга подъ заглавіемъ *Isagoge, seu Introductio musica* содержала всѣ математическія начала музыкальной теоріи; книга, озаглавленная *Specularia et perspectiva* содержала начала оптики и перспективы, о которыхъ, по Проклу и Ѳеону, Эвклидъ писалъ. Ошибки и неточности этой книги, по Монтукла, доказываютъ, что это не сочиненіе самого Эвклида, а только, можетъ быть, записки незнающаго ученика, дурно понявшаго своего наставника.

Мы не знаемъ, расширилъ ли Эвклидъ какимъ-нибудь открытіемъ область математическихъ наукъ. Для этого необходимо бы имѣть всѣ существовавшія до него сочиненія, а отъ нихъ едва остались отрывки, приводимые позднѣйшими писателями.

Въ различныхъ сочиненіяхъ, заглавія которыхъ приведены нами, Эвклиду принадлежатъ: методъ, точность, математическая строгость. Зная, какое огромное вліяніе оказываетъ на развитіе человѣческихъ знаній употребленіе хорошаго метода, мы поймемъ, что съ этой точки зрѣнія достоинство Эвклида — огромно.

Какъ бы любопытно было точно знать все, что дѣлалось въ знаменитой Александрійской школѣ. Желательно было бы знать ея внутреннее устройство, уставъ Музея, сколько часовъ въ недѣлю или мѣсяцъ каждый наставникъ обязанъ былъ учить; были ли курсы открыты для всѣхъ, или чтобъ быть принятымъ

въ число учениковъ слѣдовало подвергнуться испытанію и т. д. Древніе писатели ничего не говорятъ объ этомъ.

Не осталось ни статуи, ни медали съ изображеніемъ Эвклида. Мы не знаемъ также, когда, гдѣ и сколькихъ лѣтъ умеръ этотъ ученый. Всѣ древніе писатели, говорящіе о Эвклидѣ, умалчиваютъ о его личности.

Огромное число, свойство и обширность его сочиненій заставляютъ полагать, что онъ долго жилъ и работалъ даже старикомъ. Мы полагаемъ, что онъ умеръ въ Александріи, которая стала для него вторымъ отечествомъ. Не вѣроятно, чтобы онъ возвратился на родину, гдѣ у него остались только дальніе родственники.

Сочиненія, въ которыхъ находились подробности относительно Эвклида, Аполлонія и другихъ знаменитостей Александрійской школы, пропали или во время вторженій арабовъ въ Египетъ, или во время крестовыхъ походовъ. Крестоносцы, надо сказать правду, были менѣе образованы, чѣмъ тогдашніе восточные народы. Они, овладѣвая городами, разрушили нѣсколько библіотекъ. Лейбницъ доказалъ, что самое мрачное для словесности и наукъ время, когда уничтожено наибольшее число книгъ — двѣнадцатый и тринадцатый вѣка, то есть блестящій періодъ крестовыхъ походовъ.

Изложивъ жизнеописаніе Эвклида, разсмотримъ вкратцѣ его сочиненія и нѣсколько подробнѣе скажемъ о тѣхъ, которыхъ привели только заглавія. Но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ состояніи была наука до Эвклида.

Математическія науки сдѣлали великіе успѣхи у платониковъ, извѣстно, что самъ Платонъ былъ глубокій геометръ. Ему приписываютъ нѣсколько открытій. Говорятъ, что онъ первый ввелъ теорію коническихъ сѣченій въ преподаваніе математики. Аристей, Эвдоксъ, Менедемъ, Динострать и нѣкоторые другіе изъ его учениковъ развили эту новую отрасль геометріи.

Время отъ времени, по мѣрѣ новыхъ успѣховъ науки, являлись особенные трактаты, въ которыхъ извѣстныя уже теоремы располагались и излагались въ методическомъ порядкѣ. До Эвклида существовало, безъ сомнѣнія, нѣсколько такихъ сочиненій; но *Начала геометріи и ариѳметики* заставили позабыть о всѣхъ другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни одно математическое начальное со-

чиненіе не имѣло такого успѣха. Въ продолженіе вѣковъ, *Эвклидовы Начала* были переводимы и объясняемы на всѣхъ языкахъ, по нимъ учили во всѣхъ школахъ.

„Эвклидъ прославился, говоритъ Монтукла, особенно своими *Началами*. Онъ собралъ въ этомъ сочиненіи, до сихъ поръ лучшемъ въ этомъ родѣ, начальныя геометрическія истины, открытыя до него. Онъ ввелъ эту связность, столь восхищающую любителей геометрической строгости, и которая такова, что нѣтъ ни одной теоремы, которая не находилась бы въ необходимой связи съ предъидущей или послѣдующей. Тщетно разные геометры, которымъ не нравился распорядокъ Эвклида, старались преобразовать его, не уменьшая силы доказательствъ. Ихъ безплодныя усилія показали, какъ трудно связному изложенію древняго геометра противоставить столь же твердое и прочное. Таково было мнѣніе славнаго Лейбница, авторитетъ котораго долженъ имѣть въ подобномъ дѣлѣ огромный вѣсъ [1]).

Это мнѣніе Монтукла о порядкѣ и связности, принятыхъ Эвклидомъ, раздѣляется многими даже изъ первостепенныхъ геометровъ. Ньютонъ говорилъ: „Если бы у меня былъ сынъ, котораго я желалъ бы сдѣлать искуснымъ геометромъ, я началъ бы учить его по Эвклидовымъ *Началамъ*“. Англичане остались вѣрны этому сужденію.

Однако совершенно противоположное мнѣніе о томъ же предметѣ образовалось во Франціи и другихъ мѣстахъ. Оно было выражено слѣдующимъ образомъ знаменитымъ геометромъ Лакруа:

„Конечно, говорилъ Лакруа, основа всѣхъ начальныхъ руководствъ геометріи находится въ Эвклидѣ, и остается тою же, въ какой бы формѣ ее не излагали. Но почерпая матеріалы въ Эвклидѣ, новѣйшіе геометры часто измѣняли порядокъ и послѣдовательность теоремъ. *Началамъ* Эвклида по истинѣ не достаетъ того порядка, который, порождая на сколько возможно одну теорему изъ другой, дѣлаетъ очевидными связующія ихъ аналогіи, облегчаетъ память и пріучаетъ умъ къ отысканію истины“ [2]).

Правда, много разъ старались доказать, что порядокъ и послѣдовательность теоремъ у Эвклида не изъ лучшихъ. Но легко опровергнуть эту критику. У древнихъ, умы вырабатывались для науки инымъ путемъ, чѣмъ у насъ. Вслѣдствіе совокупности обстоятельствъ, зависѣвшихъ отъ учрежденій и нравовъ, ихъ способъ

---

[1]) Loco cit.

[2]) *Biographie universelle*, ст. *Euclide*.

чувствовать и понимать не могъ быть тождественнымъ съ нашимъ. Тѣ же мысли и тѣ же отношенія должны были представляться уму древнихъ въ порядкѣ не тождественномъ съ принимаемомъ нами за лучшій. Различія въ этомъ случаѣ соотвѣтствуютъ различіямъ языковъ и объясняются тѣми-же причинами. Ньютонъ, будучи великимъ геометромъ, находилъ у Архимеда мѣста, казавшіяся ему трудноватыми; между тѣмъ Плутархъ, бывшій простымъ моралистомъ-литераторомъ, но получившій образованіе по методамъ древнихъ, и не бывшій поэтому невѣждой ни въ одномъ изъ предметовъ общественнаго обученія, находилъ Архимеда необычайно яснымъ и удобопонятнымъ.

Весьма естественно, что въ математическихъ наукахъ мы свои методы предпочитаемъ греческимъ. Но было-бы великой ошибкой легкомысленно осуждать труды древнихъ. Большая часть ихъ сочиненій должны быть для насъ прекрасными образцами вполнѣ годными для поддержанія и возвращенія человѣческаго ума на путь всего прекраснаго и истиннаго, на путь, отъ коего онъ безпрерывно стремится уклониться.

Возвратимся къ Эвклиду. Вѣроятно, что при сочиненіи своихъ *Началъ*, онъ пересмотрѣлъ всѣ геометрическія основанія. Онъ могъ прибавить нѣсколько новыхъ положеній и ввести нѣкоторыя еще неизвѣстныя формы доказательствъ. Но суть науки существовала съ незапамятныхъ временъ у всѣхъ образованныхъ народовъ. Если Эвклидъ превзошелъ и заставилъ забыть о своихъ предшественникахъ, то единственно строгостью доказательствъ, ясностію изложенія, словомъ превосходствомъ своего метода.

„Нѣкоторые геометры, говоритъ Пейраръ, ученый издатель Эвклида, думали, что часть началъ, относящихся къ кругу и круглымъ тѣламъ, не полна; это ошибка. Все ненаходящееся у Эвклида, не можетъ быть доказано иначе, какъ при помощи трехъ началъ, положенныхъ Архимедомъ, и которыхъ Эвклидъ не принималъ“ [1]).

Начала Эвклида относятся къ ариѳметикѣ и геометріи. Они состоятъ изъ тринадцати книгъ, къ которымъ впослѣдствіи Ип-

---

[1]) *Сочиненія* Эвклида были напечатаны въ Парижѣ, по гречески и по французски, Пейраромъ. Они составляютъ три тома in 4°. Полагали, что у Эвклида есть темныя и трудныя мѣста. Пейраръ показалъ, что въ этихъ мѣстахъ текстъ испорченъ переписчиками; что нѣкоторыя теоремы поставлены не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и что чертежи ошибочно были помѣщены вмѣсто однихъ у другихъ теоремъ.

сиклесъ, геометръ александрійской школы, прибавилъ еще двѣ. Четыре первыя и шестая излагаютъ геометрію на плоскости; пятая—теорію пропорцій; седьмая, восьмая и девятая — ариѳметику; десятая—несоизмѣримыя величины; одиннадцатая и двѣнадцатая—*стереометрію;* тринадцатая, четырнадцатая и пятнадцатая—правильныя тѣла.

„Правильныя тѣла, говоритъ Проклъ, составляли главную часть *Началъ* Эвклида. Ихъ изучали съ великимъ прилежаніемъ въ пиѳагорейскихъ школахъ, и весьма вѣроятно, что они находились въ связи съ какимъ-нибудь существеннымъ основаніемъ тайнаго ученія".

Новѣйшіе съ чрезвычайнымъ легкомысліемъ судили о пиѳагорейской наукѣ. Однако не невозможно, что въ пиѳагорейскомъ ученіи отношенія, пропорціи, числовыя комбинаціи и начала геометріи прилагались, какъ у насъ со временъ Кеплера, Декарта и Ньютона, къ точному опредѣленію общихъ законовъ, управляющихъ физическимъ міромъ. Геометрическое изученіе правильныхъ тѣлъ, напримѣръ то, на которомъ такъ настаивалъ Эвклидъ, могло прилагаться къ кристаллизаціи. Въ теперешней химіи, кристаллическія формы считаются однимъ изъ главныхъ отличительныхъ свойствъ, служащихъ для различенія тѣлъ между собою. Такимъ образомъ, изученіе геометрическихъ формъ, считавшееся столь важнымъ въ древнихъ школахъ, прилагалось, можетъ быть, къ различнымъ формамъ, которыя принимаютъ въ частичной группировкѣ тѣла, естественнымъ образомъ переходящія изъ жидкаго состоянія въ твердое.

„Между книгами Эвклида, говоритъ Монтукла, изученіе восьми положительно необходимо, а именно первыхъ шести, десятой и одиннадцатой; они тоже относительно остальной геометріи, что знаніе азбуки относительно чтенія и письма. Другія книги считаются менѣе полезными съ тѣхъ поръ, какъ ариѳметика измѣнилась, и теоріи *несоизмѣримыхъ* и *правильныхъ тѣлъ* не возбуждаютъ уже вниманія геометровъ."

Въ *Началахъ* Эвклида, седьмая, восьмая и девятая книги излагаютъ ариѳметику, не ариѳметику въ обычномъ смыслѣ, но науку, разъясняющую относительныя свойства чиселъ, свойства, которыя необходимо знать во множествѣ изслѣдованій.

Въ десятой книгѣ находится весьма глубокая теорія *неизмѣримыхъ количествъ.* Двѣ однородныя величины называются

несоизмѣримыми, когда нѣтъ *единицы*, которую можно бы принять за ихъ общую мѣру, и когда, слѣдовательно, невозможно выразить точнымъ образомъ ихъ отношеніе въ числахъ. Напримѣръ, діагональ и сторона квадрата не соизмѣримы; ибо, если сторону раздѣлить на равныя части, то каждая изъ этихъ частей, заключаясь точное число разъ въ сторонѣ, можетъ служить для ея измѣренія; но ни одна изъ точныхъ частей стороны не содержится точнымъ образомъ въ діагонали, и обратно, такъ что совершенно невозможно найти два числа, которыхъ отношеніе было-бы совершенно тоже, какъ отношеніе стороны четыреугольника къ діагонали. Такъ точно, въ кругѣ отношеніе діаметра къ окружности, развернутой въ прямую линію, не можетъ быть строго выражено въ числахъ. По причинѣ этой-то несоразмѣрности нельзя получить истинной *квадратуры* круга, то есть квадрата, который былъ бы строго равенъ поверхности круга; это впрочемъ не важно на практикѣ, ибо всегда можно получить желаемое приближеніе.

Эвклидъ въ ста десяти теоремахъ разсматриваетъ различные виды и порядки *несоизмѣримости*. Поэтому можно предположить, что уже огромныя работы этого рода были сдѣланы раньше его. Его доказательство несоизмѣримости стороны квадрата съ діагональю считается весьма остроумнымъ. Эвклидъ доказываетъ, что въ квадратѣ число, выражающее точное отношеніе стороны къ діагонали, должно бы быть одновременно *четнымъ* и *нечетнымъ*,— вещь, очевидно, невозможная.

Ничто не способно дать такое точное понятіе о разности, существующей между нашимъ и древнимъ способомъ разсужденія, какъ математика. Любопытно и поучительно видѣть, до какой степени могутъ различаться пути, ведущіе къ тѣмъ же истинамъ.

Теорія *правильныхъ тѣлъ* въ тринадцатой книгѣ—простой набросокъ. Но въ четырнадцатой и пятнадцатой, приписываемыхъ Ипсиклесу александрійскому, она развита полнѣе.

Извѣстнѣйшее послѣ *Началъ* сочиненіе Эвклида — *Данныя*. Подъ этимъ именемъ разумѣются количества *извѣстныя*, которыя, находясь съ другими въ неизвѣстныхъ, но опредѣленныхъ отношеніяхъ, могутъ привести при помощи аналитическихъ разсужденій къ отысканію количествъ неизвѣстныхъ. Примѣръ: *данъ* ра-

діусъ круга, вычислить приблизительно окружность этого круга, его поверхность, а равно поверхность и объемъ шара, описываемаго кругомъ при вращеніи его вокругъ діаметра, какъ оси.

Въ *Данныхъ* около ста теоремъ, которыя можно разсматривать какъ таковое же число любопытныхъ примѣровъ геометрическаго анализа древнихъ. Ньютонъ весьма цѣнилъ это сочиненіе, и Монтукла считаетъ его за первые шаги высшей геометріи.

Кромѣ этихъ двухъ сочиненій, Эвклидъ написалъ много другихъ, большая часть которыхъ потеряна, или не существуетъ въ греческомъ подлинникѣ. Дошли до насъ *Раздѣленіе гармонической лѣстницы* (скалы), или трактатъ о *Музыкѣ;* небесныя явленія, или *Оптика, Катоптрика*. Не дошли до насъ ни книга о *Дѣленіяхъ*, ни четыре книги о *Коническихъ Сѣченіяхъ*, ни двѣ книги о *Плоскихъ мѣстахъ*, ни двѣ книги о *Перспективѣ*, ни трактатъ о *Вѣроятностяхъ*.

Трактатъ о *Поризмахъ* также потерянъ, но въ наше время, какъ уже упомянуто, Шаль возстановилъ это сочиненіе, на основаніи замѣтки и *Леммъ* Паппа.

Сочиненіе, въ которомъ Шаль возстановилъ потерянный трактатъ Эвклида, называется: *Les trois livres des Porismes d'Euclide, rétablis pour la première fois, d'après la notice et les Lemmes de Pappus, et conformément au sentiment de R. Simson sur la forme de énoncés des ces propositions* [1]). (Три книги Эвклидовыхъ Поризмовъ, возстановленныя впервые на основаніи замѣтки и Леммъ Паппа, и согласно съ мнѣніемъ Р. Симсона на счетъ формы выраженія этихъ теоремъ).

Мы заимствуемъ изъ этой замѣчательной книги все нижеслѣдующее о *Поризмахъ*.

„Между сочиненіями греческихъ математиковъ, не дошедшими до насъ, ни одно, говоритъ Шаль, не возбуждало стольких сожалѣній и любопытства геометровъ послѣднихъ вѣковъ, какъ Эвклидовъ трактатъ о *Поризмахъ*."

Это сочиненіе извѣстно намъ только по коротенькой замѣткѣ о немъ въ Папповыхъ *Математическихъ Сборникахъ*, и весьма краткаго упоминанія Прокла въ его *Комментаріи* на первую книгу Эвклидовыхъ *Началъ*.

---

[1]) In 8°, Paris, 1860.

Паппъ, александрійскій математикъ, жилъ въ концѣ четвертаго вѣка нашей эры, стало быть, шестьсотъ или семьсотъ лѣтъ послѣ Эвклида; но въ то время еще существовали всѣ сочиненія великаго геометра. Паппъ, подъ заглавіемъ „*Математическіе Сборники*“ написалъ сочиненіе въ четырехъ книгахъ, изъ коихъ, по несчастію, двѣ первыя уже не существуютъ. Въ этомъ сочиненіи онъ разсказываетъ о различныхъ изысканіяхъ древнихъ во всѣхъ частяхъ еометріи, о механикѣ и т. п.

Замѣтка Паппа содержитъ два опредѣленія особаго рода теоремъ, названныхъ Эвклидомъ *поризмами*, и до тридцати предложеній, къ нимъ относящихся; но, прибавляетъ г. Шаль, все это въ темныхъ и сжатыхъ выраженіяхъ, смыслъ которыхъ напрасно старались проникнуть геометры разныхъ временъ, начиная со времени Возрожденія.

Р. Симсонъ въ своемъ *Трактатѣ* о *Поризмахъ* (составленномъ на основаніи замѣтки Паппа) дѣлаетъ слѣдующее опредѣленіе: *Поризмъ есть теорема, въ которой отыскивается предполагаемая вещь*.

Данныя могутъ быть величины, или количества, линіи или числа, или же положеніе линіи, разсматриваемой какъ геометрическое *мѣсто;* или же еще положеніе точки, черезъ которую проходитъ безчисленное множество линій, разсматриваемыхъ какъ перемѣнныя, или же, наконецъ, положеніе кривой, къ которой всѣ эти прямыя — касательныя.

Окружность круга есть мѣсто безконечнаго числа точекъ равно удаленныхъ отъ одной точки, называемой *центромъ;* эллиптическая кривая есть *мѣсто* безконечнаго ряда точекъ, такихъ, что сумма разстоянія каждой изъ нихъ отъ двухъ неподвижныхъ точекъ, называемыхъ *фокусами*, равна постоянной прямой, называемой *главной осью;* парабола есть *мѣсто* безчисленнаго множества такихъ точекъ, что каждая изъ нихъ равно удалена отъ неподвижной точки, называемой *фокусомъ*, и отъ прямой опредѣленнаго положенія, называемой *направляющей*, и т. д.

Паппъ говоритъ, что *мѣста* суть *поризмы*. Относительно *мѣстъ* нѣтъ никакого сомнѣнія, ибо форма ихъ изложенія вполнѣ извѣстна изъ многочисленныхъ теоремъ о *плоскихъ мѣстахъ* Аполлонія Пергейскаго, переданныхъ намъ Паппомъ. Этимъ Паппъ далъ средство

повѣрить предъидущее опредѣленіе *поризмовъ*, и до нѣкоторой степени опредѣлить природу ста семнадцати теоремъ, составлявшихъ три книги Эвклидовыхъ *Поризмовъ*.

По Паппу, *поризмы* относительно формы ни теоремы, ни задачи, а среднее между ними. Отсюда заключили, что у Эвклида, предложенія называемыя *поризмами*, должны одновременно представлять природу теоремъ и задачъ. *Поризмы*, какъ опредѣлилъ ихъ Симсонъ, удовлетворяютъ этому условію. Мѣста суть, стало быть, *поризмы*, какъ положительно говоритъ Паппъ.

Эвклидъ однимъ и тѣмъ же словомъ πορισμα *(поризмы)* обозначаетъ и *слѣдствія* изъ началъ и *теоремы* своихъ трехъ книгъ о *Поризмахъ*. Это повело, говоритъ Шаль, къ естественному сближенію между *поризмами* и *слѣдствіями*. Слѣдствія суть теоремы, которыя непосредственно выводятся или изъ приложенія теоремы, или изъ извѣстнаго мѣста доказательства этой теоремы, или изъ разсужденія, которое приводитъ къ разрѣшенію задачи; и можно сказать, вообще, что слѣдствія суть теоремы, отличающіяся отъ тѣхъ, изъ коихъ они выведены, но которыя въ сущности воспроизводятъ ихъ въ другой формѣ, какъ можно видѣть въ *Началахъ*. Поризмы происходятъ изъ извѣстныхъ уже теоремъ, которыхъ форма измѣнена. Поризмы или слѣдствія есть, какъ говоритъ Проклъ, нѣкотораго рода полезная *прибыль*, получаемая мимоходомъ.

Три книги *Поризмовъ*, возстановленныя Шалемъ, относятся къ планиметріи. Это задачи, которыя могутъ быть предложены, ради упражненія, въ курсѣ геометріи. Онѣ относятся только къ прямой линіи и кругу. Вотъ два, взятыхъ на удачу, поризма:

1) Даны три прямыя, проходящія черезъ одну и ту же точку; если вокругъ двухъ опредѣленныхъ неподвижныхъ точекъ вращать двѣ прямыя, которыя пересѣкаются съ одной изъ трехъ первыхъ и встрѣчаютъ двѣ другія, каждую въ опредѣленной точкѣ, то прямая, соединяющая эти двѣ послѣднія точки, проходитъ черезъ нѣкоторую данную точку.

2) При данныхъ двухъ кругахъ и двухъ точкахъ на ихъ кружностяхъ, можно найти такую точку, что прямыя, проведенныя отъ этой точки къ двумъ даннымъ на окружности точкамъ, послужатъ къ образованію даннаго треугольника.

Мы принуждены были слегка измѣнить изложенiе этихъ поризмовъ, не имѣя возможности привести относящихся къ нимъ чертежей. Но ихъ достаточно, и въ этомъ видѣ, чтобъ получить понятiе о родѣ теоремъ заключающихся въ *поризмахъ* Эвклида, возстановленныхъ Шалемъ, ученымъ профессоромъ Сорбонны.

Да извинятъ насъ за эти математическiя отступленiя. Какъ, говоря о Эвклидѣ, миновать геометрическiе термины? Что до *поризмовъ* въ частности, то необходимо было дать понятiе объ этого рода теоремахъ, которыя столь славились, и которыми занимались многiе первостепенные геометры, не могшiе опредѣлить ни ихъ цѣли, ни основанiя, пока Шаль не разъяснилъ этого вопроса.

АПОЛЛОНІЙ ПЕРГЕЙСКІЙ.

Аполлоній былъ названъ современниками *великимъ геометромъ*. А между тѣмъ, онъ жилъ послѣ Архимеда и Эвклида, не считая многихъ другихъ математиковъ, которые въ предшествовавшіе вѣка прославились своими открытіями. Наука чистой математики была уже обширна, когда явились Архимедъ и Эвклидъ. Чтобы прославиться послѣ нихъ, когда едва сорокъ — пятьдесятъ лѣтъ прошло со смерти Архимеда, нельзя было быть обыкновеннымъ геометромъ. Аполлоній и не былъ такимъ. Подобно великимъ геніямъ древней Греціи, онъ обнималъ всю совокупность человѣческихъ знаній. Онъ не былъ только отличнымъ геометромъ, искуснымъ астрономомъ: его считали также прекраснымъ писателемъ и ученымъ философомъ; онъ также считался замѣчательнымъ поэтомъ и музыкантомъ. Отъ его сочиненій осталась только небольшая часть, но и ея достаточно, чтобы дать высокое понятіе объ его геніи и состояніи геометріи у древнихъ.

Подобно Ѳалесу, Пиѳагору и многимъ другимъ философамъ, прославившимъ Грецію и свой вѣкъ, Аполлоній былъ родомъ изъ Малой Азіи. Онъ родился въ Памфилійскомъ городѣ Пергѣ, около половины втораго вѣка до р. Х., въ царствованіе Птолемея Эвергета. Вѣроятно, онъ умеръ въ Александріи, но неизвѣстно когда.

Аполлоній, безъ сомнѣнія, началъ учиться въ своемъ родномъ городѣ. Родители отправили его въ Александрію, конечно, уже замѣтивъ въ немъ развитіе природныхъ способностей.

АПОЛЛОНІЙ ВЪ АЛЕКСАНДРІЙСКОМЪ МУЗЕѢ.

Аѳинскій Лицей, столь процвѣтавшій при Аристотелѣ и его первыхъ послѣдователяхъ, разрушался и скоро исчезъ вмѣстѣ съ послѣдними проблесками философской свободы. Александрія въ Египтѣ сдѣлалась центромъ, гдѣ могъ развиваться если не съ полной свободой, то съ значительной независимостью духа, геній наукъ вспомоществуемый всѣми извѣстными тогда средствами изученія и изслѣдованія. Туда-то направлялись отовсюду изъ Греціи и Малой Азіи юноши, любившіе науку, для пополненія своихъ знаній. Болѣе или менѣе долгое пребываніе въ александрійской школѣ было необходимо для упроченія извѣстности геометра, астронома или философа.

Въ Александріи, подъ руководствомъ послѣдователей Эвклида, Аполлоній пріобрѣлъ необыкновенный навыкъ къ занятіямъ геометріей. Большая часть его юности прошла въ изученіяхъ и изысканіяхъ великой трудности. Пятая и шестая книги его *Коническихъ Сѣченій*, напримѣръ, доказываютъ необыкновенную мощь ума. Знай ихъ Декартъ, онъ бы благосклоннѣе отозвался о геометріи древнихъ. Но въ его время въ Европѣ были извѣстны только четыре первыя книги *Коническихъ Сѣченій* Аполлонія. Сужденіе Ньютона совершенно противоположно Декартову.

Жизнь Аполлонія въ Александріи должна была проходить тихо и покойно, какъ и другихъ наставниковъ, жившихъ въ знаменитомъ Музеѣ, или посѣщавшихъ его. Послѣ преподанныхъ уроковъ математики, онъ пользовался пріятнымъ отдыхомъ, или въ садахъ Академіи, или въ обширныхъ галлереяхъ, куда собирались бесѣдовать и спорить. Или же онъ отправлялся въ аудиторіи, чтобы присутствовать при какой-нибудь конференціи о занимавшемъ его предметѣ.

Аполлоній, какъ замѣчено, былъ не только геометромъ, но и музыкантомъ, поэтомъ, ораторомъ и физикомъ. При такомъ разнообразіи свѣдѣній, онъ могъ найти много достойныхъ его любознательности вещей и въ Александріи и въ ея окрестностяхъ.

Въ своемъ сочиненіи о *Воспитаніи*, изъ котораго, замѣтимъ мимоходомъ, Ж. Ж. Руссо много заимствовалъ для своего *Эмиля*, Плутархъ, говоря объ ученыхъ, которыхъ мы называемъ *спеціалистами*, сравниваетъ ихъ съ человѣкомъ, который поетъ постоянно одну и ту же пѣсню, потому что не хотѣлъ научиться другой.

Дѣйствительно, умъ суживается, постоянно занимаясь однимъ и тѣмъ же. У древнихъ этого не случалось. У нихъ гармоническое развитіе, при помощи энциклопедическихъ методовъ, всѣхъ умственныхъ способностей дѣлало людей общительными, общественную жизнь пріятною, непринужденной; бесѣда была общимъ удовольствіемъ. Нынче, всякій запирается дома и ищетъ средства уединиться отъ постороннихъ, часто даже отъ друзей. Въ древности жили на открытомъ воздухѣ, на *форумѣ* или въ домашнемъ *атріумѣ*. Посѣщая развалины Помпеи, невольно поражаешься скудостью жилыхъ домовъ и роскошью мѣстъ общественныхъ собраній. Тогда любили жизнь въ обществѣ. Тогда искали другъ друга, бесѣда была общей отрадой.

Аполлоній, вѣроятно, говорилъ чисто, изящно, непринужденно, и предметъ его разговоровъ былъ необычно разнообразенъ. Читая *Коническія Сѣченія*, видишь въ немъ математика; но въ урокахъ философіи, преподаваемыхъ имъ въ александрійскомъ Музеѣ, онъ долженъ былъ разсматривать геометрію въ совокупности съ общей системой человѣческихъ знаній. Цѣль древней философіи, какъ видно изъ Платона и Витрувія, была: связать каждую отрасль философской науки, съ одной стороны, съ изящными искусствами, а съ другой — съ цѣлой природой. Поэтому излагаемые Аполлоніемъ въ залахъ Музея уроки не должны были ограничиваться заключенной въ узкіе предѣлы спеціальностью.

Основной идеей древнихъ грековъ было, что въ природѣ все въ связи со всѣмъ, что нѣтъ ничего уединеннаго, и что въ изложеніи человѣческихъ знаній слѣдуетъ, насколько возможно, приближаться къ строю природы. На этомъ-то началѣ основывалось у нихъ энциклопедическое обученіе, при помощи котораго образовалось столько высокоталантливыхъ людей, отъ Пиѳагора до Птоломея. Даже Гиппократъ держался того же метода, группируя вокругъ врачебнаго искусства всѣ другія отрасли человѣческихъ знаній: физику, астрономію, математику, естественную исторію, философію, гражданскую исторію, музыку и т. д., и объясняя, какъ каждая изъ нихъ относилась къ медицинѣ.

Разительный примѣръ приложенія этой методы встрѣчаемъ у Ветрувія, славнаго зодчаго, современнаго Августу:

„Невозможно быть великимъ зодчимъ, говоритъ Ветрувій, если не обладаешь обширными и разнообразными свѣдѣніями, и необходимо, чтобы практика была постоянно связана съ теоріей.

„Архитекторъ долженъ знать:

1) *Искусство писать*, чтобы какъ слѣдуетъ вести свои записки;

2) *Рисованіе*, чтобы чертить планы;

3) *Геометрію*, чтобы умѣть, какъ слѣдуетъ, употреблять линейку, циркуль, наугольникъ, ватерпасъ, чтобы дѣлать измѣренія, опредѣлять пропорціи и т. д.

4) *Оптику*, чтобы судить о дѣйствіяхъ свѣта, и т. д. и т. д.

5) *Ариѳметику*, чтобы вычислить издержки работъ, чтобы при помощи вычисленія опредѣлить условія гармоніи, которыя одна геометрія указываетъ только несовершеннымъ образомъ;

6) *Исторію*, чтобы знать происхожденіе и основаніе нѣкоторыхъ формъ, нѣкоторыхъ архитектурныхъ украшеній, напр. *каріатидъ* и прочая;

7) *Философію*, чтобы возвысить душу зодчаго; чтобы ему, кромѣ необходимыхъ положительныхъ знаній по *естественной исторіи*, *физіологіи*, *гидравликѣ* и т. п., имѣть истинное понятіе о *нравственно* и *физически* прекрасномъ, и т. д. Кромѣ того, безъ помощи философіи, зодчій никогда не пойметъ сочиненій Ктезибія, Архимеда и многихъ другихъ ученыхъ, и т. д.;

8) *Музыку*, чтобъ умѣть расположить мѣдные сосуды, которые устанавливаются въ ложахъ, подъ ярусами театра, сосуды, располагаемые въ математической пропорціи, по различію звуковъ, звуковыхъ сотрясеній и колебаній; сосуды эти устраиваются, кромѣ того, такъ, что, будучи точно математическихъ и пропорціональныхъ размѣровъ, въ аккордахъ и созвучіяхъ они звучатъ въ кварту, квинту или октаву, и такимъ образомъ придаютъ голосу актера звучность, чистоту и мелодичность. Есть множество гидравлическихъ и механическихъ машинъ и приборовъ, которыхъ не построишь и не поймешь, если не знаешь музыкальной науки;

9) *Медицину*, чтобы знать мѣсто-положенія, климаты, качество воздуха и водъ и т. д.

10) *Правовѣдѣніе, мѣстные обычаи*, для постройки общихъ стѣнъ, крышъ, сточныхъ трубъ, клоаковъ, для устройства просвѣтовъ зданій, стока водъ, свидѣтельства въ качествѣ свѣдующаго человѣка, и т. д.

11) *Астрологію*, для постройки солнечныхъ часовъ, для опредѣленія аспектовъ, для знанія равноденствій, солнцестояній, планетныхъ движеній и т. п.

„*Encyclios Disciplina*, прибавляетъ Ветрувій, состоитъ изъ всѣхъ наукъ, какъ живое тѣло состоитъ изъ членовъ, внутренностей, органовъ; и тѣ, кто съ юности занимается науками, легко замѣчаютъ отношенія и сходства въ различныхъ вещахъ, общихъ всѣмъ наукамъ, всѣмъ искусствамъ, каждое изъ которыхъ служитъ для легчайшаго изученія другихъ.

„Конечно, и невозможно, да и не нужно для зодчаго быть столь превосходнымъ грамматикомъ, какъ Аристархъ, или живописцемъ, какъ Апеллесъ, ни ваятелемъ какъ Поликлетъ, ни врачомъ, какъ Гиппократъ; но онъ не долженъ быть чуждымъ ни одной изъ этихъ вещей.

„То, что́ сказано мною о зодчемъ, можно сказать о всякомъ другомъ художникѣ: *невозможно успѣть въ какомъ-нибудь искусствѣ, не имѣя болѣе или менѣе правильныхъ понятій о другихъ*. Различимъ: *ученый* тотъ, кто знаетъ общія теоріи, *спеціалистъ* тотъ, кто съ общей теоріей соединяетъ спеціальную практику

въ томъ или другомъ искусствѣ. Врачъ и музыкантъ могутъ одинаково хорошо говорить о пропорціи движеній артерій, о передвиженіи, о гармоніи хоровъ; но, если требуется перевязать рану, вылечить больнаго, то позовутъ врача, а не музыканта; и если нужно устроить концертъ, управлять оркестромъ, то позовутъ музыканта, а не врача.

„Точно также астрономы и музыканты могутъ равно хорошо разсуждать о гармоніи вообще: *гармоніи небесныхъ тѣлъ*, *гармоніи музыкальной* и т. д. Но если понадобится взяться за инструментъ, произвести опытъ, каждый займется своей спеціальностью."

Этой, описанной Вотрувіемъ, методѣ обученія слѣдовали во всѣхъ большихъ школахъ древности, въ Азіи, Африкѣ и Европѣ. Но пора намъ возвратиться къ Аполлонію.

Какъ только положеніе Аполлонія въ Музеѣ упрочилось, онъ женился. Не извѣстно, въ которомъ году произошло это, но у него былъ сынъ и звался такъже, какъ отецъ. Это извѣстно изъ письма Аполлонія, которое приводимъ. Письмо писано къ другу Аполлонія, Эвдему, при посылкѣ второй книги о *Коническихъ сѣченіяхъ*.

„Я очень радъ, если ты въ добромъ здоровьѣ, пишетъ Аполлоній; мое же здоровье посредственно. Мой сынъ, Аполлоній, котораго посылаю къ тебѣ, привезетъ тебѣ вторую книгу моего сочиненія о *Коническихъ Сѣченіяхъ*. Прочти ее внимательно и прилежно, и сообщи людямъ достойнымъ этого, именно же Филониду Ефесскому, если встрѣтишь его въ окрестностяхъ Пергама. Особенно прошу тебя передать эту книгу Филониду, котораго я представилъ тебѣ въ Ефесѣ. Заботься о своемъ здоровьѣ. Прощай.

Изъ этого письма видно, какъ древніе извѣщали о появленіи новой книги когда несуществовало ни печати, ни ученыхъ сборниковъ. Переписывали нѣкоторыя части сочиненія и пускали ихъ въ ходъ при посредствѣ корреспондентовъ или друзей. Послѣ смерти Архимеда, въ Сициліи, Египтѣ и Малой Азіи появилось много высокоталантливыхъ геометровъ. Подобно тому, какъ Кононъ и Досиѳей, оба изъ Александріи, были корреспондентами Архимеда, Эвдемъ и Атталъ изъ Пергама были корреспондентами Аполлонія. Два послѣднія, вѣроятно, были весьма замѣчательные геометры.

Эвдемъ, которому Аполлоній надписалъ три первыя книги своихъ *Коническихъ сѣченій*, умеръ раньше окончанія этого сочиненія, и послѣднія пять книгъ авторъ послалъ Атталу пергамскому, чтобы онъ распространилъ ихъ, какъ было въ обычаѣ у философовъ и ученыхъ того времени.

Смерть Эвдема, вѣроятно, сильно огорчила Аполлонія; выраженіе этой горести можно бы надѣяться найти въ его письмѣ къ Аталлу, если бы не было извѣстно, что посланія, находящіяся во главѣ его книгъ, не смотря на форму письма, суть маленькія предисловія, изъ которыхъ онъ исключалъ все незаключавшее совѣта, или полезнаго замѣчанія. Вотъ что относится собственно къ Атталу въ предисловіи, находящемся въ началѣ четвертой книги *Коническихъ сѣченій:*

„Три книги изъ восьми, написанныхъ мною о *Коническихъ сѣченіяхъ*, я прежде посылалъ къ Эвдему пергамскому, чтобы онъ распространялъ ихъ. Но Эвдемъ умеръ, и я рѣшилъ остальныя книги надписывать тебѣ, и теперь посылаю четвертую книгу, согласно твоему желанію имѣть какое-либо изъ моихъ сочиненій.

Въ то время книги, особенно въ Пергамѣ, составляли предметъ значительной торговли. Эвдемъ, другъ и корреспондентъ Аполлонія, могъ, стало быть, легко распространять книги великаго геометра черезъ книгопродавцевъ этого города.

Паппъ, въ своихъ *Математическихъ сборникахъ*, соглашается, что у Аполлонія были необыкновенныя способности къ геометріи. Но онъ, кажется, не слишкомъ-то уважалъ его характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ изображаетъ александрійскаго геометра человѣкомъ завистливымъ къ достоинствамъ другихъ, съ радостью пользовавшимся случаями унизить своихъ противниковъ.

Монтукла, въ своей *Исторіи математики*, безъ критики принимаетъ это мнѣніе Паппа. Онъ даже увеличиваетъ это обвиненіе своимъ изложеніемъ. Такое сужденіе кажется намъ несправедливымъ, и мы попробуемъ доказать, что оно ни на чемъ не основывается.

Во-первыхъ, скажемъ, по какому поводу и въ какихъ почти выраженіяхъ Паппъ нападаетъ на автора *Коническихъ сѣченій*, похваливъ предварительно его необыкновенный талантъ.

Въ четвертомъ вѣкѣ до р. Х., нѣкоторый геометръ Аристей написалъ пять книгъ о *Коническихъ сѣченіяхъ*. Эвклидъ писалъ о томъ же предметѣ, и воспроизвелъ, почти безъ измѣненія, четыре первыя книги Аристея. Аполлоній въ первыхъ книгахъ своего сочиненія излагаетъ уже извѣстныя части, и, подобно своимъ предшественникамъ, говоря о *происхожденіи Коническихъ сѣченій и*

ихъ главныхъ свойствахъ по отношенію къ осямъ, фокусамъ и діаметрамъ, заимствовалъ у нихъ нѣсколько теоремъ, но не какъ простой переписчикъ чужихъ сочиненій, а какъ человѣкъ талантливый, который расширяетъ область науки. Паппъ согласенъ, что въ слѣдующихъ четырехъ книгахъ Аполлоній прибавляетъ новое къ наукѣ. „Ибо пятая книга, говоритъ онъ, въ большей части излагаетъ ученіе о *наибольшемъ* и *наименьшемъ*; въ шестой говорится о сѣченіяхъ равныхъ и подобныхъ конусовъ; въ седьмой находятся теоремы, изобрѣтенныя и опредѣленныя съ великой умственной мощью, и въ восьмой — задачи относительно сѣченій конуса."

Вотъ что сдѣлано Аполлоніемъ. Но, къ несчастію, Аполлоній при этомъ употребилъ выраженіе хотя и простое, но чреватое спорами и умственными битвами. Аполлоній говоритъ въ третьей книгѣ *Коническихъ сѣченій, что геометрическое мѣсто* многихъ линій (напримѣръ *трехъ* и *четырехъ*) осталось неоконченнымъ, и что *ни Эвклидъ, ни кто другой не могъ пополнить его.*

Это замѣчаніе Аполлонія, въ такомъ видѣ, безъ изложенія причинъ или обстоятельствъ породившихъ его, безъ сомнѣнія неблагосклонно къ памяти Эвклида. Но нельзя такъ дурно объяснять намѣреніе Аполлонія и намъ легко будетъ показать — почему.

На этого великаго геометра при его жизни, какъ всегда на людей, стоящихъ выше своего вѣка, нападали самымъ несправедливымъ и оскорбительнымъ образомъ посредственные математики, которые не были даже довольно образованы, чтобъ понимать его. Обвиненія въ заимствованіи сыпались на него со всѣхъ сторонъ [1]). Въ первыхъ книгахъ его сочиненія отыскали теоремы, изложеніе которыхъ было взято изъ *Коническихъ сѣченій* Эвклида. Отсюда, не смотря на различеніе доказательствъ, предполагали, что Апол-

---

[1]) Напримѣръ, не боялись обвинить Аполлонія въ присвоеніи сочиненія Архимеда. Ираклій утверждаетъ, что сочиненіе Архимеда о коническихъ сѣченіяхъ попалось въ руки Аполлонія и онъ выдалъ его за свое. Но Эвтокію (Apolloni Conica) не трудно было опровергнуть это обвиненіе двумя доводами: 1) Архимедъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ сочиненій говоритъ о коническихъ сѣченіяхъ, какъ о теоріи не новой; 2) самъ Аполлоній вовсе не называетъ себя творцомъ этой части науки, и говоритъ только, что онъ обработалъ ее и придалъ ей большее, чѣмъ было до него, развитіе.

лоній присвоилъ себѣ четыре книги Эвклида. Безъ сомнѣнія, въ отвѣтъ на это обвиненіе, онъ считалъ своей обязанностью показать, что не ограничился перепиской Эвклида, такъ какъ въ книгѣ Эвклида были неоконченныя части, которыя онъ долженъ былъ докончить.

Какъ бы то ни было, Паппъ, преданный ученикъ Эвклида, былъ обиженъ этой замѣткой Аполлонія. Это видно изъ того, какъ онъ желаетъ извинить своего учителя. Онъ говоритъ сперва, что при состояніи, въ какомъ находилась эта часть науки во времена Эвклида, этотъ послѣдній и не могъ пополнить неоконченныхъ частей своей книги. Паппъ прибавляетъ:

„Эвклидъ, въ сочиненіи о *Коническихъ сѣченіяхъ*, слѣдовалъ Аристею, писателю, хорошо знавшему этотъ предметъ, и, уважая открытія этого писателя, онъ не желалъ ни переиначивать его сочиненія, ни превзойти, ни исправлять его; въ самомъ дѣлѣ, Эвклидъ былъ добръ, ласковъ и вѣжливъ ко всѣмъ и въ особенности къ тѣмъ, кто увеличилъ область математики, или кто могъ расширить какую-либо часть ея. Не только не былъ онъ къ нимъ враждебенъ, но внимателенъ, предупредителенъ, и т. д. [1]).

Очевидно, что Паппъ выставляя здѣсь прекрасныя и благородныя качества Эвклида, желаетъ дать понять, что они были противоположны качествамъ Аполлонія. Но на чемъ основываетъ онъ свое, болѣе чѣмъ строгое по нашему, сужденіе, которому легкомысленно слѣдуетъ Монтукла, говоря, что Аполлоній, „завистливый къ достоинству другихъ, охотно пользовался случаемъ ихъ унизить?“ Единственно на простой замѣткѣ, цѣль которой Паппомъ дурно понята? Если бы Паппъ зналъ противъ Аполлонія какой-нибудь болѣе важный и обстоятельный фактъ, онъ, конечно, не преминулъ бы привести его. Паппъ заслуживаетъ въ этомъ случаѣ болѣе сильнаго порицанія, чѣмъ то, какому онъ подвергаетъ Аполлонія. Въ самомъ дѣлѣ, помѣщая въ серьезномъ сочиненіи, обвиненіе, способное очернить въ глазахъ потомства характеръ великаго человѣка, не позволительно не основать такого обвиненія на несомнѣнныхъ доказательствахъ. Мы полагаемъ, что Аполлоній, бывшій несомнѣнно выше Эвклида по таланту и сочиненіямъ, не

---

[1]) Pappus. Coll. math. lib. VII praef.

могъ быть ниже его по характеру. Сознаніе своего генія и ничтожное чувство низкой зависти кажутся намъ несовмѣстными въ одномъ и томъ же человѣкѣ.

Въ царствованіе Птолемея Эвергета и его сына Птолемея Филопатора, науки и искусства, поощряемыя и поддерживаемыя щедростью просвѣщеннаго правительства, блистательно развивались въ Египтѣ. Ученымъ александрійскаго Музея поручалось отъ времени до времени посѣщать главнѣйшіе города Малой Азіи и Греціи, чтобы отыскивать художественныя и ученыя рѣдкости и книги. Александрійская библіотека въ это время значительно увеличилась по числу книгъ и оригинальныхъ рукописей, купленныхъ за дорогую сумму. Безъ сомнѣнія, Аполлоній, принадлежавшій къ ученымъ Музея, отправлялся по порученіямъ вмѣстѣ съ астрономомъ Эратосѳеномъ и грамматикомъ Аристофаномъ и въ разныхъ городахъ посѣщалъ книгохранилища, астрономическія обсерваторіи, живописныя и скульптурныя галереи, знаменитыхъ ученыхъ, геометровъ и философовъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ его *Письма къ Эвдему* мы видѣли, что во время путешествія въ Ефесъ онъ познакомилъ своего друга съ геометромъ Филонидомъ. Еслибъ до насъ дошли всѣ его сочиненія и письма, мы, безъ сомнѣнія, знали бы, что онъ путешествовалъ не только по Малой Азіи и Египту, но также по Греціи, или, по меньшей мѣрѣ, посѣтилъ Аѳины, этотъ славный городъ, гдѣ геній искусствъ и наукъ нѣкогда столь ярко блисталъ, и древніе памятники котораго, за недостаткомъ людей, возбуждали столько блестящихъ воспоминаній. Вспомнимъ, что Аполлоній былъ не только великій геометръ, но также поэтъ, музыкантъ и философъ.

Трактатъ о *Коническихъ сѣченіяхъ* одно изъ послѣднихъ его сочиненій. Первыя четыре книги дошли до насъ въ греческомъ подлинникѣ; три слѣдующія въ арабскомъ переводѣ; они были переведены на латинскій около середины семнадцатаго столѣтія. Восьмая книга, которая казалась совершенно потерянной, возстановлена Галлеемъ (латинское изданіе 1708) по указаніямъ извлеченнымъ изъ *Леммъ* Паппа, подобно тому какъ въ наше время *Поризмы* Эвклида возстановлены Шалемъ.

Мы хотѣли бы дать понятіе о содержаніи сочиненія Аполлонія о *Коническихъ сѣченіяхъ;* но намъ пришлось бы воспроиз-

водить придуманные имъ чертежи, что далеко бы удалило насъ отъ предположенной цѣли.

Аполлоній, кромѣ *Коническихъ сѣченій*, написалъ много сочиненій объ анализѣ и геометрическомъ построеніи. Паппъ, Евтокій и другіе толкователи и комментаторы сохранили многочисленные отрывки изъ нихъ.

„Мы полагаемъ, говоритъ Балльи, что Аполлоній могъ быть изобрѣтателемъ способа *проэкцій*. Мы не видимъ, чтобы въ исторіи математики раньше этого времени шла рѣчь о нихъ. Не возможно сомнѣваться, что этотъ способъ принадлежитъ Александрійской школѣ, судя по приложенію его къ усовершенствованію солнечныхъ и стѣнныхъ часовъ. Его можно приписать только генію Архимеда, или генію Аполлонія; и намъ кажется, что сиракузскій геометръ совсѣмъ не прилагалъ къ астрономіи геометрическаго духа, который блещетъ въ другихъ его работахъ. Мы видѣли, что онъ придумалъ и исполнилъ съ великимъ остроуміемъ наблюденіе надъ діаметромъ солнца; но мы не видимъ, чтобы онъ въ какихъ-нибудь другихъ случаяхъ старался объяснять астрономическія явленія [1]).

Такъ какъ спеціальные трактаты, въ большомъ числѣ существовавшіе въ Греціи въ четвертомъ и пятомъ столѣтіи до нашей эры, всѣ потеряны, то невозможно точно опредѣлить, какихъ именно открытій и изобрѣтеній первая мысль принадлежитъ собственно Архимеду, Аполлонію, или позднѣйшимъ геометрамъ. Часто предполагали, что такой-то геометръ изобрѣлъ новую теорію, а онъ только возобновилъ въ другой формѣ теорію, задолго до него существовавшую. Мы знаемъ только наименьшую часть открытій и памятниковъ древней цивилизаціи. Другая часть, можетъ быть, важнѣйшая, потеряна навсегда. Когда какая-нибудь цивилизація отживаетъ свой вѣкъ, геніальныя произведенія искусствъ и наукъ изкажаются и порой совсѣмъ исчезаютъ, особенно если языкъ, бывшій полнѣйшимъ выраженіемъ генія цивилизаціи, перестаетъ существовать.

Аполлонію приписывали изобрѣтеніе *эпициклов*ъ. Въ системѣ, въ которой землю предполагали неподвижной въ центрѣ міра, между тѣмъ какъ солнце, планеты и звѣзды обращаются вокругъ нее, трудно было объяснить стоянія и возвратныя движенія планетъ. Полагали, что эта трудность разрѣшится, если предположить, что

[1]) Histoire de l'astronomie ancienne.

каждая планета вращается по малому кругу, центръ коего описываетъ вокругъ земли другой большой кругъ. Малый кругъ, по которому вращалась планета, назывался *эпицикломъ или побочнымъ кругомъ*. Аполлоній показалъ, что не будетъ возвратнаго движенія, если радіусъ эпицикла не больше, по отношенію къ радіусу большихъ круговъ, скорости центра эпицикла по отношенію къ скорости планеты.

Ѳеонъ Смирнскій замѣтилъ, что Платонъ въ одномъ мѣстѣ своего *Государства* выражается такъ, какъ будто бы астрономы его времени объясняли возвратное движеніе и стояніе планетъ или при помощи сферъ, или при помощи малыхъ круговъ, которые были аналогичны эпицикламъ.

По истинѣ странно, что ни одинъ древній астрономъ, ни одинъ геометръ не подозрѣвалъ, что небесныя тѣла въ своемъ поступательномъ движеніи слѣдуютъ по инымъ кривымъ, а не по кругу. Повидимому, что понятіе объ *эксцентрикахъ* могло привести Аполлонія или Гиппарха къ мнѣнію, что линія, описываемая видимымъ вращеніемъ солнца, можетъ быть лучше представлена весьма удлиненнымъ эллипсисомъ, чѣмъ кругомъ. При изученіи исторіи наукъ, часто случается замѣчать, что совершенное невѣжество при изысканіи истины меньше уклоняется отъ нея, чѣмъ прямо ей противоположные предразсудки. Еслибъ древніе не были столь сильно убѣждены, что небесныя тѣла описываютъ круги, они, вѣроятно, за 18 вѣковъ до Кеплера открыли бы первый изъ трехъ великихъ астрономическихъ законовъ, то есть истинную форму кривой, по которой движутся планеты.

Аполлоній, кромѣ трактата о *Коническихъ сѣченіяхъ*, написалъ много другихъ сочиненій, которыя нынѣ извѣстны только по заглавіямъ, краткимъ изложеніямъ и нѣкоторымъ отрывкамъ. Эти сочиненія (по *Паппу* Coll. math.) слѣдующія: *de Sectione rationis, de Sectione spatii, de Sectione determinata, de Tactionibus, de Inclinationibus, de Locis planis*. Каждое состояло изъ двухъ книгъ.

Первое (de Sectione rationis), котораго Галлей, какъ уже замѣчено, обнародовалъ въ 1708 г. латинскій переводъ, дошло до насъ только въ арабскомъ переводѣ. Второе (de Sectione spatii) возстановлено Галлеемъ, по указаніямъ Паппа. Съ своей стороны,

Робертъ Симсонъ, любившій древнюю геометрію, возстановилъ трактатъ *de Sectione determinata*.

Монтукла, на основаніи Евтокія, предполагаетъ, что Аполлоній получилъ бо́льшее приближеніе отношенія окружности къ поперечнику, чѣмъ Архимедъ. Птоломей приводитъ нѣсколько остроумныхъ теоремъ изъ Аполлоніева трактата о *Стояніяхъ и Возвратныхъ движеніяхъ*.

Изъ этого перечня, весьма неполнаго, можно судить, что работы великаго александрійскаго геометра были весьма обширны, и что, не смотря на всю его изобрѣтательную способность и трудолюбіе, они должны были занять бо́льшую часть его жизни. Если къ этому прибавить занятія его, какъ члена Музея, заботы о семействѣ, обязанность хоть изрѣдка являться при дворѣ, посѣщать и принимать знакомыхъ и т. п., то придется убѣдиться, что время для него было дорого и что ему почти некогда было не только отдыхать, но даже побесѣдовать о человѣкѣ, мірѣ, первичной причинѣ — любимыя темы бесѣдъ древнихъ.

Тщетно мы стали бы искать подробностей о семействѣ и личности Аполлонія. Изъ Евтокія [1]) видно, что Ираклій написалъ жизнь Архимеда и Аполлонія. Не существуетъ ли это сочиненіе теперь въ какой-нибудь арабской библіотекѣ? Трудно сказать. И такъ, относительно біографіи славнаго геометра мы принуждены довольствоваться приведенными выше отрывками изъ Паппа, да тремя-четырмя письмами, которыя почти всѣ относятся къ нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ *Коническихъ Сѣченій*. Въ этихъ посланіяхъ, безъ сомнѣнія предназначавшихся для обнародованія, Аполлоній почти ничего не говоритъ о себѣ лично. Едва мимоходомъ онъ упоминаетъ, въ какомъ состояніи духа или тѣла онъ находился во время писанія. И ни слова ни о семействѣ, ни о своемъ положеніи.

Слѣдующій отрывокъ изъ *Письма къ Эвдему* любопытенъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

„Если ты здоровъ, пишетъ Аполлоній, и все идетъ согласно твоему желанію, я радуюсь. И для меня, все идетъ довольно счастливо. Въ то время, какъ оба мы были въ Пергамѣ, я видѣлъ, что ты желаешь узнать написанное мной сочиненіе о *Кони-*

---

[1]) Comment. in Apollonii Conica.

ческихъ *Сѣченіяхъ*. Вотъ почему посылаю тебѣ первую книгу оназо, просмотрѣнную и исправленную. Послѣ, ты послѣдовательно получишь другія, когда я буду болѣе спокоенъ духомъ. Ты знаешь причину, заставившую меня предпринять составленіе этого сочиненія о вопросахъ, предложенныхъ мнѣ геометромъ Навкратомъ въ то время, когда онъ жилъ съ нами въ Александріи: я тебѣ говорилъ объ этой причинѣ и не думаю, чтобы ты ее забылъ. Ты знаешь, почему я, работая надъ этими *восемью книгами*, спѣшилъ сообщать ему каждую часть работы по мѣрѣ окончанія. Правда усердіе моихъ исправителей было меньше скорости, съ которой онъ плылъ; но все, что приносили мнѣ переписчики, я сообщалъ ему, а равно и все, что случалось написать вновь. И вотъ почему я пользуюсь теперь случаемъ обнародовать части, просмотрѣнныя съобща мною и геометромъ Навкратомъ и т. д."

Мы привели изъ этого посланія часть, относящуюся къ біографіи; остальное болѣе относится къ исторіи самой науки, чѣмъ къ исторіи автора. Изъ словъ *„когда я буду спокойнѣе духомъ"* видно, что во время писанія этого посланія, онъ былъ смущенъ, взволнованъ, вѣроятно, какой-нибудь интригой, или безстыдной клеветой въ родѣ той, что онъ присвоилъ труды Эвклида, или желалъ отнять у Архимеда славу нѣкоторыхъ изобрѣтеній.

Зная внутреннюю жизнь Академій, зная, какъ она часто бываетъ возмущена соперничествомъ самолюбій, легко понять, что нѣкоторыя клеветы, распущенныя по Александріи, могли безпокоить Аполлонія и даже, до нѣкоторой степени, подвергать опасности его положеніе въ Музеѣ. Часть письма, гдѣ онъ напоминаетъ Эвдему причины, заставившія его обнародовать свое сочиненіе въ то время, когда геометръ Навкратъ посѣтилъ его въ Александріи, и тщательность, съ какой они вмѣстѣ пересмотрѣли это сочиненіе, заставляетъ насъ думать, что дѣло шло, чтобъ отвѣтить обнародованіемъ восьми книгъ на какую-нибудь клевету въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы уже говорили.

Интимная переписка Аполлонія и Эвдема можетъ быть доставила-бы намъ любопытныя данныя на счетъ жизни Аполлонія, александрійскаго Музея, и тогдашней ученой публики, если бы эта переписка дошла до насъ.

По Галлею, Аполлоній умеръ при Птоломеѣ Филопаторѣ, около 205 года до р. Хр.

ИППАРХЪ.

Иппархъ, величайшій астрономъ греческой древности, родился въ Никеѣ, въ Виѳиніи (Малая Азія). Объ этомъ знаменитомъ ученомъ говорятъ, кромѣ многихъ другихъ, Плиній [1]), удивляющійся ему, Овидій, отзывающійся о немъ съ восторгомъ, Птоломей, который нерѣдко ссылается на него, хотя не всякій разъ, какъ основывается на его *наблюденіяхъ* [2]). Но никто изъ нихъ не позаботился дать намъ свѣдѣнія ни о времени его рожденія и смерти, ни о чемъ до него лично касающемся. Только Страбонъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности.

Изъ указаній въ *Альмагестѣ* Птоломея на время многихъ его наблюденій извѣстно, что Иппархъ жилъ между 150-й и 163-й олимпіадой.

Воссій [3]) полагаетъ, что Иппархъ жилъ въ царствованія Птоломея Эвергета II и Птоломея Филометора. Эти два царствованія продолжались 64 года втораго вѣка до нашей эры. Итакъ, весьма вѣроятно, что Иппархъ родился, жилъ и умеръ во второмъ вѣкѣ до р. Х. Саверьенъ полагаетъ, что онъ жилъ за сто восемьдесятъ лѣтъ до р. Хр. [4]).

Мы уже не разъ замѣчали, что въ Греціи не избирали художественной, литературной или ученой спеціальности, не окончивъ

---

[1]) Histoire naturelle, кн. II.

[2]) Almageste.

[3]) De Scientia mathematica.

[4]) Les Vies des philosophes anciens; т. V, стр. 95.

классическаго образованія, а это образованіе обнимало совокупность общихъ началъ, на коихъ тогда основывались человѣческія знанія. Таковъ былъ обычный ходъ системы воспитанія въ греческомъ обществѣ, и, вѣроятно, Иппархъ слѣдовалъ ей, какъ другіе.

Одно выраженіе въ письмѣ, которое приводимъ ниже, показываетъ, что у Иппарха были братья, занимавшіе общественныя должности. Итакъ, онъ принадлежалъ къ высшимъ классамъ общества, и его семейство было если не изъ очень богатыхъ, то изъ достаточныхъ. Поэтому, имѣя возможность оцѣнить выгоды образованности, семейство его, конечно, не упустило ничего, что̀ могло развить и усовершенствовать способности того, кому было суждено занять одно изъ первыхъ мѣстъ между древними учеными.

Мы считаемъ за вѣроятное, что юный Иппархъ былъ посланъ въ Аѳины слушать уроки словесности и философіи, которые еще преподавались въ развалинахъ Лицея.

Безъ сомнѣнія, еще въ Аѳинахъ началъ онъ болѣе спеціальнымъ образомъ заниматься науками, и теоретическія свѣдѣнія изъ астрономіи привели его къ астрономіи математической, которой онъ былъ творцомъ.

Изъ Аѳинъ Иппархъ отправился на островъ Родосъ. Онъ уже началъ тогда свое знаменитое *Толкованіе* на *Phœnomena* Арата. Онъ окончилъ его на Родосѣ. Положительно доказано, что это толкованіе есть юношеское произведеніе и что всѣ исчисленія, находящіяся въ немъ, сдѣланы для Аѳинъ и Родоса.

Но что такое эти *Phœnomena* Арата и написанное на нихъ Иппархомъ толкованіе?

Аратъ былъ не астрономъ, а поэтъ, изложившій въ стихахъ, ставшихъ популярными въ Греціи, понятія, которыя составили себѣ о вселенной древніе астрономы и преимущественно Евдоксъ [1]). Иппархъ находилъ эти понятія ложными и съ грустью видѣлъ, что они популяризуются талантливымъ поэтомъ. И онъ взялся за перо, чтобъ бороться не съ писателемъ, а съ системой.

Письмо, или *предисловіе* къ этому толкованію, обращенное Иппархомъ къ его другу Эсхріону, объяснитъ намъ предметъ этого комментарія, то есть книги, озаглавленной *ad Phœnomena*.

---

[1]) Аратъ родился въ Сициліи. Его поэма Phœnomena (Явленія) написана стихами по-гречески. Цицеронъ перевелъ ее по-латыни.

СТАТУЯ ИППАРХА.

Съ медали, выбитой въ Никеѣ во имя Иппарха никейскаго, срисованной въ *Греческой Иконографіи* Висконти.

„Иппархъ Эсхріону, привѣтъ.

„Извѣстивъ меня письмомъ, что ты любишь науки, и что ты вполнѣ рѣшился заняться серьезными изслѣдованіями, ты доставилъ мнѣ великое удовольствіе. Въ самомъ дѣлѣ, вопросы, которые ты предлагаешь мнѣ на счетъ естественныхъ предметовъ и особенно о восходѣ звѣздъ, и которые составляютъ сущность Аратова сочиненія, показываютъ, что умъ твой стремится къ добрымъ знаніямъ. На мой взглядъ эта рѣшимость тѣмъ знаменательнѣе, что, со времени прибытія нашихъ *свѣтлѣйшихъ* братьевъ (консуламъ, проконсуламъ, префектамъ, преторамъ и т. п. придавали титулъ *clarissimus, clarissimi*), ты, вмѣшавшись въ движеніе общественной жизни, болѣе подверженъ многочисленнымъ вытекающимъ отсюда заботамъ и хлопотамъ. Что касается остальнаго, то я постараюсь наставлять тебя постепенно, по мѣрѣ того какъ будутъ установляться твои воззрѣнія и мнѣнія на счетъ различныхъ вещей, о коихъ будетъ у насъ идти рѣчь. Въ настоящее время, мы станемъ говорить о томъ, что изложилъ Аратъ въ своихъ *Явленіяхъ*; объ этомъ-то вообще и я собрался писать тебѣ и стану говорить о фактахъ въ томъ видѣ и въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ ихъ самъ изображаетъ. Какъ скоро все, о чемъ я стану говорить тебѣ, станетъ для тебя яснымъ, станутъ ясны и предметы, на счетъ которыхъ ты предлагалъ мнѣ вопросы."

Иппархъ считалъ полезнымъ съ астрономической точки зрѣнія разъяснить ошибки, находящіяся въ поэмѣ Арата, потому что эта поэма пользовалась огромнымъ успѣхомъ. Но, какъ онъ сознается своему другу Эсхріону, онъ не скрываетъ, что его усилія могутъ быть ложно поняты. Единственная выгода, которую онъ полагаетъ извлечь изъ своего разбора, есть та, что его другъ, къ которому онъ пишетъ, а также другіе, которые читаютъ ради образованія, научатся не обманываться при созерцаніи вселенной. Въ сущности, онъ нападаетъ вовсе не на Арата. Аратъ вовсе не астрономъ; онъ только облекъ въ блестящія и живописныя формы ошибки нѣкоторыхъ философовъ. Иппархъ въ самомъ дѣлѣ показываетъ и доказываетъ многими выписками, что поэтъ часто только переписывалъ астронома Евдокса:

«Но, говоритъ онъ, мы не можемъ обвинять за это Арата, ибо въ своемъ описаніи *Явленій* онъ вовсе не имѣетъ притязанья основываться на своихъ наблюденіяхъ; онъ просто слѣдуетъ Евдоксу. Итакъ скорѣе упрекъ долженъ быть обращенъ на тѣхъ, кто, считая себя истинными математиками ошибаются именно въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ выдаютъ себя знатоками».

Изъ этого отрывка видно, что Иппархъ былъ смѣлъ въ своихъ мнѣніяхъ и не боялся оспаривать другихъ. *Толкованіе на Phœnomena* Арата — единственное и, вѣроятно, слабѣйшее сочиненіе Иппарха, дошедшее до насъ.

Это сочиненіе вооружило противъ него многихъ изъ почитателей Арата. Страбонъ [1]) обвиняетъ его въ томъ, что онъ слишкомъ любилъ критиковать и придираться къ мелочамъ.

По замѣчанію Гефера [2]), Иппархъ въ это время умѣлъ уже вычислять сферическіе треугольники и зналъ, съ приближеніемъ до полуградуса, прямыя восхожденія и склоненія; но онъ еще не открылъ движенія, отъ котораго происходитъ *предвареніе равноденствій* (возвратное движеніе равноденственныхъ точекъ). Въ самомъ дѣлѣ, онъ разсуждаетъ, какъ будто каждая звѣзда остается неподвижной на томъ мѣстѣ, гдѣ Евдоксъ наблюдалъ ее вѣкъ назадъ. Въ этомъ онъ ошибался, и критика его была несправедлива. Онъ предполагалъ въ звѣздахъ неподвижность, какой въ нихъ нѣтъ. Вслѣдствіе поступательнаго движенія звѣздъ (процессіи равноденствій), небо со временъ Евдокса измѣнило наружный видъ. Иппархъ, только что начинавшій тогда заниматься астрономіей, не зналъ еще этого движенія неподвижныхъ по долготѣ звѣздъ вокругъ полюса эклиптики. Онъ сильно обличалъ эту мнимую ошибку въ поэмѣ Арата. Но, повторяемъ, ошибался онъ самъ, предполагая въ небесныхъ явленіяхъ неизмѣнность, противную законамъ природы. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ самъ убѣдился въ этой ошибкѣ.

Иппархъ еще въ молодости, какъ сказано, окончилъ на Родосѣ свой разборъ Аратовыхъ Phoenomena. Но навѣрно онъ не всю жизнь прожилъ тамъ. Вмѣстѣ съ Балльи, Монтукла, Флемстидомъ и многими другими, мы полагаемъ, что, ставъ извѣстенъ своими первыми наблюденіями и въ особенности своимъ толкованіемъ на поэму Арата, онъ съ Родоса переѣхалъ въ Александрію.

„Иппархъ, говоритъ Монтукла, долго занимался теоретической и практической астрономіей въ различныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, какъ-то на родинѣ, въ Родосѣ и въ Александріи [3]).“

Между тѣмъ одинъ изъ новѣйшихъ ученыхъ астрономовъ, Деламбръ, доказывалъ, что Иппархъ никогда не былъ въ Александріи.

„Ни одинъ изъ древнихъ писателей, пишетъ Деламбръ, не говоритъ, чтобы онъ былъ даже недолго въ Александріи. Алексан-

---

[1]) Кн. I и II.

[2]) *Biographie générale* publiè chez Didot, статья: Hipparque.

[3]) Histoire des mathèmatiques. т. I, кн. IV, стр. 257.

дрійскій анонимъ, объясняющій, въ замѣткѣ на книгу Птоломея о *Восходахъ* и *заходахъ*, въ какихъ мѣстахъ были дѣланы различныя наблюденія, приведенныя въ этомъ нѣкотораго рода календарѣ, говоритъ, что наблюденія Иппарха были сдѣланы въ Виѳиніи, и видно, что это — юношескія его наблюденія. Флемстидъ сказалъ, *и всѣ астрономы безъ изслѣдованія повторяли*, что Иппархъ наблюдалъ въ Александріи [1]).“

Выражаться такъ, значитъ легкомысленно отвергать древнее преданіе, въ которомъ до Деламбра никто изъ самыхъ авторитетныхъ писателей ни мало не думалъ сомнѣваться. Такое мнѣніе должно бы основываться на очень серьезныхъ доказательствахъ.

Мы исчислимъ причины, заставляющія насъ отвергнуть это мнѣніе Деламбра и принять, съ большинствомъ писателей, что Иппархъ дѣлалъ наблюденія въ Александріи и что, вѣроятно, онъ принадлежалъ къ тамошнему знаменитому Музею.

Невозможно во-первыхъ, чтобы въ Греціи или Малой Азіи жилъ астрономъ, подобный Иппарху, и чтобы преемники Птоломея, знаменитаго основателя Александрійской школы, не употребляли всѣхъ усилій перевести его въ Музей.

Во-вторыхъ, астрономъ Клавдій Птоломей, жизнь котораго разскажемъ ниже, говоритъ о сдѣланныхъ Иппархомъ наблюденіяхъ, которыми онъ пользовался, какъ о произведенныхъ ни въ Никеѣ, или Родосѣ, но въ Александріи.

Вспомнимъ наконецъ, что шаръ, который употреблялъ Иппархъ для опредѣленія положенія неподвижныхъ звѣздъ, во времена Клавдія Птоломея находился въ александрійской обсерваторіи.

Вотъ доказательство, что шаръ, на которомъ Иппархъ написалъ созвѣздія и опредѣлилъ относительныя положенія звѣздъ, находился дѣйствительно, какъ мы полагаемъ, въ Александріи во время астронома Птоломея, и что онъ соотвѣтствовалъ различнымъ условіямъ мѣста, гдѣ были произведены наблюденія, каковы широта, долгота, высота полюса и т. п. Птоломей, утверждая, что со времени Иппарха относительное положеніе неподвижныхъ звѣздъ не измѣнилось, предлагаетъ повѣрить это, сравненіемъ настоящаго

---

[1]) *Biographie universelle*, de Michaud, статья: Hipparque.

положенія этихъ звѣздъ на небѣ съ тѣмъ, которое назначилъ имъ Иппархъ на своемъ шарѣ [1]). Очевидно, эта сфера существовала тогда въ александрійской обсерваторіи. И это была та, которую устроилъ Иппархъ. Конечно, авторъ *Альмагесты* не имѣлъ намѣренія посылать своихъ читателей или слушателей въ Родосъ, чтобы разсмотрѣть на небесномъ глобусѣ астрономическія наблюденія, сдѣланныя не въ Александріи.

Этихъ фактовъ уже достаточно, чтобы разрушить мнѣніе Деламбра. Но есть еще фактъ, котораго до сихъ поръ никто не приводилъ.

Первые астрономы, приглашенные основателемъ Музея въ это учрежденіе, были Аристиллъ и Тимохарисъ. Они жили въ Александріи и тамъ производили наблюденія. Почти черезъ полтораста лѣтъ, Иппархъ, занимаясь положеніемъ неподвижныхъ звѣздъ, желалъ сравнить свои наблюденія съ наблюденіями Аристилла и Тимохариса, чтобы узнать, не произошло ли замѣтнаго измѣненія въ видѣ неба въ продолженіи долгаго періода, протекшаго со времени этихъ египетскихъ астрономовъ. Именно это сравненіе привело Иппарха къ открытію любопытнаго явленія *прецессіи* равноденствій, явленія, которое проливаетъ столь яркій свѣтъ на великій законъ, отъ котораго все зависитъ въ цѣлой нашей солнечной системѣ [2]). Мы спросимъ, гдѣ, кромѣ Александріи, Иппархъ могъ добыть точные результаты наблюденій, сдѣланныхъ почти за полтораста лѣтъ Аристилломъ и Тимохарисомъ? Очевидно, ихъ не могло быть ни въ Никеѣ, ни въ Родосѣ. Они могли быть записаны и сохраняться только въ реестрахъ александрійской обсерваторіи, потому что были сдѣланы въ этой обсерваторіи. Предположимъ, противно всякому правдоподобію, что они были сообщены въ Никею и Родосъ, и даже были тамъ сохранены безъ измѣненія: можно-ли принять, что Иппархъ, во всемъ заботившійся о вѣрности и точности, удовлетворился-бы этими столь сомнительной подлинности документами, когда ему стоило только съѣздить въ Але-

---

[1]) Almageste, кн. VII, стр. I.

[2]) J. Morand. *Préface de l'Introduction à l'étude des sciences physiques*, 3 изд.

ксандрію и справиться тамъ съ наблюденіями Аристилла и Тимохариса въ реестрахъ обсерваторіи, въ которые они были занесены? Сколько невозможныхъ предположеній требуется для опроверженія нашего мнѣнія!

Итакъ, для насъ внѣ всякаго сомнѣнія, что Иппархъ составилъ списокъ неподвижныхъ звѣздъ въ Александріи, а не въ Никеѣ и не въ Родосѣ, гдѣ, весьма вѣроятно, ему никогда не удалось-бы имѣть всѣхъ необходимыхъ для выполненія подобнаго труда пособій.

Для насъ несомнѣнно, что Иппархъ былъ приглашенъ Птоломеемъ въ Александрійскую школу, что онъ въ ней преподавалъ астрономію и что египетскій государь построилъ для его работъ обсерваторію, снабженную всѣми необходимыми снарядами.

Иппархъ нашелъ въ Александріи книги, приборы, умныхъ сотрудниковъ и другія различныя средства изученія и изслѣдованія, которыхъ до тѣхъ поръ ему, конечно, большей частью не доставало. Его геній съ этихъ поръ развивался свободно, и его трудами и открытіями истинная астрономія наконецъ утвердилась на прочныхъ основаніяхъ.

„Когда переберешь мыслью, говоритъ Деламбръ, все изобрѣтенное и усовершенствованное Иппархомъ и вспомнишь о числѣ его сочиненій, о количествѣ предполагаемыхъ ими вычисленій, то убѣдишься, что онъ одинъ изъ изумительнѣйшихъ людей греческой древности и выше всѣхъ въ наукахъ, которыя не чисто умозрительныя (какова чистая математика), но требуютъ знанія явленій или частныхъ необходимыхъ фактовъ, соединеннаго съ знаніемъ геометрическихъ теорій."

Плиній былъ великимъ поклонникомъ Иппарха. Слѣдующее мѣсто изъ его *Естественной Исторіи* покажетъ намъ и труды, исполненные греческимъ астрономомъ по изслѣдованію неба, и его философскія мнѣнія:

„Никогда, говоритъ Плиній, Иппархъ не будетъ довольно восхваленъ, ибо никто лучше его не показалъ связи происхожденія и родства, соединяющей человѣка со звѣздами, ни того, что наши души часть неба. Онъ открылъ новую звѣзду, которой не было въ числѣ существовавшихъ въ его время, и въ день, когда она засіяла, наблюдая ея движеніе, онъ пришелъ къ вопросу: не чаще-ли происходитъ такое явленіе и не измѣняютъ-ли мѣста звѣзды, считаемыя нами за неподвижныя? Тогда онъ осмѣлился взяться за предпріятіе, которое было бы великимъ даже для бога. Онъ предпринялъ смѣлое намѣреніе передать потомкамъ число звѣздъ и при помощи

изобрѣтенныхъ имъ приборовъ, подчинить правиламъ распредѣленіе звѣздъ въ небесныхъ пространства, и означить мѣсто, величину и блескъ каждой, дабы черезъ это стало легче опредѣлять, не только раждаются-ли онѣ, или приближаются къ намъ, но вообще въ какомъ направленіи онѣ движутся или направляются, а также уменьшается-ли, или увеличивается ихъ число на небѣ [1]).

Плиній, конечно, зналъ сочиненія Иппарха. Приведенныя нами слова доказываютъ даже, что онъ тщательно изучалъ ихъ.

Причины, по которымъ Плиній находитъ, что Иппархъ никогда не будетъ достаточно восхваленъ, заставляютъ предполагать, что этотъ астрономъ изложилъ ученіе, въ которомъ физико-математическая часть служила основаніемъ метафизическихъ соображеній высшаго порядка. Выраженія, что *родственныя связи существуютъ между человѣкомъ и звѣздами*, что *человѣческія души составляютъ часть неба*, принимаемыя въ фигуральномъ значеніи указываютъ на ученіе весьма аналогичное, если не подобное ученію древней Пиоагорейской школы.

Если судить по нѣсколькимъ отрывкамъ древнихъ авторовъ, философія Иппарха была очень возвышенна и отражала идеи великихъ умовъ той эпохи объ участіи всѣхъ существъ живыхъ и неодушевленныхъ въ гармоническомъ хорѣ творенія.

Вѣроятно, въ распоряженіи Иппарха въ Александріи была обсерваторія, снабженная весьма совершенными приборами. Его *астролябія*, приборъ, изобрѣтенный въ глубокой древности, была снабжена тремя кольцами или кругами, придуманными Аристилломъ и Тимохарисомъ. Сфера, устроенная имъ, чтобъ на ней изобразить относительныя положенія звѣздъ и созвѣздій, была однимъ изъ украшеній и главныхъ приборовъ его обсерваторіи, которую пополняли измѣрительные приборы, каковы: *діоптры* и длинныя трубки, употреблявшіяся древними для разсматриванія звѣздъ [2])

---

[1]) Кн. II, глава XXVI.

[2]) Изобрѣтеніе *армиллярной* (то есть составленной изъ колецъ) *сферы* восходитъ къ глубокой древности. Бальи думаетъ, что это изобрѣтеніе было возобновлено въ Александріи Аристилломъ и Тимохарисомъ, которые пользовались кольцами (армиллами) для наблюденія неба.

Армиллярная сфера, или астролябія, состояла изъ *экватора*, пересѣкаемаго подъ прямымъ угломъ, въ точкахъ равноденствій и солнцестояній, двумя большими кругами, называемыми *колуріями*. Эти круги, соединенные и вложенные въ другой

Эти различныя принадлежности мы сгрупировали вокругъ Иппарха на портретѣ этого астронома, помѣщенномъ во главѣ его біографіи и на виньеткѣ, находящейся при настоящей страницѣ.

Работы, исполненныя Иппархомъ въ Александріи, требовали усидчиваго сотрудничества многихъ просвѣщенныхъ помощниковъ. Онѣ требовали много времени и издержекъ. Читая жизнь датскаго астронома Тихо Браге легко понять, что одинокій и на свои собственныя средства, этотъ великій наблюдатель никогда-бы не могъ исполнить въ Уранибургѣ тѣхъ огромныхъ работъ, которыя прославили его имя. Всѣ пособія, полученныя Тихо Браге отъ датскаго правительства, Иппархъ нашелъ въ александрійскомъ Музеѣ, у египетскихъ государей. Иначе нельзя объяснить обширныхъ его трудовъ по наблюденію и вычисленію.

Когда Иппархъ пріѣхалъ въ Египетъ, онъ уже составилъ планъ и принялся за исполненіе своего великаго астрономическаго труда, который для своего окончанія требовалъ цѣлаго ряда новыхъ наблюденій и сравненія ихъ съ наблюденіями, сдѣланными въ предъидущія времена. Все это предполагаетъ ученыя пособія для изслѣдованій, которыя нигдѣ нельзя было найти въ совокупности, кромѣ александрійскаго Музея. Какъ иначе Иппархъ могъ построить таблицы, о которыхъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ говоритъ Плиній:

„Онѣ были вычислены на шестьсотъ лѣтъ; въ нихъ заключались особыя для каждаго народа эфемериды, дни, часы, относительное положеніе каждаго мѣста и различные небесные аспекты, относительно различныхъ народовъ, словно онъ былъ принятъ природой въ ея тайный совѣтъ [1].“

большой кругъ, перпендикулярный къ горизонту и изображавшій меридіанъ, были подвижны вокругъ оси, стоящей въ направленіи двухъ полюсовъ міра.

Каждый изъ этихъ круговъ назывался *армиллою*, а цѣлая сфера *астролябіей*. Этотъ приборъ былъ подвиженъ и слѣдовалъ за движеніями небесной сферы. Онъ былъ мѣдный и, по Бальи, каждый кругъ былъ отъ пятнадцати до шестнадцати футовъ въ поперечникѣ. Бальи въ своей *Древней Астрономіи* (кн. II, гл. XIV) описываетъ этотъ огромный и тяжелый приборъ.

Діоптры, изобрѣтенныя Иппархомъ (Bailly, Astron. ancienne, pl. VI, fig. 23), состояли изъ двухъ линеекъ, подвижныхъ на третьей, и которыя можно было сближать такъ, что онѣ обхватывали концы діаметра.

[1]) Кн. II, гл. XII.

Ясно, что для подобной работы необходимы были реестры большой обсерваторіи и богатая библіотека, гдѣ находились бы собранія, которыхъ не можетъ пріобрѣсть частный человѣкъ. Только въ Александріи Иппархъ могъ написать, или, по крайности, окончить сочиненіе, къ которому относится вышеприведенное мѣсто изъ Плинія.

Иппарху было, вѣроятно, сорокъ, или пятьдесятъ лѣтъ, когда онъ былъ принятъ въ александрійскій Музей. Его толкованіе на книгу Арата *„Явленія“* доказываетъ, что онъ посвятилъ бо́льшую часть юности на наблюденіе звѣздъ, не пренебрегая впрочемъ ни одной изъ тѣхъ различныхъ отраслей науки, которая прямо или посредственнымъ образомъ относится къ астрономіи. Если не онъ изобрѣлъ тригонометрію, то онъ расширилъ ее, улучшилъ и употребилъ для разрѣшенія задачъ, которыя дотолѣ оставались нерѣшенными.

Онъ, конечно, не тратилъ много времени на игры, удовольствія, или легкомысленныя развлеченія, ибо нѣчто равнозначительное этимъ выраженіямъ существовало и въ древне-греческой цивилизаціи. Иппархъ дома получилъ то воспитаніе, которое у грековъ дѣлало свободнаго гражданина дѣйствительно выше вольноотпущеннаго, ремесленника, промышленника или торговца, совершенно независимо отъ богатства. Иппархъ уже потому, что много работалъ, нуждался въ какомъ-нибудь пріятномъ развлеченіи и искалъ его въ обществѣ. Онъ могъ имѣть въ немъ значеніе по разнообразію своихъ знаній, талантовъ, по тонкости проницательнаго и можетъ быть, даже нѣсколько ѣдкаго ума. Сношенія съ людьми, бесѣды, гдѣ излагаются свободно и съ большей или меньшей оригинальностью, самыя различныя мнѣнія, оживляютъ воображеніе и пробуждаютъ умъ, усталый отъ непрерывной работы. Человѣкъ, проводящій часть дня и ночи въ размышленіяхъ и письмѣ въ своемъ кабинетѣ, больше другаго нуждается въ развлеченіи занимательными бесѣдами. Въ совершенномъ уединеніи изчезаетъ дѣятельность мысли. Вотъ почему у древнихъ, гдѣ столь тщательно и глубоко изучали все, что̀ относится къ гармоническому развитію человѣческихъ способностей, были въ такомъ ходу бесѣды, разсказы и споры.

Страбонъ неблагосклонно отзывается объ Иппархѣ. Но легко отгадать причину такого мнѣнія. Иппархъ получилъ въ Греціи нѣкоторую извѣстность критикой Арата и Евдокса, и своими острыми, можетъ быть, слишкомъ эпиграмматическими, замѣчаніями на *Географію* Эратосѳена. Страбонъ былъ великимъ поклонникомъ Эратосѳена, а потому и обвинялъ Иппарха *„за критику, которая больше похожа на придирчивость, чѣмъ на точный умъ.“* Страбонъ, такъ сказать, усвоилъ себѣ нѣкоторую часть сочиненій Эратосѳена, а потому нападки Иппарха на этого географа принималъ на свой счетъ. *Inde irae.*

Неизвѣстно, сколькихъ лѣтъ умеръ Иппархъ, и гдѣ: въ Александріи, или на родинѣ.

Въ Римѣ, во времена Августа, существовало изображеніе, подъ которымъ была подпись *Иппархъ*, но этотъ бюстъ не сохранился. Намъ для портрета Иппарха послужила оригиналомъ медаль, выбитая въ Никеѣ, на которой есть подпись: *„Иппархъ Никеянинъ.“*

Разсмотримъ теперь труды и открытія знаменитаго греческаго астронома.

Изъ всѣхъ наблюденій Иппарха извѣстны только приведенныя въ календарѣ Птоломея [1]).

Чтó сдѣлано въ новыя времена Декартомъ для философіи, тоже сдѣлано въ древности Иппархомъ для астрономіи. Онъ вновь разсмотрѣлъ факты и идеи, и, необращая вниманія ни на принятыя гипотезы, ни на господствовавшія мнѣнія, все переработалъ.

Онъ началъ съ повѣрки наклонности эклиптики, которую наблюдалъ Эратосѳенъ, и нашелъ ее довольно точною. Онъ опредѣлилъ широту Александріи въ 30° 58′.

Послѣ этихъ главныхъ основныхъ наблюденій, одной изъ первыхъ работъ его было повѣрить продолжительность года, который тогда полагали въ 365 дней 6 часовъ. Сравнивая одно изъ своихъ наблю-

[1]) Иппарха называли также *Виѳинцемъ* и *Родосцемъ*, по мѣсту, гдѣ произведены его первыя наблюденія. Поэтому-то ученные, писавшіе о наукахъ, предполагали существованіе двухъ Иппарховъ, которые оба будто бы были знаменитые астрономы и современники.

деній, сдѣланныхъ во время лѣтняго солнцестоянія, съ подобнымъ наблюденіемъ, сдѣланнымъ за сто сорокъ пять лѣтъ астрономомъ Аристархомъ Самосскимъ, онъ нашелъ, что годъ въ 365 дней 6 часовъ слишкомъ длиненъ. Онъ полагалъ, что самый простой способъ повѣрки состоитъ въ наблюденіи съ строжайшей точностью промежутка видимыхъ возвращеній солнца къ тѣмъ же солнцестояніямъ и тѣмъ же равноденствіямъ.

Солнцестоянія не разъ наблюдались въ предъидущія времена, именно Эвктемономъ, Аристархомъ и Архимедомъ.

Эвктемонъ за четыреста тридцать три года до р. Хр. вмѣстѣ съ Метономъ установилъ знаменитый періодъ девятнадцати солнечныхъ годовъ, которые обнимали двѣсти тридцать пять лунныхъ мѣсяцевъ, періодъ, который въ Аѳинахъ начертали золотыми буквами на мѣдной доскѣ, откуда произошло названіе *Золотаго числа* (кругъ луны).

Иппархъ взялъ два наблюденія, отдаленныя одно отъ другаго большимъ числомъ солнечныхъ обращеній, и получилъ среднее, раздѣляя ихъ разность на число обращеній. Одно изъ взятыхъ имъ наблюденій было Эвктемоново; онъ выбралъ его, какъ древнѣйшее и вѣрнѣйшее изъ имѣвшихся. Понятно, что онъ сравнивалъ наблюденныя имъ самимъ солнцестоянія съ наблюденными до него. Изъ всего этого Иппархъ заключилъ, что для полученія истинной продолжительности года слѣдуетъ вычесть $^1/_{300}$ дня изъ $365^1/_4$ дней, числа, которымъ тогда выражалась продолжительность года.

Онъ заключилъ, что число 365 дней 5 часовъ 55′ 12″ выражаетъ истинную продолжительность года.

Это число немного велико; ибо, на основаніи новѣйшихъ вычисленій и наблюденій, тропическій годъ равенъ почти 365 днямъ 5 часамъ 48′ 51″.

Если взять наблюденія самого Иппарха въ сравненіи съ новѣйшими наблюденіями, то найдемъ, что на основаніи ихъ, продолжительность года равна 365 днямъ 5 часамъ 49′ 3″. Итакъ, Иппархъ получилъ бы вѣрный результатъ (разница всего въ минутѣ), если бы сдѣланныя до него наблюденія были столь же точны, какъ его.

Все это доказываетъ во-первыхъ, что древніе сдѣлали значительные успѣхи въ наукахъ, такъ какъ ихъ результаты въ астро-

номіи столь мало разнятся отъ полученныхъ нынѣ; во-вторыхъ, что, если бы александрійскіе астрономы, Иппархъ и его предшественники, имѣли въ своемъ распоряженіи довольно точные приборы, то наблюденія Иппарха по точности ничѣмъ бы не разнились отъ новѣйшихъ.

Это доказываетъ положительнымъ образомъ, что наука существуетъ не со вчерашняго дня, какъ то утверждаютъ наша гордость и невѣжество.

Иппархъ замѣтилъ, что наблюденіе солнцестояній не можетъ быть строго точно, потому что во время солнцестоянія солнце нѣсколько дней стоитъ на мѣстѣ (sol stat), то есть повидимому остается на той же высотѣ. Тоже замѣчаніе, вѣроятно, было сдѣлано въ глубокой древности индійцами и халдеями, и это-то, безъ сомнѣнія, заставило различные народы Азіи принять звѣздный годъ вмѣсто тропическаго. Звѣздный годъ, или годовое обращеніе земли, по сравненію со звѣздами, не много больше тропическаго года; оно равняется около 365 дней 6 часовъ 9′ 12″. Это происходитъ отъ того, что равноденственныя точки, точки пересѣченія экватора эклиптикой, измѣняютъ положеніе относительно звѣздъ. Они кажутся опаздывающими не много болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ секундъ въ годъ, или же звѣзды кажутся подвигающимися на это количество въ плоскости земной орбиты. Эта видимость, производимая перемѣщеніемъ солнца по его огромной орбитѣ, составляетъ явленіе *прецессіи равноденствій*. Индійцы и халдеи, кажется, хорошо знали звѣздный годъ. Но наблюденія, на которыхъ они основывались, чтобы установить этотъ годъ, уже не существовали во времена Иппарха.

Греческій астрономъ очень хорошо видѣлъ, что во время солнцестоянія видимое движеніе солнца почти параллельно экватору, а потому почти невозможно точнымъ образомъ опредѣлить настоящія точки, одновременно находящіяся и на эклиптикѣ и на поворотномъ кругѣ. Поэтому онъ прибѣгъ къ равноденствіямъ. Здѣсь трудность была меньше, потому что во время равноденствія солнце, кажущееся движущимся по эклиптикѣ, пересѣкаетъ экваторъ накось и съ достаточной скоростью, такъ что въ короткое время его видимая высота значительно измѣняется. Слѣдовательно, не очень

трудно опредѣлить точно моментъ, когда солнце находится на экваторѣ.

До тѣхъ поръ древніе астрономы, по крайней мѣрѣ греческіе, полагали, что солнце однообразно движется по круговой орбитѣ, не подозрѣвая даже, что это однообразіе, которое они принимали за дѣйствительное, можетъ измѣняться, хотя бы повидимому, относительно земли. Иппархъ, сдѣлавъ наблюденія надъ солнцестояніями и равноденствіями, скоро замѣтилъ, что эти четыре точки не дѣлятъ года на четыре равныя части. Онъ нашелъ, что солнце, чтобы пройти отъ весенняго равноденствія до лѣтняго солнцестоянія употребляетъ около 94 дней 12 часовъ, а отъ лѣтняго солнцестоянія до осенняго равноденствія всего около 92 дня 12 часовъ. Итакъ, солнце проходитъ сѣверную часть эклиптики въ теченіе около 187 дней.

Если бы истинная система міра, о которой имѣли понятіе халдеи, была принята Иппархомъ, то онъ изъ своихъ наблюденій заключилъ бы, что земля не съ одной и той же скоростью пробѣгаетъ сѣверную и южную часть своей орбиты, и могъ бы опередить Кеплера въ опредѣленіи одного изъ великихъ астрономическихъ законовъ. Къ несчастію, онъ старался объяснить эту неравность скорости гипотезой дѣйствительнаго и однообразнаго движенія солнца. Онъ полагалъ, что земля находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центра эклиптики. Это разстояніе онъ назвалъ *экцентрицитетомъ* земли. Экцентричность производила между истиннымъ и видимымъ движеніемъ *уравненіе*, или разность времени, то прибавляемую, то вычитаемую, при помощи которой можно всегда согласить оба движенія. Иппархъ опредѣлилъ величину экцентрицитета относительно радіуса эклиптики, а равно положеніе линіи *абсцидій*, линіи, соединяющей двѣ діаметрально противоположныя точки, гдѣ находится солнце во время *наибольшаго* и *наименьшаго* разстоянія отъ земли. Эти точки называются *апогей* и *перигей*.

Онъ сдѣлалъ аналогичныя замѣчанія и вычисленія относительно лунной орбиты, и на этихъ основаніяхъ составилъ первыя упоминаемыя въ исторіи таблицы движенія солнца и луны.

ИППАРХЪ НА АЛЕКСАНДРІЙСКОЙ ОБСЕРВАТОРІИ.

Иппархъ представилъ свои таблицы не какъ рядъ точныхъ опредѣленій, но какъ простой опытъ, который можно современемъ усовершенствовать при помощи новыхъ наблюденій.

Онъ имѣлъ намѣреніе составить подобныя же таблицы для Меркурія, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна; но отказался, убѣдившись, что собранныя до него наблюденія не могутъ доставить ему элементовъ достаточной точности.

Напротивъ, для луны онъ нашелъ періоды, давно уже установленные у халдеевъ; періоды, заключающіе вращенія нашего спутника, какъ по отношенію къ звѣздамъ, такъ и по отношенію къ ея узлу и апогею. *Узлами* называются точки пересѣченія лунной орбиты земною. Неизвѣстно, различали ли халдеи движеніе узловъ и апогея. Эвдоксъ говорилъ, что узлы подвижны; Иппархъ повѣрилъ этотъ фактъ наблюденіемъ. Кромѣ того, слѣдя за движеніемъ луны при помощи круговъ (армиллій), онъ замѣтилъ, что это свѣтило иногда возвышается на пять градусовъ надъ эклиптикой земли, а иногда понижается на такое же количество; изъ этого онъ заключилъ, что лунная орбита наклонена на пять градусовъ надъ земной.

Мы уже говорили, что александрійскіе астрономы для наблюденій пользовались мѣдной сферой, состоящей изъ многихъ круговъ, или колецъ, отъ пятнадцати до шестнадцати футовъ въ поперечникѣ. Одинъ изъ этихъ круговъ обозначалъ *экваторъ;* онъ пересѣкался подъ прямымъ угломъ въ точкахъ равноденствій и солнцестояній двумя другими большими кругами, называвшимися *колуріями*. Эти круги, подвижные вокругъ оси, направленной къ полюсамъ міра, соединялись и вмѣщались въ другой большой кругъ, перпендикулярный къ горизонту и означавшій *меридіанъ*. Эта сфера, какъ мы говорили, называлась *астролябіей*, а каждый кругъ *армилліей*. Она была подвижна и при каждомъ наблюденіи ее приводили въ согласіе съ настоящимъ состояніемъ неба.

Неравенство солнца привело Иппарха къ важному открытію неравенства дней. Этого неравенства не существовало бы, если бы видимое движеніе солнца было однообразно; но оно не таково: оно перемѣняется отъ 57 минутъ до 61 минуты, что́ составляетъ разницу въ 4 минуты. Но это еще не все. Время дня считается дневнымъ обращеніемъ экватора вокругъ полюсовъ, а видимое

движенiе солнца совершается по эклиптикѣ. А какъ эти два круга пересѣкаются по косвенному направленiю, то изъ этого слѣдуетъ, что равныя части эклиптики соотвѣтствуютъ не равнымъ частямъ экватора, и обратно. Прибавимъ, что, вслѣдствiе своего собственнаго движенiя, солнце подвигается на градусъ къ востоку въ каждый промежутокъ между двумя послѣдовательными проходами черезъ тотъ же меридiанъ, между полднемъ кануна и полднемъ завтрашняго дня. Эти неравенства, то бóльшiя, то меньшiя, образуютъ накопляясь то, чтó называется *уравненiемъ времени*, или разностью между временемъ *истиннымъ* и *среднимъ*, то есть между временемъ, указываемымъ солнцемъ и часами, движенiе которыхъ совершенно однообразно. Иппархъ сильно ошибается на счетъ неравенства дней. „Но, говоритъ Бальи,—его нельзя достаточно восхвалить за открытiе одного изъ элементовъ, на которомъ основывается новѣйшая точность“ [1]).

Иппархъ, наблюдая движенiя луны, замѣтилъ неравенство, которое привлекло все его вниманiе: онъ замѣтилъ, что видимыя разстоянiя луны отъ звѣздъ перемѣнялись въ продолженiи дня или ночи. Онъ не находилъ ихъ такими же въ зенитѣ, какими они казались ему на горизонтѣ, даже принимая въ разсчетъ движенiе луны въ продолженiи истекшаго промежутка. Далѣе, онъ зналъ, что затмѣнiе, видимое въ одномъ мѣстѣ, не видимо въ другомъ, и что даже во время одного и того же затмѣнiя солнца, коническая тѣнь, отбрасываемая луною, имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ не одинъ и тотъ же дiаметръ. Онъ долженъ былъ разсуждать такимъ образомъ, ибо измѣненiя разстоянiй луны, очень замѣтныя на горизонтѣ, кажется увеличиваются отъ горизонта до зенита и должны поэтому зависѣть отъ высоты луны надъ горизонтомъ. Въ одно и то же время звѣзда не можетъ быть видна на одной и той же высотѣ въ различныхъ странахъ. Но когда, во время солнечнаго затмѣнiя, луна находится между солнцемъ и землею, оба свѣтила для наблюдателя соотвѣтствуютъ одной и той же точкѣ неба; и каково бы ни было на землѣ мѣсто, гдѣ происходитъ затмѣнiе, оба свѣтила должны имѣть одну и ту же видимую высоту надъ горизонтомъ. Если этого нѣтъ, то высота одного изъ нихъ измѣнена какой-нибудь причиной: эта причина есть про-

[1]) Histoire de l'astronomie ancienne.

странство земнаго шара. Для наблюдателей, находящихся въ различныхъ точкахъ земнаго шара, свѣтило въ одинъ и тотъ же моментъ соотвѣтствуетъ различнымъ точкамъ неба, подобно тому какъ дерево, стоящее на равнинѣ, будетъ отнесено къ двумъ различнымъ точкамъ горизонта двумя лицами, одновременно смотрящими на него въ нѣкоторомъ разстоянiи другъ отъ друга. Въ этомъ случаѣ, ихъ зрительные лучи пересѣкаются и образуютъ, проходя черезъ дерево, два угла, противоположные вершинами.

Разстоянiе двухъ точекъ неба, къ которымъ отнесено дерево, или же уголъ, образуемый двумя зрительными лучами, есть то, что̀ называется *параллаксомъ*. Параллаксъ звѣзды больше на горизонтѣ; онъ уменьшается по мѣрѣ восхожденiя звѣзды; равенъ нулю въ зенитѣ. Иппархъ полагалъ, что всѣ эти видимости суть слѣдствiе величины земли, и если ихъ привести къ такимъ, которыя имѣли бы мѣсто для наблюдателя, находящагося въ центрѣ земли, то можно бы безъ всякаго неудобства не принимать ихъ въ разсчетъ, такъ какъ всѣ параллаксы были бы взяты съ одной и той же земной точки. *Это приведенiе составляетъ основанiе вычисленiя параллаксовъ.*

Открывъ параллаксы, Иппархъ придумалъ способъ измѣрить отстоянiе земли отъ луны при помощи *параллакса луны*. Этотъ способъ превосходенъ; но Иппархъ ошибся, прилагая его къ лунѣ. Онъ не пробовалъ прилагать его къ планетамъ, ибо ихъ разстоянiя не могли быть уже измѣрены по причинѣ тогдашнихъ весьма несовершенныхъ приборовъ. Онъ, впрочемъ, очень хорошо зналъ, что параллаксъ свѣтила тѣмъ меньше, чѣмъ оно больше удалено, и что когда извѣстны параллаксъ свѣтила и полупоперечникъ земнаго шара, то легко простымъ тригонометрическимъ вычисленiемъ опредѣлить отстоянiе этого свѣтила. Положимъ, напримѣръ, что два наблюдателя находятся одинъ въ центрѣ земнаго шара, другой въ какой либо точкѣ его поверхности. Оба они смотрятъ на ту же планету; ихъ зрительные лучи образуютъ въ центрѣ этой планеты уголъ, который есть параллаксъ; и по гипотезѣ, этотъ уголъ извѣстенъ. Вообразимъ прямоугольный треугольникъ, три стороны котораго будутъ зрительные лучи двухъ наблюдателей и земной радiусъ. Изъ шести вещей, составляющихъ треугольникъ, именно трехъ угловъ и трехъ сторонъ,

извѣстны та сторона, которая есть земной радіусъ, и три угла, такъ какъ треугольникъ предположенъ прямоугольнымъ и одинъ изъ острыхъ угловъ, параллаксъ, извѣстенъ. Въ тригонометріи, требуется простая пропорція для опредѣленія стороны треугольника, проведенной отъ центра земли къ планетѣ. Такое вычисленіе было не трудно для Иппарха; но требуются хорошіе приборы, чтобы вѣрно опредѣлить параллаксъ, а у Иппарха были весьма несовершенные. Поэтому онъ весьма сомнѣвался, точенъ ли опредѣленный имъ параллаксъ луны.

Необычайное явленіе, внезапное исчезновеніе одной большой звѣзды, породило въ Иппархѣ мысль исчислить звѣзды, опредѣлить ихъ относительныя положенія, блескъ и сравнительную величину. Онъ сперва попробовалъ классифицировать ихъ по величинѣ и блеску. Древніе, по Плинію [1]), сосчитали 1,600 звѣздъ или звѣздныхъ группъ. Иппархъ считаетъ ихъ гораздо меньше. Но онъ считалъ ихъ, опредѣляя положеніе каждой по разстоянію отъ экватора и *колурій* (большихъ круговъ, проходящихъ черезъ точки равноденствій и солнцестояній). Это была огромная работа, и гораздо труднѣйшая, чѣмъ могутъ подумать тѣ, кто пробѣгаетъ глазами въ нѣсколько мгновеній все обширное пространство неба, не останавливаясь со вниманіемъ на частностяхъ.

Въ спискѣ Иппарха находится тысяча восемьдесятъ звѣздъ. Это не всѣ даже изъ видимыхъ простымъ глазомъ. Иппархъ хотѣлъ не измѣрить звѣзды, какъ ошибочно полагаетъ мало знакомый съ астрономіей Плиній, но опредѣлить ихъ относительныя положенія, относя ихъ къ экватору и колюріямъ, подобно тому какъ на землѣ опредѣляютъ положеніе какой-нибудь точки по долготѣ и широтѣ. Онъ раздѣлилъ небо на 49 созвѣздій; 12 въ эклиптикѣ, 21 сѣверныхъ и 16 южныхъ. Это небесный глобусъ древнихъ халдеевъ.

Замѣчательно, что ни Иппархъ, ни Птоломей рѣшительно ничего не говорятъ о кометахъ. Очень возможно, строго говоря, что Птоломей считалъ ихъ за простые метеоры, за случайныя явленія въ прозрачной и однообразной атмосферѣ. Но этого могъ не думать геніальный Иппархъ, которому, конечно, было не безъ-

---

[1]) Кн. II, гл. XXVI.

извѣстно, что, по ученію халдеевъ и даже по ученію Пиѳагора, кометы разсматривались какъ небесныя тѣла, подверженныя, подобно планетамъ, постояннымъ и общимъ законамъ. И потому странно, что онъ ничего не говоритъ объ этихъ хвостатыхъ звѣздахъ, съ долгимъ періодомъ вращенія.

Иппархъ, сравнивая свои наблюденія съ сдѣланными за полтораста лѣтъ раньше Аристилломъ и Тимохарисомъ, сдѣлалъ открытіе, вполнѣ подтвержденное послѣдующими вѣками и получившее огромную важность въ астрономіи. Мы говоримъ о *прецессіи равноденствій*, явленіи, которое, въ соединеніи съ недавно открытымъ поступательнымъ движеніемъ солнца, чрезвычайно увеличиваетъ пространство вселенной. Иппархъ показалъ, что звѣзды постоянно сохраняютъ одни и тѣ же взаимныя положенія; но что относительно знаковъ зодіака, онѣ, кажется, всѣ совершаютъ съ запада на востокъ слабое движеніе, величина котораго въ полтораста лѣтъ была около двухъ градусовъ, то есть 48 секундъ въ годъ. Птоломей, спустя сто шестьдесятъ лѣтъ, нашелъ, что широты, назначенныя для звѣздъ Тимохарисомъ и Иппархомъ, остались совершенно тѣ же; но что того же нѣтъ относительно долготъ, и что ихъ совокупное движеніе происходитъ однообразнымъ образомъ по отношенію къ полюсу эклиптики, причемъ разстояніе каждой отъ солнечной орбиты не уменьшилось и не увеличилось.

Мы уже говорили, что звѣздный годъ равенъ 365 днямъ, 6 часамъ 9′ 12″, а годъ тропическій 365 днямъ 6 часамъ 48′ 51″. Такъ какъ послѣдній короче перваго, то тропическое обращеніе возвращаетъ равноденствія и солнцестоянія раньше окончанія вращенія звѣзднаго; отчего происходитъ, по отношенію къ звѣздамъ, видимое возвратное движеніе равноденственныхъ точекъ. Отсюда названіе *прецессіи равноденствій*, данное этому опереживанію равноденствій противъ звѣзднаго обращенія.

Измѣривъ разстояніе луны отъ земли при помощи горизонтальнаго параллакса луны, что не представляло особыхъ затрудненій, Иппархъ хотѣлъ измѣрить разстояніе солнца отъ земли, что гораздо труднѣе и болѣе подлежитъ ошибкамъ по причинѣ огромности разстоянія этихъ двухъ тѣлъ. Требовалось сперва опредѣлить горизонтальный параллаксъ солнца, чтобы измѣрить его

видимый діаметръ. Это чрезвычайно трудная работа, столь трудная, что въ новѣйшія времена искуснѣйшіе астрономы, вспомоществуемые свѣдѣніями своихъ предшественниковъ и владѣя усовершенствованными приборами, только съ великимъ трудомъ могли выполнить ее. Лагиръ и Кассини въ прошломъ вѣкѣ полагали, что параллаксъ солнца равенъ 15 секундамъ. Съ тѣхъ поръ, основываясь на болѣе точныхъ наблюденіяхъ, его уменьшили до 8 секундъ. И все-таки нельзя сказать положительно, что это совершенно точное число. На этотъ счетъ возродились еще не разсѣянныя сомнѣнія.

Знатокъ въ этомъ дѣлѣ, Кассини (послѣдній этого имени астрономъ), предшественникъ Араго въ управленіи парижской обсерваторіей, напечаталъ ученую записку, въ которой утверждалъ, что параллаксъ солнца слишкомъ уменьшили, и что, принимая его въ основаніе при опредѣленіи отстояній планетъ, нашу солнечную систему сдѣлали болѣе обширной, чѣмъ она въ дѣйствительности. Основательно это мнѣніе, или нѣтъ? Категорически нельзя отвѣчать на этотъ вопросъ, пока не будетъ снова измѣренъ параллаксъ солнца со всею точностью, какая возможна при настоящемъ состояніи науки и нашихъ усовершенствованныхъ приборахъ. Леверрье съ этой цѣлью предпринялъ въ парижской обсерваторіи работы, результаты которыхъ еще неизвѣстны. Нельзя разумно требовать отъ Иппарха того, что требуется отъ Леверрье, ни отъ древней египетской обсерваторіи результата, ожидаемаго отъ парижской.

Иппархъ, сдѣлавъ солнечный параллаксъ слишкомъ большимъ, вслѣдствіе этого слишкомъ уменьшилъ пространство, занимаемое нашей солнечной системой. Изъ параллакса солнца и различныхъ опредѣленій, о которыхъ мы не можемъ говорить подробно, онъ заключилъ, что отстояніе земли отъ солнца равно тысячѣ двухстамъ или тысячѣ трехстамъ земнымъ радіусамъ, то есть меньше двухъ милліоновъ лье. Этотъ результатъ, соотвѣтствующій горизонтальному параллаксу около трехъ минутъ, очевидно слишкомъ малъ. Но не станемъ бросать камнемъ въ великаго человѣка за ошибку, зависѣвшую въ особенности отъ приборовъ, бывшихъ у него подъ руками. Чтобы достигнуть современной точности, Иппарху не доставало только усовершенство-

ванныхъ приборовъ. Его генiй былъ способенъ создавать методы наблюденiя и вычисленiя и удачно ихъ прилагать. Но онъ не могъ восполнить несовершенства приборовъ и несуществованiя подзорныхъ трубъ, которыя позволяютъ современнымъ астрономамъ изслѣдовать съ точностью все небесное пространство. Удивительно то, что всѣ эти наблюденiя были сдѣланы безъ всякой астрономической трубы, имѣющей увеличительное стекло.

Монтукла говоритъ, что многочисленныя исчисленiя, произведенныя Иппархомъ, должны были привести его къ изобрѣтенiю прямолинейной, или сферической тригонометрiи [1]). Онъ также занимался календарными изслѣдованiями.

Со временъ Александра, были уже нѣкоторыя свѣдѣнiя о методѣ, служащей для опредѣленiя долготою и широтою положенiя мѣстъ на земной поверхности. Но эта метода была, такъ сказать, только въ зачаткѣ. Иппархъ, прилагая къ географiи планъ, которому слѣдовалъ въ описанiи неба, основалъ эту послѣднюю науку на точныхъ и неизмѣнныхъ началахъ. Ему приходилось измѣнить методу только въ одной существенной точкѣ. Онъ относилъ звѣзды къ эклиптикѣ, ибо звѣзды совершаютъ видимое вращенiе вокругъ полюсовъ эклиптики, и по отношенiю къ этому кругу, широта каждой остается неизмѣнной, чего бы не было, если бы ихъ относить къ экватору. Напротивъ, онъ относилъ къ экватору каждую точку земной поверхности, потому что земля совершаетъ свое ежедневное вращенiе по отношенiю къ полюсамъ экватора.

Кромѣ того, древнiе съ незапамятныхъ временъ замѣтили, что тѣни, бросаемыя вертикальными тѣлами, возрастаютъ отъ экватора къ полюсамъ. Они могли узнавать широту по длинѣ тѣни указателя солнечныхъ часовъ въ равноденствiе. Этой методѣ слѣдовали у всѣхъ азiатскихъ народовъ для опредѣленiя широты различныхъ мѣстъ. Напримѣръ, въ равноденствiе, они сравнивали длину тѣни съ вертикальной высотою указателя и изъ этого отношенiя приблизительно выводили широту. Они нашли, по Риччiоли [2]), что это отношенiе было въ Римѣ $^8/_9$, въ Александрiи $^3/_5$, въ Аѳинахъ $^3/_4$, въ Родосѣ $^5/_7$, въ Карѳагенѣ $^7/_{11}$.

---

[1]) Histoire des mathémathiques, т. 1, стр. 275.

[2]) Almageste, т. I, стр. 16.

Положеніе на земномъ шарѣ города, или замѣчательной точки можетъ быть опредѣлено его долготою и широтою, какъ опредѣлена каждая изъ тысячи восьмидесяти звѣздъ по каталогу Иппарха. Итакъ, чтобъ положить истинныя основанія географіи, требовалось нѣкоторымъ образомъ составить списокъ главнѣйшихъ на земной поверхности мѣстъ.

Иппархъ, по Страбону [1]), опредѣлялъ долготы при помощи лунныхъ затмѣній. Извѣстно, что во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ подъ однимъ меридіаномъ, полдень считается именно въ тотъ моментъ, когда солнце находится на этомъ меридіанѣ, и что во всѣхъ мѣстахъ полдень послѣдовательно приходитъ по мѣрѣ передвиженія солнца съ востока на западъ; и именно въ пропорціи 4 минутъ на градусъ и 60 минутъ на 15 градусовъ. Слѣдовательно, изъ двухъ меридіановъ, удаленныхъ другъ отъ друга на 10 градусовъ, болѣе восточный считаетъ полдень 40 минутами раньше противъ другаго; точно также и всѣ часы считаются на 40 минутъ раньше. Отсюда слѣдуетъ, что лунное затмѣніе, или другое небесное явленіе, происходитъ въ разные часы въ мѣстахъ, лежащихъ не на одной долготѣ. Итакъ, если для одного меридіана окажется начало и конецъ луннаго затмѣнія 40 минутами раньше, чѣмъ для другаго, то можно заключить, что первый лежитъ на 10 градусовъ восточнѣе втораго.

Изобрѣтатели такого способа не заслуживаютъ того забвенія, въ которомъ оставляютъ ихъ новѣйшіе. Какой геній требовался, чтобы такимъ образомъ связать небо и землю!

Иппархъ написалъ сочиненія: *о Величинѣ года; о Возвратномъ движеніи равноденственныхъ и солнцестоятельныхъ точекъ; о Величинѣ и отстояніи солнца и луны; о Восхожденіи двѣнадцати знаковъ зодіака; о Вращеніи луны; о Прибавочныхъ мѣсяцахъ; о Затмѣніяхъ солнца для каждаго изъ семи земныхъ поясовъ*. До насъ дошло только *Толкованіе* въ трехъ книгахъ на *Явленія Арата* и *Евдокса*.

Труды Иппарха сохранены другими астрономами: Птоломей, жившій около трехъ сотъ лѣтъ спустя, сохранилъ для насъ многія изъ его наблюденій, быть можетъ присвоивъ себѣ нѣкоторыя изъ нихъ.

---

[1]) Кн. I.

ПЛИНІЙ.

Плиній (Кай Плиній Секундъ), или *Плиній Старшій*, какъ порою называютъ его въ отличіе отъ племянника, родился въ царствованіе Тиберія, въ годъ отъ основанія Рима 776, соотвѣтствующій 23 нашей эры. Его отца звали Целеромъ, мать Марцеллой. Два древніе памятника, *Жизнь Плинія*, дошедшая до насъ, къ несчастію, не вполнѣ и съ искаженіями, приписываемая Светонію, и *Хроника* Евсевія, достаточно подтверждаютъ, что Плиній родился въ Комѣ, гдѣ роду Плиніевъ принадлежали большія имѣнія [1]).

Родъ Плиніевъ жилъ въ Комѣ. Надписи, относящіяся ко многимъ изъ его членовъ, открытыя на земляхъ этого города, и помѣстья, которыми они тамъ владѣли, уничтожаютъ всякія сомнѣнія на этотъ счетъ. Но никто впрочемъ не утверждаетъ, что въ Комѣ родился племянникъ Плинія, изящный писатель, усыновленный натуралистомъ и учившійся у Квинтилліана, впослѣдствіи прославившійся въ словесности и краснорѣчіи подъ именемъ *Плинія Младшаго*.

---

[1]) Многіе писатели говорятъ, что Плиній родился въ Веронѣ, основываясь на нѣкоторыхъ рукописяхъ, гдѣ дѣйствительно стоитъ *Plinius Veronensis*, и на эпитетѣ *conterraneus* (землякъ), прилагаемомъ Плиніемъ къ поэту Катуллу, при ссылкѣ на него въ *Естественной Исторіи*. Катуллъ былъ дѣйствительно изъ Вероны; но слово *conterraneus* имѣетъ обширный смыслъ и никогда не значило согражданинъ; оно указываетъ только на тожество области, или *земли*. Что касается слова *Veronensis*, то переписчики, неправильно истолковавъ эпитетъ *conterraneus* (землякъ), предположили, что Плиній веронецъ, и прибавили къ имени Плинія слово Veronensis въ переписываемыхъ ими спискахъ. Такъ одна ошибка ведетъ къ другой.

Очень жаль, что сочиненіе, приписываемое Светонію и о которомъ мы уже упоминали, дошло до насъ въ искаженномъ видѣ. Неизвѣстный писатель этой біографіи, безъ сомнѣнія, собралъ все, что могъ узнать изъ болѣе или менѣе свѣжихъ преданій о жизни Плинія естествоиспытателя. Теперь же мы очень мало знаемъ о его жизни. Всѣ наши свѣдѣнія почерпнуты изъ нѣсколькихъ фразъ въ его *Естественной Исторіи*, единственномъ изъ многочисленныхъ его сочиненій, дошедшемъ до насъ, да изъ двухъ или трехъ писемъ его племянника. Въ этихъ памятникахъ встрѣчаются иногда подробности, не всегда важныя, и которыя по своей отдѣльности не могутъ составить біографической основы.

Какъ провелъ Плиній свое дѣтство и чему онъ учился въ Комѣ, — это неизвѣстно. Можно сказать только, что онъ рано пріѣхалъ въ Римъ. Тамъ еще царствовалъ Тиберій. Но юноша не видалъ этого императора, который давно уже удалился на островъ Капрею.

Въ столицѣ имперіи, въ этомъ городѣ, который былъ вторымъ послѣ Александріи умственнымъ центромъ міра, Плиній не желалъ видѣть ни двора, ни подозрительнаго тирана, который хотя и былъ довольно уменъ и образованъ, но не довѣрялъ ни наукѣ, ни занимающимся ею. Плиній пріѣхалъ въ Римъ, чтобы видѣть славныхъ учителей, какихъ не было въ его родимомъ городкѣ.

Плиній пользовался въ Римѣ особенно уроками Апіона. Это былъ человѣкъ ученый, преподававшій въ качествѣ *грамматика* словесность и исторію, и большой знатокъ въ разныхъ наукахъ.

Апіонъ также занимался естественной исторіей и—что важно замѣтить— былъ великій любитель рѣдкостей и чудесъ природы. Въ сборникѣ, обнародованномъ этимъ-то Апіономъ и нынѣ потерянномъ, разсказана исторія раба Андрокла, который, будучи брошенъ на растерзаніе звѣрямъ въ римскомъ циркѣ, былъ узнанъ и пощаженъ львомъ, коему онъ вылечилъ рану въ африканскихъ пустынахъ.

Преподаваніе Апіона породило, или покрайности развило съ юности въ Плиніи вкусъ къ анекдотической наукѣ и чудеснымъ случаямъ.

ПЛИНІЙ.
По англійской гравюрѣ галлереи императорской библіотеки въ Парижѣ

Римскій всадникъ, родственникъ по матери консулу Помпонію Секунду, Плиній, не смотря на молодость, легко получилъ доступъ въ знатнѣйшіе римскіе дома. Разсказываемое имъ самимъ о знаменитой Лолліи Паулинѣ заставляетъ даже предполагать, что онъ былъ принятъ при дворѣ Калигулы, преемника Тиберія:

„Я видѣлъ, говоритъ онъ, Лоллію Паулину, которая была женой императора Калигулы (это было не на важномъ празднествѣ, не на оффиціальномъ торжествѣ, но на простомъ ужинѣ, на обыкновенномъ сговорѣ): я видѣлъ ее, повторяю, покрытую изумрудами и жемчугами, которыми въ перемежку были отягчены ея голова, волосы, уши, шея, запястья, пальцы. Все это стоило сорокъ милліоновъ сестерцій [1]); что такова именно цѣна всего этого, она могла доказать немедленно росписками. И этотъ жемчугъ былъ не подарокъ щедраго государя, но сокровища ея дѣда, сокровища, награбленныя въ провинціи. М. Лоллій обезчестилъ себя на всемъ Востокѣ подарками, которые вымучивалъ у царей, бывшихъ въ немилости К. Кесаря, сына Августа, и принужденъ былъ отравиться, для того чтобы его внучка являлась при свѣтѣ факеловъ въ украшеніи въ сорокъ милліоновъ сестерцій [2]).“

Это ужъ не естественная, а соціальная исторія, и одна изъ поучительныхъ. Неизвѣстно, была ли Лоллія Паулина уже замужемъ за Калигулой въ то время, какъ Плиній видѣлъ ее, и она выставляла эту позорную роскошь, съ столь живымъ негодованіемъ описанную Плиніемъ.

Неизвѣстно, долго ли пробылъ Плиній въ первый разъ въ Римѣ, а также сколькихъ лѣтъ онъ пріѣхалъ туда. Онъ еще находился тамъ во второй годъ царствованія Клавдія и имѣлъ случай въ этомъ же году сдѣлать естественноисторическое наблюденіе при довольно оригинальныхъ обстоятельствахъ.

Когда Клавдій приказалъ рыть Остійской портъ, огромное китообразное *(Orca)* засѣло въ немъ на мель. Чтобъ убить животное, конечно, излишнимъ было употреблять военную силу. Но Клавдій, не менѣе кашалота интересный субъектъ для наблюденія натуралиста, разсудилъ иначе. Онъ желалъ сразиться съ чудовищемъ на берегу, какъ нѣкогда сражался съ варварами на границахъ имперіи. Онъ сталъ во главѣ преторіанскихъ когортъ, и сразился съ сѣвшимъ на мель животнымъ, которое защищалось по своему, но должно было пасть предъ превосходнымъ и многочисленнымъ непріяте-

[1]) Кн. IX, гл. LVIII.

[2]) Около восьми съ половиною милліоновъ франковъ.

лемъ. Плиній, очевидецъ этого сраженія, разсказываетъ, что онъ видѣлъ лодку, затонувшую отъ воды, которою ее наполнило дыханіе животнаго [1]).

Во время этого происшествія, Плинію было около девятнадцати лѣтъ, ибо черезъ три года онъ былъ на африканскомъ берегу, а тогда, по его собственнымъ словамъ, ему шелъ 22 годъ [2]).

Плиній не объясняетъ, по какому случаю онъ былъ въ Африкѣ. Нѣкоторые новѣйшіе писатели догадывались, что онъ служилъ во флотѣ. Естественнѣе полагать, что, если онъ занималъ тогда какую-нибудь общественную должность, то онъ служилъ въ войскѣ. Въ самомъ дѣлѣ, три или четыре года спустя, Плиній воевалъ въ Германіи, подъ начальствомъ Помпонія Секунда, и въ качествѣ *præfectus alae* командовалъ отрядомъ, или *крыломъ* конницы, порученнымъ ему этимъ военачальникомъ, его родственникомъ и другомъ.

Въ продолженіи этого похода, Плиній написалъ свое первое сочиненіе *de Jaculatoine equestri (О метаніи дротика верхомъ)*. Ему было тогда двадцать шесть лѣтъ, но это маленькое сочиненіе было издано только нѣсколько лѣтъ спустя.

Эта работа была для него простымъ развлеченіемъ въ сравненіи съ болѣе значительнымъ сочиненіемъ, для котораго онъ началъ собирать матеріалы во время этого похода. Мы говоримъ объ *Исторіи германскихъ войнъ*, сочиненіи, на которое ссылаются Тацитъ и Светоній, и которое современники считали весьма авторитетнымъ.

Итакъ, можно повѣрить свидѣтельству его племянника, который въ одномъ изъ писемъ говоритъ, съ какимъ религіознымъ тщаніемъ писалъ Плиній исторію [3]). Если вспомнить недостаточность оставленныхъ намъ Цезаремъ, Тацитомъ и нѣкоторыми другими, свѣдѣній о Германіи, о которой сами они знали очень не много, то нельзя не пожалѣть о потерѣ этого капитальнаго сочиненія Плинія. Оно, вѣроятно, было очень интересно, даже относительно естественной исторіи этихъ странъ.

---

[1]) Кн. IX, гл. V.

[2]) Кн. VII, гл. III.

[3]) Avunculus meus, idemque per adoptionem pater, historias religiosissime scripsit (кн. V, письмо VIII).

Посреди военной службы, Плиній находилъ время заниматься, вмѣстѣ съ другими работами по военному искусству, изысканіями, долженствовавшими послужить основаніемъ огромному задуманному имъ сочиненію, той *Естественной исторіи*, которой, когда исчезли всѣ другія его сочиненія, достаточно было, чтобъ прославить его имя въ потомствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, во время этого похода, онъ странствуетъ съ одного конца Германіи на другой, посѣщаетъ истоки Дуная и землю Хавковъ, народа, поселившагося на западѣ, на берегахъ Везера. Во всѣхъ этихъ смѣлыхъ поѣздкахъ черезъ неизвѣстныя или непріятельскія области, имъ руководилъ инстинктъ натуралиста.

Мы не должны опускать особаго обстоятельства относительно этой *Исторіи германскихъ войнъ*. Мысль этого сочиненія была внушена ему сномъ. Во время сна ему предсталъ образъ Друза Нерона, брата Тиберія, который былъ усыновленъ Августомъ и умеръ въ Германіи, покоривъ тамъ многія страны. Онъ явился къ Плинію, чтобъ онъ вспомнилъ о немъ, ибо императоръ Тиберій старался изгладить о немъ всякое воспоминаніе, какъ о всѣхъ членахъ своего семейства, чѣмъ-нибудь раньше его прославившихся.

Плиній мало спалъ,—разсказываетъ его племянникъ. Да и во снѣ у него являлись литературныя требованія, которыя нелегко было выполнить. Написанная имъ *Исторія германскихъ войнъ* состояла не менѣе, какъ изъ двадцати книгъ.

Это сочиненіе, начатое въ походѣ, было окончено долго спустя. Плиній воротился уже въ Римъ, когда обнародовалъ его. Ему было тогда около тридцати двухъ лѣтъ.

Другое сочиненіе въ двухъ книгахъ, *Жизнь Помпонія Секунда*, было также внушено Плинію, но не сномъ, а чувствомъ дружбы и благодарности къ этому военачальнику. *Жизнь Помпонія* была написана въ Германіи.

Уѣзжая изъ Германіи, Плиній проѣхалъ черезъ Бельгійскую Галлію. Тамъ онъ видѣлъ семейство Корнелія Тацита, *прокуратора* этой провинціи, который былъ дядей или отцомъ безсмертнаго историка этого имени.

Ничто не указываетъ точно времени возвращенія Плинія въ Римъ. По однимъ, ему было тогда двадцать семь, по другимъ — двадцать девять лѣтъ. Послѣднее число, кажется, слѣдуетъ пред-

почесть, ибо ему было двадцать шесть, когда Помпоній поручилъ ему начальство надъ *крыломъ* конницы; предположить время двухъ — трехъ лѣтъ для всего сдѣланнаго имъ съ тѣхъ поръ въ Германіи — не много.

Конечно, многіе читатели, мало знакомые съ обычаями древности, удивятся, узнавъ, что Плиній, воротясь съ германской войны въ Римъ, сдѣлался адвокатомъ.

По возвращеніи, онъ сталъ защищать дѣла въ судѣ, согласно обычаю римлянъ, у которыхъ занятіе адвокатурой мирилось со всѣми другими профессіями. Несомнѣнно, повторяемъ, многіе удивятся, узнавъ, что военный человѣкъ прямо сталъ дѣловымъ человѣкомъ, носившій мечъ облекся въ тогу. Таковы были свычаи и обычаи римлянъ. Тогда не было того узкаго дѣленія занятій, которое закабаляетъ самаго совершеннаго человѣка въ рамку разъ избранной спеціальности.

Промѣнявъ оружіе на тогу, Плиній воспользовался великимъ успѣхомъ. Къ нему безпрерывно обращались и дорого платили за защиту.

Здѣсь въ жизни нашего героя долгій перерывъ. Чтобъ его восполнить, надо предположить, что адвокатскіе успѣхи долго заставили его заниматься судебными дѣлами.

Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что написанное въ это время Плиніемъ новое сочиненіе называется: *Studiosus*. Въ Римѣ подъ именемъ *Studiosi* разумѣлись тѣ, кто посвятилъ себя изученію законовъ.

Въ этомъ сочиненіи, Плиній написалъ руководство для оратора отъ самой колыбели. Онъ говоритъ, чему ему надо учиться и въ чемъ упражняться и доводитъ его до совершенства въ искусствѣ. Совѣты и наставленія, заключавшіеся въ *Studiosus*, очевидно, были плодомъ личнаго опыта автора. Плиній собралъ въ немъ отрывки лучшихъ рѣчей, произнесенныхъ на римскомъ форумѣ.

Мы можемъ составить понятіе объ этой книгѣ только по отрывкамъ, находящимся у Квинтиліана. Плиній указывалъ даже, какъ долженъ одѣваться ораторъ, какую носить прическу, и какъ отирать потъ на трибунѣ. Квинтиліанъ весьма похваляетъ это сочиненіе; онъ причисляетъ автора къ писателямъ, которые говорили объ ораторскомъ искусствѣ съ наибольшимъ знаніемъ.

Но, на наши глаза, величайшая похвала, какую Квинтиліанъ произнесъ *Studiosus*'у Плинія, заключается въ томъ, что онъ слѣдовалъ его плану въ своемъ *Institutio oratoria*.

Нѣкоторые новѣйшіе ученые полагаютъ, что Плиній написалъ своего *Studiosus*'а съ цѣлью быть полезнымъ своему племяннику. Извѣстно, что Плиній часто ѣздилъ въ Комъ, чтобъ слѣдить за воспитаніемъ своего племянника и пріемнаго сына, и что онъ посвящалъ этой заботѣ все свободное отъ адвокатскихъ и литературныхъ занятій время.

Все это происходило въ царствованія Клавдія и Нерона. Въ это время приходилось употреблять свой досугъ такъ, чтобъ не возбуждать ни подозрѣнія, ни зависти. Плиній съумѣлъ достигнуть этого; но люди, умѣвшіе подобно ему сдѣлать это, встрѣчались все рѣже и рѣже въ имперіи.

Династія Цезарей, даже раньше своего прекращенія, рядомъ жестокихъ безумцевъ, дураковъ и кровожадныхъ тирановъ, никогда не благопріятствовала наукамъ и философіи. Не въ смутныя и бѣдственныя времена первыхъ императоровъ могли съ успѣхомъ развиваться науки! Но послѣ Тиберія и даже въ послѣдніе годы его жизни, наука и философія начали считаться занятіями подозрительными. Всякая философія и вообще всякое научное изслѣдованіе вытекаетъ изъ свободы духа, и въ свою очередь пораждаетъ эту свободу. Римъ Цезарей не терпѣлъ этой пропаганды мысли. Плинію приходилось прожить лучшіе годы своей жизни въ это время, которое такъ энергически характеризуетъ Тацитъ, говоря:

Отправили въ изгнаніе всѣхъ учившихъ мудрости; изгнали всѣ свободныя искусства, чтобы ничего прекраснаго и честнаго не представлялось взору [1].

Горе тѣмъ, кто казался ученымъ, если не умѣлъ при этомъ осторожно избрать предмета своихъ изученій!

Не только надъ Италіей тяготѣлъ этотъ терроръ, но и надъ Востокомъ.

---

[1]) Жизнь Агриколы.

„Когда въ Италіи, при императорахъ тиранахъ, говоритъ Кювье, отсутствіе личной безопасности, страхъ доносовъ, заставляли припрятывать свои богатства и знанія, и въ особенности препятствовали заниматься естественной исторіей, которая по необходимымъ для нея снарядамъ привлекаетъ бóльшее вниманіе, чѣмъ чисто умозрительныя науки, и въ Египтѣ положеніе науки не было удовлетворительно: соревнованіе уже не было такъ сильно въ учрежденіяхъ, созданныхъ Лагидами, съ тѣхъ поръ, какъ его не возбуждало покровительство этихъ государей [1]).

Итакъ, подозрительный духъ Цезарей тяготѣлъ надъ науками и въ Александріи, какъ и въ Римѣ, хотя, можетъ быть, не въ столь сильной степени.

Такимъ образомъ, соціальная среда представляла мало благопріятнаго для выполненія огромнаго ученаго предпріятія, надъ которымъ Плиній думалъ, кажется, всю жизнь. Онъ только исподоволь и тайно могъ собирать матеріалы. Онъ обнародовалъ между тѣмъ четвертое сочиненіе, которое, конечно, не могло быть заподозрѣно самой мрачной тираніей; мы говоримъ о ***трудностяхъ или двусмысленностяхъ выраженій*** (Dubii Sermonis libri VIII [2]).

Послѣ этого сочиненія, Плиній написалъ другое, болѣе обширное, которое было обнародовано только въ царствованіе Тита, именно *Исторію своего времени*, въ тридцать одной книгѣ. Это было предпослѣднее его сочиненіе.

У аббата Сіейса спросили, что онъ дѣлалъ во время революціи: „*Я жилъ*", отвѣчалъ онъ.

Во время мрачной тираніи Калигулы, Клавдія или Нерона было труднѣе жить человѣку, носившему извѣстное имя, чѣмъ сохранить жизнь во время быстрой революціонной бури, пронесшейся надъ Франціей. Плиній съумѣлъ прожить при Неронѣ и даже сдѣлать свое существованіе не совсѣмъ безполезнымъ для наукъ и искусствъ.

---

[1]) Histoire des sciences naturelles, т. 1, 12 лекція.

[2]) Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Фè (Fée), ученый профессоръ Страсбургскаго медицинскаго факультета, авторъ *похвальнаго слова Плинію естествоиспытателю*, полагалъ, что можно утверждать, будто бы „это сочиненіе замѣчательно большой свободой выраженія и, кажется, было продиктовано самой сильной ненавистью противъ утѣснителей народа". Такой поступокъ со стороны Плинія былъ бы безсмыслицей, и вдобавокъ безполезенъ, ибо Неронъ, конечно, сразу уничтожилъ бы и книгу, и автора. Г. А. Фè написалъ приведенную фразу въ 1827. Мы были

БЕСѢДА ПЛИНІЯ СЪ ВЕСПАСІАНОМЪ.

Племянникъ Плинія въ письмѣ, писанномъ къ Мацеру, сдѣлалъ списокъ и указалъ порядокъ обнародованія всѣхъ сочиненій своего дяди. Мы считаемъ не лишнимъ привести это письмо, потому что оно заключаетъ, кромѣ точнаго списка книгъ, написанныхъ Плиніемъ естествоиспытателемъ, прелюбопытныя подробности о томъ, какъ работалъ этотъ знаменитый ученый:

„Я очень радъ, пишетъ Плиній Младшій, видя, что вы такъ усердно читаете книги моего дяди, что желаете имѣть всѣ имъ написанныя и просите у меня указанія на этотъ счетъ. Я напишу для васъ каталогъ, а также, въ какомъ порядкѣ онѣ были сочинены. Въ самомъ дѣлѣ, и такія свѣдѣнія не неправятся людямъ любознательнымъ. Первое сочиненіе объ *Искусствѣ метать копье съ лошади*, въ одной книгѣ. Дядя написалъ его съ умѣньемъ и тщательно, когда служилъ въ качествѣ начальника крыла (ala). Второе, *Жизнь К. Помпонія Секунда* въ двухъ книгахъ; Помпоній особенно любилъ Плинія, и его сочиненіе было долгомъ, уплаченнымъ памяти его друга. *Германскія Войны* въ двадцати книгахъ; въ нихъ описаны всѣ войны, какія мы вели съ германцами. Онъ началъ это сочиненіе, когда служилъ въ Германіи, и былъ побужденъ къ нему сновидѣніемъ.... Затѣмъ слѣдуютъ три книги *Studiosus*, раздѣленныя по причинѣ объема на шесть volumen'овъ, и въ которыхъ ораторъ описанъ отъ колыбели до усовершенствованія въ искусствѣ. Восемь книгъ о *Двусмысленныхъ рѣченіяхъ* были написаны при Неронѣ, когда всякаго рода нѣсколько свободное и возвышенное изученіе сдѣлалось опаснымъ. Наконецъ, *Исторія*, начинающаяся съ того мѣста, гдѣ кончилъ Авфидій Бассъ, въ тридцати одной книгѣ, и *Естественная Исторія* въ тридцати семи; это послѣднее сочиненіе обширно, учено и столь же разнообразно, какъ сама природа. Вы удивляетесь, что столько томовъ, изъ коихъ многія требовали великаго числа изысканій, написаны занятымъ человѣкомъ; вы еще болѣе удивитесь, узнавъ, что нѣкоторое время онъ былъ адвокатомъ, что онъ умеръ пятидесяти шести лѣтъ, и что въ промежуточное время ему мѣшали заниматься или общественныя должности, или дружба государей. Но у него былъ живой умъ, невѣроятное прилежаніе, необычайная способность бодрствовать. Онъ вставалъ до свѣту, и даже гораздо раньше въ праздники Вулкана (23 августа) не для того, чтобы это принесло ему счастье, но чтобы заниматься. Зимою онъ садился за работу въ седьмомъ часу ночи (часъ по полуночи), рѣдко въ восьмомъ (въ два часа) и часто даже въ шестомъ (въ полночь).

Впрочемъ, онъ имѣлъ способность спать во всякихъ обстоятельствахъ, и порою даже засыпалъ и просыпался за работою. До свѣту онъ отправлялся къ императору Веспасіану (который также работалъ по ночамъ); затѣмъ дѣлалъ, что слѣдовало по

пріятно изумлены, прочтя за подписью того же автора, въ *Nouvelle Biographie générale*, изданія Firmin Didot, прекрасную біографическую статью „Плиній натуралистъ", въ которой авторъ говоритъ, что „*восемь книгъ о трудности грамматики* были написаны въ послѣдніе годы царствованія Нерона, когда тиранія дѣлала опаснымъ обнародованіе всякаго свободнаго изслѣдованія." Въ добрый часъ. Такимъ образомъ опровергнутый самимъ собою, г. Фѐ сталъ согласенъ со всѣми. Въ 1827 г. онъ писалъ, какъ панегиристъ; въ 1852, какъ біографъ.

должности. Возвратись домой, онъ занимался все остальное время. Послѣ обѣда (онъ обѣдалъ утромъ по примѣру древнихъ; обѣдъ бывалъ всегда легкій и удобоваримый), онъ часто лѣтомъ ложился на солнцѣ, если было свободное время. Подлѣ него была книга; онъ дѣлалъ отмѣтки и извлеченія, ибо онъ всегда читая дѣлалъ извлеченія; онъ говаривалъ даже, что нѣтъ такой дурной книги, которая не была бы чѣмъ-нибудь полезна. Полежавъ на солнцѣ, онъ обыкновенно умывался холодной водой, затѣмъ полдничалъ и не много отдыхалъ. Затѣмъ, начиналось словно новое утро; онъ занимался до ужина; во время ужина лежала и отмѣчалась книга: все дѣлалось быстро. Я помню, какъ одинъ изъ его друзей остановилъ чтеца, дурно произнесшаго нѣкоторыя слова. — Вы поняли? спросилъ дядя. — Да, отвѣчалъ тотъ. — Зачѣмъ же было останавливать? Во время этого перерыва, мы успѣли бы прочесть десять строкъ. — Такъ-то былъ онъ скупъ на время. Лѣтомъ, онъ вставалъ изъ-за ужина за-свѣтло, зимою раньше конца перваго часа ночи (въ седьмомъ вечера); онъ какъ будто исполнялъ нѣкоторый законъ. Вотъ какъ онъ жилъ посреди работъ и суматохи Рима.

Во время отпуска, онъ прерывалъ работу, только принимая ванну, то есть когда былъ въ самой ваннѣ; когда же его терли или вытирали, онъ слушалъ, или диктовалъ. Во время путешествія, свободный отъ всякой иной работы, онъ только занимался; подлѣ него сидѣлъ секретарь съ досчечками для письма; зимою, секретарь надѣвалъ на руки рукавицы, чтобы ни на минуту не прерывать работы отъ холода. Въ Римѣ его всегда носили въ носилкахъ. Я помню, онъ мнѣ выговаривалъ, что я гуляю: „Вы могли бы, говаривалъ онъ мнѣ, не терять этого времени,“ ибо онъ считалъ время, употребленное не на занятія, потеряннымъ. Благодаря этой то дѣятельности онъ написалъ столько сочиненій; онъ мнѣ оставилъ сто шестьдесятъ реестровъ избранныхъ отрывковъ, мелко написанныхъ и даже на оборотѣ, что еще увеличиваетъ число. Онъ разсказывалъ, что могъ, будучи прокураторомъ въ Испаніи, продать эти извлеченія Ларгію Лицинію за четыреста тысячъ сестерцій (84,000 франковъ), а тогда они не были такъ многочисленны. Когда вспомните, сколько онъ читалъ, сколько писалъ, то не покажется ли вамъ, что онъ не отправлялъ общественныхъ должностей, не пользовался дружбою государей? Съ другой стороны, узнавъ, какъ онъ былъ занятъ, не покажется ли вамъ, что онъ мало читалъ и написалъ?

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ бы работамъ не могли помѣшать такія занятія, или какихъ работъ нельзя было бы исполнить при такой настойчивой дѣятельности? Потому-то я смѣюсь, когда иные называютъ меня прилежнымъ, меня, считающимъ себя сравнительно съ нимъ лѣнтяемъ! А я развѣ не занятъ обязанностями государственными или относительно друзей? Между тѣми, чья вся жизнь посвящена словесности, кто не покраснѣетъ, вспомня о моемъ дядѣ, за свою сонливую и праздную жизнь? Мое письмо вышло длинно, а между тѣмъ я хотѣлъ написать только то, о чемъ вы спрашивали, именно объ оставленныхъ имъ книгахъ. Впрочемъ я полагаю эти подробности будутъ вамъ пріятны не менѣе книгъ....“

Въ этомъ письмѣ заключаются драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія для біографіи Плинія; но все-таки оно не разъясняетъ многихъ важныхъ пунктовъ, на счетъ которыхъ долго спорили. Въ немъ есть полныя свѣдѣнія о сочиненіяхъ и трудолюбивыхъ привычкахъ

знаменитаго естествоиспытателя, но въ немъ почти ни слова нѣтъ о томъ, какія общественныя должности занималъ Плиній. Положительно извѣстно, что онъ жилъ въ сѣверной Африкѣ; но не извѣстно, въ качествѣ ли чиновника, или путешественника. Онъ былъ въ Германіи и занималъ важное мѣсто въ войскѣ Помпонія Секунда. Но дѣйствительно ли онъ проѣхалъ эту страну по всей ширинѣ? Видѣлъ ли онъ истоки Дуная и Сѣверное море? Нѣкоторые писатели, напр. г. Фé, отрицаютъ это. Слѣдовалъ ли онъ за Титомъ въ Іудею, во время войны, окончившейся взятіемъ Іерусалима? Нѣкоторые говорятъ объ этомъ утвердительно. Точно также утверждаютъ и отрицаютъ бездоказательно съ обѣихъ сторонъ, что Плиній былъ въ Аѳинахъ и въ прибрежной Азіи.

Чтобы доказать, что онъ никогда не былъ въ Іудеѣ, Кювье указываетъ на неточность свѣдѣній относительно этой страны въ *Естественной Исторіи* Плинія. Если это не доказательство, то весьма сильное наведеніе. Кювье за то не сомнѣвается, что Плиній былъ въ Галліи. Онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе такого же рода доказательствомъ, но положительнаго свойства: въ *Естественной Исторіи* находится весьма подробное и совершенно точное описаніе Воклюзскаго источника. Въ самомъ дѣлѣ, довольно вѣроятно, что Плиній возвращался изъ Германіи черезъ Галлію, южную часть которой могъ кромѣ того посѣтить, возвращаясь изъ Испаніи.

Чтó касается служебныхъ занятій, то Плиній несомнѣнно служилъ въ войскѣ въ царствованіе Клавдія. Но участвовалъ ли онъ въ походѣ въ Британію, откуда императоръ воротился съ тріумфомъ? Нѣкоторые біографы бездоказательно утверждаютъ это. Ихъ мнѣніе имѣетъ значеніе догадки, впрочемъ не совершенно невѣроятной.

Точно также можно только догадываться на счетъ должностей, занимаемыхъ Плиніемъ при Неронѣ. Этотъ тиранъ царствовалъ долго. Почти невѣроятно, чтобы человѣкъ, принадлежавшій къ правительству Цезарей, и который не подвергался въ это царствованіе прямому преслѣдованію, могъ въ продолженіе четырнадцати лѣтъ держаться вдали отъ дѣлъ. Плиній, въ качествѣ писателя и ученаго, могъ хитрить съ тираніей и скрывать тѣ занятія, которыя могли набросить на него тѣнь. Дѣйствовать

иначе, какъ уже замѣчено, было бы опасно. Но систематически уклоняться, жить въ удаленіи, отказывать въ содѣйствіи, когда оно требовалось, и даже никогда не предлагать своего содѣйствія было бы также опасно. Инстинктъ тирана подскажетъ ему врага въ значительномъ человѣкѣ, который живетъ вдали, не прося ни занятій, ни милости. Съ другой стороны, не объяснишь всего сказаннаго Плиніемъ Младшимъ о томъ, что его дядя употреблялъ много времени на общественныя дѣла и обязанности, если предположить, что онъ столь долгое время жилъ частнымъ человѣкомъ. Приведенное нами письмо, кажется, указываетъ на иное.

Сближая нѣкоторыя числа, мы полагаемъ, можно заключить, что при восшествіи Веспасіана на престолъ Плиній былъ *прокураторомъ* Испаніи. Если эта догадка справедлива, то Плиній назначенъ на это мѣсто самимъ Нерономъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя предположить, чтобы Плиній былъ назначенъ *прокураторомъ* и посланъ въ Испанію во время кроваваго кризиса, послѣдовавшаго за смертью Нерона, когда три императора Гальба, Отонъ и Вителлій возвысились и пали въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Плиній по крайности два года прожилъ въ передней Испаніи. Вѣроятно, возвращаясь изъ этой провинціи, онъ посѣтилъ Нарбонскую Галлію, прекрасную топографію которой онъ написалъ.

Со времени возвращенія въ Римъ, все становится яснымъ въ жизни Плинія. Онъ умѣлъ снискать покровительство и дружбу императора. Его главное занятіе въ продолженіи многихъ лѣтъ состояло въ томъ, чтобъ быть тайнымъ совѣтникомъ Веспасіана. Этотъ великій человѣкъ, и самъ весьма трудолюбивый, полагавшій, что императоръ долженъ умереть на ногахъ, призывалъ Плинія къ себѣ каждое утро, до восхода солнца. Онъ совѣтовался съ нимъ на счетъ общественныхъ дѣлъ и въ тоже время бесѣдовалъ объ обычныхъ занятіяхъ нашего ученаго, то есть объ естественной исторіи.

Виньетка напротивъ этой страницы представляетъ именно одну изъ такихъ бесѣдъ могущественнаго императора и ученаго естествоиспытателя.

Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Римѣ, Плиній окончилъ, или по меньшей мѣрѣ приготовилъ къ окончанію свой огромный трудъ.

Черезъ нѣкоторое время, африканскіе пираты показались въ виду средиземнаго побережья Италіи, и Веспасіанъ приказалъ собрать флотъ въ Мизенѣ, откуда можно было наблюдать за Африкой, Испаніей и Галліей. Начальствованіе этимъ флотомъ было поручено Плинію.

Четыре года спустя, въ 79 году нашей эры, произошло страшное изверженіе Везувія, поглотившее Геркуланъ, Помпею, Стабію; при этомъ погибъ и Плиній.

Веспасіанъ умеръ въ томъ же году, но онъ былъ еще живъ, когда Плиній посвятилъ свою Естественную Исторію Титу, уже соправителю имперіи, хотя это положеніе не обозначалось никакимъ политическимъ титуломъ, ибо титулъ *Imperator*, который носилъ Титъ, былъ только воинскимъ почетомъ. Вотъ какъ начинается посвященіе Плинія:

„*Плиній Секундъ любезному Титу Цезарю, привѣтъ.*

„Книги о естественной исторіи, всемилостивѣйшій императоръ (если позволите, я дамъ вамъ столь заслуженный титулъ, потому что титулъ величайшаго принадлежитъ вашему отцу), эти книги, сочиненіе новое для музъ вашихъ римлянъ и послѣдній мой трудъ, будутъ предметомъ этого дружескаго письма. Тріумфаторъ, цензоръ и шесть разъ консулъ, раздѣляющій трибунскую власть и (что̀ еще выше съ вашей стороны, ибо это одновременная служба и вашему отцу, и сословію всадниковъ) префектъ преторіи, вотъ что вы для республики, не переставая быть для насъ простымъ товарищемъ по оружію. Величіе и фортуна ничего не измѣнили въ васъ, кромѣ того, что теперь вы можете дѣлать все доброе, что̀ хотите. Между тѣмъ какъ уваженіе другихъ имѣетъ къ вамъ доступъ въ силу этихъ титуловъ, чествовать васъ, обладаемъ только близостью къ вамъ и смѣлостью".

Естественная Исторія, поднесенная сыну императора, была новостью для римлянъ. Этотъ народъ, у котораго процвѣтали поэзія, краснорѣчіе и исторія, никогда не выказывалъ ни малѣйшаго стремленія къ наукамъ. Лучшіе геніи Рима говорятъ о нихъ только съ презрѣніемъ. Такъ, напримѣръ, Цицеронъ говоритъ, что для самыхъ посредственныхъ умовъ, чтобы успѣть въ наукахъ и даже блистать въ нихъ, нужна только добрая воля. Что̀ касается до искусствъ, если исключить земледѣліе и не много позже врачебное искусство, то гордые Квириты относились къ нимъ съ тѣмъ же презрѣніемъ. Поэтому неудивительно, что раньше Плинія никто не вздумалъ написать подобнаго рода сочиненія, которое должно было найти мало читателей и не принести никакой

славы автору. Впрочемъ, какъ съ справедливой гордостью говоритъ Плиній, его предпріятіе было задумано съ необычной смѣлостью: онъ хотѣлъ въ немъ коснуться всего, что́ греки разумѣютъ подъ словомъ *энциклопедія* (quae Graeci vocant τὰς ἐγκυκλοπαιδείας). Далѣе, даже между греками, которые уважали и развивали науки и искусства наравнѣ съ поэзіей, краснорѣчіемъ и другими умственными работами, никто еще послѣ Аристотеля не дерзнулъ заключить въ одномъ сочиненіи всего, заключавшагося въ обширномъ трудѣ Плинія. Съ этой точки зрѣнія, его племянникъ могъ безъ особаго хвастовства сказать, что *Естественная Исторія* „разнообразна, какъ сама природа". Замѣтимъ однако, что въ этомъ разнообразіи, необходимо и существенно безпорядочномъ, слишкомъ часто вовсе не видно естествоиспытателя.

Сочиненіе Плинія, написанное учительскимъ слогомъ и съ энтузіазмомъ, порой декламаторскимъ, внушило римлянамъ уваженіе къ себѣ. Оно заставило ихъ принять науку, по крайней мѣрѣ въ предложенномъ видѣ. Успѣхъ этой книги былъ огромный, не только въ образованныхъ и аристократическихъ классахъ, но и между промышлениками, ремесленниками, торговцами и другими людьми нисшаго положенія въ обществѣ, для которыхъ никто не писалъ еще. Въ этой огромной компиляціи можно было почерпнуть множество любопытныхъ свѣдѣній и полезныхъ указаній для механическихъ искусствъ и ремеслъ, потому что этотъ спеціальный отдѣлъ обработанъ лучше другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего только нѣтъ въ этомъ сочиненіи, гдѣ вкратцѣ были изложены матеріалы, извлеченные болѣе чѣмъ изъ 2,000 волюмовъ, и трактовалось о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, начиная съ метафизики и до поварскаго искусства! Самыя выписки были собраны и сохранялись подъ именемъ *Electiones Commentarii*. Онѣ очень цѣнились современниками Плинія. По смерти его, одинъ любитель, Ларгій Лициній, предлагалъ за нихъ его племяннику четыреста тысячъ сестерцій (около 85,000).

„Еслибъ удалось вполнѣ понять Плинія, говоритъ Кювье, то мы узнали бы нѣкоторые способы при помощи которыхъ древняя промышленность создавала продукты, которымъ мы не вполнѣ успѣшно подражаемъ.

По нашему мнѣнію, главный источникъ успѣха книги Плинія въ древности заключался именно въ чисто промышленной части

сочиненія; эту часть тогда понимали лучше, чѣмъ теперь. Описывая различные промышленные процесы римскаго міра, Плиній распространялъ, обогащалъ и въ тоже время облагороживалъ промышленныя искусства. Кювье справедливо замѣтилъ, что *Естественная Исторія* Плинія для промышленныхъ искуствъ и занимающихся ими важнѣе, чѣмъ собственно для естествоиспытателей.

Плиній примирилъ своихъ современниковъ съ науками, и своимъ успѣхомъ возбудилъ соревнованіе; едва онъ умеръ, какъ появился подражатель, или вѣрнѣе рабскій пересказчикъ его, Солинъ, которому наградой за это было прозвище *Плиніевой Обезьяны*.

И такъ, извѣстность Плинія при жизни его была огромна. Она поддерживалась и въ слѣдующіе вѣка. Казалось бы, что открыто проповѣдуемое имъ многобожіе должно было повредить ему въ мнѣніи христіанъ. Ничуть не бывало. Изъ *Хроники* Евсевія, изъ многихъ писемъ св. Іеронима и изъ *Града Господня* св. Августина видно, что Отцы Церкви много читали Плинія. Его прилежно изучали во Франціи Григорій Турскій, въ Испаніи св. Исидоръ, въ Ирландіи ученый Алкуинъ. Списки *Естественной Исторіи* умножались на Западѣ; арабы перевели ее, и во всѣ средніе вѣка это сочиненіе было *руководствомъ* всѣхъ, кто занимался изученіемъ наукъ въ Европѣ.

Возрожденіе, эпоха возстановленія словесности и искусствъ на западѣ, не поколебало славы нашего автора. Не только слава его не умалилась, напротивъ распространилась и стала громче, когда сочиненія его были напечатаны. Немного столь объемистыхъ книгъ, которыя выдержали бы столько изданій, какъ *Естественная Исторія*. [1])

---

[1]) Вотъ лучшія изданія *Естественной Исторіи*:

Венеціанское, 1469, большой in folio, первое изданіе, прекрасное и весьма рѣдкое.

Амстердамское, 1669, cum notis variorum, 3 т. in 8°, хорошее и рѣдкое изданіе.

Изданіе патера Гардуина. Парижъ, 1685, 5 т. in 4°, съ великолѣпными комментаріями.

Изданіе Лемера. Парижъ, 1827—1831, 12 т. in-8. Didot.

Изданіе Панкуна. Парижъ, 1829—1833, 20 т. in-8, съ примѣчаніями и толкованіями.

Изданіе коллекціи Низара, переводъ Литтре, 1 т. in-8. Paris, 1848.

Три послѣднія только перепечатки Гардуиновскаго.

Хотя почти всѣ изданія были неисправны, но это не повредило извѣстности Плинія. Въ то время, когда уважали уже не всѣ древніе авторитеты, уважали авторитетъ Плинія, освященный долговременностію. Только въ XVII и въ XVIII вѣкѣ, когда явилось уже много великихъ естествоиспытателей, нѣкоторые осмѣливались оспаривать его. Самъ Бюффонъ, кажется, позабылъ, что живетъ во времена новой науки. Онъ повинуется вѣковому предубѣжденію, которое сдѣлало имя Плинія неприкосновеннымъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ Бюффонъ о Плиніи въ своей *Первой Рѣчи о способѣ изученія Естественной Исторіи*:

„Плиній работалъ по болѣе обширному плану, чѣмъ Аристотель, и можетъ быть, по слишкомъ обширному; онъ хотѣлъ обнять все, онъ кажется измѣрилъ всю природу и нашелъ ее слишкомъ малой противъ обширности своего духа. Въ его *Естественной Исторіи* заключается, кромѣ исторіи животныхъ, растеній, минераловъ, исторія неба и земли, медицина, торговля, мореплаваніе, исторіи свободныхъ и механическихъ искусствъ, происхожденіе обычаевъ, наконецъ всѣ естественныя науки и всѣ человѣческія искусства; и что удивительно: Плиній равно великъ во всѣхъ частяхъ. Возвышенность идей, благородство стиля еще болѣе возвышаютъ его огромную начитаность. Онъ не только зналъ все, чтó можно было знать въ его время, онъ имѣлъ ту способность широко мыслить, которая умножаетъ науку; онъ обладалъ тѣмъ богатствомъ размышленія, отъ котораго зависитъ изящество и вкусъ, и онъ сообщаетъ своимъ читателямъ извѣстную свободу ума, смѣлость мышленія, которая есть зачатокъ философіи. Его сочиненіе *столь же разнообразное, какъ природа*, всегда прикрашиваетъ природу; это, если хотите, компиляція всего до него написаннаго, списокъ всего, чтó было сдѣлано, всего, чтó хорошо и полезно знать; но этотъ списокъ сдѣланъ широкой кистью, въ этой компиляціи предметы распредѣлены по такому новому способу, что она предпочтительна многимъ подлинникамъ, трактующимъ о тѣхъ же предметахъ.

Похвала преувеличенная, особенно въ глазахъ новѣйшихъ ученыхъ, спеціально занимающихся естественной исторіей. Впрочемъ, если ее разсмотрѣть попристальнѣе, она не такъ преувеличена, какъ кажется съ перваго раза. Обычная напыщенность стиля Бюффона играетъ при этомъ не малую роль. Геній Плинія и несомнѣнная обширность его плана похвалены вообще и темновато; не объяснено истинное научное значеніе его сочиненія. Въ концѣ даже находятся весьма знаменательныя ограниченія. Бюффонъ не безъ причины употребляетъ слова *списокъ* и особенно *компиляція*, слово, которое употребляется и теперь для опредѣленія до-

стоинства сочиненія Плинія, но которое до Бюффона къ нему не прилагалось еще.

Приведемъ теперь мнѣніе болѣе свѣдущаго и достовѣрнаго судьи. Вотъ мнѣніе Кювье:

„Чтобы справедливо оцѣнить это обширное и знаменитое сочиненіе, говоритъ Кювье, необходимо различать въ немъ планъ, факты и стиль. Планъ огроменъ. Плиній вовсе не думалъ написать естественную исторію въ томъ ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ эту науку, то есть болѣе или менѣе подробный трактатъ о животныхъ, растеніяхъ и минералахъ; онъ объемлетъ астрономію, физику, географію, земледѣліе, торговлю, медицину и всѣ искусства, какъ и собственно естественную исторію; онъ безпрерывно прибавляетъ къ разсказываемому замѣчанія, относящіяся къ моральному познанію человѣка и исторіи народовъ, такъ что во многомъ это сочиненіе можетъ быть названо Энциклопедіей своего времени.

Въ первой книгѣ онъ представляетъ нѣкотораго рода перечень содержанія и имена авторовъ, на которыхъ опирается; во второй онъ говоритъ о мірѣ, о стихіяхъ, о звѣздахъ, о главныхъ метеорахъ. Четыре слѣдующія — географія извѣстныхъ тогда трехъ странъ свѣта. Въ седьмой онъ говоритъ о различныхъ расахъ людей и отличательныхъ качествахъ человѣческаго рода, о великихъ произведеннымъ имъ характерахъ и самыхъ замѣчательныхъ изобрѣтеніяхъ. Четыре книги посвящены земнымъ животнымъ, рыбамъ, птицамъ и насѣкомымъ. Виды каждаго класса размѣщены по величинѣ, или важности. Говорится объ ихъ нравахъ, о полезныхъ или вредныхъ качествахъ и болѣе или менѣе странныхъ свойствахъ, приписываемыхъ имъ. Въ концѣ книги о насѣкомыхъ, онъ говоритъ о нѣкоторыхъ веществахъ, производимыхъ животными, и о частяхъ, составляющихъ человѣческое тѣло. Ботаника изложена пространнѣе всего. Десять книгъ посвящено на описаніе растеній, ихъ разведенія и употребленія въ домашнемъ обиходѣ и въ искусствахъ, а въ пяти исчисляются и доставляемыя ими лекарства. Въ пяти слѣдующихъ разсказывается о лекарствахъ, извлекаемыхъ изъ животныхъ. Наконецъ, въ пяти послѣднихъ, Плиній описываетъ металлы и ихъ употребленіе, земли, камни, ихъ употребленіе для житейскихъ нуждъ, для роскоши и въ изящныхъ искусствахъ, перечисляя по поводу красокъ знаменитѣйшія картины, а по поводу камней и мраморовъ лучшія статуи и замѣчательнѣйшіе рѣзные камни.

„Говоря, даже мимоходомъ, о такомъ чудовищномъ количествѣ предметовъ, не могъ авторъ не записать множества замѣчательныхъ фактовъ, которые нынѣ тѣмъ драгоцѣннѣе, что кромѣ его никто о нихъ не говорилъ. Къ сожалѣнію, способъ ихъ изложенія и собиранія сильно уменьшаетъ ихъ достоинство, потому что правда и ложь перемѣшаны почти въ равныхъ количествахъ, и въ особенности потому, что трудно и во многихъ случаяхъ совершенно не возможно опредѣлить, о какихъ именно существахъ онъ говоритъ.

„Плиній вовсе не былъ такимъ наблюдателемъ, какъ Аристотель; еще менѣе онъ геніальный человѣкъ, способный, подобно этому великому философу, найти законы и отношенія, которымъ подчинены произведенія природы. Онъ вообще компиляторъ, который, не имѣя самъ понятія о вещахъ, о коихъ онъ собралъ свидѣтельства другихъ, не могъ оцѣнить истинности этихъ свидѣтельствъ, ни даже всегда понять, что въ нихъ говорится. Словомъ, это *писатель безъ критики*, кото-

рый, занимаясь долго извлеченіями, распредѣлилъ ихъ по главамъ, прибавивъ размышленія, которыя не относятся собственно къ наукѣ, но попеременно представляютъ то болѣе или менѣе суевѣрныя вѣрованія, то разглагольствованія печальной философіи, безпрерывно обвиняющей природу, человѣка и даже самихъ боговъ. Собранные имъ факты не слѣдуетъ разсматривать по отношенію къ его мнѣнію, но по отношенію къ мысли писателей, изъ которыхъ онъ извлекъ ихъ, и прилагать къ нимъ правила критики на основаніи свѣдѣній объ этихъ писателяхъ и обстоятельствахъ, въ какихъ они находились.

„Если такъ изучать Плиніеву *Естественную Исторію*, то она представляетъ довольно богатую руду, ибо, по его собственному свидѣтельству, состоитъ изъ извлеченій болѣе чѣмъ изъ двухъ тысячъ волюмовъ всякаго рода авторовъ, путешественниковъ, философовъ, историковъ, географовъ, врачей; до насъ изъ этихъ авторовъ дошло не болѣе сорока; далѣе, до насъ дошли отъ многихъ только отрывки или сочиненія, отличныя отъ тѣхъ, изъ коихъ почерпалъ Плиній; и между дошедшими до насъ, много такихъ, имена и существованіе которыхъ не забыты только потому, что Плиній ссылается на нихъ. Сравненіе его извлеченій съ дошедшими до насъ подлинниками и особенно съ Аристотелемъ показываетъ, что Плиній далеко не предпочелъ важнѣйшаго и точнѣйшаго у этихъ авторовъ. Вообще, онъ чувствуетъ влеченіе къ страннымъ и чудеснымъ вещамъ, къ такимъ, которыя доставляютъ случай къ любимымъ имъ противоположеніямъ, или къ упрекамъ Провиденію, до чего онъ также охотникъ. Правда, онъ не всему разсказываемому вѣритъ въ равной степени, но его сомнѣнія и утвержденія случайны; сильнѣе всего возбуждаютъ его недовѣріе никакъ не самыя дѣтскія сказки.... Итакъ, должно сознаться, что Плиній не столь интересенъ относительно фактовъ, какъ по отношенію къ нравамъ и обычаямъ древнихъ, къ способамъ, которымъ они слѣдовали въ искусствахъ, и къ нѣкоторымъ чертамъ исторіи, или нѣкоторымъ географическимъ подробностямъ, которыя безъ него остались бы неизвѣстны [1]).“

Таково въ самомъ дѣлѣ достоинство, которое слѣдуетъ признать въ Плиніѣ, и котораго тѣмъ не справедливѣе лишать его, что онъ совершенно лишенъ титула естествоиспытателя приведеннымъ выше сужденіемъ. Сужденіе жестокое, но оно не измѣнится, хотя самъ Кювье нѣсколько смягчилъ его въ другомъ, болѣе подробномъ обзорѣ сочиненій Плинія.

Въ самомъ дѣлѣ, было бы необычнымъ явленіемъ, еслибъ высокодаровитый и неутомимый въ работѣ человѣкъ написалъ только нелѣпости о предметѣ, которымъ занимался большую часть жизни. Безъ сомнѣнія, онъ часто неосторожно переписывалъ писателей, которые позволяли себѣ обогащать природу самыми баснословными животными. Онъ принимаетъ, или кажется принимающимъ, существованіе *мантихоровъ* съ человѣческой головой и скорпіон-

---

[1]) Histoire des sciences naturelles, т. I.

нымъ хвостомъ, и *катоплебовъ*, которыхъ увидишь — умрешь; но важнѣе, что самъ Кювье, самъ Бленвиль соглашаются, что онъ не разъ прекрасно наблюдалъ и описалъ животныхъ, въ особенности въ книгѣ о молюскахъ. Онъ говорилъ, что рыбы дышутъ, въ противность мнѣнію Аристотеля, который утверждалъ обратное, потому что у рыбъ нѣтъ легкихъ.

Легковѣріе Плинія, его любовь къ чудесному въ наше время вполнѣ доказаны. Особенно въ медицинѣ онъ распространилъ множество самыхъ печальныхъ ошибокъ и предразсудковъ. Его терапевтика часто безсмыслена. Въ своей *Естественной Исторіи* онъ указалъ болѣе трехъ сотъ лекарствъ, получаемыхъ отъ водныхъ животныхъ. Бобръ доставляетъ шестьдесятъ шесть, черепаха столько же. Человѣческое тѣло также извѣстное число. Подъ названіемъ *лекарствъ, извлеченныхъ изъ человѣка*, Плиній предлагаетъ слюну, ушную сѣру, первые волосы и первый выпавшій у ребенка зубъ, если онъ при этомъ не коснулся земли; у взрослыхъ моча считается лекарствомъ, годнымъ для употребленія. Не слѣдуетъ забывать, что до Возрожденія Плиній былъ авторитетомъ, и почти единственнымъ вмѣстѣ съ Діоскоридомъ, въ врачебномъ дѣлѣ. Поэтому не невозможно, что его книга была причиной того безсмысленнаго леченія, которое считалось наилучшимъ въ средніе вѣка и до Парацельса. Вѣроятно, бабьи лекарства, совѣтуемыя Плиніемъ, породили тѣ нелѣпыя лекарства, какія давали врачи среднихъ вѣковъ и временъ Возрожденія.

Быть можетъ, Плинію не столько не хватало наблюдательности, сколько времени для наблюденія, посреди заботъ и работъ. Но наука произнесла о немъ свой приговоръ: онъ осужденъ, и намъ нечего больше толковать объ этомъ.

Плиній былъ пантеистъ, въ родѣ Виргилія и многихъ изъ древнихъ. Онъ не признавалъ другаго Бога, кромѣ міра, хотя порой онъ, кажется, отличалъ міръ отъ Бога.

Deus latet in majestate mundi (Богъ скрытъ въ величіи міра), говоритъ Плиній. Выраженіе великолѣпное, но мысль антирелигіозная, ибо кто не признаетъ личнаго Бога — тотъ исповѣдуетъ атеизмъ.

Что же остается отъ Плинія? Остается довольно точный въ описаніяхъ географъ и историкъ моралистъ, исполненный до-

блести и желчи, который подъ предлогомъ написанія естественной исторіи среди императорскаго Рима, пишетъ исторію людей и происшествій своего времени, подводитъ итогъ порокамъ и испорченности недостойныхъ потомковъ Курія Дентата и Катона Старшаго. Мы замѣтили это свойство въ немъ еще въ юности, по поводу его выходки противъ роскоши Лолліи Паулины.

Оканчивая эту часть нашей замѣтки, мы имѣемъ удовольствіе замѣтить, что такого же о немъ мнѣнія гг. Литре́ и Эггеръ. Приведемъ слѣдующее мнѣніе изъ сочиненій послѣдняго:

„Плиній, говоритъ онъ, какъ по необходимости, такъ и повлеченію не находитъ такой мелкой подробности, такого памятника, о которомъ не слѣдовало бы упомянуть. Кромѣ дѣяній народа, видно, что онъ читалъ много историческихъ мемуаровъ, начиная съ записокъ Августа, до записокъ Агриппины и Корулона: письма, писанныя Августомъ императоромъ; географическія записки Агриппы, покрайности его рѣчь (единственную, о которой сохранилась память) объ утилизированіи предметовъ искусства; отчетъ о его эдильствѣ. Не смотря на громадное множество фактовъ, собранныхъ въ *Естественной Исторіи*, Плиній не всегда простой компиляторъ; онъ умѣетъ порой также произносить сужденіе въ нѣкоторыхъ краткихъ біографіяхъ, какъ напр. Цицерона, Агриппы, Августа; въ послѣдней въ особенности содержится нѣсколько чертъ ни откуда болѣе неизвѣстныхъ и которыя можно еще дополнить цѣлой кучей анекдотовъ о домашней жизни, болѣзняхъ и суевѣріяхъ императора; наконецъ, о нѣкоторыхъ лицахъ его семейства или двора, какъ-то Ливіи, первой Агриппинѣ, первой Юліи; о М. Лолліи, воспитателѣ юнаго Кая Цезаря, Варіи Руфѣ, счастливомъ солдатѣ, обогащенномъ своимъ государемъ и даже возвышенномъ имъ до консульства, но который скоро разорился на земледѣльческихъ предпріятіяхъ.

„Коротко сказать, послѣ собственно историковъ, Плиній писатель, съ которымъ болѣе другихъ слѣдуетъ справляться, не только относительно политическихъ личностей его времени, но также на счетъ личностей второстепенныхъ, иногда не упоминаемыхъ другими, и относительно множества общихъ фактовъ, служащихъ для составленія общей картины великаго вѣка. Какъ уже было замѣчено, самыя интересныя происшествія Августова вѣка не имѣютъ характера драматическаго. Мирное устроеніе завоеваннаго было дѣломъ Августа, какъ униженіе аристократіи и торжество народа было дѣломъ Цезаря. Плиній въ особенности показываетъ намъ величіе имперіи и сложность приводившихъ ее въ движеніе пружинъ, всѣ дѣйствовавшія внутри ея начала тлѣнія, и всѣ способы, какими располагала императорская администрація противъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей. У него лучше, чѣмъ у другихъ, можно слѣдить за прогрессомъ и паденіемъ Рима въ различныхъ отрасляхъ общественной жизни. Но для этого не слѣдуетъ ограничиваться ни анекдотами, ни портретами, ни краткими біографіями; надо умѣть оцѣнить нѣкоторые факты, не носящіе ни числа, ни имени. Я приведу только одинъ примѣръ: исторія поземельной собственности въ Италіи и провинціяхъ, набросанная въ началѣ восьмаго столѣтія, съ энергической точностью, оканчивается такой яркой чертой: Verum confitentibus, latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincias. (Сказать правду, большія землевладѣнія погубили Италію, и даже самыя провинціи). Болѣзнь увеличи-

лась на глазахъ Плинія, но преобразованіе республики въ монархію въ особенности способствовало къ тому, что она стала неизлечимой. При Августѣ, Горацій уже указывалъ ея симптомы. Замѣтимъ между прочимъ, что о такихъ вещахъ Плиній говоритъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Если въ исторіи искусствъ онъ часто ошибается, по недостатку вкуса и спеціальныхъ знаній, въ статистикѣ этотъ ученый, бывшій консуломъ, военачальникомъ, начальникомъ флота, сохраняетъ несомнѣнный авторитетъ, и неудивительно, что его свидѣтельства подтверждаются стариннѣйшими памятниками древней Италіи" [1]).

И такъ, если *Естественная Исторія* въ глазахъ новѣйшихъ натуралистовъ не имѣетъ большой цѣны, то въ другихъ отношеніяхъ она еще имѣетъ большое достоинство.

Намъ остается сказать о талантѣ писателя.

Всѣ согласны, что Плинія, какъ его современника Сенеку, слѣдуетъ поставить немедленно послѣ великихъ писателей Августова вѣка. Оба уже не безъ недостатковъ своего вѣка, и это не удивительно, ибо никакому генію не дано избѣжать вліяній окружающей среды. Оба изысканны, любятъ противоположенія и антитезы, склонны къ декламаціи. Ихъ стиль чрезмѣрно натянутъ, эффекты усиленные, ихъ желаніе выражаться кратко затемняетъ мысль. Но не смотря на эти недостатки, ихъ считаютъ за писателей геніальныхъ, каковыми они и въ дѣйствительности были. Если ихъ языкъ и не таковъ, какъ въ вѣкъ чистаго латинства, тѣмъ не менѣе онъ еще очень хорошъ.

У Плинія есть еще совершенно особенное философическое достоинство. Справедливо говорится, что безъ *Естественной Исторіи* невозможно было бы для средневѣковыхъ ученыхъ возстановить латинизмъ; и это должно понимать не только на счетъ словъ, но и на счетъ ихъ значенія. Плиній прибавилъ къ латинскому словарю по меньшей мѣрѣ четыреста словъ, которыя, соотвѣтствуя разнообразнымъ описываемымъ имъ предметамъ, были извѣстны въ Римѣ и провинціяхъ, но не были и не могли быть сохранены въ сочиненіяхъ историковъ, ораторовъ и поэтовъ Августова вѣка.

Плиній также создалъ, или пустилъ въ ходъ большое число рѣченій и оборотовъ, до него неизвѣстныхъ, которые обогатили

---

[1]) Examen critique des historiens anciens de la vie et du règne d'Auguste, sect. VII, стр. 183.

латинскій языкъ и облегчили для насъ пониманіе писателей послѣдующихъ вѣковъ, когда эти обороты были приняты.

Теперь разскажемъ о смерти Плинія.

Мы оставили его на Мизенскомъ мысѣ, начальникомъ флота, назначеннаго слѣдить за африканскими пиратами. Онъ прожилъ, отдыхая отъ трудовъ, около четырехъ лѣтъ въ этихъ мѣстахъ, въ этой *Счастливой Кампаньи*, которую римляне считали лучшимъ мѣстомъ въ Италіи и въ мірѣ; острова Искіа, Процида, живописныя высоты Байи, зеленѣющіе берега Пуццолійскаго залива — богатые римляне любили жить въ этихъ мѣстахъ въ тихихъ загородныхъ домахъ. Тогда-то произошло страшное изверженіе Везувія, во время котораго погибъ Плиній.

Разсказывая смерть Плинія, всѣ біографы воспроизводятъ извѣстное письмо Плинія Младшаго къ историку Тациту, въ которомъ этотъ писатель, болѣе красно, чѣмъ точно, описываетъ обстоятельства, сопровождавшія смерть его дяди.

Это письмо часто приводится, а потому мы не станемъ воспроизводить его. Мы только воспользуемся этимъ памятникомъ, какъ и нѣкоторыми другими, для разсказа о смерти Плинія Старшаго.

Въ февралѣ 1865 г., мы въ качествѣ натуралиста и археолога посѣтили мѣста, бывшія свидѣтелями ужасной геологической катастрофы. Замѣчанія и наблюденія, сдѣланныя нами въ Кастелламаре и Помпеѣ, можетъ быть, будутъ не безъинтересны для нашихъ читателей.

Когда въ Неаполѣ стоишь на берегу залива, на молѣ, въ портѣ Святой Лучіи, или въ *Villa Reale*, то передъ вами возвышается громада Везувія, стоящая на противоположномъ берегу и царствующая надъ красиво-изгибающимся заливомъ. У подошвы Везувія и вдоль всего берега тянется непрерывный рядъ домовъ, садовъ, дачъ. Кажется, точно Неаполь безъ перерыва тянется по этому огромному берегу.

Только отойдя, видишь, что обманывался. Эта длинная цѣпь домовъ, кажущаяся предмѣстьемъ Неаполя, въ дѣйствительности, состоитъ изъ десятка отдѣльныхъ мѣстечекъ или деревень, каковы:

Портичи, Резина, Torre de Grœco, Torre del Annunziata, Кастелламаре и Сорренто.

Эти поселенія существовали еще въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., при римскихъ императорахъ. Неаполитанскій берегъ (Neapolis) былъ также красивъ; морская торговля здѣсь была также выгодна. Многочисленное и дѣятельное населеніе тѣснилось вдоль этого узкаго берега. Только не всѣ города и деревни назывались такъ, какъ теперь. Неаполь и Сорренто назывались также (Neapolis и Sorrentum). Портичи называлась *Геркуланумъ*, Торре дель Анунціата — *Оплонтъ*, Кастелламаре — *Стабія*.

На морскомъ берегу стоялъ еще весьма важный городъ, имени котораго новѣйшіе поселенцы ни сохранили, ни измѣнили, потому что пятнадцать вѣковъ его не существовало, — Помпея.

Неаполисъ, или Неаполь не былъ тогда, какъ теперь, городомъ съ 500,000 населеніемъ. У римлянъ это было мѣсто развлеченія, городъ, гдѣ пріятно жилось. Его портъ значительно уступалъ въ значеніи портамъ Геркуланума и Помпеи и не столь часто посѣщался.

Геркуланумъ, на мѣстѣ котораго нынче стоитъ Портичи, одно изъ предмѣстій Неаполя, былъ очень древнимъ городомъ. Онъ существовалъ еще при этрускахъ. Сдѣлавшись позже римской колоніей, Геркуланумъ былъ однимъ изъ цвѣтущихъ городовъ Кампаніи. Его портъ назывался *Ретина*, гдѣ теперь деревня *Резина*. Это былъ богатый и артистическій городъ. Въ немъ жили люди не занятые, и въ немъ было бо́льше общественныхъ зданій и художественныхъ предметовъ, чѣмъ въ Помпеѣ, почти исключительно занимавшейся морской торговлей.

Помпея, по всѣмъ вѣроятіямъ, нѣкогда греческая колонія, была большимъ коммерческимъ портомъ части Италіи. Она служила складочнымъ мѣстомъ для Нолы, Ноцеры и Аттеллы. Портъ ея, находившійся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, былъ довольно обширенъ; въ немъ могла помѣститься морская армія, ибо въ немъ укрылся весь флотъ Т. Корнелія.

Помпея была покорена римлянами, но, въ видѣ исключенія, римское иго здѣсь было не тяжело. Городъ поставлялъ только воиновъ въ случаѣ войны. Онъ управлялся самостоятельно: въ немъ былъ свой сенатъ, свое городское начальство, свои комиціи.

Вслѣдствіе этихъ благопріятныхъ условій, Помпея достигла великаго благосостоянія. Число жителей превышало 40,000 душъ.

Подобно Помпеѣ, Стабія, построенная на берегу залива, въ двухъ миляхъ отъ Сорренто, на одномъ изъ восхитительнѣйшихъ въ свѣтѣ мѣстъ, была богатымъ и часто посѣщаемымъ торговымъ портомъ. Но она пережила и злые дни. Во время гражданской войны, она была на сторонѣ Марія, и Сулла побѣдитель предалъ ее огню и мечу. 30 апрѣля 89 года до Р. Х. она была взята приступомъ и почти совершенно разрушена [1]). Помпейцы съ высоты своихъ стѣнъ съ ужасомъ слѣдили за этой военной экзекуціей, которая грозила и имъ, потому что они подвергались той же немилости. По счастію, свирѣпый диктаторъ насытился разрушеніемъ Стабіи.

Во время смерти Плинія, Стабія только на половину оправилась отъ этого несчастія и сравнительно съ Помпеей казалась полуразрушеннымъ городкомъ.

Всѣ эти города стояли, какъ уже сказано, вдоль берега Неаполитанскаго залива, у подошвы Везувія.

Впрочемъ, теперешній Везувій, этотъ громадный конусъ съ дымящейся вершиной, тогда не существовалъ. На его мѣстѣ была гора, называвшаяся *Соммой*, на половину ниже.

Сомма не была, впрочемъ, огнедышущей горой. Это была красивая гора, покрытая лѣсомъ отъ подошвы до вершины; лѣсъ спускался и въ жерло. Она была покрыта виллами богатыхъ прибрежныхъ жителей. Негоціанты Помпеи, Геркуланума и Неаполя, отдыхали на нихъ въ свободные дни. У многихъ римскихъ богачей были дачи на Соммѣ; между прочими и Цицеронъ, владѣвшій уже усадьбами въ Кумахъ, Байѣ, Пуццоло, не считая Тускулума и другихъ, построилъ виллу на Соммѣ.

Ничто не давало счастливымъ жителямъ неаполитанскаго прибрежья предчувствовать грозившую имъ катастрофу. Они въ полномъ смыслѣ плясали на волканѣ.

Правда, Страбонъ и другіе старинные писатели говорили, что въ отдаленныя времена Сомма была театромъ волканическаго изверженія. Присмотрѣвшись поближе, можно бы было убѣдиться, что

---

[1]) Плиній, книга III, гл. V.

Геркуланумъ положительно стоитъ на застывшей лавѣ, и что черные и блестящіе обломки, которыми мостили помпейскія улицы, были ничто иное, какъ лава. Но римляне не очень-то обращали вниманіе на ученыхъ и не безпокоились о томъ что́ было писано древними авторами; геологіи тогда не существовало, и помпейцы затруднились бы отличить вулканическую породу отъ известковой.

Хотя у воротъ Неаполя и лежали *Campi phlægrei* (сожженныя поля), покрытыя излившейся лавой, и пуццолійскій Сольфатаре дымился довольно подозрительно, — никто не обнаруживалъ ни малѣйшаго страха. На Сомму не смотрѣли, какъ на волканъ. Поэты воспѣвали ее, какъ источникъ, изъ котораго боги изливали благодатное вино, благовонный даръ этой благословенной стороны.

„Вотъ онъ, восклицалъ Марціалъ, вотъ онъ Везувій, нѣкогда покрытый зелеными виноградниками, благодатный плодъ которыхъ затоплялъ своимъ сокомъ наши тиски. Вотъ они, эти склоны, которые Бахусъ предпочиталъ холмамъ Низейскимъ! Еще недавно Сатиры плясали на этой горѣ; тутъ было жилище Венеры, любимое богиней больше Лакедемона. И Геркулесъ прославилъ здѣсь свое имя. И все разрушило пламя, все погибло подъ грудами пепла! Сами боги желали бы, чтобы ихъ мощь не простиралась такъ далеко!“.

Въ 63 году по Р. Х., помпеяне получили отъ горы, такъ сказать, первое предостереженіе.

Въ 63 году, въ Помпеѣ было сильное землетрясеніе. Базилика, колоннада форума, комическій и трагическій театры обрушились. Половина населенія, пораженная ужасомъ, оставила городъ, унося съ собою богатство, домашнюю утварь и статуи.

Это землетрясеніе сильно дало себя почувствовать также городамъ Неаполю и Ноцерѣ. Сенека утверждаетъ, что въ Ноцерѣ всѣ дома обрушились, и почти всѣ жители либо погибли, либо лишились разсудка.

Въ Неаполѣ во время землетрясенія огромная толпа собралась въ театрѣ, чтобъ слушать, какъ Неронъ лично исполнитъ кантату собственнаго сочиненія. Когда хоръ въ пятьсотъ человѣкъ сопровождалъ пѣнье императора, когда всякій восхищался граціей и ловкостью вѣнчаннаго артиста, зданіе театра потряслось. Неронъ не захотѣлъ изъ-за такихъ пустяковъ прерывать кантату. Онъ не выпустилъ толпу, пока не кончилось пѣнье. Такимъ образомъ,

многіе погибли подъ развалинами, и самъ императоръ выбрался не безъ труда.

Это предупрежденіе, не смотря на свою серьезность, прошло безплодно для помпеянъ. Мало-по-малу они успокоились. Сенатъ послѣ долгаго колебанія рѣшилъ разрѣшить перестройку города.

Эта перестройка должна была послужить къ украшенію города. Со всѣхъ концовъ Италіи были вызваны художники. Базилика, форумъ, храмы воздвигнуты и украшены новомодными капителями, то есть римско-коринфскаго ордена. Внутренность домовъ украсилась картинами, исполненными на отличной штукатуркѣ и воспроизводившими лучшія произведенія греческаго и римскаго искусства. Мраморныя и бронзовыя статуи украсили атріумъ, столовыя и комнаты каждаго дома. Фонтаны — группы изъ чистѣйшаго мрамора—закрасовались на внутреннихъ дворахъ. Роскошь и изящество соединились для обновленія города.

Вотъ почему, замѣтимъ мимоходомъ, картины, отрываемыя ежедневно въ развалинахъ Помпеи, блещутъ свѣжестью красокъ. Вотъ почему и мраморы и статуи еще блестящи на видъ. Мы, напримѣръ, видѣли въ домѣ Корнелія Руфа великолѣпно изваянныя изъ мрамора двѣ ножки стола, столь блестящія и гладкія, какъ новые мраморы, украшающіе рабочія нашихъ скульпторовъ.

И такъ, храмы воздвигались, въ городѣ снова начались работа и веселье; жизнь шла своимъ чередомъ въ домахъ, украшенныхъ новой живописью, когда въ 79 году нашей эры страшное землетрясеніе надѣлало столько бѣдъ.

Нѣтъ положительныхъ подробностей объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ волканическое изверженіе Соммы, при которомъ изъ обломковъ ея образовался туфный и пемзовый конусъ нынѣшняго Везувія, и завалило камнями и землистой пылью много деревень и города Помпею, Геркуланумъ и Стабію. Вѣрный своимъ риторскимъ обычаямъ, Плиній Младшій совершенно пренебрегъ точностью при описаніи великаго явленія, и это молчаніе заставляетъ насъ прибѣгать къ наведеніямъ относительно факта, который очевидцамъ тамъ легко было бы описать въ подробности.

Какъ бы то ни было, вотъ что нынче можно замѣтить въ Геркуланумѣ, Помпеѣ и Кастелламаре, и вотъ какія наведенія можно

извлечь на счетъ того, какъ были разрушены, или вѣрнѣе, погребены эти три города.

Дома въ Геркуланумѣ и всѣ находящіяся въ нихъ вещи покрыты землистой корой, твердой, плотной и которую можно снять только рѣзцомъ. Въ Неаполитанскомъ музеѣ, какъ образчикъ, какъ поучительную рѣдкость, показываютъ желѣзную кастрюлю, на половину очищенную отъ землистой породы. Эту кору можно снять только при помощи рѣзца и молота. Этого примѣра достаточно, чтобы дать понять трудность, или, лучше сказать невозможность вполнѣ отрыть Геркуланумъ и извлечь вещи, заключающіяся въ городѣ, покрытомъ кромѣ того землянымъ слоемъ въ двадцать метровъ.

Не лава, какъ обыкновенно утверждается, залила и погребла Геркуланумъ. Онъ покрытъ землистымъ веществомъ; это пемзистый камень той же породы, что́ образуетъ конусъ Везувія.

И такъ, не слѣдуетъ думать, что Геркуланумъ былъ разрушенъ потокомъ волканической лавы, ибо Везувій во время изверженія 79 года не выкидывалъ лавы; нѣтъ, онъ былъ затопленъ рѣкой грязи. Везувій сперва выбросилъ огромную струю водяныхъ паровъ; затѣмъ, къ этимъ парамъ примѣшалась ужасающая масса землистыхъ веществъ, туфа и пемзы. Вода, сгущаясь ва воздухѣ, падала кипящимъ дождемъ на склоны горы и увлекала съ собою землистыя вещества. Такимъ образомъ образовался потокъ грязи, который набѣжалъ на городъ, стоявшій какъ разъ у подошвы горы, и затопилъ его. Засохнувъ на воздухѣ и еще болѣе уплотнившись отъ вѣса земли и позже отъ тяжести настоящей лавы, извергнутой во время другихъ изверженій, землистая кора, покрывающая Геркуланумъ, получила теперешнюю твердость и плотность.

Другое дѣло Помпея.

Присутствуя при легкой работѣ отрыванія этого города, вполнѣ понимаешь, какъ онъ былъ погребенъ подъ волканическими изверженіями.

Повсюду на поляхъ замѣчается два лежащіе другъ надъ другомъ слоя. Первый слой изъ небольшихъ пемзистыхъ съ горошину камешковъ бѣловатаго цвѣта, называемыхъ въ Неаполѣ *lapilli;* а сверху слой бурой пыли, необычайно тонкой и подвижной.

И такъ, Помпея не была погребена подъ лавой, какъ позже случилось со многими деревнями, находящимися въ окрестностяхъ волкана; ни затоплена рѣкою грязи, какъ Геркуланумъ. Она была засыпана огромной массой *лапилли* и пемзовой пылью, обыкновенно и совершенно несправедливо называемой *пепломъ*.

Чрезмѣрная теплота, приносимая *lapilli*, и пемзовая пылью, выбрасываемая раскаленной до красна изъ воспламененнаго волкана, обуглили бревенчатыя кровли домовъ и обрушили потолки. Все потомъ мало-по-малу было засыпано непрестанно падавшею волканическою пылью.

Городъ Стабія погибъ такъ же, какъ Помпея. Находясь въ восьми миляхъ отъ Везувія, между тѣмъ какъ Помпея только въ шести, Стабія, можетъ быть, избѣгла бы разрушенія, если бъ господствующія надъ нею горы Квизитана и небольшая Санзъ-Анджело не остановили землистаго облака, застилавшаго всѣ окрестности Помпеи, и не скопили такимъ образомъ прямо надъ несчастнымъ городомъ обломки *lapilli* и волканическую пыль.

Налѣво отъ нынѣшняго Кастелламаре виденъ холмъ, простирающійся на нѣсколько километровъ. Этотъ холмъ, кажется, образовался скопленіемъ землистыхъ веществъ, выброшенныхъ Везувіемъ въ 79 г. Когда мы, въ 1865 г. посѣтили Кастелламаре, чтобы отыскать слѣды древней Стабіи и осмотрѣть берегъ, гдѣ погибъ Плиній, мы нѣкоторое время шли но этому холму, состоящему изъ черноватой земли вулканическаго вида, подобной верхнему слою, покрывающему Помпею. Подъ этимъ холмомъ недавно сдѣлано довольно глубокое углубленіе, чтобы добывать древнія вещи изъ Стабіи.

Мы спускались съ этого холма по изрытой дорогѣ между двумя каменными стѣнами, служащими границей прекрасныхъ садовъ; передъ нами лежалъ коверъ зеленыхъ лужаекъ, отѣненный апельсинами и виноградной лозой, которая вилась между стволами огромныхъ смоковницъ. Мы спросили лампу, чтобы осмотрѣть раскопку, и крестьянинъ поспѣшилъ принесть одну изъ тѣхъ глиняныхъ лампъ античной формы, которыя доказываютъ, что ничто не измѣнилось со времени римской эпохи въ итальянскихъ деревняхъ. Раскопка, впрочемъ, не привела ни къ чему замѣчательному. Входъ въ пещеру, вырытую въ толщѣ холма,

терялся въ поросли ерника, испещреннаго цвѣтами съ голубыми колокольчиками. Внутри мы не видѣли ничего, кромѣ черныхъ стѣнъ изъ того же мягкаго туфа, что и окружныя поля.

Не подъ этимъ ли холмомъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ погребена Стабія? Мнѣнія на этотъ счетъ различны. Фіорелли, директоръ неаполитанскаго музея, говорилъ намъ, что полагаетъ, что древняя Стабія лежала дальше, то есть тамъ, гдѣ теперь Траньяно, городокъ, славящійся своими макаронами. Авторъ неконченнаго мемуара о древней Стабіи полагаетъ, что Траньяно стоитъ только на мѣстѣ стабійскихъ предмѣстій, а самъ городъ лежалъ на мѣстѣ, гдѣ теперь деревни Варано и Карміано. По этому послѣднему мнѣнію, нынѣшній городъ Кастелламаре стоитъ тоже на мѣстѣ предмѣстій древней Стабіи [1]).

И такъ, нельзя съ точностію опредѣлить даже мѣста этого города, когда-то одного изъ лучшихъ въ Италіи.

Вдоль изрытой дороги, тянущейся внизу холма и по которой мы шли съ тоскливымъ чувствомъ, канатчикъ плелъ и вытягивалъ конопляныя волокна, протяжно напѣвая пѣсенку. Иного звука не слышалось въ долинѣ; ничто не обнаруживало движенія и жизни въ этихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда раздавался шумъ дѣятельнаго, дѣловаго и счастливаго населенія.

И такъ научный вопросъ, занимавшій насъ, понемногу разъяснился; вотъ какимъ образомъ, на основаніи геологическихъ свидѣтельствъ, погибли Геркуланумъ, Помпея и Стабія подъ волканическими изверженіями Соммы.

Теперь, при помощи немногихъ древнихъ писателей, говорившихъ о катастрофѣ, когда погибъ Плиній Старшій, мы въ свою очередь попробуемъ разсказать это историческое событіе.

23 апрѣля 79 года, около двухъ часовъ по полудни страшные раскаты грома раздались изъ глубины Соммы и распространили ужасъ между всѣми живущими у подошвы горы. Въ продолженіе

---

[1]) *Souvenirs de l'ancienne ville de Stabies, au jourdu, hui Castellamare*, par Richard Acton, membre correspondant du *Royal Institut d'encouragement* de Napies. In-4 Napies, 1858, стр. 9.

предъидущихъ дней, удары землетрясенія возбудили безпокойство во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ. Небо было ясно, море покойно. Вѣтеръ, дувшій сперва съ сѣвера, сталъ дуть съ востока. Раскаты стали сильнѣе; наконецъ огромный столбъ водяныхъ паровъ, который Плиній Младшій весьма справедливо сравнилъ со стеблемъ и вершиной пиньи, поднялся надъ горою. Нѣсколько времени онъ стоялъ неподвижно въ воздухѣ. Вершина его, увеличиваясь, двинулась въ сторону, пары сгустились, западали кипящимъ дождемъ на склоны горы и оттуда понеслись къ морю. Геркуланумъ, стоявшій у подошвы Соммы, между горою и моремъ, былъ на пути этой страшной рѣки грязи; свирѣпый потокъ затопилъ его. Въ тоже время, изъ горы полетѣла огромная масса камней и земли, раскаленныхъ огнемъ. Все обрушилось на Геркуланумъ.

Предоставляемъ другимъ описывать сцены ужаса, безпорядка и смерти, происходившія въ мракѣ, одѣвшемъ городъ, когда небесныя и земныя хляби раскрылись, чтобъ поглотить его.

Жители Геркуланума бросились бѣжать, одни къ Неаполю, другіе къ Помпеѣ. Только первые поступили удачно. Дѣйствительно, Неаполь нисколько не пострадалъ, но Помпеѣ суждено было раздѣлить участь Геркуланума.

До вечера можно было надѣяться, что Помпея уцѣлѣетъ. Но около восьми часовъ изверженіе Соммы удвоилось въ силѣ. Раскаты грома не переставали раздаваться изъ глубины горы и въ облакахъ вылетавшихъ изъ нее водяныхъ паровъ. За жгучими парами слѣдовала страшная груда раскаленныхъ до красна пемзовыхъ камней. Весь берегъ былъ покрытъ мрачнымъ облакомъ этихъ камней, которые сшибались въ воздухѣ съ ужасающимъ трескомъ. Этотъ земляной дождь сталъ падать на Помпею.

Песочные часы, найденные свалившимися въ Помпеѣ и сохраняющіеся въ неаполитанскомъ музеѣ, указываютъ четырнадцатый часъ по полудни, то есть два часа по полуночи. Стало быть, бѣда обрушилась надъ злосчастнымъ городомъ ночью.

Эта ночь, казалось, никогда не кончится. Никто не видѣлъ, какъ на завтра загоралось утро: дождь изъ пыли и lapilli падалъ, непрерывно, мрачилъ небо и нельзя было узнать, начался ли день. Ужасъ царилъ въ Помпеѣ, но дѣйствія его легче вообразить, чѣмъ разсказать.

СМЕРТЬ ПЛИНІЯ.

24 августа, то есть на другой день разрушенія Помпеи и Геркуланума, землистое облако налетѣло на Стабію, неся съ собою пожаръ и смерть. Послѣдняя выброшенная Соммой пыль стала саваномъ несчастной Стабіи.

Землистый дождь былъ столь частъ, что въ семи миляхъ отъ волкана нужно было безпрерывно отряхиваться, чтобы не задохнуться. Полагаютъ, что его доносило до Африки. Покрайности онъ доходилъ до Рима, гдѣ стало темно днемъ. Римляне говорили: „Свѣтъ кончается. Или солнце падаетъ на землю, или земля подымается къ солнцу“. Плиній Младшій писалъ: „Насъ утѣшала печальная мысль, что вмѣстѣ съ нами погибнетъ вся вселенная!“

Во время этихъ страшныхъ двухъ сутокъ погибло семь городовъ и мѣстечекъ: Геркуланумъ и его портъ Ретина, Оплонтъ, Тагіанъ, Тауранія, Помпея и Стабія.

Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы убѣдиться, что Стабія, или нынѣшній Кастелламаре лежитъ какъ разъ напротивъ Мизенскаго мыса. Кастелламаре и Сорренто лежатъ на одной изъ косъ Неаполитанскаго залива, котораго противоположную оконечность образуетъ Мизенскій мысъ.

Плиній Старшій находился въ это время на Мизенскомъ мысу, въ качествѣ, какъ уже сказано, начальника римскаго флота, наблюдавшаго за африканскими пиратами. И такъ, онъ одинъ изъ первыхъ замѣтилъ, что̀ происходитъ на взморьѣ у подошвы Соммы.

Послѣ обѣда, 23 августа, его сестра первая извѣстила его о необычномъ явленіи, обнаружившемся надъ горою. Плиній, лежа на постели, занимался; отдохнувъ немного, по обычаю, на солнцѣ, онъ тотчасъ всталъ и поспѣшилъ взойти на возвышенное мѣсто. Оттуда, глядя на море, онъ увидалъ исполинское облако, поднявшееся изъ кратера, и словно плащемъ покрывшее всѣ окружныя поля. Начиналось изверженіе Везувія!

Для естествоиспытателя, всю жизнь описывавшаго и коментировавшаго различныя чудеса, наблюденныя всѣми учеными до него, представлялся единственный случай увидѣть чудо изъ чудесъ, быть очевидцемъ самаго страшнаго изъ естественныхъ явленій.

Спустившись къ порту, Плиній приказалъ поскорѣе приготовить легкую галеру, рѣшившись отправиться съ нѣсколькими людьми на противоположный берегъ, чтобъ быть свидѣтелемъ изверженія.

Его племянникъ былъ съ нимъ, въ Мизенѣ, занимаясь подъ его руководствомъ литературными трудами.

— Можешь ѣхать со мной, — сказалъ онъ ему.

Но юный риторъ не обладалъ такой страстью, такой любознательностью къ изученію естественныхъ явленій, какъ дядя. Ему, кажется, не очень-то хотѣлось подвергаться угрожающей опасности.

— Если позволите, — отвѣчалъ онъ — я лучше останусь въ Мизенѣ съ матушкой. Я окончу извлеченія изъ Тацита, которыя вы поручили мнѣ сдѣлать.

Плиній рѣшился отправиться одинъ.

Онъ уже садился въ галеру и держалъ въ рукахъ дощечку, чтобы записывать различныя фазы явленія, которое ѣхалъ наблюдать, какъ былъ остановленъ суматохой, произведенной высадкой нѣсколькихъ матросовъ и солдатъ, которые поспѣшно прибыли изъ Ретины, порта Геркуланума.

Эти солдаты явились просить начальника флота послать галеры на тотъ берегъ, чтобы забрать и перевезти гарнизонъ и матросовъ, а также помочь, если возможно, несчастнымъ жителямъ. Плинію, рѣшившемуся уже ѣхать, нечего было перемѣнять своего намѣренія. Только вмѣсто одной галеры, онъ приказалъ изготовить нѣсколько. Флотилія отчалила.

Онъ приказывалъ матросамъ грести сильнѣй. Отдавая приказанія, онъ, если замѣчалъ какое-либо движеніе или необычный фактъ, спокойно записывалъ, или диктовалъ свои наблюденія.

Одинъ изъ его друзей, богатый и ученый человѣкъ, Помпоніанъ, жилъ въ Стабіи. На томъ берегу, въ Стабіи было безопаснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ и можно еще было приставать судамъ. Поэтому рѣшено было выйти на берегъ въ Стабіи; полагали при этомъ, что тамъ удобнѣе всего будетъ забирать бѣгущихъ жителей, а также развѣдать о событіи.

По мѣрѣ приближенія къ берегу, опасность становилась очевиднѣе. Пыль, падавшая на галеры, становилась все горячѣе. За

тѣмъ стали падать черноватые камни. На берегу были груды камней, образовавшія раскаленныя кучи, затруднявшія высадку.

Въ это время, племянникъ Плинія, котораго занятія „удержали на берегу“, занимался въ Мизенѣ извлеченіями изъ Тацита.

„Когда мой дядя уѣхалъ, пишетъ онъ Тациту, я принялся за занятія, помѣшавшія мнѣ ѣхать съ нимъ. Я взялъ ванну, легъ и немного уснулъ, но сонъ былъ тревожный.“

Храбрый молодой человѣкъ спалъ въ то время, какъ дядя безстрашно шелъ на встрѣчу смерти.

Небольшой экипажъ Плинія, пораженный ужасомъ, просилъ возвратиться на Мизенскій мысъ. Рѣшимость оставляла самого Плинія. Онъ хотѣлъ было уже послѣдовать совѣту кормчаго, который умолялъ вернуться въ Мизену; но эта нерѣшительность продлилась не долго.

„Фортуна благопріятствуетъ храбрости, — сказалъ онъ кормчему: — правь къ Помпоніану!“

Приказъ исполненъ, и черезъ нѣсколько мгновеній высадились на Стабійскомъ берегу, изрытомъ землетрясеніемъ, сопровождавшимъ волканическое изверженіе.

Первой заботой Плинія было отыскать своего друга Помпоніана. Этотъ, въ страхѣ грозившей городу опасности, приказалъ перенести всю мебель и богатство на принадлежавшія ему суда. Но противный вѣтеръ и волненіе замедляли его отплытіе.

Плиній находитъ своего друга въ страхѣ. Онъ обнимаетъ его, разувѣряетъ и успокоиваетъ. Чтобы совершенно разсѣять его опасенія, онъ приказываетъ отнести себя въ баню, и остается тамъ нѣкоторое время. Все это дѣлаетъ онъ съ необыкновеннымъ спокойствіемъ.

Послѣ бани сѣли за столъ. Не смотря на ежеминутно возраставшую опасность, Плиній за ужиномъ былъ веселъ, какъ всегда. Въ окна Помпоніанова дома былъ видѣнъ Везувій, весь въ огнѣ; на вершинѣ вспыхивали молніи; вокругъ же дома, Стабія и ея окрестности, были покрыты мракомъ, происходившимъ не отъ безлунной ночи, но отъ непереставашей падать пыли. Когда Плинію указывали на молніи, вспыхивавшія надъ Везувіемъ, онъ говорилъ:

— Это пламя не изъ горы выходитъ. Это горятъ оставленныя жителями деревни.

Чтобъ вполнѣ успокоить своихъ хозяевъ, Плиній послѣ ужина пошелъ въ свою комнату. Онъ легъ и заснулъ очень спокойно.

Его друзья однако не послѣдовали его примѣру. Они сидѣли въ *атріумѣ*, укрываясь подъ портикомъ отъ падавшихъ *lapilli* и пыли. Въ эту минуту Плиній спокойно спалъ и въ прихожей было слышно, какъ онъ храпитъ.

Между тѣмъ *lapilli* наполнили весь дворъ, и проспи еще Плиній, ему бы не выйти изъ комнаты. Его разбудили. Онъ всталъ и присоединился къ Помпоніану, который не спалъ съ друзьями всю ночь.

Что дѣлать? что было предпринять въ эту страшную ночь? Въ домѣ остаться не смѣли, боясь, чтобъ выхода не засыпало вулканической пылью. Притомъ, дома тряслись такъ ужасно, удары землетрясенія были такъ сильны и часты, что дома того гляди обрушаться. Не смѣли также выйти въ поле: *lapilli* падали по прежнему дождемъ.

Наконецъ, рѣшились на это послѣднее. Вышли изъ города, закрывъ предварительно головы подушками, привязанными платками.

Песочные часы показывали первые часы утра; но свѣта не было видно. На полѣ стояла темная, страшная ночь; только порою вспыхивалъ огонекъ: то горящій газъ выходилъ изъ растрескавшейся почвы.

Плиній предложилъ идти на берегъ, чтобы узнать, нельзя ли отправиться на судахъ. Но море волновалось съ неслыханной свирѣпостью и дулъ противный вѣтеръ.

Ѣхать на судахъ не было возможности. Смерть казалась неизбѣжной.

Съ стоической рѣшимостью, Плиній приказалъ разостлать покрывало на берегу. Онъ приказалъ принести воды, чтобъ утолить жажду, и легъ на землѣ, чтобъ не много отдохнуть.

Въ эту минуту треснула земля, что̀ всегда бываетъ въ землетрясеніяхъ; въ почвѣ образовалась разсѣлина, какъ разъ подлѣ Плинія и его испуганныхъ друзей. Удушливый газъ, вѣроятно,

углекислота, азотъ или сѣрнистый водородъ, сталъ выходить изъ трещины, распространяя сѣрнистый запахъ.

Всѣ пустились бѣжать. Плиній хочетъ слѣдовать за остальными. Онъ пробуетъ встать, опираясь на руки двухъ рабовъ. Газъ, выходя изъ земли какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, на немъ сильнѣе, чѣмъ на другихъ, обнаруживалъ удушающее дѣйствіе. Плиній, старикъ и страдавшій одышкой, былъ сильнѣе другихъ подверженъ дѣйствію газа: онъ задохся. Онъ упалъ на землю. Рабы бросили его, и онъ скоро умеръ.

Свѣтъ засіялъ надъ этими опустошенными мѣстами только черезъ три дня. Когда пришли поднять тѣло Плинія, то нашли его въ положеніи спящаго человѣка, покрытаго плащемъ; платье ни сколько не измѣнилось; лицо было столь же спокойно, какъ у живаго.

Такъ умеръ Плиній Старшій, поочередно бывшій воиномъ и писателемъ, адвокатомъ и натуралистомъ, адмираломъ и обязанный роду своей смерти и своимъ сочиненіямъ своей долгой славой, которую только въ нашъ вѣкъ рѣшились уменьшить.

ДІОСКОРИДЪ.

Діоскоридъ, прозванный одними *Педаніемъ*, другими *Педакіемъ*, родился въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., въ городѣ Аназарбѣ, въ Киликіи (Малая Азія). Суидасъ говоритъ, что его прозвали *Факасомъ*, „по причинѣ чечевицеобразныхъ пятенъ на лицѣ“ [1]).

Знаменитый нѣмецкій ученый Шпренгель перевелъ съ греческаго на латинскій сочиненіе Діоскорида [2]). Онъ предпо-

---

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать этого ученаго съ Діоскоридомъ, греческимъ историкомъ-моралистомъ, который былъ ученикомъ Исократа и жилъ въ IX вѣкѣ до Р. Х.; ни съ Діоскоридомъ, однимъ изъ четырехъ знаменитыхъ граверовъ, упоминаемыхъ Пливіемъ; ни съ Діоскоридомъ грамматикомъ, жившимъ въ II вѣкѣ по Р. Х.; ни съ Діоскоридомъ Александрійскимъ, греческимъ поэтомъ, о которомъ ничего почти не извѣстно.

Въ *Biographie générale*, изданія Дидо, изъ Діоскорида Факаса сдѣланъ греческій врачъ, жившій около 30 лѣтъ до Р. Х. при дворѣ [illegible] гры и онъ отличается отъ Діоскорида Аназарбскаго. Мы полагаемъ, что [illegible] момъ дѣлѣ, вотъ что говоритъ Суидасъ: „Діоскоридъ Ана[illegible] ный Факасомъ, по причинѣ чечевицеобразныхъ пятенъ на лицѣ, [illegible] Клеопатры и Антонія. Онъ написалъ двадцать четыре книги о растеніяхъ“.

[2]) Это изданіе Діоскорида составляетъ часть собранія сочиненій греческихъ врачей, изданія Кюна въ Лейпцигѣ. Вотъ полный титулъ: „Pedanii Dioscoridis Anazarbei „de materiâ medicâ libri quinque. Ad fidem codicum manuscriptorum, editionis Aldinæ „principis usquequaque neglectæ, et interpretum priscorum textum recensuit, varias „addidit lectiones, interpretationem emendavit, commentario illustravit Curtius Sprengel“. 2 vol. in-8°. Lipsiæ, 1829.

Editionem curavit Carolus Gottlob Kühn, professor physiologiæ et pathologiæ in Universitate Lipsiensi“.

ДІОСКОРИДЪ.

По списку сочиненій Діоскорида пятаго вѣка, принадлежащему императорской библіотекѣ въ Вѣнѣ. Рисунокъ помѣщенъ въ *Греческой иконографіи* Висконти.

слалъ своему переводу предисловіе, замѣчательное множествомъ потребовавшихся для него изысканій о времени, когда жилъ знаменитый греческій врачъ, о мѣстѣ его рожденія и ученія и т. п. Мы изложимъ біографію Діоскорида преимущественно на основаніи труда Шпренгеля.

Неизвѣстно положительно, гдѣ учился Діоскоридъ. Вѣроятно, его юношей отправили въ Тарсъ, гдѣ тогда процвѣтала школа, славившаяся во всей Азіи.

Аназарбъ находился въ пятидесяти миляхъ отъ Тарса, своей метрополіи. [1]) Не смотря на то, что онъ прозывался *Цезарея Августа*, это былъ неважный городокъ. Мы полагаемъ на основаніи различныхъ указаній, которыя мы обозначимъ ниже, что семейство Діоскорида принадлежало къ классу ремесленниковъ, или мелкихъ горожанъ. Образованіе, полученное имъ въ Тарсѣ, было, вѣроятно, очень не полное, потому что онъ никогда не достигъ искусства выражаться съ изящною правильностію. Онъ, кажется, самъ сознается въ этомъ въ предисловіи къ своему сочиненію, прося своихъ друзей судить о его книгѣ не на основаніи того, какъ она написана, но на основаніи „того истиннаго познанія вещей, которое происходитъ отъ соединенія опыта съ приложеніемъ.“ И дѣйствительно, это справедливо, ибо Галенъ, впрочемъ великій его почитатель, находитъ, что Діоскоридъ плохо понималъ истинное значеніе греческихъ терминовъ.

Человѣкъ, дурно говорящій или пишущій на родномъ языкѣ, этимъ самымъ несомнѣнно показываетъ, что первоначальное его воспитаніе было неполно или плохо. Отсюда можно заключить далѣе, что Діоскоридъ не принадлежалъ къ высшимъ классамъ; ибо вездѣ хотя лица высшихъ классовъ могутъ имѣть предразсудки и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ быть невѣждами и людьми суевѣрными, вообще отличаются отъ народа и ремесленниковъ изяществомъ манеръ и чистотою языка. Если народъ въ Киликіи говорилъ не чисто по-гречески, то все-таки обученіе въ Тарсѣ и во всѣхъ киликійскихъ школахъ, вѣроятно, шло на этомъ языкѣ.

---

[1]) Strabon, книга XIV.

Шпренгель [1]) проводитъ любопытную параллель между Діоскоридомъ и Страбономъ, родившимся, какъ и Діоскоридъ, въ Малой Азіи, но не много раньше его и въ другой странѣ. Шпренгель замѣчаетъ, какъ велика, съ литературной точки зрѣнія, разница между тѣмъ и другимъ. Страбонъ, съ юности посвятившій себя ученымъ занятіямъ, не упускаетъ въ своемъ сочиненіи ничего, что можетъ придать разсматриваемому имъ предмету занимательность или поучительность. Онъ упоминаетъ все, что̀ можетъ занять и наставить читателя. Онъ приводитъ отрывки изъ древнихъ поэтовъ, особенно изъ Гомера. У него постоянныя отступленія. То онъ разскажетъ старинную басню, то по поводу какой-нибудь исторической или миѳологической черты вводитъ философскія размышленія. Подъ видомъ занимательнаго и любопытнаго, Страбонъ передаетъ читателю полезное и серьезное. Такова вообще метода древнихъ, но такая литературная система требуетъ разнообразныхъ и обширныхъ свѣдѣній.

Діоскоридъ, напротивъ, кажется, тщательно избѣгаетъ всего, что можетъ время отъ времени возбудить воображеніе читателя и освѣжить прелестью разсказа его утомленный умъ. Внимательный только къ предмету, онъ не обращаетъ вниманія на порядокъ и плавность рѣчи. У него нѣтъ ни плана, ни методы, и принятый имъ порядокъ изложенія совершенно произволенъ. Въ предисловіи, онъ приводитъ имена авторовъ, которые раньше его писали о *врачебныхъ веществахъ*; но онъ умалчиваетъ объ ученыхъ философахъ, какъ Аристотель и Ѳеофрастъ, которые разсматривали ботанику какъ науку. Все заставляетъ полагать, что онъ не зналъ ни Аристотеля, ни Ѳеофраста.

По всему этому весьма вѣроятно, что на воспитаніе Діоскорида не было обращено вниманія. Онъ, должно быть, ходилъ въ какую нибудь школу учиться писать, читать и считать; ничто не показываетъ, чтобъ онъ перешелъ затѣмъ въ большую школу, напр. тарсскую, и занимался бы изученіемъ словесныхъ и философскихъ наукъ. Просто поживъ между студентами, онъ пріобрѣлъ бы общія свѣдѣнія и научился бы владѣть роднымъ языкомъ.

Діоскоридъ еще юношей поступилъ въ военную службу:

---

[1]) Praefatio ad Dioscoridem.

„Съ самой юности, пишетъ онъ другу своему Арею, движимый страстью изучить врачебныя вещества, я рѣшился, объѣхавъ множество странъ, ибо ты знаешь мою военную жизнь, и т. д.“.

Изъ этого мѣста можно заключить, что Арей и Діоскоридъ были сослуживцы. Возможно, что, пробывъ нѣкоторое время въ ученикахъ, подобно тому какъ во времена Амбруаза Паре́ обучались хирурги-цирульники, Діоскоридъ поступилъ на службу въ римскіе легіоны въ качествѣ врача, или хирурга. Въ его время, Малая Азія была подъ владычествомъ римлянъ, а извѣстно, что въ ихъ войскахъ при каждомъ легіонѣ были врачи-хирурги. Весьма вѣроятно, что на такого рода службѣ Діоскоридъ находился всю свою жизнь. Благодаря многочисленнымъ путешествіямъ, которыя онъ сдѣлалъ, слѣдуя за римскими легіонами, ему удалось собрать матеріалы для своего обширнаго сочиненія.

Благодаря этимъ же занятіямъ, онъ имѣлъ случай сблизиться довольно коротко съ Ареемъ *(Areus Asclepiades)* и другимъ важнымъ лицомъ, котораго онъ называетъ Ликаніемъ Бассомъ:

„Не малымъ свидѣтельствомъ прямодушія твоего нрава, говоритъ онъ Арею, служитъ рѣдкая привязанность, которую чувствуетъ къ тебѣ благородный и достойный Ликаній Бассъ. Мнѣ удобно судить объ этомъ, завѣчая, какъ вы вмѣстѣ живете, и существующую между вами взаимную благосклонность, которой можно позавидовать“.

Судя по слѣдующему отрывку, Арей былъ врачъ, знавшій и съ успѣхомъ прилагавшій врачебное искусство, и занимавшій должность, высшую противъ Діоскорида.

„Вслѣдствіе твоихъ убѣжденій, пишетъ ему Діоскоридъ, сталъ я писать это сочиненіе, тебѣ посвящаемое; умоляю тебя милостиво принять его, какъ свидѣтельство благодарности, которую я чувствую за всѣ доказательства благосклонности, оказанныя мнѣ тобою. Въ твоемъ характерѣ быть другомъ всѣхъ, кто занимается наукой, особенно же тѣхъ, кто практиковалъ вмѣстѣ съ тобою, и въ частности моимъ, потому что ты считаешь меня старымъ товарищемъ“.

Тонъ и выраженія, которыя въ этомъ мѣстѣ употребляетъ Діоскоридъ, обращаясь къ Арею, показываютъ, что этотъ по-

слѣдній, нѣкогда его школьный товарищъ и другъ, сдѣлался его покровителемъ. Этотъ Арей, греческій врачъ, или греческаго происхожденія, какъ указываетъ его имя, должно быть былъ медикомъ, или другомъ римскаго патриція Ликанія Басса, лица высокопоставленнаго, безъ сомнѣнія начальствовавшаго въ войскѣ.

Діоскоридъ проходилъ съ римскими легіонами по странамъ, бывшимъ тогда подъ ихъ властью. Онъ совершалъ эти переходы въ качествѣ военнаго врача въ царствованіе Клавдія. [1]) Онъ былъ въ Египтѣ. Онъ описалъ тамошнія растенія и обозначилъ ихъ именами, подъ которыми они были извѣстны египетскимъ жрецамъ или поэтамъ. Шпренгель считаетъ за весьма вѣроятное, что онъ посѣщалъ знаменитую александрійскую школу, которую посѣщать было за обычай у ученыхъ врачей. Онъ объѣхалъ также Италію, ибо, говоря о различныхъ врачебныхъ дѣйствіяхъ молока, онъ замѣчаетъ: „Таковы наблюденія, сдѣланныя нами лично въ горахъ Италіи, и т. д:“

Достовѣрно, что онъ былъ въ Галліи, Испаніи, Африкѣ; ибо къ греческимъ именамъ, которымъ онъ обозначаетъ растенія, водящіяся въ разныхъ земляхъ, онъ прибавляетъ туземныя названія растеній, которыя ему случалось наблюдать на мѣстѣ. Если тоже растеніе встрѣчается и въ Африкѣ, и въ Испаніи и т. д., онъ даетъ ему африканское, испанское названіе.

„Но, прибавляетъ Шпренгель, во времена Діоскорида Велико-Британія и Германія еще не подпали подъ римское владычество, а потому нашъ медикъ-ботаникъ ни разу не упоминаетъ объ этихъ двухъ странахъ.

И такъ, Діоскоридъ говоритъ только о тѣхъ странахъ, гдѣ онъ бывалъ.

Въ его время было два рода медицинскихъ училищъ: одни, какъ то, откуда вышелъ Галенъ, предназначались для обширнаго образованія, были истинно-учеными съ философской и словесной точки зрѣнія; другія, чуждыя всякимъ теоретически-доктринальнымъ вопросамъ, ограничивали все искусство практикой и опытными результатами. И въ наше время эти двѣ школы существу-

---

[1]) Medicum militarem fuisse ac stipendia Claudio imperante fecisse. (Sprengel, Praef. ad Diosc., p. XI).

итъ въ медицинѣ. Діоскоридъ принадлежалъ къ послѣдней. Можно даже предположить, что онъ образовалъ самъ себя, какъ позже въ эпоху Возрожденія образовали самихъ себя Парацельсъ, Амбруазъ Паре́ и нѣкоторые другіе, между которыми и имъ, не смотря на различіе вѣка и происхожденія, оказалось бы, можетъ быть, больше сходства, еслибъ были извѣстны главныя обстоятельства его жизни. При внимательномъ чтеніи его сочиненія, нельзя не замѣтить, что Діоскоридъ рѣшительно не принадлежалъ ни къ какой ученой сектѣ, но что онъ, повидимому, кое-что позаимствввовалъ отъ каждой изъ нихъ. Новое доказательство, что онъ не учился ни въ одной изъ большихъ медицинскихъ школъ своего времени.

Діоскоридъ ничего не говоритъ о себѣ въ своей книгѣ, и даже называетъ страны, въ которыхъ бывалъ только для того, чтобъ означить мѣсто нахожденія описываемаго имъ вещества. Онъ говоритъ въ предисловіи, какъ уже замѣчено, что изученіе врачебныхъ веществъ было для него нѣкотораго рода страстью. Эта страсть, кажется, не покидала его всю жизнь. Вездѣ, гдѣ онъ бывалъ, онъ, исполнивъ свои обязанности, спѣшилъ изучать на поляхъ растенія и минералы, или посѣщать москательщиковъ и аптекарей. Изъ этого можно заключить, что у него были скромныя требованія, здоровый и крѣпкій темпераментъ, и что знакомства у него были не очень обширны. Въ своемъ сочиненіи, онъ рѣшительно ничего не говоритъ о своихъ знакомствахъ, и не упомяни онъ объ Ареѣ и Бассѣ, можно бы подумать, что вся его жизнь протекла въ уединеніи.

„Ты зналъ мою военную жизнь", говоритъ онъ Арею [1]). Какъ зналъ объ этомъ Арей? Потому-ли, что Діоскоридъ разсказывалъ ему объ этомъ, или потому, что они вмѣстѣ служили въ римскихъ легіонахъ?

Ни одинъ изъ нихъ, кажется, не былъ въ связяхъ ни съ однимъ современнымъ, извѣстнымъ писателемъ, сочиненія котораго дошли бы до насъ. Потому-то невозможны никакія догадки на счетъ ихъ личности.

Также невѣроятно, чтобы Діоскоридъ думалъ когда-либо писать записки или отчетъ о путешествіяхъ. Его тяжелый, непра-

[1]) Militarem enim nostram nosti.

вильный слогъ, его малая литературная образованность не указываютъ ни на плодовитое воображеніе, ни на стремленіе писать. Занимая подчиненное положеніе въ этомъ громадномъ хаосѣ римскаго міра, гдѣ только сенаторы и бывшіе консулы, стоящіе во главѣ правленія или войска, могли надѣяться пріобрѣсти славу, Діоскоридъ, безъ сомнѣнія, не разсчитывалъ на извѣстность и вѣроятно не мечталъ даже о ней. А ему было суждено сдѣлаться однимъ изъ славнѣйшихъ людей ученаго міра! Въ продолженіи шестнадцати столѣтій, поставленный на нѣкотораго рода пьедесталъ, онъ считался первымъ писателемъ въ своемъ родѣ, то есть въ наукѣ о врачебныхъ веществахъ (фармакологіи).

Мы не знаемъ также, гдѣ поселился Діоскоридъ, окончивъ свои походы. Можетъ быть, возможно бы было сдѣлать нѣкоторыя предположенія на этотъ счетъ, еслибъ точно знать, гдѣ жилъ его другъ Арей. Но и это неизвѣстно, какъ неизвѣстно ничего личнаго о нашемъ писателѣ.

Одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ Діоскорида былъ сдѣланъ для Юліи Аниціи, дочери Олибрія, который въ VI вѣкѣ сидѣлъ на престолѣ Западной Имперіи. Въ этомъ спискѣ находятся изображенія растеній, а также портреты знаменитыхъ древнихъ врачей. Портретъ Діоскорида встрѣчается въ немъ дважды. Сходство обоихъ изображеній показалось Висконти ручательствомъ за ихъ вѣрность, и онъ помѣстилъ ихъ въ своей *Греческой Иконографіи*.

Мы воспроизводимъ, при этой страницѣ, рисунокъ этой рукописи, на которомъ Діоскоридъ заставляетъ живописца срисовать корень *мандрагоры*. Символическая фигура въ глубинѣ картины — богиня Изобрѣтательности (Ευρεσις), какъ указываетъ находящаяся подъ нею подпись. Портретъ Діоскорида, находящійся во главѣ нашей біографіи, взятъ изъ той же рукописи, принадлежащей нынѣ императорской вѣнской библіотекѣ.

Плиній и Діоскоридъ были современниками, и, по Шпренгелю, у Плинія болѣе двухъ сотъ мѣстъ какъ будто слово въ слово взяты у Діоскорида. Часто предлагали вопросъ, кто у кого списалъ, не назвавъ имени автора?

Мы отвѣтимъ, что они не списывали другъ у друга, а оба заимствовали изъ одного источника. Но между обоими этими писателями по крайней мѣрѣ та разница, что Плиній, откровенно

сознаваясь, что онъ дѣлаетъ просто компиляцію, обыкновенно очень вѣрно указываетъ на источники, изъ коихъ заимствовалъ, между тѣмъ какъ Діоскоридъ порою, кажется, желаетъ скрыть ихъ. Если онъ ссылается на многихъ авторовъ, напримѣръ, на Кратеваса, Еразистрата, Ираклида тарентскаго изъ древнихъ; Басса, Тилея, Ницерата, Петронія, Нигера, Діодота изъ современниковъ, то для того, чтобы осудить ихъ. Полагаютъ, что изъ этихъ авторовъ, Плиній и Діоскоридъ болѣе всего заимствовали изъ Секстія Нигера. Плиній много разъ ссылается на Нигера, и приводимыя имъ мѣста изъ этого автора согласуются съ находящимися у Діоскорида.

Впрочемъ, весьма возможно, что Діоскоридъ и Плиній, одинъ грекъ, другой римлянинъ, одинъ жившій въ Римѣ, а другой въ Азіи, вовсе не знали другъ друга, хотя были современниками. Намъ кажется, что Діоскоридъ былъ немного старше Плинія, хотя весьма ученые авторы полагаютъ противное. Діоскоридъ, конечно, слышалъ о Плиніи, который былъ важнымъ лицомъ въ Римѣ; но какъ могъ знать Плиній неизвѣстнаго военнаго хирурга, знакомаго съ немногими, столь же незначительными, какъ самъ, лицами? Въ книгѣ Діоскорида нѣтъ ровно ничего, что могло бы заинтересовать чувство или воображеніе съ литературной или поэтической стороны. Безъ всякой философской мысли, имѣя предметомъ только практическую спеціальность врачебнаго искусства, эта книга во времена, когда книгопечатаніе не было извѣстно, должна была распространяться съ чрезвычайной медленностію, и весьма вѣроятно, что Плиній не зналъ даже о ея существованіи. Съ другой стороны, Діоскоридъ не находился въ положеніи, которое позволяло бы ему легко добыть себѣ сочиненія Плинія, ибо онѣ были обнародованы только въ концѣ жизни этого послѣдняго, въ царствованіе Тита.

Итакъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Діоскоридъ и Плиній не переписывали другъ друга. Оба только черпали изъ Нигера, какъ и Нигеръ, безъ сомнѣнія, заимствовалъ у кого-нибудь другаго.

Впрочемъ, заимствовали Плиній и Діоскоридъ у Секстія Нигера, на котораго они ссылаются, или у другихъ, на которыхъ не ссылаются,—не все ли равно? Великая разница между обоими этими писателями въ томъ, что Плиній болѣе довѣрчивъ и меньше

остороженъ, потому что менѣе знающъ, безъ критики принимаетъ самыя странныя мнѣнія, и часто къ здравымъ размышленіямъ примѣшиваетъ невѣроятные предразсудки; Діоскоридъ же значительно осторожнѣе, ничего не принимаетъ и не отвергаетъ безъ изслѣдованія. Ошибается онъ не вслѣдствіе своей довѣрчивости, но потому, что принимаетъ за истинный фактъ, котораго самъ не могъ наблюдать и который только что вѣроятенъ. Далѣе, Діоскоридъ не увеличиваетъ объема своей книги, какъ Плиній, не приводитъ нелѣпыхъ басенъ, не дастъ безконечнаго списка бабьихъ средствъ, не разсказываетъ о бредняхъ астрономовъ и волшебниковъ, о мнимой цѣлебности множества веществъ.

Чтобы восполнить и повторить вкратцѣ всѣ предъидущія подробности, а также дать понятіе о книгѣ Діоскорида *de Materia medica*, мы приводимъ предисловіе самого автора къ этому сочиненію.

„Милый Арей, говоритъ Діоскоридъ, уже многіе авторы, не только древніе, но и новѣйшіе (recentiores), съ великимъ тщаніемъ и даже съ извѣстнымъ авторитетомъ писали о приготовленіи лекарствъ, а потому я постараюсь доказать тебѣ, что не безъ причины и не безъ пользы сталъ я писать это сочиненіе. Дѣйствительно, древніе ничего не окончили въ этомъ родѣ и не оставили ничего полнаго; что до другихъ, то они только передали простые разсказы, слышанные ими. Ибо Іоласъ Виѳинецъ и Иракдидъ Тарентскій, умолчавшіе о всемъ относящемся къ ботаникѣ и совершенно позабывшіе объ ароматическихъ веществахъ и металлахъ, могли по этой самой причинѣ только слегка коснуться науки фармакологіи (de Materia medica); Кратевасъ, ботаникъ, и Андреасъ, врачъ, которые слывутъ знающими болѣе другихъ о врачебныхъ веществахъ и занимавшимися болѣе тщательно этимъ дѣломъ, оставили безъ описанія или безъ достаточнаго обозначенія нѣкоторыя растенія и большое число необыкновенно полезныхъ корней. Отдадимъ однако древнимъ ту справедливость, что немногое, оставленное ими объ этомъ предметѣ, тщательно обработано. Что же касается до появившихся позже, между которыми находятся Бассъ, Тилей, Ніуратъ Петроній, Нигеръ и Діодотъ и всѣ Асклепіады, то я ихъ вмало не одобряю. Они, правда, полагали, что предметъ, съ которымъ всякій болѣе или менѣе знакомъ, достоинъ въ нѣкоторой степени изящнаго изложенія; но они только бѣгло говорили о значеніи лекарствъ и о критикѣ или замѣчаніяхъ, къ которымъ эти лекарства могли дать поводъ; они говорили объ ихъ дѣйствительности, не доказавъ ея опытомъ; но въ замѣнъ этого, возвышаясь по поводу любаго лекарства до различныхъ соображеній на счетъ частичныхъ различій, они по поводу причинъ насказали множество порожнихъ словъ, смѣшивая всѣ лекарства одни съ другими.

Въ самомъ дѣлѣ, Нигеръ, хоти считается искуснѣе всѣхъ, смѣшиваетъ сокъ молочая съ сокомъ другаго растенія, водящагося въ Италіи; онъ утверждаетъ, что андрозомонъ (androsomon) и звѣробой одно и тоже растеніе, и что ископаемый сабуръ находится въ Іудеѣ (aloën autem fossilem in Judaea nasci). Онъ говоритъ много

другихъ подобныхъ вещей, очевидно, противныхъ истинѣ. Это доказываетъ, что онъ говоритъ не какъ человѣкъ, искавшій самъ просвѣтиться, но какъ писатель, разсказывающій, на основаніи невѣрнаго слышаннаго имъ свѣдѣнія, о вещахъ, которыхъ иначе не могъ узнать.

„Они также увлекались избраннымъ ими способомъ изложенія, при чемъ одни желали сблизить врачебныя свойства, не имѣющія между собою никакого отношенія; другіе же, слѣдуя порядку принциповъ, ошибались, отдѣляя отъ близкихъ имъ тѣ роды и свойства, которые желали утвердить въ памяти читателя.

„Что касается до меня, то съ самой юности я чувствовалъ страсть изучать врачебныя вещества. Объѣхавъ множество странъ, какъ тебѣ извѣстно, ибо ты зналъ мою военную жизнь, я рѣшился, уступая твоимъ требованіямъ, написать сочиненіе въ пяти книгахъ. Это-то сочиненіе я тебѣ посвящаю, и прошу тебя принять его, какъ свидѣтельство моей благодарности, признательности за твою благосклонность и доброту ко мнѣ. Въ тебѣ есть природная привѣтливость, которую возвысило отличное воспитаніе; ты показалъ ее относительно всѣхъ образованныхъ людей, и особенно тѣхъ, кто занимается однимъ съ тобою искусствомъ. Но во сколько разъ болѣе ты оказывалъ ее относительно меня, твоего друга. И, далѣе, рѣдкая привязанность, которую оказывало тебѣ лицо значительное, Ликаній Бассъ, служитъ не малымъ доказательствомъ прямодушія твоего нрава, и эта привязанность для меня очевидна, когда я вижу, какъ вы живете вмѣстѣ, и достойную зависти, взаимную благосклонность, царствующую между вами.

„Ты и другіе требовали отъ меня этого сочиненія, и я желаю, чтобы всѣ, кто будетъ читать его, обращали вниманіе не на мой слогъ, но болѣе на мое прилежаніе въ изысканіи и въ изученіи самихъ вещей. Ибо, наблюдая лично и съ величайшимъ тщаніемъ большинство предметовъ, я убѣдился изъ исторіи, что относительно однихъ я былъ въ полномъ согласіи со всѣми, и что относительно другихъ я не могъ ничего лучшаго сдѣлать, какъ довѣриться внимательному изученію, сдѣланному лицами весьма свѣдущими въ этихъ вещахъ. Чтобы воспользоваться и тѣмъ и другимъ въ различномъ порядкѣ, я съ одной стороны описываю роды, а съ другой ихъ свойства.

„Необходимо, чтобы наука о лекарствахъ стала очевидной для всѣхъ, а для того важно, чтобы въ цѣломъ всякая вещь была связана съ другими такимъ образомъ, чтобы по своей связи, всѣ различныя части искусства взаимно поддерживали бы другъ друга.

„Искусство, заключающееся въ изготовленіи препаратовъ и смѣсей, утвержденныхъ опыткомъ и предписываемыхъ противъ болѣзней, можетъ само получить новое развитіе; знаніе простыхъ врачебныхъ веществъ много способствуетъ этому.

„Прежде всего, должно изслѣдовать, въ какое время каждое вещество должно быть собираемо, или оставляемо. Лекарства хорошо дѣйствуютъ, или совершенно безполезны смотря по часу и времени. Весьма разны мнѣнія на счетъ совокупности метеорологическихъ обстоятельствъ, когда слѣдуетъ ихъ собирать. Удобнѣе ли для этого погода ясная, сухая или дождливая, когда атмосфера возмущена до глубины? Точно также, относительно мѣстъ, гдѣ слѣдуетъ собирать, на возвышенныхъ ли, гористыхъ, открытыхъ для вѣтровъ и, стало быть, сухихъ и холодныхъ мѣстахъ? Извѣстно, что въ этомъ случаѣ врачебныя свойства должны быть сильнѣе. Собираемыя но влажныхъ долинахъ, отѣняемыхъ, въ защитѣ отъ вѣтровъ, сильною растительностію, обыкновенно обильнѣе по количеству, но слабѣе. Также, если вещества собраны не въ достодолжное время, то не измѣняются ли они и не портятся ли, именно

по причинѣ своей слабости? Слѣдуетъ еще знать, что развитіе растеній иногда запаздываетъ, иногда ускорнется, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ и природѣ почвы, и смотря по суровости времени года. Нѣкоторыя также, въ силу замѣчательнаго свойства ихъ природы, производятъ листья и цвѣты зимою. Есть также такія, что цвѣтутъ дважды въ годъ.

„Желающій пріобрѣсти обширныя познанія на этотъ счетъ долженъ сперва самъ, не отлагая, заняться опытами и наблюденіями; онъ долженъ изыскать, какъ растенія проростаютъ и выходятъ изъ земли; какъ они возрастаютъ и развиваются и затѣмъ, какъ обратнымъ ходомъ они умаляются и погибаютъ. Кто не наблюдалъ усидчиво, какъ прорастаетъ какое-нибудь растеніе, не узнаетъ его, когда оно выростетъ; а тотъ, кто не наблюдалъ развитія растенія, не узнаетъ растенія того же рода, которое только-что выходитъ изъ земли. Ботаники впадали въ великія ошибки именно потому, что не тщательно наблюдали всѣ существенныя подробности и послѣдовательныя измѣненія въ величинѣ и наружномъ видѣ листьевъ, стеблей, цвѣтовъ и плодовъ, и всѣхъ другихъ отличительныхъ видовыхъ свойствъ. Отсюда, безъ сомнѣнія, происходитъ то, что различные писатели ошибались, утверждая, что у нѣкоторыхъ растеній нѣтъ ни стеблей, ни цвѣтовъ, какъ напр. относительно злака (gramen), бѣлокопытника, пятилистника.

„Итакъ, чтобъ получить достаточное предварительное понятіе о растительномъ царствѣ, необходимо также наблюдать много растеній во множествѣ различныхъ мѣстъ. Далѣе, слѣдуетъ знать, что между лекарственными веществами, извлекаемыми изъ растеній, есть такія, которыми можно пользоваться нѣсколько лѣтъ, напр. извлекаемыми изъ бѣлаго и чернаго геллебора, и другія, которыми можно пользоваться даже въ продолженіи трехъ лѣтъ. (Здѣсь Діоскоридъ называетъ различные виды растеній, напр. stoechas (родъ лаванда), chamaedrys, polium, полынь (absinthium) исопъ и т. д. и многія другія, зерна которыхъ слѣдуетъ, по его словамъ, собирать). Плоды слѣдуетъ собирать спѣлыми, когда они еще не упали, а зерна, когда они начинаютъ сохнуть. Сокъ изъ листьевъ и травъ слѣдуетъ извлекать, когда развитіе ствола еще ново. Нарѣзы дѣлать на совершенно образовавшихся стволахъ, и получать изъ нихъ жидкость, сгустившуюся въ капляхъ. Есть корни, которые слѣдуетъ сберегать, или для извлеченія изъ нихъ сока, или для снятія съ нихъ коры, и именно въ то время, когда растенія начинаютъ ронять листья. Если они совершенно годны, то ихъ немедленно слѣдуетъ класть въ мѣсто, гдѣ они могутъ высохнуть. Если же не готовы, то надо ихъ сперва вымыть, чтобы очистить отъ налипшей на нихъ земли, и затѣмъ положить въ сухое мѣсто. Слѣдуетъ складывать въ сухія липовыя корзинки собранные цвѣты и пахучія вещества. Нѣкоторыя слѣдуетъ обертывать листьями и бумагой и сохранять сѣмена ихъ для посѣва. Для сохраненія лекарствъ, особенно жидкихъ, требуются болѣе плотныя оболочки. Для этого употребляются ящики или сосуды, стеклянные, серебряные или роговые. Годна также горчешная глина, хотя она и не очень плотна; дерево, особенно буковое, предпочтительнѣе. Мѣдные сосуды лучше годны для сохраненія всѣхъ жидкихъ лекарствъ, веществъ, употребляемыхъ окулистами, и всѣхъ тѣхъ, куда входитъ уксусъ, жидкая смола или кедровая эссенція. Жирныя же вещества, каковы напр. костяные мозги, лучше держать въ оловянныхъ сосудахъ."

Это предисловіе, или вѣрнѣе введеніе указываетъ сразу и планъ сочиненія Діоскорида, и предположенную себѣ авторомъ цѣль. Это,

собственно говоря, не спеціальное ботаническое сочиненіе; это трактатъ о *врачебныхъ веществахъ* (фармакологія). Каждая изъ пяти книгъ раздѣлена на главы. Заглавіе каждой главы—названіе описываемаго вещества; предисловіе каждой книги—краткій перечень; всѣ они посвящены Арею.

Говоря о какомъ-либо веществѣ, Діоскоридъ, во-первыхъ, исчисляетъ различныя названія его по мѣстностямъ и языкамъ: кельтійское, египетское, дакійское, еврейское, этрусское, латинское и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ краткое описаніе предмета. Иногда предметъ сравнивается съ другими въ цѣломъ, или въ различныхъ частяхъ. Иногда авторъ не указываетъ ни на одинъ признакъ, по которому данное вещество можно отличить отъ другихъ; онъ довольствуется замѣчаніемъ, что оно столь извѣстно, что можно и не описывать его, и прямо переходитъ къ изложенію его врачебныхъ свойствъ. Его описанія чаще не удовлетворительны. Напримѣръ:

„Поручейникъ (Sium, зонтичное растеніе) растетъ въ водѣ; онъ вѣтвистъ, прямъ, толстъ, съ широкими, пахучими листьями, похожими на листья сельдерея. Тимбра растетъ на паровыхъ поляхъ; походитъ на садовую мяту, только пахучѣе, и листья у нея шире. Амми (зонтичное растеніе) часто встрѣчается; сѣмя у него маленькое, мельче, чѣмъ у тмина (африканское зонтичное растеніе).

При помощи ботанической географіи и названій, новѣйшіе комментаторы болѣе шести сотъ описанныхъ Діоскоридомъ растеній перевели на современную номенклатуру. Но Діоскоридъ говоритъ не о всѣхъ растеніяхъ, обозначенныхъ Θеофрастомъ. О многихъ онъ умалчиваетъ, объ однихъ потому, что, по его словамъ, они такъ извѣстны, что излишне описывать ихъ; о другихъ потому, что не имѣютъ никакого врачебнаго свойства:

„Классификація, основанная на такъ называемыхъ у Догматиковъ *элементарныхъ свойствахъ*, говоритъ г. А. Капъ, заставляетъ его относить къ одной категоріи простыя врачебныя вещества трехъ царствъ и лекарства сложныя. Къ любопытнымъ описаніямъ можно отнести описанія мирры, бделлія, ландана, черепковаго ревеня, майорана, асса-фетиды, аміачной смолы, опіума, скиллы (морской лукъ) и многихъ другихъ»[1].

Діоскоридъ, говоритъ о множествѣ составныхъ маслъ и винъ; объ употребленіи жженнаго рога противъ зубной боли; объ упо-

[1] Histoire de la pharmacie et de la matière medicale, p. 119, in-8. Anvers 1850.

требленіи вязовой коры въ накожныхъ болѣзняхъ; о внѣшнемъ употребленіи ѣдкаго кали и сабура противъ нѣкоторыхъ язвъ; объ употребленіи бѣлой шандры (marrubium album, растенія изъ рода губоцвѣтныхъ) противъ чахотки; мужскаго папоротника противъ глистовъ и т. д.

Онъ описываетъ также многія химическія приготовленія. Въ его время свинцовыя бѣлила получали по способу подобному теперешнему. Ртуть получали изъ киновари, прокаливая ее въ желѣзной ретортѣ съ крышкой. Въ Колофонѣ въ Греціи (откуда имя Colophane, канифоль) приготовляли родъ терпентиннаго масла, нагрѣвая въ котлѣ смолу подъ овечьимъ руномъ, повѣшеннымъ надъ котломъ. Затѣмъ, выжимали пары, скоплявшіеся въ шерсти, и такимъ образомъ получали pisseloeum, или piscis flos. Его употребляли для приготовленія пластырей, глета, и т. п. Кажется, прибавляетъ Капъ, не знали внутренняго употребленія желѣза [1]).

Діоскоридъ, какъ видно изъ предъидущаго, занимался изученіемъ растеній не съ ботанической точки зрѣнія, а съ фармакологической. Но очевидно, онъ не могъ говорить о лекарствахъ, извлекаемыхъ изъ растеній, не касаясь области ботаники, ни указывать вообще случаевъ употребленія этихъ средствъ, не касаясь врачебнаго искусства, ибо все это въ связи. Но доказательствомъ, что онъ не предполагалъ спеціально трактовать собственно ни о ботаникѣ, ни о медицинѣ, служитъ то, что онъ не входитъ въ разсмотрѣніе причинъ болѣзней, и что онъ умалчиваетъ о растеніяхъ, которымъ не приписывается никакихъ врачебныхъ свойствъ.

Нѣкоторые біографы упрекаютъ его за то, что онъ опустилъ медицинскую часть своего предмета. Чтобы, какъ слѣдуетъ, оцѣнить какое-нибудь сочиненіе, надобно отыскать точку зрѣнія автора и предположенную имъ цѣль. Діоскоридъ не желалъ написать медицинскую книгу; онъ просто составилъ фармакологію. Поэтому, нельзя упрекать его за то, что онъ не говоритъ о болѣзняхъ, къ которымъ относятся изучаемыя имъ врачебныя средства.

До Діоскорида существовали трактаты о ботаникѣ, и различныя спеціальныя сочиненія о врачебныхъ веществахъ. Почему же Арей и нѣкоторые другіе изъ его друзей упрашивали его напи-

---

[1]) Ibidem p. 192.

ДІОСКОРИДЪ ВЕЛИТЪ СРИСОВАТЬ КОРЕНЬ МАНДРАГОРЫ.
Факсимиле рисунка въ рукописи Діоскорида императорской вѣнской библіотеки.

сать сочиненіе о томъ же. Безъ сомнѣнія потому, что появившіяся до того времени сочиненія считались неполными, или неточными; потому что полагали, что Діоскоридъ, который во время своихъ долгихъ путешествій, долженъ былъ много видѣть и наблюдать, былъ въ состояніи прибавить новыя практическія свѣдѣнія къ собраннымъ его предшественниками. Дѣло шло не объ обогащеніи прежняго списка растеній нѣсколькими новыми растеніями, потому что Діоскоридъ обозначаетъ ихъ гораздо меньше, чѣмъ описалъ Ѳеофрастъ, ни о болѣе тѣсной связи ихъ съ общей системой творенія при помощи болѣе глубокаго изслѣдованія явленій ихъ существованія, потому что, совершенно напротивъ, Діоскоридъ изучаетъ ихъ каждое отдѣльно. Нѣкоторыя главы его книги состоятъ всего изъ нѣсколькихъ строкъ. Иногда, назвавъ растеніе, онъ просто прибавляетъ нѣсколько словъ, потому что по его словамъ, это растеніе очень извѣстно. Отсюда видно, какимъ образомъ Діоскоридъ могъ улучшить науку, если только справедливо, что онъ улучшилъ ее.

Намъ кажется, что Діоскоридъ предположилъ только уничтожить неточные, безполезные и посторонніе для фармакологіи факты, исправить ошибочныя мнѣнія и болѣе строгимъ образомъ поставить фармакологію въ узкія границы необходимаго и полезнаго. Эта-та практическая сторона книги Діоскорида и поразила Галена.

Задолго до Діоскорида, Аристотель и Ѳеофрастъ писали о ботаникѣ; но оба они писали, какъ философы, а не какъ врачи. Они съ очень высокой точки зрѣнія изучали различныя отношенія, образующія восходящую лѣствицу существъ трехъ царствъ. Эта метода, слишкомъ ученая для обычнаго пониманія, годилась только для избранныхъ, только для посвященныхъ учениковъ великихъ школъ древности. Кромѣ того, у грековъ, если исключить ученыхъ философовъ, обнимавшихъ въ своихъ глубокихъ изысканіяхъ всѣ явленія вселенной, только медики и аптекаря занимались растеніями, но занимались не ради изысканія общихъ законовъ органическаго царства, а чтобъ открыть, какъ они могутъ дѣйствовать на животную экономію, чтобы найти въ ихъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ свойствахъ противодѣйствующія болѣзнямъ средства.

На послѣдней точкѣ зрѣнія стоялъ и Діоскоридъ.

У него есть другое достоинство: онъ представилъ синонимы обычныхъ названій растеній въ его время у грековъ, египтянъ, евреевъ, фракійцевъ, азійскихъ грековъ и римлянъ. Этимъ онъ предуготовилъ успѣхъ, который его сочиненіе получило у разныхъ народовъ.

Благодаря успѣху между медиками, книга Діоскорида разсматривалась какъ достаточный источникъ, гдѣ можно черпать всѣ знанія, какія требуется пріобрѣсть въ наукѣ, и какъ лучшее руководство при изученіи фармакологіи.

„Во время возрожденія наукъ, говоритъ Ж. Ж. Руссо, не было ничего хорошаго и истиннаго, кромѣ заключавшагося въ Аристотелѣ и Галенѣ. Вмѣсто того, чтобы изучать растенія въ природѣ, ихъ изучали только по Плинію и Діоскориду; нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ встрѣтить у современнаго писателя, отрицаніе существованія даннаго растенія, по той единственной причинѣ, что Діоскоридъ не говоритъ о немъ. Но все-таки приходилось отыскивать въ природѣ эти „ученыя" растенія, чтобы употреблять ихъ по предписанію учителя. Тогда усердствовали, начинали искать, наблюдать, догадываться; и каждый старался употребить всѣ усилія, чтобы найти въ избранномъ растеніи свойства, описанныя у любимаго автора; и такъ какъ переводчики, коментаторы, практики рѣдко согласовались въ выборѣ, то одному растенію надавали двадцать именъ и двадцати растеніямъ одно имя и т. д. [1]".

Ѳеофрастъ имѣлъ общій взглядъ на систему природы. Онъ рисуетъ предметы, не какъ отдѣльные, но какъ существенно связанные съ другими въ одно цѣлое, безконечно разнообразными отношеніями. Онъ писалъ для очень образованныхъ людей, для философовъ; и его сочиненіе, безполезное для дюжинныхъ людей, было принадлежностью только немногихъ книгохранилищъ. Діоскоридъ, жившій въ гораздо менѣе просвѣщенное время, чѣмъ Ѳеофрастъ, отдѣляетъ каждый предметъ. Разсматривая его только съ медицинской точки зрѣнія, онъ описываетъ его почти такъ, какъ если бы онъ одинъ только существовалъ. Поэтому-то, практики и дюжинные люди дарятъ его своимъ вниманіемъ, и въ теченіи пятнадцати вѣковъ его сочиненіе было во всѣхъ библіотекахъ.

Діоскорида причисляли къ ботаникамъ, потому только, что большая часть описанныхъ имъ веществъ принадлежитъ расти-

---

[1]) Introduction à un fragment pour un Dictionnaire de botanique.

тельному царству; но онъ говоритъ также о различныхъ веществахъ, извлекаемыхъ изъ животнаго и минеральнаго царства.

Есть ли другія сочиненія Діоскорида, кромѣ трактата *о Врачебныхъ веществахъ* (фармакологіи)?

Сочиненіе *о Растеніяхъ* въ двадцати четырехъ книгахъ, которое Суидасъ приписываетъ нѣкоторому писателю, по имени Діоскориду, может быть тоже *Фармакологія*, изложенная въ формѣ словаря. Вещества, расположенныя въ азбучномъ порядкѣ, распредѣлены въ немъ въ столькихъ же отдѣлахъ, или книгахъ сколько буквъ въ азбукѣ, то есть въ двадцати четырехъ книгахъ.

Сочиненіе, оставшееся намъ отъ Діоскорида, содержитъ дѣйствительно только пять книгъ, и согласуется съ древнѣйшими рукописями, не исключая тѣхъ, которыми Галенъ пользовался во второмъ вѣкѣ нашей эры. Но то, что̀ говоритъ Суидасъ, не доказываетъ, что дѣйствительно существовало два различныя сочиненія о растеніяхъ, одно въ двадцати четырехъ книгахъ, другое въ пяти, каждое приписываемое Діоскориду врачу. Въ самомъ дѣлѣ, Діоскоридъ раздѣлилъ свое сочиненіе на пять книгъ; но послѣ него могло показаться удобнѣйшимъ распредѣленіе въ азбучномъ порядкѣ, а потому приняли таковое; такимъ образомъ, образовалось столько частей, или книгъ, сколько буквъ въ азбукѣ.

Приписываютъ Діоскориду другое сочиненіе подъ заглавіемъ *Alexipharmaca*. Это сочиненіе, подлинность котораго установлена, есть ничто иное какъ коментаріи на книгу Никандра, ученаго александрійской школы.

Этотъ Никандръ, врачъ, естествоиспытатель и поэтъ, современникъ Сципіона африканскаго и Павла Эмилія, говоритъ докторъ А. Филиппъ, въ своей *Исторіи аптекарей у главнѣйшихъ народовъ свѣта* [1]), написалъ много естественноисторическихъ и фармакологическихъ поэмъ. До насъ дошло только двѣ.

Въ одной, подъ заглавіемъ *Theriaca*, говоритъ Филиппъ, находится „описаніе ядовитыхъ змѣй и насѣкомыхъ, списокъ необхо-

---

[1]) Un vol. in-8. Paris, 1883, page 34.

димыхъ предосторожностей, для избѣжанія укушенія, и врачебныхъ противъ нихъ веществъ". Авторъ упоминаетъ о сорока видахъ змѣй, семи видахъ пауковъ и т. д.

Другая поэма называется *Alexipharmaca*. Въ этой авторъ говоритъ о *внутреннихъ ядахъ* (разумѣя подъ этимъ всякіе яды). Никандръ начинаетъ съ исчисленія могущихъ ядовито дѣйствовать веществъ трехъ царствъ. Онъ указываетъ ихъ дѣйствіе на животную экономію и затѣмъ переходитъ къ терапевтическимъ противъ нихъ средствамъ. Первая книга *Alexipharmaca*, говоритъ о дѣйствіи ядовъ и противуядіяхъ; во-второй говорится о бѣшенствѣ и ядовитыхъ животныхъ, и въ третей—какія средства слѣдуетъ употреблять.

Третья книга, приписываемая Діоскориду, называется *Euporista*, т. е. *средства, которыя всегда легко имѣть подъ рукою*. Это сочиненіе, конечно, апокрифъ. Авторъ, кто бы онъ ни былъ, старается доказать, что туземныя средства часто предпочтительнѣе тѣхъ, которыя за дорогую цѣну доставляются изъ отдаленныхъ странъ.

Огромную извѣстность Діоскориду доставило его сочиненіе *de Materia medica*. Галенъ отзывается о немъ постоянно съ великою похвалой. Онъ говоритъ, что до Діоскорида никто не разсматривалъ такъ хорошо растеній съ медицинской точки зрѣнія. Часто, считая себя не въ силахъ ни сдѣлать лучше, ни сравняться даже съ нимъ, Галенъ прямо переписываетъ Діоскорида. Впрочемъ, онъ иногда упрекаетъ его за неправильность выраженій [1].

Сочиненіе Діоскорида, объявленное Галеномъ за самое полное, правдивое и полезное изъ существовавшихъ о фармакологіи, быстро, благодаря этому отзыву, получило громадную извѣстность. Неудивительно, что оно въ продолженіи пятнадцати вѣковъ служило руководствомъ для фармакологическаго преподаванія и практики.

Трактатъ *de Materia medica*, послѣ Галена, былъ коментированъ Орибазомъ и Акціемъ (IV и V вѣка), Павломъ Эгинскимъ

---

[1]) Ученые эллинисты говорятъ, что слогъ Діоскорида лишенъ изящества; но они прибавляютъ, что онъ ясенъ и точенъ — важное достоинство для ученой книги.

(VII вѣка), Серапіономъ Младшимъ (X вѣка) и многими арабскими врачами.

Но изъ всѣхъ коментаріевъ на Діоскорида, наибольшую извѣстность получило сочиненіе Матіола, сіеннскаго врача. Этотъ послѣдній коментарій былъ переведенъ на латинскій, нѣмецкій, чешскій и французскій языки. Благодаря переводамъ, это сочиненіе оказывало всеобщее вліяніе на терапевтику до семнадцатаго столѣтія.

Діоскоридъ помѣщается въ исторіи знаменитыхъ врачей, не какъ первостепенный геній, но какъ авторъ книги, которая пользовалась въ продолженіи вѣковъ огромной извѣстностью въ Европѣ и части Азіи. У турокъ и арабовъ Діоскоридъ доселѣ считается великимъ авторитетомъ въ ботаникѣ и медицинѣ. Не то у цивилизованныхъ народовъ новѣйшей Европы. Однако ученый, занимающійся медициной и естественной исторіей долженъ знать, кто такой былъ этотъ Діоскоридъ, на котораго ссылались въ большинствѣ ученыхъ книгъ въ продолженіи пятнадцати столѣтій, въ Европѣ и Азіи. Надѣемся, что представленный нами біографическій очеркъ удовлетворитъ этой потребности.

ГАЛЕНЪ.

Клавдій Галенъ родился въ царствованіе императора Адріана, въ 131 или 128 г. по Р. Х., въ Пергамѣ, малоазійскомъ городѣ, столицѣ Понтійскаго царства. Послѣ Иппократа, онъ величайшій врачъ древности. Относительно его намъ не приходится сожалѣть, какъ о безсмертномъ Асклепіадѣ, о недостаткѣ свѣдѣній. Всѣ подробности его жизни мы можемъ заимствовать изъ его собственныхъ сочиненій. Не смотря на то, что многія потеряны, ихъ еще много осталось; авторъ столь пространно говоритъ о себѣ, своемъ семействѣ, учителяхъ, друзьяхъ и врагахъ, сочиненіяхъ и успѣхахъ, что не останься даже другихъ свидѣтельствъ, у насъ было бы довольно матеріала, чтобы воздвигнуть ему памятникъ, какого достоинъ его геній [1]).

---

[1]) О жизни Галена писали разные врачи прошлаго и нашего вѣка. Мы укажемъ на слѣдующія: René Chartier, *Vita Galeni*, въ греческомъ и латинскимъ изданіи собранія сочиненій Иппократа и Галена.

Ackerman: Historia litteraria, t. I.

Le Père Labbé: Claudii Galeni Elogium chronologium, Parisiis, 1660, in-12.

Garteman: Claudius Galenus. Pesth, 1832.

Eloy: Dictionnaire historique de la médecine.

Sprengel: Histoire de la médecine, t. II, chap. II.

Въ Académie de la médecine былъ любопытный диспутъ о нѣкоторыхъ чертахъ жизни Галена, по поводу сочиненія г. Фр. Дюбуа. Онъ сообщенъ въ *Bulletin de l'Académie de médecine*, t. VII, n. 8 et 9 (1841).

ГАЛЕНЪ.

По рукописи Діоскорида въ императорской библіотекѣ въ Вѣнѣ, помѣщено въ *Греческой Иконографіи* Висконти.

Отецъ Галена былъ богатый и ученый архитекторъ, по имени Никонъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ отличный человѣкъ, знатокъ словесности, кромѣ того обладавшій обширными научными свѣдѣніями. Главнѣйшимъ его занятіемъ была архитектура, но Никонъ былъ знатокъ и въ философіи, астрономіи и геометріи.

Галенъ описываетъ свою мать не съ очень лестной стороны, какъ будто желая оттѣнить отца. Онъ, впрочемъ, говоритъ, что она была хорошая хозяйка, вѣрная жена, словомъ, добродѣтельная женщина; но добродѣтель эта была нѣсколько дикаго и бранчиваго характера и гнала миръ отъ семейнаго очага. Кромѣ того, она была скуповата, своенравна и вспыльчива до того, что кусала своихъ служанокъ. Никонъ жилъ съ ней, какъ было только возможно, спокойный посреди бурь, привыкши къ семейнымъ передрягамъ и упражняясь въ терпѣніи, подобно Сократу съ Ксантипой.

Утѣшеніемъ Никона былъ сынъ. Онъ назвалъ его Галенъ (отъ γαλα, молоко), то есть *мягкій*, чтобы этимъ именемъ восполнить то, чего не доставало въ семействѣ.

Когда ребенку пришло время учиться, отецъ самъ занялся его воспитаніемъ, чтобъ внушить ему съ юности начала справедливости, безкорыстія и благоразумія. Затѣмъ, онъ поручилъ его учителямъ, славнымъ въ словесности и философіи. Въ этомъ отношеніи городъ Пергамъ, даже тогда, представлялъ отличныя средства.

Образовавшееся на развалинахъ Александровой монархіи, Понтійское царство имѣло счастье достаться образованнымъ государямъ, которые славу свою полагали въ покровительствѣ умственнымъ трудамъ. Евмены и Атталы, соперничая съ Птоломеями Египетскими, прославили свое царствованіе учрежденіями въ пользу науки и поощреніями, способнымъ привлечь и сдѣлать осѣдлыми въ ихъ владѣніяхъ писателей и ученыхъ. Атталъ, отыскавъ и скупивъ за дорогую цѣну рукописи въ азіатскихъ и греческихъ городахъ, повсюду, гдѣ образованность оставила слѣды, учредилъ

Г. Андраль, въ своемъ курсѣ исторіи медицины читаномъ въ парижскомъ университетѣ весьма искусно въ кратцѣ изложилъ труды Галена. Лекціи эти напечатаны въ *Union médicale*, въ 1841—42 г.

Г. докторъ Бушю (Bouchut) недавно напечаталъ Histoire de la médecine et des doctrines médicales (1 т., Парижъ 1864), гдѣ есть оцѣнка сочиненія Галена.

въ Пергамѣ библіотеку, которая мало чѣмъ уступала Александрійской. Во времена Галена правда этого книгохранилища уже не было въ его родномъ городѣ. Маркъ-Антоній, въ порывѣ любезности, приказалъ перевезти его въ Египетъ, въ подарокъ Клеопатрѣ. Можно полагать, что при этомъ однако было спасено не одно сокровище, и что послѣ въ нѣкоторой мѣрѣ была возстановлена потеря столькихъ ученыхъ богатствъ. Во всякомъ случаѣ, въ Пергамѣ остались ученые, преподаватели, образованная публика, любовь къ искусствамъ, литературѣ и философіи, словомъ все то, что́ долго не переводится въ большомъ городѣ, нѣкогда бывшемъ однимъ изъ важнѣйшихъ ученыхъ центровъ въ мірѣ.

Призваніе Галена къ медицинѣ обнаружилось не сразу. Сначала его занимало изученіе геометріи; тутъ было не безъ отцовскаго вліянія.

Совокупность знаній, составлявшая тогда философію, привлекла затѣмъ Галена. Философскія школы, со смерти Аристотеля, размножились тогда по всему Востоку.

Первыми учителями Галена были *Стоики*. Онъ не довольствовался устнымъ изложеніемъ ученія; онъ прочелъ сочиненія Хризиппа и другихъ знаменитѣйшихъ философовъ этой школы. Онъ разсказываетъ даже, что, не смотря на молодость, онъ старался опровергнуть или истолковать нѣкоторыя изъ ихъ положеній.

Галенъ скоро изъ этой школы перешелъ къ *Академикамъ*, которые носили еще это имя, хотя значительно уклонялись отъ началъ Сократа и Платона. Тогдашніе академики далеко не были въ согласіи между собою. Тоже замѣчаніе Галенъ прилагаетъ и къ Стоикамъ.

Безъ сомнѣнія, Никонъ помогалъ своему сыну въ произнесеніи этихъ сужденій; этотъ превосходный человѣкъ сопровождалъ сына ко всѣмъ учителямъ, стараясь оцѣнить не только ихъ ученіе, но образъ жизни и нравы.

Галенъ былъ благодаренъ отцу за такую трогательную заботливость. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ, онъ воспроизводитъ совѣты, полученные отъ мудраго Никона:

„Никогда не увлекайся слѣпо и неразумно никакой сектой; изучай долго, терпѣливо ученіе каждой изъ нихъ, и когда изучишь и проникнешь въ него, взвѣсь

его достоинство. Такимъ образомъ ты заслужишь одобреніе людей умныхъ и просвѣщенныхъ. Секты — ужасные деспоты; сдѣлаться рабомъ одной изъ нихъ, значитъ отказаться отъ всякой свободы мыслей и дѣйствій....

Онъ говорилъ еще:

„Будь правдивъ, умѣренъ, храбръ, благоразуменъ; избѣгай неумѣренныхъ желаній; прежде всего отыскивай истину; будь во всемъ вѣренъ самому себѣ, непоколебимъ въ своихъ основахъ, твердъ въ твоихъ рѣшеніяхъ; какой-бы вѣтеръ ни подулъ, не дозволяй ему увлекать себя; будь вечеромъ тѣмъ, чѣмъ былъ утромъ."

Эти мысли не состарились, ибо правда и красота неизмѣнны и не зависятъ отъ разности времени и мѣстъ. Всякій еще можетъ воспользоваться ими. Галенъ прибавляетъ:

„Отецъ научилъ меня не дорожить славой и почестями. Ни оскорбленія людей, ни ихъ несправедливости, ни потеря почестей не могутъ возмутить мира души моей. Подобныя вещи не въ силахъ совратить меня съ разумнаго пути. Я не забочусь, чтобъ нравиться людямъ. На меня не дѣйствуютъ ни лесть однихъ, ни порицаніе другихъ. Я не больше забочусь объ общемъ одобреніи, какъ о томъ, чтобы обладать всѣмъ. Что касается тѣлесныхъ благъ, то мнѣ довольно быть здоровымъ, не чувствовать голода и жажды, быть прикрытымъ отъ холода; на остальное я не обращаю вниманія."

Галенъ, желая изучить всѣ философскія мнѣнія, которыя пользовались уваженіемъ въ его время, сталъ слушать уроки *перипатетиковъ;* онъ нашелъ, что они послѣдовательнѣе и не столь разногласятъ между собою, какъ первые его учители.

Нѣкоторое время онъ посѣщалъ также *эпикурейцевъ,* которыхъ ученіе отвергъ совершенно. Что до другихъ сектъ, то мы видѣли, что онъ иначе судилъ о нихъ; онъ увѣряетъ, что извлекъ изъ нихъ равную пользу, принимая отъ каждой то, что считалъ наилучшимъ.

Мы полагаемъ, что въ этомъ выборѣ его руководилъ всегда отецъ; стало быть, онъ принадлежалъ къ *эклектикамъ,* но онъ ничего не говоритъ объ этой философской сектѣ.

Галенъ говоритъ еще, что онъ хорошо зналъ ариѳметику, геометрію и логику.

Этотъ семнадцати-лѣтній юноша былъ, слѣдовательно, хорошо приготовленъ! Тогда онъ предался изученію медицины. Какія обстоятельства побудили его къ этому?

Сны играютъ великую роль въ жизни Галена. Мы увидимъ, что во снѣ онъ получилъ совѣтъ бѣжать изъ Рима. Эскулапъ явился ему во снѣ, чтобъ отсовѣтовать ему сопровождать императора Марка Аврелія во время германской войны. Эскулапъ также явился ему, чтобъ прописать средство противъ внутренней мучившей его болѣзни, и онъ вылѣчился.

На сей разъ, сонъ, присовѣтовавшій ему заняться врачебнымъ искусствомъ, приснился не лично ему, а его отцу Никону.

Ни отецъ, ни сынъ не считали себя въ правѣ противиться такому приказанію. Юный Галенъ сталъ изучать врачебное искусство, но по совѣту Никона не бросилъ совсѣмъ философіи.

Учителей врачебнаго искусства было въ то время не меньше учителей философіи; и они на столько же уклонились отъ Иппократа, какъ философы отъ Платона и Аристотеля. Въ продолженіе долгаго времени не являлось геніальныхъ людей, которые могли бы поддержать врачебное искусство на той высотѣ, на какую вознесли его великіе люди Периклова вѣка; оно быстро падало, и въ своемъ паденіи раздробилось и разбилось на множество системокъ, узкихъ и исключительныхъ, которыя породили столько же школъ; въ каждой школѣ были свои главы и ученики. Мы разсмотримъ вкратцѣ медицинскія школы, существовавшія въ Греціи и Малой Азіи въ то время, какъ явился Галенъ.

Во-первыхъ существовала *методическая* школа, ведшая свое начало отъ Эрасистрата, внука Аристотеля, и считавшая вторымъ своимъ основателемъ Ѳемисона Виѳинскаго, знаменитѣйшаго изъ учениковъ Асклепіада. Эта школа славилась больше всѣхъ во времена Галена, и ея господство длилось около четырехъ сотъ лѣтъ. *Методики* считали изысканіе причинъ пустымъ дѣломъ и изъ системы пренебрегали, потому что оно по ихъ мнѣнію основывалось на слишкомъ сомнительныхъ данныхъ. Они ограничивались во всякомъ болѣзненномъ состояніи отысканіемъ аналогій и признаковъ, общихъ многимъ болѣзнямъ. Все ихъ ученіе основывалось на этихъ общихъ аналогіяхъ.

Догматики признавали своимъ главою Иппократа, потому что онъ научилъ врачей обсуждать опытъ, который притомъ считалъ за основу науки. Они весьма остроумно поддерживали противъ *эмпириковъ* мнѣніе, что безъ помощи разума нельзя производить точныхъ

опытовъ, ни извлекать наведеній, которыя должны направлять медицинскую практику. Для нихъ было недостаточно характеризовать болѣзнь совпаденіемъ случаевъ, опредѣляющихъ родъ болѣзни; они хотѣли еще знать причину этихъ случаевъ, и полагали, что наука преимущественно заключается въ этомъ изысканіи.

Догматики приписывали также большую важность анатоміи, которую считали за существенную для врачебнаго искусства приготовительную науку. По ихъ мнѣнію, никто не долженъ заниматься этимъ искусствомъ, если предварительно не изучилъ строенія человѣческаго тѣла, мѣста и относительнаго положенія его различныхъ частей.

Догматизмъ, въ такомъ смыслѣ, является системой, которая болѣе или менѣе ясно господствовала въ практикѣ всѣхъ великихъ врачей. Но эта первичная школа подраздѣлялась, и всякій учитель прибавлялъ свое къ системѣ. Существовало и ученіе Эзофила, и ученіе Эрасистрата, и ученіе Асклепіада; всѣ трое имѣли притязаніе продолжать и развивать ученіе Гиппократа и причислялись къ *догматикамъ*, хотя ихъ трудно было согласить между собою. Ихъ ученики совершенно измѣнили сущность системы отведя слишкомъ большое мѣсто разсужденіямъ. Они пустились въ тонкости, запутались въ пустыхъ предположеніяхъ о тайныхъ причинахъ болѣзней. Въ тоже время пренебрегали видимыми причинами. Больной становился предметомъ безконечныхъ споровъ и столь противорѣчивыхъ разсужденій, что самые простые случаи становились нерѣшительными и затрудняли практику въ выборѣ лекарства.

Такова была исторія этой школы до ея поглощенія школой *пневматиковъ*, которые сообщили ей свой основной принципъ.

Догматики уже назвались *пневматиками* въ то время, когда методики достигли вершины своей славы и извѣстности. *Пневматики* принимали начало невещественной природы, нѣкій духъ (πνευμα), дѣйствіе котораго внутри тѣла опредѣляло здоровье, или болѣзнь. Зародышъ этого ученія можно найти еще у Платона и особенно у Аристотеля, описавшаго даже пути, которыми эта *пневма* вводится въ кровь. Отъ Аристотеля *пневма* перешла

къ стоикамъ, которые ей вліяніемъ объясняли тѣлесныя отправленія.

По этому невещественному жизненному началу, пневматики могутъ быть разсматриваемы какъ родоначальники современныхъ медиковъ *виталистовъ*.

Не смотря на вліяніе, которое они приписывали *пневмѣ* въ произведеніи болѣзней, эти ученые приписывали также великое значеніе смѣшенію и равновѣсію влагъ.

Пневмато-догматическая школа оказала великія услуги патологіи, открывъ много новыхъ болѣзней, хотя ее можно упрекнуть за чрезмѣрную дробность въ этомъ случаѣ. Пневматики, полагая, что діалектика была необходима для успѣха науки вообще, чрезмѣрно занимались ею. Они также пріобрѣли привычку спорить и придавать словамъ тонкое значеніе, вслѣдствіе чего потеряли изъ виду изученіе вещей. Если они имѣли страсть догматизировать до слиянія съ догматиками, то послѣ этого сліянія этотъ недостатокъ долженъ былъ чрезмѣрно увеличиться.

Пневматики признавали своимъ главой Аѳенея изъ Атталіи въ Киликіи; по словамъ Галена, единственно онъ можетъ быть названъ пневматикомъ въ строгомъ смыслѣ слова.

Аѳеней практиковалъ въ Римѣ и былъ въ большой славѣ.

Ученики Аѳенея постепенно уклонились отъ началъ учителя. Одни приблизились еще больше къ методикамъ, другіе—къ эмпирикамъ. Такимъ образомъ, выродившаяся школа называлась то *эклектической*, или *пневмато-эклектической*, то *эписинтетической*.

Замѣтимъ, что это сліяніе медицинскихъ школъ было порождено сліяніемъ школъ философскихъ. Анархія въ главной наукѣ, то есть въ философіи, предшествовала и опредѣлила безпорядокъ въ частныхъ наукахъ. Всѣ науки, впрочемъ, погибали вслѣдствіе того же недостатка, избытка діалектики, которая заставляла забывать о вещахъ ради словъ, и породила, начиная съ этого времени, истинную схоластику.

При этомъ плачевномъ состояніи школъ, порой однако появлялись люди высокихъ дарованій. Таковъ былъ Аретей Каппадокійскій, котораго Кювье считаетъ за величайшаго послѣ Гиппократа врача древности, и который неоспоримо былъ однимъ изъ лучшихъ медицинскихъ писателей.

ГАЛЕНЪ ПОДАЕТЪ ПОМОЩЬ ГЛАДІАТОРУ, РАНЕННОМУ ВЪ ПЕРГАМСКОМЪ КОЛИЗЕѢ.

Аретей, кажется, жилъ при Неронѣ. На это указываетъ тотъ фактъ, что онъ говоритъ о лекарствахъ, приготовленныхъ Андромахомъ, врачемъ Нерона и авторомъ поэмы о *Теріакѣ*. Аретей, стало быть, былъ современникомъ Плинія естествоиспытателя. Вѣроятно также, что онъ жилъ въ Италіи, ибо часто упоминаетъ о винахъ Фалерна и другихъ мѣстъ Италіи. Удивительно поэтому, что ни Плиній, ни самъ Галенъ ни слова не говорятъ объ этомъ славномъ человѣкѣ.

„Эти странныя умалчанія, замѣчаетъ Кювье, доказываютъ рѣдкость библіотекъ въ то время, и объясняютъ, какимъ образомъ талантливые люди могли оставаться въ неизвѣстности въ продолженія многихъ вѣковъ.

Быть можетъ, причиною малаго числа читателей было то, что Аретей писалъ на іонійскомъ нарѣчіи.

Аретей, воспитанный на началахъ пневматиковъ, въ послѣдствіи прибавилъ къ нимъ начала школы эклектиковъ, не оставляя ученій, которыя составляли основаніе первой школы. По его мнѣнію, всѣ жизненныя явленія производятся нѣкоторымъ дыханіемъ, которое идетъ изъ легкихъ въ сердце и изъ сердца въ артеріи, разносящія *пневму* по всему тѣлу. Аретей, будучи отличнымъ анатомомъ, оставилъ весьма точное описаніе полой вены и воротной вены. Но, подобно всѣмъ другимъ пневматикамъ, онъ говорилъ, что эти вены исходятъ изъ печени,—ошибка довольно странная въ школѣ, которая связывала себя съ ученіемъ Аристотеля, ибо Аристотель зналъ и описалъ, что эти двѣ вены исходятъ изъ сердца.

Такъ какъ сердце есть фокусъ жизненной силы и души, то отъ этой оживляющей его *пневмы*, смотря по ея качествамъ, должна зависѣть большая часть болѣзней. Напримѣръ, подвздошныя страданія зависятъ отъ „холодной и бездѣйственной *пневмы*, которая, не имѣя возможности подняться ни вверхъ, ни внизъ, остается и долго вращается въ извилинахъ тонкихъ кишокъ“. Падучая болѣзнь происходитъ отъ разстроенной *пневмы*, которая приводитъ все тѣло въ безпорядочное движеніе.

Аретей часто искалъ происхожденія болѣзней и ихъ симптомовъ во внѣшней температурѣ. Оставаясь въ этомъ случаѣ вѣрнымъ ученію пневматиковъ, онъ считалъ холодъ и сухость

за причину старости и смерти, и приписывалъ холоду и влажности различныя хроническія болѣзни.

Аретей имѣлъ свѣдѣнія въ анатоміи гораздо бо́льшія, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ. Доказательствомъ этому служитъ то, какъ онъ говоритъ о болѣзняхъ. Кювье, какъ уже замѣчено, не боится сравнить его съ Гиппократомъ въ отношеніи точности описаній. Его практическіе способы леченія также весьма одобряются. Они были немногосложны и часто ограничивались предписаніемъ діеты на основаніи правилъ Гиппократа. Когда нужно было давать лекарства, Аретей употреблялъ только простыя. Это было большой оригинальностью въ то время, когда фармакологическій монстръ, *теріякъ* господствовалъ между врачебными веществами.

Эмпирики были прямо противоположны догматикамъ. Они хвалились, что превосходятъ всѣ другія школы своей древностью. Очевидно, они имѣли право на это. Первыя попытки медицины необходимо были чисто эмпирическія, а потому эмпирики могли славиться, что ведутъ свою науку древнѣе, чѣмъ отъ Гиппократа. Этого преимущества не было причины оспаривать, потому что оно не давало имъ права быть хорошими врачами. Впрочемъ, они были все-таки лучше новѣйшихъ *эмпириковъ*, которыхъ имя служитъ синонимомъ шарлатановъ, и единственная цѣль которыхъ — сбытъ лекарствъ.

У грековъ и римлянъ, особенно въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, *эмпирики* были истинными врачами. Они изгоняли изъ медицины разсужденіе и оставляли только опытъ; но это только половина гиппократовскаго ученія! По ихъ мнѣнію, знанія, основанныя на опытѣ, менѣе другихъ могли привести къ ошибкѣ. Однако истинный эмпирикъ принималъ опыты другихъ, какъ и свои собственные. Онъ собиралъ для своего употребленія описанія различныхъ болѣзней и ихъ леченія, чтобы слѣдовать имъ на практикѣ. И такъ дѣло необходилось безъ разсужденій, которыхъ такъ боялись *эмпирики*. Это, стало быть, была система, которая, подобно многимъ другимъ, сама того не зная, исправляла свои ошибки собственными противорѣчіями.

Изысканіе врачебныхъ средствъ было главной заботой *эмпириковъ*. Не боясь умножать ихъ при помощи смѣлыхъ попытокъ,

отъ которыхъ страдали только больные, они открыли и сохранили для медицины множество дѣйствительно полезныхъ лекарствъ.

Среди такой-то ученой сумятицы приходилось пробивать себѣ дорогу юному Галену, когда онъ деватнадцати лѣтъ принялся за изученіе медицины.

Анатоміи его училъ *Сатиръ*, а гиппократовской медицинѣ *Стратоникъ*. Онъ слушалъ также заклятаго эмпирика *Эсхріона*. Стало быть онъ изучалъ самыя противоположныя системы.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ колебался между противоположными школами и тщетно старался выйти на прямую дорогу.

Галену былъ двадцать одинъ годъ, когда умеръ его отецъ. Преждевременная смерть Никона, который былъ его нѣжнымъ и и опытнымъ руководителемъ,должна была еще болѣе усилить его научныя сомнѣнія. Пріобрѣтенныя имъ знанія до сихъ поръ служили только къ усиленію его умственной безурядицы. Онъ самъ говоритъ, что изучилъ столько противоположныхъ системъ, у столькихъ учителей, что необходимо впалъ-бы въ скептицизмъ, еслибъ умъ его не имѣлъ склонности къ точнымъ геометрическимъ доказательствамъ.

Богатства, доставшіяся ему въ наслѣдство отъ отца и которыя, по всей вѣроятности, скупая мать не растратила, были для него важнымъ пособіемъ въ этотъ критическій періодъ его жизни. Они позволили ему путешествовать ради пополненія образованія.

Сперва онъ отправился въ Смирну, гдѣ учился у знаменитаго анатома Пелопса. До своего отъѣзда изъ Пергама, онъ уже написалъ три сочиненія, о *Сѣченіи матки*, *Болѣзняхъ глазъ* и о *Врачебномъ опытѣ*. Онъ говоритъ, что онъ во время пребыванія своего въ Смирнѣ написалъ три другія, въ которыхъ ограничился воспроизведеніемъ началъ своего учителя.

Хотя Галенъ не обладалъ вообще скромностью, но онъ не приписываетъ никакого значенія этимъ первымъ опытамъ, потому что одно онъ подарилъ товарищу, другое нѣкоторой кормилицѣ. Но онъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ вспоминаетъ, что одно изъ этихъ сочиненій, переходя отъ одного друга къ другому, попалось въ руки литературному вору, который придѣлалъ къ нему предисловіе и прочелъ публично, какъ свое сочиненіе.

Галенъ изъ Смирны поѣхалъ въ Коринѳъ, чтобъ заниматься подъ руководствомъ Нумизіана, также знаменитаго врача. Онъ объѣхалъ съ нимъ все прибрежье Средиземнаго моря. Галенъ упоминаетъ еще объ дюжинѣ врачей, которыхъ онъ слушалъ во время этого странствованія съ научной цѣлью.

Почти всѣ преподаватели, учившіе въ этихъ мѣстахъ, были ученики ученаго Квинта. При жизни, Квинтъ основалъ школу и весьма прославился своими высокими познаніями въ анатоміи. Къ несчастію, онъ не оставилъ ни одного сочиненія. Всѣ юные врачи, желавшіе узнать ученіе этого знаменитаго учителя, искали его у его учениковъ; такъ поступилъ и Галенъ.

Можетъ быть, никто съ такихъ раннихъ лѣтъ, такъ широко и съ такимъ постоянствомъ не приготовлялся къ изученію наукъ, какъ Галенъ. Желая все человѣческое знаніе положить въ основу медицинѣ, онъ возвышалъ ее уже своимъ высокимъ пониманіемъ и готовился придать ей величіе науки энциклопедической. Коротко ознакомившись со всѣми философскими школами, слушая поочередно всѣхъ, кто могъ ему изъяснить тогдашнія разнообразныя системы анатоміи и физіологіи, владѣя, кромѣ четырехъ греческихъ нарѣчій, языками латинскимъ, персидскимъ и эѳіопскимъ, путешествуя почти всегда пѣшкомъ, чтобы все лучше видѣть и наблюдать, Галенъ по наилучшему и самому обширному способу собиралъ матеріалы для того, чтобъ воздвигнуть памятникъ своего генія.

Такимъ образомъ, онъ прибылъ въ Египетъ двадцати трехъ лѣтъ. Онъ хотѣлъ пополнить свое образованіе въ городѣ, который тогда сдѣлался величайшимъ центромъ греческой цивилизаціи; мы говоримъ объ Александріи.

Къ сожалѣнію, Александрія, по отношенію къ наукамъ, не была уже тѣмъ, чѣмъ была во времена первыхъ Птоломеевъ, когда эти государи, ради поощренія физіологическихъ изученій, удостоивали браться сами за скальпель. Ученые всѣхъ странъ свѣта, которые продолжали стекаться въ этотъ городъ, занимались меньше наукой, чѣмъ литературой, критикой, исторіей и въ особенности мистической философіей. Смѣсь греческихъ идей съ египетскими и іудейскими, не говоря уже о туманныхъ ученіяхъ вавилонскихъ маговъ и индійскихъ *гимнософистовъ*, произвели въ

Александріи второе вавилонское столпотвореніе. Поэтому естественныя науки тамъ мало разрабатывались, за исключеніемъ анатоміи, которая сдѣлала значительные успѣхи.

Но послѣднее было очень важно для Галена. Анатоміи обучали въ различныхъ египетскихъ училищахъ. Но при этомъ не не прибѣгали къ разсѣченію труповъ; употребляли только человѣческіе остовы. Когда остововъ было недостаточно, разсѣкали ближайшихъ къ человѣку животныхъ. Въ это время въ самомъ дѣлѣ въ Александріи перестали разсѣкать человѣческіе трупы.

Галенъ пробылъ пять лѣтъ въ Александріи. Онъ сдѣлалъ необыкновенные успѣхи въ анатоміи. Хотя науки, преподававшіяся въ Александріи, сохранили здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, философскій характеръ, но принципомъ, господствовавшимъ въ этой школѣ, было ихъ непосредственное примѣненіе къ искусствамъ, промышлености или къ какому-нибудь полезному предмету. Именно этотъ практическій характеръ мы находимъ въ дѣятельности Галена, генія философскаго и въ тоже время положительнаго. Ученіе Александрійской школы, конечно, должно было найти въ немъ большое сочувствіе.

Послѣ пяти лѣтъ, проведенныхъ въ столицѣ Египта, Галенъ, 28 лѣтъ отъ роду, богатый свѣдѣніями, тамъ пріобрѣтенными и въ особенности тѣмъ высокимъ разумомъ, который увеличиваетъ знаніе посредствомъ дедукцій и аналогій, отправился обратно въ Азію, въ свой родной городъ.

Постоянно жаждавшій личныхъ наблюденій и свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ непосредственно, Галенъ не направился прямо въ Пергамъ. Онъ посѣтилъ пѣшкомъ Палестину и Сирію, чтобы узнать тамъ рецептъ и способъ употребленія opobalsamum, хирургическаго бальзама, пріобрѣвшаго извѣстность въ эту эпоху, и чтобы собрать горной смолы и другихъ естественныхъ продуктовъ этихъ странъ. Онъ остановился на островѣ Кипрѣ, въ которомъ находились рудники, достойные изученія, и посѣтилъ Лемносъ, чтобы познакомиться съ знаменитой *печатной глиной*, мѣстнымъ лекарствомъ, бывшимъ въ славѣ противъ ранъ.

Позднѣе, когда онъ покинулъ Пергамъ, чтобы отправиться въ Римъ, онъ еще разъ пѣшкомъ захотѣлъ пройти Ѳракію и Македонію, стараясь желаніемъ все видѣть и все записать. Вскорѣ по

возвращеніи въ Пергамъ, Галену была вручена первосвященникомъ этого города должность *врача гладіаторовъ*.

Такимъ образомъ, Галенъ имѣлъ случай примѣнить къ практикѣ хирургію. Мѣсто, которое ему предложили, было первымъ вознагражденіемъ за его анатомическія познанія. Это было также доказательствомъ того, что онъ достигъ въ Египтѣ большихъ свѣдѣній въ анатоміи, и что самъ онъ съ нетерпѣніемъ желалъ примѣнить на практикѣ свою науку.

Гладіаторы и атлеты у древнихъ представляли обильный матеріалъ для хирургическихъ упражненій. Въ Греціи Иппократъ составилъ свой трактатъ о *Переломахъ* по хирургическимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ, въ его время или раньше, въ гимназіяхъ и въ циркахъ.

Галенъ примѣнилъ къ леченію гладіаторовъ новый методъ, придуманный имъ для леченія *ранъ нервовъ*, и этимъ способомъ вылечилъ множество людей, которыхъ его сотоварищи до сихъ поръ предоставляли параличу, происходящему отъ поврежденія нервной ткани.

И такъ въ продолженіе первыхъ лѣтъ своего пребыванія въ Пергамѣ Галенъ, хотя уже принялся составлять безчисленныя сочиненія, долженствовавшія сдѣлать его самымъ плодовитымъ писателемъ древней медицины, но особенно посвятилъ себя попеченіямъ объ атлетахъ въ гимназіи и о гладіаторахъ въ циркѣ. Эти кровавыя игры цирка, столь любимыя въ Римѣ, были приняты въ Пергамѣ съ такимъ же усердіемъ и жаромъ. Римъ предписывалъ міру законы вкуса. На рисункѣ, находящемся противъ этой страницы, мы представили Галена въ циркѣ Пергама, подающаго помощь раненному гладіатору.

Галенъ, можетъ быть, провелъ бы всю свою жизнь въ родномъ городѣ, не случись одного непредвиденнаго происшествія. Въ Пергамѣ открылось народное возстаніе. Нашъ молодой врачъ не очень любилъ уличныя волненія. Онъ опасался ихъ, какъ нарушающихъ спокойствіе и тишину, которыя необходимы для ученыхъ занятій. И вотъ, такъ какъ народныя возмущенія продолжали волновать городъ, Галенъ рѣшился покинуть свое отечество.

Римъ со всѣми своими прелестями, со всѣми обольщеніями, которыя всемірная столица представляла для честолюбиваго ума, Римъ призывалъ его геній. Галенъ, сознавшій свое достоинство, не задумываясь долго, отправился въ этотъ блестящій центръ цивилизаціи. Ему было тридцать три года, когда онъ прибылъ въ Римъ.

Продолжая заниматься хирургіею, онъ рѣшился посвятить себя въ особенности внутренней медицинѣ.

Въ то время, когда Галенъ поселился въ Римѣ, обстоятельства были мало благопріятны для науки и для ученыхъ. Необузданная роскошь, плодъ завоеваній на Востокѣ, до того ослабила души римлянъ, что они не имѣли болѣе ни малѣйшаго желанія учиться. Въ городѣ не оставалось уже публики для ученыхъ. Славою пользовались магики, которые замѣнили философовъ. Суевѣрія Востока вошли вмѣстѣ съ богатствами въ императорскій домъ. По этому можно судить, въ какомъ положеніи была тамъ медицина при прибытіи Галена. Онъ пришелъ, чтобы озарить свѣтомъ совиное гнѣздо.

Его въ высшей степени научная метода до того противорѣчила ученію врачей Рима и даже унижала его, что вскорѣ противъ него составилась большая оппозиція. Надо также замѣтить, что онъ отчасти вызвалъ ее своими наставническими пріемами и природнымъ хвастовствомъ, которое у него равнялось его генію. Онъ открыто хвастался, что знаетъ то, чего ни одинъ римскій врачъ никогда не зналъ и чему даже никогда не думалъ учиться. Это было истина, но одна изъ тѣхъ истинъ, которыя лучше не высказывать, особенно если онѣ довольно ясны сами по себѣ. Раздраженные такими нападками, его противники сдѣлались открытыми врагами. Они придавали ему самые смѣшные эпитеты, согласовавшіеся однакожъ съ его тщеславіемъ. Они называли его λογιατρος (врачъ резонеръ), θαυματοποιος (чудодѣй).

Разсказывая о брани и сарказмахъ своихъ противниковъ, Галенъ старательно позаботился противупоставить имъ мнѣніе значительныхъ людей, которые говорили, что *Аполлонъ Пиѳійскій передавалъ устами Галена свои прорицанія больнымъ*. Онъ также напоминаетъ сужденіе о немъ императора Марка-Аврелія, который называлъ его *княземъ врачей и единственнымъ философомъ*

вѣка [1]). Наконецъ Галенъ, усиливая сужденіе Марка-Аврелія мнѣніемъ, которое онъ составилъ о самомъ себѣ, осмѣливался сравнивать себя съ императоромъ Траяномъ. Онъ говорилъ, что, если Иппократъ открылъ медицинѣ настоящій путь, то онъ, Галенъ, сгладилъ неровности на этомъ пути, подобно тому какъ императоръ Траянъ сдѣлалъ удобными дороги имперіи.

Галенъ, обладая глубокимъ знаніемъ, не имѣлъ недостатка и въ практичности. Онъ ловко умѣлъ воспользоватъся случаемъ высказать свой практическій талантъ. Онъ старался имѣть вліяніе на толпу, поражать ея умъ, съ цѣлію въ короткое время пріобрѣсть множество кліентовъ. Впрочемъ онъ не скрывалъ этихъ маленькихъ средсвъ къ упроченію славы. Онъ даже постановилъ ихъ какъ правила для руководства врачей. Онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что врачъ не долженъ пренебрегать случаями, которые иногда доставляетъ ему судьба для ускоренія своей знаменитости, и что надо быть ловкимъ и не упускать такихъ случаевъ. Опираясь на это правило, онъ разсказываетъ, какимъ образомъ, по прибытіи въ Римъ, онъ нашелъ средство блеснуть у постели одного больнаго своимъ медицинскимъ геніемъ и съ какимъ искусствомъ онъ воспользовался происшествіемъ, которое послала ему судьба.

Этотъ случай такъ характеристиченъ, что мы передадимъ его съ нѣкоторыми подробностями, взятыми изъ перевода, сдѣланнаго г. Фредерикомъ Дюбуа, теперешнимъ постояннымъ секретаремъ императорской медицинской академіи [2]).

Вскорѣ по прибытіи въ Римъ, Галенъ подружился съ философомъ Главкономъ, безъ сомнѣнія потому, что этотъ философъ получилъ высокое уваженіе къ врачу Пергама и ни передъ кѣмъ не скрывалъ этого. Однажды Главконъ, встрѣтившись съ нимъ на дорогѣ, подошелъ къ нему и сказалъ:

---

[1]) Это же самое отецъ Лаббъ припоминаетъ на первыхъ страницахъ своего *Похвальнаго слова Галену*.

«Claudius Galenus, говоритъ онъ, omnium medicorum, post Hippocratem, facile princeps, atque optimi imperatoris judicio, *γνοδιος ιατρος και μονος φιλοσοφος*.» Claudii Galeni chronologicum elogium, R. Philippo Labbeo scriptore, Parisiis, 1660, in-12.

[2]) De locis affectis, lib. V, cap. VIII, traduit par M. Frédéric Dubois. Bulletin de l'Académie royale de médecine, t. VII, p. 362—365.

„Мнѣ извѣстно, что вы дѣлали иногда такія опредѣленія болѣзней, которыя, повидимому, происходятъ скорѣе отъ божескаго внушенія, чѣмъ отъ человѣческаго знанія. Мнѣ хотѣлось бы испытать не васъ, но науку, чтобы видѣть, дѣйствительно ли она обладаетъ чудною способностью обнаруживать и предвѣщать то, что̀ скрыто отъ большинства людей. Я только что оставилъ одного изъ моихъ друзей, больнаго; онъ Сициліецъ. Хотя самъ онъ врачъ, но позвалъ лечить себя своего собрата. Не желеате ли вы навѣстить его вмѣстѣ со мною? Посмотримъ, легко ли вамъ будетъ опредѣлить его болѣзнь".

Галенъ соглашается, и вскорѣ, они приходятъ къ двери Сицилійца.

При входѣ въ переднюю, Галенъ замѣчаетъ, что изъ комнаты больнаго выносятъ сосудъ съ жидкостью слегка кровяной, похожей на помои отъ говядины. Эта жидкость, которую онъ могъ видѣть только мелькомъ, была для Галена вѣрнымъ признакомъ того, что у больнаго пораженіе печени. Но онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ, и вошелъ съ Главкономъ въ комнату. Первымъ его дѣломъ было пощупать пульсъ у больнаго, чтобы убѣдиться, какого рода была болѣзнь печени: острая и воспалительная, или хроническая.

Состояніе пульса показало ему, что онъ имѣлъ дѣло съ воспалительной болѣзнью.

На окнѣ стоялъ маленькій горшокъ. Галенъ взглянулъ на него съ боку, и ему показалось, что въ горшочкѣ находятся листья иссопа, настоенныя на медовой водѣ. *Медовый настой иссопа* былъ тогда классическимъ лекарствомъ, необходнмымъ питьемъ противъ плерезіи.

Итакъ *медовый настой иссопа*, находившійся на окнѣ Сицилійца, доказывалъ, что больной считалъ себя страдающимъ плерезіею. Онъ, дѣйствительно, чувствовалъ боль при основаніи груди, кашлялъ и дышалъ слабо и часто. Очень естественно, что онъ воображалъ себя больнымъ плерезіею и что, слѣдовательно, его лечили отъ этой болѣзни.

Галенъ понялъ все это. Онъ собралъ мысленно всѣ эти данныя, твердо рѣшившись, воспользоваться, какъ онъ самъ говоритъ,

„посылаемымъ судьбою случаемъ внушить Главкону высокое понятіе о своихъ способностяхъ“.

Онъ садится у постели больнаго и, положивъ руку съ рѣшительнымъ видомъ на правую сторону тѣла, къ ложнымъ ребрамъ:

„У васъ болитъ здѣсь, говоритъ онъ, здѣсь ваша болѣзнь!

— Совершенно справедливо,—отвѣчалъ больной. Главконъ, который думалъ, что одно только изслѣдованіе пульса дало возможность Галену съ такою точностью и такъ скоро открыть мѣстопребываніе болѣзни, просто не вѣритъ своимъ глазамъ. Удивленіе его этимъ не кончилось.

„Вы подтвердили,—сказалъ Галенъ больному,—что у васъ дѣйствительно боль печени. Васъ долженъ также отъ времени до времени тревожить кашель сухой и безъ мокроты.“

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ на больнаго нашелъ припадокъ того рода кашля, который только что охарактеризовалъ Галенъ.

Удивленный Главконъ, не будучи въ состояніи удержать порыва своихъ чувствъ, сталъ разсыпаться въ похвалахъ.

„Погодите, прибавляетъ Галенъ; это еще не все, что̀ мое искусство позволяетъ мнѣ открыть. Я сейчасъ скажу вамъ вещи, справедливость которыхъ вы тоже должны будете признать.

„Когда вы дѣлаете глубокій вздохъ, сказалъ онъ больному, страданіе печени усиливается, и вы какъ будто чувствуете тяжесть въ правомъ подреберьѣ!“

Слыша эти слова Галена, Сициліецъ былъ пораженъ изумленіемъ, и ему оставалось только выражать свое удивленіе вмѣстѣ съ другомъ.

Видя, что дѣла принимаютъ такой хорошій оборотъ, Галену очень хотѣлось сдѣлать замѣчаніе о плечѣ. Дѣйствительно извѣстно, что въ болѣзняхъ печени, чувствуется боль или какое-то напряженное состояніе пониже лопатки. Но онъ боялся слишкомъ заходить впередъ изъ опасенія испортить только что сдѣланные имъ успѣхи. И потому онъ съ нѣкоторою осторожностью спросилъ больнаго:

„Не чувствуете-ли вы нѣкотораго рода дерганья въ плечѣ?“

Чрезвычайно удивленный, больной тотчасъ же признался, что онъ испытывалъ это особенное ощущеніе.

Какъ ловкій человѣкъ, Галенъ самое поразительное открытіе приберегъ къ концу.

„Я узналъ, сказалъ онъ больному, какая у васъ болѣзнь. Теперь я скажу вамъ, какую болѣзнь вы себѣ приписываете!“

Это было произнесено съ такой увѣренностью, что больной, удивленный до послѣдней степени, пристально смотрѣлъ на врача-оракула, въ сильномъ нетерпѣніи ожидая, что̀ онъ скажетъ, а Главконъ восклицалъ, что послѣ всего имъ слышаннаго его болѣе ничто не въ состояніи удивить.

„Вы воображаете, что у васъ плерезія!“ сказалъ Галенъ торжественно.

Больной и Главконъ подтвердили его слова, также и сидѣлка при больномъ, которая только что прикладывала на грудь Сицилійца масляную примочку, считавшуюся отличнымъ средствомъ противъ плерезіи.

Произведя желанный эффектъ, Галенъ удалился, довольный тѣмъ, что до такой степени поразилъ философа и больнаго, который самъ былъ врачъ.

„Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, Главконъ составилъ самое высокое мнѣніе о моей личности и о врачебномъ искусствѣ, а онъ передъ этимъ весьма мало уважалъ врачей и медицину.“

Нѣкоторые назовутъ такой поступокъ шарлатанствомъ. Но въ императорскомъ Римѣ, гдѣ было столько другихъ грѣховъ, такое шарлатанство было дѣломъ простительнымъ. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ Галенъ обнаружилъ такую догадливость и проницательность, какою шарлатанъ врядъ-ли могъ бы владѣть.

Много шума надѣлало излеченіе философа, перипатетика Эвдема; онъ страдалъ четырехнедѣльной лихорадкой и усилилъ ее втрое неумѣреннымъ употребленіемъ теріака. Философъ Эвдемъ могъ заплатить Галену только прославленіемъ его искусства; иное было съ другимъ больнымъ. Консулъ Боэцій пригласилъ пергамскаго врача лечить свою жену отъ опасной болѣзни. Галенъ вылечилъ ее и получилъ отъ консула награду въ четыреста золотыхъ монетъ.

Трогательно видѣть, какъ Галенъ, имѣя практику въ лучшихъ домахъ Рима, имѣя самыхъ высокихъ кліентовъ, на-

ходитъ время бывать два раза въ день въ деревнѣ, чтобы лечить своего слугу-бѣдняка, страдавшаго воспаленіемъ глазъ.

Безпрерывно возраставшіе успѣхи пергамскаго врача возбуждали зависть его враговъ. Галенъ въ своихъ сочиненіяхъ горько жалуется на своихъ собратій. Онъ говоритъ, что врачи обвиняли его въ занятіяхъ волшебствомъ, потому что онъ согналъ опасную опухоль однимъ кровопусканіемъ и вылечивалъ отъ падучей, привязывая на шею больнымъ корень преона. Такія волшебныя излеченія были не подъ силу римскимъ врачамъ.

Неотступныя просьбы Боэція и другихъ знатныхъ римлянъ заставили Галена рѣшиться открыть курсъ анатоміи. Этотъ курсъ посѣщали всѣ интересовавшіеся еще наукой. Говорятъ, между слушателями были самъ Боэцій, преторъ Тергій Павелъ, дядя императора Барбаръ и Луцій Саверъ, тогда консулъ, позже императоръ; наконецъ ученые, какъ напримѣръ философъ Эвдемъ, о которомъ упомянуто выше, и Александръ Дамасскій.

На лекціяхъ было также много врачей и молодыхъ людей, являвшихся въ качествѣ учениковъ.

Лекціи читались въ храмѣ Мира. На рисункѣ, находящемся противъ этой страницы, изображенъ этотъ важный эпизодъ изъ жизни нашего героя.

Галенъ разсѣкалъ передъ этой блистательной аудиторіей множество всевозможныхъ животныхъ. Разсѣкались даже слоны. Это послѣднее разсѣченіе позволило ему доказать присутствіе у слона желчнаго мѣшка въ противность мнѣнію современныхъ врачей и естествоиспытателей. Еще до разсѣченія онъ утверждалъ, что у слона двойное сердце, какъ у всѣхъ дышащихъ воздухомъ животныхъ. Присутствовавшіе на лекціи врачи напротивъ поддерживали мнѣніе Аристотеля, что у слона тройное сердце.

Изложивъ статическую анатомію, Галенъ перешелъ къ динамической, то есть сталъ разсѣкать живыхъ животныхъ. Опытами надъ свиньей онъ доказалъ, что если перерѣзать одинъ изъ *прибавочныхъ нервовъ*, то голосъ животнаго ослабѣваетъ, и что онъ совершенно изчезаетъ, если перерѣзать оба нерва.

Новѣйшіе физіологи, производя опыты надъ живыми животными, обычно перерѣзываютъ оба прибавочные нерва, чтобы ли-

шить животное способности кричать. Знаетъ ли экспериментаторъ — довольно жестокій, ибо онъ лишаетъ при этомъ животное не возможности страдать подъ скальпелемъ, а только выражать боль, — знаетъ ли онъ, что этимъ способомъ мы обязаны Галену? Галенъ выполнялъ эту требующую значительнаго искусства операцію съ ловкостію, которой удивляются даже современные намъ анатомы. Кромѣ того, онъ дѣлалъ множество другихъ трудныхъ операцій. Упомянемъ только о перфораціи (прободаніи) грудной полости. Онъ былъ на столько искусенъ, что могъ отнять у животнаго нѣсколько реберъ, не повреждая подреберной плевы, т. е. серозной оболочки, выстилающей внутренность грудной полости.

Эти прекрасные опыты производились ради подтвержденія его теоріи дыханія. Но эта теорія была ошибочна въ главномъ пунктѣ. Галенъ, вмѣстѣ съ Аристотелемъ и всѣми древними физіологами, полагалъ, что воздухъ проникаетъ въ легкія только для освѣженія крови.

Новѣйшія химія и физіологія доказали совершенно противное. Кислородъ воздуха, входя въ кровь человѣка и животныхъ, обусловливаетъ не холодъ, а жаръ. Болѣе полнымъ образомъ ошибаться невозможно.

Въ Римѣ не было ни больницъ, ни амфитеатровъ, приспособленныхъ для такихъ лекцій. Поэтому вѣроятно, что Галенъ, какъ мы уже сказали, читалъ лекціи и производилъ анатомическіе опыты въ храмѣ Мира, — тѣмъ болѣе вѣроятно, что у ученыхъ было въ обычаѣ собираться тамъ, чтобъ сообщать другъ другу о своихъ работахъ и разсуждать объ открытіяхъ. Было также въ обычаѣ хранить тамъ свои сочиненія. Галенъ положительно говоритъ намъ, что онъ отдалъ на храненіе въ храмъ Мира нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій, именно сочиненія объ анатоміи, написанныя имъ въ Римѣ.

Галенъ не любилъ народныхъ возмущеній; не долюбливалъ онъ также и чумы.

Галенъ жилъ въ Римѣ около трехъ лѣтъ; его помощи жаждали всѣ больные, у него была богатѣйшая практика, начиная съ императора, — какъ вдругъ въ городѣ обнаружилась чума. Галену было тогда тридцать семь лѣтъ.

Онъ обладалъ правильнымъ и сильнымъ умомъ, но нравственной смѣлости у него не было. Ему не доставало стоицизма, необходимаго врачу, желающему быть достойнымъ своего высокаго и благодѣтельнаго призванія. Быть можетъ также, что будучи въ Римѣ иностранцемъ, явившимся въ столицу міра единственно ради развитія своихъ талантовъ и для того, чтобъ составить состояніе, онъ считалъ себя въ правѣ бросить свои занятія, когда ему заблагоразсудится. Притомъ, въ выродившемся императорскомъ Римѣ, нравственное чувство было настолько слабо, что никто даже не думалъ истолковывать въ дурную сторону поведеніе врача, столь явно нарушавшаго свои обязанности.

Вотъ наши объясненія поведенія Галена въ этомъ случаѣ; онъ самъ впрочемъ не позаботился оправдаться въ своемъ дѣйствіи передъ потомствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ, нисколько не думая извинять себя, разсказываетъ объ этомъ очень просто, какъ о самомъ естественномъ поступкѣ.

„*Tribus vero praeterea annis*, говоритъ онъ: *Roma versabam, ingruente magna peste*, confestim, *urbe excedens, in patriam properavi* [1]). „Я жилъ въ Римѣ около трехъ лѣтъ, какъ обнаружилась жестокая чума, и я *тотчасъ* оставилъ городъ и воротился на родину.“

Пергамскій врачъ столько же не поцеремонился бѣжать отъ угрозъ чумы, какъ поэтъ Горацій—бросить свой щитъ и бѣжать отъ побѣдившаго врага:

Disjectâ non bene parvulâ.

Въ новѣйшія времена, врачъ Сиденгамъ убѣжалъ изъ Лондона, гдѣ свирѣпствовало повѣтріе. Но въ замѣнъ нѣсколькихъ разительныхъ примѣровъ нравственнаго паденія, сколько врачей, отъ древнихъ временъ и до нашихъ дней, благородно понимали свой долгъ и въ минуту опасности представляли удивительные примѣры самопожертвованія, самоотрѣченія и благородства! Сколько врачей, будто ради того, чтобы загладить постыдный поступокъ Галена, погибли во время повѣтрій жертвами науки и человѣчности!

---

[1]) *Liber de Prognostico*, cap. IX.

Итакъ, Галенъ постыдно бѣжалъ отъ чумы. Онъ удалился въ Кампанію. Но отъ Рима до Кампаніи было не далеко. Повѣтріе распространилось и онъ бѣжалъ въ Брундизіумъ, откуда моремъ отправился въ Пергамъ.

Онъ покинулъ родной городъ изъ страха народнаго возмущенія; онъ бѣжалъ изъ Рима и вернулся въ Пергамъ изъ страха повѣтрія!

Маркъ Аврелій и не подумалъ жаловаться на поступокъ Галена. Онъ вспомнилъ о бѣглецѣ, только когда ему понадобилась его помощь.

Маркъ Аврелій и Луцій Веръ, царствовавшіе въ то время вмѣстѣ, рѣшили отправиться походомъ въ Германію. Они собрали войска въ Аквилеѣ и намѣревались войти въ Германію, напавъ на Квадовъ и Маркомановъ. Оба императора желали имѣть при себѣ опытнаго хирурга, какъ лично для себя, такъ и для войска. Они просили Галена присоединиться къ нимъ въ Аквилеѣ.

Галенъ повиновался, но противъ воли. Оставивъ не совсѣмъ охотно Пергамъ, онъ по обычаю отправился пѣшкомъ черезъ Ѳракію и Македонію, удлиняя намѣренно дорогу въ надеждѣ найти какой-нибудь приличный предлогъ, чтобъ не сопровождать императоровъ въ Германію *(sperans interea excusationem nanciscі)*. Притомъ, чума еще не прекратилась ни въ Римѣ, ни въ окружающихъ городахъ.

Его опасенія, впрочемъ, скоро оправдались. Едва прибылъ Галенъ въ Аквилею, въ римскій станъ, какъ чума разразилась въ городѣ. Настало общее бѣгство. Оба императора съ нѣсколькими офицерами и солдатами бѣжали въ одну сторону, Галенъ съ нѣкоторыми друзьями въ другую. — Мы бѣжали! восклицаетъ онъ. „*Evasimus*!“

Галенъ присоединился къ императорамъ на дорогѣ въ Римъ, гдѣ чумы уже не было. Но одинъ изъ нихъ Луцій Веръ былъ пораженъ апоплексіей, и Галенова наука оказалась безсильной противъ такой болѣзни.

Маркъ Аврелій не покидалъ плана идти въ Германію и настаивалъ, чтобы Галенъ сопровождалъ его. Галенъ наконецъ отказался на отрѣзъ. Онъ объявилъ, что Эскулапъ явился ему во снѣ и запретилъ отправляться въ Германію.

Маркъ Аврелій удовольствовался этимъ отвѣтомъ. Онъ отправился въ путь безъ врача. Онъ только приказалъ сказать Галену, что хотя Эскулапъ и запретилъ ему отправляться въ Германію, но, конечно не приказывалъ ему уѣзжать изъ Рима, и что онъ, императоръ, проситъ его остаться въ Римѣ и внимательно наблюдать за здоровьемъ его сына Коммода.

Итакъ Галенъ не долюбливалъ не только возстаній и чумы, но также и войны.

А возмущеніе, эпидеміи и война — всѣ эти три язвы требуютъ усилій врачебнаго искусства.

У Марка Аврелія, этого великолѣпнаго государя, были двѣ слабости: онъ вѣрилъ въ магію и въ теріакъ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ, онъ спрашивалъ совѣта у халдейскихъ астрологовъ, славившихся тогда познаніями въ тайныхъ наукахъ. При малѣйшемъ нездоровьи, онъ прибѣгалъ къ теріаку.

Теріакъ былъ знаменитое лекарство, принесенное въ Римъ Андромахомъ, врачемъ Нерона; оно было изобрѣтено лично самимъ царемъ Митридатомъ, великимъ врагомъ римлянъ.

Теріакъ, это царственное лекарство, одно изъ сокровищъ, отняыхъ у понтійскаго царя, весьма усовершенствовался на римской почвѣ. У Митридата въ составъ его входило пятьдесятъ четыре вещества, въ Италіи число это почти удвоилось, и достоинства его возвысились до чрезвычайности вслѣдствіе прибавленія къ нему мяса виперы, — о чемъ Митридатъ, царственный аптекарь, и не мечталъ.

Если римскіе императоры завоевали теріакъ, то теріакъ въ свою очередь завоевалъ ихъ. Объяснимся. Маркъ Аврелій чувствовалъ къ тетріаку влеченье, родъ недуга. Все чаще и чаще принимая его, онъ наконецъ сталъ употреблять его ежедневно, вечеромъ и утромъ. Онъ почти питался этимъ лекарствомъ, и принужденъ былъ имѣть при себѣ достаточный запасъ его, ибо оно сдѣлалось необходимымъ ему для сохраненія жизни.

Regis ad exemplar totus componitur orbis. Примѣръ государя заразилъ знать; при дворѣ Марка Аврелія всѣ въ запуски пичкались теріакомъ. А потому приготовленіе этого лекарства было дѣломъ великой важности, и приготовленіе его нельзя было поручить встрѣчному цирульнику. Оно было поручено величайшимъ

знаменитостямъ врачебнаго искуства и совершалось съ особой торжественностью.

По этому Галену, незадолго до похода въ Германію, было поручено лично приготовить въ императорскомъ дворцѣ теріакъ для Марка-Аврелія и его августѣйшаго семейства: *ad usum Delphini*.

На этомъ-то историческомъ фактѣ и основалось мнѣніе, что Галенъ содержалъ въ Римѣ аптеку, что́ не справедливо. У греческихъ и римскихъ врачей было въ обычаѣ держать у себя нѣкоторыя лекарства, которыя требуются почти ежедневно. Галенъ слѣдовалъ примѣру своихъ собратій. Иногда онъ заставлялъ приготавливать лекарства для своихъ больныхъ при себѣ или по своему указанію; но онъ вовсе не былъ однимъ изъ *фармокополовъ*, истинныхъ аптекарей въ Римѣ.

Изъ того факта, что Галенъ приготовлялъ теріакъ для Марка Аврелія, не слѣдуетъ также заключать, что онъ былъ *полифармахъ*, то есть любитель сложныхъ лекарствъ. Безъ сомнѣнія, онъ употреблялъ нѣкоторыя смѣси, но вообще предпочиталъ простыя лекарства. Подобно Гиппократу онъ старался по возможности замѣнять лекарство правильнымъ питаніемъ и діэтетическими правилами.

Маркъ Аврелій, какъ сказано, оставляя Галена въ Римѣ, приказалъ тотчасъ призвать его къ своему сыну Коммоду, если этотъ заболѣетъ или просто почувствуетъ себя дурно Вслѣдствіе этого порученія, Галенъ чаще жилъ въ загородномъ домѣ, близъ жилища молодаго принца. Въ этомъ уединеніи онъ написалъ нѣсколько сочиненій, между прочимъ превосходный трактатъ *о назначеніи частей человѣческаго тѣла (de usu partium)*.

Случай, предвидѣнный Маркомъ Авреліемъ, представился. Принцъ заболѣлъ лихорадкой, сначала показавшейся довольно опасной. Галенъ вылечилъ его, и Фавстина, мать Коммода, въ радости объявила во всеуслышаніе, что Галенъ „показалъ на дѣлѣ каковъ онъ, между тѣмъ какъ другіе врачи отдѣлываются только словами“.

Галенъ также любилъ поговорить, но онъ по крайности оправдывалъ слова дѣлами.

Когда онъ былъ въ такой славѣ, онъ вылечилъ еще другаго сына императора, при чемъ вѣрно предсказалъ исходъ болѣзни въ противность предсказаніямъ другихъ врачей.

Первое пребываніе Галена въ Римѣ длилось года четыре или пять. Неизвѣстно, даже приблизительно, сколько времени жилъ онъ тамъ второй разъ, остался-ли онъ въ Римѣ до конца жизни, или возвратился на востокъ.

По крайней мѣрѣ положительно извѣстно,—ибо это слѣдуетъ изъ его собственныхъ сочиненій, — что онъ оставался въ Римѣ въ продолженіе отсутствія императора, длившагося четыре года, и нѣкоторое время послѣ, ибо онъ упоминаетъ о болѣзни, отъ которой вылечилъ императора по его возвращеніи въ столицу.

Нѣкоторые біографы Галена утверждаютъ, что онъ уѣхалъ изъ Рима не старѣе сорока лѣтъ, вернулся въ Пергамъ и не выѣзжалъ уже изъ своего роднаго города. Это мнѣніе трудно согласить съ фактами, извлекаемыми изъ сочиненій Галена. Другіе утверждаютъ, что онъ выѣхалъ изъ Рима и вернулся въ Пергамъ въ 180 г. христіанской эры, послѣ смерти Марка Аврелія, — но также не основываясь ни на какомъ положительномъ доказательствѣ. Нѣкоторые, столь-же бездоказательно, утверждаютъ, что Галенъ поѣхалъ въ Палестину, чтобъ быть свидѣтелемъ чудесъ Христовыхъ, и что онъ умеръ въ этой странѣ и бесѣдовалъ нѣсколько разъ съ Маріей, матерью Г. Н. І. Х. [1]).

Точно также неизвѣстна продолжительность жизни этого великаго человѣка. По Суидасу, онъ жилъ семьдесятъ лѣтъ; Трезесъ, критикъ тринадцатаго столѣтія, на котораго часто ссылаются въ исторіи медицины, прибавляетъ ему еще нѣсколько лѣтъ, а Целій Родигинъ, безъ излишней церемоніи, заставляетъ его жить до ста сорока лѣтъ.

Въ царствованіе Коммода, преемника Марка Аврелія, храмъ Мира сгорѣлъ и съ нимъ вмѣстѣ и вся библіотека, хранившаяся въ этомъ зданіи, а слѣдовательно и книги, оставленныя въ немъ Галеномъ. Галенъ, разсказывающій объ этомъ несчастіи, прибавляетъ, что онъ принужденъ былъ вновь написать свои сочиненія.

---

[1]) Labbe. *Claudii Galeni Elogium chronologicum*, стр. 39.

Онъ просмотрѣлъ также сочиненія, составленныя его учениками на основаніи его уроковъ.

Если вѣрно, что онъ желалъ провести въ уединеніи послѣднее время своей жизни, то, конечно, онъ могъ найти средства заниматься на досугѣ въ Пергамѣ. У Галена всегда было хорошее состояніе, и конечно, онъ не обѣднѣлъ при дворѣ римскихъ императоровъ, а потому весьма могъ распорядиться именно такъ и устроить жизнь такимъ образомъ, чтобы пользоваться бо́льшими наслажденіями въ настоящемъ и бо́льшей славой въ будущемъ, чѣмъ продолжая врачебную практику въ Римѣ. Мы осмѣливаемся предложить такую догадку, не переставая находить страннымъ умолчанія современниковъ о послѣднихъ годахъ жизни человѣка, по справедливости знаменитаго. Но исторія древнихъ ученыхъ полна такими пробѣлами, дѣлающими труднымъ дѣло біографа.

Разсказавъ жизнь знаменитаго пергамскаго врача, мы разсмотримъ вкратцѣ его работы на основаніи его многочисленныхъ сочиненій, а также комментаріевъ, сдѣланныхъ на нихъ въ древнія и новыя времена.

Галенъ, какъ уже сказано, писалъ всю свою жизнь. Сочиненія его, число которыхъ возвышается до ста восьмидесяти двухъ, составляли не менѣе пятисотъ свитковъ, то есть по нынѣшнему составили-бы около восьмидесяти томовъ in-8°. Всѣ онѣ написаны по гречески, а нѣкоторыя на іонійскомъ нарѣчіи, которымъ онъ владѣлъ столь-же хорошо, какъ и аттическимъ; но не всѣ дошли до насъ въ оригиналѣ: нѣкоторыя извѣстны единственно въ латинскомъ переводѣ.

Мы разсмотримъ Галена сперва какъ анатома и физіолога, а потомъ какъ врача.

Галенъ основалъ анатомію. Гиппократу она почти была неизвѣстна. Тѣмъ большей заслугой со стороны Галена было заняться анатоміей и дѣлать въ ней открытія, что въ его время разсѣченіе человѣческихъ труповъ было дѣломъ почти невозможнымъ. Галенъ совѣтуетъ своимъ ученикамъ пользоваться рѣдкими случаями, въ которыхъ греческій или римскій врачъ имѣетъ право вскрывать трупъ. Онъ совѣтуетъ также отыскивать человѣческія кости въ рытвинахъ и старыхъ могилахъ, которыя разрушаясь, могутъ открыть свои скелеты. Онъ наконецъ совѣтуетъ

„посылаемымъ судьбою случаемъ внушить Главкону высокое понятіе о своихъ способностяхъ“.

Онъ садится у постели больнаго и, положивъ руку съ рѣшительнымъ видомъ на правую сторону тѣла, къ ложнымъ ребрамъ:

„У васъ болитъ здѣсь, говоритъ онъ, здѣсь ваша болѣзнь!

— Совершенно справедливо,—отвѣчалъ больной. Главконъ, который думалъ, что одно только изслѣдованіе пульса дало возможность Галену съ такою точностью и такъ скоро открыть мѣстопребываніе болѣзни, просто не вѣритъ своимъ глазамъ. Удивленіе его этимъ не кончилось.

„Вы подтвердили,—сказалъ Галенъ больному,—что у васъ дѣйствительно боль печени. Васъ долженъ также отъ времени до времени тревожить кашель сухой и безъ мокроты.“

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ на больнаго нашелъ припадокъ того рода кашля, который только что охарактеризовалъ Галенъ.

Удивленный Главконъ, не будучи въ состояніи удержать порыва своихъ чувствъ, сталъ разсыпаться въ похвалахъ.

„Погодите, прибавляетъ Галенъ; это еще не все, что мое искусство позволяетъ мнѣ открыть. Я сейчасъ скажу вамъ вещи, справедливость которыхъ вы тоже должны будете признать.

„Когда вы дѣлаете глубокій вздохъ, сказалъ онъ больному, страданіе печени усиливается, и вы какъ будто чувствуете тяжесть въ правомъ подреберьѣ!“

Слыша эти слова Галена, Сициліецъ былъ пораженъ изумленіемъ, и ему оставалось только выражать свое удивленіе вмѣстѣ съ другомъ.

Видя, что дѣла принимаютъ такой хорошій оборотъ, Галену очень хотѣлось сдѣлать замѣчаніе о плечѣ. Дѣйствительно извѣстно, что въ болѣзняхъ печени, чувствуется боль или какое-то напряженное состояніе пониже лопатки. Но онъ боялся слишкомъ заходить впередъ изъ опасенія испортить только что сдѣланные имъ успѣхи. И потому онъ съ нѣкоторою осторожностью спросилъ больнаго:

„Не чувствуете-ли вы нѣкотораго рода дерганья въ плечѣ?“

Чрезвычайно удивленный, больной тотчасъ же признался, что онъ испытывалъ это особенное ощущеніе.

Какъ ловкій человѣкъ, Галенъ самое поразительное открытіе приберегъ къ концу.

„Я узналъ, сказалъ онъ больному, какая у васъ болѣзнь. Теперь я скажу вамъ, какую болѣзнь вы себѣ приписываете!“

Это было произнесено съ такой увѣренностью, что больной, удивленный до послѣдней степени, пристально смотрѣлъ на врача-оракула, въ сильномъ нетерпѣніи ожидая, что̀ онъ скажетъ, а Главконъ восклицалъ, что послѣ всего имъ слышаннаго его болѣе ничто не въ состояніи удивить.

„Вы воображаете, что у васъ плерезія!“ сказалъ Галенъ торжественно.

Больной и Главконъ подтвердили его слова, также и сидѣлка при больномъ, которая только что прикладывала на грудь Сицилійца масляную примочку, считавшуюся отличнымъ средствомъ противъ плерезіи.

Произведя желанный эффектъ, Галенъ удалился, довольный тѣмъ, что до такой степени поразилъ философа и больнаго, который самъ былъ врачъ.

„Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, Главконъ составилъ самое высокое мнѣніе о моей личности и о врачебномъ искусствѣ, а онъ передъ этимъ весьма мало уважалъ врачей и медицину.“

Нѣкоторые назовутъ такой поступокъ шарлатанствомъ. Но въ императорскомъ Римѣ, гдѣ было столько другихъ грѣховъ, такое шарлатанство было дѣломъ простительнымъ. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ Галенъ обнаружилъ такую догадливость и проницательность, какою шарлатанъ врядъ-ли могъ бы владѣть.

Много шума надѣлало излеченіе философа, перипатетика Эвдема; онъ страдалъ четырехнедѣльной лихорадкой и усилилъ ее втрое неумѣреннымъ употребленіемъ теріака. Философъ Эвдемъ могъ заплатить Галену только прославленіемъ его искусства; иное было съ другимъ больнымъ. Консулъ Боэцій пригласилъ пергамскаго врача лечить свою жену отъ опасной болѣзни. Галенъ вылечилъ ее и получилъ отъ консула награду въ четыреста золотыхъ монетъ.

Трогательно видѣть, какъ Галенъ, имѣя практику въ лучшихъ домахъ Рима, имѣя самыхъ высокихъ кліентовъ, на-

ходитъ время бывать два раза въ день въ деревнѣ, чтобы лечить своего слугу-бѣдняка, страдавшаго воспаленіемъ глазъ.

Безпрерывно возраставшіе успѣхи пергамскаго врача возбуждали зависть его враговъ. Галенъ въ своихъ сочиненіяхъ горько жалуется на своихъ собратій. Онъ говоритъ, что врачи обвиняли его въ занятіяхъ волшебствомъ, потому что онъ согналъ опасную опухоль однимъ кровопусканіемъ и вылечивалъ отъ падучей, привязывая на шею больнымъ корень пеона. Такія волшебныя излеченія были не подъ силу римскимъ врачамъ.

Неотступныя просьбы Боэція и другихъ знатныхъ римлянъ заставили Галена рѣшиться открыть курсъ анатоміи. Этотъ курсъ посѣщали всѣ интересовавшіеся еще наукой. Говорятъ, между слушателями были самъ Боэцій, преторъ Тергій Павелъ, дядя императора Барбаръ и Луцій Саверъ, тогда консулъ, позже императоръ; наконецъ ученые, какъ напримѣръ философъ Эвдемъ, о которомъ упомянуто выше, и Александръ Дамасскій.

На лекціяхъ было также много врачей и молодыхъ людей, являвшихся въ качествѣ учениковъ.

Лекціи читались въ храмѣ Мира. На рисункѣ, находящемся противъ этой страницы, изображенъ этотъ важный эпизодъ изъ жизни нашего героя.

Галенъ разсѣкалъ передъ этой блистательной аудиторіей множество всевозможныхъ животныхъ. Разсѣкались даже слоны. Это послѣднее разсѣченіе позволило ему доказать присутствіе у слона желчнаго мѣшка въ противность мнѣнію современныхъ врачей и естествоиспытателей. Еще до разсѣченія онъ утверждалъ, что у слона двойное сердце, какъ у всѣхъ дышащихъ воздухомъ животныхъ. Присутствовавшіе на лекціи врачи напротивъ поддерживали мнѣніе Аристотеля, что у слона тройное сердце.

Изложивъ статическую анатомію, Галенъ перешелъ къ динамической, то есть сталъ разсѣкать живыхъ животныхъ. Опытами надъ свиньей онъ доказалъ, что если перерѣзать одинъ изъ *прибавочныхъ нервовъ*, то голосъ животнаго ослабѣваетъ, и что онъ совершенно изчезаетъ, если перерѣзать оба нерва.

Новѣйшіе физіологи, производя опыты надъ живыми животными, обычно перерѣзываютъ оба прибавочные нерва, чтобы ли-

шить животное способности кричать. Знаетъ ли экспериментаторъ — довольно жестокій, ибо онъ лишаетъ при этомъ животное не возможности страдать подъ скальпелемъ, а только выражать боль, — знаетъ ли онъ, что этимъ способомъ мы обязаны Галену? Галенъ выполнялъ эту требующую значительнаго искусства операцію съ ловкостію, которой удивляются даже современные намъ анатомы. Кромѣ того, онъ дѣлалъ множество другихъ трудныхъ операцій. Упомянемъ только о перфораціи (прободаніи) грудной полости. Онъ былъ на столько искусенъ, что могъ отнять у животнаго нѣсколько реберъ, не повреждая подреберной плевы, т. е. серозной оболочки, выстилающей внутренность грудной полости.

Эти прекрасные опыты производились ради подтвержденія его теоріи дыханія. Но эта теорія была ошибочна въ главномъ пунктѣ. Галенъ, вмѣстѣ съ Аристотелемъ и всѣми древними физіологами, полагалъ, что воздухъ проникаетъ въ легкія только для освѣженія крови.

Новѣйшія химія и физіологія доказали совершенно противное. Кислородъ воздуха, входя въ кровь человѣка и животныхъ, обусловливаетъ не холодъ, а жаръ. Болѣе полнымъ образомъ ошибаться невозможно.

Въ Римѣ не было ни больницъ, ни амфитеатровъ, приспособленныхъ для такихъ лекцій. Поэтому вѣроятно, что Галенъ, какъ мы уже сказали, читалъ лекціи и производилъ анатомическіе опыты въ храмѣ Мира, — тѣмъ болѣе вѣроятно, что у ученыхъ было въ обычаѣ собираться тамъ, чтобъ сообщать другъ другу о своихъ работахъ и разсуждать объ открытіяхъ. Было также въ обычаѣ хранить тамъ свои сочиненія. Галенъ положительно говоритъ намъ, что онъ отдалъ на храненіе въ храмъ Мира нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій, именно сочиненія объ анатоміи, написанныя имъ въ Римѣ.

Галенъ не любилъ народныхъ возмущеній; не долюбливалъ онъ также и чумы.

Галенъ жилъ въ Римѣ около трехъ лѣтъ; его помощи жаждали всѣ больные, у него была богатѣйшая практика, начиная съ императора, — какъ вдругъ въ городѣ обнаружилась чума. Галену было тогда тридцать семь лѣтъ.

Онъ обладалъ правильнымъ и сильнымъ умомъ, но нравственной смѣлости у него не было. Ему не доставало стоицизма, необходимаго врачу, желающему быть достойнымъ своего высокаго и благодѣтельнаго призванія. Быть можетъ также, что будучи въ Римѣ иностранцемъ, явившимся въ столицу міра единственно ради развитія своихъ талантовъ и для того, чтобъ составить состояніе, онъ считалъ себя въ правѣ бросить свои занятія, когда ему заблагоразсудится. Притомъ, въ выродившемся императорскомъ Римѣ, нравственное чувство было настолько слабо, что никто даже не думалъ истолковывать въ дурную сторону поведеніе врача, столь явно нарушавшаго свои обязанности.

Вотъ наши объясненія поведенія Галена въ этомъ случаѣ; онъ самъ впрочемъ не позаботился оправдаться въ своемъ дѣйствіи передъ потомствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ, нисколько не думая извинять себя, разсказываетъ объ этомъ очень просто, какъ о самомъ естественномъ поступкѣ.

„*Tribus vero praeterea annis*, говоритъ онъ: *Roma versabam, ingruente magna peste*, confestim, *urbe excedens, in patriam properavi* [1]). „Я жилъ въ Римѣ около трехъ лѣтъ, какъ обнаружилась жестокая чума, и я *тотчасъ* оставилъ городъ и воротился на родину.“

Пергамскій врачъ столько же не поцеремонился бѣжать отъ угрозъ чумы, какъ поэтъ Горацій—бросить свой щитъ и бѣжать отъ побѣдившаго врага:

Disjectâ non bene parvulâ.

Въ новѣйшія времена, врачъ Сиденгамъ убѣжалъ изъ Лондона, гдѣ свирѣпствовало повѣтріе. Но въ замѣнъ нѣсколькихъ разительныхъ примѣровъ нравственнаго паденія, сколько врачей, отъ древнихъ временъ и до нашихъ дней, благородно понимали свой долгъ и въ минуту опасности представляли удивительные примѣры самопожертвованія, самоотреченія и благородства! Сколько врачей, будто ради того, чтобы загладить постыдный поступокъ Галена, погибли во время повѣтрій жертвами науки и человѣчности!

---

[1]) *Liber de Prognostico*, cap. IX.

Итакъ, Галенъ постыдно бѣжалъ отъ чумы. Онъ удалился въ Кампанію. Но отъ Рима до Кампаніи было не далеко. Повѣтріе распространилось и онъ бѣжалъ въ Брундизіумъ, откуда моремъ отправился въ Пергамъ.

Онъ покинулъ родной городъ изъ страха народнаго возмущенія; онъ бѣжалъ изъ Рима и вернулся въ Пергамъ изъ страха повѣтрія!

Маркъ Аврелій и не подумалъ жаловаться на поступокъ Галена. Онъ вспомнилъ о бѣглецѣ, только когда ему понадобилась его помощь.

Маркъ Аврелій и Луцій Веръ, царствовавшіе въ то время вмѣстѣ, рѣшили отправиться походомъ въ Германію. Они собрали войска въ Аквилеѣ и намѣревались войти въ Германію, напавъ на Квадовъ и Маркомановъ. Оба императора желали имѣть при себѣ опытнаго хирурга, какъ лично для себя, такъ и для войска. Они просили Галена присоединиться къ нимъ въ Аквилеѣ.

Галенъ повиновался, но противъ воли. Оставивъ не совсѣмъ охотно Пергамъ, онъ по обычаю отправился пѣшкомъ черезъ Ѳракію и Македонію, удлиняя намѣренно дорогу въ надеждѣ найти какой-нибудь приличный предлогъ, чтобъ не сопровождать императоровъ въ Германію *(sperans interea excusationem nancisci)*. Притомъ, чума еще не прекратилась ни въ Римѣ, ни въ окружающихъ городахъ.

Его опасенія, впрочемъ, скоро оправдались. Едва прибылъ Галенъ въ Аквилею, въ римскій станъ, какъ чума разразилась въ городѣ. Настало общее бѣгство. Оба императора съ нѣсколькими офицерами и солдатами бѣжали въ одну сторону, Галенъ съ нѣкоторыми друзьями въ другую. — Мы бѣжали! восклицаетъ онъ. „*Evasimus*!“

Галенъ присоединился къ императорамъ на дорогѣ въ Римъ, гдѣ чумы уже не было. Но одинъ изъ нихъ Луцій Веръ былъ пораженъ апоплексіей, и Галенова наука оказалась безсильной противъ такой болѣзни.

Маркъ Аврелій не покидалъ плана идти въ Германію и настаивалъ, чтобы Галенъ сопровождалъ его. Галенъ наконецъ отказался на отрѣзъ. Онъ объявилъ, что Эскулапъ явился ему во снѣ и запретилъ отправляться въ Германію.

есть нѣчто темное. Во всякомъ культѣ есть свои таинства, мрака которыхъ не разогнать вполнѣ свѣточу разума; но есть ли что яснѣе, свѣтлѣе доказательства существованія верховнаго разума при помощи изученія строенія животныхъ?

„Исходящій изъ Бога духъ наполняетъ всѣ части вселенной и разноситъ съ собою движеніе и жизнь. Отъ смѣси этого духа съ веществомъ происходятъ различныя явленія, которыхъ театромъ является вселенная.

„Безчисленныя звѣзды, плавающія надъ нашими головами, согрѣвающее и освѣщающее насъ солнце, земля, поддерживающая насъ, все напоено этимъ духомъ. Растенія и животныя обязаны ему одушевляющей ихъ жизнью, жизнью безконечно разнообразной въ своихъ проявленіяхъ, слабой, зачаточной, такъ сказать едва намѣченной въ существахъ, развивающихся въ пыли, носимой вѣтромъ, въ остаткахъ органическихъ тѣлъ, въ грязи и гнили; жизни, болѣе и болѣе явственной, энергической, могущественной по мѣрѣ того, какъ станемъ подыматься въ ряду животныхъ, пока наконецъ она, не явится во всемъ своемъ объемѣ, во всемъ своемъ блескѣ въ человѣческомъ родѣ. Но и въ немъ, эта жизнь являетъ степени, смотря по болѣе или менѣе обширному развитію умственныхъ способностей, и достигаетъ своего наиполнѣйшаго и возвышеннѣйшаго выраженія, когда разумъ является разумомъ Платона или Архимеда.

„Не обманывайтесь: вы сейчасъ видѣли существъ, въ которыхъ жизнь только чуть намѣчена; изучайте ихъ, эти маленькія, ничтожныя существа, рожденныя въ пыли и илѣ, изучайте ихъ, какъ бы малы они ни были; жизнь одушевляетъ и ихъ, и верховный мастеръ и на нихъ показалъ свое всемогущество. Удивляются, что въ маленькихъ тѣлахъ, почти ускользающихъ отъ зрѣнія (въ невидимыхъ существахъ), встрѣчаются дробныя части въ устройствѣ, какъ и въ тѣлахъ человѣка или слона. Такъ, нога блохи представляетъ намъ всѣ части строенія ноги самаго большаго животнаго: суставы, мускулы, связки, сосуды, нервы. Въ ней есть кровь, приносящая движеніе и жизнь; въ ней совершаются также всѣ явленія питанія. Итакъ, нѣтъ ничего занимательнѣе, важнѣе для философа, для желающаго возвыситься до знанія первичныхъ причинъ, какъ изученіе тѣла человѣческаго. Но вы, врачи, вы въ особенности должны изучать назначеніе частей человѣческаго тѣла, ибо безъ этого знанія вы не будете въ состояніи ни опредѣлить мѣста нахожденія болѣзней, ни установить ихъ леченіе. Если въ здоровомъ состояніи невозможно отрицать верховный разумъ, который направляетъ и соподчиняетъ различныя жизненныя дѣйствія, то вѣрьте также съ Гиппократомъ, что въ болѣзни присутствуетъ и дѣйствуетъ эта самая сила, чтобъ привести животную экономію въ равновѣсіе и гармонію".

Семнадцать столѣтій протекло съ того дня, когда Галенъ написалъ блестящую главу, оканчивающую и вѣнчающую трактатъ *de Usu partium*, и эти истины нисколько не потеряли очевидности, эти разсужденія столь-же сильны, этотъ слогъ сохранилъ и движеніе и жизнь.

Если мы перейдемъ отъ анатоміи и физіологіи Галена къ его медицинѣ, то и тутъ найдемъ, что онъ выше всѣхъ своихъ предшественниковъ, потому что геніально продолжаетъ и развиваетъ

ГАЛЕНЪ ПРЕПОДАЮЩІЙ АНАТОМІЮ, ВЪ РИМѢ, ВЪ ХРАМѢ МИРА.

высшую медицину, одновременно философскую и опытную, установленную Гиппократомъ.

Сначала онъ опредѣлилъ медицину, *какъ искуство сохранять здоровье;* такое опредѣленіе могло смѣшать ее съ гигіеной. Онъ скоро отыскалъ другое, болѣе обширное опредѣленіе, въ которомъ одновременно заключались нормальное состояніе человѣческаго тѣла, его уклоненія или поврежденія, и помощь, которую можно подать въ такомъ случаѣ.

Медицина, говоритъ Галенъ, есть *наука о томъ, что здорово, вредно и безразлично.* Это второе опредѣленіе, кромѣ того находится въ бо́льшемъ согласіи съ ученіемъ о четырехъ стихіяхъ и четырехъ стихійныхъ качествахъ. Съ этой доктриной самымъ тѣснымъ образомъ связывалось общее правило *поддерживать части и ихъ качества въ ихъ естественномъ состояніи средствами, которыя находятся въ соотношеніи съ ними.* Наконецъ, изъ того же ученія Галенъ выводилъ еще двойное терапевтическое правило, состоящее въ томъ, что для сохраненія здоровья слѣдуетъ *прилагать подобное къ подобному*, а для возстановленія его *противополагать противоположное — противоположному.* Весь галенизмъ, который послѣ пятнадцативѣковаго господства, оставилъ такое обширное наслѣдство новѣйшей медицинѣ, заключается въ этихъ правилахъ.

Медицина Галена близка къ Гиппократовой, но не сливается съ нею. Галенъ не воспроизводитъ просто и въ чистомъ видѣ ученія коосскаго врача. Порой онъ уклоняется отъ началъ этого великаго учителя и даже оспариваетъ ихъ иногда. Правда, онъ оспариваетъ также Аристотеля, который служилъ ему постоянно вожакомъ и въ физіологіи и въ философіи.

Что́ заключить изъ этихъ видимыхъ противорѣчій, какъ не то, что поклоненіе Галена этимъ двумъ великимъ людямъ было разумное, а слѣдственно, болѣе серьезное, чѣмъ умовъ, не способныхъ къ критикѣ. Быть можетъ также, что при своемъ изученіи различныхъ системъ философіи и медицины, Галенъ пріобрѣлъ привычку къ нѣкоторой перемѣнчивости мнѣній, которая часто вырождается у него въ противорѣчіи. Онъ тогда самъ впадалъ въ ошибку, за которую упрекалъ враговъ Гиппократа, обвиняя ихъ въ томъ, что они просто острые діалектики, споры которыхъ часто противны простому здравому смыслу. Дѣйствительно Галенъ за-

служивалъ въ извѣстной мѣрѣ то прозваніе, которое дали ему римскіе врачи; онъ былъ немного *резонеръ*, и его необычная способность говорить и писать весьма способствовала развитію этого недостатка. Но эта перемѣнчивость сужденій, или, если угодно, эти противорѣчія, не могутъ изгладить истиннаго характера его медицины, въ существѣ гиппократовской, не по тому только, что онъ такъ называетъ ее, но потому, что онъ всей своей практикой оправдалъ такой ея характеръ.

Галенъ принималъ четыре главныя влаги, признанныя Гиппократомъ, именно: кровь, слизь, желчь и черную желчь (меланхолію). На основаніи этихъ четырехъ влагъ, онъ принималъ четыре рода темпераментовъ. Онъ принималъ также четыре стихійныя свойства. Этихъ данныхъ ему было достаточно для объясненія не только природы и происхожденія всѣхъ болѣзней, но также свойства всѣхъ естественныхъ веществъ и силы всѣхъ лекарствъ.

Эта система, весьма заманчивая по своей простотѣ, господствовала въ продолженіи пятнадцати вѣковъ въ медицинѣ; но теперь сторонниковъ ея не имѣется.

Галенъ больше всего приближался къ Гиппократу въ прогностикѣ; у него, какъ и отца медицины, она была нѣкотораго рода предвѣдѣніемъ. Галенъ хвалится, что никогда не ошибался въ предсказаніяхъ на счетъ перелома, или исхода болѣзни. Онъ предсказывалъ часто противъ мнѣнія другихъ врачей кризисы, которые и происходили.

Разъ рѣчь шла о томъ, чтобъ пустить кровь одному молодому человѣку. Галенъ противился этому, предсказывая кровотеченіе носомъ, которое благопріятно *рѣшитъ* болѣзнь, выражаясь терминами Гиппократа и согласно его идеямъ. Только что было предсказано кровотеченіе, какъ и обнаружилось на дѣлѣ.

Выше нами разсказано посѣщеніе Галеномъ друга философа Главкона.

Вѣрность Галеновой діагностики простиралась до самыхъ таинственныхъ нравственныхъ болѣзней. Однажды онъ отгадалъ, что причиной меланхоліи нѣкотораго раба былъ страхъ, что откроется совершонное имъ воровство.

Галенъ не хочетъ въ этомъ отношеніи отстать ни отъ Гиппократа, ни отъ Эрасистрата, двѣ знаменитыя діагностики которыхъ

мы разсказали, именно какъ они открыли, что два царевича были несчастливо влюблены, и что въ этомъ заключалась единственная причина ихъ тоски. Галенъ разсказываетъ, что въ бытность свою въ Римѣ онъ былъ позванъ къ одной знатной дамѣ, которую считали опасно больной; причина болѣзни, какъ онъ открылъ, заключалась въ томъ, что матрона была безъ памяти влюблена въ шута, по имени Пилада.

Исторія впрочемъ прибавляетъ, что Галенъ засталъ шута на колѣняхъ передъ знатной матроной; это, конечно, значительно облегчило діагнозу.

Медицина Галена вся умозаключительная. Когда ему неизвѣстны дѣйствительные факты, онъ основываетъ сужденія на фактахъ гипотетическихъ. Онъ постоянно разсуждаетъ о стихіяхъ, влагахъ, о сухомъ и влажномъ и т. д. Поэтому трудно отдѣлить точныя свѣдѣнія, которыя были у Галена на счетъ болѣзней и ихъ леченія, отъ нескончаемыхъ разглагольствованій, въ которыхъ расплываются эти свѣдѣнія.

Общая патологія Галена есть чисто словесный наборъ безконечныхъ наблюденій, дѣленій и подраздѣленій болѣзни, разсматриваемой абстрактно; толкованіе о причинахъ и симптомахъ, чисто умозрительное.

„Болѣзни по Галену дѣлятся—говоритъ Девейнерисъ въ *Медико-историческомъ Словарѣ*, на болѣзни однородныхъ частей, то есть системъ: артеріальной, венозной, нервной, костяной, хрящевой, связочной, перепоночной и мускульной, къ которымъ слѣдуетъ прибавить и четыре влаги; на болѣзни частей орудійныхъ, или органовъ, каковы мозгъ, сердце, легкія, печень и т. п. и наконецъ, на болѣзни всего тѣла.

„Разсматриваемыя по отношенію къ своей природѣ, болѣзни однородныхъ частей могутъ быть приведены къ разстройству или гармоніи четырехъ стихійныхъ началъ, которыми онѣ снабжены. Влаги погрѣшаютъ своимъ преизбыткомъ: это полнокровіе; или недостатками въ своемъ составѣ: это худосочіе. Болѣзни органовъ зависятъ отъ измѣненій, или ихъ формы, или ихъ числа, или ихъ качества и объема, или ихъ положенія. Разрывъ въ связи частей составляетъ родъ болѣзни, общей и однороднымъ частямъ и частямъ орудійнымъ или органамъ.

„Въ частной патологіи, мы обратимъ вниманіе на ученіе о лихорадкахъ, весьма обширно и систематически развитое Галеномъ. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ онъ ихъ разсматриваетъ, скажемъ, что онъ принимаетъ три рода перемежающихся лихорадокъ: ежедневную, трехъ и четырехдневную; онъ принимаетъ ихъ за существенно различныя. Первая, по его мнѣнію зависитъ отъ гнилости слизи; вторая отъ подобнаго же измѣненія желтой желчи, послѣдняя отъ гнилостнаго состоянія черной желчи. Постоянныя лихорадки происходятъ также вслѣдствіе порчи желтой желчи.

„Укажемъ еще на два рода весьма общихъ болѣзней: на воспаленія и кровотеченія, на счетъ которыхъ Галенъ сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній, извлеченныхъ отчасти изъ наблюденія, отчасти и главнѣйшимъ образомъ изъ своихъ систематическихъ соображеній; и скажемъ наконецъ нѣсколько словъ о совершенно специальной патологіи Галена, то есть о его свѣдѣніяхъ относительно особенныхъ болѣзней каждой части тѣла [1])“.

Въ сочиненіяхъ нашего ученаго, хирургія не оставлена безъ вниманія, но она не составляетъ лучшей ихъ части. Галенъ, какъ сказано, практически занимался хирургіей въ Пергамѣ. Имѣя порученіе въ продолженіе трехъ лѣтъ лечить раненыхъ гладіаторовъ, онъ вылечилъ ихъ всѣхъ до одного, между тѣмъ какъ до него всѣ почти умирали. Въ Римѣ онъ бросилъ хирургію и окончательно занялся медициной, согласно обычаю, который тогда сталъ возникать, отдѣлять практическое занятіе этими двумя вѣтвями искусства. Впрочемъ, теперь трудно оцѣнить знанія и искусство Галена въ хирургіи, ибо сочиненіе, составленное имъ объ этомъ предметѣ, теперь не существуетъ.

Тѣмъ не менѣе онъ говоритъ о большей части хирургическихъ болѣзней въ своемъ большомъ сочиненіи *de Methodo medendi*, въ трактатѣ *de Tumoribus*, въ сочиненіи *de Medicamentorum compositione secundum locos*, и мимоходомъ во многихъ другихъ. Но въ нихъ мало замѣчательнаго. Болѣе всего искуснымъ и опытнымъ является Галенъ въ той части хирургіи, которая относится къ перевязкамъ и аппаратамъ, о которыхъ онъ говоритъ въ своемъ *Толкованіи на хирургическія сочиненія Иппократа.*

Боэргавъ сказалъ про Галена: *„Multum profuit, multum nocuit“*, *„Много принесъ пользы, много повредилъ“*, не прибавивъ, что полезность превышаетъ вредъ. Діалектика и разсужденія, которыми Галенъ подтверждалъ свою медицину, безъ сомнѣнія, повредили практикѣ искусства и породили врачей болтуновъ, любителей порожныхъ рѣчей, которыхъ преданіе длилось до Парацельза. Но своими анатомическими знаніями Галенъ направилъ медицину на путь преуспѣянія.

---

[1]) *Dictionnaire historique de la médecine ancienne* et *moderne,* in-8°, Paris, 1831, т. II, стр. 447.

Нѣкотораго рода культъ окружалъ его память у многихъ слѣдовавшихъ за нимъ поколѣній врачей. И къ сожалѣнію, они старались развивать дурную сторону пергамскаго врача. Въ продолженіи долгаго ряда вѣковъ привыкли смотрѣть на сочиненія и доктрину Иппократа сквозь теоретическій снарядъ, которымъ окружилъ ихъ Галенъ. Верховный оракулъ арабскихъ врачей, Галенъ сохранялъ тотъ же авторитетъ во всѣхъ средневѣковыхъ европейскихъ школахъ. Онъ столько же времени господствовалъ въ медицинѣ, сколько Аристотель въ философіи. До шестнадцатаго столѣтія, то есть до того мгновенія, когда Парацельсъ расшевелилъ уснувшую медицину и вывелъ ее изъ вѣковаго оцѣпенѣнія, врачъ, будучи призванъ къ постели больнаго, не заботился узнать или осмотрѣть страдавшую часть. Важнѣйшимъ для него дѣломъ было знать, что думалъ Галенъ о случаѣ болѣзни, которая была теперь передъ его глазами. Вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть симптомы болѣзни, перелистывали in-folio Галена, чтобы узнать, къ которому изъ подраздѣленій учителя слѣдовало отнести этотъ частный случай. Пока разсуждали, толковали, проходила благопріятная минута *(occasio praeceps*, какъ говорилъ Иппократъ) дать энергическое и нужное лекарство, и больной спокойно отправлялся на тотъ свѣтъ лично совѣтоваться съ Галеномъ.

Списокъ сочиненій Галена огроменъ. Знать точно заглавія всѣхъ его сочиненій — въ нѣкоторомъ смыслѣ цѣлая наука. Одно краткое изложеніе ихъ содержанія занимаетъ двѣнадцать страницъ въ 8-ю долю въ *Dictionnaire historique de la médecine* Дезеймериса.

Галенъ писалъ только по-гречески; но сочиненія его часто переводились по-латыни. Только нѣкоторыя сочиненія переведены по-французски. Даремберґъ, предпринявшій трудъ, столь же полезный, сколь огромный, перевести съ греческаго на французскій сочиненія Галена, выдалъ покуда только два тома своего перевода [1]).

[1]) *Œuvres médico-philosophiques de Galien*, traduites pour la première fois en français. Paris, 1854 — 1856, in-8.

Первый латинскій переводъ сочиненій Галена вышелъ въ Венеціи въ 1490; онъ составлялъ два тома *in-folio*. Новый переводъ въ томъ же форматѣ въ 1541. Это изданіе было перепечатано восемь, или девять разъ въ теченіе ста лѣтъ.

Конрадъ Гесснеръ, знаменитый швейцарскій натуралистъ, издалъ въ 1561 году прекрасный латинскій переводъ Галена съ спискомъ писателей, которые до того времени переводили или комментировали сочиненія пергамскаго врача.

Въ семьнадцатомъ столѣтіи сочиненія Галена были вполнѣ пересмотрѣны, какъ относительно текста, такъ и относительно латинскаго перевода. Рене́ Шартье (1639 — 1679) обнародовалъ въ тринадцати томахъ соединенныя сочиненія Иппократа и Галена. Сочиненія Галена составляютъ большую часть этого великолѣпнаго изданія, истиннаго памятника эрудиціи и терпѣнія.

Послѣднее изданіе сочиненій Галена сдѣлано Кюномъ въ Германіи. Оно состоитъ изъ 20 томовъ въ 8-ю долю (1821 — 1823).

КЛАВДІЙ ПТОЛОМЕЙ

и

АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ ШКОЛА.

Въ жизнеописаніи Евклида, а также Аполлонія и Иппарха, мы говорили уже съ нѣкоторою подробностію объ Александрійской школѣ. Жизнь астронома Клавдія Птоломея дастъ намъ случай болѣе подробно разсказать основаніе, развитіе и упадокъ знаменитой египетской академіи. Мы вставляемъ жизнь Клавдія Птоломея, какъ въ рамку, въ быстрый историческій обзоръ александрійской школы.

Исторія этой школы къ тому же никогда не была писана съ точки зрѣнія точныхъ наукъ. Во французской литературѣ есть нѣсколько сочиненій относительно Александрійской школы. Вотъ главныя: *Историческій опытъ объ Александрійской школѣ* Матте (Matter) [1]; *объ Александрійской школѣ* отчетъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ Бартелеми Сентъ-Илера [2]; *Исторія Александрійской школы* Жюля Симона [3]; *Критическая исторія Александрійской школы* Вашеро, сочиненіе увѣнчанное Институтомъ [4]. Къ сожалѣнію, авторы этихъ сочиненій всѣ — метафизики; поэтому они касались только метафизической стороны

[1]) Un vol. in-8. Paris, 1845.

[2]) Un vol., in-8. Paris, 1845.

[3]) Deux vol., in-8. Paris, 1845.

[4]) Trois vol., in-8. Paris, 1845 — 1851.

этой школы. Они ограничились (безполезно потративъ много таланта и эрудиціи) пространнымъ изложеніемъ разглагольствованій послѣднихъ александрійскихъ мечтателей и софистовъ, кажется и не подозрѣвая существованія той плеяды геометровъ, физиковъ, астрономовъ, естествоиспытателей и врачей, которая составляетъ славу Александрійской школы и заслуживаетъ единодушную признательность потомства.

Всѣ авторы, о которыхъ мы упомянули, назначаютъ основаніе Александрійской школы во второмъ вѣкѣ по Р. Х.

„Александрійская школа,—говоритъ Жюль Симонъ, началась въ концѣ втораго вѣка нашей эры; она занимаетъ часть пятаго, и объемлетъ періодъ около четырехъ вѣковъ [1]).

„Александрійская школа, говоритъ Вашеро, началась около 193 по Р. Х. и окончилась въ 529 [2])".

По этому лѣтосчисленію Иппархъ, Птоломей, Евклидъ, Аполлоній вовсе не существовали. Александрійская школа, стало быть, не была основана во второмъ вѣкѣ до Р. Х. однимъ изъ намѣстниковъ Александра, Птоломеемъ Сотеромъ, главой династіи Лагидовъ! Она, значитъ, не блестѣла три вѣка раньше, самымъ живымъ свѣтомъ, своими научными работами! Эти три вѣка просто вычеркнуты изъ исторіи [3]).

Еслибъ натуралисты или физики стали писать объ этомъ предметѣ, они не впали бы въ подобную ошибку. Они не обошли бы молчаніемъ трудовъ геометровъ, астрономовъ и т. д. Александрійской школы ради того, чтобъ говорить объ иллюминатахъ, стоящихъ въ концѣ этой школы; они бы не промѣняли добычи на тѣнь.

Да, отъ египетской Академіи осталась только тѣнь въ тотъ печальный и послѣдній періодъ ея существованія, въ который наши новѣйшіе философы, ученики Кузена, хотѣли заключить Алексан-

[1]) Préface, p. I.

[2]) Préface, p. V.

[3]) Вашеро, правда, полагаетъ различіе между александрійскимъ *музеемъ* и школой. Но этого тонкаго различія нельзя признать. Мы не признаемъ, чтобы дурно понятое слово позволяло пройти молчаніемъ болѣе трехъ вѣковъ въ книгѣ, которая называется *Исторія*.

ПТОЛОМЕЙ СОТЕРЪ ПРИКАЗЫВАЕТЪ ПОСТРОИТЬ АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ МУЗЕЙ.

дрійскую школу, назначая ея начало во второмъ вѣкѣ по Р.Х. Въ это время Александрійская школа существовала уже четыреста лѣтъ, и значительно пошатнулась, потому что не было уже знаменитыхъ представителей физическихъ наукъ, составлявшихъ ея славу; потому что послѣдователи Клавдія Птоломея были посредственностью; потому что за великими изобрѣтателями послѣдовали простые комментаторы или толковники. Когда то, что́ составляло силу и значеніе этой знаменитой школы — мы говоримъ о занятіяхъ точными науками,—отодвинулось на задній планъ, или потеряло свою важность, тогда осталось свободное поле для софистовъ и мечтателей, которые блуждали въ лабиринтѣ неслыханнаго мистицизма, почерпнутаго на востокѣ. Чтобы видѣть Александрійскую школу въ заблужденіяхъ этихъ сектантовъ, нужно закрыть глаза на все очевидное.

Итакъ, мы вкратцѣ изложимъ исторію перваго и блестящаго періода Александрійской школы. Мы вставимъ въ эту раму жизнь астронома Клавдія Птоломея, знаменитѣйшаго ученаго школы, и въ тоже время сдѣлаемъ перечень многихъ другихъ ученыхъ меньшаго достоинства, но которые числомъ и непрерывностью своихъ изысканій занимаютъ значительное мѣсто въ исторіи наукъ.

Александрійская школа была продолженіемъ философскаго и научнаго просвѣщенія Греціи. Лицей Аристотеля и Өеофраста бытъ закрытъ, или отъ него остались только развалины. Отъ школы Пиөагора въ Кротонѣ осталось одно воспоминаніе. Александрійская школа по счастію заступила ихъ мѣсто, и научное и философское просвѣщеніе Греціи такимъ образомъ продолжалось безъ перерыва.

Но какія событія привели къ основанію этой школы въ огромномъ и прекрасномъ египетскомъ городѣ, построенномъ по повелѣнію Александра, на африканскомъ берегу Средиземнаго моря?

Александръ, поработивъ Грецію, покоривъ огромную имперію персовъ, побѣдивъ Египетъ и много другихъ странъ, умеръ тридцати трехъ лѣтъ. Едва онъ умеръ, какъ его воеводы раздѣлили между собою его обширную имперію, и заспорили о ея обломкахъ. Война запылала повсюду. Греція поочередно перехо-

дила къ разнымъ владыкамъ, которые безпрерывно мѣняли форму правленія. Только и слышно было, что о проскрипціяхъ, изгнаніяхъ, убійствахъ.

Въ эти времена шатости и безпорядка, только урывками занимались науками и словесностію; ибо никого уже не вдохновляла и не поддерживала независимость духа, безъ которой невозможно никакое умственное развитіе. Великимъ аѳинскимъ школамъ и греческому просвѣщенію былъ нанесенъ смертельный ударъ. По временамъ, могли еще появляться талантливые люди; но это уже не были первоклассные таланты, и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ можно было замѣтить дальнѣйшее паденіе въ людскихъ-ли характерахъ, или въ умственныхъ трудахъ. То обширное энциклопедическое обученіе, при помощи котораго образовалось въ главнѣйшихъ пиѳагорейскихъ школахъ столько великихъ людей, было незамѣтно брошено. Мало-по-малу привыкли изучать природу и совокупность человѣческихъ знаній только въ видѣ отрывковъ.

Стратонъ Лампсакскій, преемникъ Ѳеофраста по управленію Лицеемъ, по словамъ Діогена Лаерція спеціально занимался изученіемъ физики. Онъ былъ прозванъ *Физикомъ*. Впрочемъ, изъ списка его сочиненій видно, что онъ не вполнѣ оставался чуждъ другихъ отраслей знанія, преподававшихся Аристотелемъ и Ѳеофрастомъ, котораго онъ былъ ученикомъ. Но послѣ него въ аѳинскихъ школахъ были только діалектики, риторы и толковники. Рѣдкіе избранные умы, появлявшіеся въ различныхъ странахъ Греціи, отправлялись отыскивать въ другомъ центрѣ извѣстность и славу, которыхъ Аѳины уже не могли раздавать великимъ талантамъ.

Этотъ новый центръ просвѣщенія и цивилизаціи образовался въ новой столицѣ Египта, подъ эгидой одного изъ преемниковъ Александра.

При раздѣлѣ обширной имперіи Александра, одному изъ сподвижниковъ его, Птоломею Сотеру (*или Спасителю*) достался Египетъ, и онъ въ Александріи учредилъ резиденцію своего правительства.

Птоломей былъ человѣкъ темнаго происхожденія. Его отецъ Лагъ былъ просто тѣлохранителемъ Филиппа, можетъ быть еще

того меньше. Еще юнымъ, неизвѣстно почему, онъ былъ принятъ ко двору Филиппа, отца Александрова; не умѣя объяснить такой великой относительно его милости, стали предполагать, довольно бездоказательно, что онъ побочный сынъ македонскаго царя. Наперсникъ Александра, Птоломей былъ изгнанъ, какъ говорятъ, за то, что ободрялъ его къ исполненію нѣкотораго проэкта, противоположнаго взглядамъ Филиппа. По смерти своего отца, Александръ поспѣшилъ призвать къ себѣ Птоломея.

Ученикъ Аристотеля былъ государь весьма образованный, и весьма вѣроятно, что онъ въ наперсники къ себѣ взялъ человѣка не безъ достоинствъ. Птоломей жилъ при дворѣ македонскомъ такъ же, какъ жилъ тамъ Аристотель, то есть пользуясь почестями и всеобщимъ уваженіемъ.

Птоломей послѣдовалъ за Александромъ въ Азію. Онъ доказалъ въ опасныхъ случаяхъ, что въ немъ соединяется доблесть солдата съ искусствомъ полководца. Въ одномъ трудномъ переходѣ, онъ предводительствовалъ однимъ изъ трехъ отдѣловъ войска и весьма счастливо выполнилъ это. Во время празднествъ въ Сузахъ, Александръ присудилъ ему за то золотой вѣнецъ. Затѣмъ онъ женилъ его на знатной дѣвушкѣ.

Птоломей Сотеръ не былъ ни ученымъ, ни философомъ, но былъ любителемъ наукъ и словесности. Сдѣлавшись главой государства, онъ почтилъ ихъ; можно даже сказать, что онъ самъ занимался ими. Онъ написалъ исторію Александра, о которой Аріанъ, ссылаясь на нее, отзывается какъ о драгоцѣнномъ памятникѣ. Въ Александріи хранилось собраніе его писемъ, сдѣланное Діонисодоромъ. Онъ былъ въ перепискѣ съ поэтомъ Меландромъ.

Птоломей, достаточно утвердясь на тронѣ, показалъ, что онъ достоенъ царствовать, ибо сдѣлалъ изъ своей власти достойное употребленіе. Хотя онъ остался вѣренъ эллинскимъ преданіямъ и культу, но уважалъ вѣрованія египтянъ; онъ съ терпимостію относился ко всѣмъ культамъ. Желая покровительствовать полезнымъ трудамъ, онъ безпрерывно старался извлечь возможно лучшее изъ окружавшихъ его талантовъ и способностей. Зная еврейскій народъ за промышленный людъ, онъ основалъ въ Александріи еврейскую колонію. Словомъ, онъ ничѣмъ не пренебрегалъ,

чтобы слѣлать свою столицу одной изъ самыхъ торговыхъ въ мірѣ.

Въ 298 году до р. Х. Птоломей Сотеръ заложилъ александрійскій маякъ, который по справедливости считался однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Зодчій Сострагъ Книдскій завѣдывалъ постройкой. Вскорѣ въ Египтѣ воздвиглись другія зданія, храмы, дворцы, гробница Александра, ипподромъ, наконецъ *Серапеумъ*, храмъ, въ которомъ была поставлена знаменитая статуя Сераписа, верховнаго божества египтянъ.

Но это было только частью плана, замышленнаго главой династіи Лагидовъ. Онъ видѣлъ въ Греціи преимущества, которыя можетъ доставить государству развитіе словесности, наукъ и искусствъ. Сдѣлавшись царемъ египетскимъ, онъ не могъ заниматься матеріальными элементами цивилизаціи, не думая въ тоже время объ элементахъ нравственныхъ, возникающихъ изъ общественнаго воспитанія. Онъ задумалъ обширный планъ просвѣщенія, центромъ котораго была бы Александрія. Около него было уже нѣсколько образованныхъ людей, каковы поэтъ Филетасъ Кооскій, грамматикъ Зенодотъ и другіе, которымъ было поручено воспитаніе царскихъ дѣтей. Но этихъ лицъ было недостаточно. Ему для выполненія его плана образованія, требовались первостепенны умы, или въ случаѣ недостатка геніальныхъ людей (всегда рѣдкихъ) по крайней мѣрѣ нѣсколько отличныхъ ученыхъ.

Однимъ онъ обѣщалъ досугъ, другимъ почести или вознагражденія. Нѣкоторые отозвались на его призывъ; другіе, какъ Ѳеофрастъ и Менандръ, не смотря на непрестанныя его просьбы, отказались посѣтить его дворъ; но они были въ перепискѣ съ нимъ.

Дѣятельнѣе всѣхъ помогалъ ему въ учрежденіи новой школы Дмитрій Фалерскій.

Ученикъ Ѳеофраста, Дмитрій Фалерскій былъ человѣкъ очень образованный. Съ большимъ ораторскимъ талантомъ онъ соединялъ опытность искуснаго правителя и государственнаго человѣка. Онъ управлялъ въ трудное время десять лѣтъ Аѳинами, и столь счастливо, что заслужилъ общее одобреніе. Такъ, меньше чѣмъ въ годъ было воздвигнуто триста шестьдесятъ статуй въ честь Дмитрія. Онъ одновременно и украсилъ Аѳины и увеличилъ доходы города, — двѣ нелегко согласимыя вещи.

Но движеніе, возбужденное честолюбіемъ и соперничествомъ преемниковъ Александра, обнаружилось въ различныхъ точкахъ Европы и Азіи. Различныя государства Греціи часто мѣняли своихъ владыкъ. Въ каждомъ государствѣ, различныя партіи, словно волны бурнаго моря, сшибались другъ съ другомъ, и каждая поочередно то побѣжденная, то побѣдительница, становилась во главѣ политическаго управленія страною. Дмитрій былъ сверженъ во время одной изъ этихъ мѣстныхъ революцій. Всѣ его статуи были проданы или разрушены; осталась только та, которая стояла въ крѣпости.

Приговоренный къ смерти, Дмитрій принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Онъ отправился въ Египетъ, въ Алексанрію.

Птоломей Сотеръ съ радостію принялъ ученаго и искуснаго правителя.

Между другими знаменитостями, призванными Птоломеемъ, прежде всего слѣдуетъ назвать геометра Эвклида. Выше мы разсказали немногое, извѣстное о его жизни и трудахъ.

Въ Александрію изъ различныхъ мѣстъ Греціи пріѣхало нѣсколько ученыхъ, писателей, философовъ, которымъ Птоломей предложилъ убѣжище, почести или вознагражденіе. Обширная зала или галерея была назначена для ихъ собраній. Самъ царь присутствовалъ на этихъ засѣданіяхъ и за-просто бесѣдовалъ съ ними, или принималъ участіе въ ихъ спорахъ.

Зенодотъ Эфесскій, одинъ изъ воспитателей царскихъ дѣтей, сначала былъ книгохранителемъ. Но при Дмитріи должность библіотекаря получила бо́льшую важность. Къ имѣвшимся уже рукописямъ, или книгамъ, Дмитрій, по выраженному царемъ желенію, прибавилъ множество другихъ, скупленныхъ повсюду, гдѣ только можно было найти. Они хранились въ дворцовыхъ галереяхъ, получившихъ имя *Музея*.

Такъ основалась знаменитая александрійская библіотека, первымъ библіотекаремъ которой былъ Дмитрій Фалерскій. Впослѣдствіи, годъ отъ году, въ продолженіи вѣковъ, она увеличивалась до взятія Александріи арабами.

Вскорѣ послѣ основанія, въ александрійской библіотекѣ считалось до двухъ сотъ тысячъ сочиненій.

„Птоломей Сотеръ,—говоритъ Жюль Симонъ,—для храненія этого собранія отвелъ дворецъ, *Брухеіонъ*, и завѣдываніе имъ поручилъ Димитрію, послѣ котораго эта должность поручалась первостепеннымъ ученымъ: Калимахамъ, Ератосѳенамъ, Аристархамъ. Цѣлая армія переписчиковъ и калиграфовъ была въ распоряженіи библіотекаря; въ его распоряженіи находились также ученые для просмотра и исправленія текстовъ и *хоризонты* (*χωρίζοντες*), обязанность которыхъ была различать и отбирать подлинныя сочиненія и ученыя изданія.

„Уже при Птоломеѣ III (Эвергетѣ) *Брухеіонъ* сталъ малъ для всѣхъ книгъ, и часть ихъ пришлось сложить въ храмѣ Сераписа, гдѣ мало-по-малу образовалась новая библіотека. Быстрота, съ которою была собрана эта огромная колекція, и размѣры, которые она приняла впослѣдствіи, прямо показываютъ, что Птоломей и Димитрій заботились особенно о полнотѣ, что они и ихъ преемники отовсюду добывали книги, и что съ самаго начала александрійскіе ученые заботились о всеобщей эрудиціи болѣе, чѣмъ о строгой критикѣ. Аммоній, Симплицій, Филопонъ, Давидъ говорятъ, что Птоломей II (Филадельфъ) столь по-царски платилъ за книги, что его щедрость породила поддѣлки, и такова была, по словамъ Галена, ревность одного изъ Птоломеевъ, что онъ заставлялъ всѣхъ приставшихъ къ Египту мореходовъ привозить ему книги. Въ *Брухеіонѣ* при Птоломеѣ Филадельфѣ были двѣ книги *категорій* и сорокъ *аналитикъ*. Этотъ государь, пользовавшійся уроками Стратона Лампсакскаго, преемника Ѳеофраста, самъ написалъ біографію Аристотеля, къ которой онъ приложилъ каталогъ его сочиненій и насчитывалъ ихъ тысячи, *τῶν Ἀριστοτελικῶν συγγραμμάτων πολλῶν ὄντων χιλίων τὸν ἀριθμόν*. Эта безразсудная ревность къ огромнымъ колекціямъ одушевляла тогда всѣхъ государей, собиравшихъ библіотеки. Атталъ, царь пергамскій, до того простеръ свою жадность, что, по разсказу Страбона и Плутарха, пришлось зарыть въ землю, чтобъ избавиться отъ его розысковъ, собраніе книгъ Аристотеля, завѣщанное Ѳеофрасту и перешедшее потомъ къ Нелею Скепсискому. Во всей Греціи торговали рукописями; Родосъ и Аѳины были главнѣйшими рынками. Если въ самой Греціи и почти при жизни авторовъ, были подлоги книгъ, то удивляться ли, что, когда поддѣлыватели нашли такія мѣста сбыта, какъ Александрія и Пергамъ, они наводнили ихъ апокрифами?

Главная александрійская библіотека, которая по самому умѣренному счету состояла по крайней мѣрѣ изъ четырехъсотъ тысячъ волюмовъ, была сожжена при пожарѣ Цезарева флота, за сорокъ семь лѣтъ до Р. Х. Но эта потеря отчасти была вознаграждена, когда пергамская библіотека, завѣщанная сенату, была передана Маркомъ Антоніемъ городу, гдѣ царствовала Клеопатра. [1])

Но Птоломей Сотеръ не могъ заботиться только о собираніи книгъ. Онъ долженъ былъ также позаботиться о физическихъ, механическихъ и астрономическихъ приборахъ, которые не менѣе нужны при научныхъ изслѣдованіяхъ. Въ аѳинскомъ Лицеѣ, основанномъ Аристотелемъ, было собраніе физическихъ приборовъ, а равно естественно-историческихъ коллекцій, въ которыхъ различныя произведенія трехъ царствъ были расположены методически.

---

[1]) Histoire de l'Ecole d' Alexandrie, т. 1, стр. 181—184.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно, чтобы Аристотель и его преемникъ Ѳеофрастъ въ своемъ обширномъ энциклопедическомъ курсѣ ограничивались скучнымъ описаніемъ минеральныхъ, животныхъ и растительныхъ произведеній, о которыхъ шла рѣчь, и никогда ни одного изъ нихъ не показывали ученикамъ. Равно также невозможно, чтобы Птоломей, бывшій въ перепискѣ съ Ѳеофрастомъ, не посовѣтовался съ нимъ на счетъ необходимости собрать въ галереяхъ Музеума естественно-историческіе предметы, необходимые для изслѣдованій и при изученіи. Приведемъ снова слова ученаго, на котораго ссылались немного выше.

„Вмѣстѣ съ библіотекой, Птоломей Сотеръ и Димитрій,—говоритъ Жюль Симонъ,—основали музей, учрежденіе, которому не было ни соперника, ни образца. Это было собраніе ученыхъ, живущихъ во дворцѣ, на полномъ содержаніи отъ государя, щедро одаренныхъ имъ и близкихъ къ нему. Позже при Антонинахъ они были освобождены отъ общественныхъ обязанностей. Обсерваторія, анатомическій амфитеатръ, придворный звѣринецъ, были подъ ихъ управленіемъ; изъ числа ихъ выбирались наставники для будущихъ государей. Никогда не было учрежденія на болѣе широкую ногу. Ученымъ предлагали деньги, почести и не возлагали на нихъ обязанностей. Лагиды желали только привлечь ученыхъ и удержать ихъ при себѣ, обезпечить имъ досугъ и уваженіе, и такимъ образомъ имѣть, такъ сказать, подъ руками огромный запасъ научныхъ и литературныхъ богатствъ. Не существовало никакихъ правилъ для внутренней жизни, никакого впередъ начертаннаго плана изслѣдованій; общественное преподаваніе было скорѣй правомъ членовъ музея, чѣмъ ихъ обязанностью. Правда, что надъ ихъ курсами былъ правительственный надзоръ, и что надзоръ этотъ бывалъ порою весьма строгъ. Лагиды заставили замолчать Гегезіаса Пейсиѳанатоса, который, подобно атею Ѳеодору, открыто отвергалъ многобожіе; они изгнали Зоила; можетъ быть, преимущественно этой причинѣ слѣдуетъ приписать почти постоянное отсутствіе философовъ въ музеѣ, гдѣ были представители всѣхъ другихъ отраслей человѣческихъ знаній. Число членовъ музея измѣнялось отъ тридцати до сорока; при пріемѣ не налагалось никакихъ условій; всѣмъ народамъ, всѣмъ религіямъ былъ свободный пріемъ; исключеніе составляли только евреи и позже христіане. [1])"

Александрійская школа была учреждена на основаніяхъ, весьма выгодныхъ для развитія наукъ. Приведемъ касательно этого мнѣніе Бленвиля.

„Это,—говоритъ Бленвиль,—была вольная школа; существовало двѣ большія коллегіи, одна въ храмѣ Сераписа, другая въ храмѣ Изиды. Ученики стекались туда со всѣхъ сторонъ, привлеченные славой и уроками ученыхъ преподавателей, и въ надеждѣ воспользоваться пособіями, которыя школа представляла для ученыхъ занятій.

---

[1]) Histoire de l'Ecole d'Alexandrie, т. 1, стр. 184 — 185.

Школа, въ самомъ дѣлѣ, владѣла обширнѣйшей въ древности библіотекой. Число волюмовъ, говорятъ, доходило отъ двухъ до трехъ милліоновъ; но вѣроятно, что ихъ было всего четыреста тысячъ—цифра весьма почтенная; замѣтимъ, что подъ словомъ волюмъ въ древности разумѣлось не то, что теперь: волюмомъ (volumen) назывался свитокъ болѣе или менѣе значительный; одно сочиненіе состояло порой изъ довольно большаго числа свитковъ....

„Кромѣ этой библіотеки, въ Александріи, весьма вѣроятно, были еще естественно-историческія коллекціи; но положительно мы знаемъ только о человѣческихъ скелетахъ; объ этомъ говоритъ Галенъ. Изъ Плинія мы знаемъ, что въ Египтѣ употребляли медъ для сохраненія рѣдкихъ животныхъ. Эти огромныя собранія книгъ и другихъ вещей были въ полномъ распоряженіи ученыхъ, пріѣзжавшихъ въ Александрію для того, чтобы преподавать тамъ, или для того, чтобы усовершенствоваться въ наукахъ. Ученики, являвшіеся туда, были совершенно свободны; ихъ было очень много; они могли пользоваться научными коллекціями, — что слѣдуетъ предположить изъ совѣта Галена своимъ ученикамъ отправиться въ Александрію. [1])“

Въ 285 году до р. Х. Птоломей, будучи уже преклоннымъ старикомъ, рѣшился отказаться отъ престола. Онъ назначилъ своимъ преемникомъ младшаго изъ своихъ многочисленныхъ сыновей, Птоломея Филадельфа, котораго по характеру и природнымъ качествамъ считалъ наиспособнѣйшимъ къ царствованію и развитію основанныхъ имъ учрежденій.

Народъ египетскій былъ собранъ на александрійской площади и старикъ-царь объявилъ ему, что отказывается отъ престола и передаетъ вѣнецъ младшему сыну. Выборъ этотъ былъ принятъ съ энтузіазмомъ.

Восшествіе на престолъ Птоломея II, прозваннаго Филадельфомъ, сопровождалось великолѣпными празднествами. Старый царь присутствовалъ на нихъ въ качествѣ придворнаго своего сына. Въ продолженіи тридцати восьми лѣтъ управлялъ онъ Египтомъ и какъ простой правитель, и какъ государь. Его упрекаютъ въ томъ, что порой онъ былъ жестокъ изъ-за честолюбія, но слѣдуетъ признать, что онъ соединялъ съ благороднѣйшимъ характеромъ геній государственнаго человѣка.

Птоломей Филадельфъ былъ слабаго и больнаго сложенія. Онъ не любилъ войны, въ которой не могъ переносить тяжестей, ни стать противъ опасностей. Но если онъ не обладалъ ни доблестью, ни геніемъ своего отца, онъ былъ одаренъ качествами,

---

[1]) Histoire des sciences de l' organisation et de leurs progres, t. I, p. 360—361.

обезпечивающими благосостояніе государствъ. Въ его правленіе матеріальныя и нравственныя силы Египта достигли высокой степени развитія. Промышленность, торговля, искусства, науки, всѣ элементы плодоносной цивилизаціи, возрасли и усовершенствовались. Въ различныхъ частяхъ государства воздвиглись новые города. Птоломей Филадельфъ возобновилъ каналъ, издавна брошенный, который при древнихъ царяхъ служилъ для сообщенія Средиземнаго и Чермнаго морей, каналъ, который, по Страбону, имѣлъ сто локтей ширины. Новѣйшія работы по соединенію Средиземнаго и Чермнаго морей только возстановятъ въ значительнѣйшихъ размѣрахъ каналъ, существовавшій въ древнемъ Египтѣ при Птоломеѣ Филадельфѣ.

Множество важныхъ работъ, имѣвшихъ цѣлію развитіе торговли и промышленности, развитіе мореходства, перевозочныхъ средствъ и путей сообщенія, а равно дальнія путешествія были предприняты въ царствованіе этого государя. Обширная библіотека, основанная при его предшественникѣ, увеличилась значительнымъ числомъ книгъ. Филадельфъ приказалъ ихъ отыскивать повсюду. Онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни издержекъ на покупку найденныхъ книгъ, или же доставалъ списки изъ чужеземныхъ библіотекъ съ книгъ, которыхъ нельзя было купить ни за какую цѣну. При немъ были въ первый разъ переведены на греческій языкъ священныя книги евреевъ.

Всѣ основанныя Птоломеемъ Сотеромъ учрежденія быстро развились въ царствованіе его сына. То, что было во Франціи при Людовикѣ XIV, было раньше въ Египтѣ за три вѣка до нашей эры, и при томъ въ бóльшемъ размѣрѣ. Государь не только отыскивалъ замѣчательныхъ людей въ своихъ областяхъ, но покровительство искусствамъ, словесности и наукамъ простиралось и на чужеземныхъ артистовъ, поэтовъ, ученыхъ. Не было ни въ Греціи, ни въ Египтѣ замѣчательнаго человѣка, который не получилъ бы доказательства щедрости Птоломея, или приглашенія къ его двору.

Цѣлая толпа поэтовъ, философовъ, ученыхъ, удостоилась этой чести. Дворъ Филадельфа менѣе блисталъ роскошью и богатствомъ убранства, или знаками отличія, полученными при раздѣлѣ власти, чѣмъ собраніемъ талантовъ и умныхъ людей и качествами,

составляющими истинное величіе человѣка. При двухъ первыхъ Птоломеяхъ въ Александріи присутствовали самые знаменитые мужи Греціи. Между прочими укажемъ: діалектика Зенодота, поэтовъ Каллимаха, Филетаса, Θеокрита Сиракузскаго, Ликофрона Халкидскаго; философовъ Игезіаса и Θеодора; геометра Эвклида; астрономовъ Аристилла, Тимохариса, Аристарха самоскаго, Иппарха; поэта-астронома Арата, Манеоона, редактора египетскихъ лѣтописей, и т. д.

Бóльшая часть этихъ знаменитыхъ людей получали содержаніе отъ государства, жили въ Музеѣ, который соединялся со дворцомъ Птоломея. Они составляли огромную академію, которой поручено было разсматривать и разбирать всевозможные вопросы относительно искусствъ, наукъ, обученія. Обширныя галереи были отведены для лекцій, совѣщаній и диспутовъ. Въ Музеѣ же находилась и астрономическая обсерваторія.

Астрономія и физикоматематическія науки, достигшія уже значительной степени совершенства въ школахъ Платона и Аристотеля, продолжали въ теченіе двухъ или трехъ вѣковъ развиваться въ Александрійской школѣ. Но нельзя сказать того же объ искусствахъ, ни о нѣкоторыхъ другихъ важныхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній. Ученые, діалектики, артисты были всѣ греки, рожденные и получившіе воспитаніе въ Греціи. И все таки литературныя и художественныя произведенія александрійской школы не имѣютъ ни того изящества размѣровъ и формы, ни той чистоты стиля и вкуса, какъ греческія произведенія предъидущихъ вѣковъ. У Птоломеевъ было нѣсколько хорошихъ зодчихъ, и даже живописцевъ, ваятелей и граверовъ, не лишенныхъ достоинствъ; но по приговору историковъ, эти цари не могли ни создать литературной школы, ни истинной школы живописи и ваянія. Это зависѣло отъ того, что духъ великихъ художественныхъ и литературныхъ произведеній тѣснѣе связанъ съ соціальными условіями, чѣмъ духъ точныхъ наукъ. Нельзя отрицать ни рѣдкой щедрости, ни необычайной ласковости, ни талантовъ Птоломея Филадельфа. Но онъ убилъ двухъ своихъ братьевъ, потому что страшился ихъ (отчего и его призваніе — по антифразѣ обычной у грековъ — *Филадельфъ*, то есть *братолюбецъ.)* Онъ былъ настолько жестокъ, что погубилъ Димитрія Фалерскаго, за то, что Димитрій совѣтовалъ

старому царю назначить преемникомъ не его, а другаго сына. Изъ этого понятно, что свобода мысли не существовала при александрійскомъ дворѣ; страхъ немилости держалъ въ уздѣ умы и леденилъ сердца. Какъ скоро становится невозможнымъ свободно изобрѣтать смѣлыя доктрины, способныя видоизмѣнить въ будущемъ условія установленнаго порядка, — не существуетъ ни истинной философіи, ни соціальной экономіи; и литература бываетъ вынуждена тащиться по избитой дорогѣ.

Теперь изложимъ вкратцѣ труды, совершенные учеными Александрійской школы въ области астрономіи, математики и естественныхъ наукъ.

Аристиллъ и Тимохарисъ первые въ этой школѣ занимались изученіемъ неба. Путь, которому слѣдуетъ каждая планета въ небесныхъ пространствахъ, указывается звѣздами, находящимися на ея пути. Поэтому важно, чтобы были точно опредѣлены относительныя положенія звѣздъ и истинное мѣсто, занимаемое каждой на небѣ. Очевидно, что съ этого слѣдуетъ начать, для того чтобы имѣть возможность наблюдать какъ слѣдуетъ движеніе планетъ и открыть кривизну и направленіе ихъ орбитъ.

Аристиллъ и Тимохарисъ придумали сравнивать мѣсто звѣздъ съ мѣстомъ полюса и фиктивныхъ круговъ, полагаемыхъ неподвижными, которыми древніе раздѣляли небо. Они произвели большое число наблюденій, которыя были, безъ сомнѣнія, не точны, по несовершенству приборовъ, но все-таки не безполезны. Ихъ труды потеряны. Птоломей ссылается на нихъ въ своемъ *Альмагестъ*.

Послѣ нихъ, астрономомъ является Аристархъ Самосскій. Онъ былъ не простымъ наблюдателемъ; онъ прилагалъ геометрію и вычисленіе къ результатамъ наблюденія. Аристархъ Самосскій первый придумалъ геометрическій способъ вычислять относительныя разстоянія земли, луны и солнца. Онъ сильно ошибся въ результатахъ вычисленія. Но и то было много, что онъ придумалъ средство, „при помощи котораго,—говоритъ Балльи,—Ричьоли и

многіе новѣйшіе астрономы, владѣя болѣе точными приборами, приблизились къ истинѣ".

Плутархъ приводитъ довольно точное опредѣленіе разстоянія земли отъ луны, которое, полагаютъ, принадлежитъ Аристарху.

„Между наблюденіями, приписываемыми Аристарху, самое любопытное и самое искусное, говоритъ Бальи, есть опредѣленіе діаметра солнца."

Полученный имъ результатъ не слишкомъ далекъ отъ истины Самъ Архимедъ повторилъ это наблюденіе и получилъ почти тотъ же результатъ.

Аристархъ утверждалъ, что солнце неподвижно, а земля движется. Онъ принималъ за основаніе, что солнце и такъ называемыя неподвижныя звѣзды — неподвижны, и что земля описываетъ свою орбиту вокругъ солнца. Онъ прибавлялъ, что звѣздная область столь обширна, и разстояніе звѣздъ отъ земли столь велико, что его нельзя вычислить.

Принимая подвижность земли, Аристархъ говорилъ противъ вѣками освященнаго народнаго вѣрованія. Онъ былъ обвиненъ въ нечестіи за то, что „возмутилъ покой Весты и боговъ Ларъ, покровителей вселенной." Такъ выражались александрійскіе философы.

„Вѣроятно однако,—говоритъ Монтукла,—что обвиненіе не было сдѣлано передъ судомъ."

Подвижность земли и ея обращеніе вокругъ солнца были секретнымъ ученіемъ пиѳагорейскихъ школъ. Аристархъ, какъ мы говорили въ *Жизни Пиѳагора*, узналъ его отъ Филолая. Это объясненіе системы міра, стало быть, древнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Коперникъ, провозглашая его, не скрывалъ, что онъ только возстановляетъ мнѣніе нѣкоторыхъ древнихъ астрономовъ

Ученіе о подвижности земли не было принято въ Александрійской школѣ. Но Архимедъ принималъ его.

„Есть нѣкоторая вѣроятность,—говоритъ Деламбръ,—что оно не опиралось на неопровержимыхъ доказательствахъ, потому что Птоломей не упоминаетъ о немъ вовсе въ главѣ, гдѣ усиливается доказать, что земля стоитъ неподвижно въ центрѣ міра."

Но это недостаточная причина. Рожеръ Бэконъ и Галилей иногда основывали свои мнѣнія на самыхъ неоспоримыхъ доказательствахъ, на строгой логикѣ, и эти доказательства не только не оправдали ихъ, а напротивъ навлекли на нихъ болѣе строгій приговоръ за признаніе начала движенія земли. Птоломей, какъ намъ кажется, поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ поступаютъ относительно нѣкоторыхъ вещей, о которыхъ стараются не говорить ни хорошо ни дурно изъ страха компрометировать себя. Принимая систему движенія земли, столь далекую отъ общихъ мнѣній и находящуюся въ противорѣчіи съ свидѣтельствомъ чувствъ, александрійскіе ученые подвергались опасности если не юридическаго обвиненія въ безвѣріи или нечестіи, то по крайней мѣрѣ немилости или преслѣдованія. Всегда — увы! — опасно провозглашать истины, противорѣчащія вѣковому предразсудку.

Аристархъ, уроженецъ самосскій, былъ почти современникъ Архимеда. О его жизни ничего не извѣстно; отъ него осталось только сочиненіе подъ заглавіемъ: *de Magnitudinibus et distantiis solis et lunae;* оно было переведено на латинскій и напечатано съ объясненіями Паппа.

Въ Александріи, въ царствованіе Птоломея Филадельфа, жилъ греческій поэтъ, котораго порой причисляли къ числу астрономовъ, именно Аратъ, уроженецъ Тарса въ Киликіи по однимъ, и Соли — по другимъ.

Объ этомъ Аратѣ мы нѣсколько разъ упоминали въ *Жизни Иппарха.* Аратъ былъ популяризаторъ древней астрономіи; онъ сдѣлалъ ее общедоступной, при помощи поэзіи. Привѣтствуемъ его какъ предшественника нынѣшнихъ популяризаторовъ.

Аратъ вмѣстѣ съ Каллимахомъ и Ѳеокритомъ пользовался милостями Филадельфа, но за тѣмъ былъ отозванъ въ Македонію царемъ Антигономъ Гонійскимъ и жилъ съ нимъ на дружеской ногѣ. Этотъ-то царь убѣдилъ его переложить въ стихи два сочиненія Эвдокса, одно подъ заглавіемъ: *Явленіе*, и другое: *Зеркало.* для того, чтобы сдѣлать общедоступными между греками астрономическія открытія. Выраженныя блестящими стихами, астро-

номическія свѣдѣнія должны были имѣть болѣе привлекательности для воображенія и лучше удерживаться въ памяти, благодаря ритму и гармоніи.

Поэма Арата имѣла огромный успѣхъ. Мы уже говорили, съ какой несправедливой строгостью была она оцѣнена Иппархомъ. Не смотря на эту критику, ее коментировали, ею восхищались. Въ Римѣ, нѣсколько позже, она была переведена на латинскій языкъ, или ей были писаны подражанія Цицерономъ, Цезаремъ и Германикомъ. Съ точки зрѣнія литературной и поэтической, эта поэма подвергалась порой строгой критикѣ. Квинтиліанъ говоритъ, что въ ней нѣтъ дѣйствія, страстей, характера, разнообразія; но онъ же прибавляетъ, что авторъ не ниже своего сюжета. Это сочиненіе замѣчательно по меньшей мѣрѣ правильнымъ и методическимъ расположеніемъ, прекрасно выбранными эпизодами и счастливыми стихами.

Но такъ какъ Аратъ вовсе не былъ астрономомъ, и, по Иппарху, вся научная часть его поэмы принадлежитъ Эвдоксу Книдскому, то не дурно мимоходомъ сказать нѣсколько словъ на счетъ Эвдокса и его трудовъ.

Этотъ астрономъ жилъ въ четвертомъ вѣкѣ до нашей эры, во времена, когда Александрійская школа не существовала еще. Цицеронъ говоритъ, что онъ получилъ образованіе въ школѣ египетскихъ жрецовъ. Во времена Страбона въ Книдѣ показывали обсерваторію, гдѣ Эвдоксъ опредѣлилъ положеніе звѣзды, извѣстной подъ именемъ *Canobus*. По Птоломею, онъ произвелъ много наблюденій въ Сициліи и Азіи. Плиній говоритъ, что онъ сдѣлалъ извѣстнымъ въ Греціи годъ въ $365^1/_4$ дней, опредѣленный египтянами. Этотъ годъ Созигенъ и Юлій Цезарь приняли для юліанскаго календаря.

Эвдоксъ написалъ нѣсколько сочиненій по части геометріи и астрономіи, заглавія которыхъ потеряны, кромѣ трехъ *(Періодъ, Явленія и Зеркало)*.

Историки часто ссылаются на египетскаго жреца Манеѳона, бывшаго знаменитостью въ царствованіе Птоломея Филадельфа. Въ своей *Исторіи Древней Астрономіи*, Балльи посвятилъ ему параграфъ. Деламбръ въ своемъ сочиненіи о томъ же предметѣ посвятилъ ему цѣлую главу.

Манеѳонъ, желая написать исторію своей страны, посѣтилъ Серіадикскую землю, чтобы разсмотрѣть надписи на священномъ языкѣ, вырѣзанныя на колонахъ Таута первымъ Гермесомъ іероглифическими письменами. Отрывокъ изъ его исторіи сохраненъ намъ Евсевіемъ. Балльи полагаетъ, что Эвдоксъ писалъ по части астрономіи, физики и хронологіи.

Птоломею Филадельфу, умершему въ 247 г. до р. Хр., наслѣдовалъ его старшій сынъ, Птоломей Эвергетъ. Царствованіе его считается за самый блестящій періодъ египетской монархіи.

По примѣру своего отца и дѣда, Птоломей Эвергетъ покровительствовалъ наукамъ и словесности. Онъ значительно увеличилъ Александрійскую библіотеку. Онъ призвалъ къ своему двору Эратосфена, Аполлонія Родосскаго, Аристофана грамматика. Онъ возобновилъ и увеличилъ храмъ въ Ѳивахъ. Онъ воздвигъ два новые храма, одинъ въ Эсне, другой въ Капопѣ; оба посвящены Озирису. Онъ болѣе своихъ предшественниковъ покровительствовалъ народнымъ египетскимъ вѣрованіямъ.

Греческій математикъ-астрономъ Эратосфенъ родился въ Киренѣ, въ 276 г. до р. Хр. Его учителями были философъ Аристонъ Хіосскій и грамматикъ Лизаніасъ. Призванный царемъ Птоломеемъ Эвергетомъ, онъ отправился въ Александрію, гдѣ былъ назначенъ управляющимъ библіотекою и оставался въ этой должности всю свою жизнь. Его эрудиція была огромна. Разнообразіе его талантовъ и знаній удивляетъ насъ, потому что въ наши новыя времена только рѣдко встрѣчается подобное соединеніе въ одномъ человѣкѣ; но у древнихъ такое соединеніе различныхъ способностей было довольно обычно. Это объясняется крайней противоположностью существующей между нашимъ и древнимъ методомъ воспитанія.

„Если правда,—говоритъ Деламбръ, —чтоЭратосѳенъ установилъ въ александрійскомъ портикѣ эти *армилліи*, которыми такъ часто пользовались, то его слѣдуетъ считать основателемъ астрономіи.“

Замѣтивъ, что астрономъ Птоломей, относя къ армилліямъ замѣченныя равноденствія, ничего не говоритъ, кѣмъ были установлены эти армилліи, Деламбръ прибавляетъ:

„Мы не знаемъ, кому, кромѣ Эратосѳена, можно приписать экваторіальныя *армилліи*, по крайней мѣрѣ древнѣйшія.“

Но Балльи, мнѣніе котораго имѣетъ столь сильный авторитетъ, полагаетъ, что эти приборы гораздо древнѣе, что они были въ александрійской обсерваторіи до пріѣзда Эратосѳена и что онъ только усовершенствовалъ ихъ.

Эратосѳенъ измѣрилъ наклоненіе эклиптики, и нашелъ его равнымъ 23° 51′ 19″,5. „Это наблюденіе Ератосѳена подлинное и драгоцѣнное,“ говоритъ Балльи. Птоломей въ *Альмагестѣ* приводитъ круглое число 23° 15′ 20″.

Эратосѳенъ воспользовался этимъ наблюденіемъ въ болѣе трудномъ предпріятіи, которое болѣе другихъ обезсмертило его имя. Дѣло состояло въ томъ, чтобъ приблизительно опредѣлить величину земли.

Извѣстно, что въ Сіенѣ, въ Египтѣ, въ день солнцестоянія, въ полдень, вертикальныя тѣла не даютъ вовсе тѣни, такъ что колодези бываютъ освѣщены до дна. Сіена, стало быть, лежитъ на тропикѣ и высота полюса должна быть тамъ равна наклоненію эклиптики. Эратосѳенъ нашелъ изъ наблюденія, что зенитъ Александріи былъ въ 7°12′ отъ тропика, и что, слѣдовательно, Александрія и Сіена отдѣлены разстояніемъ, равнымъ пятидесятой части земнаго меридіана. Онъ полагалъ, что два эти города лежатъ на одномъ меридіанѣ, что́ не точно; или же онъ полагалъ, что ошибка въ двухъ-трехъ градусахъ долготы не можетъ чувствительно отразиться на конечномъ результатѣ. Какъ бы то ни было, но такъ какъ разстояніе между Александріей и Сіеной равно пятидесятой части окружности земли, то слѣдовало только измѣрить это разстояніе и, выразивъ его въ стадіяхъ, помножить на 50 для того, чтобы узнать окружность земли. Отъ Александріи до Сіены считали 5,000 стадій. Стало быть, 5,000×50=250,000. Эратосѳенъ возвысилъ этотъ результатъ до 252,000, и, раздѣляя на 360, получилъ 700 стадій для величины градуса.

Но каково было протяженіе единицы мѣры, употребляемой Эратосѳеномъ подъ именемъ *стадіи?* Этого почти невозможно узнать. По Венсану градусъ въ 700 стадій, приведенный къ нашей мѣрѣ, будетъ равенъ по длинѣ 110,775 метрамъ. Такое именно

число принимается теперь, говоритъ Лео Жуберъ [1]). Но правильны ли основанія вычисленій Венсана? Это навсегда останется подъ сомнѣніемъ.

По словамъ Плутарха Эратосѳенъ полагалъ, что солнце находится въ 804,000,000 стадій отъ земли, а луна только въ 780,000 стадій. Неизвѣстно, по какому способу добыты имъ эти результаты; притомъ ихъ никогда точно провѣрить нельзя, по причинѣ неизвѣстности длины стадіи, употребленной александрійскимъ астрономомъ.

Разстояніе земли отъ луны, опредѣленное Эратосѳеномъ, слишкомъ мало; но Балльи находитъ, что разстояніе между землей и солнцемъ совершенно тоже, какое было опредѣлено и принято въ семьнадцатомъ и восемьнадцатомъ столѣтіяхъ весьма искусными астрономами, между прочимъ Кассини и Ла-Кайлемъ.

Всѣ сочиненія Эратосѳена потеряны. Отъ него не осталось ни одного подлиннаго сочиненія, кромѣ письма къ Птоломею объ удвоеніи куба. Сочиненія его, вѣроятно, были весьма многочисленны, если судить по тому, что различные авторы ссылаются на нихъ. Такъ какъ они находились въ александрійской библіотекѣ, книги которой послѣ взятія Александріи были не сожжены, а просто разграблены и разошлись по множеству небольшихъ библіотекъ, частныхъ или общественныхъ, то не невѣроятно, что въ Европѣ или Азіи гдѣ-нибудь и сохранились нѣкоторыя изъ сочиненій Эратосѳена.

Этотъ философъ писалъ о различныхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній. Какъ математикъ, онъ былъ, вѣроятно, не ниже Эвклида, Архимеда, Аполлонія Пергейскаго. Какъ астрономъ, онъ, кажется, превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. По географіи онъ написалъ сочиненіе, раздѣленное на три книги, отрывки изъ котораго приводятъ Поливій, Страбонъ, Плиній и другіе. Онъ написалъ двѣ поэмы; въ одной, подъ заглавіемъ *Гермесъ*, онъ говорилъ о землѣ, ея формѣ, температурѣ, различныхъ поясахъ, созвѣздіяхъ; другая называлась *Эригона;* Лонгинъ говоритъ о ней съ похвалой.

---

[1]) *Biographie générale* publiée chez Didot, article *Eratosthène*.

Великая извѣстность Эратосѳена, какъ грамматика, философа и историка, заставляетъ предполагать, что онъ писалъ по различнымъ отраслямъ преподованія, и дѣйствительно цитируется нѣсколько его трактатовъ, которыми онъ доказалъ, что самая обширная и разнообразная эрудиція не есть вещь несовмѣстимая съ умомъ и вкусомъ.

По Суидасу, Эратосѳенъ, въ отчаяніи, что ослѣпъ, уморилъ себя голодомъ, будучи восьмидесяти лѣтъ. По Лукіану, онъ прожилъ до восьмидесяти двухъ лѣтъ.

Аполлоній и Иппархъ суть два знаменитѣйшіе, послѣ Эратосѳена, ученые Александрійской школы. Жизнеописанія обоихъ представлены нами выше.

Послѣ нихъ, до Клавдія Птоломея, знаменитаго автора *Альмагеста*, ни въ Европѣ, ни въ Египтѣ не появлялось ни одного первостепеннаго геометра. Правда, время отъ времени появлялись несомнѣнно талантливые геометры, усовершенствовавшіе уже извѣстныя теоріи, открывшіе новыя теоремы и рѣшившіе любопытныя задачи. Но это были не геніи высшаго порядка, которые, обнимая однимъ взглядомъ огромное пространство, не останавливаясь переходятъ отъ открытія къ открытію, и въ нѣсколько лѣтъ выдвигаютъ науку далеко за границы, положенныя ихъ предшественниками. Въ Александрійской школѣ до начала христіанской эры всегда было достаточное количество геометровъ, астрономовъ, физиковъ, механиковъ и географовъ.

„Перерыва работъ не было,—замѣчаетъ Балльи—. Александрійская школа существовала, ученые слѣдовали другъ за другомъ, но умы были совсѣмъ другаго закала. Одни, безъ сомнѣнія, прожили безполезно, потому что они забыты; другіе оставили послѣ себя очень немного." [1])

Такого мнѣнія Балльи нельзя не раздѣлять. Можно только спросить, почему ученый писатель по этому поводу говоритъ: *это примѣръ отдыха природы.*

---

[1]) Histoire de l' astronomie moderne, nouvelle édition, in-4°. Paris 1786. т. I, стр. 171.

Вотъ, по-истинѣ, странное мнѣніе. Природа, стало-быть, реальное существо, способное уставать и имѣющее нужду въ отдыхѣ. Итакъ отдыхомъ или дѣятельностью природы приходится объяснять безплодность или плодородіе ума человѣческаго въ извѣстныя времена! Намъ кажется, что въ исторіи народовъ, въ законахъ, въ учрежденіяхъ и въ различныхъ условіяхъ соціальнаго порядка можно найти болѣе удовлетворительныя объясненія, чѣмъ тѣ, которыя предлагаетъ Балльи. Мы замѣтимъ только, не останавливаясь на этомъ пунктѣ, что тутъ обнаружилось непродолжительное усыпленіе критическаго духа писателя, котораго мы любимъ и которому удивляемся. *Equidem bonus dormitat Homerus*!

Разскажемъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ ученыхъ, раздѣляющихъ насъ отъ Клавдія Птоломея.

Геминъ, жившій немного спустя послѣ Иппарха, былъ составителемъ начальныхъ руководствъ. Онъ ограничивался объясненіемъ открытаго или изобрѣтеннаго другими. Его жизнь была однако не безполезна. Появленіе высшихъ геніевъ приготавливается образованіемъ соціальныхъ массъ; а для развитія образованности массъ необходимы пропагаторы, популяризаторы. Геминъ сдѣлалъ общедоступными открытія Иппарха.

Геминъ самъ имѣлъ весьма правильное понятіе относительно звѣздъ:

„Высшая сфера,—говоритъ Геминъ,—есть сфера неподвижныхъ звѣздъ. Но не слѣдуетъ воображать, что всѣ неподвижныя звѣзды находятся на одной поверхности: однѣ выше стоятъ, а другія ниже; наше зрѣніе, приводящее всѣ части неба къ одинаковому разстоянію, дѣлаетъ незамѣтною разность въ высотѣ."

Этимъ Геминъ разбилъ хрустальное небо древнихъ. Къ сожалѣнію, Птоломей двѣсти пятьдесятъ лѣтъ спустя возстановилъ его въ своемъ *Альмагестѣ*.

Отъ Гемина остался календарь, въ которомъ онъ предсказываетъ вѣтры, дожди и другія метеорологическія явленія, связываемыя имъ съ восходомъ и закатомъ звѣздъ. Эти предсказанія основаны на наблюденіяхъ, собранныхъ древними астрономами.

Θеодосій и Менелай—послѣдніе изъ греческихъ геометровъ, которые въ нѣкоторой степени способствовали успѣху наукъ и этимъ заслужили почетную извѣстность въ исторіи.

Θеодосій родился въ Виθиніи. Онъ жилъ около 60 года до Р. X. Отъ него осталось три сочиненія: о *Сферическихъ Тѣлахъ*, трактатъ *de Habitationibus* и трактатъ *de Diebus et Noctibus*. Онъ упоминается въ исторіи астрономіи не какъ астрономъ, но какъ геометръ, доктрина котораго была большимъ пособіемъ для астрономовъ.

Менелай жилъ въ первомъ вѣкѣ нашей эры. Онъ считался очень ученымъ астрономомъ и искуснымъ геометромъ. Онъ сочинилъ трактатъ *о геометрическихъ хордахъ*, нынѣ потерянный. Таблицы, построенныя древними для хордъ дугъ, совершенно соотвѣтствовали нашимъ таблицамъ *синусовъ*.

Отъ него дошелъ до насъ трактатъ о *Сферическихъ треугольникахъ*, въ трехъ книгахъ,—ученое сочиненіе, въ которомъ заключается построеніе *сферическихъ треугольниковъ* и способъ ихъ рѣшенія въ большей части случаевъ, необходимыхъ для практики древней астрономіи.

Ктезибій и Геронъ, его ученикъ, появились въ Александрійской школѣ спустя около ста лѣтъ послѣ Архимеда. Оба были замѣчательные математики. Имъ приписывается изобрѣтеніе многихъ машинъ, напримѣръ, насосовъ и криваго сифона. Спеціально Ктезибію приписываютъ изобрѣтеніе сжимательной машины, составленной изъ двухъ насосовъ, всасывающаго и нагнетательнаго, такимъ образомъ, что при помощи чередующагося движенія ихъ поршней, вода постоянно втягивалась и выбрасывалась въ среднюю подымающуюся трубу.

Многимъ изобрѣтеніямъ Герона дивились чрезвычайно, между прочимъ его *автоматамъ*, его *вѣтряной машинѣ*, *водянымъ часамъ* и *Геронову фонтану*.

Если къ этимъ именамъ прибавить довольно посредственнаго астронома Поссидонія Родосскаго, который хотѣлъ измѣрить окружность земли, но ошибся въ вычисленіи, то мы заключимъ списокъ ученыхъ, составившихъ себѣ имя въ Александрійской школѣ отъ Иппарха до Птоломея. Всѣ эти философы, повторяемъ, были полезны, какъ толковники, популяризаторы; но они ничего не

КЛАВДІЙ ПТОЛОМЕЙ ВЪ АЛЕКСАНДРІЙСКОЙ ОБСЕРВАТОРІИ.

сдѣлали для развитія наукъ, не оставили ни одного важнаго открытія, ни одной дѣйствительно новой и плодотворной идеи.

Итакъ безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ мы можемъ теперь приступить къ разсказу о жизни и трудахъ знаменитаго александрійскаго астронома Клавдія Птоломея.

Птоломей, по Ѳеодору Мелитеніоту (средневѣковому греку, автору *Введенія въ астрономію)*, родился въ Птолемаидѣ, греческомъ городѣ въ Ѳиваидѣ, провинціи Верхняго Египта. Этотъ городъ, называющійся нынѣ *Менхіе*, былъ основанъ царями Птоломеями на берегу Нила, въ веселой и плодородной долинѣ, орошаемой этой рѣкою.

Ошибочно долго полагали, что астрономъ Птоломей родился въ Пелуэѣ. Послѣ новыхъ изслѣдованій дознано, что ошибка произошла отъ того, что первые издатели основывались на ложномъ толкованіи арабскаго текста [1]).

Точно неизвѣстно время рожденія и смерти птолемаидскаго астронома. Извѣстно только, что онъ жилъ во второмъ вѣкѣ нашей эры, и что въ 139 году по Р. Х. онъ занимался въ Александріи. Различныя наблюденія, находящіяся въ *Альмагестѣ*, дѣлаютъ этотъ фактъ несомнѣннымъ.

Одинъ изъ севильскихъ епископовъ, по имени Исидоръ, жившій въ седьмомъ вѣкѣ нашей эры, утверждалъ, что Птоломей принадлежалъ къ роду царей египетскихъ, что онъ происходилъ отъ Птоломея, государя этой страны. По нашему, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи упоминается о многихъ незаконныхъ дѣтяхъ рода Лагидовъ. Таковы были Птоломей Апіонъ или *Тощій*, царь киренейскій, сынъ Птоломея Фискона; Птоломей, царь кипрскій, незаконный сынъ Птоломея Сотера II и братъ Птоломея Авлета. Мы могли бы найти еще нѣсколькихъ; но такое изслѣдованіе безполезно, если вспом-

---

[1]) *Biographie universelle* de Michaud (примѣчаніе Сенъ-Мартена).

нимъ, что во второмъ вѣкѣ нашей эры, въ эпоху, когда родился астрономъ Птоломей, родъ Лагидовъ уже давно не царствовалъ въ Египтѣ и что потомки законныхъ царевичей и побочные потомки этого рода принуждены были жить въ различныхъ городахъ Египта, или другихъ странъ, какъ частныя лица [1]). Мы считаемъ не за положительное — ибо на это нѣтъ положительныхъ доказательствъ, — но за вѣроятное, что знаменитый александрійскій астрономъ происходилъ изъ рода Лагидовъ.

Фабриціусъ, нѣмецкій ученый, полагалъ, что мнѣніе епископа Исидора опровергается тѣмъ соображеніемъ, что имя Птоломей было *весьма обычнымъ* въ Египтѣ. Положимъ, что такъ, хотя выраженіе „весьма обычно" мы находимъ преувеличеннымъ. Но было-ль имя Птоломей обычнымъ въ Египтѣ уже тогда, когда Птоломей Сотеръ, сынъ Лага, взошелъ на престолъ и утвердился въ Александріи, или-же оно сдѣлалось таковымъ позже, въ царствованіе его преемниковъ? Вотъ этого Фабрицій, явившійся черезъ тысячу лѣтъ послѣ епископа Исидора, не могъ провѣрить. Въ продолженіе этого долгаго періода въ тысячу лѣтъ, много древнихъ книгъ было потеряно, и въ седьмомъ вѣкѣ, послѣ разрушенія Александрійской школы, множество книгъ разошлось по Востоку и нѣкоторыя были занесены въ Европу арабами. Вѣроятно, что многія изъ этихъ книгъ, позже погибшія безвозвратно, епископъ Исидоръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи. Не вѣроятно, чтобы Исидоръ произвелъ Птоломея отъ Лагидовъ, еслибъ не нашелъ на это никакихъ указаній въ памятникахъ. Словомъ, соображенія, на которыхъ основывался Фабрицій, по нашему, лишены всякаго достоинства.

Авторъ *Альмагеста* провелъ свое дѣтство въ Птолемаидѣ. Въ этомъ греческомъ городѣ онъ получилъ первое образованіе. Птоломеи, основывая этотъ городъ, не могли пренебречь открытіемъ въ немъ школъ, гдѣ были-бы приложены методы начальнаго обученія, выработанные учеными Музея. Мы думаемъ даже, что су-

---

[1]) *Bibliotheque grecque* т. IV стр. 439.

ществовало нѣсколько приготовительныхъ школъ для образованія учениковъ для высшей Александрійской школы.

Птоломей долженъ былъ получить первичное образованіе, соотвѣтственное его греческому происхожденію. Послѣ паденія династіи Лагидовъ, Птоломеи, сдѣлавшись простыми гражданами, пользовались нѣкоторымъ довольствомъ и уваженіемъ въ городахъ, куда они удалились. Поэтому родители будущаго астронома не могли не дать ему того энциклопедическаго греческаго образованія, преданія котораго хранились въ Египтѣ.

Все заставляетъ полагать, что юный Птоломей, показавъ съ самаго начала способности и охоту къ наукамъ, былъ посланъ своими родителями въ Александрію, гдѣ онъ слушалъ уроки въ Музеѣ. Намъ даже пріятно воображать, что начальники и преподаватели этого отличнаго заведенія приняли съ радостью одного изъ потомковъ государя, нѣкогда основавшаго Музей.

Но Птоломей, безъ сомнѣнія, сталъ замѣтенъ самъ своимъ стремленіемъ къ наукѣ, своимъ прилежаніемъ, постояннымъ вниманіемъ, съ которымъ онъ прислушивался къ словамъ преподавателей, своей необыкновенной понятливостью. Онъ не пренебрегалъ ни одной изъ частей человѣческихъ знаній, которыя преподавались въ Музеѣ; это было: ариѳметика, геометрія начальная и высшая, тригонометрія прямолинейная и сферическая, астрономія, основныя начала музыки, оптики и географіи. Это ясно изъ написанныхъ имъ позже сочиненій. Мы не говоримъ о различныхъ чисто литературныхъ предметахъ, по части которыхъ, какъ кажется, Птоломей не написалъ ни одного сочиненія, но которыми онъ также долженъ былъ заниматься, потому что у грековъ искусство стилистики и дикціи считалось за основную часть хорошаго воспитанія. Его сочиненія показываютъ, что онъ получилъ полное и блестящее образованіе.

„Древность,—говоритъ Монтукла,—произвела немного столь трудолюбивыхъ, какъ Птоломей, математиковъ; обширный планъ его *Альмагеста*, для выполненія котораго кажется едва достаточной жизнь человѣка, одинъ этотъ планъ заслуживаетъ ему такую похвалу. Мы знаемъ однако другія его сочиненія, которыя указываютъ на его всеобъемлющее знаніе математики, и одно изъ этихъ сочиненій почти не уступаетъ

предъидущему, по крайней мѣрѣ въ объемѣ знаній и работъ; мы говоримъ о его *Географіи* въ 8 книгахъ. [1]).

Окончивъ курсъ наукъ, Птоломей, на основаніи весьма разумнаго обычая древнихъ, рѣшился прочесть публичныя лекціи по различнымъ отраслямъ высшихъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ лучшій способъ доказать, что онъ пріобрѣлъ множество свѣдѣній, и что онъ въ достаточной степени соединялъ условія, считавшіяся необходимыми въ практикѣ искусства преподаванія, именно: хорошій методъ изложенія и соподчиненія въ изложеніи частей, въ соединеніи съ отчетливой, ясной и по возможности изящной дикціей, притомъ совершенно правильной. Грековъ въ этомъ отношеніи было труднѣе удовлетворить, чѣмъ насъ. Плутархъ [2]) разсказываетъ, что Демосѳенъ, впослѣдствіи величайшій ораторъ Греціи, былъ безжалостно освистанъ и принужденъ былъ сойти съ трибуны, не только въ первый разъ, какъ вошелъ на нее, но и во второй, по прошествіи полугода, которые онъ посвятилъ изученію стиля и ораторской дикціи. На этотъ счетъ александрійскихъ преподавателей и учениковъ было удовлетворить не легче, чѣмъ и аѳинскій народъ во времена Демосѳена.

Птоломей, должно быть, удовлетворилъ требованіямъ программы, ибо послѣ нѣкотораго искуса былъ приписанъ къ александрійской обсерваторіи.

Можно принять за вѣроятное, что, подобно большинству греческихъ философовъ, Клавдій Птоломей совершилъ нѣсколько путешествій. Онъ, вѣроятно, посѣтилъ обсерваторіи и библіотеки главнѣйшихъ городовъ Греціи и Малой Азіи. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, предположить, чтобъ онъ сочинилъ свой огромный трактатъ о *Географіи*, не видѣвъ другихъ странъ, кромѣ окрестностей Птолемаиды и Александріи, и проѣхавъ только разстояніе, раздѣляющее эти два города? Египетскіе цари назначили извѣстную сумму какъ на содержаніе Музея, такъ и для всѣхъ непредвидѣнныхъ издержекъ, необходимыхъ для расширенія научныхъ изслѣдованій. Раньше Птоломея, различнымъ членамъ еги-

---

[1]) Histoire des mathématiques, liv. V.

[2]) Въ „Жизни Демосѳена."

петской академіи поручались поѣздки для розысканія рѣдкихъ книгъ, или повѣрки астрономическихъ наблюденій, сдѣланныхъ за нѣсколько вѣковъ въ отдаленныхъ странахъ. Вѣроятность есть и въ предположеніи, что во времена Птоломея другимъ ученымъ давались подобныя же порученія ради измѣренія и вычисленія географическихъ разстояній.

Птоломей при огромности оставленныхъ имъ работъ не могъ обойтись безъ сотрудниковъ, помощниковъ, или счетчиковъ. Безъ сомнѣнія, въ библіотекѣ Музея были различныя спеціальныя сочиненія, по каждому предмету, обработываемому имъ. Были сочиненія Эвклида, Архимеда, Иппарха, Аполлонія Пергейскаго и множество другихъ, болѣе или менѣе древнихъ, большая часть которыхъ съ тѣхъ поръ потеряна или уничтожена. Но мало было отыскать въ книгахъ безчисленное количество фактовъ: требовалось ихъ сравнить, разобрать; все это невозможно исполнить безъ долгаго ряда изысканій, новыхъ наблюденій, опытовъ и вычисленій, на которыя не хватило бы жизни одного человѣка. Итакъ слѣдуетъ принять, что у Птоломея было нѣсколько искусныхъ и трудолюбивыхъ сотрудниковъ, которые дѣлали обширныя извлеченія изъ болѣе знаменитыхъ авторовъ и именно изъ Иппарха.

У Птоломея была развита въ высшей степени способность отыскивать научные матеріалы; драгоцѣнные матеріалы, которые Кеплеръ сравниваетъ съ сокровищами, попадающими иногда въ руки человѣка, не умѣющаго извлечь изъ нихъ пользы. Но у Иппарха были высшія способности; это былъ одинъ изъ людей высшаго порядка, которые равно способны возвышаться до самыхъ высокихъ соображеній и спускаться до малѣйшихъ подробностей. Еслибъ его сочиненія существовали доселѣ, то, сравнивая ихъ съ *Альмагестомъ*, можетъ быть, мы удивились бы множеству фактовъ, заимствованныхъ оттуда Птоломеемъ безъ указанія на источникъ.

Александрійскіе преподаватели и ученые, жившіе въ Музеѣ, были вообще люди любившіе научныя изслѣдованія, стало быть всегда занятые, и вели они всѣ почти одинаковый образъ жизни. Литературныя и философскія совѣщанія, дружескія бесѣды, которымъ они предавались, гуляя въ саду и обширныхъ галереяхъ,

въ извѣстные часы, были ихъ обычнымъ развлеченіемъ. Словомъ, тѣ минуты, когда усталость отъ работъ требовала отдыха, были посвящены семейственнымъ заботамъ и общественнымъ обязанностямъ. Время отъ времени, они приглашались ко двору. Птоломей, однако, вѣроятно не очень часто являлся во дворцѣ египетскаго государя. Отецъ Ричьоли говоритъ [1]), что, будучи приглашенъ къ столу одного изъ государей, онъ отказался идти, сказавъ: „цари похожи на нѣкоторыя картины; на нихъ нужно смотрѣть издали."

Неизвѣстно были ли у Птоломея дѣти.

Несомнѣнно, что біографіи ученыхъ и преподавателей Александрійской школы существовали въ библіотекѣ Музея. Исидоръ, епископъ севильскій, навѣрно читалъ біографію Птоломея. Онъ жилъ въ седьмомъ вѣкѣ: ученыя книги были тогда разсѣяны по разнымъ мѣстамъ, но не истреблены. Доказательствомъ этому служитъ то, что арабы увезли огромное количество книгъ и потомъ употребляли их въ школахъ. Они сожгли только сочиненія неоплатонической теологіи и сочиненія объ ученіяхъ различныхъ сектъ, которыя своими странными метафизическими бреднями, ускорили въ Александріи паденіе ума человѣческаго. Позже, крестоносцы уничтожили гораздо больше книгъ и причинили безконечно значительнѣйшія утраты, предавъ огню на Востокѣ много большихъ библіотекъ, въ каждой изъ которыхъ считалось отъ восьмидесяти до ста тысячъ различныхъ сочиненій. Итакъ весьма вѣроятно, что епископъ Исидоръ имѣлъ подъ руками спеціальное сочиненіе о жизни Птоломея. Нынѣ, обладая только его учеными сочиненіями, мы не можемъ сказать ничего вѣрнаго на счетъ его личности.

Вообще въ сочиненіяхъ по части физико-математическихъ наукъ только изрѣдка встрѣчаются черты, прямо относящіяся къ личности автора и могущія при помощи индукціи повести къ опредѣленію, какого рода умъ и характеръ былъ у автора. Въ *Альмагестѣ* Птоломея нѣтъ ничего кромѣ фактовъ, вычисленій и разсужденій, относящихся къ наукѣ. Если бы до насъ дошла хотя часть переписки Птоломея, хотя бы нѣсколько писемъ, писан-

---

[1]) Almageste, t. I, pag. 43.

ныхъ имъ семейству или друзьямъ въ различные періоды его жизни, то мы могли бы попытаться набросать его портретъ. Но ни одно изъ его писемъ не дошло до насъ. Изъ его постояннаго старанія не приводить ничего, кромѣ точныхъ фактовъ (дѣло, которое, правду сказать, не всегда ему удается), наконецъ, изъ дѣлаемаго имъ употребленія извѣстныхъ до него методъ, можно заключить, что Птоломей былъ въ высшей степени трудолюбивъ, что онъ не любилъ даромъ терять своего времени, что у него была великая способность къ труду и умъ, постоянно серьезно-настроенный.

На рисункѣ, помѣщенномъ напротивъ этой страницы и изображающемъ Птоломея въ александрійской обсерваторіи, мы изобразили вокругъ него главнѣйшіе изъ приборовъ, которые онъ употреблялъ.

Астролябія Птоломея состояла изъ средней величины мѣднаго круга, раздѣленнаго на 360 градусовъ, подраздѣленныхъ каждый на возможно меньшія части. Въ этомъ кругѣ былъ установленъ второй кругъ, подвижной и находившійся въ плоскости перваго. На окружности этого втораго круга были прилажены два небольшіе равные цилиндра; все держалось на подставкѣ и. установлялось при помощи отвѣса въ вертикальномъ положеніи. Этотъ приборъ устанавливался въ плоскости меридіана.

Къ двумъ кругамъ присоединялись *алидады* (подвижныя линейки, вращающіяся вокругъ центра прибора), при помощи которыхъ измѣрялись углы. Иппархъ усовершенствовалъ *алидаду*, прибавивъ къ ней *діоптры* (небольшія пластинки, состоящія перпендикулярно къ каждой оконечности алидады и снабженныя небольшой дырочкой).

Отецъ Мабильонъ [1]) говоритъ, что онъ нашелъ въ одной древней рукописи тринадцатаго столѣтія рисунокъ, гдѣ Птоломей изображенъ наблюдающимъ звѣзды при помощи длинной трубки. Эта трубка изображена на нашемъ рисункѣ.

Въ подражаніе Иппарху, Птоломей [2]) построилъ *небесный глобусъ*, на которомъ обозначилъ звѣзды и созвѣздія. Поле было

[1]) Voyage d' Allemagne, p. 46.

[2]) Almageste, liv. VIII.

окрашено темной краской, подобной цвѣту ночнаго неба. Звѣзды были означены красками, соотвѣтственными ихъ величинѣ, и созвѣздія краской, немного отличавшейся отъ поля. Балльи полагаетъ, что этотъ глобусъ долженъ былъ быть очень великъ. Иначе, говоритъ онъ, на немъ не было бы ясно видно, и звѣзды, обозначенныя красками, не легко бы было отличать одну отъ другой. На нашемъ рисункѣ этотъ глобусъ изображенъ налѣво.

Отъ древности намъ не осталось никакого памятника, ни статуи, ни медали, которая воспроизводила бы черты птолемаидскаго астронома, и мы не хотѣли въ нашемъ сочиненіи предлагать фантастическихъ портретовъ, какіе прилагаются порой къ біографическимъ сборникамъ, напр. у Саверіена въ его *Histoire des philosophes anciens* [1]), у Жана Самбука въ его *Veterum medicorum Icones*, у Исаака Бюлларта въ его *Académie des sciences*. Рисунки, приложенные къ этимъ различнымъ сочиненіямъ, нарисованные обыкновенно безъ всякаго образца, даютъ только то представленіе о лицѣ, которое составляется на основаніи его имени, трудовъ времени; и эта идея, созданіе историка, при осуществленіи еще видоизмѣняется воображеніемъ рисовальщика.

Послѣднее астрономическое наблюденіе, обозначенное въ *Альмагестѣ*, соотвѣтствуетъ 22-му марту 141 четвертаго египетскаго года Антонина Благочестиваго [2]). Съ другой стороны извѣстно, что Птоломей написалъ свою *Географію* послѣ *Альмагеста*, ибо въ послѣднемъ сочиненіи онъ говоритъ о намѣреніи заняться первымъ. Въ хронологическомъ канонѣ, оканчивающемся концомъ царствованія Антонина, сказано, что этотъ императоръ государствовалъ двадцать три года. Если предположить, что время, въ которое остановился хронологическій канонъ, есть приблизи-

[1]) Саверіенъ, впрочемъ весьма почтенный ученый, ошибался во многихъ пунктахъ въ біографіи Птоломея, и именно когда говоритъ, что „Птоломей жилъ въ Канопе, близъ Александріи, гдѣ онъ дѣлалъ наблюденія въ продолженіе четырехъ лѣтъ". Конечно, Птоломей могъ бывать въ Канопе, дѣлать тамъ или повѣрять какія-нибудь наблюденія; доказательства противнаго нѣтъ. Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе аббата Тальма, къ предисловіи къ французскому переводу *Альмагеста*,—мнѣніе, основанное на свидѣтельствѣ Олимпіодора. Но Летронъ (Journal des Savants 1818), на основаніи примѣчанія Сенъ-Мартена въ *Biographie universelle* de Michaud, иного мнѣнія: онъ полагаетъ, что Птоломей дѣлалъ свои наблюденія въ Александріи.

[2]) Примѣчаніе Сенъ-Мартена въ *Biographie universelle* de Michaud.

тельно годъ смерти Птоломея, то можно принять, что Птоломей умеръ въ 159 году по Р. Х. Сколько лѣтъ было тогда автору *Альмагеста?* На это нѣтъ указаній; но если сообразить число и объемъ его трудовъ, то приходится предположить, что онъ достигъ довольно глубокой старости.

Вѣроятно Птоломей умеръ въ Александріи. Но гробницы знаменитѣйшихъ ученыхъ музея, какъ и гробницы древнихъ египетскихъ царей, погибли въ прахѣ вѣковъ.

Сказавъ о жизни Птоломея, мы остановились съ нѣкоторою подробностію на главнѣйшихъ изъ его сочиненій.

Птоломей своему трактату объ астрономіи далъ скромное названіе *Сочиненія, или Синтаксиса математическаго*. Издатели перемѣнили это заглавіе въ *Большое Сочиненіе*. Арабскіе переводчики возвели его въ превосходную степень и вышло *Самое Большое Сочиненіе*, или *Альмагестъ*, — названіе сохранившееся доселѣ.

Деламбръ, подробно разбирая, въ своей *Исторіи древней астрономіи*, *Альмагестъ* и другія сочиненія Птоломея, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее объ *Альмагестѣ:*

„Надо сознаться, что въ Птоломеѣ было нѣчто, объясняющее до нѣкоторой степени это идолопоклонство. Его книга была единственной въ своемъ родѣ; книги Иппарха всѣ погибли [1]. Въ *Синтаксисѣ* находится ясное изложеніе системы міра, расположенія небесныхъ тѣлъ и ихъ обращеній, полный трактатъ прямолинейной и сферической тригонометріи, всѣ явленія суточнаго движенія, объясненныя и вычисленныя съ точностью довольно замѣчательной, особенно если принять въ соображеніе, что въ греческой ариѳметикѣ и тригонометріи вычисленія были долгія и запутанныя. Въ немъ еще есть описаніе всѣхъ необходимыхъ для обсерваторіи приборовъ, которые, по его словамъ, онъ самъ изобрѣлъ, или усовершенствовалъ. Онъ въ немъ говоритъ объ этихъ знаменитыхъ арміилліяхъ, при помощи которыхъ наблюдали наклоненіе эклиптики, равноденствія и солнцестоянія. Одна изъ этихъ армиллій была установлена въ плоскости меридіана, она служила для опредѣленія склоненій всѣхъ звѣздъ. Другая, установленная въ плоскости экватора, служила для опредѣленія равноденствій и долготы года; днемъ она была солнечными часами, ночью звѣздными.

---

[1]) Это не точно. Птоломей многое заимствовалъ изъ сочиненій Иппарха. Они для него, стало быть, еще существовали.

Птоломей построилъ небесный глобусъ съ подвижными полюсами, на которыхъ были обозначены всѣ звѣзды съ ихъ относительными долготами и широтами. Этотъ глобусъ вращался вокругъ двухъ діаметрально противоположныхъ точекъ, которыя можно было перестановить по произволу, чтобы послѣдовательно придать обоимъ полюсамъ экватора всѣ положенія, какія они прежде могли занимать по отношенію къ небу.

Альмагестъ считается полнѣйшимъ изъ всѣхъ появившихся до него сборниковъ всѣхъ древнихъ наблюденій и всѣхъ древнихъ теорій, къ чему прибавлены еще результаты собственныхъ изысканій Птоломея.

Зная изъ каталога Иппарха, что звѣзды сохраняютъ свои относительныя положенія, онъ имѣлъ неизмѣняющуюся основу, къ которой могъ относить движеніе планетъ. Затѣмъ, онъ постарался опредѣлить точнѣе, чѣмъ это было сдѣлано до него, разстояніе планетъ отъ земли, ихъ распредѣленіе въ небесныхъ пространствахъ и описываемыя ими траекторіи.

Птоломей, конечно, зналъ древнюю астрономическую систему халдеевъ, принятую Пиѳагоромъ. Эта система таже, что наша современная, система, возстановленная Кеплеромъ и состоящая въ томъ, что солнце разсматривается какъ неподвижная точка, а земля и всѣ другія планеты какъ вращающіяся вокругъ этого центральнаго свѣтила. Птоломей зналъ также, что въ Александрійской школѣ Аристархъ самосскій раздѣлялъ эту мысль и основывалъ ее на серьезныхъ доказательствахъ. Но признаніе этой системы представляло у древнихъ тѣ же опасности, какія она возбудила въ новѣйшія времена. Она возбуждала въ языческихъ жрецахъ и у невѣжественныхъ народовъ древности тѣ же опасенія, какія возбудила въ западныхъ богословахъ семнадцатаго и восемнадцатаго вѣка, опасенія, породившія всѣмъ извѣстныя преслѣдованія противъ Коперника, Кеплера и и Галилея. Птоломей, безъ сомнѣнія, чувствовалъ, что для того, чтобы пользоваться спокойно плодами своихъ огромныхъ трудовъ, онъ долженъ избѣгать слишкомъ открыто возбуждать обычные предразсудки и въ особенности становиться въ противорѣчіе съ духомъ, еще весьма живымъ, языческихъ теогоній. И такъ, онъ держался системы, основывающейся на простой видимости явленій. Эта система — система дѣтства народовъ, система, которая господство-

вала при рожденіи и основаніи всѣхъ культовъ, которая не оскорбляла общаго предразсудка и была согласна съ свидѣтельствомъ нашихъ чувствъ. Тихо-Браге, въ семнадцатомъ столѣтіи и послѣ работъ Коперника, былъ столько же робокъ. Онъ также не смѣлъ принять мнѣнія, что земля движется, мнѣнія, котораго Птоломей не смѣлъ принять за пятнадцать вѣковъ до него. Времена измѣняются, но люди неподвижны въ своихъ предразсудкахъ и нравственныхъ недостаткахъ!

Въ сравненіи съ Юпитеромъ и Сатурномъ, огромными планетами, окруженными нѣсколькими лунами, земля просто маленькій шаръ, который можно-бы объѣхать вокругъ въ шесть недѣль, еслибъ повсюду были желѣзныя дороги и пароходы. И эту-то планету Птоломей призналъ за средоточіе міра! Онъ принималъ, что земля неподвижно стоитъ въ серединѣ нашей планетной системы и что движеніе всѣхъ другихъ небесныхъ тѣлъ совершается вокругъ нея. Иппархъ навѣрно не держался этого мнѣнія и потому-то, что онъ осмѣливался говорить противное, всѣ его сочиненія были уничтожены.

Итакъ, Птоломей полагалъ, что вокругъ неподвижной Земли, какъ вокругъ центра, обращаются планеты въ слѣдующемъ порядкѣ по разстоянію: Луна, Меркурій, Венера, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Всѣ объясненія движенія планетъ, приводимыя Птоломеемъ, основаны на этой гипотезѣ.

Но эта система, столь противная природѣ вещей, должна была представлять множество затрудненій въ своемъ практическомъ приложеніи; она на каждомъ шагу порождала затрудненія въ объясненіи движенія великихъ небесныхъ тѣлъ.

Видимое движеніе планетъ по отношенію къ Землѣ представляло Птоломею затрудненія, которыя ему удавалось устранить или побѣдить только при помощи новыхъ гипотезъ, въ высшей степени неудобныхъ. Ему казалось, что Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ то идутъ прямо впереди Земли, то останавливаются, то отстаютъ. Какъ объяснить всѣ эти явленія? Для этого требовались усложнить систему, на первый взглядъ столь простую. И система, повидимому столь привлекательная, въ приложеніи является необычайно шаткой. Птоломей принужденъ былъ принять, что каждая планета отдѣльно описываетъ небольшой

кругъ въ пространствѣ и что затѣмъ всѣ эти малые круги, увлекая за собою каждый свою планету, описываютъ сами круги концентрическіе или эксцентрическіе относительно земли. Комбинаціей движенія этихъ круговъ вокругъ земли онъ объясняетъ послѣдовательные аспекты каждой планеты относительно земли.

Разсматривая этотъ астрономическій мотокъ (столь трудно распутывающійся), король кастильскій, Альфонсъ X, прозванный *Альфонсомъ Ученымъ*, вскричалъ однажды: „Еслибъ Богъ посовѣтовался со мною, когда создавалъ свѣтъ, то я могъ бы подать ему нѣсколько добрыхъ совѣтовъ."

На эту остроту посмотрѣли, какъ на нечестивыя слова, и король-астрономъ едва не поплатился за нее короною. Но она собственно относилась къ Птоломею, сотворившему такую путаницу.

Современники и комментаторы Птоломея провозгласили его систему *удивительной, чудной, божественной*. Она была принята всѣми. Она просуществовала долгій рядъ вѣковъ и только по временамъ была видоизмѣняема, согласно слишкомъ очевиднымъ требованіямъ астрономическихъ фактовъ. Отъ сколькихъ бы затрудненій и трудовъ избавилъ Птоломей своихъ послѣдователей, какъ бы онъ подвинулъ астрономію, еслибъ у него хватило смѣлости и здраваго смысла принять систему халдеевъ, систему Пиѳагора, Платона, Иппарха и Аристарха Самосскаго, которую Коперникъ только воскресилъ и тѣмъ обезсмертилъ свое имя!

Птоломей принималъ открытое Иппархомъ движеніе звѣздъ по долготѣ. Онъ менѣе Иппарха приближался къ истинѣ, потому что предполагалъ, что это движеніе равно градусу въ сто лѣтъ. Эта ошибка произвела другую, только обратную, при опредѣленіи года. Птоломей считалъ долготу тропическаго года (въ 365 дней 5 часовъ, 55 минутъ) на шесть минутъ больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Въ вычисленіи затмѣній, Птоломей оказывается точнымъ наблюдателемъ и хорошимъ геометромъ; но онъ только повторяетъ Иппарха и сознается въ этомъ, потому что постоянно ссылается на него. Относительно другихъ частей астрономіи, онъ порой говоритъ о сдѣланныхъ Иппархомъ наблюденіяхъ, повѣренныхъ имъ по его словамъ, при чемъ получались иные результаты, безъ

сомнѣнія, потому, что онъ ошибался въ вычисленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, его упрекаютъ за множество ошибокъ въ вычисленіи.

Теперь приступимъ къ частному разсмотрѣнію знаменитаго сочиненія, подъ заглавіемъ: *Математическій Синтаксисъ* или *Альмагестъ*.

Въ частностяхъ весьма трудно различить, что́ въ *Альмагестѣ* принадлежитъ собственно Птоломею отъ того, что́ принадлежитъ его предшественникамъ, изъ которыхъ нѣкоторые были болѣе искусными, чѣмъ онъ, астрономами. Онъ самъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ немного наблюденій, хотя, вѣроятно, сдѣлалъ нѣсколько хорошихъ.

Его упрекаютъ за то, что онъ не старался точно передать всѣ тѣ, которыя были найдены имъ въ сочиненіяхъ предшественниковъ.

„Въ концѣ концовъ,—говоритъ Деламбръ,—мы за многое обязаны Птоломею. Не очень вѣроятно, что онъ нарочно уничтожилъ всѣ сдѣланныя Иппархомъ наблюденія; они могли затеряться по небрежности исключительныхъ поклонниковъ Птоломея: вѣрнѣе, что безъ *Альмагеста* мы бы меньше ушли впередъ; вѣроятно, что у насъ не было бы Коперника, а слѣдовательно и Ньютона. Птоломей не былъ великимъ астрономомъ, потому что онъ ничего не наблюдалъ, и не передалъ намъ ни одного наблюденія, которому можно бы оказать хотя малѣйшее довѣріе; онъ работалъ только для собственной славы и для большинства. Но онъ былъ трудолюбивый ученый, хорошій математикъ. Онъ собралъ въ одно цѣлое ученіе то, что́ было разсѣяно въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ его предшественниковъ[1])“.

Деламбръ, одинъ изъ величайшихъ астрономовъ, появившихся въ началѣ нашего вѣка, посвящаетъ почти весь второй томъ своей *Исторіи древней астрономіи* обзору сочиненій Птоломея и *Комментарія* Θеона, комментарія, который онъ считаетъ за важнѣйшее и любопытнѣйшее сочиненіе, оставшееся отъ астрономіи грековъ, и за послѣднее сочиненіе, вышедшее изъ Александрійской школы. Этотъ томъ Деламбра есть памятникъ терпѣнія, эрудиціи и таланта съ математической точки зрѣнія. Авторъ хотѣлъ въ полномъ и методическомъ трактатѣ собрать всѣ свѣдѣнія грековъ по части астрономіи и представить въ самомъ естественномъ порядкѣ все, заключающееся въ сочиненіяхъ,

---

[1]) „Biographie universelle“ de Michaud, article „Ptolomée, p. 494.

оставшихся намъ отъ этихъ астрономовъ. Онъ поставилъ себѣ задачею объяснить ихъ методы, ихъ способы вычисленія и всѣ теоремы, для того, чтобъ быть въ состояніи передѣлать и провѣрить во всей подробности длинныя вычисленія, встрѣчающіяся особенно у Птоломея. Вслѣдствіе этого, Деламбръ говоритъ въ первой главѣ объ *Ариѳметикѣ грековъ;* во второй—о *Построеніи таблицъ хордъ;* въ третьей—о *Прямолинейной Тригонометріи;* въ четвертой — о *Сферической Тригонометріи.* Подлѣ способовъ и формулъ древней тригонометріи, онъ всегда приводитъ болѣе удобныя формулы и способы новѣйшей тригонометріи. Наконецъ, онъ доходитъ до *Математическаго Синтаксиса (Альмагестъ).*

„Вся астрономія грековъ,—говоритъ Деламбръ,—цѣликомъ заключается въ *Математическомъ Синтаксисѣ* Птоломея. Безъ подробностей, изложенныхъ нами на счетъ ариѳметики и тригонометріи, намъ было бы невозможно понять, какъ Птоломей могъ выполнить столь долгія и столь сложныя вычисленія, которыя онъ обременяетъ вдобавокъ распространеніями, часто совершенно безполезными“ [1]).

Еслибъ мы послѣдовали за Деламбромъ въ его ученыхъ объясненіяхъ тринадцати книгъ *Альмагеста,* то написали бы цѣлый трактатъ о приложеніи математики къ астрономіи. Мы должны были въ предъидущихъ строкахъ ограничиться изложеніемъ общаго понятія системы Птоломея и его *Альмагеста.*

Монтукла называетъ *Оптику* Птоломея *самымъ полнымъ и самымъ обширнымъ* трактатомъ, какой существовалъ у древнихъ объ этомъ предметѣ. Онъ прибавляетъ, что она не дошла до насъ, но что „нѣкоторые авторы передали намъ весьма замѣчательныя черты изъ нея [2])“. Онъ указываетъ, относительно астрономическихъ преломленій, на открытія Рожера Бэкона и араба Альгазена, „котораго справедливо подозрѣваютъ, хотя онъ и защищается противъ этого, что онъ взялъ всю свою оптику у Птоломея,“ и это ради доказательства, что новѣйшіе воспользовались его открытіемъ въ оптикѣ.

Деламбръ, при помощи сравненія между *Оптикой* Птоломея и сочиненіями по этому предмету, приписываемыми Эвклиду, Альгазену, Вителліону, доказываетъ, что Монтукла ошибается въ

---

[1]) Histoire de l'astronomie ancienne. т. II, стр. 67.

[2]) Histoire des mathématiques, 2-e édition in-4°, т. I, стр. 312.

слишкомъ выгодномъ мнѣніи, которое онъ выражаетъ о Птоломеѣ. Самъ же Деламбръ полагаетъ, что физика Птоломея гораздо ошибочнѣе Альгазеновой. Было бы излишнимъ входить въ разборъ этого спорнаго пункта.

Другое сочиненіе Птоломея называется *Планисфера*. *Планисферой* называется плоскость, на которой изображены главные круги шара. Греческій текстъ этого сочиненія потерянъ. Существуетъ только латинскій переводъ, сдѣланный съ арабскаго перевода. Птоломей въ этомъ сочиненіи показываетъ, какъ планисфера можетъ быть описана графически. Онъ помѣщаетъ на своей планисферѣ экваторъ и параллельные круги, эклиптику и горизонтъ съ ихъ параллелями. Онъ показываетъ, что эта планисфера можетъ изобразить восходныя разности, а равно восходы и закаты звѣздъ, точно также и столь же хорошо, какъ и сфера. Онъ показываетъ, какимъ образомъ звѣзды должны быть помѣщаемы на кругѣ по долготамъ и широтамъ. Всѣ его построенія сводятся на то, чтобъ найти центръ и діаметръ круга, который требуется описать.

Иппархъ, кажется, былъ истиннымъ изобрѣтателемъ способа, который Птоломей прилагаетъ къ построенію своей планисферы. Это говоритъ Синезій, воспитанникъ знаменитой Ипатіи, дочери Ѳеона, комментатора *Альмагеста*. Но въ сочиненіи Птоломея нѣтъ ссылки на Иппарха. Проклъ также говоритъ, что Иппархъ первый писалъ о планисферѣ.

Греческій текстъ *Аналеммы* Птоломея также потерянъ. Есть только неисправный латинскій переводъ этого сочиненія. *Аналемма* есть описаніе шара на плоскости.

Географія Птоломея была распространена болѣе всѣхъ сочиненій этого ученаго. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ она была во всѣхъ школахъ единственной книгой при изученіи географіи. Ее стали оставлять только въ пятнадцатомъ столѣтіи, когда, вслѣдствіе открытій венеціанскихъ, испанскихъ и португальскихъ путешественниковъ и мореплавателей, географія измѣнилась совершенно.

Страбонъ, жившій во времена Августа, составилъ чисто описательную географію. Онъ назначалъ свою книгу для лицъ, занимавшихся географіей или изъ любопытства, или по необходи-

мости. Онъ описалъ физическій характеръ каждой страны, ея пространство, ея главныя дѣленія и подраздѣленія, горы, рѣки, города, ихъ относительныя разстоянія, замѣчательные предметы, находящіеся въ каждомъ мѣстѣ. Онъ съ подробностью излагаетъ историческія свѣдѣнія о различныхъ народахъ, живущихъ или жившихъ въ каждой изъ описываемыхъ имъ странъ. Его сочиненіе весьма похоже на описанія путешествій, какія мы читаемъ въ новѣйшихъ книгахъ.

Сочиненіе Птоломея совсѣмъ инаго сорта: это математическая географія. Птоломей воспользовался трудами своихъ предшественниковъ, именно Эратосѳена, Иппарха и другихъ математиковъ Александрійской школы. Онъ также воспользовался *Географіей*, составленной въ первомъ вѣкѣ нашей эры Мариномъ Тирскимъ. Въ первой книгѣ онъ говоритъ о цѣли, которую предложилъ себѣ, и началахъ, на которыхъ основана математическая географія. Затѣмъ онъ хвалитъ Марина Тирскаго, объясняя впрочемъ, какія ошибки находятся въ его сочиненіи.

Маринъ Тирскій съ разборомъ воспользовался значительнымъ количествомъ собраннаго до него матеріала. Онъ справлялся съ сочиненіями по части географіи, описаніями путешествій и путевыми записками предъидущихъ временъ. Въ послѣдующихъ изданіяхъ онъ старался исправить карты, построенныя имъ, но всетаки не могъ достигнуть той степени вѣрности, которая ничего не оставляетъ желать. Птоломей исправилъ ошибки, которыхъ Маринъ не могъ избѣжать. Къ документамъ, собраннымъ этимъ географомъ, онъ прибавилъ новые и, благодаря свѣдѣніямъ, доставленнымъ различными путешественниками и мореплавателями, увеличилъ объемъ науки.

Часть извѣстной тогда земли простиралась болѣе съ востока на западъ, чѣмъ съ сѣвера на югъ. Птоломей въ первой своей книгѣ и въ слѣдующихъ книгахъ описываетъ эту часть земнаго шара. Сравнивая географію Страбона съ географіей Птоломея, видно, что во время, протекшее между царствованіями Августа и Антонина, далеко раздвинулись границы извѣстнаго міра.

У Птоломея встрѣчаются значительныя географическія ошибки, на которыхъ отразились ложныя идеи его времени. Авторъ говоритъ, что Индійское море есть заливъ, не сообщающійся съ

Атлантическимъ океаномъ. Онъ полагаетъ, что юго-восточный берегъ Африки уклоняется къ востоку и соединяется съ Азіей. Онъ думаетъ, что Африку нельзя объѣхать съ юга,—ошибка тѣмъ болѣе странная, говоритъ одинъ новѣйшій писатель [1]), что, по старому преданію, сохраненному Геродотомъ, въ очень древнія времена Африка была объѣхана вокругъ, вѣроятно, финикіянами. По мѣрѣ развитія различныхъ отраслей человѣческихъ знаній въ новѣйшія времена, можно замѣтить, что старыя преданія, сохраненныя Геродотомъ и считаемыя въ новѣйшія времена за безсмысленныя сказки, относятся къ фактамъ, которые были дѣйствительно наблюдаемы въ вѣка, предшествовавшіе появленію отца исторіи.

Необычайно трудно построить *географическія карты*, то есть какъ слѣдуетъ представить земной шаръ на плоской поверхности.

Птоломей зналъ способъ *ортографической проэкціи*, которую онъ изъясняетъ въ своей *Аналеммѣ*, и способъ *стереографической проэкціи*, правила которой находятся въ его *Планисферѣ*. Но онъ не прилагалъ ни того, ни другаго способа, безъ сомнѣнія, потому, что полагалъ, что части, удаленныя отъ центра земли, будутъ слишкомъ обезображены этими двухъ родовъ проэкціями. Онъ прибѣгъ къ иному роду построенія, техническое объясненіе котораго можно найти въ вышеупомянутомъ томѣ сочиненія Деламбра.

Въ *Географіи* Птоломея всѣ широты неправильны, потому что ихъ обозначали на основаніи тѣни указателя солнечныхъ часовъ, что̀ указывало только на мѣсто верхняго края солнца, и это мѣсто принимали за мѣсто центра. Эта ошибка была замѣчена арабами.

Въ долготахъ ошибки должны были быть еще значительнѣе, потому что долготы опредѣлялись при помощи лунныхъ затмѣній, время которыхъ обозначалось только въ часахъ, получасахъ и четвертяхъ, откуда происходитъ, что разности маридіановъ могутъ быть точны только на 4,10 или 15 градусовъ, и то для непосредственно сдѣланныхъ наблюденій. Ошибки должны быть еще больше, если вмѣсто наблюденій обращались къ разсказамъ и грубымъ путевымъ замѣткамъ.

---

[1]) Encyclopédie du dix-neuvième siècle.

По способу Иппарха, Птоломей опредѣлялъ положеніе каждаго мѣста на поверхности земли его долготою и широтою.

Этимъ мы окончимъ обзоръ трудовъ знаменитаго египетскаго астронома. Чтобы подробно разсмотрѣть всѣ сочиненія человѣка, столь много писавшаго, требуется цѣлый томъ. Птоломей въ своихъ огромныхъ сочиненіяхъ, обнялъ астрономію, географію, часть математики, хронологію, оптику, музыку и гномонику. Стало быть ему оставалось мало времени наблюдать или передавать на бумагѣ свои личныя открытія. Лучшая часть его *Альмагеста* принадлежитъ Иппарху, и *Географія* его составлена при помощи многихъ сочиненій. Богатая александрійская библіотека была для него великимъ пособіемъ.

Не смотря на все это, предполагая даже въ сочиненіяхъ Птоломея больше ошибокъ, чѣмъ сколько ихъ замѣчено, необходимо замѣтить, что для того, чтобы задумать и выполнить такія значительныя сочиненія, требовалось быть гораздо выше обыкновенныхъ ученыхъ.

Балльи въ своей *Histoire de l'astronomie moderne* говоритъ:

„Если его учеными трудами занимался весь свѣтъ пятнадцать вѣковъ, то это знакъ, что онъ былъ человѣкъ не безъ генія“ [1]).

Птоломей, говорятъ, жилъ семьдесятъ восемь лѣтъ.

Въ томъ же сочиненіи Балльи сказано:

„Слава Александрійской школы оканчивается съ Птоломеемъ. Эта школа существовала еще лѣтъ пять; она сохранила свою извѣстность, но ничего не сдѣлала для астрономіи. Въ ней встрѣчаются только комментаторы, слѣдующіе за Иппархомъ и Птоломеемъ“ [2]).

Мы показали, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ научное, художественное и философское образованіе было

---

[1]) Histoire de l'astronomie moderne, т. I, стр. 206.

[2]) Loco cit.

перенесено изъ Греціи въ Египетъ. Мы говорили, что это образованіе, почитаемое и поощряемое просвѣщенными государями, нѣкоторое время продолжало развиваться, если не по всѣмъ частямъ, то по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ главнѣйшимъ, каковы: математика, астрономія, физика, механика и т. п. Истинная Александрійская школа, по нашему, есть та, въ которой изслѣдованія, болѣе или менѣе ограниченныя смотря по времени, продолжались по энциклопедическому методу древнихъ. Стало быть, она обнимаетъ пространство отъ семи до восьми вѣковъ. Что же касается тѣхъ мнимыхъ философскихъ ученій отъ втораго до шестаго вѣка по Р. Х., о которыхъ писали ученики Кузена, то они по отношенію къ ученіямъ истинной Александрійской школы тоже, что у насъ въ семнадцатомъ столѣтіи были мистическія бредни янсенитовъ и бредни восторженныхъ мечтателей и чудотворцевъ всѣхъ временъ и странъ по отношенію къ искусствамъ и точнымъ наукамъ.

Жюль Симонъ, писатель равно уважаемый за благородство характера и за свои рѣдкіе таланты, въ своей *Исторіи Александрійской Школы*, говоритъ:

„Философская школа, послѣдовавшая за александрійскимъ музеемъ, если не по своему офиціальному значенію, то, по крайности, по своему вліянію, предприняла собрать въ одинъ пучекъ *всѣ вѣрованія* греческаго, римскаго и восточнаго міра; соединить ихъ въ одно ученіе, поставить подъ покровительство всѣхъ воспоминаній, и даже, надо признаться, всѣхъ таинствъ и всѣхъ суевѣрныхъ ужасовъ [1]."

Какое понятіе можно вывести изъ этого объ Александрійской школѣ, кромѣ понятія о мрачномъ хаосѣ? И въ самомъ дѣлѣ, она и есть ничто иное. Прочтите два тома Жюля Симона и три тома Э. Вашеро,—и тщетно вы будете стараться понять *ученіе*, которое излагали эти писатели. Это все равно, что захватить руками тонкій паръ или разрѣженный газъ. Вы отъ *гностиковъ* переходите къ *неоплатоникамъ*; отъ *теоріи единицы* къ *космологіи*. Вы читаете со всевозможнымъ вниманіемъ *психологію* Плотина. Напрасно вы слѣдите за этимъ философомъ въ его теоріи *сущности души*, въ *исчисленіи* и *анализѣ душевныхъ способностей*; и отъ всего этого въ вашей головѣ не останется никакого свѣдѣнія, никакого впечатлѣнія, которое можно бы передать словами.

[1]) Т. I, гл. IV, стр. 196.

Существованіе какой-либо силы познается только изъ дѣйствій, производимыхъ ею. Но всякая сила есть первичная причина, природа которой никогда не поддается нашему изслѣдованію и тайна которой принадлежитъ только Богу. Въ механикѣ невозможно было бы оцѣнить и измѣрить напряженіе и различные способы дѣйствія какой-нибудь силы безъ пособія машинъ, при помощи которыхъ ее прилагаютъ такимъ образомъ, что эта сила дѣлается ощущаемой и, такъ сказать, видимой по своимъ дѣйствіямъ. То же надо сказать и о душѣ. Душа, какова бы ни была ея природа, дѣйствуетъ на внѣшній міръ, и внѣшній міръ дѣйствуетъ на нее, при посредствѣ различныхъ органовъ, которые связаны между собою условіями самой совершенной гармоніи въ одно совершенно *цѣлое*. Но уединенныя отъ этихъ органовъ и разсматриваемыя независимо отъ внѣшняго міра, что такое способности души? Этого мы никогда не узнаемъ.

Боссюэтъ вполнѣ чувствовалъ это затрудненіе. И поэтому онъ начинаетъ свой трактатъ о *Познаніи Бога и самого себя* краткимъ обзоромъ физіологіи человѣка. Въ то время, какъ онъ работалъ надъ этимъ краткимъ обзоромъ, онъ каждый день проводилъ нѣсколько часовъ въ анатомическомъ кабинетѣ Дювернэ.

Когда Гиппократъ, будучи призванъ абдеритами, явился къ Демокриту, котораго полагали безумнымъ, онъ нашелъ его, какъ мы уже разсказывали, разсѣкающимъ мозги животныхъ. Убѣжденный, что для изученія проявленій духа, нужно сперва изучить орудія, которыя связаны съ душевными проявленіями, и изслѣдовать тайны чувствительности, разсмотрѣть органы, при посредствѣ которыхъ она проявляется, Демокритъ хотѣлъ изучить анатомическое строеніе мозга, для того, чтобы отъ дѣйствій перейти къ причинѣ. Наши новѣйшіе философы не слѣдовали этому примѣру, поданному древнимъ мудрецомъ. Они стали изучать душу человѣческую, не имѣя другихъ средствъ наблюденія кромѣ самой же души. Они закрыли глаза на внѣшній міръ и хотятъ узнать безсмертную часть человѣка, не изслѣдовавъ органическихъ элементовъ. Они подобны въ этомъ человѣку, который захотѣлъ бы идти во тьмѣ безъ проводника и свѣточа.

Точно также дѣлаютъ великую ошибку, называя философами людей, которые въ древности или въ новыя времена исключи-

тельно занимались изученіемъ психологіи, не связывая ее ни съ одной изъ точныхъ или естественныхъ наукъ. Видѣть въ психологіи всю философію—тоже, что принимать географію, грамматику или геометрію за философію. Психологія у древнихъ была только элементомъ, частью философіи.

Съ этой точки зрѣнія мы не задумаемся лишить титула философовъ этихъ выродившихся преемниковъ греческихъ школъ, которые бредили въ Александрійской школѣ послѣ Птоломея и его послѣдователей. Если размыслить о томъ, что́ древніе разумѣли подъ именемъ *философіи*, то почувствуешь, что этотъ сборъ туманныхъ мнѣній, гипотезъ, не имѣющихъ никакой связи съ дѣйствительнымъ міромъ, эта путаница разсужденій, основанныхъ на произвольныхъ различіяхъ и абстрактныхъ мысляхъ, дурно опредѣленныхъ, этотъ хаосъ, занимавшій головы послѣднихъ александрійцевъ, не достоинъ сравненія съ философіей Аристотеля, Ѳеофраста и Платона. Во времена Аристотеля, чистая психологія, совершенно уединенная отъ разсмотрѣнія органовъ и внѣшняго міра, преподаваемая людьми, незнакомыми съ естественными науками и науками физико-математическими, повела бы къ тому, что ея автора причислили бы не къ философамъ, а къ числу софистовъ и мечтателей. Въ самой Александріи, начиная со втораго вѣка до нашествія арабовъ, серьезно придавали имя *философовъ* только писателямъ и преподавателямъ, дѣлавшимъ свои изслѣдованія по энциклопедической методѣ древнихъ.

Если мы будемъ стараться понять мнимыя начала философіи, приписываемыя учениками Кузена Александрійской школѣ, то увидимъ въ нихъ доказательство справедливости нашей критики. Возьмемъ, напримѣръ, *Исторію Александрійской школы* Вашеро, сочиненіе въ трехъ томахъ, увѣнчанное институтомъ въ 1845 г.

„Три восточныя школы, — говоритъ Вашеро, — процвѣтали въ Александріи въ то время, когда тамъ преподавалъ Аммоній: гностики, еврейская школа Филона и школа александрійскихъ Отцовъ Церкви“ [1]).

Что такое были *гностики?*

---

[1]) Т. II, стр. 436.

„*Гнозисъ*,—говоритъ Вашеро,—не былъ ни ученіемъ, ни рядомъ аналогическихъ доктринъ, которыя можно бы отнести къ такому-то учителю, или къ такой-то школѣ: это было собраніе весьма различныхъ доктринъ, независимыхъ по большей части одна отъ другихъ и которыя произошли почти одновременно въ великихъ странахъ Востока [1]).

Еслибъ профессоръ физики или географіи дѣлалъ подобныя опредѣленія своимъ ученикамъ, то сколькимъ насмѣшкамъ подвергся бы онъ [2])?

Въ чемъ заключалось ученіе Аммонія?

„Общій характеръ и цѣль ученія Аммонія указаны Гієроклисомъ. Аммоній, первый привязавшись съ энтузіазмомъ къ тому, что есть истиннаго въ философіи, и возвышаясь надъ ходячими мнѣніями, сдѣлавшими философію предметомъ достойнымъ презрѣнія, понялъ хорошо ученіе Платона и Аристотеля и соединилъ ихъ въ одномъ духѣ."

Теперь мы знаемъ, что́ такое философія Аммонія, „который возвышался надъ ходячими мнѣніями!"

Теперь, зная, въ чемъ заключалось ученіе Аммонія, не хотите ли познакомиться съ школой Филона?

„Дѣло школы Аристобула и Филона,—говоритъ Вашеро, — состояло въ слияніи еврейской мудрости съ греческой философіей [3]).

---

[1]) Т. I, стр. 204.

[2]) Надо замѣтить, что критика Фигье въ настоящемъ случаѣ весьма одностороння. Онъ вышелъ изъ своей спеціальности популяризировать мнѣнія ученыхъ объ исторіи естественныхъ наукъ и вошелъ въ область мало ему знакомую. Читатели легко замѣтятъ противорѣчія, въ которыя онъ безпрерывно впадаетъ. Напримѣръ, онъ утверждаетъ, что въ древности психологія составляла только часть философіи, а теперь, будто бы вся философія состоитъ изъ одной психологіи,—что́ рѣшительно несправедливо. Не говоримъ уже о томъ, что съ истинно-научной точки зрѣнія, изученіе внутреннихъ явленій души человѣка никакъ не можетъ быть принято за бредъ, а имѣетъ такое же законное право на существованіе, какъ и изученіе, напримѣръ, законовъ тяготенія. *Пр. переводчика.*

[3]) Т. I, стр. 139.

И далѣе:

„Слово, высшій образецъ творенія, уже не есть творческая сила; оно есть *принципъ сущности*, а не жизни существъ. Отсюда необходимость четвертаго принципа, который есть *деміургъ*. И такъ, слѣдующіе четыре принципа соучаствуютъ въ твореніи: Богъ, или *благо*, *идеи*, *деміургъ* и *вещество*“ и т. д. и т. д. [1]).

На взглядъ Вашеро и другихъ эклектиковъ, одинъ изъ главнѣйшихъ философовъ Александрійской школы — Плотинъ. Плотинъ и его ученіе занимаютъ около половины перваго тома сочиненія Вашеро.

„Когда Плотинъ размышлялъ, говоритъ Вашеро, то мысль въ такомъ обиліи и съ такой силою исходила изъ его ума, что онъ писалъ свое сочиненіе сразу, точно переписывалъ съ книги свои мысли. Особенно онъ былъ прекрасенъ, когда онъ говорилъ. Тогда разумъ, казалось, исходилъ изъ глубины его души, отражался на его лицѣ и освѣщалъ его своими божественными лучами. Вдохновеніе лилось съ его чела, какъ небесная роса“ [2]).

Но какіе плоды можно было извлечь изъ его уроковъ? Вашеро такъ говоритъ объ этомъ:

„Мысль Плотина то абстрактна, какъ теорія Аристотеля, то блестяща и оживлена, какъ разсказъ Платона; поочередно суха и преизобильна, стремительна и неловка, всегда сильна, сжата и существенна. Его стиль есть образъ души; онъ теменъ, тяжелъ, неправленъ, преисполненъ формулъ, но ослѣпителенъ метафорами, полонъ жизни и движенія“ [3]).

Аристотелю, Θеоөрасту и Платону врядъ-ли такая похвала была бы по сердцу.

Жюль Симонъ пишетъ о томъ же мечтателѣ: „Плотинъ краснѣлъ о томъ, что у него есть тѣло“ [4]).

Въ Шарантонѣ есть жертвы спиритизма и вертящихся столовъ, которыя выражаются подобнымъ же образомъ; но ихъ никто не называетъ философами.

Плотинъ много читалъ Платона. Увлекшись планомъ его *государства*, онъ хотѣлъ, говорятъ, осуществить его. Онъ предлагалъ

---

[1]) T. I, p. 159.
[2]) T. I, p. 362.
[3]) T. I, p. 364.
[4]) Histoire de l'Ecole d'Alex. I t., p. 207.

даже, по Жюль Симону, императору Гардіану возстановить одинъ древній городъ Кампаніи, назвать его *Платонополисомъ* и населить его философами [1]). Онъ, кромѣ того, изучалъ астрономію, ариѳметику, геометрію, музыку, механику. Онъ читалъ Аристотеля и его комментаторовъ. Это былъ человѣкъ образованный, но котораго слишкомъ возбужденное воображеніе увлечено было въ безграничную метафизику.

Одинъ изъ александрійцевъ, приведшій въ порядокъ сочиненія Плотина, раздѣлилъ ихъ на шесть *эннеадъ*, и каждую *эннеаду* подраздѣлилъ на девять книгъ. Философія Плотина начинается *психологіей, ѳоикой, физикой* и оканчивается *теологіей*. Почти все это ускользаетъ отъ серьезнаго разбора.

Считаемъ, что предъидущаго достаточно, чтобы извинить насъ за умолчаніе объ этомъ длинномъ рядѣ мнимыхъ философовъ, бредни которыхъ наполняютъ три тома *Исторіи Александрійской школы* г. Вашеро. Держась заданной цѣли, мы ограничимся тѣмъ, что упомянемъ о нѣсколькихъ ученыхъ, которые въ послѣднія времена великой египетской школы, тогда значительно упавшей, посвящали себя изученію природы.

Изъ этого числа былъ Проклъ.

Имя Прокла упоминается между математиками и астрономами, потому что въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ старался обнять совокупность человѣческихъ знаній, согласно методу древнихъ. Историки, ученики Кузена, причисляютъ Прокла не къ астрономамъ, геометрамъ, или физикамъ, но къ богословамъ:

„Между дошедшими до насъ сочиненіями Прокла, говоритъ Жюль Симонъ, самыя важныя суть: *Основы теологіи*, *Теологія по Платону*, *Комментарій на Тимея* и *Комментарій на Парменида*".

„Его методъ тотъ же, что у Плотина; но у Плотина онъ свободнѣе, смѣлѣе, у Прокла правильнѣе и ученѣе, и т. д." [2]).

Мы присвоиваемъ точнымъ наукамъ по крайности часть этого ученаго.

---

[1]) Histoire de l'Ecole d'Alex. t. I, p. 208.

[2]) T. II, p. 394.

СМЕРТЬ ФИЛОСОФКИ ИПАТІИ ВЪ АЛЕКСАНДРІИ.

Проклъ родился въ Византіи въ 412 г. Онъ нѣсколько слѣдовалъ въ своихъ изысканіяхъ энциклопедической методѣ древнихъ. Но онъ недостаточно держался ея, чтобы отдѣлиться отъ этой толпы мечтателей, иллюминатовъ, мистиковъ-теологовъ, которыхъ мнимыя ученія, по Вашеро, Жюль Симону, Маттеру и Бартелеми Сентъ-Илеру, составляютъ *философію* Александрійской школы.

Проклъ разстроилъ себѣ нервы строгимъ воздержаніемъ. Постъ, бдѣніе и продолжительная работа произвели въ немъ одну изъ тѣхъ болѣзней, которыя поражаютъ нервную систему, возбуждаютъ воображеніе и мѣшаютъ правильнымъ отправленіямъ разума.

По Дидро, „это былъ самый сумасшедшій изъ всѣхъ Александрійцевъ“ [1]). По Жюль Симону, „Проклъ еще болѣе эклектикъ, чѣмъ другіе всѣ Александрійцы“ [2]). Мы держимся мнѣнія Дидро.

Итакъ, всѣ эти мнимые философы не имѣли ничего общаго съ египетскими школами, которыя вышли изъ Музея. Въ этихъ школахъ, какъ въ Александрійскомъ Музеѣ, продолжали читать публичныя лекціи, и это-то и была истинная Александрійская школа. Правда, изъ нихъ выходили только толковники, писатели сокращенныхъ руководствъ, глоссаторы. Но все-таки лучше было объяснять и толковать Эвклида, Архимеда, Иппарха и Птоломея, чѣмъ блуждать съ гностиками, съ иллюминатами и вдохновенными. Если во время вторженія арабовъ книги были брошены въ огонь и ученые Музея умерщвлены въ своихъ креслахъ, то можетъ быть было бы справедливѣе обвинять въ этомъ не арабовъ побѣдителей, а фанатическихъ мечтателей и нетерпимыхъ теологовъ, занимавшихъ тогда академическія кресла въ Александріи.

Проклъ много изучалъ; но изучалъ уже въ то время, когда все было въ упадкѣ. Онъ написалъ довольно много ученыхъ сочиненій. Его книга о *Шарѣ*, по Деламбру, только буквальная копія нѣсколькихъ главъ Гемина. Его *Hipotyposis astronomicarum positionum*,— сочиненіе болѣе значительное. Онъ изложилъ въ немъ различныя явленія, которыя привлекли вниманіе астрономовъ, и

---

[1]) Мнѣніе это приведено въ *Biographie universelle* de Michaud, въ статьѣ *Plotin*.
[2]) Loco cit. t. II, p. 397.

онъ приписываетъ пиѳагорейцамъ первую мысль объ эксцентрикахъ и эпициклахъ. Онъ употребляетъ слово *эклиптика*. Онъ описываетъ различные приборы. Онъ показываетъ, какъ начертить меридіанъ при помощи соовѣтствующихъ тѣней, и т. д. Есть еще въ рукописи его комментарій на *Гармоники* Птоломея.

Въ другомъ комментаріи на первую книгу Эвклида Проклъ говоритъ, какъ въ то время раздѣлялась астрономія, или астрологія. *Гномика* была первой частью; предметомъ ея было раздѣленіе часовъ и установленіе указателя солнечныхъ часовъ. Второй частью была *Метеороскопика*; она содержала различныя теоремы относительно звѣздъ, разности ихъ высотъ, ихъ аспектовъ и т. д. Наконецъ, *Діоптрика* составляла третью часть; она излагала, какъ опредѣлять, при помощи приборовъ, разстоянія солнца, луны и другихъ планетъ и т. д. Проклъ объясняетъ ученіе Птоломея на счетъ параллаксовъ, затмѣній, планетныхъ орбитъ.

Нельзя писать исторіи послѣдняго періода Александрійской школы, не говоря о Паппѣ, ученомъ математикѣ, жившемъ въ концѣ четвертаго вѣка нашей эры.

О Паппѣ съ великимъ почтеніемъ упоминаютъ геометры и астрономы. Онъ комментировалъ Птоломея, а также трактатъ Аристарха подъ заглавіемъ *de Magnitudinibus et distantiis solis et lunae*. Изъ этого видно,—замѣчаетъ Балльи, говоря о Паппѣ,—что въ Александрійской школѣ были только комментаторы. Но Паппа слѣдуетъ выдѣлить изъ общей толпы: онъ оказалъ существенную услугу наукѣ, написавъ свои *Математическіе сборники*, драгоцѣнный остатокъ древности, гдѣ находятся, по словамъ Балльи, „изобрѣтенія и даже духъ древнихъ геометровъ.“

Математическіе сборники состояли изъ восьми книгъ. Къ несчастію, двѣ первыя потеряны, до насъ дошло только шесть. Въ этомъ сочиненіи, очень важномъ съ точки зрѣнія исторіи математики, Паппъ сохранилъ для насъ по всѣмъ частямъ древней геометріи леммы, теоремы, изысканія, которыя безъ него погибли бы для потомства. У него также находятся свѣдѣнія о множествѣ сочиненій, большая часть которыхъ уже не существуетъ. Въ восьмой своей книгѣ онъ приводитъ драгоцѣнныя данныя по механикѣ древнихъ. У Паппа же находится двадцать девять слѣдствій, при помощи которыхъ одинъ изъ нашихъ ученѣйшихъ

геометровъ, г. Шаль, возстановилъ, какъ мы уже говорили, трактатъ Эвклида о *Поризмахъ*.

Діофантъ, знаменитый математикъ, родился въ Александріи. Неизвѣстно время, въ которое онъ жилъ. Если онъ одно лицо съ астрономомъ Діофантомъ [1]), на котораго, по свидѣтельству Суидаса, Ипатія написала ученый комментарій, то онъ могъ жить только въ концѣ пятаго вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, Проклъ и Паппъ совершенно умалчиваютъ о немъ и, конечно, если бъ они жили послѣ него, то не преминули бы упомянуть объ изобрѣтателѣ алгебры. По словамъ араба Абульфарага, на котораго ссылается Монтукла, Діофантъ жилъ при императорѣ Юліанѣ, около второй половины четвертаго вѣка нашей эры.

Какъ бы то ни было, первый упоминаетъ о Діофантѣ Іоаннъ, патріархъ іерусалимскій, въ своемъ *житіи Іоанна Дамаскина;* греческое сочиненіе, озаглавленное Ἀριθμητικά, спасло имя Діофанта отъ забвенія. Первыя рукописи этого сочиненія, которое, кажется, первоначально состояло изъ тринадцати книгъ, были открыты въ 1460 г. Регіомонтанусомъ въ итальянскихъ библіотекахъ. Но было найдено всего шесть книгъ.

Діофантъ доходилъ только до рѣшенія уравненій второй степени, которыя при помощи остроумныхъ соображеній онъ приводилъ къ простому извлеченію квадратныхъ корней. Достигъ ли онъ этого самъ и безъ помощи какого нибудь сочиненія объ алгебрѣ, занесеннаго изъ Индіи, или другой страны? Въ такомъ случаѣ, онъ былъ въ греческомъ мірѣ первымъ изобрѣтателемъ алгебры. Но эта наука могла быть изобрѣтена и въ другомъ мѣстѣ, какъ доказываютъ два памятника индійской науки *Brahmegupta* и *Rhascara Acharya*, переведенные и обнародованные въ нашемъ вѣкѣ Кольбрукомъ, Тэйлоромъ и Страчери. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ находятся изысканія высшаго порядка, чѣмъ во всей ариѳметикѣ грековъ. Мы возвратимся къ этому, говоря въ слѣдующемъ томѣ объ ученыхъ арабской школы.

---

[1]) *Biographie génerale*, publiée chez Firmin Didot.

Въ Музеѣ Александрійской школы продолжали до вторженія арабовъ заниматься науками и ихъ преподаваніемъ. Амміенъ Марцелинъ говоритъ положительно, что въ его время, то есть въ четвертомъ вѣкѣ нашей эры, въ Александріи было множество ученыхъ. То были по большей части комментаторы, составители примѣчаній, которые спорили о томъ, кто лучше понимаетъ и объясняетъ Эвклида, Аполлонія, Птолемея и т. п.

Изъ дошедшаго до насъ письма Синезія, епископа птолемаидскаго, видно, что въ пятомъ вѣкѣ въ Александрійской школѣ продолжали заниматься астрономическими наблюденіями. Но такъ какъ легче придумывать тонкія и произвольныя различія и спорить о словахъ, чѣмъ заниматься точными науками, то мистицизмъ и метафизическія умозрѣнія всегда брали верхъ. Новые и мнимые философы появлялись наперерывъ.

Заблуждающаяся философія возмущаетъ и искажаетъ соціальную среду. Александрійскій эклектизмъ и его мистическая теологія породили секты и партіи. Соперничество, шумная горячность этихъ соперничествующихъ партій дѣлали затруднительными серьезныя занятія. Борьба между торжествующимъ христіанствомъ и упавшимъ язычествомъ еще больше увеличила замѣшательство и шаткость умовъ. Философскіе споры выродились въ мятежи и въ драки вооруженной рукой.

Жертвою этихъ безпорядочныхъ и кровавыхъ споровъ была ученая и прекрасная Ипатія. Остановимся немного на этой знаменитой женщинѣ, плачевная и трогательная судьба которой сохранена исторіей.

Ипатія была дочь Ѳеона, знаменитаго математика, автора удивительнаго комментарія на *Альмагеста* Птоломея. Она родилась въ Александріи въ 370 г. по Р. Х.; подъ руководствомъ отца она выучилась геометріи и астрономіи. Она одновременно узнала основанія другихъ наукъ изъ бесѣдъ и уроковъ преподавателей Музея. Она особенно изучала философію Платона и предпочитала его Аристотелю; другими словами, она не могла не подчиниться окружавшей ей атмосферѣ мистическаго спиритуализма. Желая увеличить свои знанія путешествіями, она отправилась въ Аѳины, и жила тамъ; въ Аѳинахъ еще общественное образованіе не совсѣмъ угасло.

Ипатія вернулась въ Египетъ, обогащенная обширными познаніями. Преподаватели Музея и александрійскія власти пригласили ее читать публичныя лекціи, и женщина возсѣла на кресла, на которыхъ сидѣло столько великихъ людей.

Еще въ первый разъ представлялось такое зрѣлище. Благодаря новости дѣла, благодаря блеску и солидности своего преподаванія, Ипатія привлекала множество слушателей на свои уроки. Кончилось тѣмъ, что преподаватели предложили ей каѳедру философіи, которую занималъ Плотинъ.

Историкъ Сократъ описываетъ порядокъ и свойство уроковъ Ипатіи. Она начинала съ математики, затѣмъ переходила къ математическимъ приложеніямъ и различнымъ наукамъ, совокупность которыхъ составляла древнюю философію.

Эта избранная женщина соединяла съ истиннымъ краснорѣчіемъ глубокую ученость, и съ самой чистой добродѣтелью самую трогательную красоту. Всегда просто одѣтая, она любила на манеръ философовъ закутываться широкимъ плащемъ. Она вышла замужъ за ученаго Исидора. Ея поведеніе было изъято отъ тѣни подозрѣнія. Она умѣла сдерживать въ границахъ почтенія дань удивленія, которая относилась не къ однимъ ея ученымъ талантамъ.

Такія высокія качества, такое рѣдкое достоинство возбудили зависть въ окружавшихъ ее философахъ. Ипатія была язычницей; но язычества, давно уже жестоко преслѣдуемаго и почти уже вымершаго, въ Александріи держалось только угнетенное меньшинство, искавшее прибѣжища и опоры въ ученой Ипатіи. Отсюда борьба между патріархомъ александрійскимъ Кирилломъ и сторонниками этой замѣчательной женщины.

Правитель александрійскій Орестъ былъ поклонникомъ талантовъ Ипатіи и часто поступалъ по ея совѣтамъ. Онъ хотѣлъ укротить ревность патріарха Кирилла, который безпокоилъ прекрасную философку, опору язычества въ Александріи.

Орестъ не побоялся принять противъ патріарха нѣкоторыя предварительныя мѣры, которыя приписывали вліянію Ипатіи.

Къ несчастію, случилось такъ, что въ это время нѣкто Гіераксъ, содержавшій школу въ Александріи, глава партіи христіанъ, погибъ насильственной смертью. Неизвѣстно, кто былъ убійца. Между христіанами прошелъ слухъ, что убійство совершено по наущe-

нію Ипатіи и правителя. Общественное негодованіе вспыхнуло бунтомъ. Толпа, имѣя во главѣ нѣкоего Петра, чтеца Александрійской школы, пошла мстить *философкѣ*. Съ гамомъ подходятъ къ ея жилищу. Ея не было дома; но убійцы стали дожидаться у дверей, зная, что она должна скоро вернуться изъ Музея. Въ самомъ дѣлѣ, скоро подъѣхала Ипатія на колесницѣ. Толпа бросается на нее; ее принуждаютъ сойти съ колесницы и волокутъ въ церковь. Тамъ, разъяренная толпа, сорвавъ съ нея одежду, побила несчастную обломками черепицъ и битыхъ сосудовъ.

Тѣмъ толпа не удовольствовалась. Тѣло Ипатіи было изрублено въ куски, его волочили по улицамъ и потомъ сожгли на кострѣ.

Это случилось въ мартѣ 415 по Р. Х., въ царствованіе Ѳеодосія Младшаго. Безнаказанность этого поступка объясняется ослабленіемъ всѣхъ связей соціальнаго порядка въ это время.

Ипатія оставила нѣсколько сочиненій, между прочимъ *Комментарій* на труды математика Діофанта, *Комментарій* на коническія сѣченія Аполлонія и *Астрономическій канонъ*.

Смерть Ипатіи, характеризирующая одновременно и нравы большинства, и страсти партій, избавляетъ насъ отъ обязанности входить въ подробности о послѣднихъ временахъ Александрійской школы.

Надо сказать, что почти тоже состояніе умовъ было и въ Греціи. Общественное образованіе тамъ было совершенно уничтожено. Всѣ философскія школы были закрыты по указу императора Юстиніана, и невѣжество присоединилось къ другимъ общественнымъ недугамъ.

То былъ періодъ распаденія римской имперіи. Весь древній міръ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ былъ въ лихорадочномъ напряженіи, предшествующемъ разрушенію и обновленію обществъ.

Подобно другимъ народамъ, арабы проснулись въ свой чередъ.

Сперва революція совершилась въ обширной ихъ родинѣ. Затѣмъ, они вышли изъ страны и наводнили нѣсколько римскихъ провинцій въ Азіи. Намѣстникъ Омара, Амру покорилъ Палестину. Затѣмъ, и не ожидая приказа отъ своего верховнаго вождя, онъ пошелъ съ четырьмя тысячами арабовъ на Египетъ.

Едва Амру съ своими войсками явился въ древнемъ царствѣ фараоновъ, какъ александрійскіе копты-якобиты, притѣсняемые

христіанами, передались ему и приняли его, какъ своего освободителя. Начиная отъ Мемфиса до Александріи, ненависть къ владычеству Восточной Имперіи доставила побѣду арабамъ; страна сдалась почти безъ сопротивленія.

Но столица Египта храбро противилась чужеземному нашествію. Осада Александріи была для арабовъ дѣломъ важнымъ и труднымъ. Въ этомъ городѣ были огромные склады съѣстныхъ припасовъ, могущественныя средства защиты и храброе населеніе, рѣшившееся защищаться до послѣдней возможности. Море было совершенно свободно, сообщенія легки и возобновленіе припасовъ постоянно.

Осада Александріи длилась четырнадцать мѣсяцевъ. Городъ былъ взятъ въ 640 году нашей эры. Калифъ формально запретилъ грабежъ и безполезныя жестокости. Быть можетъ, копты-якобиты стали бы мстить за тѣ притѣсненія, которымъ они подвергались; но ихъ съумѣли обуздать.

Амру приказалъ сдѣлать народную перепись, и на каждаго жителя была наложена пеня. Но такъ какъ пеня была сочтена слишкомъ тягостной, онъ значительно уменьшилъ ее.

Амру вовсе не былъ грубымъ варваромъ. Это былъ человѣкъ кроткій, образованный, благодушный и вѣжливый. Онъ занимался поэзіей и литературой.

Первые два преемника пророка были обязаны храбрости и уму Амру покореніемъ Египта и Палестины. Будучи всегда выше своего общественнаго положенія, намѣстникъ Омара поочередно являлся хорошимъ ораторомъ, искуснымъ полководцемъ и мудрымъ сановникомъ. Онъ столь же искусно правилъ Египтомъ, какъ до него два первые Птоломея.

Таковъ былъ человѣкъ, на котораго хотѣли взвалить сожженіе знаменитой библіотеки Александрійскаго Музея!

Преданіе утверждаетъ, что намѣстникъ Омара оправдалъ этотъ варварскій и глупый приказъ слѣдующими словами: „если книги александрійской библіотеки согласуются съ Кораномъ, то онѣ безполезны; если жъ онѣ противорѣчатъ ученію пророка, то опасны. Въ обоихъ случаяхъ, ихъ можно сжечь“.

Историкъ Абульфарагъ, который первый занесъ эту смѣшную выдумку въ исторію, писалъ шесть столѣтій спустя послѣ взятія Але-

ксандріи. Патріархъ же Евтихій, составившій отдѣльное повѣствованіе о взятіи Александріи, ничего не говоритъ о такомъ происшествіи. Ни одинъ историкъ до Абульфарага не упоминаетъ объ этомъ фактѣ. Если бъ было справедливо, что Омаръ отдалъ приказъ сжечь библіотеку и что этотъ приказъ былъ выполненъ, то христіанскій лѣтописецъ, родомъ египтянинъ, писавшій до Абульфарага, могъ ли бы умолчать о разрушеніи знаменитой библіотеки, часть которой, какъ увѣряютъ обыкновенно, была употреблена на топку городскихъ бань въ продолженіе цѣлаго полугода?

Все это, очевидно, однѣ догадки. Притомъ, до времени, когда Амру овладѣлъ Александріей, библіотека Музея случайно горѣла по меньшей мѣрѣ два раза: въ первый,— во времена Юлія Цезаря [1]), и во второй—между вѣкомъ Антониновъ и вѣкомъ Θеодосія. Въ этотъ разъ были ограблены и опустошены дворецъ царя египетскаго и храмъ Сераписа. Слѣдовательно, въ 640 году, великолѣпная библіотека Птоломеевъ была значительно уменьшена.

Послѣ взятія Александріи, стало быть, не было ни проскрипціи ученыхъ, ни сожженія книгъ по повелѣнію намѣстника Омара. Арабы умѣли уважать побѣжденныхъ. Они въ этомъ случаѣ были совершенно противоположны римлянамъ, которые въ завоеванныхъ земляхъ сѣяли опустошеніе и смерть.

КОНЕЦЪ ДРЕВНЯГО МІРА.

---

[1]) Плутархъ, *Жизнь Цезаря.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.